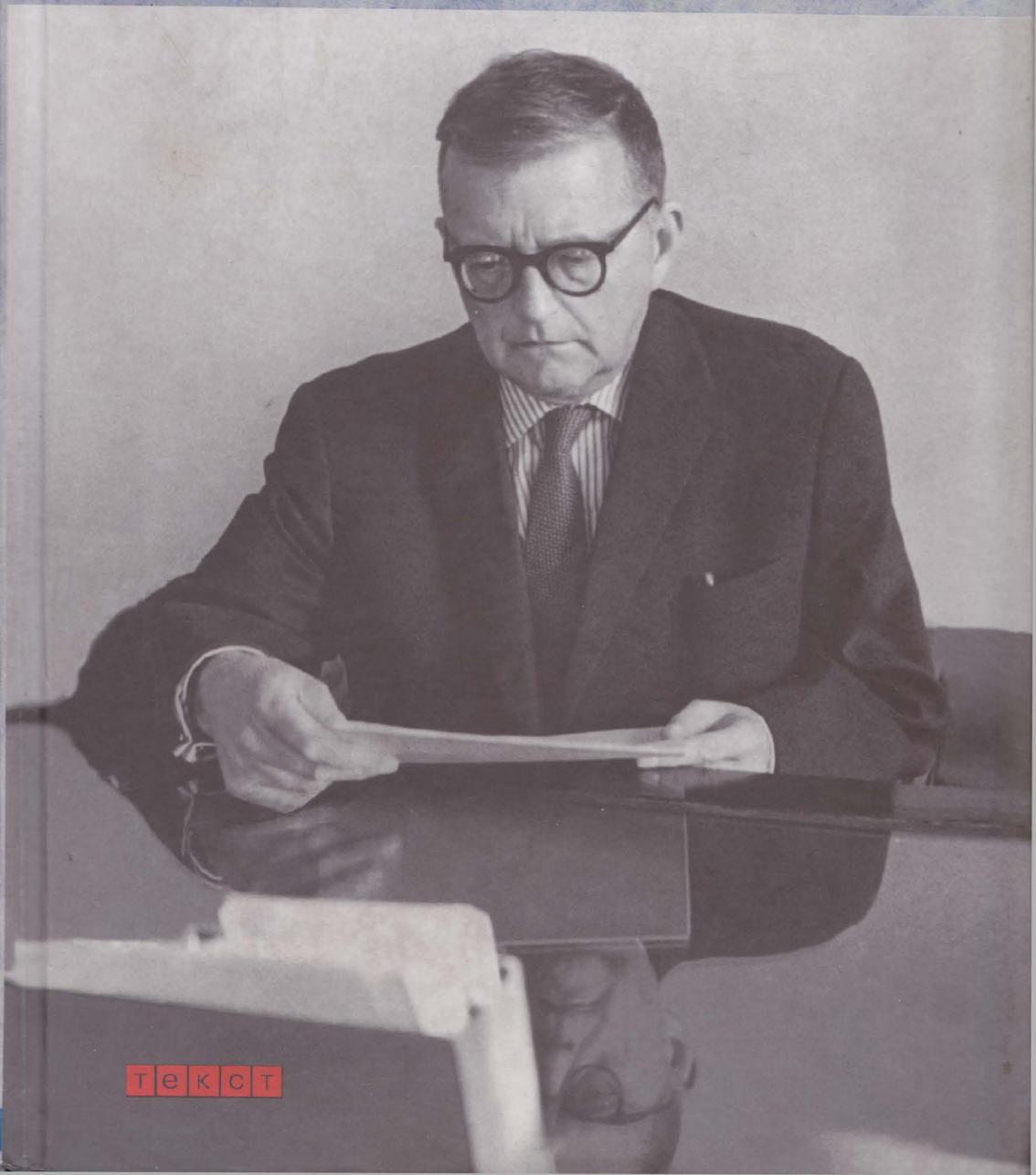
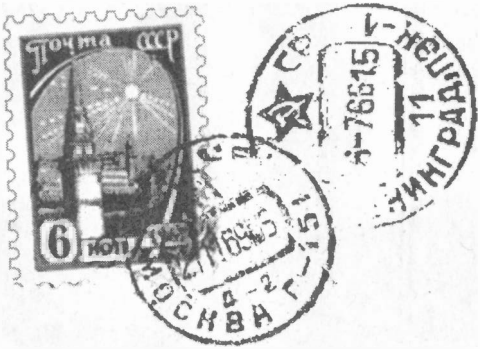
Оксана Дворниченко

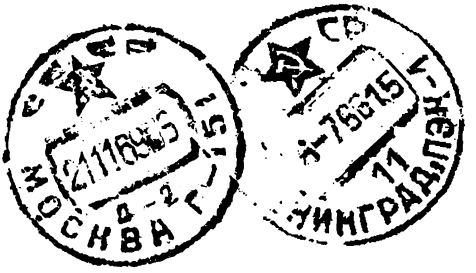
МОСКВА КРЕМЛЬ ШОСТАКОВИЧУ



текст



текст



Оксана
Дворниченко

МОСКВА КРЕМЛЬ ШОСТАКОВИЧУ

МОСКВА ТЕКСТ 2011

УДК 78 (092)
ББК 85.31(2Рос=Рус)
Д 24

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Издательство выражает глубокую признательность
Ирине Антоновне Шостакович
за участие и поддержку

ISBN 978-5-7516-0955-9
© О.И. Дворниченко, 2011
© «Текст», 2011

Автор благодарит Ирину Антоновну Шостакович за предоставленные материалы для этой книги.

Автор выражает благодарность:
Государственному архиву литературы и искусства и его директору Т.М. Горяевой.
Государственному музею музыкальной культуры им. М.И. Глинки.
Российскому государственному архиву кинофотодокументов.
Архиву Президента Российской Федерации.
Российскому Государственному архиву новейшей истории.
Российскому Государственному архиву социально-политической истории.
Международному центру документации Д. Шостаковича в Париже.

А также всем, кто поделился в разные годы воспоминаниями о Д.Д. Шостаковиче:
Ирине Антоновне Шостакович,
Максиму Дмитриевичу Шостаковичу,
Галине Дмитриевне Шостакович,
Борису Ивановичу Тищенко,
Евгению Александровичу Мравинскому,
Мстиславу Леопольдовичу Ростроповичу,
Рудольфу Борисовичу Баршаю,
Геннадию Николаевичу Рождественскому,
Игнату Александровичу Солженицыну,
Льву Оскаровичу Арнштаму,
Чингизу Айтматову,
Кшиштофу Пендерецкому.

В книгу включены фотографии из Архива Д.Д. Шостаковича, в том числе фотографии Нины Васильевны Шостакович, Виктора Ахломова, Юлия Ольшванга, Олега Цесарского и других, а также из архива автора.

Я люблю играть в «Щелкунчике» большой драматический кусок — там есть в музыке такое место — Маша остается одна. Рост елки. Вдруг появляется тревожное тремоло у струнных и одинокий гобойчик. 7 тактов: человечек, размахивающий деревянным мечом. Это — символ человека. Вот это! Не тот, который строил пирамиды, а вот этот! Трепетный и одинокий гобой по-кукольному воюет со всей вселенной. Если вы взглянете в деревянное сердечко Щелкунчика, вы увидите там героизм.

Гражданственность — вот главная идея у Шостаковича.

Является ли героем народ — безусловно. У Мусоргского тоже герой — народ. Боль о народе и забота большая. Народ — люди, человек.

Но у Шостаковича народ — как итог множества людей.

У Мусоргского мы можем не задавать вопрос, много ли там людей, — несколько в «шестидесятническом» смысле. «Хлеба народу!»

А у Шостаковича боль за человека, каждого человека, который составляет народ. И в этом смысле Шостакович одержим.

Не мог видеть бедствия. Его депутатство — это очень важно. Не может видеть, как человеку холодно и голодно. Не пройдет мимо и никогда не проходит. Сказать же, что он добрый, — никак не скажешь. А видеть не может, когда кому-то плохо. Он будет об этом помнить, писать письма, добиваться. Умеет помочь. И в этом положении депутата совершенно удивительный человек.

Евгений Мравинский
(Из интервью автору)

ВСТУПЛЕНИЕ

«НАРОДНЫЙ ИЗБРАННИК»

✉ *8 мая 1974 г.*

Здравствуйте, многоуважаемые и дорогие Дмитрий Дмитриевич и Ирина Антоновна, примите сердечный привет от учителей нашей школы и колхозников колхоза «Заветы Ильича».

Пишет к Вам директор Кукшумской восьмилетней школы Григорьев Петр Афанасьевич.

*Предложение о выдвижении Дмитрия Дмитриевича кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР наши избиратели встретили радостно. Вчера в Ядрине окружное собрание также прошло хорошо. Нас, агитаторов, теперь спрашивают, приедет ли товарищ Шостакович к нам на встречу. Мы им отвечаем утвердительно...**

На большом портрете депутата Шостаковича, в обрамлении красных знамен, серпа и молота, тщательно отретушированном, он выглядит бодро и молодцевато — на самом деле он уже в это время много болел, с трудом ходил, не мог играть, многие месяцы вынужден был проводить в больнице, за последние годы перенес два инфаркта. Но его депутатство, как и для многих, было пожизненным.

Хотя в Советском Союзе выборы таковыми не являлись, все внешние атрибуты выборов были строго соблюдены — по радио рапортовали, как самые нетерпеливые избиратели явились голосовать в шесть часов утра — к открытию; в кадрах хроники показывали, как «в этот всенародный праздник» избиратели торжественно семьями направляются на избирательные участки, как больным и престарелым доставляют урны для голосования на дом, как в отдаленные горные аулы эти урны везут на лошадях, а оленеводам Севера — на собачьих упряжках и специальных самолетах; как избиратели по всей стране входят в плотно завешенные от посторонних глаз кабины для голосования, чтобы там,

---

* Здесь и далее в письмах избирателей сохранены орфография и пунктуация авторов. (*Примеч. ред.*)

наедине с бюллетенем и собой, поставить значок против имени единственного кандидата; как видные люди страны и члены правительства, чуть помедлив, опускают свои бюллетени в урны для голосования.

В день голосования на улицах из репродукторов неслась громкая музыка, на избирательных участках работали буфеты, где во времена всеобщего дефицита можно было купить кое-что из продуктов и сладости для детей, — вся страна годами участвовала в этом, хорошо отрепетированном, маскараде выборов без выбора.

Все знали, что депутат утвержден заранее, и часто своего депутата избиратели видели только на плакатах. Но украшенные кумачом и портретами членов Политбюро помпезные избирательные участки, с комиссиями, нервной сверкой списков, «наказами избирателей» и армией агитаторов, обязанных дежурить в агитпунктах и вести журнал, являлись незыблемой демонстрацией «волеизъявления народа».

Когда-то, в бытность свою в аспирантуре, мне тоже довелось побыть агитатором. Помню, что в мое двухнедельное дежурство на агитпункт не явился ни один избиратель, я же исправно поливала завезенные для торжественности многочисленные горшки с цветами.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

ТОВАРИЩУ ШОСТАКОВИЧУ

УВАЖАЕМЫЙ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ОТ РСФСР СООБЩАЕТ ЧТО 13 ФЕВРАЛЯ ВЫ В СООТВЕТСТВИИ С ВОЛЕЙ КОЛЛЕКТИВОВ ТЕАТРА ОПЕРЫ БАЛЕТА ИМЕНИ КИРОВА ЗПТ КОНСЕРВАТОРИИ ЗПТ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ЗПТ ТРУДЯЩИХСЯ КАРБЮРАТОРНОГО ЗАВОДА ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ КАНДИДАТОМ В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ТЧК ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ ЗПТ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ=ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОКРИЗБИРКОМА БОГОРОДИЦКИЙ.

Впервые Шостакович был избран депутатом в Верховный Совет РСФСР в 1947 году. Позже он избирался депутатом Верховного Совета СССР, высшего органа государственной власти в стране, от Ленинграда, потом от Горького — в то время закрытого города, потом от Ядринского района Чувашии.

Шостакович избирался депутатом то «в соответствии с волей коллективов Театра оперы и балета имени Кирова, публичной библиотеки и трудящихся карбюраторного завода в Ленинграде», то многотысячным собранием рабочих, инженерно-технических работников и служа-

щих завода «Капролактам», то коллективом завода «Красное Сормово», то коллективом Горьковского театра оперы и балета им. Пушкина, то коллективом Горьковской консерватории, то решением собрания колхозников колхоза им. Коминтерна Красночетайского района Чувашской ССР, то собранием колхозников колхоза «Заветы Ильича»...

Это тоже был один из ритуалов советской власти, когда всемирно известный композитор становился «народным избранником», «слугой народа» и представительствовал в высших органах государственной власти. Именно представительствовал — как сейчас это принято среди знаменитых спортсменок и бизнесменов.

Кадры советской хроники сохранили этот образ — Шостакович в зале заседаний Верховного Совета в Кремле среди хлопкоробов Средней Азии, знатных доярок, рядом с Гагариным, тоже депутатом, спешит по Кремлевской площади на очередное заседание — сотни таких заседаний запечатлены в кинохронике. Эти заседания тоже были «не местом для дискуссий»: главное было — не пропустить момент и со всем залом, «хором» поднять руку для голосования или похлопать.

Если бы Шостакович только соблюдал ритуал, как это делало большинство, никто бы его за это не осудил. Но он не умел и не хотел следовать ритуалам. Он был и оставался до последних дней депутатом «всерьез». Чтобы представить себе, что это для композитора значило, и написана эта книга.

Сам познавший голод, холод, болезни, безденежье, страдавший от несправедливости чиновников, предательства коллег, Шостакович часами выслушивал жалобы своих избирателей, с трудом разбирал незнакомый почерк — редко когда присланное письмо было отпечатано на машинке, — вчитывался в эти, порой сумбурно исписанные, страницы, тут же, на полях, делая пометки, выписывая необходимые данные, адреса, набрасывая черновики ходатайств, запросов, писем поддержки — их сохранились сотни, — с безотказной отзывчивостью, сочувствием, желанием помочь. Ездил в другие города, чтобы вести прием избирателей, принимал и выслушивал их по многу часов подряд, достаточно посмотреть списки — там сотни имен.

К нему приезжают, ему пишут шахтеры, инвалиды войны, больные, нуждающиеся в лечении, репрессированные, музыканты оркестра и кочегары, вдовы, погорельцы, директора совхозов и директора школ, бывшие блокадники, родители одаренных детей и малограмотные старики, пишут преследуемые за веру и атеисты, изобретатели «вечных двигателей» и научные сотрудники, пишут люди, которым негде жить,

те, кто больше так жить не может, и те, кто знает, что нужно делать, чтобы жить лучше, пишут обманутые родственники и обманутые государством, пишут артисты, учителя, военнослужащие, колхозники, матери-героини, школьники, уголовники и пенсионеры, пишут из городов, деревень и далеких поселков.

Сестра композитора Мария Дмитриевна вспоминала, что, когда Дмитрий Дмитриевич приезжал в Ленинград и останавливался у нее, про это сразу же узнавали люди. И с самого утра, с первого этажа до четвертого, до самых дверей квартиры выстраивалась очередь на прием к депутату Шостаковичу.

Люди обращались к своему депутату от отчаяния, безысходности, бесправия, измотанные многочасовыми очередями за продуктами, многолетними очередями за жильем, драконовскими законами о прописке, неправыми судами, невозможностью заработать, видеть мир, свободно думать и дышать, потому что их не слышали, им не отвечали, им не желали помочь даже в малом.

Ему рассказывали истории своей жизни, поверяли семейные тайны, просили совета, помощи, искали сочувствия, иногда просто хотели, чтобы их выслушали. Присылали план комнаты, в которой можно поставить или стол или кровать, и невозможно — и то и другое; рисунок коридора, в котором тридцать семей вынуждены готовить себе еду; чертежи жилого дома, построенного возле газового резервуара...

Для них он был — последняя надежда, высшая инстанция справедливости в мире беззакония, неподкупности в стране взяточников, олицетворение советской власти, лозунги которой они затвердили с детства.

И они писали не в партийные органы, не правительству — они писали композитору.

Как жить дальше — вот главный вопрос, на который они хотели получить ответ.

Какая музыка слышалась ему в этом скорбном хоре?

Ирина Антоновна Шостакович говорила, как много нервов и сил отнимала у Дмитрия Дмитриевича его депутатская работа, — «ему писали заключенные, приходили больные, приходили совершенно измученные несчастные люди — на колени становились, рыдали, детей приводили, увечные шли — море людских бед. В Ленинграде он вел прием избирателей сначала на Васильевском острове, а потом в районе Преображенского кладбища. Город Горький, где Дмитрий Дмитриевич был депутатом — в то время закрытый советский город, окруженный большим количеством лагерей, город, где строили очень мало жилья, — депутаты

могли только писать письма местному начальству, просить помочь. А люди надеялись, шли...» *(Из интервью автору)*

У Дмитрия Дмитриевича были почти парализованы руки: когда он здоровался, то одной рукой поддерживал другую — так же и писал. Но композитором собственноручно написаны десятки ходатайств секретарям райкомов и обкомов, директорам заводов и совхозов, председателям райисполкомов, руководителям министерств и профсоюзных организаций, в судебные органы и редакции газет. В сотни инстанций композитор слал запросы, не оставляя без внимания самую, казалось бы, ничтожную просьбу. Его усилия часто бывали тщетны, ибо и ему, всемирно известному композитору, чиновники суконным языком писали отказы. Шостакович вынужден был обращаться в «высшие инстанции» по несколько раз, получая равнодушные отписки: «не представляется возможным», «в порядке общей очереди»; иногда переписка по одному вопросу длилась годами...

В этой неравной борьбе Шостакович всегда был на стороне «униженных и оскорбленных».

Он, о ком говорили, что «его сам воздух ранит», годами слышал мольбы о помощи, крики отчаяния, которыми переполнены письма к нему, но многим так и не смог помочь — для композитора это было мучительно.

Были и те, кто возмущался, требовал, негодовал, предъявляя счет именно ему, композитору Шостаковичу, — за годы бесправия и унижений, за нечеловеческие условия жизни, погубленную молодость, искалеченную жизнь, за всю советскую власть.

И все же были удачи. Кому-то удалось выхлопотать пенсию, восстановить на работе, получить комнату, направить на лечение.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*
В нашем доме большая радость. И пришла она к нам после долгих лет ожидания, благодаря Вашему доброму и отзывчивому сердцу. Мы наконец получили новую квартиру! Сегодня у нас соберутся друзья, мы вспомним о Вас, расскажем им о Вас, и разрешите предложить Вам поднять бокал вина за нашу радость, за нашу общую победу.

Я не знаю, как Вас благодарить за Вашу помощь по отношению к нам.

Меня очень тронул Ваш прием, вы так нас приняли, я не могла не расплакаться и подумала, вот такая должна быть человеческая душа...

Депутатская переписка Шостаковича — это тысячи писем, им полученных, им прочитанных, и тысячи, им отправленных. Последние письма Шостакович писал за несколько недель до смерти, будучи уже тяжело

больным. Но и тогда ни одно письмо не осталось непрочитанным, не осталось без ответа.

Некоторые и музыку его не слышали, и фамилию пишут с ошибками, иногда на конверте вместо адреса только — «Москва Кремль Шостаковичу».

И письмо доходило.

Я была знакома с Дмитрием Дмитриевичем, снимала о нем документальный фильм, знаю членов его семьи, встречалась со многими людьми, знавшими Шостаковича, работала в архивах, в том числе в семейном архиве композитора, в музеях, частных коллекциях. Но эта сторона жизни Шостаковича до сих пор оставалась совершенно неизвестной.

Казалось бы, депутатская переписка Шостаковича не имеет отношения к музыке. Однако она — контекст творчества композитора, контекст его жизни на протяжении многих лет. Эти письма композитор получал почти ежедневно.

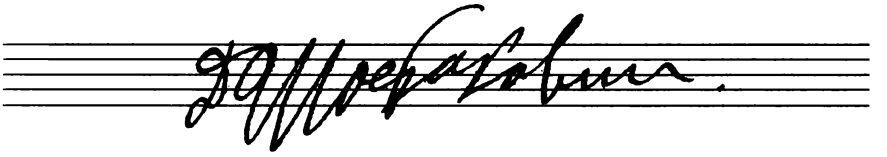
Многие произведения Шостаковича воспринимаются по-другому после прочтения этих писем.

В книгу вошла лишь часть депутатской переписки Шостаковича из последних десяти лет его жизни — с 1966 по 1975 год. Книга строится как хроника последних лет жизни композитора и событий вокруг.

Я старалась не исправлять эти письма — они такие, какими были написаны и прочитаны. Это язык Гоголя, Зощенко, Лескова, Достоевского — любимых писателей композитора.

Шостакович, умевший ценить время, любил, чтобы часов в доме было много, — и ревностно следил, чтобы все они били одновременно. Его дочь, Галина Дмитриевна, рассказывала мне, как они с отцом ловили «сигналы точного времени», чтобы все часы били секунда в секунду.

Депутатская переписка могла стать для композитора таким «сигналом точного времени».



ГЛАВА ПЕРВАЯ 1966 ГОД

СМЕХ ВМЕСТО СЛЕЗ, УЖАСА И ОТВРАЩЕНИЯ

16–20 января Д. Шостакович в Новосибирске принимает участие в юбилейных торжествах Симфонического оркестра Новосибирской филармонии. Присутствует на исполнении Тринадцатой симфонии и поэмы «Казнь Степана Разина», встречается с композиторами Сибири.

9–11 февраля — на ленинградской премьере поэмы «Казнь Степана Разина» в Большом зале филармонии.

17 февраля присутствует на исполнении Тринадцатой симфонии в Большом зале Московской консерватории.

2 марта пишет «Предисловие к полному собранию моих сочинений и размышление по поводу этого предисловия» (ор. 123).

29 марта–8 апреля — Москва. XXIII съезд КПСС. Д. Шостакович — делегат съезда.

18 апреля — Москва. Во Всесоюзном доме композитора открывает торжественный вечер, посвященный С. Прокофьеву.

20 апреля–14 мая — Д. Шостакович в Крыму, где заканчивает сочинение Второго виолончельного концерта (ор. 126).

19–24 мая — Волгоград. Участвует в фестивале советской музыки.

28–29 мая — Ленинград. Малый зал им. М.И. Глинки. Авторские вечера Д. Шостаковича с его участием как аккомпаниатора. Премьера «Пяти романсов на тексты из журнала “Крокодил”» (ор. 121), Одиннадцатого квартета (ор. 122).

30 мая–5 августа — Д. Шостакович в больнице после инфаркта.

6 июня — премьера Одиннадцатого квартета в Малом зале Московской консерватории.

12 июня — Д. Шостакович избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР от Горьковского избирательного округа.

21–29 июня — Ленинград. Фестиваль «Белые ночи», посвященный Д. Шостаковичу.

5–30 августа — на лечении близ Ленинграда.

26 августа Д. Шостакович награжден медалью Английского королевского филармонического общества.

8 сентября — удостоен звания почетного профессора Ленинградской консерватории.

24 сентября — присвоение звания Героя Социалистического Труда.

25 сентября — Москва. Большой зал консерватории. Чествование Д. Шостаковича в связи с его шестидесятилетием. Премьера Второго виолончельного концерта, посвященного М. Ростроповичу (ор. 126).

Декабрь — в больнице.

О себе, о собственном творчестве всегда трудно говорить. Если у меня хорошо идет работа, то пишу почти все время: и утром, и днем, и вечером. Очевидно, это неправильный творческий метод. К тому же я очень быстро пишу, что также считаю своим недостатком. Из-за этого у меня встречаются неудачные места, которые впоследствии иногда исправляю. *(«Музыкальная жизнь», 1966 г., № 17)*

Последние месяцы перед новым 1966 годом были у Шостаковича очень напряженными.

Конец августа — депутатские приемы в трех районах Ленинграда, сентябрь — разъезды между Москвой, Ленинградом и Киевом, октябрь — между Москвой и Ленинградом — в Москве сессия Верховного Совета СССР, в Ленинграде исполнялась Десятая симфония, занятия с аспирантами. В конце месяца в Москве Шостакович участвует в комиссии по наследию Мейерхольда. Ноябрь — в Йошкар-Оле. Последние дни ноября — концерты в Доме композиторов в Москве. В декабре приезжает в Ленинград, потом летит в Будапешт — там премьера «Катерины Измайловой», репетиции, приемы, визиты, пресс-конференции, концерты. После возвращения в Москву — поездка в Горький на исполнение Тринадцатой симфонии.

Новый 1966 год Шостакович встречал на даче. Смотрели «Золотую лихорадку» Чаплина, которого Шостакович очень любил — его лирика, гротескная, поражающая своим драматизмом, живущая под балаганной маской, была близка композитору. Мир жалкого бродяги, мир угнетенных никогда не проявлял себя на экране с такой правдивостью, таким отчаянием, и жест — рука с цветком, робко прижатая к груди в финале фильма.

Двенадцатого января он уже в Киеве, пятнадцатого, вернувшись в Москву, вылетел в Новосибирск.

И все это время к Шостаковичу шли письма избирателей, которые он читал, на которые отвечал и писал ходатайства.

✉ *...Дорогой Дмитрий Дмитриевич, я обращаюсь к вам за помощью и как к нашему депутату в Верховный Совет и как к человеку искусства, вы лучше поймете душу человека. Дело в том, что я совсем разочаровалась в жизни, как говорится, не везет...*

✉ *...В комнате 14 метров нас проживает 4 человека — тесновато, да у нас 3 старика — у мужа отец 84 года, мать 75 лет, у меня мать 65 лет, инвалид второй группы, а получает всего 16 рублей пенсии, тяжело им одним, а взять к себе у нас нет условий...*

✉ *...С ребенком на руках я выстаивала очереди, чтобы попасть на прием к директору завода, к председателю горсовета, к начальнику управления химической промышленности и, наконец, к прокурору, и нигде не получила помощи...*

✉ *...По специальности машинист паровых турбин, где и работаю в настоящее время.*

16 лет работаю в горячем цехе в три смены. Время идет, здоровье уходит, проблеску не видно, а у меня еще двое малолетних детей. Очень прошу, помогите мне...

Направляю Вам заявление моего избирателя тов. Зайцева К.С., проживающего по ул. Гоголя, д. 21, кв. 7, и очень прошу Вас лично разобраться в вопросе — какими мотивами руководствовался Райисполком, отказав К.С. Зайцеву, проживающему с семьей в 7 человек на площади 14 кв.м., в улучшении его жилищных условий и не закрепил за ним освобождаемую в их квартире жилплощадь, а предоставил ее Чистяковой, семья которой состоит из 4 человек?

О результате прошу сообщить мне по адресу: Москва К-9, ул. Неждановой, 8/10, корп. 2, кв. 23.

Д. Шостакович.

✉ *...Ваша бессмертная музыка — вечно живое дело знаменитого Шостаковича, к которому я и обратился с просьбой помочь мне своим де-*

путатским ходатайством через Президиум Верховного Совета РСФСР о снятии с меня, гражданского ИСКа в порядке помилования...

✉ *...Вот уже 13 лет прошло, как я писал письмо в Министерство торговли с просьбой продать мне мотоцикл м-72 с коляской. И вот добрый десяток годов я добиваюсь, узнаю, где же купить мотоцикл. Ничего не могу добиться, Вы моя последняя надежда...*

✉ *...Я, Дмитрий Дмитриевич, обращаюсь к Вам в оказании помощи в приобретении шифера 250 листов конечно за наличный расчет...*

Направляю Вам заявление моих избирателей дер. Кучиново Воскресенского р-на и очень прошу Вас оказать содействие колхозу «Ильич» получить наряд на 1000 метр. водопроводных труб и 10–12 водопроводных колонок.

Д. Шостакович.

✉ *...Меня арестовали в 1938 году. Это были злодеи — отнимали здоровье у людей ничем не повинных. Я прошу вас лично чтоб восстановили все льготы, за которые потерял здоровье в Севере...*

✉ *...Сегодня я послала в Президиум Верховного Совета РСФСР ходатайство о помиловании сына. Очень прошу Вас поддержать мое ходатайство перед Президиумом Верховного Совета РСФСР...*

В январе 1966 года Шостакович в Новосибирске принимал участие в юбилейных торжествах Симфонического оркестра Новосибирской филармонии, присутствовал на исполнении Тринадцатой симфонии и поэмы «Казнь Степана Разина», встречался с композиторами Сибири, педагогами и студентами консерватории.

Я живу весьма хлопотливо. Вчера я прилетел из Новосибирска, где провел 6 дней. В Новосибирске дважды игрались мои 13-я симфония и «Казнь Степана Разина». Кажется, прошли хорошо. В Новосибирске пришлось переживать сорокаградусные морозы. Поездка меня сильно утомила. Все же мне уже много лет плюс сломанная нога, плохо действующая рука лишают меня былой резвости... (*21 января 1966 г.*)

Шостакович полетел в Новосибирск, чтобы услышать еще раз свою Тринадцатую симфонию.

Когда симфония была впервые исполнена, многие были в недоумении — симфония о людях, стоящих в очереди, о карьеристах, о страхах, о жертвах Бабьего Яра.

«Кто в платке, а кто в платочке, / как на подвиг, как на труд, / в магазин поодиночке / молча женщины идут...» На стояние в очередях уходили годы жизни советских людей — но чтобы выразить это в симфоническом произведении... Однако композитор настаивал, что написал именно «симфонию, а не ряд отдельных сцен».

Далеко не все одобрили и выбор композитором стихов. Предваряя нападки на стихи, Шостакович пишет бывшему ученику: **В этой симфонии я использовал ряд стихотворений бездарного поэта-стиляги Евтушенко. Терминология «бездарный поэт», «стиляга» бытует по его адресу в некоторых литературных кругах.** *(26 июня 1962 г.)*

Нападки на стихи не прекращались и после исполнения симфонии.

Отставим в сторону такие вещи, как красота слога, изящность рифмы и т.п. Я в этом плохо разбираюсь. Вам не нравится, что он сел Вам на шею и учит Вас тому, что вы знаете «Не воруй мел», «Не лги» и т.д.

Я тоже знаю, что так поступать нельзя. И стараюсь так не поступать. Однако мне не скучно слушать об этом лишний раз. Может быть, Христос говорил об этом лучше, и даже, вероятно, лучше всех. Это, однако, не лишает права говорить об этом Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, И.С. Баха, Малера, Мусоргского и многих других. Более того: я считаю, что они обязаны об этом говорить, как обязан это делать и Евтушенко. Лишний раз напомнить об этом, святая обязанность человека... Ужасно несправедливы Ваши утверждения о кокетстве Евтушенко. Право же, такие суждения мне напоминают высказывания неких интеллигентов по адресу таких великих писателей, как Зощенко (пошляк, подонок) или Солженицына (плохой язык, ложная направленность). А что такое «морализующая» поэзия, я так и не понял. Почему она «не из лучших», как Вы утверждаете. Мораль — это родная сестра совести. И за то, что Евтушенко пишет о совести, дай Бог ему всего самого доброго.

Каждое утро, вместо утренней молитвы, я перечитываю, вернее, произношу наизусть два стихотворения Евтушенко: «Сапоги» и «Карьера». «Сапоги» — совесть, «Карьера» — мораль. Нельзя лишаться совести. Потерять совесть — все потерять. И совесть надо внушать с самого раннего детства.

«Не пожелай вола, осла, жены своего ближнего», «не убий», «не укради» не только потому, что тебе попадет за это, но и потому, что так поступать стыдно (между прочим, и этому надо учить и об этом надо напоминать). Сейчас как-то больше учат тому, что очень плохо сочинять формалистические симфонии, еще хуже извращать вопросы языкознания, а уже самое плохое, отчего кровь стынет в жилах, танцевать твист... Поймите же, не снобствуйте! Добро, любовь, совесть — вот, что самое дорогое в человеке. И отсутствие этого в музыке, литературе, живописи не спасают ни оригинальные звукосочетания, ни изысканные рифмы, ни яркий колорит.

«Гений и злодейство — вещи несовместные».

«Не убий».

«Не пожелай вола, осла, жены своего ближнего».

«Бытие определяет сознание».

Я горжусь за человечество, что его великие сыны родили такие великие мысли». *(26 октября 1965 г.)*

Тему, выбор стихотворений советские идеологи восприняли как протест Шостаковича не только против прошлого, но и против нынешней действительности.

Сочинив музыку, Шостакович обратился к певцу Б. Гмыре: **Написал письмо Б.Р. Гмыре с просьбой поинтересоваться моим новым опусом. С трепетом жду ответа. Пожалуй, это единственный бас, который мог бы спеть этот opus.**

Посоветовавшись с партийными властями, Гмыря ответил Шостаковичу: «Принять к исполнению Симфонию я не могу».

Накануне премьеры симфонии состоялась знаменитая встреча Хрущева с интеллигенцией после посещения выставки в Манеже. А на следующее утро, когда должна была состояться генеральная репетиция, певца, который должен был петь сольную партию, неожиданно заняли в Большом театре.

На репетиции композитору сообщили, что его приглашают в ЦК.

Дирижер К. Кондрашин вспоминал: «Было понятно, что Шостаковича будут склонять к тому, чтобы он отменил премьеру. А может быть, и прикажут отменить. Я опасался, что твердости у Шостаковича не хватит. Но я недооценил его. Он сказал коротко: "Этого не будет". — И ушел. Премьера состоялась. Успех превзошел все ожидания».

Премьеру Тринадцатой симфонии Шостаковича не транслировали по радио, не записывали на пленку, не снимали для хроники, не передавали по телевидению.

По силе и драматизму происходившего на сцене и в зале эта премьера Шостаковича запомнилась мне, тогда студентке, как некий симфонический митинг, где вместо ораторов — певцы и оркестр на сцене, где нет границы между исполнителями и слушателями, а все они — соучастники потрясающего по силе музыкального действа. После финала весь зал встал и началась неистовая овация.

После концерта М. Юдина написала: «Было у нас великое событие — 13-я симфония Д.Д. Шостаковича. Рассказать это немыслимо. Это про нас и для нас, но и для всех и для Вечности... Великая Вам благодарность от меня и от всех, кто — уже умер, не вынеся всей суммы хождения по мукам, — Вы сами все знаете, все они живут в Вас, мы все сгораем в страницах этой Партитуры».

Нападки на симфонию не прекращались. В ее текстах обнаруживались все новые поводы для идеологических претензий. Шостакович с мрачным юмором заметил: «Я знал, что про евреев нельзя... а теперь, понимаете ли, про евреев можно — про магазины нельзя, про магазины нельзя!»

В откликах на премьеру было сказано, что «в основе произведения образы мрака и зла», что в нем «преобладает сатирическая пародия и слезливый пессимизм».

Е. Евтушенко вызывали в ЦК и настаивали, чтоб он переделал текст. И он переделал.

Вместо:

И сам я как сплошной беззвучный крик –
Над тысячами тысяч убиенных,
Я каждый здесь расстрелянный старик,
Я каждый здесь расстрелянный ребенок, —

написал новый:

Я думаю о подвиге России,
Фашизму преградившей путь собой,
До самой наикрохотной росинки,
Мне близкой всею сутью и судьбой.

Но в рукописи Шостакович текст не изменил.

В Союз композиторов с просьбами предоставить для исполнения партитуру Тринадцатой симфонии Д. Шостаковича стали обращать-

ся дирижеры США, ФРГ, Японии, Англии, Чехословакии, Болгарии, ГДР.

В ЦК под грифом «секретно» докладывает Т. Хренников: отметив, что «музыке присуща подавленность и излишне мрачный колорит», а также «односторонняя заостренность», Хренников «просит указания по этому вопросу».

На свое секретное письмо он получил секретный ответ ЦК КПСС: «Определенными кругами новое произведение Д. Шостаковича преподносилось как “симфония гражданского мужества композитора”, а сам автор восхвалялся за “смелость”. Ошибочность идейного замысла симфонии, политическая незрелость большинства использованных в ней стихов Е. Евтушенко подвергается резкой критике и в письмах, направленных в ЦК КПСС.

В связи с изложенным считали бы нецелесообразным широкое исполнение этой симфонии в концертных организациях страны. Считали бы нецелесообразным удовлетворять заявки и передавать партитуру Тринадцатой симфонии в зарубежное страны».

И вот теперь Шостакович вернулся в Москву после премьеры симфонии в Новосибирске.

В Москве я очень закрутился с делами... Я живу весьма хлопотливо. *(21 января 1966 г.)*

✉ *...Тов. Шостакович, мне как избирателю, голосовавшему за Вас, хочется поделиться с Вами одним вопросом.*

Перефразируя известную фразу, можно сказать: «Далеко не все благополучно в государстве Российском». В существующих условиях духовная общественная мысль глохнет, она не может развиваться естественно.

В каждом городе должна быть хоть одна газета, которая принадлежит непосредственно общественности.

Центральные и существующие местные газеты слишком заняты политикой, они не имеют места. Что же касается журналов, например, таких как «Советский экран», «Театр» и др., то они не могут вести такую работу в масштабе Союза или предназначены для сравнительно узкого круга специалистов.

В известном смысле можно сказать, что у каждого из нас кляп во рту, душно и неестественно жить в таких условиях (я уж не говорю о политике, каждый гражданин не имеет права осудить правительство и партию ни публично, ни печатно — объявят врагом народа).

Всего Вам доброго!

Мне хотелось бы знать, разделяете ли Вы мое мнение об общественной газете, и если «да», то как быстро это организовать, какие реальные пути к этому?

Кириллов Д.Д.

Глубокоуважаемый Георгий Иванович!

Очень прошу Вас помочь давно известной мне по Ленинградской филармонии артистке Левиной Н.И., которая, будучи короткое время эвакуированной с консерваторией, потеряла свою хорошую квартиру и до сих пор вынуждена жить во временно ей предоставленной комнате на 4-м этаже, без лифта, высокого дома № 35 по Каналу Грибоедова. Ее просьбы заменить ей комнату, которой ей трудно пользоваться ввиду медицинских противопоказаний подниматься на высокие этажи, результатов не дали, а сама она не может обменять комнату свою, затемненную противоположной стеной.

Н.И.Левина не просит отдельную квартиру, хотя и имеет на это право, но просит предоставить ей в районе Госфилармонии равноценную комнату не выше второго этажа.

Поддерживая законную просьбу Н.И.Левиной, я прошу дать указания о ее удовлетворении.

Прилагаю заявление Н.И.Левиной.

Д.Д. Шостакович.

В начале февраля Шостакович присутствует на ленинградской премьере поэмы «Казнь Степана Разина» в Большом зале филармонии.

Семнадцатого февраля — он в Москве на исполнении Тринадцатой симфонии в Большом зале Московской консерватории.

Потом снова в Ленинграде и Репине. Март — в Москве.

Второго марта 1966 года сочиняет «Предисловие к полному собранию моих сочинений и размышление по поводу этого предисловия» (ор.123).

✉ *15 марта 1966 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

Тов. Шостаковичу Д.Д.

Исполком Ждановского районного Совета депутатов трудящихся Ленинграда сообщает, что на личном приеме в Исполкоме 11 марта 1966 года гр. Яцыной А.И. сообщено, что ее просьба о предоставлении освобождающейся комнаты в кв. 33 дома 6 по наб. Черной речки, будет

рассмотрена после освобождения ее инвалидом Отечественной войны гр. Загораевым.

Заместитель Председателя Исполкома
Ждановского Райсовета депутатов трудящихся Лебедева.

✉ *Уважаемый депутат Д.Д. Шостакович!*

Немного о себе. Сейчас я монтер на междугородной телефонной станции. К сожалению, лишь только монтер. Вяжу, прокладываю кабеля и разделываю гребенки и все.

Начал я свою «трудовую деятельность» со штукатура. Не окончив шесть классов, пошел в строительное училище. Потом стройка, армия, завод, еще завод, потом уж междугородная телефонная станция. Много я работ поменял. Много пришлось мне видеть несправедливости. Эта несправедливость располагалась не только на меня, но и на всех. Они вот уживались, а я не мог ужиться. От всего пережитого у меня появились мысли, рассуждения. Я пытался выяснить, в чем причина этого, и выяснил. Выяснив, написал письмо в ЦК ВЛКСМ. Я много раз рассуждал над этим письмом. Да оно у меня получилось, то есть содержание, дерзкое, критическое, справедливое.

Если бы я это письмо написал в 1952 году, меня бы не было уже на свете, был бы репрессирован. Я ждал, ждал на него ответа, не дождался. Написал другое. И на это не отвечают. Я хочу слышать критическое замечание или простой душевный разговор. Может быть, я бы так и отвязался, так и не добившись истины. Не стал бы верить, и сейчас у меня колеблется вера в человека. Стал бы существовать, а не жить, т.е. стремиться к жизни. Я не только делился в письмах своими впечатлениями и мыслями, но и кратко описывал свои предложения, которые могли бы сыграть для развития народного хозяйства огромную роль.

«Вечный двигатель». Законами физики установлено, что ничего нет вечного. Но техника и наука развиваются. Все большие, большие разворачиваются перед нами возможности. Что даже я, неуч, окончивший шесть классов, пытаюсь что-то доказать, опираясь на основы радиоэлектротехники, которые еще хорошо не знаю. И все же пытаюсь доказать! И докажу со временем, сделаю этот двигатель. Но, к сожалению, пройдет очень много времени. Могу я измениться характером. Не мудрено в настоящее время. У нас есть ученые, которые могут создать двигатель быстро или же доказать мне, что это невозможно.

И если моя идея осуществится и внедрится в жизнь, можно сделать большой скачок вперед, в Коммунизм.

Я желаю быть честным, целеустремленным, справедливым. И все это зависит от Вас.

Почему я обращаюсь к Вам с этой просьбой. Вы мой депутат. Я Вас избирал, отдавал за Вас свой голос. Теперь хочу убедиться, чего я, мой голос стоим.

До скорого свидания! Я предполагаю, что ответ Ваш будет скорым. Вы обязаны это сделать...

С 29 марта по 8 апреля 1966 года в Кремле проходил XXIII съезд КПСС, делегатом которого был Д. Шостакович.

На съезде Президиуму ЦК вернули старое название — Политбюро, а Первого секретаря переименовали в Генерального. Отчетный доклад ЦК КПСС делал Л.И. Брежнев, сменивший Н.С. Хрущева. Присутствовали делегаты 86 зарубежных коммунистических и рабочих партий.

На съезде говорилось о неуклонном повышении благосостояния народа, о расширении демократии, об укреплении союза рабочего класса и колхозного крестьянства, о дружбе народов и идейно-политическом единстве всех трудящихся, сплотившихся вокруг родной коммунистической партии.

«Советские люди знают: там, где трудности, там всегда коммунисты!

Советские люди знают: что бы ни случилось, коммунисты не подведут!

Советские люди знают: там, где партия, там успех, там победа!» — патетически декламировал Л. Брежнев.

Погоня за призраком коммунизма продолжалась. Звучали призывы к созданию материально-технической базы коммунизма, утверждению ленинских принципов партийной жизни и укреплению связи партии с народом: «Народ и партия едины!»

На съезде выступил М. Шолохов, повторив вопрос Сталина: «С кем вы, мастера культуры?» (Присутствующие еще не забыли ответ на этот вопрос вождя: «Кто не с нами, тот против нас».) Его выступление было направлено против осужденных на длительные сроки заключения «за антисоветскую деятельность» писателей Даниэля и Синявского.

Съезд призвал коммунистов к повышению революционной бдительности и осудил агрессию во Вьетнаме, подтвердив миф о величии советской эпохи, с ее изобилием, светлым будущим, новым человеком, вечным движением в завтра.

Шостакович присутствовал и на предыдущих съездах партии, проходивших в Кремле. На знаменитом XX съезде он слушал доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

Из записок секретаря З.А. Гаямовой: «На партийный съезд Д.Д. получил гостевой билет и очень аккуратно ездил на утренние и вечерние заседания. В перерыве, когда он приезжал завтракать, он иногда делился со мной впечатлениями и рассказывал об оппозиции Молотова, Маленкова, Кагановича и др. И еще в один из дней приехал и говорит: "Ну, З.А., теперь можете спать спокойно. Сегодня выступал Шелепин и говорил об арестах и беззакониях, которые совершались. И что теперь этого не будет. А то ведь раньше, если лифт ночью останавливается на нашем этаже, я думал, что пришли за мной".

После заключительного слова Хрущева он говорил, что это была восхитительная речь, что говорил Н.С. Хрущев без бумажки, очень проникновенно, говорил о зверствах и пытках, применяемых к невинно арестованным, что половина зала, слушая его выступление, плакала, особенно женщины.

И потом добавил: "Нет, нет — я за Хрущева. Он много сделал хорошего!"»

На XXII съезде, на котором тоже присутствовал Шостакович, был принят Устав КПСС, содержавший «Моральный кодекс строителя коммунизма», и «Программа КПСС» — в ней говорилось, что к 1970 году «в стране будет покончено с недостатком в жилищах», «начнется переход к бесплатному общественному питанию на предприятиях, в учреждениях и колхозах», «будет достигнуто изобилие материальных и культурных благ для всего населения», а к 1980 году в СССР будет построен коммунизм.

Н.С. Хрущев в своем выступлении пообещал, что нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме.

Многие этому поверили. Появился лозунг «Все мы готовимся жить при коммунизме!»

Партию на этих съездах называли «великим зодчим народного счастья», она «народ поднимает в зенит», «ведет к вершинам человеческого счастья». «Программа партии — светлый мир будущего», она помогает «вырвать счастье у грядущих дней».

На некоторых фотографиях и в кадрах хроники тех лет Шостакович снят рядом с Хрущевым — вот они вместе в ложе, вот беседуют о чем-то, вот Хрущев в президиуме слушает выступление Шостаковича. Вот Шостакович вместе с женой Хрущева Ниной Петровной учреждает Институт советско-американских отношений...

Благоволение Хрущева продолжалось до тех пор, пока Шостакович не написал Тринадцатую симфонию.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Я прошу Вас, помогите мне с семьей 6 человек получить квартиру, так как я живу на частной квартире, работаю в термическом цехе вот уже четырнадцатый год. Мне уже 45 лет, но я еще не имел своего угла за эти 45 лет, прожитые при Советской власти. Я прошу Вас, помогите мне с семьей в моей большой несчастной доле.

Здоровье мое очень плохое. Врачи говорят, что надо уходить из термички, но ведь я потерял здесь свое здоровье, стал инвалидом, а квартиру получить не могу. Сам больной, дети тоже болеют. Девочке вот 14 лет, а она ревматик, мальчик 6 лет на учете в противотуберкулезном диспансере. Больных в семье больше половины, и это все от плохих условий жизни. Я вот прожил 45 лет и не видел не только хорошей жизни, даже удовлетворительной не видел. На Автозаводе я к кому не обращался, никто помочь не может. Я уже и веру потерял в правду, раз никто не может помочь человеку в беде, в несчастии. И я прошу Вас помогите.

К сему Иванов.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

от избирателей населенных пунктов Чернуха, Седельниково, Мишуково.

Прозьба к нашему Депутату Верховного Совет СССР Димитрею Димитриевичу Шестаковичу посодействовать по части снабжения продуктов рыб соленых и свеже мороженых а также крупеных изделий почти нету и бывает очень редко. Что разве у нас рыбаков нет? У нас полно рыбаков, полно морей рек и озер, а нет рыбы и не бывало в продаже самой плохой рыбы, трески соленой и свежемороженой, нет леща Соленова, нет сазана, нет щуки, налима. Будьте добры дорогой депутат проявите заботу поставте этот вопрос ребром что бы поменьше отправляли соседям, а в первую очередь снабдите свой народ и свое крестьянство. Будьте добры постарайтесь.

К сему избиратели Тоншаевского района.

Председателю Сормовского Райисполкома

Товарищу Торпову В.И.

Уважаемый Василий Иванович!

Мой избиратель В.Н. Жарков, прожив. по ул. Параллельная, барак 17, кв. 16, с семьей, состоящей из 4 человек, обратился ко мне с просьбой ходатайствовать о предоставлении ему изолированной квартиры. Эта просьба вызвана необходимостью создать необхо-

димые условия для лечения его больной дочери. Я убедительно прошу Вас удовлетворить просьбу В.Н. Жаркова.

Заявление В.Н. Жаркова и справку о состоянии здоровья дочери Жаркова прилагаю.

Д. Шостакович.

✉ *Уважаемый наш депутат Дмитрий Дмитриевич!*

К Вам обращаюсь я с большой просьбой. Вы столько сделали чудесного, хорошего для народа своими музыкальными произведениями. Слушаешь Ваши произведения, и на душе делается светло, радостно. Музыка — это вдохновение! И как хочется иметь у нас в поселке свою музыку при школе, чтобы наша сельская молодежь с детства познавала любовь к музыке.

Ах, как это было бы прекрасно, как было бы приятно нам, старому по возрасту поколению, отдыхать и слушать не только по радио Вашу классическую музыку, но пусть хотя еще и начинающую юношескую нашу сельскую музыку. Чего, к сожелению, в нашем поселке ВасильСурск нет.

А любителей и желающих много. В нашем поселке в Доме Культуры давно ряд лет лежат 14 труб духового оркестра, но нет учителя, и трубы заржавели.

Я от имени многих граждан поселка ВасильСурск прошу Вас, Дмитрий Дмитриевич, помочь нам добиться штатную единицу учителя при средней школе, и тогда молодежь и мы, старшие, отцы, деды, мамы, бабы будем жить совершенно иначе, радостнее, веселее, а когда на душе весело и радостно, то и ученье у молодежи и труд у людей будет лучше спориться.

С теплым душевным приветом к Вам,

Депутат п/с В-Сурск И.П.Симаков.

Восемнадцатого апреля 1966 года в Москве во Всесоюзном доме композитора Д. Шостакович открывает торжественный вечер, посвященный С. Прокофьеву.

Их знакомство состоялось в 1926 году в Петрограде, куда Прокофьев приехал во всем блеске мировой знаменитости. Они оба окончили Петербургскую консерваторию с разницей в несколько лет. Шостакович поступил в консерваторию через год после того, как Прокофьев покинул Россию. Но это была уже другая Россия, другой Петербург, другая консерватория, другая эпоха.

Прокофьев вернулся в Россию в то время, когда над Шостаковичем и его оперой «Леди Макбет» разразилась гроза. Скоро и Прокофьев на себе почувствует, что значит быть советским композитором, — его гастроли за рубежом прекратились, его жизнь оказалась регламентированной, его сочинения подвергались строгой цензуре.

Несмотря на несхожесть характеров, у них было много общего. Оба блестящие пианисты, непревзойденные интерпретаторы своей музыки. «Мои пальцы помнят все!» — говорил Прокофьев. То же мог бы сказать о себе и Шостакович.

Исторически их сближали и несчастья. В постановлении 1948 года их имена, как самых злостных формалистов, фигурировали рядом. Сохранилась единственная фотография того времени, где они рядом, в обществе Хачатуряна, тоже «осужденного партией и народом».

После смерти Прокофьева, по совпадению случившейся в один день со смертью вождя, Шостакович был выдвинут на Сталинскую премию. Он отказался, заявив, что премия должна быть присуждена Сергею Прокофьеву посмертно.

Странное совпадение смерти тирана и великого композитора, которого он сначала заманил в страну, а потом сделал заложником.

Прокофьева хоронила лишь горстка людей — рядом с гигантской, все сметающей на своем пути толпой прощавшихся с вождем.

У гроба Прокофьева Шостакович поцеловал покойному руку и произнес: **Я горжусь тем, что мне посчастливилось жить и работать с таким великим музыкантом, как Сергей Сергеевич Прокофьев.**

Через несколько лет Шостакович участвовал в открытии мемориальной доски на доме, где жил композитор. В этом доме жили и другие знаменитости. Кто-то обратил внимание на надписи: «Здесь жил великий летчик нашего времени Валерий Чкалов» и «Здесь жил выдающийся композитор С.С. Прокофьев».

✉ *Апрель 1966 г.*

Я долго не решался писать Вам, Дмитрий Дмитриевич, и не потому, что не было в этом необходимости. Все считал, что неудобно отрывать время у более занятых людей. Я лично дошел до крайности. Мне посоветовали обратиться к депутату. Не хочу быть многословным, опишу немного о себе. Севастьянов Роман Вл. 31 год, живу в Горьковской обл. Богородский р-н., д. Заозерье. Учился 6 кл., потом стал работать в колхозе. Три раза ездил сезонным рабочим на лесозаготовки, потом армия 1954–57. В армии получил специальность шофера. Все шло хорошо, в армии был не на плохом счету, был классным специалистом шофер-электрик. Рас-

считывал и после демобилизации буду полезным людям и государству. Но жизнь полна превратностей. Вместо рабочего я превратился в инвалида. В 23 года я стал инвалидом. Меня сзади несколько раз ударили топором, и надо же случиться так, я остался жив. Парализовало левую сторону. Жизнь есть жизнь, она нас и учит, и карает. Меня научила жить с одной рукой. Поскольку я житель деревни, я научился одной рукой делать все от завязывания шнурков на ботинках до лопаты и косы. Конечно, в меру моих возможностей. Но обращаюсь я к Вам вот с каким вопросом. Мне 31 год, я одинок, у меня кроме этого половая слабость. Человек создан так, что в одиночестве ему просто не прожить Я лично больше не могу терпеть такого положения. Много способен вынести человек, но не без конца. В Горьком я уже прошел лечение амбулаторно и у проф. Иванова Н.В. К Вам обращаюсь, если можете, сделайте, пожалуйста так, чтобы я мог пройти лечение в Москве. Я знаю, что есть специально такая клиника, где лечат эти болезни вплоть до операционным путем. Жизнь мне выпала очень тяжелая, другой бы на моем месте давно бы нашел выход... Но я часто себя ругаю за слабость и малодушие. Понимаете, как ни тяжело, но ужасно хочу жить. Да и жизнь очень интересная, люблю читать газеты, выписываю их, иногда до четырех слушаю радио. Заведую передвижной библиотекой и вообще очень много читаю. На темы морали прочитал не одну книгу и очень много статей в газетах, где человека не оставляют в беде одного. В общем, ни к чему мне здесь обрисовывать разные примеры. Вы намного старше и образованнее меня. Обращаясь к Вам как к депутату Верховного Совета нашей страны, я очень прошу Вас, помогите мне получить возможность лечиться в Москве. В эту просьбу я вкладываю все, на что я еще могу рассчитывать. Я стану все время беречь эту газету, она и сейчас передо мной, где написаны Ваши слова. «Дорогие тов. горьковчане. Примите мою горячую благодарность за ту высокую честь, которую вы мне оказали, выдвинув меня кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Даю Вам обещание, что я приложу все свои силы, чтобы оправдать Ваше доверие». Я думаю, что Вы не обидитесь, что я привел Ваши слова. Я очень долго думал, входят ли личные просьбы в обязанности депутата. Я очень прошу Вас, если сможете, удовлетворить мою просьбу. Я вечно буду Вам благодарен, если б Вы вернули мне счастье быть отцом и иметь право на улыбку и шутить. Возможно, понадобится мед. заключение, я спросил у врача, что буду обращаться к депутату на лечение в Москву. Мне ответили, что можете послать эту справку, что я и делаю. Очень прошу Вас, помогите мне, пожалуйста.

Севастьянов.

Девятнадцатого апреля 1966 года Шостакович выехал в Крым. Пишет оттуда: **Житие мое прекрасное, хотя ноги ходят плохо. В Крыму очень красиво и, к счастью, не жарко. В общем, жизнь идет своим чередом. Посещаю я места моей молодости. Я ведь часто бывал весной в Крыму, в Гаспре. Очень много появилось воспоминаний, и очень ясно я почувствовал свой солидный возраст.**

Ирина Антоновна, жена: «Дмитрий Дмитриевич чувствовал себя неважно. У него был кашель, и я просила врачей, чтобы они что-то предприняли, они давали таблетки. Но, как выяснилось, это был сердечный кашель, какой бывает перед инфарктом. Но я этого не знала.

Мы, когда ехали в Крым на поезде, нас сопровождала киногруппа, которая снимала фильм о Дмитрии Дмитриевиче. Кадры в поезде сняты как раз по дороге в Крым. Но потом режиссер решил, что хорошо бы нас посадить за шахматы — нам поставили шахматную доску, расставили фигуры, как будто мы едем и играем в шахматы. Я в шахматы в жизни не играла — вот так и снимали. Его это раздражало, что все время заставляли что-то изображать.

А потом мы приехали, в Крыму было зелено, свежо, хорошо. Он любил Крым». *(Из интервью автору)*

В Крыму Дмитрий Дмитриевич заканчивает Второй виолончельный концерт. Репетировать концерт к нему приезжает М. Ростропович.

В середине мая Шостакович едет в Волгоград для участия в фестивале советской музыки.

Вернулся в Москву и тут же уехал в Ленинград, где предстояло его участие в концертах.

24-го мая приеду в Ленинград, где буду репетировать свой концерт. Меня концерт беспокоит тем, что правая рука моя очень слаба, и я боюсь, что на эстраде, тем более, от волнения она совсем откажет, и тогда будет большой конфуз. *(4 мая 1966 г.)*

Он страдал, что не может играть. Пытался аккомпанировать, сочиняя аккомпанемент, который, как он признавался, мог бы сыграть сам.

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР ВЫБОРНАЯ ТЕЛЕГРАММА

5 МАЯ 1966 ГОДА НА МНОГОТЫСЯЧНОМ СОБРАНИИ РАБОЧИХ ИНЖЕНЕРНО ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СЛУЖАЩИХ ДЗЕРЖИНСКОГО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗАВОДА КАПРОЛАКТАМ ВАША КАНДИДАТУРА ЗПТ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗПТ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ПО ГОРЬКОВСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ НР 6 ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЗПТ ЕДИНО-

ДУШНО ПОДДЕРЖАНА ВСЕМИ ПРИСУТСТВУЮЩИМИ НА СОБРАНИИ ТЧК ПРОСИМ ВАС= ЗПТ ДАТЬ СВОЕ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ ПО ЭТОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ= 1141 ПО ПОРУЧЕНИЮ СОБРАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ ТЕКЛИН

В Малом зале Ленинградской филармонии 28 мая 1966 года состоялся авторский концерт Д. Шостаковича. Это была премьера Одиннадцатого квартета (ор. 122) и «Пяти романсов на тексты из журнала “Крокодил”» (ор. 121).

Однажды, читая подборку писем читателей из раздела «Нарочно не придумаешь» сатирического журнала «Крокодил», Шостакович рассмеялся и начал писать музыку на эти тексты. Они напомнили ему рассказы Зощенко, которого Шостакович очень любил.

Рассказы его вызывали смех, но сам Зощенко признавался, что в его вещах за юмором скрывается трагическая сущность сегодняшней советской действительности и что именно печальная сторона жизни в его рассказах становится комической и «вызывает смех вместо слез, ужаса и отвращения».

М. Зощенко считал, что в его рассказах нет ни капли выдумки: «Здесь все — голая правда. Я решительно ничего не добавил от себя. Письма рабочих корреспондентов, официозные документы и газетные заметки послужили мне материалом. Хочется увидеть настоящую, подлинную жизнь, а не ту, которую подают с гарниром писатели».

«Пять романсов на слова из журнала “Крокодил”» — музыкальное произведение, бичующее тупость, самодовольство, хамство и пустое фразерство:

1. *Собственноручное показание.*

В Хворостянке вхожу в автобус. Шофер обилечивает пассажиров. Обращаюсь к нему с вопросом: «Почему в Хохлах он не сделал остановки?»

Стоит, молчит.

Повторяю вопрос:

«Почему в Хохлах не сделал остановки?»

Он что-то промямлил про «асфальт...»

Да кабы... да ежели...

Не долго думая, делаю наклон туловищем вперед, сосредоточиваю всю свою силенку в правом кулаке и по методу бокса влепляю в левое жевало этого хама.

И единственно, что я сказал ему в этот момент:

«На ж тебе асфальт, хамская твоя рожа».

Вот какие мероприятия приходится применять к изжитию хамства.

Не подумайте, что я был пьян.

Мне шестьдесят семь лет, и в то утро я еще не завтракал.

Пенсионер Исаев Эн. Эм.

2. *Трудно исполнимое желание.*

Я холост, и мне требуется много денег. Жены такой не могу найти, чтобы не нуждался деньгами, а поэтому усердно прошу: вышлите побыстрей, а если есть в Москве такая, чтобы кормила, чтобы поила и денег с меня не спрашивала, то сообщите мне ее адрес.

Пожалуйста, пожалуйста.

3. *Благоразумие.*

Хотя хулиган Федулов избил меня, я в органы нашей замечательной милиции не обратился.

Решил ограничиться полученными побоями.

4. *Иринка и пастух.*

Она глядит под горку вниз, на улегшихся у воды коров, на забавно короткую, когда смотришь сверху, фигурку пастуха. Отсюда он похож на мальчишку. И Иринке вдруг очень хочется потискать его в руках, долго подкидывать в чистое, голубое небо.

Пастуху Иринка не видна. Коренастый, широкоплечий, он сидит к ней спиной и лупит яйцо.

А Иринка ужасно хочет его потискать.

5. *Чрезмерный восторг.*

Первый хлеб! Кому, скажите, из вас не приводилось съесть ломоть хлеба нового урожая. Как он чудесно пахнет солнцем, молодой соломой, а главное, комбайнерскими руками, пропитанными керосином.

Иронически подражая пропагандистским штампам, Шостакович пишет бывшему ученику: **В музыкальном языке этого opus'а использованы народное творчество (русская народная песня «Во саду ли, в огороде») и классическое наследие (опера Чайковского «Пиковая дама»). Кроме того, использовано «Dies irae». Сочиняя эти романсы (пять романсов на тексты из почты журнала «Крокодил»), я пользовался методом социалистического реализма.**

И еще: Вы, наверное, сердитесь на меня, что я столь долго молчу, не пишу Вам. Уже, наверное, хочется Вам, по методу бокса, влепить в левое жевало моей хамской рожи... Ваш Д. Шостакович.

В последней фразе письма Шостакович воспользовался словами одного из своих «крокодильских» романсов.

И вот премьера. За роялем композитор, аккомпанировавший певцу. Было жарко, душно. Шостакович волновался и за свои руки, и за молодого певца Евгения Нестеренко. На концерте Нестеренко забыл слова в одном месте, но благополучно допел. Концерт прошел успешно.

А в ночь на 29 мая Шостаковичу стало плохо. Инфаркт.

Потянулись долгие больничные месяцы в ленинградской больнице, откуда Шостакович вышел только 5 августа.

Пока Шостакович лежал в больнице, 12 июня 1966 года он был избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР от Горьковского избирательного округа.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*

Д.Д. Шестаковичу

Вот уже около 5 месяцев мы не в силах отстоять истинную правду. Мы не умеем писать, а потому нашу просьбу стараемся изложить по порядку.

Все мы работаем кочегарами Решетихинской ф-ке котельной № 1, трое из 20 кочегаров совершили хищение и тем самым причинили ущерб предприятию. Народным судом все они осуждены с вычетом 20% к году из зарплаты. Инспекция исправительных работ г. Дзержинска высказала им, если вы честно работаете то по истечении 6 месяцев есть положение мы можем вам это наказание снять досрочно, но для этого надо протокол общего собрания коллектива. Но здесь интересный факт. Начальник котельной срывает собрание, сказав что сегодня суббота пора итти по домам, мы бы конечно не доверили рассматривать этот вопрос поскольку мы их для ведения собрания рабочих в президиум не выбирали, но здесь они себя рисуют, что якобы они являются постоянные лица для ведения собрания, этого нам еще не приходилось видеть ни в одном законе и мы считаем большим нарушением в профсоюзной работе.

Не откажите в справедливой любезности ответить нам, по просьбе 20 кочегаров.

✉ *20 июня 1966 г.*

От кочегара Решетихенской крутильно сете-вязальной ф-ки Дзержинского р-на Горьковской обл.

Жукова Ивана Ефимовича.

Демократизьм советских профсоюзов выражается в частности в регулярном проведении общих собраний. Собрания профгруппы призваны способствовать воспитанию коммунистического отношения к труду. То что совершил Кузнецов в прошлом он уже за это наказан нар судом, его многочисленные примеры добросовестного и самоотверженного отношения к труду хозяйской заботы о производстве, товарищеской взаимопомощи. Кузнецов неуклонно добивается высоких производственных показателей. Не жалеет сил для производства. Примерно ведет себя в быту он трудом и делом заслуживает по своей статье снятия наказания. Но в силу многочисленного рядом лиц хищения капрона администрация не желает считаться с его честным и добросовестным трудом и если бы не суд они готовы были бы его замуровать. Но забыли самое главное потеряли веру в человека, а это самое главное. В августе он платит последний раз.

Мы просим дать справедливый ответ и помочь нашей справедливости.

✉ *24 июня 1966 г.*

Прошу Вас рассмотреть мое заявление, т.к. я многосемейная женщина, проживаю в частном доме в 18,5 кв.м., но он утлый и гнилой, того гляди развалится, а в подполе уже обвалилось. Семья моя состоит из семи человек и 18,5 кв.м. на такую семью очень маловато, спят как где, а сама сплю у порога, потому что не хватает в комнате места. И так что из семи человек пятеро детей, из них трое учащихся и этим ученикам у меня нет никаких удобств для учения. Сама я работаю на машиностроительном заводе с 1941 года и не касалась ни за какой помощью за 25-летний стаж работы на заводе пришлось коснуться, и мне во всем отказывают, не только отказывают, даже не разговаривают и не обращают внимания. За что же я работаю и для чего же бросаю детей на произвол судьбы и ухожу на заводскую работу, детей оставляю безвнимательных, безнадзорных и беспризорных, а в цехе работать приходилось без выходных даже по две смены.

Дмитрий Дмитриевич, прошу Вас убедительно рассмотрите мое заявление, т.к. я многосемейная женщина и нет никаких условий для своих учащихся детей, и даже для спанья, валяются по полу как скотина.

Дмитрий Дмитриевич, прошу Вас очень убедительно удовлетворить и оказать помощь в перестройке дома или же чтоб дали казенную, чтоб для детей сделать условия для учебы.

В чем прошу удовлетворить мою просьбу.

Р.М. Попова.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Заявление

Исполкому Шпилевского с/совета был дан допуск Терюшевским лесничеством для удовлетворения колхозников стройлесматериал две делянки в 93 кварт. по №№ 3 и 4.

На основе чего Исполком с/совета на сессии с/совета распределил стройматериал по пяти и десяти к/м на хозяйство.

17 июня 1966 года организованно все 25 хозяйств поехали для клеймения леса. Лестехник Ратнов привел в делянку №3, в которой хватило леса на 10 хозяйств, а остальных 15 хозяйств повел в другу делянку, где уже лес был выбран, оставались редкие деревья только дровяной, и взять нечего, тогда колхозники взволновались и стали спрашивать Ратнова, почему не допустил в 4 делянку. Ратнов ответил грубо: «Я хозяин, где хочу, там и дам, мне нужно очистить делянку. Хотите, берите, хотите — не берите». Ну и такой результат, что семь хозяйств остались без леса. А ведь люди ждали по 2 года, чтобы получить стройлеса.

26 июня 1966 года поехала вторая группа клеймить лес в количестве 65 хозяйств. В результате из них заклеймили леса только 22 хозяйства и опять же в этой делянке, куда водил и первую группу, т.е. зачищать делянку. А поэтому выходит, что люди ждут, чтобы получить лесу для необходимой нужды, и опять не получат.

Вот как обстоит дело в обеспечении лесом наш отдаленный район.

А поэтому колхозники просят Вас проверить этот факт и призвать к порядку таких работников, которые не подчинились предписанию лесничества, и дать нам отпущенную лесничеством делянку №4.

К сему группа колхозников:

Ляпин, Любезнов, Королев, Шилеин, Машков, Воронова.

В те дни, когда писались эти письма, с 21 по 29 июня 1966 года в Ленинграде проходил музыкальный фестиваль «Белые ночи», приуроченный к предстоящему юбилею Шостаковича. Один из друзей Шостаковича, кинорежиссер Г. Козинцев записал в дневнике: «...Непрекращающийся юбилей Шостаковича, который начинает чем-то портить его музыку. Уж очень потешно, что все статьи аккуратно пишутся по принципу

снятия клише в обратном цвете. Раньше: “оголтелое декадентство” — нынче: “здоровый реализм”, “антинародное” — “народное”, “подражание Хиндемиту” — “следование Мусоргскому” и т.д. “Фестиваль Белые ночи”. Вот уж чего в его музыке нет. Ближе было бы: “черные денечки”

“Замечательный музыкант, пламенный патриот” — теперь мелькали заголовки — вместо “Против формализма и левацкого уродства в искусстве”.

Юбилей Шостаковича. Нечто вроде “Сумбура вместо музыки”, но превращенного в позитив. Порядочек полного единообразия. Раньше все как один не понимали и возмущались. Теперь все как один понимают и восторгаются. Было некритическое подражание западному декадентству, стало сознательное следование русскому реализму. Раньше — неврастения, теперь — здоровье. Прежде — антинародное, нынче — народное. Сперва “у Шенберга”, потом — “у Мусоргского”.

Раньше было широкое народное высказывание, теперь тоже широкое народное высказывание.

Но существо в том, что все это “масштабное”, “государственное” переменило оценку к нему, а он свою оценку не изменил». *(2 июля 1966 г.)*

Теперь даже бывшие хулители Шостаковича писали восторженные статьи о его творчестве. «Наряду с торжественными моментами и песнями, которые, пожалуй, со времен Бетховена так не звучали в музыке, наряду с философской созерцательностью буквально “слышишь” напряжение мысли, наряду с глубокой сосредоточенной скорбью — сколько ликования, веселья, юмора, сколько задора, сколько “улицы” и “толпы” в этой музыке! Рядом с жалостью — насмешка, рядом с нежностью — едкое остроумие, да, все это именно так и бывает у людей...» — писал о Шостаковиче Г. Нейгауз.

Министру культуры СССР

тов. Фурцевой Е.А.

Уважаемая Екатерина Алексеевна!

Я поддерживаю просьбу музыкального педагога-пенсионера Эйзлер Елизаветы Ефимовны, проживающей г. Москва, улица Удальцова, д. 16, кв. 21, о пересмотре ее пенсии. Учитывая ее огромный трудовой стаж и то, что в настоящее время ей 89 лет и она одинока, мне думается, что в виде исключения можно ей помочь.

Может быть, есть возможность, учитывая ее 60-летний непрерывный стаж педагогической работы, поставить вопрос об установлении ей персональной пенсии.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *21 июля 1966 г.*

После долгих мытарств, — а я обращался во всевозможные инстанции, — я решил обратиться к Вам, нашему Депутату, и самому любимому композитору.

Я музыкант — альтист Симфонического оркестра Горьковской Филармонии, проработавший в Искусстве более 40 лет, и работаю в настоящее время.

Дело в том, что я, будучи инвалидом Отечественной войны, прошу об улучшении жилищных условий. Я живу на третьем этаже, в деревянном, старом, без удобств, доме. Жена моя перенесла инфаркт. Сам я вот уже месяц болею,— спазмы сосудов головного мозга сопровождаются головокружением и онемением правой руки и верхней губы. Встает жизненно Важный вопрос. Мне 68 лет, да еще такая болезнь, что таскать воду и дрова на третий этаж нам с женой противопоказано.

Куда только ни обращался я — «Будет предоставлена квартира в порядке очереди» (какой № очереди, никогда не говорится, не пишется).

Везде говорят и пишут, что надо окружить заботой инвалидов Отечественной войны. На практике я испытал эту заботу и знаю ей цену.

Защищая свою Родину, я потерял здоровье, лишился одного глаза и правая нога короче.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, Вы извините меня, что я со своей нуждой решил обратиться к Вам и отниму у Вас несколько минут, но посудите Сами, я очутился в таком тяжелом положении — на старости лет, не имею возможности обслужить себя. Помогите мне в улучшении жилищных условий.

Дмитрий Дмитриевич, убедительно прошу Вас помочь мне в моей просьбе и надеюсь, что Ваш авторитет откроет двери к бюрократам, к которым я обращался.

Уважающий Вас, артист оркестра Горьковской Гос. Филармонии
Гусев В.В.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Вы просите сообщить фамилию председателя Приокского Райсовета. Его фамилия — Краснокутский.

Мне кажется, обращение у нему ничего не даст. На учете я состою 32 года. И на мой запрос, они также ответили «в порядке очереди», но какой, это вопрос?

Мое мнение, если возможно, то лучше бы написать Председателю горсовета Проскурину или 1-му секрет. Обкома Катышеву — это на

Ваше усмотрение. Конечно, Горсовет мог бы улучшить мои жилищные условия в счет будущих распределений жилой площади для таких учреждений как филармония.

Уважающий Вас, альтист оркестра Гусев.

1 августа 1966 г.

Депутату Верховного Совета Союза ССР тов. Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу.

От Вашего избирателя Маслова Ивана Васильевича.

Мой адрес: город Горький, ул. Фабричная, дом № 2.

Товарищи Депутаты Верховного Совета Союза ССР, Дмитрий Дмитриевич Шостакович! Я к Вам обращаюсь и как избиратель, и как агитатор избирательных участков, в которых Вы баллотировались. Проводя агитационную работу с избирателями на участке по улице Июльских дней гор. Горького, мне пришлось встречаться с избирателями разных возрастов с неодинаковым образовательным уровнем. Мой избирательный участок проголосовал одним из первых, отдавая свои голоса за Ваши кандидатуры. Очень многие избиратели просили меня обратиться к Вам с письмом, и попросить Вас о том, чтобы Вы находясь на Сессии Верховного Совета поставили вопрос относительно займа, который заморозили на 20 лет. Это ошибка тов. Хрущёва, который не посоветовавшись с населением страны, сделал это в Горьком на одном из заводов. Не могут же Горьковчане распоряжаться сбережениями например жителей Архангельска, Магадана и тысячей жителей из других городов и сел. Этот вопрос надо было поставить на страницах печати, поскольку этот вопрос затрагивает все слои населения нашей необъятной Родины. Чтобы правильно ответить на этот вопрос избирателям, я прошу Вас подсказать мне как обстоит дело с этим вопросом у Вас в правительстве, будет ли исправлена эта ошибка т. Хрущёва, или вообще этим вопросом никто не занимается и будет всё так, как сделал тов. Хрущёв?

Этот вопрос интересует очень многих товарищей, но беседуя с ними просто отталкиваешься от ответа, так как не знаешь как правильно на него ответить. Прошу не отказать в моей просьбе.

Желаю Вам плодотворной работы и доброго здоровья.

С тов. приветом И. Маслов.

В советских кадрах хроники сняты многочисленные сцены «добровольной» (а на самом деле обязательной) подписки на облигации государственного внутреннего займа СССР. Даже в дни ленинградской

блокады еле живые жители сдавали свои последние скудные средства в заем государству. В 1946 году подписчиков на займы в СССР было 70 миллионов. Каждый житель страны в течение многих лет отдавал государству в заем по 2–3 ежемесячные зарплаты ежегодно — помимо разного рода налогов.

И хотя по закону о займах «изменение условий выпущенного в обращение займа не допускается», в 1936 году выплаты по облигациям отсрочили на двадцать лет. А в 1957 году, когда подошли сроки этих выплат, Н. Хрущев в докладе на XXI съезде вдруг заявил: «Миллионы советских людей добровольно высказались за отсрочку на 20–25 лет выплат по старым займам. Этот факт раскрывает нам такие новые черты характера, такие моральные качества нашего народа, которые немыслимы в условиях эксплуататорского строя».

Появились анекдоты: в реке обнаружен труп утопленника. Никаких признаков насилия, кроме облигаций государственного займа, не обнаружено.

И еще: по кладбищу среди могил ходит человек со списком: «Вы выиграли... вы выиграли...»

Когда после очередного съезда композиторов Н.С. Хрущев давал банкет в Кремле, многие композиторы старались оказаться поближе к Хрущеву, громко рассуждавшему о музыке: «Когда музыка хорошая, я слушаю радио — ансамбль скрипачей, песню “Рушничок”. А когда раздается по радио какое-то воронье карканье...» — вокруг подобострастно захихикали. Неожиданно Хрущев оглянулся на стоявшего поодаль Шостаковича: «А вот Дмитрий Дмитриевич еще в начале войны увидел рассвет в своей Ленинградской симфонии». Хрущев направился к Шостаковичу, пожал ему руку, композитор вежливо улыбнулся.

Вскоре появился документ с грифом «совершенно секретно» — Постановление Бюро ЦК КПСС об утверждении Д.Д. Шостаковича первым секретарем Союза композиторов РСФСР.

Из записок секретаря Шостаковича З.А. Гаямовой: «Д.Д. был чем-то встревожен и нервен. Вскоре уехал на съезд, который в 11 ч. открылся в Кремлевском дворце. Приехал в час. Шутя рассказывал, что ему было поручено зачитать состав Президиума. Возмущался докладом и говорил о том, что “Новиков пишет плохую музыку, делает плохие доклады и даже читает их плохо”. И вообще говорил, что на съезде очень скучно. К 3-м часам он опять уехал на съезд.

Раздался звонок из ЦК. Вызвали Д.Д. Я позвонила в Союз и передала Д.Д. об этом звонке. Я поняла, что Д.Д. вызывают с тем, чтобы предложить ему быть председателем или ответственным секретарем Союза. Об этом я уже с утра слышала, что это предложение идет от Хрущева. Мне рассказывали, что, когда происходил прием в Кремле, Хрущев, поднимая тост за композиторов, произнес единственную фамилию Д.Д. Шостаковича и говорил о нем как о первом композиторе и в самых светлых и высоких тонах.

Я, подумав обо всем этом, заволновалась. Мне было обидно, что Д.Д. предлагают этот пост. Неужели он должен быть под начальством Хренникова? Зачем ему надо терять время, здоровье на все это. Ведь он честный, благородный и добросовестно относящийся к своим обязанностям человек. У него не останется времени на сочинение. И я набралась храбрости и позвонила ему, чтобы он не соглашался, что у него не останется времени для себя. И я чувствовала, он колеблется. Когда Д.Д. вернулся, он рассказывал, что его уговаривали взять на себя пост 1-го секретаря СК РСФСР. Видимо, Д.Д. дали понять, что это желание идет от Н.С. Хрущева».

Когда Шостаковича уже не стало, Хренников писал, что «возможность реально помогать людям — советом, консультацией, а если надо, и более практически, материальным способом, — была его врожденной потребностью, его, если так можно выразиться, социальным инстинктом».

Хренников умолчал, что незадолго до своего назначения Шостакович писал Г.М. Маленкову: **Многоуважаемый Георгий Максимилианович! 15 августа со мной говорил генеральный секретарь Союза советских композиторов Т.Н. Хренников. Он предложил мне войти в состав Секретариата Союза советских композиторов. Я обращаюсь к Вам с [убедительной] просьбой принять во внимание следующее: я готов исполнять в Союзе советских композиторов любую, по моим силам, общественную работу. Однако взять на себя обязанности секретаря ССК я не в силах, так как это будет отнимать от меня много времени и сил, и таким образом будет отрывать меня от творческой работы, которую я считаю своим главным призванием, по крайней мере в настоящее время. Кроме того, я совершенно не способен занимать какие-либо руководящие должности...**

Но никакие доводы не помогли. Шостаковичу пришлось войти в руководство Союзом композиторов.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ЦК КПСС по РСФСР.

(*Совершенно секретно, на голосование*)

...Вопрос Союза композиторов РСФСР.

Утвердить избранный Пленумом Правления Союза композиторов РСФСР секретариат Союза в следующем составе: Первый секретарь СК РСФСР — Шостакович Д.Д. ...

БЮРО ЦК ЦПСС по РСФСР

...Первым секретарем Союза композиторов РСФСР избран Д.Д. Шостакович.

Шостакович Дмитрий Дмитриевич, рождения 1906 года, русский, беспартийный. Окончил в 1925 году Ленинградскую консерваторию. С 1957 года — секретарь Союза композиторов СССР. Крупнейший и авторитетнейший композитор нашего времени. Народный артист СССР. Лауреат Ленинской и Сталинской премий, премии им. Сибелиуса. Лауреат международной премии мира. Член музыкальных академий Швеции, Италии и ГДР, член Американской академии наук, доктор Оксфордского университета, командор Ордена французского искусства, профессор Мексиканской консерватории. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени...

Теперь, помимо депутата Верховного Совета СССР, он стал первым секретарем Союза композиторов Российской Федерации и отвечал за благосостояние более пятисот композиторов и музыковедов Российской Федерации.

Как человек ответственный и пунктуальный, Д. Шостакович с головой погрузился в дела композиторской организации — исполнение и издание музыки, бытовые и жилищные проблемы членов Союза композиторов.

Максим Дмитриевич: «Отец не по собственной воле занял пост руководителя Союза композиторов России. Но в этой должности он работал не за страх, а за совесть, использовав открывшиеся ему возможности, чтобы помогать талантливым людям». *(Из интервью автору)*

На фотографиях этих лет Шостакович похож на провинциального бухгалтера — то с деловой папкой под мышкой куда-то спешит, то председательствует на собрании, то сидит за канцелярским полированным столом в выделенном ему кабинете — трудно вообразить, сколько часов ему приходилось просиживать за ним в Союзе композиторов. Появлялся каждый день, принимал людей, занимался делами. Никогда никому не отказывал в просьбах, беседе. Сам Шостакович говорил: **Меня**

за то и выбрали руководителем композиторской организации, что я не умею сводить счеты. И, разумеется, за то, что и руководить я тоже не умею.

✉ *26 августа 1966 г.*

Композитору

Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу

от семьи Гладких проживающих

Заовражская барак 7 ком 18.

Заявление

Дмитрий Дмитриевич просим вас помочь семье Гладких в получении жилья.

Семья наша состоит из 5 человек, двое детей и душевно больная мать Клочкова Анна Федоровна с 1903 г. рождения живет с нами 6 лет и 5 лет лежала в областной психоневрологической б-це №1.

Комната наша составляет 17,9 м² без коммунальных услуг, нет ни кухни, нет уборной, нет воды. Все в одной комнате, зимой особенно, комната сыреет, истопишь печку нужно уходить 1,5-2 ч. на улицу иначе угоришь.

Один ребенок учится в 1-ом классе, учиться нет никаких условий, на одном и том же столе кушает и учит уроки, да притом ребенок больной, очень плохое зрение и заикается, другой ребенок 1,6 г. очень часто болеет.

Душевно больная мать спит на раскладушке, каждое утро, как встаем, мы будим и больную, иначе негде пройти.

И так каждый день, не отдохнувши идешь на работу.

Обращались в завод и в больницу за помощью хотя бы дали немного побольше чтобы жить по человечески, но только слышим один ответ квартир нет. Вода в колонке бывает не всегда, нужно идти глубоко в овраги там течет родник, пока вынесешь ведро несколько раз упадешь, а зимой особенно трудно.

Просим Вас, Дмитрий Дмитриевич, помочь нам в получении жилья.

Семья Гладких.

Двадцать шестого августа 1966 года Шостакович награжден медалью Английского королевского филармонического общества.

С 5 по 30 августа композитор — на лечении близ Ленинграда.

Здоровье мое налаживается. Сердце в порядке. Но пока еще плохо ходят ноги по лестнице. Но, говорят, это пройдет: ноги расходятся и будут как новые... я слишком был перегружен разного

рода обязанностями и, возможно, несколько надорвал свои силы... *(20 августа 1966 г.)*

Живу я сейчас в Мельничьем Ручье, в загородном филиале больницы, в которой я лечился от инфаркта, приключившегося со мной в конце мая в Ленинграде. *(28 августа 1966 г.)*

✉ *Август 1966 г.*

Уважаемый товарищ Дмитрий Дмитриевич, мы — избиратели Горьковской области, Чкаловского района, Климотинского с/с, обращаемся к Вам за помощью отстоять сохранение Ступинской начальной школы для наших детей из деревень Рябинино, Ступино, Медниково. Дело в том, что Исполком Сельского Совета и Райисполком, не считаясь с нашим мнением, решили закрыть нашу школу, в которой обучается 64 человека, и всех учащихся перевести во вновь построенную школу. Некоторые деревни нашего школьного района действительно могут отойти к району новой школы: Кузнецово, Решетниково, Попцово, Хардамово, но деревни Ступино, Медниково и Рябинино находятся от новой школы на расстоянии 3, 4, 5 километров, и путь этот идет по проезжей дороге, по которой беспрерывно движутся автомашины. Пешеходной дороги до школы нет. Мы, родители, не можем пустить своих детей-малолеток 7–10 лет по такой опасной дороге и на такое расстояние.

О случившемся бедствии для нас мы узнали только 20 июля. Узнав случайно, мы обратились в областную газету, которая передала нашу просьбу в Обл.ОНО, но сегодня уже 16 августа, а ответа нам нет. Убедительно просим Вашего вмешательства в сохранение нашей школы.

Родители (23 подписи).

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, мы родители детей д. Рябинино и Ступино получили ответ на наше письмо и благодарим вас за внимание.*

Вопрос наш о закрытии Ступинской школы остается решенным не в нашу пользу. К нам было поехала комиссия в составе нужном Райисполкому. Эта комиссия не поинтересовалась нами родителями, а выехала в другие деревни и на расстиле льна в поле проводили собрание с колхозниками у которых нет детей и не будет, а Ступино и Рябинино обошли с целью.

Новая школа от наших деревень находится на расстоянии 3-4-5 км.

И после этих собраний в область были поданы неправильные сведения, что новая школа, от Ступинской 1,5 км, а фактически до ее 3 км,

что в новой школе интернат, но его нет и не будет, подвоз детей до школы тоже ложь. Хорошо, что теплая погода стоит, а зима придет, на такое расстояние пустить ребенка не можно. Уважаемый Дмитрий Дм. Ждем Вашей помощи и все еще надеемся вернуть здание школы.

Будьте здоровы

Родители деревне Ступино, Рябинино Малое, и Рябинино большое.

5 сентября 1966 г.

В то время по всей стране шло начатое Хрущевым «укрупнение колхозов», в результате которого «неперспективные» деревни остались без школ, магазинов, медпунктов, — так появились брошенные дома, брошенные деревни, заросшие кустарником поля, площадь которых с годами стала равняться площади некоторых европейских государств.

Принятый под девизами «Догнать и перегнать Америку» и «Выйти на 1-е место в мире по производству на душу населения» семилетний план развития народного хозяйства выполнен не был, как и многие другие прожекты тех лет. На месте распаханных целинных земель поднимались «пыльные бури», засеянные по указанию 28 миллионов гектаров кукурузы початков не дали, задушенные налогами на каждую курицу и каждое дерево, колхозники резали скот, вырубали сады и уезжали в город. Коммунистический романтизм остался на бумаге, а о своих бедах колхозники писали своему депутату.

✉ *Товарищ Шостакович!*

Мы, колхозники колхоза «Красная звезда» вынуждены обратиться к Вам по следующему вопросу:

По имеющимся сведениям Шатковский райисполком Горьковской области дал согласие на ликвидацию больницы в селе Измайлово, а население, обслуживаемое ею, прикрепить к Шатковской райбольнице. Измайловская больница в настоящее время обсуживает население четырех сельских Советов, она находится в центре более чем двенадцати близко расположенных к ней территориально населенных пунктов (Измайлово, Гаврилово, Паново, Ратманово, Алферьево, Хирино, Озерки, Уланки, совхоз «Власть Советов» и др.) Учитывая, что к названным выше населенным пунктам от райцентра Шатки шоссейных дорог нет, в зимнее время, весной и осенью доставить больного за 15-20 км в Шатковскую больницу практически невозможно. Нелегко доставить больного в больницу и летом, т.к. машин скорой помощи при больнице нет.

Ликвидация Измайловской больницы непременно приведет к ухудшению медицинского обслуживания населения двенадцати населенных

пунктов, и, кроме этого, колхозники будут затрачивать больше времени на поездку в более отдаленную Шатковскую больницу.

Просим Вас походатайствовать перед Горьковским областным Отделом Здравоохранения о сохранении Измайловской больницы.

В сентябре Д. Шостакович был удостоен звания почетного профессора Ленинградской консерватории.

Накануне шестидесятилетия композитору было присвоено звание Героя Социалистического Труда и были вручены орден Ленина и золотая медаль «Серп и молот». Этот момент сохранился в кадрах хроники: какой-то расторопный человек долго и деловито ввинчивает замершему в своем кресле Шостаковичу орден в лацкан пиджака. Композитор поправляет съехавший набок пиджак и, ни на кого не глядя, начинает растерянно переставлять коробочки с наградами, лежащими перед ним на столе.

На следующий день, 25 сентября 1966 года, в Москве в Большом зале консерватории состоялись чествование юбиляра и премьера Второго виолончельного концерта, посвященного М. Ростроповичу.

Шостакович любил, когда на день рождения исполняли какое-нибудь его произведение.

В тот незабываемый вечер в Большом зале Московской консерватории Мстислав Ростропович впервые исполнил его Второй виолончельный концерт.

М. Ростропович: «Это, может быть, единственное сочинение в моей жизни, когда Дмитрий Дмитриевич показал его мне незаконченным, он никогда не показывал незаконченных произведений, а Второй концерт он мне показал, когда было написано только начало. Ну я, можно сказать, заболел этим произведением, и знаете, чем мудрее становился наш гений, тем проще была его партитура. Я смотрел партитуру — как долго играют струнные, потом появляются арфы — как долго. Когда смотришь партитуру Рихарда Штрауса, — там столько инструментов, такая сплошь записанная сетка, а в оркестре это звучит довольно просто. У Шостаковича наоборот: очень просто выглядит, а звучит потрясающе, как будто какое-то откровение.

Я этот концерт обожаю, считаю, что это самый лучший концерт, написанный Дмитрием Дмитриевичем для нашего жития и бытия. И я помню очень хорошо премьеру этого концерта на его день рождения: он сидел в ложе, — это незабываемый день всей моей жизни...

Что это был за человек? Это в двух словах не скажешь. Это был гениальный человек, очень чувствительный, он мог сопереживать боль

любого человека. И он настолько сострадал, настолько любил людей, что страшно боялся оскорбить человека или обидеть». *(Из интервью автору)*

Это было одно из самых вдохновенных исполнений Ростроповича, которое мне пришлось когда-либо слышать.

После исполнения композитор выходил кланяться — как всегда, без улыбки.

Мария Юдина написала в тот день: «Шостакович, как и Пушкин, гениальнейший европеец своего времени, как Шекспир, всеобъемлющ, как Достоевский и Густав Малер, обличает пороки человека и человечества, проливая над ними слезы сострадания.

В неисчислимых жизненных заботах, в разъездах, полетах, конгрессах, премьерах, представительствах — мчится внешний рисунок его бытия. Но в творчестве — неся в своем сердце и интеллекте обобщенный прототип всего человечества, он — пред лицом вечности». *(25 сентября 1966 г.)*

Когда приближалось шестидесятилетие Д. Шостаковича, Министерство культуры решило сделать ему подарок — выкупить у певицы Клавдии Шульженко бывший рояль Шостаковича, который он купил когда-то на свои первые заработанные деньги за музыку к кинофильму «Новый Вавилон», но вынужден был продать, когда семья бедствовала и была продана даже мебель из квартиры. Все последние годы Шостакович пользовался прокатным инструментом.

А в это время М. Ростропович, друживший с Б. Бриттеном, находился в Лондоне. Бриттен спросил Ростроповича: «Приближается шестидесятилетие Шостаковича. Что ему подарить? Чего у него нет?» — «У него нет рояля», — отвечал Ростропович. Бриттен помрачнел: «Я солидный человек, чтобы со мною разыгрывать такие шутки». Как рассказывал Ростропович, он упал на колени: «Я чем хотите могу поклясться — нет у него рояля!» Невероятно взволнованный Бриттен вызвал своего секретаря и выписал чек на покупку самого лучшего «Стейнвея» для отправки в подарок Шостаковичу.

И вот в день рождения Шостаковича к дому подъехали две машины. Из одной сгрузили старенький инструмент. С другой — подарок Бриттена.

Пятеро рабочих втаскивают в квартиру подарочный рояль. Спрашивают, куда поставить. Шостакович заволновался: «Как куда? Мы не просили. Вы, наверное, ошиблись этажом, это, наверное, к соседям.

Какая квартира? Это недоразумение какое-то. Почему сюда? Кто вам сказал? Чем отдаривать-то будем?»

Эти два рояля в кабинете Шостаковича так и стоят.

К своему шестидесятилетию композитор, со свойственной ему самоиронией, написал на свои слова, использовав в начале пушкинское четверостишие, **«Предисловие к полному собранию моих сочинений и краткое размышление по поводу этого предисловия»:**

...Мараю я единым духом лист.
Внимаю я привычным ухом свист.
Потом всему терзаю свету слух.
Потом печатаюсь.
И в Лету бух!

Такое предисловие можно было б написать не только к полному собранию моих сочинений, но и к полному собранью сочинений многих, очень, очень многих композиторов, как советских, так и зарубежных.

А вот и подпись: Дмитрий Шостакович.
Народный артист Эс, Эс, Эс, Эр.
Очень много и других почетных званий.
Первый секретарь Союза композиторов Эр, Эс, Эф, Эс, Эр.
Просто секретарь Союза композиторов Эс, Эс, Эс, Эр.
А также очень много других весьма ответственных нагрузок и должностей.

Хроника сохранила и другой юбилей Д. Шостаковича — его пятидесятилетие.

Страна отмечала юбилей ведущего советского композитора по незыблемым канонам того времени. Он получил очередную награду, были опубликованы его высокопарно озаглавленные — наверняка не им — «Думы о пройденном пути».

В Большом зале консерватории, утопающий в корзинах цветов и многочисленных букетах, Шостакович делал над собой усилие, чтобы выслушивать поток льстивых юбилейных речей, часто фальшивых и лицемерных. Потом он тихим голосом поблагодарил правительство и партию за награду — орден Ленина, благодарил исполнителей, друзей и товарищей. Зал, стоя, долго аплодировал ему.

Хор поздравителей из народа живо подхватил:

«В творчестве Шостаковича нашла отражение эпоха XX века — от революции 1905 года до наших космических дней, все ее кипения, бо-

рения, страсти. Шостакович всегда на гребне событий, его музыка созвучна самым глубоким человеческим чувствам, она будит мысль, зовет к действию». *(Т. Матора, работница, г. Пенза)*

«Д. Д. Шостакович — явление весьма и весьма грандиозное в мировой музыке. Подчас его музыка кажется жестокой. Но подлинное искусство никогда бы не было таковым, если бы носило лишь умиротворяющий характер...» *(А. Корнякова, журналист, г. Чехов Московской области)*

«В творчестве Шостаковича поражает широта диапазона. Он великолепный мастер на все руки. Все его произведения, будь то симфония, квартет, опера, песня или романс, глубоки по замыслу и его воплощению...» *(Ю. Шипицын, плотник треста «Иркутскжилстрой»)*

«Шостакович труден? Да. Но этого не замечаешь, когда познакомишься с его музыкой поближе. Конечно, он не похож на Чайковского, как Маяковский не похож на Некрасова. Усложнилась гармония, обострились контрасты. Но ведь те, кого когда-то называли "безумцами", "разрушителями гармонии",— Бетховен, Мусоргский, Вагнер, Скрябин, Дебюсси, Прокофьев, — стали теперь классиками». *(Л. Соловьева, совхоз «Заря коммунизма», Московская область)*

«Музыка Шостаковича неповторима и без труда узнается по нескольким тактам, даже если звучит отрывок из незнакомого произведения. Его музыкальная речь сурова, обнаженна, ей чуждо украшательство». *(Т. и А. Вернигора, г. Усолье-Сибирское Иркутской области)*

«Своей музыкой композитор дает нам почувствовать жизнь. Он, как горьковский Буревестник, — в мире, открытом настежь бешенству ветров. Он позволяет познать радость жизни — борьбы и созидания. Он дает счастье войти в большой мир, прекрасный и тревожный. Мир большой музыки...» *(Группа любителей музыки)*

Теперь, к своему шестидесятилетию, Шостакович получил множество писем, в том числе и от своих избирателей.

✉ *Здравствуйте! Дорогой Дмитрий Дмитриевич, прими наше поздравление и вместе с этим и нашу просьбу. Мы очень хорошо сознаем о здоровом расцвете культурной и прекрасной жизни нашего государства.*

Но вот к нашему несчастью мы этого ничего не видим и не слышим. Расскажу про себя, не вижу потому, что я совсем слепой, не слышу потому, что в нашей деревне не электрифицировано, нет радио. Мне 70 лет, тридцать лет я не вижу свету. От государства хоть небольшую получаю пенсию. А как хочется слушать радио. Радио! Много в этом слове. Это газета вся жизнь налицо всех уголков нашей Родины. Я был трудоспособный зрячий, а теперь слепой и не могу держать в руках газету.

Кругом нашей деревни все деревни электрифицированы, а до нашей подвели линию электропередач и бросили. 6-й год стоят на поле столбы, скоро упадут, а деревня так и осталась без света. Обидно, нет о нас заботы, потому что в нашей деревне большинство живут инвалиды и, видимо, за людей нас не считают.

Очень обидно, что за 80 метров от деревни проходит электрифицированная Горьковская ж.д., бегают электрички, а деревню в 15 дворов подключить стоит преграда.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Нам хочется лампочку Ильича — Радио! Ведь скоро 50 лет Советской власти, а мы этого не имеем.

Убедительно просим помочь нам.

Смирнов Николай Антонович (70 лет), Борисова Анисья Эстафьевна (90 лет).

(Под диктовку школьница М.Н.)

✉ *Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Не сочтите за назойливость мое желание высказать Вам в связи с Вашим шестидесятилетием свое восхищение Вашей музыкой и благодарность за нее. Музыку я воспринимаю только чувством, теории не знаю, а чувство мне говорит, что Вы самый значительный из всех композиторов, живших и живущих.

Очень хочется сделать Вам что-нибудь приятное. Но что я могу?

Если бы Вы разрешили подарить Вам «Die Welt als Wille und Vorstellung» изд. 1890 г., два тома маленького формата. Или, может быть, Вы захотели бы иметь книжку Шарль Бодлер. Лирика. 1965. По опыту знаю, как трудно было ее достать. Если у Вас ее нет и Вы любите Бодлера, буду счастлив сделать Вам этот подарок.

Не считайте себя обязанным ответить мне. Таких, как я — тысячи, а Вы один.

Желаю Вам здоровья.

С глубоким уважением А. Грошев, математик.

Свердловск, 78, ул. Мира 36, кв. 6

Анат. Вас. Грошев.

9 октября 1966 г.

Уважаемый Композитор, Чувствующий Человек — Юбиляр!

По поводу Международной Недели Писем и Вашего 60-летия, позвольте мне, далекой, незнакомой одинокой учительнице из Польши (польке — и потому мне трудно все высказать так как я это чувствую) — передать Вам мой искренний дружеский привет и самые лучшие пожелания: здоровья, успехов в творчестве и собственной жизни.

Я очень люблю музыку. Я слушаю ее, когда только времени хватает, но я выбираю ее «не подряд», а «по душе». Ваше творчество новое, трудное, но легко передающееся. В Вашей музыке звенит и радость, и печаль, и гром, и нежная ласка любви. Мне кажется что Вы как будто вдыхаете (всегда молодым сердцем) всю возле Вас текущую жизнь и потому Ваша музыка близка человеку. Если я, учительница, уже не первой молодости — до поздних часов вечера сидящая над тетрадками школьников — решила (по настойчивости воли) — написать Вам и поблагодарить за Вашу чудесную музыку (прелюдии, квартеты, песни...) это одно из моих свидетельств того, чем для людей бывает музыка.

Импульсов творчества для композитора бывает много: литература, события, чувства человеческого сердца... Вы наверное могли бы написать великолепную музыку по случаю получаемых писем... Ведь слова сердца — как самая лучшая краска художника — чертят и «forte» и «piano» и тональность «dur» или «moll». Слова могут быть и шепотом весенних берез и шорохом увядающих листьев на какой-то забытой дорогой сердцу тропинке... Слова писем — воспоминания войны, утрата любимого друга, мужество, сила защитников Родины...

Если Вы еще больны — пусть мои простые, сердечные слова будут душевным лекарством перед сном, если уже чувствуете лучше — пусть мои (и других похожих на меня людей) пожелания — станут импульсом к дальнейшему творчеству!

С искренним приветом,

Анна Антоновна Байтлик.

Скерневицэ — школа 2.

Улица 1 мая 17 Польша.

Я слушала в нашей «Варшавской осени» Ваш великолепный концерт «Казнь Степана Разина».

22 октября 1966 г.

Во-первых, разрешите Вас поздравить с ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ со дня рождения и награждением Высокой Правительственной наградой, и пожелать Вам самых наилучших успехов и доброго здоровья на долгие

годы и творческой работы в преподавательской деятельности музыкальных произведений.

В настоящем письме я обращаюсь к Вам как к депутату по Горьковскому избирательному округу №6 со следующей просьбой.

Вначале я опишу обстоятельство дела.

Родился я в 1924 году, работаю в колхозе, имею семью 5 человек, инвалид Отечественной войны — имею тяжелое ранение правой ноги. Ранение получил на Ленинградском фронте в 1943 году, домой пришел инвалидом. Около двух лет ходил на костылях, а впоследствии стал ходить и без палочки и думал, навсегда без нее. Всегда чувствовал себя душевно радостным, работал с большим настроением. Иногда приходилось забывать о том, что я нахожусь инвалидом. В настоящее время я еще молод, хочется мне много жить, и много делать, участвовать в колхозе там, где я нужен как инвалид.

Но наступило для меня тяжелое время. Стали сильно болеть ноги, не только ноги, но и боль стала по всему организму. Вот в это уж время действительно я почувствовал себя инвалидом. Ходить стал с большим трудом, и после любой работы и ходьбы я сутками страдаю болью в ногах. За помощью я обратился в местную больницу, врач больницы написал направление в Горьковский госпиталь инвалидов Отечественной войны, чтобы они меня приняли на месячное лечение. Вот уж год, а ответа из госпиталя нет. Кроме того, зав.райсобесом написала мне направление для выделения автотранспорта, но Горьковский ВТЭК — у них сочувствие совершенно другое. Очень ласково они ответили, но тяжело для меня. «Вам, — сказали они, — выделить автотранспорт не можем, потерпите, может быть, когда-нибудь и Вам будем выделять». Меня это очень огорчило. Ведь когда будут выделять нам автотранспорт, тогда он мне будет не нужен.

Мне в настоящее время хочется жить и весело трудиться, а когда протянешь ноги, то ничего в это время не надо.

Ой, как мне надоела эта прямая нога, как мне хочется быть в одной шеренге с людьми, которым предоставлено право работать на современных машинах в сельском хозяйстве и на других работах, связанных с ходьбой. Разве я не накопил бы себе средств и не купил бы себе любую машину, если бы я не был инвалидом.

Мне очень обидно, что в настоящее время вся жизнь у нас в СССР отдана молодежи и всему рабочему классу и интеллигенции. Вот эта вся молодежь живет, смеется и радуется и имеет любой по нраву им автотранспорт. А мне на них глядеть и радостно и очень обидно, бывает, порою доходишь до неприятных мыслей.

Ответ Горьковского ВТЭК меня очень огорчил. Я ведь так же с большим трудом хожу по земле, как и на протезе. Я так же падаю через любую спотыкнувшуюся кочку. Я даже мешаю людям в трамваях, в автомашинах и другом транспорте, где много народу и везде моя нога мешает, то есть я с ногой. Как обидно слушать от молодых людей неприятные слова в адрес калеки ноги. Но, видимо, приходится только завидовать растущей молодежи, которая смеется, радуется и шутит. Вот я и проклинаю агрессию Америки во Вьетнаме, какое горе приносит эта война вьетнамскому народу, в том числе и народу Америки. Не приведи бог нашему народу обратно окунуться в этот ад, опять слезы и муки, и оставаться сиротами и инвалидами.

У нас в селе 3 человека инвалиды Отечественной войны. Подрастающее молодое поколение, которые не видели страха и горя в 1941–1945 годах, нисколько не осознают о состоянии здоровья человека, который пролил кровь на поле боя и с детства остался инвалидом, только из-за того, что сейчас они стали жить радостно и богато. Ну а мне, видимо, так и придется ковылять потихоньку как-нибудь. Пусть я буду до конца своей жизни насмешливо выглядеть, быть может, придется долгое время страдать от боли, которую причинили мне в 1943 году, и до последнего дня останется на моем сердце неизгладимая печаль, если Вы как депутат нашего Горьковского округа не поможете мне в ходатайстве о выделении автотранспорта.

Вот моя мысль, которую впервые выкладываю в письме, но неоднократно устно говорил специалистам-врачам.

Я прошу, чтобы Вы, как депутат, какое-то влияние все же окажете на представителей властей, которые порою делают неправильный вывод, и создают плохие впечатления инвалидам Отечественной войны и другим гражданам.

Вот моя просьба к Вам, помогите в ходатайстве о выделении автотранспорта.

С глубоким уважением, Копышев А.Я.

Чтобы Д. Шостакович мог занять пост председателя Союза композиторов РСФСР, ему необходимо было вступить в партию.

Наша партия с таким вниманием следит за ростом всей музыкальной жизни нашей страны. Это внимание я ощущаю на себе в течение всей моей творческой жизни... — сказал однажды Шостакович.

После вызова в ЦК партии Шостакович рассказывал друзьям, как все происходило: **Поспелов всячески уговаривал меня вступить в**

партию, в которой при Никите Сергеевиче Хрущеве дышится легко и свободно. Поспелов восхищался Хрущевым, его молодостью, он так и сказал — молодостью, его грандиозными планами, и мне необходимо быть в партийных рядах, возглавляемых не Сталиным, а Никитой Сергеевичем. Я, как мог, отказывался от такой чести, говорил, что мне не удалось овладеть марксизмом, что надо подождать, пока я им овладею. Затем я сослался на свою религиозность. Затем я говорил, что можно быть беспартийным председателем Союза композиторов. Поспелов отвергал все мои доводы и несколько раз называл имя Хрущева, который озабочен судьбой музыки, и я обязан на это откликнуться. Я был совершенно измотан этим разговором. При второй встрече с Поспеловым он снова прижимал меня к стенке. Нервы мои не выдержали, и я сдался...

По описанию друзей, Шостакович впал в истерику: пил водку, плакал, цитируя строчку из Пушкина: «И от судеб защиты нет».

В конце концов он написал заявление о приеме в парию: **За прошедшее время я почувствовал еще сильнее, что мне необходимо быть в рядах Коммунистической партии Советского Союза. Во всей моей деятельности имеется немало недостатков, но партия помогала, помогает и будет помогать мне их преодолевать и исправлять.**

Кадры хроники сохранили день вступления Шостаковича в партию, атмосферу в зале, выступления товарищей, дававших композитору рекомендации и читавших по бумажке свои напутствия, искаженное нервной гримасой лицо композитора, затравленно озиравшегося по сторонам, то ли в поисках поддержки, то ли искавшего выход, чтобы сбежать.

Когда Шостакович поднялся на трибуну, чтобы сказать свою речь, звук на кинопленке внезапно исчез. Шостакович стоит, беззвучно шевеля губами под одобрительно-покровительствующими взглядами присутствующих партийных функционеров.

Вот текст, произнесенный тогда Шостаковичем. Он сказал: **Моя работа всегда проходила под руководством Коммунистической партии, чьи указания я считал для себя обязательными и в силу своих способностей и возможностей старался их выполнять... а главное, большая заслуга Коммунистической партии, которая так любовно, бережно, тщательно помогает нам в наших творческих исканиях, помогает нам быть честными слугами своего народа.**

В юбилейный год, когда Шостаковичу исполнилось бы семьдесят лет, Хренников сказал: «О скромности Шостаковича ходят легенды, но я не

знаю ничего удивительней слов, сказанных им на собрании, которое принимало его в партию. Точную речь хранит стенограмма, смысл же заключался в том, что он, Шостакович, не мыслит свою жизнь вне партии, в которую пришел только сейчас, потому что раньше считал себя недостаточно достойным такой чести. Вот это действительно высшая скромность! Он даже, кажется, не понял, почему битком набитый зал взорвался аплодисментами».

Сын композитора Максим Дмитриевич: «Очень много было запретов в его жизни. Нельзя то, нельзя это, а можно это, нужно это. Я знаю только, что отец никогда не плакал, — он был очень мужественным человеком. И один раз, нет, два — он все-таки плакал. Это когда умерла моя мать, и второй — когда шантажом его втянули в партию. Он сообщил нам со слезами на глазах об этом — моей сестре и мне.

Человек, в те времена не живший, может подумать: какая же Шостакович — жертва? Депутат Верховного Совета, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат всех возможных премий, и прочее... Если смотреть с такой точки зрения, то и Александр Сергеевич Пушкин не может считаться притесняемым: был обласкан царем, сочинял верноподданнические стихи. Однако же все считают, что великий поэт пострадал от монархии. Увы! Шостаковичу довелось жить не в России времен Николая I, а в сталинском Советском Союзе. Бывали такие периоды, когда отец чувствовал себя на волосок от гибели. И до самой смерти своей был напрямую зависим от безграмотных, наглых и жестоких чиновников, которые то и дело подвергали его шантажу». *(Из интервью автору)*

Давняя знакомая Шостаковича, писательница Галина Серебрякова, проведшая долгие годы в сталинских лагерях, вдова репрессированного и расстрелянного Сталиным видного партийного деятеля, и после возвращения из лагерей остававшаяся ярой коммунисткой, писала: «Когда Дмитрий Дмитриевич сказал мне, что стал членом партии, я крайне удивилась, так как и в 20-е годы уже не сомневалась что он коммунист. Все самые передовые идеи Маркса, Энгельса, Ленина, борьбы за советскую идеологию волновали его, как каждого борца на баррикадах коммунизма.

— Ты просто оформил сейчас свою давнишнюю принадлежность к партии, — сказала я ему.

Одной из последних его работ была музыка к “Год, как жизнь” — выдающийся композитор стал также первооткрывателем в музыке о марксизме, первым, написавшим киносимфонию о первых коммунистах Земли».

Незадолго до своего вступления в партию Д. Шостакович сочинил вокальный цикл «Сатиры» на стихи Саши Черного. Как всегда, он в музыке сказал то, о чем думал: он выбрал стихи, наиболее созвучные его настроению в то время. Недаром один из друзей композитора говорил о «косноязычии Шостаковича в красноречии и о красноречии в своем искусстве».

ПОТОМКИ

Наши предки лезли в клети
И шептались там не раз:
«Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас».

Дети выросли. И эти
Лезли в клети в грозный час
И вздыхали: «Наши дети
Встретят солнце после нас».

Нынче так же, как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.

Даже сроки предсказали:
Кто — лет двести, кто — пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.

Разукрашенные дули,
Мир умыт, причесан, мил...
Лет чрез двести? Черта в стуле!
Разве я Мафусаил?

Я, как филин, на обломках
Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив;
От портного до поэта
Всем понятен мой призыв...

А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой!

Шостакович так объяснил свой выбор стихов: **...Мне не чужды и веселые переживания. Я написал пять сатирических романсов на слова известного дореволюционного поэта-сатирика Саши Черного. Он едко, с большим сарказмом высмеивает обывателей эпохи реакции, наступившей после революции 1905 года. Ядовито Черный пишет о людях, бросившихся в лоно мистики, стремившихся скрыться в узком, личном мирке.** *(«Счастье творить для народа» — «Известия», 25 сентября 1960 г.)*

«Композиторы навстречу съезду партии», «Итоги съезда партии», «О задачах советских композиторов в свете решений пленума ЦК КПСС» — вот темы его докладов и выступлений.

В то же самое время своему бывшему ученику Шостакович писал: **Две лишь ошибки были в Вашем письме.**

Первая. Это то, что Вы считаете, что некоторые люди ставят себе задачу лишь «петь осанну красному цвету». Это — большая ошибка. Эти люди не поют осанну ни зеленому, ни желтому, ни тем более красному цвету. Они вообще не поют осанну, так как решительно ни во что не верят. Верят они, если можно это назвать «верят», лишь в собственное благополучие. В собственное, а не в благополучие людей — народа и мира. Во имя собственного благополучия они готовы на все; конечно, кроме подвига и добра. *(8 января 1965 г.)*

В год вступления в партию Шостакович написал реквием самому себе.

В то лето он отправился в Германию, где проходили съемки фильма «Пять дней — пять ночей», к которому он должен был писать музыку, — о спасении картин Дрезденской галереи воинами Советской Армии. Съемки происходили в окрестностях Дрездена. Туда и приехал композитор.

...Написал никому не нужный и идейно порочный квартет. Я размышлял о том, что если я когда-нибудь помру, то вряд ли кто напишет произведение, посвященное моей памяти. Поэтому я сам решил написать таковое. Можно было бы на обложке так и написать: «Посвящается памяти автора этого квартета». Основная тема квартета — ноты DSCH, т.е. мои инициалы (Д.Ш.). В кварте-

те использованы темы моих сочинений и революционная песня «Замучен тяжелой неволей». Мои темы следующие: из 1-й симфонии, из 8-й симфонии, из Трио, из виолончельного концерта, из «Леди Макбет». Намеками использованы Вагнер (Траурный марш из «Гибели богов») и Чайковский (2-я тема 1-й части 6-й симфонии). Да — забыл еще мою 10-ю симфонию. Ничего себе окрошка. Псевдотрагедийность этого квартета такова, что я, сочиняя его, вылил столько слез, сколько выливается мочи после полдюжины пива. Приехавши домой, раза два попытался его сыграть и опять лил слезы. Но тут уже не только по поводу его псевдотрагедийности, но и по поводу удивления прекрасной цельностью формы. Но, впрочем, тут, возможно, играет роль некоторое самовосхищение, которое скоро пройдет и наступит похмелье критического отношения к самому себе. *(19 июля 1960 г.)*

Восьмой квартет — это музыкальная автобиография Шостаковича, полная драматизма и предчувствия будущего. В песне «Замучен тяжелой неволей», ставшей похоронным маршем, есть слова: «Как ты — мы, быть может, послужим / Лишь почвой для новых людей, / Лишь грозным пророчеством новых, / Грядущих и доблестных дней...»

В четвертой части квартета идет сопоставление песни «Замучен тяжелой неволей» с темой каторжников — их путь в Сибирь из оперы «Леди Макбет» — путь, который не раз возникал в воображении Шостаковича.

Но официально квартет посвящен «Памяти жертв войны и фашизма». В такой версии он и исполняется до сих пор, как будто не было расшифровки самого композитора, к чему он прибегал крайне редко.

На вопрос корреспондента, что вдохновило Шостаковича на создание Восьмого квартета, Шостакович ответил: «Квартет посвящен жертвам войны и фашизма. Разоренный, разбитый Дрезден».

✉ *25 сентября 1966 г.*

От гр-ки: Беловой Анны Алексеевны,

проживающий: Чувашская АССР, Шумерлинский район, поселок Речное.

Убедительно прошу помиловать моего мужа от дальнейшего срока наказания.

Мой муж, Белов Иван Тимофеевич 1919 г. рожд. осужден 17 декабря 1964 года Шумерлинским районным нарсудом Чувашской АССР по ст. 15-103 УК РСФСР к 3 годам 6 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима. Начало срока наказания с 29 октября 1964 года.

Хотя мой муж и был осужден, как якобы за покушение на мое убийство, но в действительности дело обстояло иначе. Где произошел этот случай муж ремонтировал в качестве плотника коровник. Поэтому у него в руках был плотничий топор, которым он работал. Между тем в приговоре суда об этом ничего не сказано и создается впечатление, что муж специально пришел с топором с целью моего убийства, а в действительности дело обстояло и обстоит иначе. У нас была обыкновенная семейная ссора, но ни какого умысла на мое убийство у мужа конечно не было.

Все это произошло из-за заведующего столовой Орлова, который уже после нашей с мужем ссоры, догнал мужа и сзади ударил его палкой по правой руке отчего произошел перелом кости руки. Муж с ним не скандалил, а только сказал, что за это зав. столовой Орлов будет отвечать. Сама я работала дояркой в данной столовой. И вот, чтобы избежать ответственности зав. столовой Орлов так обрисовал работникам милиции дело, что якобы муж покушался на мое убийство. А работники столовой, в том числе и я, пошли на поводу у Орлова и подтвердили его вымысел, хотя дело и обстояло иначе. Вот при таких обстоятельствах мой муж был осужден. Я не хочу больше на своей совести терпеть несправедливость, какую мы создали по отношению к осуждению мужа, но так как теперь в судебном порядке изменить что-либо практически невозможно я убедительно и прошу рассмотреть мое ходатайство на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР — помиловав моего мужа Белова Ивана Тимофеевича 1919 г. рождения, отбывающего наказание по адресу: Чувашская АССР, гор. Новочебоксарск, 17, подразделение п/я ЮЛ 34/3 «А».

Этим вы только восстановите справедливость. С осужденным мужем я прожила семейной жизнью 22 года, у нас уже имеется четверо взрослых детей. Все время муж честно трудился и всегда характеризовался только положительно.

[•] *...от сына Белова Анатолия Ивановича — в/ч 07394.*

Даю показания по поводу отца Белова Ивана Тимофеевича.

Мой отец — Белов Ив. Т., ко мне относился только с хорошей стороны. Уделял большое внимание в смысле воспитания детского моего возраста. Я как сын, не наблюдал пьянок и семейных ссор. Правда были выпивки, но это в праздничные революционные дни, совместно с матерью. А по этому большое ему спасибо, вырастил меня и сейчас нахожусь на охране границ нашего Государства. С приветом к вам.

18/09-66 г.

30/09–1966 г.

ДЕПУТАТУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

тов. ШОСТАКОВИЧУ Д.Д.

ДИРЕКЦИЯ И РОДИТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШК №1 ГОР. БАЛАХНЫ ПРОСИТ ВАС ОКАЗАТЬ СОДЕЙСТВИЕ В ВЫДЕЛЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ТРИНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ НА ПОДВОДКУ НАРУЖНОЙ ТЕПЛОТРАССЫ К ШКОЛЕ. ВНУТРЕННЯЯ ТЕПЛОФИКАЦИЯ ШКОЛЫ СДЕЛАНА ПОЛНОСТЬЮ. ТАК КАК БЫЛО ЗАВЕРЕНИЕ ГОРИСПОЛКОМА В ТОМ ЧТО ШКОЛА НА ЗИМНИЙ СЕЗОН 1966–1967 УЧЕБНОГО ГОДА БУДЕТ ПОДКЛЮЧЕНА В ОБЩУЮ ГОРОДСКУЮ СЕТЬ ТЕПЛОФИКАЦИИ, ТО НЕОБХОДИМОСТИ В ЗАГОТОВКЕ ТОПЛИВА НЕ БЫЛО. В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ЕСТЬ ОПАСЕНИЕ, ЧТО ПОДКЛЮЧЕНИЯ ШКОЛЫ НЕ БУДЕТ: ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ НА ТРАССЕ ПРЕКРАЩЕНЫ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ.

ЕЩЕ РАЗ ПРОСИМ ВАС ОКАЗАТЬ СОДЕЙСТВИЕ В ЭТОМ БОЛЬНОМ ДЛЯ НАС ВОПРОСЕ.

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

(МИЛОВЗОРОВА А.Д.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕШКОЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА

(СУЧКОВ В.А.)

ЧЛЕНЫ РОДИТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА

(НИКОЛАЕВА Н.И.) (ШУРАШОВА В.А.)

✉ *Дмитрий Дмитриевич!*

Представляется маловероятным, чтобы Вы заинтересовались тем предложением, с которым я к Вам решил обратиться: по-видимому, у Вас есть свои творческие планы. Но, с другой стороны, не исключено в полной мере, что у Вас под руками нет литературного материала для создания современной оперы, и это дает мне известную надежду на Ваше внимание к моему предложению.

Содержанием задуманной оперы является освоение целины. И я взялся за это дело, отлично зная, что «целинная» тема способна отпугнуть любого композитора своей явственной «конъюнктурностью». Но я лично вижу в освоении целины не только дело, эпохальное само по себе (о чем мне легко судить, так как я достаточно хорошо представляю себе историю мирового земледелия, занимаясь этим вполне профессионально не один десяток лет), но несущее в себе фаустианское начало нашего времени — идею коллективного созидания.

Я не нахожу нужным излагать сюжет: известно, что в настоящем художественном произведении он обычно не играет значительной роли.

Скажу только, что он не из «ходовых», что центральным образом оказывается девушка, рожденная русской женщиной, вышедшей некогда замуж за байского батрака-казаха, несущая в себе черты и русской и азиатки.

Произведение задумано мною как опера-быль, оно вбирает в себя массу реального материала, собранного мною в районах целинных земель, но имеющего несколько легендарный характер.

Помимо действующих лиц в опере фигурируют действующие силы, а именно Хор Земли, Хор Степи, Хор Времени, Хор Весны и т.д.

Действие охватывает годы 1911 (голод в России, бегство переселенцев из Сибири и Степного края) — 1953, развертывается в Тургайской степи (Казахстан) с ее причудливой смесью народонаселения, природных богатств и вымирания от голода.

Для того, чтобы Вы могли судить о характере исполнения замысла и литературном уровне сценария-либретто, посылаю Вам первую картину, более или менее отработанную. Целиком предполагаю закончить либретто в ближайший месяц, если бы Вы сочли возможным информировать меня о Вашем отношении к моему предложению, даже если оно кажется неприемлемым для Вас лично.

Надо ли добавлять, что если бы Вы взялись за это дело, я приложил бы все силы, чтобы литературный материал удовлетворял Вас вполне только моим уважением к Вашему великому художественному дару, но и моей внутренней потребностью к предельному совершенству того, что предназначено, как все истинно художественное, для долгой жизни.

С неисчерпаемым уважением, Вас. Русаков

22 октября 1966 года

Москва.

Год 1966-й стал последним в педагогической деятельности Д. Шостаковича. Все окончившие аспирантуру были приглашены в консерваторию преподавать. «Теперь мы с вами коллеги», — сказал Шостакович после заключительного аспирантского экзамена.

А. Успенский: «Наше поколение росло на его музыке, с его именем на устах. Вот почему колотилось сердце, когда он стал нашим педагогом, когда мы увидели его вблизи, когда он снял очки, чтобы протереть их, — и мы увидели его как рыцаря без лат: близкого и беззащитного. У него надо всем учиться. И не только музыке.

Мои студенты часто меня спрашивают: в чем заключался педагогический метод Шостаковича? Я до сих пор не могу ответить на этот вопрос исчерпывающе, ибо Д.Д. не учил нас сочинять музыку. По выра-

жению лица, по интонации мы научились определять отношение Д.Д. к прослушанному...»

Б. Тищенко: «Писать надо без рояля, чернилами и сразу в партитуру. — говорил он.

— А если ошибка? — спрашивает кто-то из нас.

— А вы будете думать, прежде чем поставить ноту».

Г. Уствольская: «Он не правил партитуру. Старался понять. Если ему нравилось, это было видно. Он считал: композитор или получится, или нет. Лучший курс жизни — все перенести в себе».

А. Розанов: «Он сказал: "Все это очень приятно, только слишком много нот. Пишите, как писали классики — лишь необходимые ноты, нужные звуки, ничего лишнего, никакого нагромождения... Ищите свой стиль... Ищите свой стиль. Ищите свое собственное лицо"».

М. Ростропович: «Ни одного музыканта я так не боялся в своей жизни, как Шостаковича. И этот трепет остается во мне и по сию минуту. Я всегда с большой благодарностью вспоминаю всех своих учителей, но в некоторых случаях сама жизнь как-то приблизила меня к ним. А от Шостаковича в каком-то смысле как бы отдалила. Потому что чем больше я начинаю понимать в музыке, тем больше преклоняюсь перед гением этого музыканта...» *(Из интервью автору)*

В. Биберган на вопрос, продвигал ли Шостакович своих учеников, ответил: «Он не был импресарио. Он был — Учитель. Дмитрий Дмитриевич как-то беседовал с нами году в 1967-м о культуре, о значении профессии композитора и вдруг сказал: "Вы читали сказки Салтыкова-Щедрина? А вы почитайте! Там есть чудная сказка, которая называется "Пропала совесть". Кто-то потерял совесть, и вот она лежит на тротуаре — брошенная, жалкая, избитая, тощая... Надо ее поднять, но никто не хочет, потому что с совестью жить гораздо тяжелее". Вот это, я считаю, было самое главное, что было в душе Шостаковича и чему он нас учил».

Среди фотографий, которые я отобрала для съемки, — фотография Шостаковича со своими учениками. Дмитрий Дмитриевич взял в руки фотографию, перечислив всех по имени-отчеству, обеспокоенный, не забыл ли кого — «забудешь кого-нибудь — обидится...» Потом сказал: **Мое личное мнение такое, что все зависит от таланта каждого, так сказать, студента. Потому что если человек лишен дарования, то пусть его хоть сам Бетховен учит — боюсь, толку не будет. А вот когда люди талантливые, понимающие, чуткие, то, конечно, это очень приятно. Легко и приятно их учить. У меня связаны с моей педагогической работой самые хорошие воспоминания.**

Когда смотришь на фотографии, на которых изображены события прошедших лет, то как-то с одной стороны радостно на них смотреть, а с другой — грустно. *(Из интервью автору)*

В 1948 году Шостакович был уволен из Московской консерватории.

Ирина Антоновна Шостакович: «Наверное, можно найти этот приказ в анналах консерватории, когда его за профнепригодность уволили. Это был отклик на Постановление о формализме — что не тому учил. Но Дмитрию Дмитриевичу никто не сказал об этом: рассказывают, что он пришел на занятие, прочел этот приказ, повернулся и ушел». *(Из интервью автору)*

Мне удалось найти в архиве этот постыдный приказ, вот он:

ПРИКАЗ № 159

по Московской ордена Ленина Государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Москва 26 августа 1948 года.

Освободить от педагогической работы в Московской ордена Ленина Государственной консерватории имени П.И. Чайковского т.т. Белого В.А. и Житомирского Д.В. с 1 сентября 1948 года, и т.т. Шебалина В.Я. и Шостаковича Д.Д. — с 20 сентября 1948 года.

Основание: Приказ № 522 от 18.8.48 года Главного Управления Учебных Заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

Директор Московской ордена Ленина Государственной консерватории им. П.И. Чайковского профессор Свешников А.В.

Ирина Антоновна Шостакович: «Потом Свешников, новый директор вместо уволенного Шебалина, просил Дмитрия Дмитриевича вернуться в консерваторию и преподавать, — уже через много лет. Но Дмитрий Дмитриевич не хотел — он был там иногда председателем экзаменационной комиссии. И директор Ленинградской консерватории Серебряков не лучшим образом себя повел в те годы, хотя они с Дмитрием Дмитриевичем были знакомы с юности». *(Из интервью автору)*

[•] *Глубоко уважаемый тов. Депутат*

Дмитрий Дмитриевич Шостакович!

Избиратели-студенты г. Ленинграда очень просят Вас принять участие в определении судьбы выдающейся пианистки Веры Лотар-Шевченко и помочь ей поступить преподавателем музыки в ленинград-

скую консерваторию; которая после 8 летней ссылки числится солисткой Алтайской филармонии, где она там не может быть использована в должной степени. Эта пианистка — явление незаурядное; игра ее совершенна. Студенчество потеряно и ошеломлено. Из газеты «Комсомольская Правда» за 19-12-1965 г.: «Ее игрою наслаждается весь мир — Париж, Нью-Йорк, Вена, Рим, Берлин и т.д.».

В 1925 году 15-летней девочкой она с золотой медалью окончила Парижскую консерваторию. Она ученица А. Корто и Э. Зауэра.

С 7 по 14 февраля она будет в Москве и даст шефский концерт в редакции газеты «Комсомольская Правда». Именем Листа, Рубинштейна, Глазунова, Чайковского, Римского-Корсакова студенты просят Вас воскресить славу ленинградской консерватории гениальным учеником которой и Вы являлись.

Дорогой Депутат! Студенты консерватории и Оперной студии при консерватории и учащиеся 10-летней Музыкальной школы очень просят Вас попытаться выполнить нашу просьбу.

Обращаться же к П. Серебрякову считаем бесполезным.

С искренним уважением к Вам

все студенчество.

✉ *30 сентября 1966 г.*

Дмитрий Дмитриевич!

Дорогое правительство, прошу на Ваше усмотрение оказать мне какой-нибудь угол для жилья. Я человек высланный. Во время войны из г. Ялта выслали в г. Балахну Гор. области. Муж погиб в войну, а меня выслали с 10-летним мальчишкой. Поступила в Горисполком в подсобное хозяйство, работала 15 лет, жила на кладбище 15 лет. Стала хлопотать квартиру, 12 лет ждала, на 13-й год получила ордер на восьмиметровую квартиру. Жила 9 лет, жила и не нарадовалась. Горисполком потребовал мой ордер, чтоб сыну дали квартиру, взяли мой ордер. Прошу Вас возвратить мне квартиру, которую я заработала. Дорогое правительство, прошу Вас сообщить. От слез не могу подробности Вам написать. Слышу по радио, всем, у кого муж погиб в войну, прибавят пенсию, а мне нет ничего. Еще тех, у кого погибли мужья на фронте, тех всех снабжают комнатами, а я как высланный человек мне все везде отказ. Даже которую я сама зарабатывала комнату и то взяли мой ордер за сыновнину квартиру. Дорогое правительство, прошу Вас, пожалуйста, разберите мою просьбу на месте. Прошу Вас со слезами, а то мне уже нет сил по чужим углам ходить, где день, где ночь, я уже устала. Моя комната пустует, только для блезиру повесили на окна

занавес. Прошу Вас, чтобы мой угол возвратили мне. Хоть мне, может, и жить не придется, но пускай я отдам свой дух в своем углу. Прошу не отказать моей просьбе.

Большую Вам благодарность за Ваше внимание, что Вы хоть обратили внимание на меня, беззащитную...

Я надеюсь на Вас, что Вы мне поможете. Моя фамилия Мартазанова Алима, адрес на конверте. Жду от Вас отклика.

[•] *...Я пожилая женщина 69 лет по национальности татарка. Со слезами на глазах обращаюсь к Вам, наш депутат по Горьковскому национальному округу, с просьбой помочь мне в моей беде: получить мне ключи от комнаты, в которой я жила и которую у меня отобрали в жилуправлении города Балахны потому, что мой сын живет и работает в поселке Правдинск, получил там однокомнатную квартиру, он женат, скоро будет у них ребенок, и я там не нужна. В Балахне я уже живу больше 20 лет, в той комнате, от которой взяли ключи, жила 9 лет, я получаю пенсию 24 руб. Куда же мне теперь деваться? Муж мой погиб в Великую Отечественную войну. Ходила я, ходила в разные организации, и никто мне не хочет по-человечески разобраться. Я прошу Вас как депутата Совета Национальности помочь мне. Ведь та комнатка, от которой у меня ключи взяли, все равно сейчас пустует, так помогите мне вернуть ключи от этой комнаты и дожить там до конца своей жизни, ведь и жить мне осталось немного...*

[•] *3 октября 1966 г.*

Дмитрий Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам как к своему депутату.

Я инвалид — у меня нет обоих ног и одной руки, работаю в Горьковской студии телевидения художником вот уже 8 лет. Я не нытик и не пессимист, живу интересной полнокровной жизнью. Единственное, что отравляет ее — это ужасные квартирные условия. Я, жена и дочь живем в 11 метрах. С 1955 года я хлопочу о квартире. Уже несколько раз стоял на 1-й очереди, но время от времени почему-то очередь моя отодвигается. Последний раз с 1-й очереди меня перевели на 18-ю.

Никто не может мне объяснить, почему это происходит и когда кончится это издевательство.

Прошу Вас, уважаемый Дмитрий Дмитриевич, вмешаться в это дело и помочь мне.

С уважением, Зубренков Владимир Семенович.

✉ *Просьба*

Родной дорогой музыкант Дмитрий Дмитриевич. Я обращаюсь к Вам, к Вашему доброму дорогому сердцу. Ваше большое доброе сердце дарит трудовому народу музыку, которую я всей душой люблю. Я верю — Вы человек! А поэтому обращаюсь к Вам, как к родному отцу. Я прожил на свете 37 лет. Я с детских лет познал нужду, голод, холод, рос без отца. Я не видел радостей в своей горькой собачьей жизни. Я не наедался белого хлеба досыта. В 1959 г. несправедливо лишили свободы на 15 лет повторно. Из них 7 лет и 11 месяцев страдать в стенах колючей проволоки. Потеряно здоровье, язва желудка и язвы в кишечнике. Очень тяжело жить в неволе. У меня есть одинокая 72-летняя мать, которая находится на закате жизни. Очень хочется увидеть ее в живых, и прижаться к материнской груди, и зарыдать от счастья. Дорогой отец Дмитрий Дмитриевич! Вот пишу Вам просьбу и смотрю на Ваш портрет в газете «Правда». Я вижу дорогой образ, вижу любимого мне музыканта, и мне захотелось написать Вам просьбу как к человеку, как отцу, и попросить Вас помочь мне хоть раз в моей горькой жизни.

Вы большой человек. Вас знает весь мир. Я же капля в океане. Мне очень тяжело бороться за отнятую свободу. Прошу Вас, протяните свою добрую руку. Помогите вернуться к одинокой матери и к честному труду. Походатайствуйте перед Председателем Президиума РСФСР Игнатьевым Н.Г. о снижении меры наказания. Ваше имя, Вашу доброту я не забуду до могилы. И Ваше доверие, Ваше ходатайство я оправдаю только честным трудом, буду день и ночь трудиться в родном колхозе. Дорогой ЧЕЛОВЕК, отец Дмитрий Дмитриевич. Пошлите мне радость, пусть хоть раз в моей горькой жизни взойдет радость. 17 лет я лишен свободы, очень надоела эта жизнь. Хочется жить. Я не молод, понял жизнь и преступником не буду, оправдаю Ваше доверие. И еще попрошу, если можно, то как отец пошлите немного денег. Я буду нанимать адвоката для борьбы за отнятую свободу, в чем Вас глубоко прошу в просьбе.

И еще хочется от всего своего маленького сердца пожелать Вам доброго здоровья на три века по 90 лет. И много-много музыки, радости для всего человечества и для русского народа, строящего цветущий Коммунизм!

Так будьте здоровы, бодры, пусть Ваше сердце бьется века для человечества, для Родины. До свидания, родной, любимый отец Дмитрий Дмитриевич. Прошу, не откажите в просьбе и напишите мне ответ.

Кушнарев М.А.

18 октября 1966 г.

Уважаемый товарищ Шостакович, мне 34 г. С 14 и до 19 лет я работал. Жил в сельской местности Дзержинского р-на. В 19 лет у меня отнялись ноги Я стал инвалидом I группы. Пролежав в постели несколько лет, я настоял, чтобы мне отрезали ноги. С 56 по 61 г. я 9 раз ложился под нож хирурга. В итоге остался без обоих ног до основания и с крайне ограниченными движениями в руках. Но вопреки всему, я стал двигаться. На малогабаритной комнатной коляске, а это уже лучше, чем лежать живым трупом. В 63 г. я нашел себе работу в г. Дзержинске. Работаю надомником. После всех мук я не мог оставаться жить в деревне, потому что по песку и грязи мне передвигаться на этой коляске невозможно. А мотоколяской я пользоваться не в состоянии физически. Поэтому я переехал жить в город и поселился на частной квартире. Женился. В моем положении найти квартиру очень тяжело. Поэтому я нашел ее с горем пополам на далекой окраине города в частном доме. Нет никаких самых элементарных удобств. А главное, нет асфальта. А без него я остаюсь без движения, как и раньше. Асфальт для меня это ноги.

Комната засыпная, холодная, 7 кв.м., негде развернуться. Поимейте ввиду, я работаю дома. И в бане моюсь тоже в комнате, в детском тазе. В городской бане мне мыться невозможно. За три года я дважды болел заразным заболеванием (грибок), чем награждал и жену. В этом ничего удивительного нет. Потому что я по всей банной грязи ползаю голой задницей (извините за прямоту). Причем весь 4-километровый путь от бани до хаты мне приходится совершать пешком. И представьте себе, каков я являюсь после бани. В пять раз грязнее, чем был до ее.

В зимнее время и оправляться приходится в комнате, потому что уборная стоит на улице в стороне, задута снегом. В моей шкуре приходится терпеть все невзгоды. Жилья на нашем предприятии не предвидится до будущей пятилетки. В связи с этим горисполком поставил меня на очередь на комнату. Но увы! Очередь моя 60. Поэтому, когда она подойдет, будет идти следующая пятилетка. И еще все впереди стоящие на очереди (или почти все) имеют государственное жилье. Причем они не такие беспомощные физически, как я...

Настоятельно прошу Вас, помогите мне избавиться — быть только комнатным животным без движений. Помогите, пожалуйста, получить жилье в городе в асфальтированной зоне. Дайте мне возможность хоть чуть-чуть почувствовать равноправным гражданином Советского Союза.

Желательно Ваше мнение. Надеюсь получить ответ от Вас, а не с дистанций.

Лукоянов.

Двадцатого октября 1966 года Шостакович из больницы вновь шлет обращение в ЦК КПСС с просьбой освободить его от обязанностей первого секретаря Союза композиторов РСФСР.

Обращение Д.Д. Шостаковича к секретарю ЦК КПСС Демичеву:

Многоуважаемый Петр Нилович!

Обращаясь к Вам с большой просьбой: я собираюсь сложить с себя обязанности первого секретаря Союза композиторов РСФСР. Состояние моего здоровья не позволяет мне уделять этим обязанностям время и энергию. В скором времени, после возвращения из больницы, где я сейчас нахожусь, я хочу этот вопрос поставить перед Секретариатом Союза композиторов РСФСР. А если с моим уходом с поста первого секретаря возникнут осложнения, то я очень прошу Вас меня поддержать в моем желании уйти с руководящей работы из Союза. Конечно, в меру моих сил, я буду работать в Союзе, выполнять отдельные поручения и т.п. Быть же руководителем Союза композиторов РСФСР я не могу.

Шлю Вам самые лучшие пожелания.

Больше полугода аппарат ЦК не отвечал, и только 27 июля 1967 года появилась Докладная записка ЦК КПСС (*секретно*): «Секретариат Союза композиторов РСФСР рассмотрел просьбу т. Шостаковича Д.Д. об освобождении его от обязанностей первого секретаря Союза и счел возможным просить т. Шостаковича Д.Д. остаться во главе организации. Секретариат Союза композиторов РСФСР заверил т. Шостаковича Д.Д. в том, что ему будут созданы максимально благоприятные условия для восстановления здоровья и творческой деятельности. В настоящее время т. Шостакович Д.Д. на своей просьбе не настаивает».

Даже тяжело больной, он не мог освободиться от своих должностей. Не помогали ни его просьбы, ни долгое пребывание в больнице.

За время пребывания в больнице меня смотрел профессор-хирург и профессор-невропатолог. Оба они чрезвычайно были довольны моими руками и ногами. В конце концов то, что я не могу играть на рояле и с колоссальным трудом хожу по лестницам, это не имеет значения. На рояле можно и не играть, а ходить по лестницам не надо, дома надо сидеть, нечего шляться по лестницам да по скользким тротуарам. И верно: вот вчера я погулял, упал и сильно расшиб колено. А ведь, сиди я дома, ничего подобного не произошло бы. В остальном все обстоит тоже очень хорошо. По-прежнему я не пью и не курю. Соблазны были. Но дурацкий страх оказался сильнее соблазнов. Курить же я просто не хочу и не соблазняюсь

табаком. А выпить иной раз очень хочется, но (см. выше насчет страха).

Прочие физические нагрузки, видимо, мне тоже перестали быть доступными. Я думаю, что не смогу приехать в Ленинград на премьеру моего концерта для виолончели из-за моего слабосилия. А ведь лестницы везде: и в Большом зале консерватории в том числе. Конечно, мне это очень грустно. Видимо, в Ленинград я приеду не скоро, а может быть, и совсем больше не буду приезжать.

Если я себя почувствую лучше, то, может быть, приеду в Ленинград, хотя это и очень сомнительно.

Возможно, что через 2–3 дня лягу в больницу. Жрецы науки, составившие консилиум, говорят, что это совершенно необходимо для моего здоровья и процветания. *(10 ноября 1966 г.)*

Болезнь рук и ног преследовала и угнетала композитора до конца его жизни. Он здоровался правой рукой, поддерживая ее левой, так же писал и свои рукописи — положить на стол правую руку он мог, лишь подняв ее левой...

Максим Дмитриевич: «Первые симптомы болезни появились у отца еще в 1958 году, когда он был во Франции и выступал в концерте. Сначала он решил, что "переиграл руку". Но болезнь развивалась, и, в конце концов, поставили диагноз. Это называется "боковой амеотрофический склероз" сокращенно — SLA. Своих недомоганий он стеснялся, я бы сказал, что он относился к своим болезням целомудренно». *(Из интервью автору)*

Сейчас я с трудом передвигаюсь на костылях. Надеюсь, это искусство не смогу довести до совершенства и после вторичного пребывания в больнице буду наслаждаться в котильоне... *(3 декабря 1960 г.)*

Весь декабрь 1966 года Шостакович в больнице. Композитор получал десятки писем со всего мира от людей, которые узнали о его болезни и пожелали ему здоровья.

[•] *Дорогой г. Шостакович, я была очень опечалена, узнав, что Вы в больнице, и решила послать Вам то, что мы в Англии называем «послание здоровья», чтобы Вы поскорее выздоровели.*

Я хотела бы написать Вам письмо по-русски, но в школе мы учили только французский, итальянский и немецкий языки, но я надеюсь, что Вы поймете это письмо. Это лондонская школа, и мне надо еще год заниматься в ней. Мне будет 17 лет, когда я окончу школу. Препо-

даватель музыки в нашей школе английский композитор Гарднер посещал Россию в прошлом году. Я выучила несколько Ваших прелюдий и фуг для ф-но. Я учусь также играть на скрипке и играю в школьном оркестре.

Когда я кончу школу, я надеюсь поехать на год за границу, может быть, в Африку, чтобы учить читать и писать неграмотных людей, а потом окончить университет и преподавать в школе историю и английский язык.

Знаете, какую пластинку я люблю больше всего? Это пластинка с Вашим Вторым концертом для ф-но и 1-ой симфонией — оба произведения замечательны!

В конце я хочу Вам сказать, что много, много молодежи, вроде меня, очень любят Вашу музыку и желают Вам скорого выздоровления. Мы посылаем Вам наши лучшие пожелания.

Искренне Ваша Джоанна Дэй. Англия, 1966 г.

Письмо от Бреда Вексге, США:

✉ *...Я прочел в газете о Вашей болезни. Мне 10 лет, и я буду играть Ваш «Лирический вальс» в Детройте, на собрании учителей по ф-но. Мне очень нравится ваша музыка. Выздоравливайте!*

✉ *Дорогой профессор!*

Я узнал, что Вы в настоящее время нездоровы, и Вам предстоит отдых в течение нескольких недель. Я надеюсь, что Вы прислушаетесь к мнению врачей...

Великий французский писатель Марсель Пруст в одном из своих произведений сказал, что мы всегда живем в тесной близости с нашим самым большим врагом — собственным телом, владея умом, мы часто зависим от нашего бедного тела.

1966 год. Гаспар Кассадо.

Но, даже находясь на лечении, Шостакович продолжал получать письма избирателей и отвечать на них. Вот некоторые из писем конца 1966 года.

✉ *Здравствуйте, дорогой Дмитрий Дмитриевич!*

Первым долгом, позвольте передать Вам мои пожелания скорейшего выздоровления и быстрее выйти из больницы. Желаю Вам отличного здоровья, счастья, радостного и бодрого духа настроения! Во-вторых, разрешите от всей души поздравить Вас с 60-летием со дня Вашего

рождения — этой знаменательной, юбилейной дате я преклоняюсь так же, как и весь наш советский народ, и в своем сердце несу радость за Вас. Ваша гениальная музыка радует меня тем, что она звучит призывом на счастье народное, гимном провозглашает аккорды за построение светлого коммунизма, к чему мы идем и стремимся. Ваша Седьмая Ленинградская симфония — это мировой шедевр музыкального искусства! Слава Вам, Дмитрий Дмитриевич! Желаю Вам долгих-долгих цветущих лет жизни! Желаю Вам написать еще прекрасной музыки! Дмитрий Дмитриевич, сердечно благодарю Вас за внимание, которое обрадовало мое сердце тем, что Ваш личный секретарь тов. Гаямова З.А. сообщила мне в письме так:

«Уважаемый Сергей Сергеевич!

Депутат Верховного Совета СССР Дмитрий Дмитриевич Шостакович поручил мне сообщить Вам, что Вашим делом он займется по выздоровлении, когда выйдет из больницы».

Все это хорошо, радостно, только, Дмитрий Дмитриевич, Президиум Верховного совета СССР не разбирал мое заявление с просьбой снять с меня, Рогозова Сергея Сергеевича, гражданский ИСК в порядке помилования и все мои документы направил в Верховный Суд РСФСР, который не удовлетворил мою просьбу и решение Ядринского нар. суда оставил в силе. Решение Верховного Суда РСФСР направляю Вам для ознакомления. Москва обратно возвратила мне мои бумаги, которые я посылал в Президиум Верховного Совета РСФСР. Что теперь делать? Как быть? Президиум Верховного Совета РСФСР не разбирал мое ходатайство, но почему же? Может заняться вопросом о снятии с меня гражданского ИСКа Верховный Суд Чувашской АССР только при Вашем содействии, Дмитрий Дмитриевич, если Вы от себя лично напишете председателю Верховного Суда Чувашской АССР, чтобы он при Вашем содействии снял с меня иск (он может сделать как исключение, учитывая мое положение и Ваше содействие). Посылать ли мне заявление с прилагаемыми всеми бумагами в Верховный Суд Чувашской АССР? Жду Вашего совета и ответьте мне по этому вопросу. Помогите, Дмитрий Дмитриевич, Ваша сила большая.

Надеюсь. С уважением, Рогозов С.С.

Примите от меня горячий от всего сердца Вам привет!

5 ноября 1966 г.

Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Я, Клементьев Н.А., обращаюсь к Вам непосредственно как к своему депутату Верховного Совета СССР, как к члену нашего Высокого Пар-

ламента с нижеследующим. Я и моя семья в кол-ве 5 человек в данное время проживаем в комнате площадью 10 кв. м. В настоящее время я болею туберкулезом легких и нахожусь в туб. больнице по месту жительства в г. Горьком. По поводу моего бедственного положения я неоднократно обращался во все Советские и профсоюзные организации, но, к большому моему сожалению, все мои письма медленно покрываются пылью. А то, что я участник двух войн: финской 39–40 гг. и Отечественной Войны 41–45 гг. и то, что дважды ранен, контужен, имею награды и благодарности, это совершенно не учитывают никто.

У меня три сына в возрасте 14, 13 и 12 лет, ютятся как негры в знаменитом американском Гарлеме. Ну, посудите сами: они не имеют понятия, как это кушать, сидя на стуле (за неимением места у стола они кушают стоя), спят двое на диване, а третий между диваном и кроватью на полу.

Многоуважаемый тов. Депутат!

Когда я заболел туберкулезом, то, откровенно говоря, я обрадовался. Наконец-то, думаю, я хоть с этой болезнью смогу получить комнату побольше. Но напрасно я так думал.

В больнице я нахожусь с 13 июля 1966 года, и по сей день с квартирой у меня вопрос не сдвинулся ни на шаг.

Я прошу Вас от себя лично и от имени моих детей, помогите как депутат Верховного Совета, как член Нашего Парламента, как Человек! Помогите мне в моем бедственном положении. Я не знаю, что мне нужно еще сделать, чтобы улучшить свои бытовые условия. Я прошу Вас! Помогите! Жилплощадь у завода есть, и к Новому году сдается еще 80-квартирный дом, но в завкоме мне говорят так: как мы будем Вам говорить, дадим или не дадим, вот пообещаем, а вдруг не дадим, а вы и назовете нас болтунами. И это они считают ответ исчерпанным, и с этим я ухожу. А секретарь Ленинского райкома партии т. Исаев, к которому я обратился по этому вопросу, на мой вопрос «к кому же мне обращаться, ведь не к американцам же?» ответил: «Ну что ж, обращайтесь к ним, может, и помогут». Это ответ партийного руководителя. Ведь он этим ответом плюнул в лицо нашей Ленинской партии.

Многоуважаемый товарищ Депутат! Я обращаюсь к Вам и прошу Вас, помогите мне, убедительно прошу Вас! Помогите!

С глубоким уважением к Вам, я и вся моя семья. Клементьев Н.А.

[•] *Д.Д. Шостаковичу*

Я, Дикарев Михаил Павлович, 1902 года рождения, проживаю с моей женой Дикаревой Прасковьей Ивановной 1910 г. рождения — жена пенсионерка. Сам я инвалид Отечественной войны с 1948 года, с диагнозом хронический фиброкавернозный туберкулез легких с обсеменением, отсутствия большого пальца и анкиоз большого пальца левой руки. Настоящее время нахожусь в тяжелом состоянии на лечении в туберкулезном диспансере. Инвалид II группы. Имею сына Дикарева Владимировича Михайловича 1947 года рождения, который в настоящее время находится в г. Алатырь Чувашской АССР за мелкую кражу, выразившуюся в хищении трансформатора электропроигрывателя и пластинок из парка с танцплощадки — стоимостью 133 руб. 68 коп. 27 октября 1965 г. Вурнарский народный суд Чувашской АССР приговорил его к исправительно-трудовым работам на 1 год с вычетом из зарплаты 10%, но по протесту прокурора Вурнарского р-на Чувашской АССР решение суда было отменено, и по второму суду от 14 декабря 1965 года приговорили к 3 годам тюремного заключения. Обращаюсь к Вам как избиратель с просьбой в оказании ходатайства о снижении — освобождении сына из заключения. Вину его я и сам как отец признаю, но он не настолько развращен и опасен для общества. Кража им была совершена впервые. До этого никаких плохих поступков за ним не было. Ввиду моей тяжелой болезни и тяжелого материального положения он после окончания 8 классов средней школы вынужден был устроиться на работу. Работал столяром в Сергачском комбинате бытового обслуживания, где проработал до 5 июня 1965 г. Настоящее время нам с женой физически очень тяжело. И я, пока жив, хочется, чтобы он вернулся снова к настоящей жизни и трудился, как и все советские люди. Считаю, что год тюремного заключения для него послужил большим уроком. А поэтому я Вас прошу оказать мне в этом по мере законности помощь в освобождении моего сына из заключения.

Дикарев.

[•] *15 ноября 1966 г.*

Депутату Верховного Совета СССР
Тов. Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу
От п/полковника в отставке, инвалида
СОРОКИНА Михаила Степановича, проживающего
г. Горький, ул. Маслякова 12–2.

Заявление.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, вторично прошу Вашего разрешения на личный прием независимо от места по Вашему усмотрению,

т.к. только Вы сможете оказать мне помощь по вопросу жизни человека, отдавшего Родине в течении 44 лет, в т.ч. 26 лет в органах милиции и Сов. армии — всю жизнь, здоровье и зрение.

О месте и времени приема прошу сообщить.

П/полковник в отставке, инвалид Великой Отечественной войны.

✉ *9 ноября 1966 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Многие годы проработал на Автозаводе газо-электросварщиком. Болезнь сердца привела к тяжелой операции. Излишне писать о том, что значит операция на сердце. Дело в том, что я живу в комнате на 4-м этаже. Такой подъем мне противопоказан. Сосед (квартира общая) систематически хулиганит, избивал меня, ломал дверь, 3 раза судим, в настоящее время содержится под стражей. Создалось такое положение, что мне, старому пенсионеру, инвалиду, старому производственнику — нет жизни!

Я вынужден просить Вас дать мне возможность жить.

По закону я имею право на изолированное жилье — можно ли претендовать на это???

Прошу Вас, помогите мне.

Волков И.А.

23 ноября 1966 г.

г. Горький Облисполком.

Заместителю председателя по вопросам культуры.

Направляю Вам заявление моего избирателя Н.А. Мичурина, проживающего в деревне Анциферово. Считаю просьбу Н.А. Мичурина обоснованной и прошу Вас оказать помощь.

Д. Шостакович.

✉ *26 декабря 1966 г.*

Москва, К-9, ул. Неждановой, дом 8/10,

корпус 2, кв. 28

товарищу Шостаковичу Д.Д.

Горьковский облисполком сообщает, что Ваши просьбы, высказанные в Вашем письме от 20 декабря с.г., будут удовлетворены полностью.

Пользуясь случаем позвольте поздравить Вас с наступающим Новым Годом и пожелать Вам доброго здоровья и успехов в Вашей работе.

И. Чугунов.

Алешохина М. А.
Агисимова Л. Ф.
Андонова А. И.
Артамов А. М.
Артамошкин А. Ф.
Абрахо М. И. и Д. М.
Баранова (Фурман) К. Г.
Бигдашев Я. А.
Бобров А. С.
Богатенкова Л. Я.
Богданов В. И.
Богоявленский М. А.
Большаков А. П.
Бран Д.
Брук Ш. А.
Брунина М. З.
Бурлакова Л. И.
Бакин П. Н.
Василевская А. Н.
Васильевой У. В.
Васильева
Васильева Х. Ю.
Величкина Л. К.
Вильковский И. М.
Власова О. Б.
Гаврилов Ю. П.
Гальперин М. Г.
Гаухман Б. Я.
Герасимова З. И.
Герасимова Л. В.
Герасимов Г. В.
Гурман Я. А.
Говорова Н. П.
Голубенцов
Гольдберг Л. Д.
Горфинкель Д. А.
Лебедев Л.

1962

Грехова В. Н.
Григорьева А. Б.
Грюковский В.
Гурнев С. Г.
Данилец М. П.
Данилов А. П.
Дамиденко А. С.
Демин А. М.
Денисов А. А.
Дивеев П. П.
Дмитриева Г. Д.
Дубачева Ю. П.
Евстюхин В. И.
Егорова В. А.
Егорова Г. П.
Ерин
Есевкина Р. А.
Захаров И. Д.
Зубаков В. А.
Иванова М. А.
Иерусалимская А. М.
Кадникова А. А.
Карасевич В. К.
Карпенко В. Д.
Карпова М. И.
Карцева А. М.
Кирков Ю.
Кислина Л. П.
Князева А. И.
Козырев Ю. М.
Козырина В. М.
Коробов. Д. Я.
Кодов К. И.
Карельников Ф.
Карыжевский А. М.
Кононова М. Н.
Краснов С. Я.
Кузнецов Н. А.
Кузнецов П. М.
Кульмис Р. Б.
Кущенко Л. В.
Лебедева З. С.
Лебедева В. Н.

Левенгев
Леонтьева А. М.
Леонтьева Е. П.
Лозинский Ф. М.
Мадаев С. Я.
Маркова З. И.
Маркова Т. Ф.
Марунова Т. П.
Мартынов Ф. А.
Наравский А. Д.
Новик М. С.
Наркина И. Г.
Овчинникова М. А.
Окунев А. М.
Парахин И. П.
Писаренко С. В.
Подсановский К. И.
Полиц А. Н.
Поморцева В. Л.
Правдин А. И.
Прохоров В. Н.
Радько К. М.
Ведичкина Е. М.
Роск И. А.
Рубинин
Савчук Н. В.
Сахновский Н. Н.
Сиверкова Т. Т. и
Сизова М. Д.
Скворцова С. И.
Скомаровская К. М.
Соколова Г. М.
Сорокина Е. Ф.
Сальникова Н.
Тагер Е. М.
Тихин В.
Тишкин В. В.
Треблиб А. В.
Тырлов А. Т.
Тюнькова Т. Т.
Удинцев С. М.
Ульрович Е. Ф.
Ушакова Н. П.
Фадеева
Фадеева А. В.

(Стр. 73–75) Списки избирателей, записавшихся на прием к депутату Д. Шостаковичу

Абанин В.Н
Аверьянова П.Г.
Антипова В.С
Анциферов И.С
Белов А.И
Белов Г.И.
Белов И.Т.
Белова Д.П
Белова А.А
Богов А.С.
Бордовский М.И
Буланова А.В
Варенкова Т.Г.
Волков И.А
Выхованец М
Глодких
Городецкая А.Д
Горожанин А.В
Грязнов-Аракчеев М.Я.
Дикарев М.П
Емельянова А.А
Жарков В.Н
Жуков И.Е
Зайкина А.К.
Зайдулина Г.
Залусская К.А.
Замятин А.Г.
Зарецкий И.Д.
Зиноров Н.П
Зотов А.Д
Зубренков В.С
Иванов К.Н
Игнатенко В.П
Камнев А.П.
Камышенков М.А
Кротова А.П.
Кузнецов В.И.

Каргина
Киреева Е.А
Клементьев Н.Л
Колобянина К.И
Копышев А.Я
Коренов Н.А
Кравцова Т.К
Кутрухин А.П
Кушнарев М.А
Лукьянов А.И
Мазур Т.П
✓ Мартазанова А
Маслов В.А.
Маслов И
Мачулина М.М.
Микин Б.М
Мудров
Муксинов А.
Мухамеджанова Р.

1966

Мухрыгин Э.М.
Нагаев В.Н
Найдин А.И
Наумкин А.В
Нерославская Ю.А
Ондырев А.Р.
Первышева Л.В
Перевозникова С.Н
Попова Р.М
Поранов М
Прянишников Д.В
Разумовская М.И
Рогозов С.С
Романова М.А
Савичев П.Т
Садовников
Сазонов Н.Я.
Севастьянов Р.В
Сергеев Е.А

Симаков И.П
Смирнов Н.А
Соколовы В.М. и В.И
Сорокин М.С.
Сулимов В.К
Тарасов Н.А
Третьяков Г.Л
Трофимов
Тюкаев А.А
Чирков А.В
Чумаков В.Н.
Яцына А.И
Элконин М.Б

Коллективные заявления

Абрамова М.Н
Арбатов Е.
Бардовская А.М
Бедняков А.С.
Бендев В.Т.
Бодрова А.Т
Верьяненков Я.К.
Викторов Ю.В
Гезенцвей Ю.С.
~~[illegible]~~
Дедюхин А.А
Домашенков Н.
Ермакова Е.П
Ефимова Р.А.
Жаков Я.Г
Зазовский М.Д.
Зарубицына А.И
Заславский И.П
Залусская К.А.
Зейфер К.М.
Карасев В.С
Касаткина А.И
Корниенко И.П

Адинаева М.М
Асанов С
Баранов Г.И.
Барлева Е.М.
Бахова Е.С
✓ Бачурин В.М
Бесгунсев А.С
Белякова Ф.И.
Боголюбов О.М
Борисевский А.Г.
Бочкарев А.Г.
Булашов В.А
✓ Воронина
Гаврилов И.М
Гадзендинова В.И.
Голубев Н.В
Городецкий
Дмитриева В.Ф
Гусев А.М
Гусев В.В.
Дагоголова
Ерин С.И
Исаков Ю.И.
~~Исмаилов~~
Залеров П.И
Захарова К.Г.
Збруев А.
Зенина Л.Е
Зубренков В.
Иванов К.Н
Иванов В.А
~~Ивановский~~
Карасев А
Каргина М.П.

1967

Карышева З.А.
Клементьев Н.А.
Клечина П.А.
Колесников В.А
✓ Кондратьева А.А
Кореков Н.А.
Корякина К.А
Кошкин А.А
Кузнецова Т.И.
Кукушкин Б.И
Кусков Н.К
Лазарев И.П.
Лазарева Е.В.
Лебедев У.И.
Лев И.А.
Левина-Клопов Ю.А.
Леонтьев Н.И
Мадонова К.И.
Мазур
Маклашина
Мазгокова З.А
Майракова Л.Н.
Мельцева Р.А
Миридонова Г.В
Михайлов К.А.
Мосякин Н.В
Мизруков Б.Г.
Осокин А.Ф.
Палигина Д.А
Парфенова Т.В
Полозанов Д.
Потапов В.В
Прозоров И.И
~~Обаева~~
Прячков И.И
Рабхелд А.Г
Сазонов Н.Я
Самарина М.А.
Сбоева Т.Н.

✓ Симаков И.Г.
Симонов С.М
Сиразкин А
Сморжкова П.Д
Суркова Н.Г.
Сухин
Трезякин Г.Д.
Продимов
Тугарова Е.А.
Улилин С.А
Федорова З.Г.
Филиппов А.Н
Халезов М.В
Херувимова-Филиппова Г.Г.
Чернова Ис
Черняков Е.С
Чумаков В.Н.
Шагулин
Шайкова М.И
Шилова Е.И.
Шкунов Б.А
Яковлева Е.Б
Кулькова З.Ф
Лапицкий
Малышева В.Я
Мансыров А.Г.
Мелентьева Е.И
Науменко
Новинская А.Д
Огирь С.Г.
Пасухова З.В
Палозков М.П.
Полякова З.А
Поневолин К.Н.
Прусова Е.А

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1966 году советская автоматическая межпланетная станция «Луна-9» совершила мягкую посадку на поверхность Луны — на землю впервые переданы панорамы лунного ландшафта. Другая автоматическая станция достигла поверхности Венеры.

Отряд атомных подводных лодок СССР впервые совершил кругосветное плавание без всплытия в надводное положение.

В Москве на Красной площади принята Клятва молодежи СССР.

Постановление Совета Министров СССР «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования в сельском хозяйстве», по которому Красные знамена стали вручаться колхозам, совхозам, районам, краям, областям, победившим в социалистическом соревновании.

Год начала «великой культурной революции» в Китае. Из СССР высланы все китайские студенты.

Пятьдесят пленных американских летчиков были проведены по улицам Ханоя.

В Ватикане упразднено отделение инквизиции — «священная канцелярия».

Произошло разрушительное землетрясение в Ташкенте.

В СССР создан цирк на льду.

Начало экспериментальных передач цветного телевидения.

Первая публикация «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, цикла «Воронежские тетради» О. Мандельштама.

Т. Адорно публикует «Негативную диалектику», а Марк Шагал расписывает Метрополитен-опера. Сняты фильмы «Персона» И. Бергмана, «Война и мир» С. Бондарчука, «Дневная красавица» Л. Бунюэля, «Мужчина и женщина» К. Лелуша, «Обыкновенный фашизм» М. Ромма и «Андрей Рублев» А. Тарковского, который выйдет на экран только через пять лет.

К. Пендерецкий сочинил пьесу для оркестра «О природе звука», Арво Пярт — «Pro et contra», а А. Шнитке — Первый струнный квартет и Второй скрипичный концерт.

Группа «Битлз» выпустила альбом «Желтая подводная лодка».

ГЛАВА ВТОРАЯ 1967 ГОД
«НАД РОДИНОЙ НАШЕЙ СОЛНЦЕ СИЯЕТ» (ТЕНЬ ВОЖДЯ)

3 февраля — окончание цикла романсов на стихи А. Блока (ор. 127).

4 февраля — Д. Шостакович присутствует на авторском вечере Г. Свиридова.

15 марта в посольстве Австрии в Москве Д. Шостаковичу вручен орден «За заслуги перед Австрийской Республикой» (в течение ряда лет композитор являлся председателем Общества советско-австрийской дружбы).

18 мая — окончание Второго скрипичного концерта (ор. 129), посвященного Д. Ойстраху.

10 августа — Д. Шостакович завершил симфоническую поэму «Октябрь» (ор. 131).

16 сентября — премьера симфонической поэмы «Октябрь» (ор. 131).

25 сентября — Москва. Большой зал консерватории. Премьера Второго скрипичного концерта, посвященного Д. Ойстраху (ор. 129).

24 октября — Москва. Большой зал консерватории. Премьера Траурно-триумфальной прелюдии памяти героев Сталинградской битвы (ор. 130).

28 октября — Москва. Малый зал консерватории. Премьера Вокально-инструментальной сюиты «Семь стихотворений Александра Блока» (ор. 127), посвященного Г. Вишневской.

13 ноября–29 декабря — Д. Шостакович в больнице.

...Много думаю о жизни, смерти и карьере... Разочаровался я в самом себе. Вернее, убедился в том, что я являюсь очень серым и посредственным композитором... Однако сочинение музыки — влечение рода недуга — преследует меня... *(3 февраля 1967 г.)*

Среди депутатской почты Шостаковича много писем от людей, ставших жертвами сталинских репрессий.

Письмо, приведенное ниже, написала женщина-врач, в прошлом сотрудница НКВД, очевидно ставшая свидетелем допросов и пыток. И хотя со времени смерти Сталина прошло больше десятилетия — пытки, издевательства, тайные аресты, слежка, ложные доносы, государственная измена, предатели, расстрелы, врачи-убийцы, — всеми ужасами сталинского времени продолжала жить автор письма к Шостаковичу.

Это письмо порождено страхом, который копился годами и сводил людей с ума. Исповедь человека, отравленного страхом эпохи.

Страхом, который пережил и сам Шостакович, написав в Тринадцатой симфонии «Страх»: «Умирают в России страхи, словно призраки прежних дней...»

«Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу действительность воспроизвести целиком без пропусков, со всеми ежедневными подробностями — это была бы ужасающая картина.

Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовольствием приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны, тех, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделать существами с чувством собственного человеческого достоинства. Я терзаюсь ядовитым укором. Пощадите же Родину и нас», — писал в своем обращении к власти академик И. Павлов.

Тень вождя еще долгие десятилетия будет витать над страной, перебравшись в следующий век и в новое тысячелетие.

✉ *8 января 1967 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Заявление

Я родилась в Ленинграде в 1918 году. 2-й Ленинградский Медицинский Институт закончила в октябре 1942 года. Работать начала с декабря 1941 года, в поликлиннике Софии Перовской в Ленинграде, в качестве зауряд-врача. С апреля 1942 года по май 1944 года работала в системе УВПО НКВД г. Ленинграда, вначале — медицинской сестрой, затем — после окончания института — санитарным инспектором, награждена медалью «За оборону Ленинграда» АN№43921.

Уволена была из системы УВПО НКВД по болезни: туберкулез легких.

В 1954 году в Ленинграде я проводила себе повторно лечение стрептомицином. Покупая 1-% раствор пирамидона в аптеках для разведения

стрептомицина, я заметила, что в коробке одна ампула полупустая. Проверяя другие ампулы кипячением в воде, я нашла еще две неполные. При остывании в такую ампулу через тонкое как волосок отверстие в головке насасывалась подкрашенная вода, и отверстие становилось заметным.

В 1952 году у меня был больной, которому ввели в/венно раствор глюкозы. Больной потерял сознание и без сознания был принесен в палату. Молодой, полный до того сил человек, в течение трех-четырех дней был в тяжелом состоянии. Самая сильная реакция была со стороны сердца. Сразу — аритмия, частый пульс. Затем явления эндокардита с поражением клапанов.

Во время болезни И.В.Сталина — снятая в 11 часов утра 5 марта 1953 года электрокардиограмма показала острые нарушения кровообращения в венечных артериях сердца с очаговыми изменениями в задней стенке сердца. Электрокардиограмма, снятая 2-го марта 1953 года, этих изменений не устанавливала. Лейкоцитоз увеличился с 17.000 — 4 марта до 21.000 — 5 марта. При инъекциях пенициллина с начала болезни.(«Известия»)

Читая сообщения в газетах в конце болезни И.В.Сталина, я подумала, — а теперь уверена — что не попала ли такая же ампула с капельным отверстием в головке, с глюкозой, к И.В.Сталину. Может быть, глюкозу вводили И.В.Сталину и до второго марта?

С 1.08.1948 г. по 16.12.1950 г. я работала заведующей туберкулезным кабинетом Городской б-цы г. Немана Калининградской области. В декабре 1950 года я решила еще раз провериться на рентгене в в/госпитале г. Советска № 4255. Как врач, я прошла без записи и без очереди. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела, что рентгеновский кабинет превращен в камеру пыток. Пытают сына И.В.Сталина — Василия Иосифовича Сталина. В это время в военном округе, расположенном в Советске-Немане, шло следствие. Часть военнослужащих обвинялась в государственной измене. В городе говорили о расстрелах, произволе, зверствах во время следствия, о том, что уничтожают наиболее талантливых, преданных Партии и Советской власти людей.

Тогда же в Немане, вызванная по ложному адресу к больному, я попала в комнату, где среди группы военных был Смирнов В 1942 году он вел в УВПО НКВД г. Ленинграда следствие по делу Гармаша и вызвал меня свидетелем. Смирнов И.П. знает, что я знаю его прошлое, работу в крепости Шлиссельбург.

После посещения в/госпиталя г. Советска № 4255 первой моей мыслью было ехать в Москву и рассказать И.В.Сталину о том, что я ви-

дела в Немане и Советске. Меня же те, кто пытал В.И.Сталина, сам И.П.Смирнов и его банда решили уничтожить. Я была уверена, что буду убита. Напугали так, что я оформила увольнение, не ожидая перевода из Министерства Здравоохранения.

5-го ноября 1951 года меня приняли для работы врачом-фтизиатром в санаторий МВД СССР г.Ялты. Из Ялты я написала И.В.Сталину заказное письмо, а затем отправила две телеграммы. Писала: на Вашу жизнь И.В.Сталин или на жизнь одного из членов Вашей семьи готовится покушение. Прошу вызвать меня в Москву для дачи объяснений лично Вам. Вызова я не получила. Я была уволена из Санатория МВД СССР г. Ялты.

Я решила вернуться домой в Ленинград, к матери и брату.

10.03.1953 года, в день похорон И.В.Сталина, я послала заказное письмо В.М.Молотову, где еще раз писала, что на И.В.Сталина готовилось покушение. Мне не ответили.

В мае 1953 года, когда я приехала в Ленинград, на Моховую д.8 кв.1, я увидела, что к нам в квартиру по ночам привозят и привозят посторонних людей. Этих людей бьют, пытают, уродуют, издеваются над ними, добиваясь от них дачи нужных показаний и сведений. К нам в квартиру стали приводить людей и днем. Их не только избивали, пытали, издевались над ними. Их уродовали, выводили раздетыми на улицу в мороз. Я писала письма и заявления в Управление Милиции, Управление МВД, Министру Юстиции, в Райком КПСС, Обком КПСС.

Никто не отвечал.

25 января 1955 года я обратилась в ЦК КПСС на имя Члена Президиума ЦК КПСС тов. Г.М.Маленкова. Мне не ответили.

К нам в комнату вселился «следователь». Я не знаю (и сейчас) его фамилию и настоящее имя. Он рылся в вещах и бумагах брата.

По виду врач спец. части походил на англичанина. И «следователь», и его сожительница — Алла Александровна Ткачева — работают для английской разведки.

Если Вы помните, тринадцатого января 1953 года в «Известиях» была напечатана статья «Шпионы и убийцы под личиной врачей». В хронике ТАСС сообщалось о раскрытии и аресте органами государственной безопасности группы врачей. Все они являлись агентами иностранных разведок — американской и английской.

В «Известиях»

14.01.1953 г. И.В.Сталин принимает Заместителя Председателя Общества Китайско-Советской дружбы Сун-Цзин-Линя и Председателя Китайской Академии Наук Го-Мо-Жо.

28.01.1953. Ноты Советского Правительства Правительствам США, Великобритании и Франции по вопросу о государственном договоре с Австрией.

29.01.1953. «В Министерстве Иностранных дел СССР» Обострение отношений с Данией. Вопрос о намерении Датского правительства допустить размещение на своей территории в мирное время вооруженных сил иностранных государств — членов агрессивного Атлантического союза. Удлинение срока службы датских солдат — 18.02.53.

3.02.1953. Иранское Правительство решило прекратить деятельность смешанной ирано-советской компании «Иранрыба».

7.02.1953. «Американская чистка аппарата ООН».

7.02.1953. «Чехословацкая нота правительству Израиля».

7.02.1953. Прием И.В.Сталиным посла Аргентинской Республики Л.Браво.

7.02.1953, 8.02.1953, 10.02.1953. Четвертая сессия Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета (НПКС). Доклады: Чжоу-Энь-лая и Мао-Цзе-дуна.

8.02.1953. Присвоение звания Маршала Корейской Народно-демократической Республики Ким Ир Сену.

8.02.1953. Доклад Ким Ир Сена на совещании высшего офицерского состава Корейской Народной армии «Мы уверены в победе!».

14.02.1953. Телеграмма И.В.Сталина Председателю Центрального Народного Правительства Китайской Народной республики тов.Мао-Цзе-дуну.

18.02.1953. Прием И.В.Сталиным посла Индии К.П.Менона.

Как ответ на статью в «Известиях» от 13.01.53 г. «Шпионы и убийства под личиной врачей» взрыв бомбы на территории Миссии СССР в Израиле.

Двенадцатого февраля 1953 года в «Известиях» печатают сообщение о прекращении дипломатических отношений с Правительством Израиля.

Двадцать четвертого февраля 1953 года в «Известиях» опубликована статья «США ведут бактериологическую войну в Корее». Это — показания пленного американского полковника Фрэнка Швабла от 6.12.1952 г. Почему показания пленного опубликованы через месяц? Посмотрим «Известия» за 6.12.1952. В этот день газета не выходила. 5.12.1952 года был «День Конституции». В заголовке газеты написано большими буквами. Сегодня — день сталинской конституции и слово сталинской подчеркнуто. Зачем?

25.02.1953 года в «Известиях» напечатана статья «США ведут бактериологическую войну в Корее». Это — показания пленного американского майора Роя Х. Блэя 21.01.53. Напечатана статья опять через месяц. Если взять начальные буквы фамилии майора Рой Х. Блэй, то получится РХ или ХР. ХР — это «хризма», монограмма Христа. По преданию Христос был врачом. Рой Х. Блэй давал свои показания 21 января 1953 года. Если посмотреть «Известия» за 21 января 1953 года, то это — траурный день, день смерти В.И.Ленина.

На передней странице газеты траурная кайма. Это надо понимать так: По преданию Христос был врачом. Действуйте (Джойнт) через врача или медицинскую сестру. Газеты читают все: и друзья, и враги. Это был сигнал врагу. Действуйте бактериями. «Джойнт» — филиал английской и американской разведок, а США ведут бактериологическую войну (24.02.53, 26.02.53).

Рой Х. Блэй давал свои показания 21.02.53, в день смерти В.И.Ленина. В «Известиях» за этот день на передней странице траурная кайма. На задней странице сообщение о награждении врача Тимашук Л.Ф. за напечатание в «Известиях» 13.01.53 года статьи «Шпионы и убийцы под личиной врачей», за арест группы врачей-убийц. Убить надо И.В.Сталина. Потому в «Известиях» от 5.12.1952 года слово сталинская подчеркнуто (в словах: Сегодня — день сталинской конституции. Все слова с большой буквы.)

24.02.1953.

5.12.1952 — двойной смысл.

26.02.1953.

21.01.1953 — двойной смысл.

Еще раз: И.В.Сталина надо убить, убить с помощью врача или медицинской сестры, убить с помощью микробов.

Чтобы агент совсем понял своего хозяина, 27.02.1953 года в «Известиях» напечатана карикатура Б.Ефимова «Очумелая стратегия». Нарисован большой черный шприц с микробами чумы, холеры и др. Написано: «Бактерии, а не генералы выигрывают войну».

Бактерии (американцы, англичане — Джойнт), а не генералы (И.В. Сталин) выигрывают войну (болезнь, война).

И.В.Сталина надо убить, убить за статью «Шпионы и убийца под личиной врачей», за арест евреев-сионистов. Поэтому 21 января, с траурной каймой для И.В.Сталина, напечатано сообщение о награждении врача Тимашук Л.Ф.

Поэтому неизвестно, к кому попала моя ампула с капельным отверстием в головке, заявление и документы, посланные 25 января

1955 года на имя Члена Президиума ЦК КПСС тов. Г.М.Маленкова. И.В.Сталин был в таком возрасте, что ему просто могли назначить в/венно вливания глюкозы.

Четвертого марта 1953 года в «Известиях» напечатано сообщение о том, что в ночь на 2-ое марта у И.В.Сталина произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Тов. И.В.Сталин потерял сознание.

Были приняты все меры. Я ни на минуту не сомневалась в профессорах, которые лечили И.В.Сталина. Я пишу потому, что отверстие в головке ампулы было совершенно незаметно. Что дозу могли вводить И.В. Сталину и до кровоизлияния в мозг.

Кто-то устроил грязное дело.

«Следователь» на свободе. Где мой брат, я не знаю.

Зачем я Вам все это пишу?

Мне нужна Ваша помощь, помощь Москвы. Документы у меня все на руках.

Заусская К.А.

Галина Дмитриевна, дочь композитора: «Помню день смерти Сталина. Я прибежала из школы: "Ах, Сталин умер, Сталин умер!.." — "Сталин умер? Ничего страшного", — ответил отец. Он оценивал все это очень правильно, и уже тогда нас воспитывал в нужных тонах — было ясно, что можно говорить дома, а что на улице, — все это в нас крепко сидит, поэтому сейчас язык развязать насчет Сталина — не развяжется». *(Из интервью автору)*

«Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево», — сказал однажды Сталин в то время, когда в стране шли аресты и расстрелы. Сравнение Сталина с садовником стало одним из распространенных пропагандистских штампов:

«...Я смотрю на народ, в душе весна, / Нет ни бедности, ни печали. / Расцветает, как сад, страна; / В нем садовник — товарищ Сталин...»

«О самом большом садоводе, / О самом любимом и мудром» слагали не только оды, но и анекдоты, за пересказ которых могли расстрелять:

«Почему Сталина называют Великим Садовником? — Потому что он всех подряд сажает и сажает...»

«В Москве ходят слухи, что у Сталина — болезнь сердца. — Вздор, слухи для того, чтобы думали, будто у него есть сердце...»

Или вот анекдот про любимую трубку Сталина:

«У Сталина пропала трубка. Берия арестовал сто человек. Трубка нашлась, о чем Сталин сообщил Берии. Берия отвечает: “Очень хорошо, но что делать? За исключением одного, они уже все признались!” — “За исключением одного?! Продолжай расследование...”»

Кадры хроники сохранили момент, когда композиторы, среди которых Д. Шостакович и С. Прокофьев, подписывают приветствие «вождю народов» и «корифею науки» по случаю его юбилея.

Шостакович подписывал и другие коллективные письма Сталину, хлопоча за осужденных — например, за жену композитора Никольского, репрессированную и высланную из Москвы: **Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Считаем своим долгом обратиться к Вам, как организатору и руководителю советского искусства... Жена Никольского, Лидия Александровна Никольская, 45 лет, в январе 1934 года была несправедливо выслана по постановлению тройки Ч.О. О.П. и О.Г.П.У. на вольное поселение в город Петропавловск сроком на три года... Жена Ю.С. Никольского нам давно известна как честный, правдивый человек, горячо любящий семью и чутко относящийся к творческой работе своего мужа...**

Это только одно из подобных писем, подписанных Шостаковичем — «лауреатом Сталинской премии, профессором-орденоносцем».

В личных письмах Д. Шостаковича встречаются упоминания вождя.

Сегодня я имел огромное счастье посетить заключительное заседание съезда стахановцев. Видел в президиуме товарищей Сталина, Ворошилова и Шверника. Речью Ворошилова я был пленен, но после прослушивания Сталина я совершенно потерял всякое чувство меры и кричал со всем залом «Ура!» и без конца аплодировал. Его историческую речь ты прочтешь в газетах, так что излагать тебе ее не буду. Конечно, сегодняшний день является самым счастливым днем моей жизни; я видел и слышал Сталина. *(Москва, ноябрь 1935 г.)*

Шла «Леди Макбет». На спектакле присутствовали товарищ Сталин, Молотов, Микоян и Жданов... Со скорбной душой забрал портфель и поехал на вокзал. У меня неважное настроение. *(28 января 1936 г.)*

В часы, когда Шостакович писал это письмо, уже вышла газета «Правда» со статьей «Сумбур вместо музыки».

Из дневника Елены Булгаковой:

«28 января 1936. Сегодня в “Правде” статья без подписи “Сумбур вместо музыки”. Разнос “Леди Макбет” Шостаковича. Говорится “о не-

стройном сумбурном потоке звуков...” Что эта опера — “выражение левацкого уродства...” Бедный Шостакович — каково ему теперь будет. Ходят слухи, что ее санкционировал сам Сталин. Он посетил спектакль, сидел в ложе над оркестром и ушел после первого акта разъяренный. Мы опасаемся и ждем ареста Шостаковича...

6 февраля 1936. Сегодня в “Правде” статья под названием “Балетная фальшь” о “Светлом ручье”. Жаль Шостаковича...»

Ирина Антоновна Шостакович говорила, что у Дмитрия Дмитриевича было такое впечатление, что Сталину не музыка не понравилась, а то, что там есть возмездие убийце. А так как он был в крови людей безвинных... «Он сказал, что если человек убийца, то совершенно не важно, что он хороший семьянин, или гениальный стратег, но он убийца, — и в этом все». *(Из интервью автору)*

Когда-то Ленин определял диктатуру как власть, опирающуюся на насилие: «Диктатура есть власть... не связанная никакими законами... Диктаторствовать может и кучка лиц, и олигархия, и один класс...» (*Полн. собр. соч., т. 37, с. 244–245)*

«Мы должны пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим. Партия может жестоко ошибаться, например считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое, называть черное белым. И я скажу — да, и я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней», — вторил ему Бухарин.

Эта установка «считать черное — белым, а белое — черным» стала мироощущением нескольких поколений.

Подозрительность, страх, образ врага, вредителя, подстерегающего на каждом шагу, страх перед соседями, сослуживцами, прохожими на улице, перед государством, заграницей внедрялись в сознание каждого советского человека. И всего советского народа.

Фильм «Родина» — мать опознает вредителя в собственном сыне, «Две встречи» — муж опознает вредителя в своей жене, «Крестьяне» и «Партийный билет» — жена опознает вредителя в муже, «Большая жизнь» — друг разоблачает друга и сдает милиции, «Алмас» — вредитель клевещет на активистку, «Честь» — враг переводит стрелки железнодорожных путей, «Встречный» — вредитель делает неверные вычисления для станка, «Золотые огни» — вредитель на электростанции, «Аэроград» — шпион-японец делает себе харакири, когда не может навредить...

Страх, ощущение постоянной опасности рядом стали частью жизни.

О таком страхе писал Гоголь: «Находили на меня минуты жизненного онемения; сердце и пульс переставали биться, онемение, перешедшее в бесчувствие прижизненной смерти», — душа «окаменелая от страха... и уже ни страха, ничего не чувствовал он».

Невроз, порожденный страхом, присущ персонажам Гоголя: «будто кто-то молотком бил по сердцу», — эти удары слышны в музыке Шостаковича с ее «бьющимся на разрыв сердцем».

У Гоголя: «Соотечественники! Страшно!» — это и крик Шостаковича.

«Отчего это жизнь наша такая темная, страшная? Разве для такой жизни рожден человек?» — заключительные слова и философское обобщение оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

«Жить стало лучше, жить стало веселее», — произнес Сталин.

Народ отозвался: «Сталин сказал “Жить стало лучше”, но не сказал, кому...»

Впервые Сталин был назван «отцом народов СССР» 12 апреля 1936 года в передовой «Правды».

В том же году Шостакович записал: **11 декабря намечено исполнение моей 4-й симфонии. Я дрожу от страха.**

В телеграмме: **После двух репетиций я снял симфонию. Шостакович.** *(9 декабря 1936 г.)*

Максим Дмитриевич: «Когда мы были маленькими, то иногда обращались к отцу с вопросом: “Куда пропал такой-то наш знакомый или такой-то?” У него для нас был весьма короткий ответ: “Он хотел восстановить капитализм в России”. Но мы подросли, стали разбираться в ситуации.

Был арестован и погиб муж старшей сестры отца Всеволод Фредерикс, его жена Мария Дмитриевна выслана из Ленинграда в Среднюю Азию. Подверглась аресту и наша бабушка со стороны матери — Софья Михайловна Варзар — она была отправлена в исправительно-трудовой лагерь под Караганду.

Начиная с 30-х годов и до самой смерти Сталина отец жил под угрозой ареста и гибели. От этого не могла спасти ни лояльность режиму, ни гениальная одаренность». *(Из интервью автору)*

Старые фотографии из семейного альбома Шостаковича. На них залитые солнцем лужайки с повешенным между деревьями уютным

гамаком, в котором раскачиваются дети, дачная терраса с накрытым для чая столом, обитатели дачи в летних шляпах, загорелые женщины в платьях с короткими рукавами, пляжные сцены с резвящейся собакой.

Именно в это время Шостакович ждал ареста. Он ложился спать одетым. У двери стоял приготовленный на всякий случай чемоданчик с необходимыми вещами, чтобы не будить детей. Он вздрагивал от каждого звука притормозившей у подъезда машины, от стука остановившегося на его этаже лифта.

Когда Шостакович приехал на гастроли в Киев, в газете написали: «К нам приехал известный враг народа Дмитрий Шостакович».

Страшный круг сжимался. Один за другим исчезали знакомые, друзья, родные.

Был арестован Адриан Пиотровский — автор либретто «Светлого ручья» и пьесы «Правь, Британия!», музыку к которой написал Шостакович. Осужден и расстрелян маршал Михаил Тухачевский.

Как позже стало известно, в списках НКВД Шостакович значился как троцкист.

В эти годы Михаил Булгаков записывает в дневнике: «Я стал беспокоен, пуглив, жду все время каких-то бед, стал суеверен».

За несколько дней до публикации в «Правде» Булгаков, в присутствии Шостаковича, читал свою пьесу «Пушкин» для руководства Большого театра. Обсуждалась идея оперы, которую напишет Шостакович по пьесе Булгакова, но после статьи «Сумбур вместо музыки» от проекта пришлось отказаться.

Когда Шостаковича обвинили в формализме, Мейерхольд встал на его защиту. Возник проект совместной работы — оперы «Герой нашего времени» по Лермонтову, либретто которой собирался написать Мейерхольд.

Страну лихорадило, надвигалось превзошедшее все исторические прецеденты массовое истребление народа, а Мейерхольд поставил спектакль «Как закалялась сталь» — о противоестественной радости умирания «во имя», о восторге разрушения как высшем смысле бытия, зрелище о механике инквизиции, об изуверстве и злобе людей, стреляющих в упор, крушащих, давящих, заставляющих надрываться, мерзнуть, голодать, терять любимых, — и все «во имя». В своей последней постановке он выразил ужас перед фанатической ослепленностью «красными зорями», перед революцией с ее бессмысленностью, этот ужас звучал в каждой мизансцене, каждой реплике этого «патриоти-

ческого» зрелища, которое не спасли ни бодрый финал, ни залитая ярким светом сцена, ни маска смеющегося человека — Николая Островского. Таким этот спектакль запомнился современникам.

Вскоре самого Мейерхольда обвинили в формализме.

Последняя их встреча состоялась в Ленинграде, куда Мейерхольда пригласили поставить физкультурный парад.

Мы договорились, что он придет. Он не пришел. Я звонил, но мне ответил посторонний голос, что его нет. Я узнал, что он был арестован.

Против фамилии Мейерхольда Сталин поставил одну черточку, что означало — смерть.

Из Докладной записки председателя Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР П. Керженцева:

«7 февраля 1936 года (*Совершенно секретно*)

Тов. Сталину.

Сегодня у меня был (по собственной инициативе) композитор Шостакович.

На мой вопрос, какие выводы он сделал для себя из статей в “Правде”, он ответил, что он хочет показать своей творческой работой, что он указания в “Правде” для себя принял.

На мой вопрос, признает ли он полностью критику его творчества, он сказал, что большую часть он признает, но всего еще не осознал...

Я ему посоветовал по примеру Римского-Корсакова поездить по деревням Советского Союза и записывать народные песни России, Украины, Белоруссии и Грузии и выбрать из них и гармонизировать сто лучших песен. Это предложение его заинтересовало, и он сказал, что за это возьмется.

Я предложил ему перед тем, как он будет писать какую-либо оперу или балет, прислать нам либретто, а в процессе работы проверять отдельные написанные части перед рабочей и колхозной аудиторией.

Он просил меня передать, что сов. композиторы очень хотели бы встретиться с т. Сталиным для беседы.

Нарком Керженцев».

Эта встреча не состоялась.

Но в Шостаковиче после этих событий как будто что-то надломилось — больше он не напишет ни одной оперы, и с этого времени о Шостаковиче стали говорить как о «закрытом», всегда внутренне напряженном человеке.

[•] *24 января 1967 г.*

Ув. Дмитрий Дмитриевич!

Как горьковчанин, как Ваш избиратель, голосовавший за Вас, разрешите мне обратиться к своему избраннику с одной просьбой.

Немного о себе. Я, Лебедев У.И., родился в январе 1927 г. в Читинской обл., в семье военнослужащего. Отец был тогда начальником пограничной заставы. Жили мы затем в Хабаровске, Уссурийске, Владивостоке, Алма-Ате. В 1930 году отца перевели в г. Москву, куда переехала и вся наша семья. Отец в это время находился на должности начальника штаба дивизии НКВД и имел после введения воинских званий — звание полковника. Жили мы в Москве, Б-Сергиевский пер. д. 9 кв. 10.

25 апреля 1938 года отца арестовали и по приговору 17 сентября 1938 года отец был расстрелян. После ареста отца имущество наше конфисковали, квартиру изъяли, а нашу семью, состоящую из матери и нас, 3-х детей, выселили на улицу. Началась жизнь, полная лишений, Вы этот период Дмитрий Дмитриевич прекрасно себе представляете.

В этот тяжелый период было очень тяжело жить и думать о будущем. Несмотря на то, что мы жили почти что на улице, ночуя то у одних знакомых, то у других, я окончил школу, окончил институт и в настоящее время работаю инженером в Горьком.

Наступило время 20-го Съезда КПСС. 9 мая 1957 года дело по обвинению моего отца было пересмотрено Военной Комиссией Верховного Суда СССР и он был посмертно реабилитирован. Ему посмертно вернули воинское звание, высокое звание члена Коммунистической Партии и т.д. В этом году я встретил своих товарищей в Москве, судьба которых сложилась подобно моей. Все они вернули себе жилплощадь в Москве и посоветовали то же самое делать мне. Ведь прошло после трагедии 28 лет и почти 10 лет после реабилитации. Мне же до сих пор обидно, что я незаслуженно носил кличку «врага народа» в течении почти двадцати лет и совершенно не почувствовал детство. Мне нет еще 40 лет, а я почти весь седой. Видимо, то время сумело подорвать мое здоровье. В своей просьбе я прошу только одного — справедливости. До этого я ничего не просил, потому что знал, что еще не до меня. Сейчас я считаю, что настало время, когда этот вопрос необходимо разрешить. Пусть даже жилплощадь будет в старом фонде без удобств. (Раньше мы в Москве имели квартиру 58 кв. м.)

В 1966 году я предоставил все документы в жил. отдел Мосгорисполкома, но мне ответили отказом, мотивируя, что где живете в настоящее время, там и живите, а в Москве вернуть Вам или выделить ж/пл. не имеется возможности.

Я прошу Вас, если только это возможно, окажите мне помощь, ведь я знаю, по многим вопросам к вам обращаются и вы помогаете. Если нет ж/пл. для меня и моей семьи, то, по крайней мере, пусть разрешат прописку в Москве.

Наступает большая дата — в этом году: 50-летие Советской власти. К этому большому празднику, я считаю, мы должны, как можно больше решить несправедливых вопросов.

Ув. Дмитрий Дмитриевич! Я имею, если надо, все документы по этому вопросу, но как пробить это, когда люди, сидящие на больших постах, часто не видят ни живых людей, ни их души. Я знаю, что вы лично читаете письма и надеюсь, что моя просьба не останется не удовлетворенной.

С ув. Лебедев У.И.

Таких семей, где в годы репрессий никто не пострадал, а в годы войны никто не погиб, в стране почти не было.

Можно было бы понять чувство оскорбления после стольких идеологических обманов, но нет — та же риторика. Выросли дети, чьи отцы были «безвинно убиенны», а потом посмертно реабилитированы, но и они в своих письмах продолжали говорить о «больших праздниках Советской власти» — власти, отнявшей у них отцов, разрушившей их семьи, их жизнь.

«Все для народа», «народ и партия едины», «я другой такой страны не знаю», «общенародное государство рабочих и крестьян», «партия — ум, честь и совесть», «оплот мира и социализма», «свобода–равенство–братство», «вперед, к победе коммунизма», «светлое будущее народов», «нерушимая дружба», «под знаменем ленинизма», «человек человеку друг, товарищ и брат», «все во имя человека, все для блага человека» — эти, кричащие с плакатов, страниц газет, повторяемые по радио, на собраниях и затверженные лозунги сопровождали каждого советского человека на протяжении всей жизни, став официальной риторикой.

Ими полны и письма избирателей, «воспитанных советской страной» и давно привыкших считать белое — черным, а черное — белым.

У Нины Васильевны, первой жены Шостаковича, было страстное увлечение фотографией. Сохранился ее старенький фотоаппарат, которым сделаны десятки снимков Дмитрия Дмитриевича. Фотографии, сделанные ею, приоткрывают обстановку, атмосферу и быт семьи.

Среди фотографий, снятых Ниной Васильевной, самая знаменитая — Шостакович в Иванове за работой над Восьмой симфонией.

Закончил работу над своей новой, Восьмой симфонией. Написал ее очень быстро — за два месяца с небольшим. У меня не было какого-либо ранее задуманного плана этой симфонии.

Мне казалось весьма заманчивым изобразить человека, любящего жизнь и свободу и потому смело восставшего, выражаясь словами Шекспира, против моря бедствий. Этот человек, являющийся героем моей музыки, идет к победе через мучительные испытания и катастрофы. Он много раз падает и снова встает.

Первое прослушивание симфонии состоялось в доме крестьянки Натальи Алексеевны Васейковой, муж и сын которой воевали в это время на фронте. Она запомнила Шостаковича: «Такой тихий был, скромный мужик, в фуражке... И все в землю смотрел, думал».

Восьмая симфония посвящена Евгению Мравинскому.

Из дневника Е. Мравинского: «...начерно продумал и восстановил форму и драматическую линию Восьмой Шостаковича, потрясает с каждым разом все глубже, особенно линия первой части. Линия Великого ужаса...». *(1 декабря 1944 г.)*

Предвидя нападки на симфонию, Шостакович пишет: **В Союзе советских композиторов должно было состояться ее обсуждение... и я не сомневаюсь, что на нем будут произнесены ценные критические замечания, которые вдохновят меня на дальнейшее творчество, в котором я пересмотрю свое предыдущее творчество и вместо шага назад сделаю шаг вперед. Сейчас я пишу Трио для рояля, скрипки и виолончели.** *(8 декабря 1943 г.)*

Написал никому не нужное Трио, полное ячества, эклектизма и бессодержательности... *(2 сентября 1944 г.)*

Когда однажды в газетах появилась публикация о том, что создано нечто вроде саркофага и в него положили уравнение Эйнштейна, таблицу Менделеева, анатомический рисунок тела человека и что-то еще, Шостакович был этим взволнован и сказал: **Мне кажется, чтобы дать нашим потомкам представление о нашей цивилизации, нашем времени, туда надо поместить и мою симфонию.**

Из писем к Шостаковичу января 1967 года:

[•] *3 января 1967 г.*

Я Сбоева Таисия Николаевна проживающая в г. Горьком болею бронхиальной астмой 4 года инвалид 2 группы. Последние 6 месяцев чувствую себя очень плохо.

Попала под отравление хлором, которое было в нашем районе, возможно это и является ухудшением моего состояния. Устала задыхаться. Помогите, но хочу помощь специалистами Москвы. Я лежала в больницах г. Горького, а состояние за последний месяц очень ухудшилось и вообще обидно и тяжело пострадать от хлора по вине какой-то организации, а внимания никакого.

✉ *7 января 1967 г.*

Депутату Верховного совета национальностей Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу

С трудом достал лесу на ремонт дома как третий год а на крышу не дают лес. Портится гниет а крышу обещали и не дают. Обращался к местным организациям и все обещают. Я прошу как депутата помоч в крыши дома шиферу 250 листов. К сему прошу прозьбе не отказать.

Проситель Ерофеев.

✉ *17 января 1967 г.*

Уважаемый т. Депутат, к Вам обращается инвалид Отечественной войны первой группы. Дело в том, что по состоянию здоровья, я нуждаюсь в постороннем средстве передвижения, а вот выхлопотать не могу. Проходил комиссию, отказали, потому что нога не совсем оторвана, а у меня еще туберкулез легких и сердце больное, поэтому прошу Вас похлопочите, что бы дали «Запорожца». Я посылаю выписку из истории болезни, которую вы предъявите на комиссию, и еще просьба. Похлопочите, чтобы дали пособие на корову мне, как туберкулезному больному необходимо молоко, а купить нет средств. Бюджет семьи на шесть человек 100 руб. в месяц. С Вами, как с Депутатом везде будут разговаривать, не то, что со мной. Тов. Депутат прошу Вас действительно похлопотать, а не ради формальности отписаться.

С уважением Гусев Ан. Ник.

адрес: Горьковская обл. Воскресенский р-н

С. Воздвиженское

Гусев Анат. Ник.

19 января 1967 г.

Уважаемая товарищ З.А. Катышева!

Прошу Вас сообщить мне имя, отчество и фамилию Председателя Горисполкома для того, чтобы я мог обратиться к нему с ходатайством об улучшении Ваших жилищно-бытовых условий.

Д. Шостакович.

Из письма Д. Шостаковича 3 февраля 1967 года: **Много думаю о жизни, смерти, карьере. Так, вспоминая о жизни некоторых известных (я не говорю великих) людей, прихожу к заключению, что все они вовремя померли. Например: Мусоргский умер преждевременно. То же можно сказать и о Пушкине, Лермонтове и некоторых других. А вот П. Чайковский должен был умереть раньше. Он немного зажился, и потому смерть, вернее, последние дни его жизни были ужасны.**

То же относится к Гоголю, Россини, может быть, к Бетховену. Они, а также и многие другие, как известные (великие), так и неизвестные люди пережили тот рубеж жизни, когда она (жизнь) уже не может приносить радость, а приносит лишь разочарование и ужасные события. Читаешь ты эти строки и небось думаешь: к чему это он так пишет? А к тому, что я, несомненно, зажился. Я в очень многом разочаровался и жду очень много ужасных событий. Разочаровался я в самом себе. Вернее, убедился в том, что я являюсь очень серым и посредственным композитором. Оглядываясь с высоты своего 60-летия на «пройденный путь», скажу, что дважды мне делалась реклама («Леди Макбет Мценского уезда» и 13-я симфония). Реклама, очень сильнодействующая. Однако же, когда все успокаивается, становится на свое место, получается, что и «Леди Макбет» и 13-я симфония — фук, как говорится в «Носе».

Однако мысль, которую я сейчас изложил, ужасная мысль. Мне осталось жить еще 10 лет, тянуть эту лямку в течение этих лет. Нет, не хотелось мне быть на моем месте. Однако сочинение музыки — влечение рода недуга преследует меня. Сегодня я закончил 7 романсов на стихи Блока.

В юности Шостакович Блоком не увлекался, лишь к концу жизни он неожиданно обращается к его поэзии.

Слово «музыка» часто встречается в стихах, драмах, статьях, дневниках, записных книжках А. Блока, являясь синонимом «стихии»: «стихия скрипок беспредельных».

Этим словом Блок называл не только музыку, но все таинственное, что существует в природе и в душе человека.

«Дело художника, обязанность художника — слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух”», — писал А. Блок.

Последние месяцы я много работал. Начал с того, что написал на слова А. Блока семь романсов для сопрано в сопровождении

фортепианного трио. Остановился на стихах «Песня Офелии», «Гамаюн, птица вещая», «Мы были вместе, помню я», «Город спит, окутан мглою» и других. Последний, седьмой романс я сам назвал «Музыка», так как в тексте речь идет о ней впрямую. И весь цикл я хочу назвать так же, потому что он написан на очень музыкальные слова...

Поет их сопрано, а сопровождает виолончель и фортепиано. Партия рояля легкая, и я могу ее играть сам.

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

Первое исполнение вокального цикла Д. Шостаковича на стихи А. Блока состоялось 23 октября 1967 года в Большом зале Московской консерватории.

Цикл посвящен Г.П. Вишневской.

6 февраля 1967 г.

Уважаемые товарищи Хорев, Миронов, Потапов!

Сообщаю вам, что по вашему вопросу я обратился к главному редактору газеты «Ленинское знамя». О результатах сообщу дополнительно.

Д. Шостакович.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич Шостакович, депутат Верховного Совета СССР великий композитор нашего времени, примите от меня самые лучшие пожелания Вам наилучшего здоровья на долгие годы и плодотворной работы на благо Родины. Обращается к Вам Захарова Клавдия Гавриловна, работающая на Машиностроительном заводе. Дмитрий Дмитриевич, большое Вам спасибо, что*

вы уделили внимание ко мне по поводу обеспечения изолированной квартиры и запрашивание Фамилию, Имя, Отчество директора завода и адрес:

Город Горький 52 Машиностроительный завод Директору Максименко Владимиру Дмитриевичу. И еще присутствуют по распределению жилплощади пом. директора тов. Дзубенко и председатель завкома т. Кашичкин и начальник цеха № 4, где я работаю, тов. Поляков Борис Леонидович. Вот что я могу ответить на Ваш запрос.

С горячим приветом, Захарова и вся моя семья.

9 февраля 1967 г.

Директору машиностроительного завода

Тов. Максименко В.Д.

Уважаемый Владимир Дмитриевич!

Направляю Вам заявление моей избирательницы К.Г. Захаровой, проживающей по ул. Озерная, 4, кв. 2, и убедительно прошу Вас, учитывая ее долголетний стаж работы на Машиностроительном заводе, ускорить предоставление ей жилплощади.

О принятых Вами мерах прошу сообщить мне.

Д. Шостакович.

10 февраля 1967 г.

Председателю райисполкома

Тов. Соколову Л.В.

Уважаемый Лев Васильевич!

Направляю Вам заявление моего избирателя К.Н. Иванова, проживающего — г. Горький 11-й квартал, дом 5, и убедительно прошу Вас оказать ему содействие в улучшении его жилищно-бытовых условий.

Д. Шостакович.

[•] *22 февраля 1967 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Решение

Товарищеский суд заводоуправления Семеновского арматурного завода 10 февраля 1967 года рассмотрел поступивший из народного суда материал о нанесении оскорбления и побоев Комаровой Тамаре Алексеевне кладовщиком склада ФСО Катышевой З.А.

Товарищеский суд установил следующее:

В январе 1964 года электросварщик отдела главного механика Катышев М.И., не имея права на получение квартиры, в виде исключения получил ордер на комнату в квартире № 7 дома № 3 по ул. Гагарина в 14,8 кв. м., другую комнату в 10,8 кв. м. занимала работница литейного цеха Пашина В.Ф. Жильцы пользовались общей кухней.

В первые месяцы после заселения супруги Катышевы были довольны тем, что получили комнату. Катышева З.А. писала в редакцию Центральной газеты: «Я была счастлива, когда после 12 лет скитания по частным квартирам наконец получила комнату». Однако, прожив некоторое время с соседями, Катышева решила расширить жилплощадь за счет выселения Пашиной В.Ф. Начались постоянные придирки к Пашиной «мало за свет платишь! редко пол моешь!» Катышева не только оскорбляла Пашину, но даже била. Однажды она ударила Пашину ногой в живот за две недели до родов. Катышева добилась своего: Пашиной предоставили отдельную квартиру, но в связи с тем, что Катышевы не имели права на получение квартиры, освободившуюся комнату предоставили работнице литейного цеха Комаровой Т.А. Узнав об этом, Катышева заявила: «В квартиру войдут только через мой труп» — и разобрала кирпичную стенку, разделявшую комнаты, пытаясь наглухо закрыть дверь из кухни в комнату Комаровой. 1 июля 1966 года Комарова вселялась в предоставленную ей комнату в сопровождении администрации литейного цеха и коменданта. Как только Комарова занялась текущим ремонтом комнаты, Катышева заявила: «Напрасно стараешься! Все равно долго жить не дам!» С первых же дней Катышева стала оскорблять Комарову, придиралась к каждой мелочи, била ее, делала все, чтобы совместная жизнь в квартире становилась невыносимой, а Комарова освободила комнату.

22 декабря 1966 года Катышева напала на Комарову и поцарапала ей лицо лишь за то, что Комарова осмелилась помешать кочергой в топившейся печи.

23 января 1967 года Катышева снова побила Комарову, таскала ее за волосы и выдрала часть волос.

Депутат Областного Совета Сиротина М.Е. подтвердила на суде: «Даже в моем присутствии Катышева все время подносила кулак к лицу Комаровой», — а представитель литейного цеха старший мастер и председатель товарищеского суда — Курамонов сказал: «И при нас Катышева старалась дотянуть свои руки до лица Комаровой». В суд представлены справки из здравпункта завода о нанесении Комаровой побоев.

В течение всего заседания суда Катышева вела себя вызывающе, мешала грубыми репликами выступлению свидетелей и представителей.

Товарищеский суд решил:

1) За оскорбление и нанесение побоев работнице литейного цеха, ударнику коммунистического труда Комаровой Тамаре Алексеевне кладовщиком ФСО Катышевой З.А. поставить перед директором завода вопрос о направлении кладовщика склада готовой продукции ФСО Катышевой Зои Андреевны на неквалифицированные физические работы в транспортный цех сроком на 15 дней.

2) Предупредить Катышеву З.А., что при первом же нарушении ею правил социалистического общежития и невозможностью для других совместного с нею проживания в одной квартире товарищеский суд на основании статьи 15 пункта 7 Положения о товарищеских судах возбудит вопрос о выселении ее из занимаемой комнаты согласно ст. 333 Гражданского кодекса РСФСР.

Решение товарищеского суда является окончательным.

Д. Шостаковичу приходилось разбирать решения товарищеских судов, вчитываться в протоколы и стенограммы парт- и профсобраний — их немало в депутатской почте. Советские люди привыкли так жить — все регламентировалось, протоколировалось, подшивалось, нумеровалось, хранилось, для решения семейных проблем привлекалась общественность, устраивались собрания, объявлялись выговоры по партийной линии, для решения ссор существовали товарищеские суды, где с неподдельным интересом, в подробностях смаковали каждое слово, каждый жест.

«Коллективное сознание масс... общественное выше личного»... Это было связано и с тем, что каждый был всегда на виду — в своей многонаселенной квартире, на работе, на собрании, празднике, — советского человека как будто боялись оставить наедине с собой — не то подумает, не так поймет.

Общественность интересовало, с кем он живет, какие газеты выписывает, какие передачи слушает, с кем дружит, с кем встречается, что носит, платит ли за квартиру, куда ездит в отпуск, кто его родственники, что он говорит в кругу семьи, на производстве, встречаясь с друзьями. В то время, когда «стукачом», по долгу службы или по призванию, был каждый седьмой гражданин страны, любой находился под увеличительным стеклом так называемой «общественности».

В том числе и сам Шостакович.

Председателю Канавинского райисполкома
Тов. Сосоновикову Н.Н.
Уважаемый Николай Николаевич!
9 февраля с.г. я направил Вам ходатайство об улучшении жилищно-бытовых условий избирателя В.М. Бачурина, проживающего по ул. Володарского, 31, кв. 1, к письму были приложены фотографии, свидетельствующие о крайне тяжелых жилищных условиях, в которых находится семья В.М. Бачурина.
Прошу сообщить мне о принятых мерах.
Д. Шостакович.

Бытует мнение, что культ Сталина, десятилетиями насаждавшийся советскому народу, возник сам собой, «за заслуги и достижения».

Как показывают документы, этот культ был абсолютно рукотворен и имел автора.

И, раз возникнув, тень вождя неотступно следовала за каждым.

Решив, что новое прекрасное время требует и нового государственного гимна, вождь захотел воспеть себя и в гимне — том, который после неуклюже переделанных слов мы теперь и имеем.

«Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил» — эти слова возникают сами собой, как только вступает музыка.

Вождь сам правил текст своим неизменным синим карандашом.

Шостакович тоже принимал участие в конкурсе — в архиве композитора сохранился его набросок Гимна Советского Союза.

На конкурс было представлено около пятисот гимнов — некоторые композиторы сочинили по нескольку вариантов. Прослушивание проходило в Бетховенском зале Большого театра. К последнему туру была отобрана музыка Д. Шостаковича и А. Хачатуряна.

Шостакович тогда сказал: «Хорошо бы, мой гимн приняли. Была бы гарантия того, что не посадят».

По окончании прослушивания вождь произнес: «Шостаковича гимн хорош, и Хачатуряна гимн хорош. Теперь объединитесь и сочините вместе — тогда будет совсем хороший гимн».

Сочинять вместе они не могли, решили, что один напишет музыку на куплет, а другой — на припев.

Опять прослушивание. Шостаковича и Хачатуряна позвали к Сталину. Он спросил у Мелик-Пашаева: «Вам нравится их гимн?» Мелик-

Пашаев ответил: «Мне их гимны врозь нравятся больше, чем написанный сообща». Вождь сказал: «А мне общий больше нравится, чем в отдельности».

Возник вопрос о переделке припева в общем гимне. Сталин спросил: «Три месяца вам хватит?»

Шостакович ответил: «Пять дней».

Вскоре Сталин уехал в Тегеран, на встречу с У. Черчиллем и Т. Рузвельтом. Вернувшись, он решил в пользу А. Александрова: «Гимн партии (он давно написан Александровым) будет нашим государственным гимном». Затем повернулся к соратникам: «Я полагаю, что следует принять музыку Александрова, а Шостаковича... поблагодарить».

Затем вождь обратился к присутствовавшему тут же Александрову: «Вот только у вас, профессор, что-то с инструментовкой неладно». Александров начал оправдываться, что оркестровку делал не он, а Кнушевицкий и, видно, схалтурил. Шостакович тут же прервал Александрова: «Как вам не стыдно, Александр Васильевич! Вы же знаете, что Кнушевицкий инструментует замечательно. Вы несправедливо обвиняете его, да еще за глаза, когда он вам не может ответить. Постыдитесь!»

Все замерли, ожидая реакции Сталина. Тот, попыхивая трубкой, заметил: «А что, профессор, нехорошо получилось...»

Молотов спросил: «А ваш общий гимн тоже Кнушевицкий инструментовал?»

«Композитор должен инструментовать сам. Композитор должен инструментовать сам», — Шостакович стал судорожно повторять эту фразу.

Когда все ушли, Сталин, обращаясь к Молотову, заметил: «А этот Шостакович, кажется, приличный человек...»

После финального, с хором и оркестром, прослушивания гимна вождь тут же, в ложе Большого театра, предложил его по русскому обычаю «обмыть». Внесли стол.

Рассказывают, что Сталин спросил авторов текста — С. Михалкова и Эль-Регистана, какую награду они хотят (кроме 100 тыс. рублей авторских), первый попросил возврата принадлежавшего семье Михалковых родового имения, а Эль-Регистан скромно попросил у Сталина синий карандаш, которым тот правил текст гимна. Получилось наоборот: дача досталась Регистану, а Михалкову — карандаш. И когда Михалкову напоминали об этом, он возмущался:

— Ничего подобного не было! Хотя сталинский карандаш я действительно храню...

✉ *23 февраля 1967 г.*
Депутату Верховного Совета СССР
т. Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу
от гр. Сморчкова Павла Дмитриевича
проживающего по ул. Кирова
дом № 35 г. Городца Горьковской области
Жалоба.

14 октября 1966 г. я справлялся в бюро технической инвентаризации подлежит ли сносу ул. Кирова, так как я хотел купить там дом. Мне ответили: не подлежит, после чего был куплен дом № 35 на ул. Кирова и оформлены документы за № 1905, сделал ремонт, переехал, а 10 декабря 1966 г. ко мне пришли и объявили, что дом подлежит сносу, я говорю почему так получилось — мне ответили что мы не знали, и гор. совет тоже отвечает что тоже не знали. Я долгие годы копил деньги, чтобы купить свой дом с участком, и часть занял денег, если бы они меня не обманули, я мог бы купить в другом месте, где не подлежит сносу. Прошу вас помочь мне, так как считаю не законными эти действия. Но я ничего не могу добиться — мой дом здоровый можно жить долгие годы без ремонта.

Сморчков.

24 февраля 1967 г.
Председателю горисполкома
Товарищу Зотикову И.В.
Уважаемый Илиодор Васильевич!

Мой избиратель Н.Я. Сазонов живет в очень тяжелых жилищных условиях. Я убедительно прошу Вас лично познакомиться с его делом и помочь ему в улучшении его жилищно-бытовых условий. О принятых Вами мерах прошу сообщить мне по адресу: Москва К-9, ул. Неждановой 8/10, корп. 2, кв. 23.

Заявление Н.Я. Сазонова при сем прилагаю с приложением к нему на 10 листах.

Д. Шостакович.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Я решил напомнить Вам, что 22 декабря 1966 г. мною Вам как депутату нашего избирательного округа было отправлено заявление от имени 65 жителей села о том,*

чтобы Вы помогли нам добиться перед Министерством Просвещения о постройке средней школы на 1280 мест. Я надеюсь, что Вы ответите о том, что Вами предпримете согласно нашей просьбы.

Желаю Вам плодотворной работы как на сессии Верховного Совета, так и как композитора.

Ждем ответа.

А.В.Горожанин.

Г. Арзамас, с. Выездное.

27 февраля 1967 г.

Дмитрий Дмитриевич!

К Вам большая просьба!

Мы запланировали знакомство с ораторией «Песнь о лесах», но, к сожалению, у нас нет материала по ней. Если вы сможете кратко описать содержание ее частей и записать на нотной бумаге основные лейтмотивы, то это будет для нас очень полезным. Мы хотели бы познакомиться и с оперой «Катерина Измайлова», но нет материала. Кино скоро выйдет на экраны городов и сел, но предварительно хотелось бы познакомиться с лейтмотивами оперы и с чем они связаны в опере.

Кроме того, хотелось бы познакомиться с сюитой С.С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» — но нет рецензии на нее, как решил автор средствами музыки охарактеризовать героев. К счастью, есть только запись.

Если все это можно сделать или часть перечисленного, то это будет еще одним звеном из истории нашей музыки, советской. На уроках мы непосредственно знакомимся с творчеством советских композиторов, но нет записей и даже рецензий, а фантазировать нельзя, если в чем-то не уверен. Я вас очень прошу, сделать возможное.

С уважением к Вам Булашов.

4 марта 1967 г.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, понимаю некоторую безрассудность моего письма к Вам, понимаю, что можете подумать обо мне дурно. Родился в 1904 г. в семье рабочего. 1920 г. — Южный (врангелевский) фронт, 1921–1922 гг. — ВЧК, потом — учеба и труд. Много труда. Никогда не воровал чужого ума.

1959 г. — реабилитирован. Тогда же подал заявление о предоставлении мне скромного уголка. Жду восьмой год. Устал ждать. Когда-то была семья. Пенсионер (шахтный электрослесарь). Из пенсии — 80 руб. в месяц, плачу за гнилой сарай 20 руб. в месяц. Устал жить на 50 руб. в месяц.

Официальные лица говорят: «Куда бы вы не писали, — вернется к нам». Я никуда не писал, никого не просил, никому не жаловался. Но Вам решил написать. Помогите мне, Дмитрий Дмитриевич.

Возможно Вы это сочтете для Вас неудобным. Если это так, — я не обижусь.

Почему-то вспомнилось скерцо из вашего скрипичного концерта.

Согласитесь с тем, что писать мне больше некому.

Извините. Ваш В. Колесников.

Редкий кадр хроники — яркий весенний день 1945 года. Шостакович проходит по улице Москвы, у витрины с портретом вождя поворачивается, встречаясь взглядом с генералиссимусом на портрете, чуть замедляет шаг, потом отворачивается и торопливо проходит мимо. Его фигура в шляпе исчезает...

«Стихийная радость, овладевшая сердцами и душами богатырского советского народа, беспредельная любовь и уважение к гениальному полководцу, отцу и учителю советского народа — товарищу И.В. Сталину — выразилась в потрясающем порыве, который, словно вихрь, выхватил из домов, квартир, семей — буквально все население на улицы, на площади, в скверы...»

Зрелище, поражающее своей грандиозностью и фантастичностью, — подобного физкультурного парада, который происходил на Красной площади в начале августа 1945 года, не было в стране никогда: цветочные клумбы из физкультурников, орнаменты, сложнейшие построения, многоярусные пирамиды, шествие Героев Советского Союза, фонтан на Лобном месте с живыми скульптурами, безудержные пляски и нескончаемые хороводы под «Не шей ты мне, матушка...», волны и корабль из тысяч слаженных движений, физкультурники с винтовками — имитация боя...

Никогда не приходилось видеть в хронике подобное зрелище и через спины тех, кто выстроился на Мавзолее.

На трибуне рядом со Сталиным — Эйзенхауэр, еще не президент.

И мрачный взгляд Сталина поверх всеобщего ликования.

Приближалась новая волна репрессий, чтобы народ, победивший в самой кровавой и страшной войне в истории человечества, не смел почувствовать свою силу, чтобы не забывал, кто над ним хозяин.

И репрессии не заставили себя ждать. Вышло чудовищное постановление, клеймящее М. Зощенко и А. Ахматову: «Предоставление страниц “Звезды” таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко...»

Шостакович рассказывал, что после выхода постановления он встретил Зощенко в Ленинграде на улице и Зощенко пожаловался, что не может есть.

Наивно полагая, что Сталин непричастен к совершаемым преступлениям, Зощенко написал ему письмо: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Я никогда не был антисоветским человеком. И я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но это было нелегко сделать — так же трудно, как комическому актеру играть героические образы. Можно вспомнить Гоголя, который не смог перейти на положительные образы...»

Вскоре состоялся пленум и съезд Союза композиторов, где Шостаковича снова обвинили в «антинародности и формализме».

Съезд советских композиторов прошел в апреле 1948 года.

«Национальный состав съезда: русских 203, евреев 123, армян 31, украинцев 28, грузин 22, азербайджанцев 12, латышей 11, узбеков 10, эстонцев 10.

В составе делегатов: 43 лауреата Сталинской премии, 24 Народных артиста СССР и союзных республик, 90 Заслуженных артистов, 429 делегатов награждены орденами и медалями Советского Союза. В числе делегатов 20 докторов искусствоведческих наук, 36 кандидатов искусствоведческих наук, 89 профессоров и докторов».

Хроника сохранила атмосферу съезда, лица участников, решимость докладчика, и Шостаковича, сидящего вдали от всех, в углу, с поблескивающими очками. Вдруг, когда он повернулся, сверкнули его глаза — гневно и недоуменно.

Поводом к травле послужил донос в ЦК завистливого коллеги Шостаковича, «уставшего от фальшивых нот», — А. Гольденвейзера — удалось найти его записку в архиве, многие формулировки которой потом вошли в обличительные документы съезда и были использованы в своем докладе Ждановым.

Это был донос на «наших ведущих композиторов — имена их всем известны», в творчестве которых «вместо диссонанса царит какофония, вместо свободы — произвол... Когда я слушаю грохочущие сочетания современных симфоний и сонат, я с ужасом чувствую, страшно сказать, что этим звукам более свойственно выражать идеологию вырождающейся культуры Запада, вплоть до фашизма, чем здоровую природу русского, советского человека... Нам следует как можно скорее отвыкнуть от гармонического сумбура и фальши в музыке», — писал автор записки, озаглавленной «Вопросы музыкального фронта».

Говоря о себе, Гольденвейзер скромно констатировал: «Мой композиторский путь необычен. Я кончил консерваторию и как пианист и как композитор. Начал сочинять еще в юные годы и до начала девятисотых годов написал довольно много. Под сложным влиянием моей личной жизни я приблизительно с 1904 года композиторскую деятельность прекратил совершенно свыше, чем на 25 лет... За последние 5 лет я, между прочим, написал три оперы — две одноактные и одну большую, четырехактную. Однако их до сих пор ни один театр не ставил. Все дело в том, что я не принадлежу к числу "угодных".

К тридцатилетию Октября мною была написана небольшая кантата, однако ни в Октябрьские дни, ни позже, она исполнена не была... Любовь к русской песне я впитал с молоком матери. Однако мои сюиты не издаются и поэтому не исполняются...

Я глубоко верю, что мы найдем верный путь и дадим нашему народу музыку, достойную наших великих предшественников, достойную нашей великой Сталинской эпохи», — заканчивал автор.

Это тот самый А.Б. Гольденвейзер, профессор Московской консерватории, игравший когда-то Льву Толстому и издавший два тома воспоминаний о нем, активно участвовавший в интригах В. Черткова против семьи Л. Толстого.

Это им было послано подметное письмо Льву Толстому — донос на его жену. «Прочтя этот отвратительный, лживый и хамский донос... меня затошнило и я долго уснуть не мог», — писал Н. Сухотин. А Лев Толстой, прочитав, записал в дневнике: «От Гольденвейзера письмо... ужаснувшее меня».

Теперь вот новый донос — на коллег.

Для верности — а вдруг не дойдет — с разницей в пять дней было послано еще одно письмо, почти слово в слово повторяющее письмо Гольденвейзера, — но это уже было «обращение трудящихся масс».

Выступая против «музыкального интеллектуализма», автор цитирует Шостаковича: «Д. Шостакович в статье "Грузинские музыканты" *("Советское искусство" № 11 за 1945 г.),* давая оценку симфонии Баланчивадзе, ни слова не сказал об ее идейно-художественном содержании и все внимание уделил ее формально-звуковым качествам. "Симфония, — говорит он, — приковывает к себе внимание слушателя, начиная с первого музыкального образа. Это резкий и внезапный, интригующий по своему характеру, прыжок оркестра, после чего следует изложение эпической темы... Во второй части музыкальный материал очень интересный, обаятельно звучащий..."

3-я часть и финал также рассматриваются только со стороны звучности оркестровки.

Следует ли, при таком отношении к музыке со стороны педагогов, удивляться тому, что у наших молодых композиторов проявляется любовь к формалистической эквилибристике или что они пишут заумную и непонятную для слушателей музыку. Многочисленные извращения и отклонения от указаний партии и привели к пропаганде чуждых нам воззрений».

В письме предлагается «развернуть широкое разъяснение буржуазной сущности "музыкального интеллектуализма" и других проявлений формализма в музыкальном творчестве и музыкальной науке, развернуть широкую критику и самокритику и т.д.».

Оба письма были отправлены в секретариат Жданова и привели в действие механизм идеологической инквизиции, отреагировавшей немедленно.

До удара по «ведущим композиторам» оставались считанные дни.

Д. Шостакович никак не мог понять, почему Гольденвейзер стал его сторониться, и винил в этом себя, спрашивая у коллеги, не обидел ли он его чем-нибудь.

Он так и не узнал, кто был инициатором этой травли.

В кулуарах съезда многие сочувствовали обруганным и оболганным композиторам, но большинство выступало за то, чтобы «работу по выкорчевыванию формализма довести до конца».

От имени съезда было послано верноподданническое письмо вождю, где «музыканты всего Советского Союза глубоко и от всей души благодарят славную Коммунистическую партию и лично товарища Сталина за своевременную критику серьезных изъянов и извращений в музыкальном творчестве, идущих от влияний западно-буржуазного искусства.... Для нас, советских музыкантов, еще более тяжелым является сознание, что мы не сумели сделать верных и последовательных выводов из тех предостережений, которые не один раз делались нашей партией, как только советское музыкальное творчество отклонялось от верного реалистического пути. Статьи "Сумбур вместо музыки" и "Балетная фальшь", напечатанные в "Правде" 12 лет назад... Советский художник — слуга народа. Мы заверяем Вас, наш дорогой вождь и учитель, что призывы ЦК ВКП(б), адресованные к нам, советским музыкантам, станут боевой программой нашего творчества».

И боевая программа была реализована с исполнительским рвением.

С концертных афиш исчезли произведения Шостаковича, его сместили с поста председателя Ленинградского Союза композиторов, уволили из консерватории, его музыка перестала исполняться, ему перестали давать заказы. На многочисленных собраниях его «прорабатывали», учили, какую он должен писать музыку.

Из Комитета по делам искусств был послан курьер, который вручил каждому музыканту извещение, какие именно сочинения запрещены к исполнению, и каждый должен был расписаться в получении этого извещения.

Мне удалось найти в архиве «Справку заместителя Председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР»:

«Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР пересмотрел репертуар концертных организаций и снял с исполнения ряд произведений формалистического направления.

В числе запрещенных к исполнению и снятых с репертуара находятся следующие произведения Д.Д. Шостаковича:

Симфония № 6.

Симфония № 8.

Симфония № 9.

Концерт для фортепиано с оркестром.

Октет.

Соната № 2 для фортепиано.

Романсы на стихи английских поэтов.

"Афоризмы" — цикл пьес для фортепиано.

Произведения эти были сняты приказом Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром от 14/11 1948 г.

Другие сочинения Д.Д. Шостаковича, как-то: 2 струнных квартета, 2 и 3 симфония, трио — не запрещены, а его лучшие произведения: фортепианный квинтет, 1-я, 5-я, 7-я симфонии, музыка к кинофильмам и песни исполняются в концертах.

5 марта 1949 г.»

Д. Шостакович выступил с покаянной речью: **Говоря о себе, я должен сказать, что работа, главным образом, в сфере симфонической и камерно-инструментальной музыки отразилась на мне отрицательно. Это большой мой недостаток, т.к. это качество отделяет меня от музыкальных форм, бытующих в народе...**

Позже он вспоминал: **Тогда, в 1948 году, велели нам, «формалистам», выступить с самокритикой на собрании в Союзе композиторов. Не надо было приходить. Вылез я на трибуну, стал читать**

вслух кем-то состряпанный глупый бред. Да, читал, унижался, читал эту якобы «свою» речь — как последнее ничтожество, совершенно как паяц, петрушка, кукла картонная на веревочке!!!

И вновь вступает хор:

«Советский народ горячо одобряет постановление ЦК» (*По страницам печати*)

«Я долгое время находился в плену у авторитетов так называемой "ведущей" группы композиторов, развенчанных ныне Постановлением ЦК ВКП(б)...» (*А. Александров, «Грозненский рабочий»*)

«Мы строим в нашей стране коммунизм, ежедневно выполняя норму на 170–180 %. Еще немало трудностей стоит на нашем пути. И мы хотим, чтобы музыка помогала преодолевать эти трудности». (*Т. Летлойт, «Советская Молдавия»*)

«Слушая некоторые музыкальные произведения Шостаковича, чувствуешь себя разочарованной, обманутой. Что думает о русском народе автор этих произведений?..» (*Медицинская сестра О. Каменецкая и студент исторического факультета Л. Тарасюк, «Ленинградская правда»*)

«Наш народ отличается большой музыкальностью, и если он не понимает музыку Шостаковича, значит, она не народна. Советские композиторы обязаны писать музыку не для себя, а для народа». (*Артистка О. Калинина*)

«Хватит паясничать в музыке! Хватит жонглировать сногсшибательными трюками!» (*Главный инженер 5-й ГЭС А. Лебедев, «Вечерний Ленинград»*)

«Правильное постановление, оно приблизит музыку к народу... Некоторые советские композиторы, которым народ создал все условия для творчества, пишут такую музыку, что ее слушать невозможно. Ни складу, ни ладу — дикий вихрь звуков...» (*Мастер литейного цеха машиностроительного завода т. А. Загоруйко*)

«Мы хотим больше песен о нашей современной жизни, о нашем радостном творческом труде советских людей. Нужна такая музыка и такие песни, чтобы их понимал весь народ, а не только одни композиторы». (*Старший электрик завода «Борец» тов. Луженков*)

На даче Шостаковича камнями били окна: ведь он был «антинародным» композитором!

Я очень устал за последнее время. У меня весьма частые головные боли, кроме того, почти без перерыва тошнит, или, как гово-

рят народным языком, мутит. Бреясь, имею возможность смотреть на свое лицо. Оно опухло, под глазами огромные мешки, лиловые опухшие щечки. За последнюю неделю, или несколько больше, я сильно постарел. *(12 декабря 1948 г.)*

Галина Дмитриевна, дочь композитора: «Очень хорошо помню, как он очень трудно переживал постановление 1948 года — ходил по комнате, по диагонали. Это было нервное время». *(Из интервью автору)*

Максим Шостакович: «Я помню тот бастион, который мать сумела создать, потому что терзали, конечно, отца ужасно. И она сумела выстроить стену между внешним миром, который оголтело рвал на части отца, и семьей». *(Из интервью автору)*

Жена Шостаковича говорила, что он был близок к самоубийству.

Руководящим указаниям следовали неукоснительно:

«...Начиная с настоящего номера, в нашем журнале мы печатаем три лучшие песни о Сталине.

Изумительная по красоте мелодия "Кантаты о Сталине" Александрова, широкая, как широкие русские просторы, величественная, гордая, как величественен и горд дух созидателя-народа, — бесспорно, является ярчайшим примером успехов советских композиторов в песенном жанре. Думается, что красота ее нетленна и время сделает ее классической.

"Песня о Сталине" Блантера — это вдохновенный гимн Вождю. Мужественная и величественная мелодия этого гимна построена на непрерывном развитии. Превосходна и гармоническая структура этого произведения, исходящая из мелодии и еще более усиливающая ее героико-романтический характер. Песня эта стала любимой и украшала концертные программы многих певцов.

Совершенно отлична от предыдущих двух песен — "Величальная И. В. Сталину" Захарова. Мелодика ее также развивается, но построена она на сплаве старинных крестьянских песен с новыми интонациями и динамикой нашего времени.

Какие выводы мы можем сделать из народного признания этих трех лучших песен о Сталине?

Ставя перед собой сложные и трудные задачи, но ощущая эмоции, близкие народу, композитор всегда достигает больших художественных результатов...»

В это страшное время Шостакович написал кантату «Над Родиной нашей солнце сияет», ораторию «Песнь о лесах», несколько песен о

Сталине и музыку к кинофильмам, возвеличивавшим Сталина и создававшим его мифологический образ, — «Падение Берлина» с хором «Сталину — слава, слава вовеки» и «Незабываемый 1919», а также «Четыре песни» на слова Е. Долматовского.

Родина слышит, Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает.
С дружеской лаской,
Нежной любовью
Алыми звездами башен московских,
Башен кремлевских,
Смотрит она за тобою...

А вскоре сочинил «Раек» на собственные слова, который был впервые исполнен только после смерти Шостаковича:

Эх, Глинка, калинка, малинка моя,
Рассимфония, поэмка, сюитка моя.
Эх, Глинка, Дзержинка, Тишинка моя,
Расхреновая поэмка, сюитка, моя...
Но нужно помнить всегда:
Бдительность, бдительность
Всегда, везде,
Бдительность, бдительность'
Всегда во всем.
Постоянно всюду бди!
Никому не говори!

Великий вождь нас всех учил
и беспрестанно говорил:
«Смотрите здесь, смотрите там,
Пусть будет страшно всем врагам.
Смотри туда, смотри сюда
И выкорчевывай врага».

Музыкальные деятели и деятельницы:

Смотрите здесь, смотрите там,
Пусть враг трепещет по домам.
Смотри туда, смотри сюда
И выкорчевывай врага.

Бдительность, бдительность
Всегда, везде,
Бдительность, бдительность
Всегда во всем.

Не давать любой попытке
Проникновенья буржуазной
Идеологии в нашу молодежь.
Этим ты наши идеи сбережешь.
Ну, а если буржуазные идеи
Кто-нибудь воспримет,
Надолго тех будем мы сажать
И в лагеря усиленного режима помещать.

Музыкальные деятели и деятельницы:

Да, да, да, да,
Сажать, сажать,
И в лагеря всех направлять.

✉ *31 января 1967 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Мною получен от Вас ответ на мое заявление, за то, что Вас сердечно благодарю.

Я Вам писала, что мы живем в г. Горьком 55 лет, и мой брат Мельцин Григорий Абрамович рожд. 1924 г. ушел добровольцем на фронт и оттуда вернулся больным; неоднократно лежал в психбольнице. Он не имеет своей жилплощади. В настоящее время он опять заболел и его положили опять в психбольницу по улице Ульяновой, что можете позвонить и удостовериться. Он уходил ночью из дома и говорил, что мне мешают писать стихи, он писал стихи фронтовые и про свою жизнь. Я писала неоднократно в Горисполком и Райисполком, и они мне только отписывались, что не имеют возможности предоставить жилплощадь, а здоровье свое мой брат оставил на фронте. Я сама рожд. 1918 г. г. Горького, тоже была на фронте и по настоящее время болею и без конца меня колют уколами и лечат, но мы живем с соседкой, которая отнимает у меня всю жизнь.

Благодарю Вас еще раз, что я получила от Вас ответ, и мне было так радостно на душе.

Мельцина.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Получила я Ваше письмо, за которое сердечно благодарю.

Я была на приеме у председателя Райисполкома тов. Бекетова и рассказала ему о том, что мой брат ушел добровольцем на фронт, и оттуда вернулся больным, что его болезнь периодически схватывает, и он неоднократно лежал в психобольнице и состоит на учете в психодиспансере, но т. Бекетов говорит, что таких как Ваш брат больных много, и никакой квартиры не будет. Я говорила т. Бекетову о том, что была у Вас на приеме и что Вы разговаривали с врачом, тогда он мне сказал, что я жестикулирую тов. Шостаковичем. Я не имею слов Вам написать о бездушном отношении т. Бекетова. Я теперь пошлю к нему на прием своего брата, но боюсь за последствия, т.к. он в порыве психики может сделать с ним все, что угодно, и тогда пусть он сделает вывод, можно жить с ним или нет.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич. Пусть дадут хоть одному брату однокомнатную квартиру. Желаю Вам здоровья и много лет жизни.

Пока до свидания, Мельцина Р.А.

13 апреля 1967 г.

Д.Д. Шостаковичу

Исполком Советского райсовета гор. Горького сообщает, что гр. Мельциной Р.А. по обмену квартиры необходимо обратиться в Обменное Бюро при Горжилуправлении. Подробное письмо о их жилищных условиях Вам было послано 3 марта 1967 года за № 277-к.

Председатель Исполкома Бекетов.

Ученики Шостаковича рассказывали, что с композитором о сталинщине не заговаривали: Дмитрий Дмитриевич не хотел вспоминать ни это время, ни эту фигуру.

Лишь однажды в конце одного из аспирантских занятий кто-то задал вопрос, общался ли композитор со Сталиным. Шостакович рассказал о ночном телефонном звонке из Кремля накануне его первой поездки в США на Конгресс в защиту мира. Сталин спросил о здоровье, пожелал успешной работы на конгрессе и заверил композитора, что помех в творчестве у него не будет.

Дело было так. Вскоре после съезда композиторов в Москве была получена телеграмма из Нью-Йорка, которая заставила быстро закрутиться шестеренки советской бюрократической машины.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б) СУСЛОВУ (*Совершенно секретно*):

Направляю Вам перевод телеграммы, полученной из Нью-Йорка на имя Шостаковича.

«Мы с радостью узнали о Вашем предстоящем приезде в США и приветствуем Вас, как одного из выдающихся композиторов мира. Музыка — это международный язык, и Ваш приезд послужит символом связи, которую она может установить между всеми народами...

Сэмуэль Барбер, Лехман Энджел, Гью Хэтчингс, Лоуренс Тиббетт, Леонард Бернстайн, Люка Фосс, Серж Кусевицкий, Ренделл Томпсон, Ричард Бэрджин, Мортон Гоулд, Уорнер Лоусон, Поль Крестон, Рой Хэррис, Жан Карло Менотти, Олин Дауне, Владимир Горовиц, Дмитрий Митрополус, Юджин Орманди, Арти Шоу». (*10 марта 1949 г.*)

О том, что произошло дальше, Ирина Антоновна рассказала со слов Дмитрия Дмитриевича: «Когда ему предложили ехать в США и он отказался, ему позвонил Сталин и настаивал на поездке. Дмитрий Дмитриевич сослался на плохое самочувствие.

— Я плохо себя чувствую... Я болен... Меня тошнит, меня все время тошнит.

Сталин спросил:

— Где вы лечитесь?

— В районной поликлинике.

В тот же день Шостаковича и всю его семью прикрепили к Кремлевской поликлинике.

— Как я поеду, когда моя музыка здесь не исполняется, запрещена? — сказал Шостакович.

— Кем? — спросил Сталин.

— Главреперткомом.

И на следующий день появился уникальный документ — объявить Главреперткому выговор — и стало можно исполнять произведения Шостаковича». *(Из интервью автору)*

Что же это за могущественный Главрепертком?

Это организация, которая ведала цензурой и осуществляла контроль за всем, что выставлялось, звучало или исполнялось в стране: за репертуаром театров, художественной самодеятельности, за произведениями, исполняемыми советскими артистами за рубежом, за нотами, на вывоз которых на зарубежные гастроли они должны были получать разрешение, за зрелищами и репертуаром в райцентрах, за выставками самодеятельных художников и Академии художеств, за музыкой,

исполняемой на танцплощадках и в ресторанах, в фойе кинотеатров, по радио и даже в крематориях, за тем, какие характеристики имеют артисты, исполняющие роли вождей, и были ли их родственники за границей. Невозможно перечислить всех функций, которые были возложены не только на штатных сотрудников, уполномоченных, но и на целый штат добровольных помощников.

За время своего существования эта организация изъяла из библиотек и книжных магазинов около 25 миллионов экземпляров «вредных» книг.

Вот некоторые образцы документов этого ведомства: «Сомнительным является включение в репертуар оркестра Крымской филармонии 1-й и 5-й симфоний Шостаковича. Разрешить: “Сталину Слава!” Шостаковича и “Песня мира” Шостаковича — песни из кинофильмов, “Храни беззаветно отчизну свою” Шостаковича, “Хороший день” Шостаковича — обе на слова Долматовского».

Или: «Главрепертком дает разрешение на исполнение следующих вокальных и хоровых произведений: “Любимый Сталин”, “Женщина мира, вперед!”, “Радость жизни”, “Это счастьем зовется”, “Во имя счастья народного”, “Наш призыв”, “Радостный вальс”, “Наша сила в деле правом”, “Песня о Ворошилове”, “Песня молодых борцов за мир”, “Песня о Сталине”, “Мичуринцы”, “Весенняя хороводная”, “Нету краше и сильнее”, “Колхозное спасибо”, “Наш народ миролюбивый”, “Знатная ткачиха”, “Нас воля Сталина вела”, “Москва–Пекин”, “Песня борцов за мир”, “Выше рейся, наше знамя”, “Свободой, правдой вдохновленный”, “Хороши колхозные покосы”, “Любимый Сталин”».

Г. Свиридов: «Год от года перед смертью Сталина становилось все хуже, все страшнее и мрачнее. Шпиками была буквально наводнена вся жизнь. Общение было возможно самое пустяковое, и говорить о чем-либо было невозможно, из всего могли “сшить дело”.

Страшнейшее, гнуснейшее время, опаснейшее, мрачное, когда процветали только отъявленные палачи и негодяи».

Именно руками многочисленных добровольных или по долгу службы палачей и негодяев и вершились в стране те страшные беззакония, с которыми связана сталинская эпоха.

О них мы почему-то забываем, говоря о той эпохе.

В самый разгар государственного антисемитизма и «дела врачей» в 1948 году Шостакович пишет цикл песен «Из еврейской поэзии», впервые исполненный только в 1955 году:

«Кого родила она? — Мальчика, мальчика. — А как назвали? — Мойшеле, Мойшеле. — А чем кормили? — Хлебом да луком. — А где схоронили? — В могиле...»

Поездка Шостаковича в Америку в 1949 году состоялась. Он был членом советской делегации, которую в прессе именовали так: «Дмитрий Шостакович и сопровождающие его лица».

Но уже через три дня выполнявший обязанности государственного секретаря прислал всем персональные уведомления, что пребывание в Америке советской делегации закончено и надо отправиться домой в «благоразумный срок», как там было сказано.

Поэтому запланированные концертные выступления Шостаковича не состоялись.

Лишь однажды после шестичасового митинга сторонников мира, на котором присутствовало двадцать пять тысяч человек, Шостакович, уже поздно ночью, поднялся на эстраду.

На мою просьбу прокомментировать фотографию, снятую в тот вечер, Дмитрий Дмитриевич сказал:

Боюсь, что не очень хорошо помню подробности, но вот это я хорошо помню. Это происходило в большом зале, присутствовало много слушателей — американских сторонников мира. Выступали с речами. И наши делегаты — помню, выступали. Потом пришло в голову кому-то из американцев, что неплохо было бы, чтобы вот я, композитор Шостакович, сыграл что-нибудь из своих произведений. Я подумал и сыграл скерцо из моей Пятой симфонии.

Вернувшись на родину, Шостакович отчитался в печати о своей поездке.

Пожалуй, самое сильное впечатление от Нью-Йорка — это вид на город с высоты 102 этажа Эмпайр-стейт-билдинг. Но еще ярче мне запомнился удивительно интересный звук, какой-то протяжный гул, весьма разнообразный по тембру, доносящийся на эту огромную высоту с улиц и площадей города...

Наша группа повсюду вызывала большой интерес. Даже на улице, даже в случайном месте — в концерте, в музее — мы чувствовали себя в центре внимания. Сравнивая нашу толпу и толпу американскую, ясно ощущаешь неизмеримое превосходство советских людей, их несравненно более высокий культурный уровень, их подлинную интеллигентность, их большие интересы.

И действительно, думал я, перечитывая потом замечательный рассказ Горького «Город Желтого дьявола», Нью-Йорк — это город Желтого дьявола. Люди там охвачены одной целью — заработать, нажиться, обмануть, продать, сорвать куш... Бизнес, доллар — царит надо всем. Отсюда мораль: копи, копи, копи, делай доллары, из одного — три, из трех — девять, из десяти — сто, из ста — тысячу, и ты будешь счастлив, тебе не надо будет трудиться. Сиди и наслаждайся в своем собственном домике... Эта мещанская мораль очень глубоко проникла в сознание миллионов американцев. Она подчас отравляет сознание даже людей прогрессивных, стремящихся к чему-то лучшему.

У нас жизнь заполнена работой, у нас тоже все торопятся делать, производить, создавать. Но какая разница между нами и ими! Словами даже этого не передашь, но больше сердцем ощущаешь эту разницу между советским человеком и американцем, между Москвой и Нью-Йорком, между великой страной социализма и миром «долларовой демократии».

Шостакович — член Советского комитета защиты мира.

Вскоре после возвращения Шостаковичу позвонил Берия и сообщил, что по указанию Сталина композитору предоставляется новая квартира, дача, автомобиль и деньги в размере 100 000 рублей. Шостакович пытался возразить: «У меня есть машина, с которой я сейчас с трудом справляюсь из-за бензина». — «Откуда у вас машина?» — «Мне выдали ее по наряду В. Молотова».— «Но Молотов не подарил вам машину, а, видимо, продал ее». — «Ну, конечно, я за машину заплатил деньги». — «Ну вот, видите, а Сталин приказал не продать, а подарить машину вам». Был спор и по поводу денег. Шостакович заявил, что он в состоянии заработать на жизнь и потому деньги ему не нужны, на что Берия возразил: «Но это же подарок! Если Сталин подарил бы мне свой старый костюм, я ни за что бы не отказался и поблагодарил бы его за этот подарок. Да и кроме того, деньги вам потребуются для переезда, обзаведения и на другие расходы».

Сам Сталин действительно редко делал подарки. Зато в Москве в те годы существовал Музей подарков Сталину, куда школьников водили на экскурсии. Больше всего там было изображений вождя — нарисованных, выпиленных из дерева, инкрустированных драгоценными камнями, высеченных из камня, отлитых в бронзе, — мне запомнился портрет, вышитый пальцами ног безрукой девушкой, а также зерно, на которое немыслимым образом был нанесен текст речи вождя.

Переполненные подарками залы — исступление верноподданичества.

Портреты Сталина на улицах, в учреждениях, школах, в небе над Москвой, в дни празднеств и салютов — все выставочные залы страны были полны его изображений.

Вот сокращенный список работ, посвященных образу вождя, созданных в стране только за три года.

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН В ГОДЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Детство И.В. Сталина. И.В. Сталин с матерью. Сталин в училище. Детские годы И.В. Сталина в Гори. И.В. Сталин читает Шота Руставели. И.В. Сталин читает Гоголя. И.В. Сталин в юности. Великий юноша (И.В. Сталин). Сталин в молодости. И.В. Сталин среди крестьян. И.В. Сталин — руководитель рабочего кружка в Тифлисе. И.В. Сталин в рабочем кружке. И.В. Сталин среди железнодорожников. Выступление И.В. Сталина в Тифлисе. И.В. Сталин в 1901 году. И.В. Сталин пишет листовку батумским рабочим в 1902 году. И.В. Сталин в подпольной типографии. Беседа товарища Сталина с крестьянами. И.В. Сталин на батумской демонстрации. Высылка И.В. Сталина из Батума в 1903 году. И.В. Сталин в ссылке. Первое письмо В.И. Ленина к И.В. Сталину. Письмо от В.И. Ленина. И.В. Сталин в ссылке в Сибири. И.В. Сталин в Баку (2). И.В. Сталин в 1905 году. Первая встреча И.В. Сталина с В.И. Лениным на 1 Всероссийской конференции большевиков в Таммерфорсе (2). И.В. Сталин на нефтяных промыслах в Баку среди рабочих. И.В. Сталин в Баиловской тюрьме в Баку. И.В. Сталин в ссылке. И.В. Сталин в Вологодской ссылке. И.В. Сталин в Туруханской ссылке. И.В. Сталин в ссылке в поселке Курейка. И.В. Сталин на VI съезде РСДРП(б). И.В. Сталин у В.И. Ленина в Разливе.

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Вожди Октября В.И. Ленин и И.В. Сталин в Октябре. В.И. Ленин направляет И.В. Сталина в Царицын на борьбу с южной контрреволюцией. И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов под Царицыном. И.В. Сталин на царицынском фронте. И.В. Сталин у прямого провода. И.В. Сталин на царицынском фронте. И.В. Сталин с делегатами среднеазиатских республик у В.И. Ленина. Портрет И.В. Сталина. И.В. Сталин на XVI съезде ВКП(б). И.В. Сталин на Рионгэсе. И.В. Сталин и А.М. Горький в Горках. И.В. Сталин и А.М. Горький на прогулке. И.В. Сталин и А.М. Горь-

кий. И.В. Сталин у А.М. Горького. Портрет И.В. Сталина. Выступление И.В. Сталина на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников. И.В. Сталин. Портрет И.В. Сталина (2). Вождь, учитель и друг. И.В. Сталин на опытном поле НАТИ. И.В. Сталин на совещании комбайнеров СССР. И.В. Сталин и Мамлакат. И.В. Сталин. Портрет И.В. Сталина (4). И.В. Сталин и А.Г. Стаханов. И.В. Сталин на приеме делегации советской Грузии в связи с ее 15-летием. И.В. Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП(б) на Тушинском аэродроме в День авиации. И.В. Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП(б) среди детей в Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького. И.В. Сталин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов у постели больного А.М. Горького. И.В. Сталин у постели больного А.М. Горького. И.В. Сталин поздравляет Героя Советского Союза летчика Г.Ф. Байдукова с завершением беспосадочного перелета Москва – Николаевск-на-Амуре. Доклад И.В. Сталина на Чрезвычайном съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР. И.В. Сталин на Чрезвычайном VIII съезде Советов. Голосование Сталинской конституции. И.В. Сталин выступает с докладом о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде Советов Союза ССР. И.В. Сталин на Чрезвычайном VIII съезде Советов. И.В. Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Портрет И.В. Сталина (3). Герои летчики в Кремле перед полетом. Сталинский маршрут. Руководители партии и правительства осматривают модель Дворца Советов. Портрет И.В. Сталина (2). И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов на параде. И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов в Кремле. И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов. И.В. Сталин на Красной площади. И.В. Сталин и М.И. Калинин. Портрет И.В. Сталина (8). И.В. Сталин за работой. Портрет И.В. Сталина (6).

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Речь И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года. Речь И.В. Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года. И.В. Сталин с бойцами под Москвой в 1941 году. И.В. Сталин на оборонительных рубежах (2). И.В. Сталин на фронте под Москвой в декабре 1941 года. И.В. Сталин на оборонительных рубежах. Зима 1941 года. И.В. Сталин на фронтовом совете. И.В. Сталин на наблюдательном пункте на фронте. И.В. Сталин наведывает раненых советских воинов в дни Великой Отечественной войны. И.В. Сталин на фронте пробует солдатскую пищу. В штабе Верховного Главнокомандующего. Заседание Государственного Комитета Обороны. Генералиссимус Советского Союза И.В. Сталин. И.В. Сталин поручает Л.П. Берия оборону Кавказа. Партизан на приеме у И.В. Ста-

лина. И.В. Сталин, В.М. Молотов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия осматривают танки. Создатель советской авиации. Портрет И.В. Сталина (4). В дни великих побед. Песнь о Сталине. Триумф победившей Родины. Творец победы. За великий русский народ. Заздравный тост за русский народ.

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН В ПЕРИОД ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Утро нашей Родины. Дни счастья народа. И.В. Сталин в гостях у моряков Черноморского флота. И.В. Сталин на крейсере «Молотов». И.В. Сталин в рабочем кабинете. И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.П. Берия и А.И. Микоян на черноморском побережье. И.В. Сталин и Т.Д. Лысенко. Подарок товарищу Сталину. И.В. Сталин в кабинете. И.В. Сталин за работой. И.В. Сталин за книгой. И.В. Сталин на воздушном параде. И.В. Сталин на трибуне Мавзолея. И.В. Сталин в Кремлевском саду. И.В. Сталин. Портрет И.В. Сталина. И.В. Сталин на параде. И.В. Сталин с трубкой. Портрет И.В. Сталина (2). Портрет И.В. Сталина с трубкой. Портрет И.В. Сталина (3). И.В. Сталин. Портрет И.В. Сталина (4). И.В. Сталин за работой. И.В. Сталин (6). Генералиссимус И.В. Сталин. И.В. Сталин. Портрет И.В. Сталина. И.В. Сталин (2). Портрет И.В. Сталина.

Когда Шостаковичу назначили индивидуального инструктора по марксизму-ленинизму, тот, явившись к композитору на квартиру и оглядевшись по сторонам, посетовал, что в кабинете нет портрета тов. Сталина.

От тех времен до нас дошел анекдот: «Ученик не может повесить портрет Сталина на стене у себя дома, потому что его семья живет в центре комнаты — у стен живут их соседи».

И еще: «Час говорят о товарище Сталине, два говорят о товарище Сталине, три говорят о товарище Сталине. Что происходит? Юбилей Чайковского».

✉ *...Пишет к Вам мать Слугиной Анны Михайловны, которую осудили на 8 лет за взятку 480 руб. У ней осталось двое детей, одному 16 лет и 13 лет. Мальчик болеет ревматизмом сердца, мне 61 год болею гипертонией, и еще с нами живет моя мать, которой 88 лет. Я к Вам обращаюсь с просьбой помочь мне, чтобы мать двоих детей была с ними.*

Я ее не защищаю, что она сделала большую ошибку, но кто не ошибается, и дети при чем? Да у них еще такой возраст, который тре-

бует повседневного присмотра. Дмитрий Дмитриевич, ведь могут ей дать такое наказание, чтоб она была с детьми, ей уже дали такое наказание, исключили из партии, в которой она была 18 лет и вот совершилось невиданное.

Дмитрий Дмитриевич, очень прошу Вас, помогите мне, чтобы она несла наказание при детях за свою ошибку. Она уже несет наказание 10 месяцев в заключении. Прошу Вас оказать содействие в помиловании, т.к. эта статья не подходит под амнистию, или в снижении меры наказания. Восемь лет для женщины — это срок очень суров и подобен смерти и ликвидации семьи, даже дети потеряли веру в перспективу в будущее, веру в то, что их мать будет с ними.

С уважением к Вам, Белякова Ф.И.

[◄] *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Мой сын Боголюбов Олег осужден на 15 лет лишения свободы. По приговору сын признан виновным в том, что 8-го августа 1958 года, идя по улице вместе с гр. Минаичевым, пытался сорвать с руки гр. Шивановой часы. Однако его опередил Минаичев, который завладел часами, а позднее предупредил Шиванову, чтобы она не кричала, так как в этом случае он «даст ей в бок».

Часы Минаичев отдал своей жене за 70 рублей (в современных деньгах за 7 рублей). Через несколько дней часы были изъяты и возвращены потерпевшей.

Преступление, совершенное сыном, не повлекло никаких тяжелых последствий. Восемь лет и 7 месяцев лишения свободы, которые уже отбыл сын, являются вполне достаточным сроком наказания.

Горьковский областной суд определением от 30 сентября 1958 года кассационную жалобу отклонил. Я была у Вас на личном приеме в городе Горьком 24 марта 1967 года.

Сегодня я послала в Президиум Верховного Совета РСФСР ходатайство о помиловании сына. Очень прошу Вас поддержать мое ходатайство перед Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Вся наша семья ручается за то, что сын в будущем не совершит никакого правонарушения.

Прошу Президиум Верховного Совета РСФСР помиловать сына и освободить его от дальнейшего отбывания наказания.

Мать осужденного Боголюбова М.И.

Советский суд, «самый гуманный суд в мире», отличался невероятной жестокостью приговоров — об этом говорят документы и мно-

гие письма к депутату Шостаковичу. В то время в СССР еще существовала высшая мера наказания — расстрел, которая не была редкостью.

В советской стране человеческая жизнь не бралась в расчет — будь то годы коллективизации, Отечественной войны с ее неисчислимыми жертвами, стройки коммунизма или судебная система.

«Демократическая сущность советской судебной системы» проявилась и в том, каковы были условия содержания в лагерях, сохранивших традиции сталинского ГУЛАГа.

✉ *4 апреля 1967 г.*

Депутату Верховного Совета СССР
Народному артисту СССР
Лауреату Ленинской премии
Секретарю Союза Композиторов
Герою Социалистического труда
Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу
От гр-на Мосякина
Николая Васильевича
Заявление

Недавно я был на свидании со своим братом Мосякиным Петром Вас., отбывающем в настоящее время наказание вот уже почти 3 года в местах лишения свободы Рязанской обл. Эти три года превратили его в инвалида 2 гр., и он действительно умирает. Как брат его, я обратился в целый ряд официальных инстанций г. Москвы, просил заменить оставшийся срок условной мерой наказания, но ответы на все свои обращения в которых значилось одно: «нет». Допустить эту бессмысленную, никому не нужную смерть своего единственного брата я не могу, а поэтому обращаюсь к Вам — помогите!

Как брат его, как гражданин, как участник Отечественной войны я заявляю, что брат мой заслужил того, чтобы о нем в этот юбилейный год вспомнили, чтобы от имени Родины, которую он ушел защищать с 15-летнего возраста, ему сейчас помогли.

Я Вас как Человека прошу сейчас от своего имени, от имени его семьи помочь ему.

Направляю Вам его жалобу и заявление.

Шостаковичу

От Мосякина Петра Вас-ча, осужденного в 1964 году Рыбновским н/с Рязанской области

По ст. 93 — 4 года

Жалоба

Прежде чем писать данную жалобу именно вам, я очень долго думал над тем, а правильно ли я делаю и поймете ли Вы меня, действительно кажется несколько парадоксальным, что человек, находящийся в «местах не столь отдаленных», отбывающий наказание, обращается к Вам, всемирно известному музыканту, композитору, чья музыка пленяла и пленяет миллионы людей на нашей многострадальной планете? На этот вопрос после долгих раздумий я сам себе ответил положительно, я сказал: меня, принявшего непосредственное участие в боях в Великой Отечест. войне, не может не понять тот, кто так прекрасно, мощно, поистине вдохновенно изобразил ее в своей героической 7-ой симфонии, заставляющей и по сей день всех, кто слушал и слушает ее, воочию представлять и понимать героический дух нашего народа. Я уверен, что меня не может не понять тот, кто своей не менее замечательной 13-й симфонией показал величие советского человека, его души, мыслей, взглядов на будущее в наше замечательное время — время строительства коммунизма в нашей стране.

Такой Большой Музыкант не может не быть Большим Человеком а поэтому я и обращаюсь именно к вам. И прошу поверить, что только действительно тяжкое состояние (у меня уже был инфаркт), очень сложные создавшиеся условия на месте отбытия наказания, толкающие меня преждевременно в могилу, глубокая внутренняя убежденность в правоте своего дела, искренняя непримиримость к злу, несправедливости, твердая вера в торжество добра и правды, очень тяжелые переживания из-за случившегося заставляют меня просить Вас помочь найти выход из моего действительно очень трудного положения.

Перейду конкретно к делу:

в 1964 г. я осужден Рыбновским н/с Рязанской обл. по ст. 93 к 4 годам лишения свободы за «...присвоение школьного стройматериала на сумму 367 руб» (работал директором школы). Первый год усиленно разыскивал акт сдачи мною школы новому директору. Из данного акта было бы видно, что указанный стройматериал мною сдан. На все свои запросы об акте я получал один и тот же ответ — акта разыскать не удалось. Возможно, я и дальше продолжал бы разыскивать акт, но администрация колонии прикрикнула на меня и заставила прекратить писать жалобы по вопросу акта, заявив, что осужден я правильно и «...нечего заниматься розыском ненужных документов». И возможно, что не будь этого «унтер-пришибеевского» окрика о пре-

кращении розыска акта, о прекращении писать жалобы, я и не обратил бы внимания на внутреннее положение в колонии, но именно этот окрик заставил меня не только присмотреться к этим порядкам, но и соответствующим образом, как педагогу, анализировать их. Я твердо убедился в том, что администрация колонии в своей работе с осужденными преследует и упорно выполняет следующие цели:

1) за время отбытия осужденным наказания выработать и развить у них чувство ненависти к советской власти;

2) все осужденные, имеющие в своем прошлом определенные заслуги перед Родиной, подвергаются усиленным преследованиям и незаконным репрессиям;

3) и наоборот, выражаясь местным жаргоном, вся так называемая «отрицаловка» пользуется всеми привилегиями и льготами со стороны администрации, она опирается на них в своей работе

Взять к примеру ст. 53-ю УК РСФСР об условно-досрочном освобождении и ее практическое осуществление здесь: рассматривая вопрос о предоставлении к суду для условно-досрочного освобождения, администрация представила и представляет таких, как Сударинов — осужденный за убийство; Макаров Б. — судимый за грабеж, а ранее — за бандитизм; Копейкин — всю свою сознательную жизнь проведший в тюрьмах, судимый за бандитизм; Волков — осужденный за убийство; Рычков — судимый восемь раз, раньше уже условно досрочно освобождаемый и т.д. — и наоборот, отказывают в представлении к суду таким, как Афонин И.И., быв. гв. капитан, орденоносец, инвалид Отечест. войны; Тарасов И.П. — бывший солдат, человек, который умирает здесь после полной резекции правого легкого; Суровцев — быв. гв. майор, орденоносец, штурмовавший со своим батальоном Берлин; Воронин Ф.Н. — 67-летний инвалид 2 гр., отдавший более 50 лет своей жизни сцене; отказывает мне, человеку, который в 15 лет ушел на фронт, в 17 лет стал офицером, а в 19 — закончил войну гв. ст. л-том, командиром батареи с шестью правит. наградами и после войны 15 лет отдавшему педагогическому труду и т.д. — этих примеров можно привести много.

Все это заставило меня взяться за перо и обратиться в вышестоящие органы с просьбой вмешаться в это дело. «Результаты» не замедлили сказаться. Что же предпринимает администрация? Дает указание медикам, и те начинают с меня: снимают с меня инвалидность 2 гр. и направляют на общие работы, в результате чего в августе прошлого года довели меня до инфаркта. Я опять пишу ряд жалоб, жалобы мои не отправляют и выписывают постановление о водворении

меня в штрафной изолятор на 10 суток. — За что? Через несколько дней присылает майор сюда бумажку, в которой предлагает медикам снять меня с 2 гр. инвалидности и вновь направить на общие работы, т.е. повторяется прошлогодняя история, т.е. довести меня опять до инфаркта, следовательно, на сей раз — до смерти. Но и на этом не остановились: через несколько дней приезжает 2-й зам. нач-ка ОМЗ м-р Агапов, вызывает меня и прямо заявляет: «Если и дальше будешь писать жалобы, то упрячем тебя в ПКТ (помещение камерного типа) на 6 м-цев».

Итак, если я буду писать дальше, — 6 месяцев в ПКТ, а там для меня смерть, а вот сознание подсказывает, что молчать нельзя об этом, нужно бить в набат, ибо подобные беззакония и произвол не должны разрастаться, — поэтому я и считаю своим долгом довести до сведения членов Правительства, а в частности — Вас, об этом. Здесь нужна комиссия, авторитетная государственная комиссия из Москвы, куда входили бы работники КГБ и центральных партийных органов, органов народного контроля, но только из Москвы.

Для себя лично прошу Вас, Большой Депутат: Вашего ходатайства прошу вступиться за меня. Как бывший офицер, фронтовик-орденоносец, как учитель и отец 2-х детей я заверяю вас, Большой Депутат, что Ваше высокое доверие оправдаю, и жизнью своей клянусь Вам, что данное обещание будет выполнено. Ваша помощь — это жизнь для меня и наоборот. Поймите, не откажите, отзовитесь!

Ясно, что Ваш ответ я буду ожидать с великим нетерпением, ибо в нем — жизнь моя!

P.S. Люди страшны не обидами, которые они нам наносят, а тем, что поднимают своей несправедливостью зло в нашей собственной душе, я еще раз убедительно прошу Вас отозваться и помочь мне. Извините! С уважением к Вам — Мосякин

Президиуму Верховного Совета РСФСР

гор. Москва

от Мосякина Петра Вас-ча,

осужденного в 1964 г. Рыбновским н/с Рязанской обл. по Ст. 93 — 4 года.

Рязань п/я 401/2

Заявление.

Я твердо верю в то, то Родина не может желать моей смерти, а поэтому, обращаясь к Вам, убедительно прошу Вас заменить оставшуюся часть наказания — 1 год 3 м-ца — условным наказанием, ибо

отбывать дальше в этих условиях я физически не в состоянии: я инвалид 2 гр., был уже инфаркт.

Помогите остаться в живых!

4.04.67 г. Мосякин.

Прилагаю копию справки РВК,

Куртамышский райвоенкомат Курганской области

№ 679. (Копия)

Справка.

Дана ст. л-нту Мосякину П.В. в том, что он действительно служил в рядах Советской Армии с 10 августа 1941 г. по 15 февраля 1946 г.

Имеет пулевое ранение, полученное 7 августа 1944 г. в Восточной Пруссии.

Куртамышский райвоенком

Майор /Голованов/

Офицер РВК ст. л-нт /Валитов/

/Подлинник в деле/

Узникам, осужденным Шостакович посвятил часть своей Четырнадцатой симфонии — «В тюрьме Санте» на стихи Г. Аполлинера (*пер. М. Кудинова*):

Меня раздели догола,
Когда вели в тюрьму;
Судьбой сражен из-за угла,
Низвергнут я во тьму...

Ты видишь, сколько несчастных сердец
Под сводом тюремным бьется!
Сорви же с меня терновый венец,
Не то он мне в мозг вопьется.

День кончился. Лампа над головою
Горит, окруженная тьмой.
Все тихо. Нас в камере только двое:
Я и рассудок мой.

Композитор смело шел на выручку попавших в беду людей.

Однажды на квартиру к Шостаковичу явился человек, только что выпущенный из заключения, и передал письмо от композитора Адмони, отбывающего десятилетнее заключение. Когда из лагеря вернулся

сам Адмони, выяснилось, что он был освобожден по ходатайству Шостаковича.

Арестовали его по обвинению в шпионаже в пользу фашистов. Якобы это он — Адмони — карманным фонариком сигнализировал немецкой авиации, указывая объекты для бомбовых ударов, что у него была налажена связь с другими резидентами и что он ждал дальнейших указаний. Хотя Адмони не признал себя виновным, его осудили на десять лет.

Когда на четвертый год его заключения из лагеря выходил на свободу один уголовник, Адмони безо всякой надежды попросил его найти в Ленинграде известного композитора Шостаковича, сообщить ему о бедственном положении Адмони и попросить вмешаться в его «дело». Д. Д. Шостакович был в то время депутатом Верховного Совета РСФСР, а депутаты, как правило, боялись «впутываться» в подобного рода дела. Шостакович же обратился с ходатайством к Председателю Совета Министров СССР и добился пересмотра дела. За отсутствием доказательств Адмони был полностью реабилитирован.

На прощанье следователь показал Адмони донос, на основании которого он был арестован. Писал человек, превосходно знавший Адмони, его семью, его родителей, писал... его бывший друг.

Шостакович помог освободиться из заключения композитору М. Вайнбергу, обвиненному в антисоветской деятельности. Позже он подружился с Вайнбергом, часто играл с ним новые сочинения.

В 1952 году, за год до смерти Сталина, Шостакович написал Четыре монолога на стихи Пушкина, которые были, по словам композитора, его «личным выражением». Это голос и поэта, и композитора.

Выбор стихов символичен. Шостаковичу приходилось прибегать к эзопову языку, чтобы высказать то, что его волновало, о чем он думал.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Шостакович не раз обращался к поэзии Пушкина. Сочиняя музыку к мультфильму «Сказка о попе и работнике его Балде», он написал «Марш мракобесов».

Игнат Солженицын: «В музыке Шостаковича есть многое, что относится не только лично к его жизни, но и к советской реальности тех десятилетий, когда он жил. То же можно сказать о великих композиторах всех времен: будь то Бетховен, Брамс или Шостакович. И в этом смысле Шостакович стал достоянием всех народов, несмотря на то, что он композитор глубоко русский и его музыка отражает и очень страшный XX век в России.

Мой отец с Шостаковичем был мало знаком, они встречались, если я не ошибаюсь, три раза. И писатель, и композитор очень по-разному изобразили этот XX век. Каждый по-своему, уже не говоря о том, что литература и музыка все-таки отличаются довольно сильно. Но мне кажется, что очень большая заслуга Шостаковича в том, что он смог своей музыкой отразить те несчастья и страдания миллионов людей, которые в двадцатых, тридцатых, в сороковых — во всех наших десятилетиях они испытывали, то, что происходило на родине. Его музыка смогла отразить и запечатлеть этот крик миллионов — в этом, по-моему, самая сильная и проникновенная сторона его творчества.

Музыка Шостаковича — это крик миллионов». *(Из интервью автору)*

В 1967 году Шостакович сочиняет новый романс для голоса и фортепиано на стихи Пушкина «Весна, весна» (соч. 128).

✉ *10 апреля 1967 г.*
Город Москва
Выдающемуся Известному Советскому Композитору
Дмитрию Дмитриевичу Шестаковичу
Ростов обл. Вешенский р-н Базковская
Бестужев Алексей Степанович

Наш много уважаемый выдающийся Советский композитор Дмитрий Дмитриевич разрешите мне как не известному вам обратиться как простому мужику труда.

Мне было 12-13 лет я впервые вступил в труд. Строил Город Комсомольск 1932 г.. в качестве рядового рабочего и принят в Комсомол вскоре был перевод времени известен хорошо и вам 1938 год 18 апреля был взят после окончание работы в числе многих людей и увезен в г. Хабаровск где проходила в то время Тройка УНКВД по ДВК. Я был осужден в числе многих людей к 3 годам и сослан в Крайний север Колымы Магадан. обл. где и работал в Шахтах, Шурфах Забоях, Рудниках освободившись 18 апреля 1941 года я остался работать по освоению Крайнего Севера в качестве Бурильщика, Забойщика, Шахтера, Шурфовщика основная физическая работа.

Проработав до 8 сентября 1945 года в качестве шурфовщика был взят с работы по не известному мне делу по которому вменяли мне злодейские меры преступления грабежа и убийства был взят с работы осужден вменяли вину не известного дела преступления старались вменить били по голове. Чем могли оружием о чем остался след был и находился в несознании после чего осужден по ст. 167 ч.2 к 10 годам.

Лишение свободы продолжал работать так же как и работал на самих тяжелых работах т.е Шурфовщиком, Забойщиком, Бурильщиком, в течение более 13 лет все время в Крайнем Севере в самых вредных тяжелых условиях труда работал на лесоразработках и дровоколом там куда меня ставили руководство я исполнял был участником и с водолазами в порту Начаево везде безукоризнено исполнял свой труд с честью и вот Дорогой наш славный видный выдающийся Советский Композитор Дмитрий Дмитриевич разве не обидно когда невинно обвиняли и били когда был в это время произвол когда я знал один труд и только труд и оставил здоровие пробыв 16 лет 2 м-ца в Севере в суровых тяжелых условиях. Я просил бы вас помочь мне как не чем не повинному Человеку труда рассмотреть с вашей стороны и помочь мне пусть же меня накажет самая суровая мера если я кому за свою жизнь сделал не хорошо зла или ково обижал или имел связи когда контингент людей был в то время всякий. Я знал свой труд и только труд.

Прошло почти 30 лет с дня моего нахождения в Севере потеряв здоровие стал Инвалид. Я прошу вас лично мне помоч в моем деле которое не счетал и не счетаю виновен в лице юстиции и Ребилитировать и установить все положеные льготы в севере не использованые живу бедно семейной жизни не годен материально живу бедно по работе по вредному характеру Т.Е. Бурильщиком — Шурфовщиком — Забойщиком я должен перейти на пенсию

бывший кадровый рабочий г. Комсомольск на Амуре с 1932 г Магадан. обл. кадров. раб. 26 июня по 18 апреля 1938 г. комбинат № 18 и Колыма Дальстрой Магадан. обл. Кадров. раб. с 1938 г. 20 апреля по 29 мая 1954 г. Асбестуголь.

✉ *Г. Москва*

Ул. Нежданная

Конечно вы Дм. Дм. заняты своей работой ну я, вынужден это сделать и написать и обратиться мне некуда и я не знаю где искать еще за свой труд пройденный в севере. Я описал с того дня когда меня арестовали куда еще я мог обращатся ничего никуда не доходило. Это был произвол Севера. Это были злодеи отнимали здоровье у людей ничем не повинных. Это был произвол. Я знал труд и труд своего труда и никово никогда не обежал и не имел связи и малейшего оружия. Я прошу вас Дмит. Дмитриевич вас лично чтоб востановили все льготы за которые потерял здоровие в Севере и применили льготы положеные по характеру работ желаю многих лет здоровия счастья семейной и личной жизни на благо общества и долгих долгих лет жизни.

Кадровый бывший рабочий севера Алексей Степанович Бестужев.

Скоко можно писать и скоко можно несть вину в которой меня отняли ничем не повинного оставили колекой меня все видели какой я обращался на личном их приеме теперь пришли годы потеряная жизнь здоровие. Пенсию мне дают по болезни не достаток на существование

19.4. 1967 г.

Когда Сталина вынесли из Мавзолея и похоронили у кремлевской стены, появился анекдот о том, что кто-то положил на его могиле венок с надписью: «Посмертно репрессированному от посмертно реабилитированных».

В эти годы Шостакович получал много писем от людей с искалеченной судьбой, «ничем не повинных». Несколько раз в годы сталинских репрессий он и сам мог разделить их участь, был на волосок от гибели. Так, однажды он получил повестку в Ленинградское управление НКВД — это было связано с делом маршала Тухачевского, уже арестованного.

«Как я просил в детстве папу купить мне скрипку, а он из-за вечного недостатка в деньгах так и не купил ее. Ведь я мог бы быть сейчас скрипачом», — говорил маршал сестре незадолго до своего ареста.

Тухачевского сняли с должности заместителя наркома 11 мая 1937 года и отправили командовать войсками Приволжского военного округа. Перед отъездом он добился встречи со Сталиным. Положив Тухачевскому руку на плечо, вождь пообещал, что скоро вернет его в Москву. Сталин свое слово сдержал — через две недели Тухачевского привезли в Москву под конвоем.

Когда Шостакович с ним познакомился, Тухачевскому было тридцать два года, он был видным советским военачальником и разрабатывал реформу Вооруженных сил Советского Союза, а в свободное время мастерил скрипки и любил слушать музыку.

«Творец советской военной доктрины», «палач крестьянства», «красный Наполеон», «неотразимый донжуан» — таким он запомнился современникам.

Он был специалистом в ужасной профессии. Его профессия заключалась в том, чтобы шагать через трупы, и как можно успешнее.

Мы познакомились в 1925 году. Я был начинающим музыкантом, он — известным полководцем. Но ни это, ни разница в возрасте не помешали нашей дружбе, которая продолжалась более десяти лет и оборвалась с трагической гибелью Тухачевского.

С первого дня нашей дружбы я проигрывал Тухачевскому свои сочинения. Он был тонким и требовательным слушателем.

Каждую свободную минуту — а такие у Михаила Николаевича случались нечасто — он старался проводить за городом, в лесу. Порой мы выезжали вместе и, прогуливаясь, больше всего беседовали о музыке.

Шостакович говорил, что однажды, после того как он побывал в гостях у Тухачевского, его вызвали в «Большой дом». На допросе следователь спросил: «Вы были у Тухачевского. Вы слышали, как Тухачевский обсуждал с гостями план убийства товарища Сталина?» Шостакович стал отрицать. «А вы подумайте, вы припомните, — говорит следователь. — Некоторые из тех, кто был с вами в гостях у Тухачевского, уже дали нам показания». Шостакович продолжал утверждать, что он ничего не помнит.

«А я вам настоятельно рекомендую вспомнить этот разговор, — сказал следователь с угрозой. — В понедельник придете ко мне еще раз, и мы продолжим беседу...»

Первый допрос состоялся в субботу. Офицер по фамилии Закревский пытался убедить композитора, что тот входит в террористическую группу, готовящую покушение на Сталина, и требовал выдать имена остальных заговорщиков. Шостакович вспоминал:

Самым страшным было то, что надо еще было прожить воскресенье.

Шостакович вернулся домой и стал готовиться к аресту. Многие его близкие были уже посажены. После статьи «Сумбур вместо музыки» Тухачевский написал Сталину письмо в защиту Шостаковича — уже одного этого хватило бы, чтобы Шостаковича посадить.

Утром в понедельник Шостакович снова явился в «Большой дом», получил пропуск и сел возле кабинета следователя. Проходит час, другой, а его не вызывают. Наконец какой-то чекист поинтересовался:

— Что вы тут сидите? Я смотрю, вы здесь уже давно.

— Жду. Меня должен вызвать следователь Н.

— Н.? — переспросил чекист. — Ну, так вы его не дождетесь. Его вчера ночью арестовали. Отправляйтесь домой.

Так Шостакович чудом избежал ареста.

Шостаковичу не довелось узнать о необычайной жестокости, с которой полководец М. Тухачевский, дворянин и офицер, перешедший на сторону большевиков, подавлял Кронштадтское восстание и крестьянские бунты, — эти документы были опубликованы лишь недавно.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Письмо это пишут жители с. Роженцово, Горьковской области.

Дело в том, что в ночь с 18 на 19 апреля 1967 года наше село подверглось стихийному бедствию, по нашей территории прошел ураган, в результате чего было разрушено 20 объектов, линии электропередач и радиосвязь. Особенно сильно разрушен сельский клуб деревянного типа, снесло верх, полностью уничтожена кровля, изломало потолочные перекрытия и отопительные приборы, словом, клуб пришел в негодное состояние. Мы обращаемся к Вам с просьбой походатайствовать о выделении средств на строительство типового сельского клуба. Колхоз же оказать помощь в строительстве не может т.к. этим ураганом разрушено домов колхозников и производственных построек колхоза 20 объектов.

Убедительно просим Вас оказать нам помощь в строительстве сельского клуба.

По поручению избирателей:
Председатель сельского совета
Директор средней школы
Председатель колхоза «Роженцово»
Секретарь парторганизации колхоза
Зав. сельским клубом.

Весной Шостакович работал над сочинением Второго скрипичного концерта (ор. 129), который закончил 18 мая 1967 года. Композитор придавал большое значение тому, как будет представлено его сочинение публике, всегда участвовал в репетициях.

Конечно, даже отличный исполнитель не сможет сделать плохую вещь хорошей, это не в его силах. Помните слова Собакевича: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот...» Так вот, если дрянное произведение будет играть даже сам Рихтер, оно от этого лучше не станет. А плохой исполнитель может испортить очень хорошее произведение.

Первыми исполнителями многих сочинений Шостаковича были люди выдающегося таланта. Одним из таких исполнителей был Давид Ойстрах.

Шостакович — Ойстраху: **Я закончил новый скрипичный концерт. Писал его с мыслями о Вас. Много раз я Вам звонил, но никто у Вас не отвечал. Очень хочу показать Вам концерт, хотя сделать это мне ужасно трудно. Если концерт не вызовет у Вас протеста, то велико будет мое счастье. А если Вы его сыграете, то счастье мое будет столь велико, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Если не будет Вашего возражения, то мне очень хотелось посвятить концерт Вам...** *(20 мая 1967 г.)*

Когда несколько лет назад Ойстрах не получил Ленинской премии, Шостакович, который был членом Комитета по Ленинским премиям, писал ему: **К моему великому удивлению и огорчению, Вы «не прошли». Ваша кандидатура собрала мало голосов. При последнем обсуждении бюллетеня некоторые члены комиссии, в том числе и «певица» Чабан, высказала мысль, что Ваше искусство недостаточно понятно народу, что многие люди Вашей скрипке предпочитают «что-нибудь другое... более понятное, ясное» и т. п... Знайте, дорогой Додик, что лучшие музыканты всего мира, весь наш народ и все народы мира присудили Вам все премии. Признание, которого Вы удостоились, должно быть Вам дороже всего. Я убежден в том, что Вы, как великий артист, не обратите внимания на это прискорбное происшествие. Знайте, что Вас любят и ценят столько людей и музыкантов, что сосчитать их не представляется возможным. Что касается до меня, то я мог бы своими комплиментами по Вашему адресу исписать тысячи тонн бумаги. Крепко жму руку. Ваш Д. Шостакович.** *(10 апреля 1957 г.)*

Сохранились кадры юбилея Ойстраха, на котором присутствовал и Шостакович с женой: за длинным накрытым столом присутствующие,

среди которых известные музыканты, представители Министерства культуры, слушают поздравительную речь зам. министра культуры Кухарского. Тот говорит о том, что раньше в царской России для евреев существовала черта оседлости, а теперь, в советское время, ее не существует и среди евреев в Советском Союзе много выдающихся людей, в их числе и Давид Ойстрах.

✉ *25 мая 1967 г.*

Глубоко уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Обращаемся к Вам за помощью.

Уже около пяти лет мы живем в этом доме и на нас ведется травля — иначе не назовешь: это недопустимое в Советском Союзе отношение к нам. Поводом послужило то, что под окнами нашей квартиры (первый этаж) почти вплотную поставлены скамейки, на которых до глубокой ночи сидят жильцы дома разного возраста и своими криками и шумом не дают возможности нам отдохнуть.

Я, Ева Борисовна, человек больной, являюсь персональным пенсионером республиканского значения, мне 72 года, несмотря на это я занимаюсь общественной работой в Доме Политкаторжан. Это моя первая вина — просьба передвинуть скамейки, вторая вина это то, что я еврейка. Мой муж Яковлев Василий Семенович был политкаторжанин, русский, дочери мои тоже русские. И то, что я еврейка, почему-то в нашем доме, в Советском Союзе, ставят мне в вину, ругают, когда прохожу, жидовской собакой, «жидовкой» и другими нецензурными словами.

Я, Звезда Васильевна Яковлева, дочь, работаю в двух местах: в Роддоме № 1 и д/Поликлинике. Из дому мы обе выходим в 7 часов утра, а возвращаемся не раньше 9 часов вечера. Нас не видят никто из живущих в доме, несколько раз у нас разбивали стекла, бросали в них палками. Этих вещественных доказательств у нас целая коллекция.

В этой гнусной истории принимают участие люди, которые нас совсем не знают и почему-то обвиняют во всех смертных грехах. Причем организатором и подстрекателем всех этих гадостей является Гаврилов Павел Степанович, член КПСС с 1938 года, подполковник в отставке, прослуживший в Советской армии 26 лет. Казалось бы, такой человек ни в коем случае не может допустить, чтобы людей оскорбляли словами «жидовка», «жидовская собака», «сучка» и другими еще более гнусными словами, чтобы в его присутствии подростки Дурнев и Нечаев бросали палки в окно, били стекла, а П.С. Гаврилов спокой-

но удалился, предоставив подросткам продолжать недозволенное им «развлечение».

Что же касается милиции в этой гнусной истории, то представители милиции не нашли нужным ни составить актов о разбитии стекол в окнах, ни поинтересоваться, в каком состоянии были окна.

Получается что две ни в чем не виноватые женщины оказались в замкнутом круге, из которого не можем найти выхода, потому мы решили обратиться за помощью к Вам, нашему депутату в Верховный Совет СССР.

Невероятно чтобы теперь, когда мы с великой гордостью и радостью будем отмечать полувековой юбилей нашей родной Советской Власти, еще были такие Гавриловы, мечтающие, что занимаемое ими положение и партийный билет делает их безнаказанными, как это было во времена культа личности.

Очень просим, тов. Шестакович, миновать партийные органы, ибо они и являются родоначальниками нашего дела.

С глубоким уважением.

Е. Яковлева

З. Яковлева.

[•] **7 июня 1967 г.**

Председателю Починковского райисполкома.

Направляю Вам заявление моего избирателя А.Г. Бочкарева, проживающего в селе Уч. Майдан, с жалобой, что, несмотря на Ваше указание Майданскому сельсовету произвести ремонт крыши дома, в котором он проживает, — до сих пор ничего не сделано.

Прошу Вас лично проверить причину невыполнения Вашего распоряжения и сообщить мне.

Д. Шостакович.

[•] *10 июня 1967 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

тов. Шестакович Д.Д.

от гражданина Горьковская область Краснобаковского района р/пос. Ветлужская ул. Горького 26 пенсионера Збруева Александра Николаевича.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Я к Вам обращаюсь как к нашему депутату Верховного Совета Национальностей СССР. Моя просьба и обращение к Вам будет заключаться в нижеизложенном по моему личному делу.

В присутствии понятых был обследован мой личный дом в том что он действительно нуждается в немедленной замене крыши, для чего в акте отметили о немедленном т-е при первом появлении в торговой сети шифера выделить мне 250 листов. Но мое заявление и акт депутата повидимому не дошел до сознания руководства пос. Совета считая повидимому пусть дождевые осадки мочат мое имущество и сам дом поставили меня на очередь 78-го года. Конечно, они свое дело сделали, но ведь меня это обратно не устраивает если данной очереди ждать, то от моего дома останутся и дрова плохие.

Поэтому исходя из выше изложенного я Дмитрий Дмитриевич обращаюсь к Вам в оказании помощи в приобретении шифера 250 листов конечно за наличный расчет.

Я буду очень благодарен Вашей помощью.

Прошу Вас Дмитрий Дмитриевич извинить меня за Ваше беспокойство.

С уважением к Вам Збруев А.Н.

В юбилейный год Шостакович сочинил новое произведение, посвященное революции, — симфоническую поэму «Октябрь» (ор. 131).

Когда-то юный Шостакович написал к десятилетию Октябрьской революции симфонию «Посвящение Октябрю».

Старая гармония мира закончилась. Революция, изменившая лицо мира, с ее трагическими коллизиями, исступленными празднествами — все нашло отражение в его музыке

В «Октябре» я пытался передать пафос борьбы и победы. В конце для усиливания воздействия на слушателя мною введен хор. *(31 октября 1929 г.)*

Пусть каждый в борьбе будет молод и храбр.
Ведь имя победы — Октябрь.
Октябрь! — это солнца желанного вестник.
Октябрь! — это воля восставших веков.
Октябрь! — это труд, это радость и песня.
Октябрь! — это счастье полей и цветов.
Вот знамя, вот имя живых поколений:
Октябрь!
Коммуна!

Ленин!

Voilà. Сейчас я дошел до слов (не включительно) «О, Ленин!». Хор сочиняю с большим трудом. Слова!!! Но зато перед хором сочинил удачное место, неофициальное заглавие которого «смерть младенца»... *(12 июня 1927 г.)*

Уже в процессе работы Шостакович пишет, что получается «мюзик-грандиоз».

«Опять флаги, шествия, опять праздник — и все злобно, кроваво донельзя, лживо до тошноты, плоско, убого до невероятия... — записывает в те годы И. Бунин. — "Мы пошлем всем злодеям проклятье, / На борьбу всех борцов позовем..." Для большинства даже и до сих пор "народ", "пролетариат" только слова, а для меня это всегда — глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге — все естество произносящего ее.

Произошло нечто невообразимое: брошена была на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна.

Вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество».

Премьера симфонической поэмы Шостаковича «Октябрь» (ор. 131) состоялась 16 сентября 1967 года.

15 августа 1967 г.

Д.Д. Шостаковичу

Исполком Горсовета сообщает, что гр. Чашиной Г.С. предоставлена 3-х комнатная изолированная квартира со всеми удобствами по ул. Сутинской дом № 7, кв. № 28 в центре города вблизи к месту ее работы.

Заместитель Председателя Исполкома Горсовета депутатов трудящихся В. Лебедев.

4 сентября 1967 г.

В 1966 г. я как молодой специалист, окончивший Московский технологический институт мясомолочной промышленности, была направлена в Горький, на завод первичной переработки скота с предоставлением жилплощади. В жилье мне сразу категорически отказали, прописав с мужем в общежитии при заводе. В Управлении мясной промышленности я тогда же просила открепление с тем, чтобы перераспределиться в любой другой город, где бы меня обеспечили квартирой,

в которой я крайне нуждалась, т.к. у меня вскоре родился ребенок. Но и в этом мне отказали.

Мой муж, гражданин страны Уганда, окончил Университет им. П. Лумумбы в 1965 году и должен отработать на предприятии своей страны 3 года. В дальнейшем мы мечтали жить и работать в СССР, т.к. у нас сын, гражданин Советского Союза, и свое будущее мы связывали только с Советской страной. Но обстоятельства для меня с сыном здесь сложились чрезвычайно неблагоприятно. Осень, зиму и весну я с грудным ребенком на руках скиталась по разным частным квартирам, столкнувшись с ссорами, пьянством, побоями. Эти ужасные жилищные условия отразились на здоровье ребенка: он болен рахитом, трижды перенес 2-стороннюю пневмонию и сейчас лежит в детской больнице по поводу этого же заболевания. Я просила директора поселить меня с ребенком хотя бы в дом старого фонда, но снова категорический отказ.

Приближается зима, пережить которую слабый ребенок едва ли сможет, если условия жизни его останутся те же.

В этом году мы празднуем 50-летие Советской власти! Эта знаменательная дата, отмечаемая не только Советским народом, но и всем прогрессивным человечеством Земли, ясно показывает, насколько улучшилась жизнь советских людей. И мне, как и любому человеку, хотелось бы, чтобы в этот замечательный год и для меня была радость, праздник.

Если Вы, как и Горьковские руководители, согласны, что меня ни к чему обеспечивать квартирой, то только одного прошу — походатайствуйте о срочном выезде моем с сыном за границу, к мужу. Это будет отъезд поневоле, но нужно сохранить сына, а жить с ним зимой в садовой будке, как мы жили все это лето, мы не в состоянии. Дмитрий Дмитриевич! Если найдете минутку свободного времени, помогите осуществить мне мои законные права на жилье. Очень прошу Вас, не останьтесь безучастны к моей просьбе!

Миридонова Г.В.

Мой брак с Сауло L Сэруа зарегистрирован в г. Москве в 1965 г. 17 октября во Дворце бракосочетаний на ул. Щепкина.

Часто свои письма к депутату избиратели старались приурочить к празднованию какой-нибудь знаменательной даты — юбилею советской власти, годовщине партсъезда, поскольку время в стране протекало не как историческое, а «от съезда к съезду», «от пятилетки к пятилетке», через всенародно отмечаемые дни рождения вождей, дни их

смерти, годовщины революций, восстаний, выступлений, движений. Поэтому в 1967 году редкое письмо обходилось без упоминания пятидесятилетия советской власти, отмечаемого «всем прогрессивным человечеством Земли», когда «улучшилась жизнь советских людей» — и теплилась надежда, что на этом величественном фоне конкретная просьба, на которую годами не обращали никакого внимания, не затеряется, не останется без ответа.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

от избирательницы Дмитриевой Веры Филипповны, порядковый № в списке избирателей 214.

Я крестьянка-колхозница, работаю в колхозе «Борец» Ядринского р-на Чувашской АССР с 1958 года, имею четверых малолетних детей. Старший сын Геннеро учится в школе во втором классе. Ему 9 лет. Остальные сыновья — Родольфо, Адольфо и Эрно, последнему еще четвертый год — еще в школу не ходят.

В 1964 году в мае месяце моего мужа Дмитриева Михаила Дмитриевича посадили за решетку по предусмотренному ст. УК РСФСР 103 сроком на семь лет, который ныне находится в ИТК-4 г. Чебоксары. Причина виновности заключается в том, что его сестра Григорьева Хрестиния Дмитриевна после смерти мужа начала сожительствовать открыто с односельчанами, а когда муж Дмитриев М.Д. ругал и стыдил сестру при сидящих женщинах на улице за ею допущенные различные развраты, также имелись схватки там же между ними. Однако моим мужем не было совершено убийство сестры. Утром на следующий день, когда был обнаружен труп во дворе сестры Дмитриева — Григорьевой, арестовали его же, по мотивам, так как «он поднял скандал среди сидящих людей на улице, он и мог убить ее». Так и эдак упомянутый и преждевременный мотив следователя остался и на суде от 21 августа в силе. И по сей день, уже около половины срока, муж отбывает срок наказания. Хочу подчеркнуть и это, муж был юридически неграмотный, в течение 5 дней после ареста работники милиции во главе оперативной части лейтенантом Смеловым всячески издевались над мужем, избивали, разорвали одежду на нем, 4 дня не давали кушать ничего, превратили мужа, бывшего коммуниста, краснофлотца, в преступника.

За эти прошедшие три с половиной года при наличии столько малолетних, как Вам известно, семья осужденных ведь не пользуется никакими льготными условиями, а наоборот, презирают их все учреждения и коллектив, какие мучения и горе перенесла я и мои дети. Хотя прими-

тивно вспоминать о нищете в стране строящегося Коммунистического общества, на долю моих детей выпало и этот пережиток, малолетки ходили подбирали куски хлеба. Хотя этот юбилейный год приносит радость для всего Советского народа, но, однако, мою семью не избавили от нищеты, голода и холода. Как быть мне в дальнейшем, я не могу себе представить. Мои дети из года в год приближаются к гибели. Ничем не могу предотвратить эту жизнь, хотя и работаю в колхозе аккуратно.

Хотя муж Дмитриев в своей юности с 14 лет вступил в комсомол — трудные годы войны, а потом в 1949 году, когда ему было 18 лет — стал коммунистом, имел много грамот от обкомов и ЦК за безупречные труды, а в течение пяти лет служил в составе Военно-Морских Сил, имел особые заслуги, но ничего не служит обстоятельством, смягчающим обостренное нищенское положение моей семьи. А самое главное: ведь не отбывает наказание Дмитриев один. Они неограниченное количество с нашего Горьковского избирательного округа взяли. Ребята, семьи у каждого, наверное, мучаются, как мучаюсь я и мои дети в этом пятидесятом году жизни Советской власти. Разумеется, при свержении капитализма и в защите дела Великого Октября особенно большая доля выпала именно на народ Нижегородской и Казанской Симбирской губерний.

Я просила бы как избирательница от Вас, как с депутата Верховного Совета СССР, как у слуги народа, хотя Вы непосредственно по положению не занимаетесь этим вопросом, поднять вопрос на сессии, которая будет состояться 10 октября с.г. по поводу амнистирования осужденных и установления некоторых льготных условий семьям осужденных в соответствии Советского законодательства в честь нынешнего юбилейного года.

А то последняя надежда будет исполнена мне удастся прочитать Ваше выступление на сессии, в печати по этому вопросу.

Желаю успехов во всем.

С уважением, избирательница Дмитриева.

Перед возвращением в Москву испытываю большие волнения. Предстоят премьеры моих новых опусов. А это всегда очень беспокойно, — пишет Шостакович 11 августа 1967 года.

В Москве, в Большом зале консерватории, 25 сентября 1967 года был впервые исполнен Второй скрипичный концерт, посвященный Д. Ойстраху (ор.129).

Правая нога сломана, левая нога сломана, правая рука дефективная. Теперь надо повредить левую руку, и тогда все 100% конеч-

ностей будут не в порядке... — пишет Шостакович из больницы. *(30 сентября 1967 г.)*

Лежа на больничной койке, композитор слушал свой скрипичный концерт по радио.

Шостакович — Ойстраху: **9 ноября весь концерт транслировался по нашему радио. Звучало очень хорошо. Прослушал я весь концерт. Мой концерт в Вашем исполнении прозвучал замечательно. Я получил огромную радость. Спасибо Вам самое горячее. Я пока еще нахожусь в больнице. Часто кручу запись моих блоковских романсов и 2-й концерт. И много думаю о том, какое для меня великое счастье иметь таких исполнителей, как Вы. Хочется скорее Вас видеть и слышать в «живом звучании», а не по радио или по магнитофону.**

Горячо любящий и благодарный Д.Шостакович. *(6 декабря 1967 г.)*

Ойстрах, чувствовавший себя плохо в день концерта, опасался, что упадет на эстраде, с трудом досидел до номера, где вступала скрипка в блоковских романсах. Он рассказывал: «Конечно, я должен был встать и уйти с эстрады. Но я не мог себе этого позволить, зная, что нас слушает Д.Д. Шостакович по радио. Я представлял себе, с каким волнением и напряженным вниманием он слушает, как он переживает. В изумительном по красоте романсе "Мы были вместе" я играл свою партию, будучи до предела скованным болями в сердце. К счастью, цикл имел огромный успех и по требованию публики был целиком повторен».

☞ *Уважаемый тов. Шестакович!*

К Вам обращается, как к депутату, Ваш избиратель, инвалид Отечественной войны 3-й группы Лазарев.

Обратиться к вам за помощью меня заставляет несправедливость, допущенная в отношении нас, инвалидов этой группы.

За последнее время, как известно, у нас в стране стали уделять больше внимания инвалидам войны и примером этого внимания может служить мартовское постановление Правительства, принятое в 1965 году в честь 20-тилетия Победы над Германией. Этим постановлением инвалидам войны были предоставлены некоторые льготы, среди которых наиболее реальной явилось право бесплатного проезда на городском транспорте. Казалось бы, чего же лучше — будь благодарен, инвалид, правительство не забыло тебя, выделило из общей массы граждан, признавая твои заслуги перед народом. Однако, к сожалению, неизвестно чем руководствуясь, авторы этого постановления разрешили пользоваться этой льготой не всем инвалидам 3-й группы, а

лишь тем из них, которые вследствие ранения лишились конечности (руки или ноги). По мнению этих авторов, только отсутствие, потеря одной из конечностей превращает человека в инвалида. Но разве это так? Разве последствия ранений, делающих человека инвалидом, заключаются только в потере руки или ноги? Ведь кроме них есть и другие органы — зрения, слуха, внутренние повреждения, наконец. Не случайно, определяя и назначая группу инвалидности, специалисты (а не дилетанты) — врачи, руководствуются расписанием болезней, в котором прямо перечислены последствия ранений, в результате которых человек становится инвалидом, в т. числе и 3-й группы.

В результате же этого постановления из инвалидов войны 3-й группы выделили «настоящих» и «ненастоящих» инвалидов, т.н. инвалидов «третьего сорта». Мы не возражали бы, если бы это постановление вернуло нам зрение, слух и т.д., но ведь сделать это оно не в силах, а вот обидеть, кровно обидеть нас, и так уже достаточно обиженных войной, это оно сумело. Обидней всего, что, будучи на фронте, мы не выбирали себе ранений, не думали, какое из них более почетно или выгодно, и если случайно остались с руками и ногами, то в этом не наша вина — инвалидами мы все-таки стали.

Так неужели же мы, в ряде случаев обойденные и наградами, не заслужили своими ранениями и их последствиями даже права бесплатного проезда на городском транспорте.

Обращаясь к Вам, как к нашему избраннику в Верховный орган власти, мы надеемся, что поставите, где нужно, вопрос об устранении этой несправедливости и приложите силы к тому, что бы хотя бы к 50-тилетию Советской власти, в деле упрочения которой есть частица и нашей крови, эта льгота была предоставлена всем инвалидам Отечественной войны.

С уважением к Вам, Лазарев
ул. Пискунова 1, кв. 7
Лазарев И.П.

Недавно я получил письмо из Волгограда с просьбой написать музыку памяти погибших, как я это сделал несколько лет назад для Новороссийска... Я сочинил небольшую Траурно-триумфальную прелюдию памяти героев Сталинградской битвы. Буду счастлив, если она прозвучит в день открытия монумента на Мамаевом кургане. *(«Правда», 12 сентября 1967 г.)*

Траурно-триумфальная прелюдия памяти героев Сталинградской битвы (ор. 130) впервые прозвучала 24 октября 1967 года в Москве, в Большом зале консерватории. Дирижер Е. Светланов.

Весна. Победа. Кто перешагнул этот рубеж — никогда его не забудет. В тот день для нас все слилось воедино: счастье, гордость, слава, горечь страданий и невиданных страшных утрат. Смахивая слезы, улыбаясь, мы дышим воздухом нашей победы. Жизнь победила!

Нет больше «слепых» домов с фанерой вместо стекол в окнах, не бросаются в глаза зияющие раны... — писал Шостакович, вернувшись в родной Ленинград.

Мог ли он тогда знать, что и спустя десятилетия этими «зияющими ранами» будут полны письма бывших фронтовиков к нему, их депутату.

Среди депутатской почты Шостаковича огромное количество писем от инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны. Израненные, искалеченные, они вернулись в разрушенную войной страну. Но и спустя десятилетия им продолжали обещать лучшую жизнь, мало что делая для тех, кто потерял на войне здоровье, нуждался в помощи.

Даже в новом тысячелетии, более чем через полвека после окончания войны, слышится очередной, который по счету, призыв — предоставить ветеранам Великой Отечественной войны квартиры — когда уже почти никого из них не осталось в живых...

[•] *...Я проживаю в г. Горьком с момента своего рождения, работаю на одном месте 28 лет. Но проживаю в ужасных квартирных условиях в Приокском районе. Состою на очереди, которая, вероятно, подойдет, когда меня уж не будет в живых. Что же мне делать?*

Сейчас дожди, крыша протекает, потолок обвис, печь разваливается, дымит, все время приходится ее замазывать, окна не открываются, т.к. все сгнили. Вот, уважаемый депутат, в каких условиях проживают Ваши избиратели, да к тому же фронтовики.

Я думаю, что Вы мне что-то ответите, не зря же я голосовала за Вас, а значит, за улучшение своих жилищных условий.

Прилагаю копию письма Райжилуправления.

С уважением к Вам,

Хохлова Нина Ивановна.

[•] *...Я как инвалид войны уже несколько раз обращался в соответствующие местные органы с просьбой об улучшении своих жилищных условий (проживаю в комнате старого дряхлого дощатого барака), но*

до сих пор ничего не могу добиться. В честь 20-летия Победы над фашистской Германией было специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров о льготах инв. о/войны, в том числе и обеспечения жилищных условий, об этом же говорили на 23-м Съезде КПСС тов. Брежнев и Косыгин. А на месте получается иначе, и местные органы никакого внимания на это не обращают. Так что выходит, перед каждой исторической датой делают много шумихи и писанины, а потом все затихает до следующих юбилеев (но нам уже не до чего).

Тов. депутат! Поверьте, что вот подходит зима и нам приходится в комнате сидеть в верхней одежде, дров даже не хватает сил заготовить. Еще раз прошу Вас помочь в моей просьбе.

Инв. о/войны Чумаков.

✉ *Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Я был очень рад за Ваш прием в Депутатской приемной в г. Горьком 23 марта 1967 г. Как я Вам докладывал, моя семья, состоящая из 5 человек, проживает на площади 11 м². Вы написали письмо Кстовскому горисполкому с просьбой оказать помощь в расширении жилплощади. Ваше письмо я вручил адресату. Но поверьте, до сих пор горисполком не дал никакого ответа, даже не выслали жилищно-бытовой комиссии для обследования жилплощади.*

Уважаемый тов. Депутат Верховного Совета СССР! Подходит праздник Победы 9 мая, а он меня, как ветерана войны 1941 г. — 1945 г., неоднократно раненого, а также неоднократно награжденного орденами и медалями, нисколько не радует, ибо мне негде жить, негде спать. Еще раз прошу, окажите мне помощь в улучшении жилищных условий — это в Ваших силах.

А. Карасев.

✉ *...Коротко о себе: участник Финской и Отечественной войны, имею ранения, награды, демобилизовался в 1946 году капитаном. Сейчас работаю библиотекарем в школе.*

Возможно, Вам мое письмо покажется дерзким, но я решил все же написать, чем ежедневно об этом думать.

Первое — дело в том, что после окончания войны я получал пенсию по инвалидности, но позднее с меня инвалидность сняли, как, вероятно, со многих других в стране. Я как калека все же пытался восстановить группу инвалидности, но тщетно — или не надо было иметь среднего образования, или не надо было быть офицером. Одним словом, исход для меня был ясным.

За 9 лет пребывания в армии и участвуя в двух войнах я, как и все остальные, потерял много здоровья и физически не могу в полной мере исполнять те или иные занимаемые должности.

Второе. Нам, фронтовикам, очень хочется побывать на местах старых боев, а съездить на личные деньги нет никакой возможности. Может можно дать возможность каждому участнику войны съездить бесплатно. Заслужили ли мы это? По-моему, заслужили.

Прошу Вас т. Шостакович об одном еще — чтобы это письмо не имело для меня неприятных последствий.

Желаю Вам всего доброго в Вашей композиторской и депутатской деятельности.

Горьковская обл.
Поселок Красный Оселок
Моисеев Семен Петрович.

✉ *...Я, Зотов А.Д., 8 марта 1943 года был ранен над Ст. Русой и остался без ноги. Инвалид III группы. Живу в сельской местности, работаю в с/х «Зиняковский». Транспорта у нас нет никакого, и я без ноги на костыле хожу на работу 3–4 км ежедневно в один конец. От перегрузки у меня стала болеть и другая нога. И я, чтобы не остаться совсем безногим инвалидом, вынужден был просить в Горьковском обл. Собесе тележку Серпуховского завода. Медкомиссия мне в тележке прошлый год отказала. Врачи заявили, что у меня «длинная култышка» и мне тележка не положена. Как будто длина култышки играет какую-то роль. Наоборот, она длиннее, ее таскать тяжелее, а ходить на ней все равно нельзя. С такими же култышками в г. Горьком инвалиды ездят на тележках. В Горьком, где есть транспорт: и трамваи, и автобусы, и троллейбусы. Я же в сельской местности костыляю на работу и с работы пешком.*

Второе: с такой же култышкой врачи разрешают покупать тележки другим инвалидам — кому они положены за деньги, а мне ее должны дать бесплатно (да и купить ее я не смогу, нет денег — ведь я работаю в колхозе сторожем).

И прошу помочь мне в этом деле. Ведь я принесу больше пользы государству, если сохраню вторую ногу и буду работать, а если потеряю вторую ногу, то потеряю всякую трудоспособность и сяду на шею государству.

Одну ногу я потерял на фронте — это не обидно, а вот вторую потерять дома, в мирное время, на работе, и из-за чего? Очень обидно.

Еще раз заявляю Вам, что когда у меня не болела вторая нога и я сравнительно легко ходил на работу и домой — я не просил тележки.

Теперь прошу, чтобы сохранить вторую ногу, а с ней трудоспособность и остаться в строю полезных людей.

Работу в совхозе мне тоже неохота бросать — пенсия мала для моей семьи, а заниматься другими делами мне совесть не позволяет.

Прошу Вас мне помочь.

Зотов.

✉ *...Являюсь инвалидом Отечественной войны 2-й группы, к тому же страдаю хронической болезнью — туберкулезом легких. С 1935 г. и по настоящее время являюсь членом Тепловского колхоза, откуда взят на фронт и прибыл обратно в колхоз. В совместной жизни имею дочь с 1942 г. рождения, с детства является инвалидом 2-й группы. Жена периодически болеет. Вот и все мое семейное положение. Я получаю минимальную пенсию в сумме 32 руб. в месяц. А поэтому я вынужден обратиться к Вам как к депутату Верховного совета СССР по нашему избирательному уч-ку. Длительное время ходатайствую через органы местной власти и правления Тепловского колхоза о выделении мне сена по государственным ценам для содержания имеющейся у меня коровы на зимний период 1966–1967 гг. Положительных результатов не получил. Я прошу Вашего содействия. Прошу я Вас как быстрее. Буду ждать ответа.*

К сему Наумин А.В.

✉ *...Я проработал учителем начальных классов 34 года. Отвоевал Финскую и Отечественную войны с первых дней и до конца. Освобождал Кавказ, Киев, Варшаву, брал Берлин. Орденоносец, имею ранения, благодарности и медали. Болен гипертонией, язвенное состояние желудка, неврастения. Отец болен. Я думаю, что я заработал и завоевал, чтобы жить в спокойных условиях. Моя очередь 239. В году выделяют одну, две квартиры, и то для директора и завуча. Мне придется ждать 200 лет. В коридоре 30 семей, все время беготня детей, ругань взрослых, гулянье пьяных. Может ли человек круглые сутки находиться в шумной обстановке и еще работать дома в таких условиях. При выделении комнаты говорили, что это временно. С этого времени прошло семь лет, а изменений нет.*

Сколько же лет можно ждать. Я ждал 30 лет и получал вместо квартиры бумажки с отписками. Прошу Вас помочь мне.

✉ *...Я инвалид 2 гр., лишенный обеих ног. У меня есть мотоколяска. Местный Горсовет не дает места под гараж для таковой. На улице мотоколяска ржавеет и портится от непогоды и посторонних лиц. Я*

работающий инвалид, и мне мотоколяска нужна постоянно, а потому она должна находиться недалеко от дома, где проживает инвалид. Я хлопотал много, но все безрезультатно. Просьба помочь мне в данной ситуации.

С уважением, Алексей Сироткин.

✉ *...Я участник Отечественной войны с первых дней. Перенес блокаду в Ленинграде, имел ранение и контузии. За участие в боях правительство наградило меня орденами и медалями. Я с семьей живу в старом деревянном доме, лишенном самых элементарных удобств. Воду таскаю с колонки, на кухне, где кроме меня пять соседей, ежедневно горит 7 керосинок.*

На протяжении 23-х лет я прошу улучшить мои жилищные условия, до настоящего времени не могу добиться. Убедительно прошу оказать мне помощь в улучшении жилищных условий.

Осминин.

✉ *...Я обращаюсь к Вам за Вашей помощью и прошу Вашего ходатайства. Местные власти на нас, инвалидов войны, очень плохо стали обращать внимание. Мы тогда были нужны, когда были здоровы и шли, не щадя своей жизни, защищать Родину. Нам очень были большие обещания на фронте, но очень скоро забыли об инвалидах. Над местной властью нет контроля на местах, что хотят, то и делают. Мне местные власти сказали, куда хочешь пиши и жалуйся, придет к нам эта жалоба, а мы хозяева. Захотим дать квартиру, дадим, а не захотим — куда хочешь пиши. Мы никому не подчиняемся. Это сказал секретарь райкома Сормовского р-на тов. Волков. Защитникам Родины, притом инвалидам, очень обидно, не завоевали себе жилье. Маринчев А.И.*

Подобные письма получал не один Шостакович. Вот что ответил на письмо ветерана Виктор Астафьев: «Ничем я Вам помочь не могу, кроме как советом. Соберите все свои документы в карман, всю переписку, наденьте все награды, напишите плакат: “Сограждане! Соотечественники! Я четырежды ранен на войне, но меня унижают — мне отказали в инвалидности! Я получаю пенсию 55 рублей. Помогите мне! Я помог вам своей кровью!” Этот плакат прибейте к палке и с утра пораньше, пока нет оцепления, встаньте с ним на центральной площади Томска 9-го Мая, в День Победы. Вас попробует застращать и даже скрутить милиция, не сдавайтесь, говорите, что все снимается на пленку — для кино. Требуйте, чтоб за Вами лично приехал председатель облиспол-

кома или военком облвоенкомата. И пока они лично не приедут — не сходите с места.

Это Вам сразу же поможет. Через три дня, уверяю Вас, везде и всюду дадут ход Вашему пенсионному делу. Но будьте мужественны, как на фронте. Держитесь до конца!

Если же Вас начнут преследовать, оскорблять — дайте мне короткую телеграмму об этом, и я этим землякам-сибирякам такой устрою скандал, что иные из них полетят со своих теплых мест.

Сделайте еще один подвиг, сибиряк! Во имя таких же униженных и обиженных, во имя своей спокойной старости. Желаю Вам мужества!

Ваш В. Астафьев, инвалид войны, писатель, лауреат Государственных премий».

Шостакович получал эти письма, лежа со сломанной ногой, загипсованной и подвешенной. Он пробыл в больнице с 13 ноября до 29 декабря 1967 года.

Я много думаю об ушедшем навсегда времени, об ушедших навсегда людях... — пишет он 8 декабря 1967 года.

Когда-то в сталинские годы Шостакович написал музыку на стихи Е. Долматовского. Среди них была и песня «Выручи меня»:

Протекли за оградой колючей
Мои молодые года.
Заливаясь слезою горючей,
Наши девушки пели тогда:
«Недругов гоня, выручи меня,
Как в чудесной сказке,
Рыцарь молодой с красною звездой
На зеленой каске».
Мы в родные лачуги вернулись,
В печальную нашу страну.
На камнях обездоленных улиц
Я пою, как певала в плену:
«Недругов гоня, выручи меня,
Как в чудесной сказке,
Рыцарь молодой с красною звездой
На зеленой каске».

В это самое время в переполненных лагерях у границы ждали своего возвращения домой сотни тысяч человек. Тысячи семей еще ждали

возвращения с фронта своих братьев, отцов, сыновей. Еще надеялись, еще не потеряли надежду.

Чудесная сказка освобождения обернулась для тысяч новыми лагерями от Урала до Дальнего Востока, куда свозили бывших военнопленных и репатриированных и откуда многим так и не суждено было вернуться.

Вскоре после войны вождь отменил празднование Дня Победы, по его приказанию самые тяжелые безрукие и безногие инвалиды были вывезены из больших городов на Север, чтоб не портить своим жалким видом, своими увечьями вид «процветающих» городов, ветеранам перестали платить за награды.

Но главное — так и не были захоронены погибшие — сотни тысяч, по большей части безымянных солдат.

Не захоронены и до сих пор.

Шостакович не дожил до того времени, когда через полвека после окончания войны указом президента Б. Ельцина бывшие советские военнопленные были наконец признаны участниками войны — все эти десятилетия их по приказу вождя считали «предателями и изменниками Родины». Тогда же был отменен пункт в анкетах — был ли в плену или в оккупации, по которому треть населения страны десятилетиями считалась людьми второго сорта.

В своей Четырнадцатой симфонии Шостакович написал «Ответ запорожских казаков константинопольскому султану», посвященный тирану, на стихи Г. Аполлинера (*пер. М. Кудинова*):

Ты преступней Вараввы в сто раз.
С Вельзевулом живя по соседству,
В самых мерзких грехах ты погряз.
Нечистотами вскормленный с детства,
Знай: свой шабаш ты справишь без нас.
Рак протухший. Салоник отбросы,
Скверный сон, что нельзя рассказать,
Окривевший, гнилой и безносый,
Ты родился, когда твоя мать
Извивалась в корчах поноса,
Злой палач Подолья, взгляни:
Весь ты в язвах и струпьях.
Зад кобылы,рыло свиньи,
Пусть тебе все снадобья скупят,
Чтоб лечил ты болячки свои.

Министру Внутренних дел СССР

Товарищу Н. А. Щелокову

Многоуважаемый Николай Аркадьевич!

~~[illegible]~~

Прошу Вас ознакомиться

с письмом тов. А. П. Стогорского

и если Вы найдете возможным,

помогите ему.

Тов. А. П. Стогорский очень хороший

музыкант и очень порядочный

человек.

~~[illegible]~~

Роковое стечение обстоятельств

привело к большой трагедии.

Однако считать его полностью

виновным мне кажется нельзя.

Помогите ему.

С уважением Д. Шостакович

(Стр. 148–150) Черновики писем Д. Шостаковича с ходатайствами

г. Горький, Автозавод

в Дирекцию, партийную организацию и местный комитет.

Уважаемые товарищи!

Ко мне обратилась моя избирательница тов. Стрепнина А. И. Вместе с дочерью тов. Стрепнина проживает в 10-ти метровой комнате без удобств (в щитовом фонде). В той же квартире имеется еще одна комната (15 кв. м.), которая освобождается соседями, строящими себе кооперативную квартиру. Тов. Стрепнина просит улучшить жилищные условия за счет освобождающейся комнаты.

Моя избирательница ~~в насто~~ работала на вредном участке сборочного цеха №1 с 1948 по 1971 г. Ее добросовестная работа много раз отмечалась различными видами поощрения. В настоящее время ее дочь работает в том же сборочном цехе.

Убедительно прошу, уважаемые товарищи, помочь тов. Стрепниной. Ее адрес: Автозавод, пр. Кирова д 36 кв. 3.

С ув. Д. Шост

Роспотребсоюз

Горьковский Областной Союз потребительских обществ «Облпотребсоюз»

Правление

Уважаемые товарищи!

В письме (№ отк-8-10) от 3 августа 1973 г. тов Шляпников сообщил мне, что просьба о продаже мотоцикла «Урал» моему избирателю тов. Ужицыну П.С. будет удовлетворена в IV квартале 1973 г. Однако это обещание не было выполнено.

Убедительно прошу Правление помочь тов. Ужицыну

С уважением Д. Шоф

Уважаемый тов. Бабич

Ко мне обратился инвалид ОВ тов. Бурдуковский О.П. проживающий. Его просьба об улучшении жилищных условий представляет мне весьма убедительной.

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1967 году в Останкино завершилось строительство телевизионной башни высотой 540 метров — самого высокого в то время сооружения в мире.

В СССР принято Постановление ЦК Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)».

В СССР учрежден Орден Октябрьской революции.

У стен Кремля открыт мемориал «Могила неизвестного солдата», в Волгограде завершено строительство монумента «Родина-мать», вызвавшего неоднозначную реакцию ветеранов.

США, Великобритания и СССР подписали межправительственный «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела», который определяет основные правовые рамки международного космического права.

Состоялась первая широковещательная цветная телепередача в СССР.

КНР провела испытание первой водородной бомбы.

Шестидневная война на Ближнем Востоке между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром — с другой.

На Кипре произошли столкновения между Грецией и Турцией.

В США Мартин Лютер Кинг призвал чернокожих американцев развернуть кампанию массового гражданского неповиновения.

Американскими астрономами открыт первый пульсар.

В США создана методика аортокоронарного шунтирования, а в ЮАР проведена удачная трансплантация сердца.

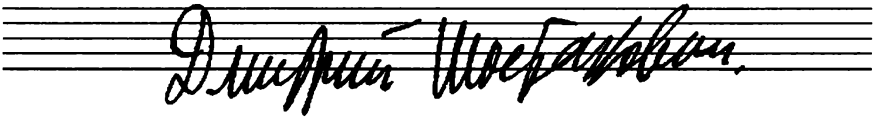
В Лондоне установили первый банкомат.

Дж. Бернал написал «Возникновение жизни. Открытия, касающиеся источников энергии звезд».

Г. Маркес публикует «Сто лет одиночества», Ж. Даррида — работы, посвященные анализу «письма» в культуре. И. Кабаков создал инсталляцию «Абстракция», Э. Уорхолл — серию «Мерилин», М. Антониони снял «Блоу-ап».

К. Пендерецкий сочинил «Dies Irae» памяти жертв Освенцима, Р. Щедрин — балет «Кармен-сюита», ансамбль «Битлз» записал альбом «Клуб одиноких сердец».

В Монтрее прошел музыкальный фестиваль, ставший одним из самых значимых в истории рок-музыки.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ 1968 ГОД

«КАКАЯ ХОРОШАЯ БУДЕТ ЖИЗНЬ!»

12 января Д. Шостакович на просмотре фильма «Софья Перовская», к которому он написал музыку (ор. 132).

2–5 марта — Ленинград. Последние занятия с учениками в Ленинградской консерватории.

11 марта — в Репине заканчивает сочинение Двенадцатого квартета (ор. 133).

13 апреля — на заседании Одиннадцатого пленума правления Союза композиторов РСФСР.

14 мая — открывает Второй съезд композиторов РСФСР. Публикует в газете «Правда» статью «Источник творчества — жизнь народа».

27–30 мая — Горький. Депутатский прием избирателей.

Май — Д. Шостаковичу вручен диплом Французской академии за запись на пластинку оперы «Катерина Измайлова».

14 июня — на заседании секретариата Союза композиторов РСФСР.

15 июля — избран членом-корреспондентом Баварской академии изящных искусств.

2–12 августа в Репине, откуда едет на могилу М. Зощенко в десятую годовщину смерти писателя.

14 сентября — Москва. Малый зал консерватории. Премьера Двенадцатого квартета (ор. 133), посвященного Д. Цыганову.

20 сентября — авторский концерт Д. Шостаковича во Всесоюзном доме композиторов.

5 ноября — присуждена Государственная премия СССР за поэму «Казнь Степана Разина».

16 декабря Д. Шостакович открывает Четвертый Всесоюзный съезд композиторов, на котором избран секретарем правления.

Завтра мне исполнится 62 года. Люди такого возраста любят пококетничать, отвечая на вопрос «Если бы вы вновь родились, то как бы вы провели ваши 62 года, как и эти?» — «Да, конечно, были неудачи, были огорчения, но в целом я провел бы эти 62 года так же». Я же на вопрос, если бы он мне был поставлен, ответил бы: «Нет! Тысячу раз нет!» *(24 сентября 1968 г.)*

В январе Шостакович пишет: **Я вернулся домой после 4-месячного пребывания в больнице. Пока еще я хожу плохо. Надеюсь, что будет лучше...** (*5 января 1968 г.*)

Через несколько дней: **Я пока в весьма кислом состоянии. Двигаюсь плохо. Однако не теряю надежды на то, что «расхожусь» и начну ходить хорошо. Сочиняю я мало, вернее, сейчас ничего не сочиняю. Стараюсь проводить время на даче, но не всегда это удается. Приходится много бывать в городе. 1968 год начался у меня не слишком удачно: я потерял бумажник. В бумажнике были деньги, только что снятые со сберкнижки. Кажется, больше там ничего значительного не было, кроме визитных карточек. Документы все целы, т. к. я их не ношу в бумажнике...** *(14 января 1968 г.)*

Он говорил, что болезнь приковала его к даче.

Эту дачу, расположенную в живописном уголке Подмосковья, он приобрел несколько лет назад. Здесь жили в основном физики-ядерщики. В даче напротив — академик Доллежаль, подаривший Шостаковичу свою книгу с большим количеством формул, — Шостакович пошутил, что теперь ему остается только подарить ученому свою партитуру. Но это не мешало им дружески общаться и иногда вместе встречать Новый год. Поодаль была дача М. Ростроповича и Г. Вишневской, на которой некоторое время жил А. Солженицын.

Теперь это район Рублевки — со своей субкультурой, своими предрассудками, своим миропорядком.

Теперь многие дома здесь напоминают средневековые крепости, готовые выдержать многодневную осаду. Их архитектура отражает мировоззрение их хозяев — страх и желание спрятаться за высокими заборами, в домах с башенками, бойницами и вооруженной охраной. Это только для них провозглашенный когда-то лозунг «Какая хорошая будет жизнь!» оказался воплощенным в своей уродливой гротескной избыточности.

А тогда Шостакович вернулся в свою Жуковку, где старые запорошенные снегом ели заглядывают в окна, где любимые книги, а на стене

висит фотография, где он с женой и еще маленькими детьми наряжает новогоднюю елку.

✉ *5 января 1968 г.*

Здравствуйте, тов. Шостакович!

Как Ваше здоровье, как успехи в работе.

Мы долгое время Вам не писали, не хотели Вас тревожить. А сейчас решили написать.

У нас все по-старому. Сын служит в Армии. Сейчас усиленно занимается музыкой, готовится к концерту на 23 февраля. А у нас с квартирой все продолжается волокита. Все пишем и пишем, а толку никакого нет. Куда бы ни писали, всегда оттуда ответ пересылают в Исполком Ленгорсовета на рассмотрение, а дело не движется. Вот такие дела...

Согласно новому Указу, всем блокадникам и инвалидам войны дают жилплощадь. Так ли это — не знаем. Напишите нам, пожалуйста, верно ли это, и что нам теперь делать?

Тов. Шостакович! Просим Вас помочь нам в получении жил. площади, ведь Вы тоже блокаду пережили в Ленинграде!

Пишите. Жду ответа, гр. Кондратьева.

✉ *12 января 1968 г.*

Дмитрею Дмитричу Шестаковичу
от енвалида труда второй группы
Чурбанова Николая Никандровича
Я Чурбанов Николай Никандрович

Обращусь к вам за помощю у меня болят ноги вот уже шестой год без постороннее помощи я не могу пройти сто метров. Когда я был трудоспособный работал и был куплен мопед и свободно на нем ездил при таком состоянье здоровья а в 1967 году он вышел из строя и я пытался несколько раз его востановит но он уже весь не годится. И прошу я вас просто убедительно оказать мне помощь для приобретенья нового. За свой счет я купить не могу. Мать тоже енвалид второй группы так что материально живу плохо со стороны помочь некому отец погиб на фронте.

Прошу вас оказать помощь для покупки мопеда чтобы я мог надеется на него.

(Пометка на письме: «Отвечено 17/01–68 г.»)

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Я работаю на Горьковском автозаводе с 1941 года. С сентября 1943 г. по май 1945 г. участвовал в войне против фашистской Германии. В 1949 го-

ду демобилизовался и вернулся на автозавод, где и работаю в термическом цехе № 2. Живу с семьей из 4-х человек в щитковом фонде, площадь занимаю 10,7 кв. м. Квартира не имеет никаких коммунальных услуг. Я бы и не обратился к Вам... но у меня один ребенок болен (эпилепсия). В таких условиях с больным ребенком жить очень трудно...

С уважением, Кутрухин Анатолий Петрович.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Воротынская центральная районная больница Горьковской области просит Вас оказать нам посильную Вам помощь в нижеследующем:

В связи с подключением природного газа для отопления больницы у нас возникли непосильные трудности для приобретения отопительных водяных и паровых котлов и другого оборудования для котельной больницы. Мы обращались в Исполком райсовета к председателю РИКа тов. Ткачеву Н.А. Он принимал много усилий к тому, чтобы получить наряд на котлы, но пока все безрезультатно. Обращались в Облздрав, также не получили желаемых результатов. Весенние и летние мес-ца для больницы являются решающими для подготовки больницы к работе в зимних условиях. Но мы не имеем возможности этого сделать, т.к. имеющиеся котлы и другое оборудование пришло в крайне ветхое состояние, которое восстановить невозможно. Исходя из вышеуказанного, просим Вас уделить нам внимание и помочь в вышеизложенном. Нам необходимо приобрести:

1. Энергия-3 поверхность нагрева 73,6

Количество секций 17 двухсторонних — один котел.

2. Универсал-5 паровые два котла, поверхность нагрева 37,4, количество секций по 15, двухсторонний, крайней секции 4.

3. Универсал-4 поверхность нагрева 35.

4. Трубы по мм 100 п.м.

5. Задвижки 0 100 мм 8 штук.

6. Задвижки 0 80 мм 10 штук.

7. Трубы 0 50 мм 100 п. метров.

8. Трубы 0 1» 100 п. метров.

9. Трубы 0 800 мм 22 п. метров.

10. Трубы 0 3/4 150 п. метров.

11. Трубы 0 1/2 100 п. метров.

12 Вентиля 0 1» 20 шт.

Вентиля 0 31/4 25 шт.

Трубы 13/4 100 п. м.

Огнеупорный кирпич 5000 шт.

Шнуровой асбест 25 кг.
Листовой асбест 25 кг.
Поронит 4 мм 100 кг
Наждачная бумага 20 м.
Вентиля 0 13/4 10 шт.
Вентиля 0 2 20 шт.
Вентиля 0 1 20 шт.
Известь 500 кг.
Краска разная 500 кг.
Кровельное железо 3000 кг...

Двенадцатого января 1968 года Шостакович присутствует на просмотре фильма «Софья Перовская», к которому он написал музыку (ор. 132).

«Он писал музыку, лежа со сломанной ногой, загипсованной и подвешенной. К нему в больницу привезли кинопередвижку и показывали на стене фрагменты фильма. «Как он работал, невозможно представить, — рассказывал режиссер Л. Арнштам, — но он сделал все в срок и безукоризненно верно для фильма. Он сделал это с тем упрямым человеческим достоинством, с каким нес и свою болезнь, и свою человеческую слабость. Все было пересилено силой духа». *(Из интервью автору)*

Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик.
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью, —

так написал о Софье Перовской, именем которой в советские времена было названо два десятка улиц в городах страны, А. Блок. Дочь губернатора Петербурга, убийца царя, во время покушения на которого были убиты невинные люди, в том числе ребенок, а двадцать человек получили ранения, повешенная после суда вместе с возлюбленным и соратником по «Народной воле» Андреем Желябовым.

Сцена заговора — шумы, барабаны, подготовка убийства царя. Тема террора, трактовавшаяся в фильме как тема справедливого возмездия, предстает в исторической перспективе, как в кривом зеркале.

Это был год Пражской весны, раздавленной танками.

Солженицын закончил в тот год «В круге первом» и «Раковый корпус».

Когда-то в начале двадцатых годов зрители в кинотеатре и представить не могли, что молодой человек в очках, аккомпанирующий немым картинам, — будущий великий композитор и что скоро его Первая симфония прозвучит во многих странах мира.

Тогда еще не было звуковых фильмов, и картины демонстрировались в сопровождении рояля, на котором таперы исполняли популярные марши и вальсы. Я же удовлетворял свою страсть к импровизации.

Шостаковичу приходилось почти каждый вечер играть в темном, нетопленом кинотеатре музыку, изображавшую бешеную страсть, измену, предчувствия или погоню.

Фильм «Новый Вавилон», к которому Шостакович написал музыку, — первый советский фильм со специально написанной музыкой (до этого музыку к немым фильмам уже сочиняли К. Сен-Санс, А. Онеггер и Д. Мийо). Это трагическая история влюбленных — парижской продавщицы из магазина «Новый Вавилон» и солдата, принимавших участие в событиях Парижской коммуны по разные стороны баррикад.

Дирижер оркестра был музыкой возмущен: «Мало того что молодой человек не понимает кино — он самонадеян, я предложил помощь, хотел оркестровать его музыку — он отказался».

Сдача фильма в музыкальном сопровождении автора проходила в Москве, в подвальном, затопленном водой помещении «Совкино», с грязным экраном на стене. Шостакович по доскам перешел через воду, попробовал расстроенный инструмент.

Музыка фильма была необычной, она звучала контрапунктом к действию. В конце фильма солдат, участвовавший в расстреле своей возлюбленной, стоит на объятой пламенем улице, а издали доносится томный вальс.

В кинотеатрах не привыкли к специально написанной музыке, поэтому ее исполняли без всяких репетиций. И во время премьеры музыка разошлась с изображением: зрители смеялись там, где надо было горевать, и скучали там, где надо было смеяться. Дирижеры кинотеатров отказывались играть музыку Шостаковича, называя композитора нахалом.

Позже Шостакович сочинял музыку к первым звуковым картинам. За Ленинградом его узнала Москва, затем весь Советский Союз. Его музыка к кинофильмам «Одна» и «Встречный» утвердила его известность, а песенка из «Встречного» облетела всю страну:

Нас утро встречает прохладой...
Страна встает со славою
На встречу дня!

Ее пели на первомайских демонстрациях и на вечерах самодеятельности в рабочих клубах, ее распевали дети и взрослые. Это была одна из первых советских песен, записанных на пластинку.

В те годы инженеры и художники становились кинорежиссерами, научные работники писали сценарии, а вчерашние студенты занимались монтажом.

Когда Г. Козинцев и Л. Трауберг предложили Шостаковичу написать музыку к их фильму «Одна», композитор согласился. Главной темой в музыке стала фраза: «Какая хорошая будет жизнь!» — она звучала сначала легко, весело, а потом все более драматично. В фильме шарманочная тема переходила в оркестровую разработку, в музыку вплетались шумы, хриплый вой настоящего шамана, удары бубна, звуки флейты.

«Какая хорошая будет жизнь!» — и апофеоз в конце, когда еле живую, обмороженную героиню на самолете отправляют в больницу — и об этом сообщают по радио всей стране. Фортиссимо!

Звукооператор, в прошлом мотоциклетный гонщик, смело шел на эксперименты.

Мне довелось уже сделать несколько работ для кино (музыка к фильмам «Встречный», «Одна», «Златые горы», «Подруги», «Друзья», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», «Волочаевские дни», «Человек с ружьем»). Лично я люблю работать в кинематографе. Но каких-то специфических задач при этом перед собой не ставлю. Главное, тут нужна такая же хорошая музыка, как везде. А чрезмерные разговоры о специфике — это лишнее...

Фильмы тех лет с музыкой Шостаковича — это документ эпохи — с ее мифами, иллюзиями и драмами. Доведенная до абсурда агитационность и политизированность советских картин как нельзя лучше соответствовали обстановке в стране.

«В этих фильмах Революция изображалась как гигантская суматоха, вселенская суетливость, толпы людей-статистов без судеб, без индивидуальностей, безликая масса, какой казался и кажется теперь верховодителям событий наш русский народ, представляемый ими по пословице “все китайцы на одно лицо”. Страшные мордовороты,

какие-то “свиные рыла”, которыми были полны картины, задавали тон всему революционному искусству», — писал об этих фильмах Г. Свиридов.

Одна из героинь фильма «Подруги» говорит: «Лучше от своих погибнуть, чем от чужих» — знаменитый приказ Сталина 270 выйдет через несколько лет, в августе 1941 года, — тогда миллионы советских военнопленных будут обвинены в том, что не погибли от своих и не покончили с собой.

Фильм кончался кинематографической и музыкальной вампукой: «Дорогие подруги будущего! Вы понесете на своих плечах все человечество! Славнее удела нет! Солдаты мировой коммуны!..»

Фильм вышел на экраны 19 февраля 1936 года, в день опубликования в «Правде» статьи «Балетная фальшь» и через несколько дней после статьи «Сумбур вместо музыки», чуть было не стоивших Шостаковичу жизни. Это был год принятия сталинской конституции.

В 1938 году на экраны вышел фильм «Друзья» с музыкой Д. Шостаковича. «В великой дружбе живет единая семья советских народов. В великой дружбе живут народы Кавказа. Наш рассказ о том, как рождалась дружба народов, как растила эту дружбу партия большевиков...» — этими словами начинался фильм.

До депортации народов Кавказа оставалось несколько лет.

Из фильма: «Не пройдет и года, как мы вас поставим к стенке. Умирают одни, а им на смену приходят другие...»

Это уже повсеместно происходило на самом деле.

Герои фильма пишут письмо Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович...»

Позднее Шостакович острил: **В то время меня кормили сперва «Подруги», а потом «Друзья».**

В «Незабываемом 1919» Сталин произносит свою зловещую фразу: «Изменникам никакой пощады!», а потом позирует то на фоне Петра Первого, то на фоне ликующей толпы и красных кровавых закатов, оркестрового тутти, а потом в Кремле суетящийся Ленин встречает Сталина как дорогого гостя...

Фильм «Зоя», названный «патриотической драмой» с кусками хроники — похороны Ленина, праздники, дирижабли, самолеты, война в Испании, — данной патетически и с надрывом, — именно на этом фоне и могла появиться экзальтированная героиня, школьница и диверсантка, которая по приказу Сталина собиралась поджечь крестьянский дом и была схвачена (на самом деле — схвачена самими же крестьянами, которые без домов в лютую зиму были обречены на смерть).

Для двухсерийного фильма-эпопеи «Падение Берлина» Шостакович пишет хор «В нашей солнечной стране»... В фильме Сталин, как и подобает садовнику, сажает в саду деревья, беседуя с рядовым сталеваром, а в финале — сказочное грандиозное зрелище: Сталин в белом кителе сходит с самолета в Берлине к ликующей толпе победителей — чего в жизни никогда не было... и радостная встреча с тем же сталеваром и его невестой, от избытка чувств целующей вождя в плечо, — фильм, положивший начало существующей до сих пор традиции мифологического изображения войны — с опереточными фашистами, былинными и безликими героями.

Фотография: участники фильма «Встреча на Эльбе» вокруг рояля, за которым — Шостакович. 1949 год. В том году фильм посмотрело 25 миллионов зрителей. Для фильма Шостакович написал песню мира «Ветер мира колышет знамена побед». **Здесь наиболее сильно проявилось замеченное мною ранее обстоятельство, что кино для композитора — не только школа мастерства, но часто и политический семинар,** — сказал композитор.

Еще бы — фильм посвящен событиям последних дней войны и в послевоенной Германии дружбе советского и американского комендантов Берлина, а также козням эмиссара ЦРУ против СССР, предотвращенным американским военным.

Нередко работа в кино для Шостаковича была вынужденной, особенно в те периоды, когда его сочинения запрещали, — тогда музыка к кинофильмам становилась его единственным заработком. По словам дочери Шостаковича, Дмитрий Дмитриевич говорил, что за музыку к фильму иногда платят больше, чем за несколько симфонических произведений.

Шостаковичем написана музыка к сорока семи фильмам. А мечтал он много лет о киноопере: **Я мечтаю написать кинооперу. Этот жанр открывает перед композитором неограниченные возможности... Здесь мы не связаны никакими сценическими условностями. Мобильность кинематографа мне чрезвычайно близка, и я не оставляю этой мысли**...

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Движение за мир стало всеобщим на Земле. Но у него нет еще своего марша, песни или гимна.

Движение за мир это движение активных людей, которым необходима песня не вообще, не для торжественных моментов, а для борьбы. Этой цели может служить только маршевая песня, поскольку в массо-

вых движениях людей нельзя рассчитывать на постоянное присутствие оркестров музыки. Однако эта маршевая песня должна быть прежде всего маршем, а не песней как таковой, т.к. прежде всего необходима мелодия, а потом слова (если рассматривать с точки зрения качества).

Хороший марш, как известно, скрепляет движение людей, воодушевляет и «поднимает дух», т.е. воздействует на нервную систему человека, марш создает чувство бодрости, коллективизма, стремление к действию, отвлекая от обыденных мыслей.

Однако трудно написать красивый марш, т.е. красивую мелодию, легко запоминающуюся, с четким ритмом.

Можно сочинить марш, где все будет правильно построено. Но если в этом марше не будет ничего основного, то получится только набор подогнанных друг к другу звуков.

Последним грешат многие сочинители, пользуясь тем, что набор звуков в музыкальном произведении труднее доказать, чем набор, например, слов в каком-либо стихотворении. А такое стихотворение написать можно, выдержав и размер и рифму, т.к. формально все будет на своем месте, кроме... внутреннего смысла, т.к. каждое слово будет иметь свое значение, не увязанное со значением остальных слов. Между тем читаться такая абракадабра будет легко (и сочиняться легко).

Вашему вниманию я предлагаю слова к маршу «Очнись Земля!»

Не откажитесь прочесть мои замечания к тексту марша. Это моя схема музыкальной интерпретации слов марша. Я вовсе не хочу ее навязывать, но хочу сказать лишь, как чувствуются мне самому слова марша.

Вы были в Ленинграде во время блокады и пережили последствия войны. Вы должны чувствовать войну. Поэтому я обращаюсь к Вам.

Кроме того, Вы председатель Союза композиторов, который может, если не сам сделать, то предложить тому, кого считает наиболее подходящим для этого. Дело же идет о попытке создать марш для всей Земли.

Мы — Советская страна — достаточно велики и культурны, чтобы говорить о создании международного марша, который должен вобрать в себя все лучшее в музыке большинства наций (я имею в виду маршевую музыку).

Полагаю, что тот, кто написал бы музыку марша сторонников мира, должен был бы предварительно проверить его в узком кругу.

Я, конечно, хотел бы быть в числе этих слушателей первого и второго тура.

Однако, пожалуй, лучше было бы иметь ноты (конечно, для рояля), как первой редакции, так и второй, т.к. в этом случае я мог бы прослушать марш не раз, чтобы сделать замечания о его мелодии.

При удаче этим маршем мог бы быть приветствуем Конгресс в Москве. Если мелодия марша понравилась бы участникам Конгресса, они его разнесли бы по всей земле.

Во имя этого я и обращаюсь к Вам со своим предложением.

Если что-либо в тексте не нравится — согласен внести поправки. Если размер не подходит под размер музыки — согласен изменить размер.

Согласен даже на то, чтобы марш был написан по моим словам, но появился бы марш без слов, т.е. одна мелодия.

Меня интересует не личное, а желание, чтобы появился революционный марш «За мир!» (Сперва я так трафаретно и хотел его наименовать).

Имеется некий внешний парадокс — революционный марш «За мир». Но мир без борьбы не придет. Никто его не даст нам на подносе.

Марш следовало бы именовать «Восстань, народ!». И повторить это в последней строчке текста. Но такой марш, т.е. даже и внешне революционный, не пропустила бы цензура многих стран. Такой марш не был бы приемлем, возможно, многим участникам Конгресса. Поэтому нельзя было бы надеяться на распространение его широко.

Даже «Восстань Земля!» может вызвать упреки и обвинения в агитации к восстанию в капиталистических странах.

Поэтому я назвал марш нейтрально «Очнись, Земля!» т.е. очнись от сна. С таким названием ему легче выполнить свою роль — будить массы на борьбу за мир. Однако в последней строчке оставлено «Восстань, Земля!». Но можно и это заменить повторением заглавия — «Очнись, Земля!».

Назвать же марш «За мир» было бы трафаретно и слишком вяло. Этот марш-призыв к восстанию против сторонников войны. Такова должна быть и его музыка.

Думаю, что если появился бы такой марш, то потом народ сам поставил бы взамен «очнись» — «восстань», и взамен «земля» — «народ».

Мне думается, что для распространения марша самым лучшим способом было бы издание однодневной газеты на Конгрессе (хотя бы с тем же заглавием «За мир!» на разных языках и помещение в этой газете музыки марша и слов (если они будут приемлемы).

Такую газету можно было бы распространить в миллионных тиражах по всей Земле. Может быть она была бы прообразом газеты

международной «За мир». Но об этом, конечно, надо говорить уже в Советском Комитете защиты мира. Я изложил Вам свои соображения причин посылки слов марша. Не откажите высказать свое мнение.

Обычно считается, что революционные произведения могут писать по-настоящему («с душой») только молодые. Если Вы придерживаетесь тоже такого мнения, то прошу передать по Вашему усмотрению мои слова молодому какому-либо человеку (или нескольким) «подающим надежды».

До 2 марта я буду еще в Москве, и мой почтовый адрес такой...

После этого адрес — г. Уфа...

Колпаков.

Приложение: Слова марша и Примечания к ним.

Примечания и пожелания автора слов «Очнись, Земля!»:

Мелодия марша должна быть проста, красива и легко запоминающейся.

Ритм марша должен соответствовать ритму движения толп людей, т.е. немного медленнее ритма шага.

Акцентировка марша должна преследовать цель подчеркнуть ритм и сделать его в такой степени четким, чтобы мозг воспринимал ритм автоматически без участия сознания, когда пальцы рук начинают «отбивать дробь» марша непроизвольно для слушателя.

Основная цель марша — соответствовать неумолимому, грозному, тяжелому движению твердым шагом толпы людей, решившихся на что-то, идущих к цели своих действий.

Начинаться марш должен резко, сразу сосредотачивая к себе внимание этим. Но это еще не призыв к действию, а только создание напряженности.

Вот первая строфа в мажорном строе:

Довольно войн! На мир все взоры!
Народы дружбою полны.
О мире пусть переговоры,
Не нужен даже миг войны!

Повторяется припевом.

Эта строфа должна в музыке звучать жизнерадостно, бодро.

Переход с мажора на минор осуществляется в течение первой половины второй строфы:

Не смерть, а жизнь ждем от прогресса,
Не бомб на села, города...

Где жизнерадостность первой строфы перемешивается уже с печатью или грустью.

Далее пишется в минорном строе:

В войне нет людям интереса;
Мы жаждем мира, навсегда!

Людское счастье миру радо
И в мирной жизни суть добра.
Но люди есть — им войн не надо;
Им обезвредить зло — пора!

Плач матерей, смерть, вдовьи слезы,
Без рук, без ног — сыны, отцы...

Эти минорные строчки не зовут к действиям. Они говорят грустно или печально о войне, ее последствиях, о смерти, разрушениях, об угрозах войны.

Музыка второй половины четвертой строфы:

«Живые! Это вам угрозы!» –
Так нам кричат войн мертвецы.

Повторяется припевом.

Это переход к мажорному строю последней строфы.

Эти две строчки звучат как угрозы-крики. Они усиливаются повторением. Поэтому музыка не должна быть сильной, т.к. силу нужно оставить для заключительной последней строфы.

Однако крики-угрозы этих строчек должны быть явственны в музыке. Они должны готовить слушателя уже к последней строфе, т.к. должны вызвать нервное напряжение для разрядки его в последней строфе.

Наконец, звучит последняя строфа (в мажорном строе):

Калек войны несутся стоны...
К борьбе! — Все силы в мысль одну:
За мир! За мир! — Нас миллионы
Восстань Земля! Долой войну!

Повторяется припевом. В первой строчке этой строфы масса звуков, которые затем кристаллизуются в призыв «К борьбе!»

Дальше музыка уже зовет императивно: «За мир! За мир! Восстань, Земля!»

Музыка императивного призыва должна быть очень четкой мелодией. Она должна оканчиваться так же резко, отрывисто, как и начало марша. Музыка последней строфы должна быть сильнее, чем первой. Но она не должна подчеркивать конец мелодии.

Конец мелодии марша должен быть построен так, чтобы он являлся в некоторой степени переходом к началу марша, чтобы не было особенно заметным, если оркестр начинает марш с начала.

Не будучи компетентным в музыке, нельзя говорить об оркестровке. Однако думается, что ударные инструменты должны принимать более деятельное участие в музыке первой и последней строф, чем в остальных.

Но и в этих строфах музыка не должна быть крикливой.

Приведенные выше пожелания и замечания сделаны профаном в музыке, что следует помнить и принимать их поэтому с известной условностью.

11 февраля

Колпаков-Незванов.

Кадры хроники запечатлели заседания Комитета в защиту мира с участием Шостаковича, его выступления в Комитете защиты мира, на Сессии Всемирного совета мира, обращения к народам мира, вручение Шостаковичу Международной премии мира, вручение Почетной грамоты и медали Советского фонда мира.

Фильмы «Мир победит войну», «Защитник мира — Шостакович», «Фонд мира», «Под знаменем мира» — Варшава, «В защиту мира» — Вена, «Посланцы мира» — Кремль... В них мы видим Шостаковича то выходящего из вагона поезда, то спускающегося по трапу самолета, поднимающегося по лестницам залов заседаний в разных концах земного шара, выступающего перед многоязыкой аудиторией борцов за мир, слушающего в наушниках выступления делегатов. Часто он сам среди встречающих у трапа самолета — его фигура всегда узнаваема, не вписывается в толпу. Самолет приземляется, встреча делегации, и кортеж правительственных лимузинов торжественно покидает аэродром...

Приемы, обеды, столы, уставленные закусками, сверкающий хрусталь — Шостакович и здесь выделяется из радостно возбужденной

группы присутствующих ощущением крайней стеснительности и неловкости. Он всегда позади активных, бодро шагающих и жестикулирующих коллег, в сторонке, и потом, отстав и оставшись один в просторном мраморном фойе, сложив руки рупором и озираясь по сторонам, беззвучно кричит кому-то, как в лесу.

Случались и казусы.

Вскоре после переезда в Советский Союз турецкий поэт Назым Хикмет должен был отправиться в Стокгольм на заседание бюро Всемирного совета мира. Хикмет оказался в составе делегации, в которой был и Шостакович. Перед отъездом Хикмету сказали, что в составе делегации едет человек, который будет помогать членам делегации в организационных вопросах или при любых затруднениях, но имя человека, или не назвали, или Хикмет его забыл. В Стокгольме, когда ему что-то понадобилось, он, присмотревшись к людям, с которыми приехал, решил, что таким человеком мог быть только один — скромный, стеснительный, в больших круглых очках, старавшийся держаться незаметно. Хикмет обратился к нему с какой-то просьбой. Человек тут же отправился выполнять поручение. Еще и еще обращался к нему Хикмет: просил узнать адреса музеев и выставок, купить билеты в театр, в концерты. Уже в Москве, благодаря исполнительного человека, Хикмет дал ему на прощание номер своего телефона, а в ответ получил визитную карточку. В ней значилось: «Композитор Дмитрий Шостакович».

Шостакович принимал участие во Втором Всемирном конгрессе сторонников мира (Варшава, 1950 год), и Конгрессе борцов за мир (Вена, 1952 год), и десятках других встреч, конгрессов, а свои международные премии вынужден был отдавать в Советский фонд мира.

Он как-то признался приятелю, что, сидя на международных конференциях, иногда отключает микрофон в наушниках — и тогда наступает тишина…

✉ *…Мы Ваши избиратели. Нас 110 человек, тех, кто Вам пишет это письмо. Просьба заключается в следующем. Наши населенные пункты находятся далеко от посадочных площадок на эл. поезда, хотя живем от железной дороги менее километра и вот ежедневно 110 человек ходят 3–6 км до ближайших станций. Мы неоднократно обращались и в г. Горький и в Министерство путей сообщения, но ничего положительного на ближайшие годы нам не обещали, утверждая что средств на строительство новой платформы не имеется. Мы предлагаем самые*

минимальные затраты. Посмотрите на схему расположения населенных пунктов. Напротив Седельникова стоит дом путевого обходчика, в котором сейчас никто не живет, и в нем можно оборудовать билетную кассу. Посадочную платформу можно сделать не под весь состав Эл. Поезда, а на три-четыре головных вагона. Скопления людей на платформе не будет, т.к. люди ездят на работу на разных поездах. Неужели люди, проработавшие по 15–20 лет недостойны этого и намерены каждый день тратить час на дорогу (это если дорога хорошая) а каково идти в метель.

Это влияет на производительность труда, кроме того опасно, т.к. приходится ходить непосредственно по железной дороге, а при современных скоростях движения поездов можно попасть под поезд, но это никого не волнует.

Очень просим Вас помочь нам в организации строительства посадочной платформы между станциями Ильино–Горбатовка.

✉ *6 марта 1968 г.*

Депутату Верховного Совета СССР
т. Шостаковичу
от Инвалида Отечественной
войны 2 группы Мочагова Ивана Никоновича
прожив. Горьковская обл. дер. Починки

Мне как инвалиду Отечественной войны и нуждающемуся в жилой площади Вознесенский Райсовет на постройку нового дома выделил 20 к/м строевого леса, из которого мною изготовлены срубы, для окончания стройки мне еще требуется лесу 25 к/м. На мои просьбы об отпуске леса Райсовет отказывают по мотиву отсутствия фондов на лес.

Обращаясь к Вам с просьбой, прошу дать соответствующее указание Вознесенскому Райсовету об отпуске мне лесу 25 к/м для окончания постройки моего дома.

Прилагаю отказ Криушинского с/с.

Мочагов.

✉ *27 марта 1968 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

К Вам обращается правление колхоза им. 1-е мая Перевозского района Горьковской области. Наше хозяйство имеет площадь с/хоз. угодий 5 тысяч гектар и находится от районного центра на расстоянии 30 км. В связи с такой отдаленностью, для нас составляет большая трудность в транспортном отношении. Бездорожье зимой, весной и осенью

заставляет нас делать большие затраты на транспортировку грузов. К тому же очень большую трудность составляет подвоз лесоматериалов для распиловки их в районном центре. Себестоимость одного кубометра составляет около 100 рублей. Это очень невыгодно. Своей пилорамы у нас нет. Ее мы добиваемся вот уже 5 лет и нигде не можем найти, везде одни неизвестность и отказы.

Дмитрий Дмитриевич! Убедительно просим вас помочь нам в приобретении пилорамы. Это для нас большая ценность. Казалось бы совсем несложная машина, а ее нигде невозможно найти. Обращались мы несколько раз в районное управление сельского хозяйства, райком партии, в районное объединение с/хоз техника, в областное управление сельского хозяйства и везде одни отказы.

Дмитрий Дмитриевич. Еще раз убедительно просим Вас помочь нам приобрести пилораму.

Председатель кол-за В.А. Шиганов

Секретарь парт. орг. Л. Ямзин.

5 апреля 1968 г.

Председателю Совета Министров СССР

А.Н. Косыгину

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Ко мне обратились мои избиратели из рабочего поселка Большое Мурашкино, Горьковской области с просьбой помочь им в строительстве больницы.

Имеющаяся в настоящее время в их поселке больница построена еще земством в 1900 году (деревянное строение), пришла в ветхое состояние и опасна и в пожарном отношении.

Больница тесна, и нет места для установки физиотерапевтической аппаратуры. Из-за отсутствия места все нуждающиеся в госпитализации помещаются в больницу. Для исследования больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями — направляют в Областную больницу. Расстояние в 100 километров на автобусе для больного составляет большую трудность и опасность.

Я очень прошу Вас дать указание о включении в план 1969 года строительство районной больницы в рабочем поселке Большое Мурашкино.

Д. Шостакович.

Резолюция А. Косыгина на письме:

22 апреля 1968 г. Совмин РСФСР т. Воронову.

Прошу рассмотреть.

А. Косыгин.

23 апреля 1968 г.
Председателю Облисполкома
тов. Чугунову И.И.
Многоуважаемый Иван Иванович!

Направляю Вам заявление моих избирателей дер. Кучиново Воскресенского р-на и очень прошу Вас оказать содействие колхозу «Ильич» получить наряд на 1000 метр. водопроводных труб и 10-12 водопроводных колонок.

Д. Шостакович.

✉ *Д.Шостаковичу*

Сэр,

Прежде всего, разрешите представиться. Мы трое простых японцев, живущих в Токио. Мы работаем вместе в библиотеке. Мы всего лишь неизвестные молодые люди, но мы хотим способствовать миру на земле и счастью всего человечества.

Недавно нас осенила одна хорошая мысль. Чтобы ее осуществить, нам нужна помощь всемирно известного человека, такого, как Вы.

Идея такова: обратить внимание многих людей мира на Ваш дневник. Показать, что делает всемирно известный человек в настоящее время в течение одного какого-нибудь определенного дня. Естественно, что человечество дышит одним и тем же воздухом, ест ту же пищу. Мы верим, что мы обратим внимание на простой факт — люди всего мира ведут одинаковый образ жизни. Если мы будем знать больше друг о друге, то есть о жизни людей различных стран в течение одного какого-нибудь дня, мы уверены, что это послужит усилению дружбы между нациями.

Мы просим Вас, как всемирно известного человека, написать и прислать нам свои записи или свой дневник, в котором описан один определенный день. Дни, описание которых мы хотели бы получить — 21 и 22 марта. Мы просим описать два дня, для того, чтобы мы могли исправить разницу во временных поясах.

Особенно мы хотим, чтобы Вы написали, когда Вы ложитесь спать, когда встаете и что едите в этот день.

Мы хотим опубликовать коллекцию таких дневников, в надежде, что большинство в мире прочтет их. Мы думаем, что результатом этого будет то, что Вы станете «ближе» всем людям мира.

Мы знаем, что Вы очень заняты каждый день, но пожалуйста поймите желание молодых японцев и пришлите нам Ваши записи.

Сэр, Ваши преданные слуги,

Мотоаки Тавара, Катсуши Сайтох, Масару Шиозава.

Многие письма депутату Д.Д. Шостаковичу начинаются словами «Прошу прощения, что отнимаю у Вас драгоценное время...» Как эти люди были правы!

Его время было расписано на месяцы вперед. Репетиции, концерты, многочисленные поездки по стране и за рубежом, работа секретаря Союза композиторов, председателя жюри Международного конкурса им. Чайковского, профессора консерватории, напряженная творческая работа.

Не было случая, чтобы Шостакович отказался от какой-либо общественной обязанности, заседания, поездки, приема... Трудно представить, как удавалось Шостаковичу в течение многих лет совмещать все его общественные дела с сочинением музыки.

...Частенько бывает так, что у меня не бывает ни минуты свободного времени. Я заседаю, пишу статьи, выступаю на радио в качестве музыканта и оратора, выступаю на митингах, снимаюсь в кино и тому подобное. Естественно, что на сочинение музыки времени не хватает...

...За последнее время я больше всего стал жалеть время. Деньги можно заработать, взять взаймы, украсть. А время пропадает бесследно и навсегда. *(4 июля 1955 г.)*

...Я живу очень хлопотливо... Вкратце о моей жизни: я очень занят. Эти пошлые слова, тем не менее, совершенно точно определяют мою жизнь... *(31 марта 1957 г.)*

Из записок секретаря З.А. Гаямовой: «За завтраком говорил о том, что устал от заседаний и суматохи. С осени предполагает изменить образ жизни.

Утром опять звонил, чтобы я не приезжала, т. к. он целый день будет вне дома. А в 6 часов он позвонил мне, чтобы я к 8 часам приехала. Я перепечатывала отдельные страницы из доклада, в которые Д.Д. вносил свои поправки. Он был нервен, напряжен, но в то же время включил телевизор и на минутку прибегал смотреть футбол. В начале 12 он сказал мне и всем остальным, чтобы мы уезжали. Я не хотела уезжать, но он категорически настаивал и даже сердился. М.Дм. мне сказала, что он печатал до 3-х часов ночи.

...Сказал, чтобы я не приезжала, так как у него доклад в Доме литераторов. Встретили Д.Д. под бурные аплодисменты. Доклад он читал. Читал не очень внятно, но все со вниманием слушали.

После завтрака лег отдохнуть. В 5 ч. он должен ехать в ВОКС и делать доклад об Австро-Советском обществе, президентом которого он

является. И вот так насыщена, заполнена жизнь этого гениального человека. В 7 часов концерт, на котором он, конечно, будет.

13,14, 15 и 16 все дни заполнены работой. Я Д.Д. совсем не вижу. Он каждое утро звонит и говорит, что уезжает на целый день, и чтобы я не приходила.

17.V — Д.Д. приехал к 5 ч. Поел и поехал в поликлинику. После ужина Д.Д. уехал на вокзал и в Ленинград.

Д.Д. поехал в Союз и сказал, что приедет поздно, а вечером у него репетиция.

После приезда из Свердловска Д.Д. чувствовал себя еще довольно слабым. Репетиция прошла очень хорошо. Но Д.Д. был взвинчен. За завтраком плохо ел. Сидел в кабинете, раскладывал пасьянсы».

...Живу сейчас очень трудной жизнью. 26-го числа начинается Всесоюзный Съезд композиторов. Массу времени отнимает подготовительный период. 1-го Апреля начинается конкурс Чайковского. 2-го Апреля Комитет по Ленинским премиям. *(23 марта 1962 г.)*

...Образ жизни я веду сейчас такой. С 10 до 16-30 заседаю на Съезде композиторов. Затем еду домой и из дома еду на концерт. Концерт происходит каждый день, и посещать их необходимо. Возвращаюсь весьма усталый, и на другой день то же самое. Так будет продолжаться до 31.03. 1.04 открывается конкурс имени Чайковского. 2.04 продолжит работу Пленум комитета по Ленинским премиям. В общем, очень много работы и я очень доволен. Сочинять не могу, хотя и очень хочется этим заняться. *(28 марта 1962 г.)*

...Моя жизнь течет без перемен. Я страшно занят и страшно устал. *(4 апреля 1962 г.).*

...Сейчас идет сессия Комитета по Ленинским премиям. Идет Конкурс Чайковского. В конце недели еду в Ленинград по депутатским делам. 10-го должен быть в Новосибирске. В общем, забот-хлопот много. Последнее время совсем не сочиняю, а годы идут, и очень еще многое не сочинено... *(9 апреля 1962 г.)*

...Я хочу отдыха. Очень устал. Мало энергии, а забот очень много. Никак не могу с ними справляться. *(15 мая 1962 г.)*

...Принимал участие в декадах советской музыки в Молдавии и Киргизии. В Армении я побывал... Из Риги я выеду в Лондон... *(«Правда», 14 июня 1963 г.)*

Густав Эрнесакс, работавший в течение десяти лет вместе с Шостаковичем в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, вос-

клицал: «А сколько он успел совершить как гражданин, коммунист, народный депутат, председатель различных комиссий, участник движения в защиту мира!»

Нельзя без горького сожаления читать список мероприятий, в которых участвовал, вынужден был участвовать Шостакович как секретарь Союза композиторов, — сколько сил, сколько лет жизни отняла у него эта деятельность.

Вот лишь некоторые за короткий срок, в которых участвовал Шостакович.

Смотр музыки композиторов РСФСР. Вице-президент музыкальной секции Союза обществ дружбы с зарубежными странами.

В Новороссийске посещает места боев в годы Великой Отечественной войны, цементный завод «Октябрь», музыкальную школу, совхоз «Малая земля».

В Новосибирске участвует в работе пленума правления Сибирской композиторской организации.

В Свердловске — в работе Уральской композиторской организации.

Встреча композиторов социалистических стран в Берлине.

Председатель Оргкомитета Международного конкурса им. П.И. Чайковского. Участвует в работе Всесоюзного совещания по идеологическим вопросам.

В Кишиневе встречи с трудящимися Молдавской ССР.

В Киргизии. Декада русской и советской музыки.

В Москве. Всероссийское хоровое общество. В Большом театре открывает торжественный вечер, посвященный 125-летию со дня рождения М. Мусоргского.

В Ташкенте. Встречи с рабочими «Ташсельмаша», текстильного комбината, участниками музыкальной самодеятельности, композиторами Узбекистана на фестивале «Ташкентская весна» .

В Ростове-на-Дону. На фестивале «Донская весна». Выступает на химическом заводе имени Октябрьской революции, фабрике клавишных инструментов.

Алма-Ата. Участвует в декаде русской культуры.

В Уфе участвует в декаде русской культуры и неделе башкирской музыки. Встречи во Дворце культуры имени С. Орджоникидзе, Уфимском училище искусств.

Москва. Участвует в работе Художественного совета Министерства культуры СССР. Речь на вечере, посвященном 125-летию со дня рождения П. И. Чайковского.

Ереван. Участвует в декаде русской музыки.

Йошкар-Ола. Работа по проверке Марийской композиторской организации, посещает Музыкально-художественную школу-интернат.

Москва. Встреча Д. Шостаковича с главами дипломатических представительств, аккредитованных в СССР, организованная Протокольным отделом Министерства иностранных дел СССР. Встречи с венгерскими музыкантами и журналистами.

В Новосибирске участвует в юбилейных торжествах Симфонического оркестра Новосибирской филармонии, встречается с композиторами Сибири, педагогами и студентами консерватории.

Москва, Всесоюзный Дом композиторов. Открывает торжественный вечер, посвященный 74-летию С. Прокофьева.

В Волгограде участвует в фестивале советской музыки...

За несколько лет Шостакович побывал по делам Союза композиторов в тридцати городах Советского Союза — Новороссийске, Свердловске, Новосибирске, Тбилиси, Йошкар-Оле, Горьком, Ростове-на-Дону, Баку, Ташкенте, Самарканде, Алма-Ате, Уфе и многих других. Девять пленумов Союза композиторов России прошли под руководством Шостаковича, на которых он выступил с докладами.

В Новосибирске в течение одного только дня он прослушал новую музыку местных композиторов, встретился со студентами и преподавателями консерватории, обсудил планы местной композиторской организации и ее бытовые проблемы.

В Свердловске во время такой поездки Шостакович заболел воспалением легких, лежал в номере гостиницы, но и там решал дела местной композиторской организации.

В Молдавии он, как писала местная пресса, «пристально рассматривал наши виноградные плантации, вслушивался в неумолимое журчание родников».

«Спасибо, Дмитрий Дмитриевич, что Вы приехали к нам. Этого наша земля никогда не забудет. И от души желаю Вам сто лет жизни!» — возглашал на застолье руководитель колхоза, приветствуя Шостаковича.

Не склонный к патетике, саркастичный Шостакович отвечал: **А я хочу больше ста лет прожить. Почему мне не прожить бы? Здоровье у меня хорошее. Вот только рука подвела — плохо действует. И нога переломана.**

Фотографии и кадры хроники запечатлели Шостаковича — общественного деятеля: вот он у рояля, облокотившись на пюпитр, пишет ноты —

чего в жизни не делал никогда. Вот сидит перед картинно разложенными листами нотной бумаги — видно, что чувствует себя неловко. Но есть и другие — случайно перехваченный взгляд — на миг Шостакович поднял глаза от нотного листа, вот, примостившись на краешке стула, склонился над партитурой, вот торопливо что-то записывает в артистической...

Неожиданная фотография Шостаковича, напечатанная в центральной газете, — трудно узнать в ней композитора: радостный взгляд, волна густых волос, вместо его всегда торчащего хохолка, лицо без признаков характерности. Такие фотографии — стахановцев, ударников труда, деятелей культуры, членов Политбюро — ретушировались и печатались по одному шаблону. Таков Шостакович, каким его угодно было видеть властям и чей портрет лепили партийные чиновники. Но и сам Дмитрий Дмитриевич помогал им в этом своими высказываниями в печати, выступлениями.

В них он призывал: ...**дарить людям счастье, воспевать красоту жизни, звать на борьбу за лучшее...**

Мы горды тем, что Коммунистическая партия рассматривает музыкальное творчество как одно из могучих средств воспитания народа, что, прямо и открыто разделяя коммунистическое мировоззрение, мы едины с партией во взглядах на содержание, роль и главную цель искусства. Наша музыка — это тоже оружие в непримиримой битве идеологий двух миров — социализма и капитализма.

...Десять дней нашего пребывания в замечательной республике пролетели стремительно. За эти дни состоялось около 30 выступлений. Встречи проходили даже на автострадах, по которым двигалась колонна, на высокогорных пастбищах, хлопковых полях мы встречали высококультурных людей. Мы убедились в том, что коммунизм — это не только мечта, но и реальная действительность. *(«Правда», 14 июня 1963 г.)*

Некоторые публичные выступления Шостаковича в газетах и журналах похожи на его отретушированный портрет. Вот заголовки: «Великая забота партии о расцвете советской музыки», «Будем достойны славы великой Родины», «Ленин. Партия. Народ», «Воспеть героику наших дней», «Пути в великую музыку коммунизма», «Искусство высоких идеалов».

Когда в разговоре с Дмитрием Дмитриевичем я проявила излишнюю осведомленность в такого рода публикациях, он промолчал, а потом заметил общему знакомому, что я цитировала статьи, которых он не писал, а только подписывал.

Все, кто знают отношение Шостаковича к языку, никогда не перепутают эти суконные безликие заказные статьи с его живой речью.

Говорят, что однажды Шостакович попросил выправить текст доклада, кем-то для него написанного. «Сделайте что-нибудь серенькое, совсем-совсем серенькое», — мучительно морщась, повторял он.

Он был молчаливым застенчивым человеком, не любившим публичности, ему же приходилось постоянно выступать с трибун при скоплении народа, он мечтал об уединении и творчестве и писал скорбные письма о необходимости участвовать в бесконечных заседаниях и совещаниях, он никогда не сочинял за роялем, но регулярно появлявшиеся в его доме фотокорреспонденты заставляли его позировать и писать ноты на пюпитре в неудобной позе — он и шагу не мог ступить без неусыпного контроля высших руководящих органов за его жизнью, его музыкой.

В марте 1968 года Шостакович заканчивает сочинение Двенадцатого квартета, посвященного Д. Цыганову (ор. 133).

Тринадцатого апреля 1968 года присутствует на заседании Одиннадцатого пленума Правления Союза композиторов РСФСР — девять пленумов Союза композиторов России прошли под руководством Шостаковича, на которых он выступил с докладами.

Четырнадцатого мая открывает Второй съезд композиторов РСФСР. В мае 1968 года Шостакович публикует в «Правде» статью «Источник творчества — жизнь народа». Четырнадцатого июня 1968 года — на заседании секретариата Союза композиторов РСФСР. В том же году открывает Четвертый Всесоюзный съезд композиторов, где избран секретарем правления.

Позже писал бывшему ученику: **Не волнуйтесь и берегите Ваши нервы. Ведь Вам предстоит еще много неприятностей в Вашей будущей жизни. А чтобы их легко побороть, нужно иметь крепкие нервы.**

Теперь вкратце о моих делах. Я ухожу с должности 1-го секретаря Союза композиторов РСФСР. Думаю, что через 10–15 дней мой уход будет официально оформлен. Пока ничего не сочиняю. Как-то голова плохо в этом направлении работает. Стараюсь спокойно реагировать на все происходящее в нашей жизни. И не без успеха стараюсь... *(18 ноября 1968 г.)*

Председателю Совета Министров СССР

Тов. Косыгину А.Н.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Некоторое время тому назад Вы беседовали со мной о заработной плате оркестра Московской филармонии. Очень прошу

Вас вернуться к этому вопросу и разрешить его в положительном смысле.

Обращаюсь к Вам еще с одной просьбой: я собираюсь сложить с себя обязанности первого секретаря Союза композиторов РСФСР.

Состояние моего здоровья не позволяет мне уделять этим обязанностям и время и энергию. В скором времени, после возвращения из больницы, я хочу этот вопрос поставить перед секретариатом Союза композиторов РСФСР. А если с моим уходом с поста первого секретаря возникнут осложнения, то я очень прошу Вас меня поддержать в моем желании уйти с руководящей работы из союза.

Конечно, в меру моих сил, я буду работать в союзе, выполнять отдельные поручения и т.п. Быть же руководителем Союза композиторов РСФСР я не могу.

Шлю Вам самые лучшие пожелания.

Дмитрий Шостакович.

На Втором съезде композиторов РСФСР председателем правления был избран Г. Свиридов — на этот пост его рекомендовал Шостакович в качестве своего преемника.

Георгий Свиридов поступил в Ленинградскую консерваторию в 1936 году и был одним из первых учеников Шостаковича. Шостакович с похвалой отзывался о сочинениях своего ученика, делавшего большие успехи. Но в 1940 году Свиридов ушел из консерватории. **...Спешу поделиться животрепещущими ленинградскими новостями. Приказом по консерватории от 8/01 исключен из числа студентов за непосещение по неуважительным причинам Свиридов Ю.В. Одаренный Свиридов Ю.В. не посещал основы марксизма-ленинизма. Имея в прошлом строгий выговор с предупреждением, ныне перестал украшать своим присутствием консерваторию.** *(1940 г.)*

По словам же Свиридова, поводом для ухода послужила резкая оценка Шостаковичем его песен на слова А. Прокофьева, где он якобы впал в простонародность.

Это стало началом сложных и конфликтных отношений учителя и ученика, продолжавшихся до конца их жизни. И подобно тому, как Шостакович не был понят своим учителем Штейнбергом, так и Свиридов часто не находил понимания у Шостаковича.

Их художественные миры то сближались, то удалялись друг от друга, как и их отношения.

...Я ужасно был рад встрече с друзьями в Новосибирске. Особенно меня порадовал Г.В. Свиридов, который при ближайшем рас-

смотрении оказался человеком исключительного ума, богатейшей культуры и необычайного благородства. *(11 августа 1942 г.)*

Свиридов — поборник мелодии, человек религиозный, не склонный к компромиссам, подчас весьма критически относился к своему учителю. Рассказывают о таком эпизоде: однажды, когда Свиридов работал над «Патетической ораторией» на стихи Маяковского, Шостакович, не любивший поэзию Маяковского, спросил: «Юрий Васильевич, я слышал, вы пишете на Маяковского?» — «Да, пишу ораторию. А что?» — «Зачем вы это делаете, ведь Маяковский — плохой поэт». — «Кому нравится Маяковский, а кому — Долматовский», — ответил Свиридов.

После этого их отношения надолго испортились. Но со временем возобновились. Выходец из крестьян, Свиридов был потрясен гибелью крестьянской России, которую он воспел в своем творчестве.

Шостакович и Свиридов видели две разные России, и каждый говорил свою правду.

✉ *Дорогой Дмитрий Дмитриевич!*

Зная Вашу занятость и плохое состояние Вашего здоровья, я все же рискую обратиться за помощью.

Пишет Вам неграмотная и одинокая женщина — колхозница, жительница села Лопатино Лукояновского р-на Горьковской области, Маркелова Варвара Ивановна, 60 лет, инвалид второй группы. Дело вот в чем. Я живу в своей хатенке, которая была построена в ложбинке, по ту и другую сторону которой крутые откосы. Примерно в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году наш колхоз провел шоссейную дорогу возле моего дома, насыпь которой преградила путь для сточных вод, отчего около дома всегда стали оставаться глубокие лужи, и домишко мой стал подгнивать, приходить в негодность. Я обращалась к нашему председателю колхоза «Красный Октябрь», чтобы силами колхоза сделали фундамент под домишко, чтобы дом не упал совсем, но председатель и слушать не хотел об этом, отказывается. Я обращалась с жалобами в Райсовет Лукояновский, оттуда писали письма нашему председателю, а он стоит на своем и говорит, что помогать не будет мне, если я даже буду обращаться в Москву.

Убедительно прошу Вас, товарищ Шостакович, помогите мне.

Маркелова.

✉ *Жалоба*

Просим Вас, т. Шостакович, помочь нам, чтобы нам устроили электросвет. Вот больше пяти лет мы, колхозники колхоза по За-

ветам Ленина дер. Деяново, мучаемся без электрического света, платим ежемесячно аккуратно, а зажжем свет — одни красные волоски. Детям уроки учить нельзя, хоть сиди с лучиной, как первобытные люди. Обращались в Горэнергию, они отвечали, что у них нет монтеров, а теперь монтеры есть, нет проводов. И так продолжается пять лет.

У нас две деревни в одной бригаде, еще рядом Содошово, и в Содошове нужны были новые столбы, поставили столбы, так вот три года гниют столбы. Горэнергия г. Семенова не могут провода перенести, а у нас в Деянове нужно провода менять, так вот мы, обе деревни, вынуждены писать Вам, чтобы вы нам помогли, а то теперь такие строят ракеты, а мы не можем прочитать газеты. Сидим в теми, пообедать и то не видать.

Просим, тов. депутат, мы Вас выбирали, и Вы нам помогите, а то ведь наш Райком КПСС сидят при хорошем свете и им нет дела до нас или недосуг проверить. Их дети учат уроки при хорошем свете, а наши — дети колхозников, так на них никакого внимания не обращают. Колхозники как звери, вот как нас, тружеников, почитают. Вот я Вам напишу пример. У нас в г. Семенове есть автопарк, там есть автобусы, и вот есть указание правительства, чтобы детей возить в школу — расстояние 5 км, так 1-го сентября они не приезжали до 9 часов. Дети все ждали и все в школу опоздали. Все были в таком восторге, шли с цветами, а потом цветы пришлось бросить и идти в школу пешком, — все опоздали. Когда приехал автобус, люди стали говорить, почему так, то контролер ответил, что вас, гадов, и возить не надо. Это все подтвердят люди дер. Деяново. Куда им надо калымить, туда и едут с нашей линии, и так каждый день. Мало того, деньги соберут и высаживают посреди дороги, якобы, изломался автобус, а сами поедут на калым. Жалобы поступают, на них не обращают внимания.

Мы пишем коллективно и думаем, вы нам поможете, а то ведь правительство не знает, что делается в глуши, им докладывают, все хорошо, а это считают мелочью.

К сему (18 подписей).

✉ *Дорогой Дмитрий Дмитриевич!*

Мы, избиратели села Медяны обращаемся к Вам с большой просьбой. Помогите нам приобрести трактор ДТ-54. Наше сельпо от района находится на расстоянии 35-40 км. Дорога грунтовая, неблагоустроенная. Осенние, весенние распутицы, зимние снежные заносы, очень тормозят в доставке товаров с базы на автомашинах, которых мы

имеем две и то уже устаревшие. Наше сельпо обслуживает население трех сельсоветов, которые включают десятки сел и деревень в радиусе более 30 км. Чтобы развезти товары по торговым точкам, необходим транспорт, а мы его имеем крайне недостаточно.

Наши села хорошеют. Редко можно встретить хату крытую соломой. Вновь построенные дома — один краше другого, со светлыми коридорами, крытые или шифером, или железом. Строим школы, больницы, магазины, клубы, пекарни, библиотеки, да разве все перечтешь. Растет культура. Повышается материальное благосостояние народа. В деревне мы имеем радио, электросвет, много велосипедов, мотоциклов, радиоприемников и телевизоров и т.д. Покупательная способность населения растет, спрос на товары очень велик, а мы удовлетворить потребности не можем. Покупатель часто идет или едет за товарами в район или в близь лежащий город, а мы из-за транспорта и бездорожья подвезти не можем. Если бы Вы знали, как часто нас таскают с машинами из грязи тракторами где-то между сел, в овраге, в балке или у подножия горы, где и тратим лишние транспортные расходы. Вот собрались мы и думаем. Был бы у нас трактор, ни осенние, ни весенние, ни зимние заносы нам бы нипочем. Оправдала бы свою задачу наша кооперация в более полном удовлетворении все возрастающих потребностей населения.

Убедительно просим оказать нам помощь в приобретении трактора.

К Шостаковичу приходило много писем из деревни. В них колхозники жаловались своему депутату, что не могут купить трактор, что нет транспорта, плохие дороги, нет электричества, нет леса на строительство, нет материалов для крыши, нет кормов, нет семян, нет медпункта, нет школы, нет клуба, невозможно купить велосипед, мотоцикл, автомашину, что у колхозников мизерная пенсия, на которую нельзя прожить, что молодежь уходит в город, «где увеселительных муз достаточно». Особенно тяжело инвалидам, которым трудно вести хозяйство, а без него не прокормить семью.

К композитору обращались, в надежде, что он сможет помочь.

На одной из фотографий Шостакович выступает перед колхозниками на импровизированной эстраде прямо в поле, аккомпанируя певцу на притащенном откуда-то пианино. Колхозницы — женщины в белых платочках, дети, поодаль мужчины — сидят на скамейках и слушают. Наверное, это был один из самых необычных концертов композитора.

На лужайке, возле леса,
Что задумчив так всегда,
Мы пасем с утра до ночи
Колхозные стада...
То мне ветка улыбнется,
Колосок вдруг подмигнет,
Чувство радости великой
В сердце искрою сверкнет...
Только, дудочка, не плакать!
Прошлую забудь печаль.
И пускай твои напевы
Мчатся в ласковую даль.
Я в своем колхозе счастлива.
Слышишь, жизнь моя полна!
Веселее, веселее, дудочка,
Ты петь должна!

Когда-то Шостакович написал музыку на эти слова. А еще раньше он сочинил балет «Светлый ручей», действие которого происходит в колхозе. Это был первый советский балет на эту тему. Вот как сам композитор описывал содержание балета «Светлый ручей» в статье «Мой третий балет»:

...Группа советских артистов едет на Кубань, где она встречается с кубанскими колхозниками. Эта встреча происходит впервые. Колхозники, предполагая сперва в артистах людей какой-то иной, незнакомой сферы, не знают, как и с какой стороны к ним подойти. И артисты не сразу находят с колхозниками общий язык.

Очень скоро, впрочем, обе стороны выясняют массу общих точек соприкосновения. Те и другие строят социалистическую жизнь: одни — в колхозе, другие — на фронте искусства. Любовные перипетии, возникшие на лоне кубанской природы, еще больше сближают обе бригады — колхозную и актерскую.

Сюжет балета — очень прост и незамысловат.

Музыка, на мой взгляд, весела, легка, развлекательна и, главное, танцевальна. Я намеренно старался найти здесь ясный, простой язык, одинаково доступный для зрителя и для исполнителя.

Это очень серьезная вещь — отражение в балете социалистической действительности. К ней нельзя подходить поверхностно. А такие, скажем, эпизоды, как «Танец энтузиазма» или пантомимное изображение трудового процесса (битье молотом по наковальне),

обличают недостаточно продуманный подход к проблеме реалистического балетного спектакля, построенного на советской тематике.

В те годы шли жаркие дискуссии, каким должен быть советский балет. Призывали «танцевать борьбу и победу, такие темы, как рост нового классового человека, соцстроительство, новое отношение к труду, тему пионерии, патетику комсомола, новый тип человека, рост личности, оборону». На этом фоне и появился балет «Светлый ручей» — соцзаказ, созданный в то время, когда по стране прошли жестоко подавленные крестьянские голодные бунты, с расстрелами и высылкой в Сибирь. В 1930-м состоялись крестьянские выступления в Поволжье, на Украине, в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане.

Из письма крестьянки: «Вы с наганом в руках заставляете организовывать колхозы, но эта безумнейшая политика не спасет вас. Наоборот, способствует скорейшему созреванию советского яблока и его падению. Колхозы, совхозы, пятилетка — это колоссальные мыльные пузыри. Вот ваш милый социализм или по простому выражению в народе — "разоризм"».

За два года раскулачивания на Север и в отдаленные районы страны было выселено больше миллиона человек — семьи с детьми, почти половина — дети. В год от холода и голода умирало по четверть миллиона переселенцев.

Известно письмо Шолохова Сталину (апрель 1933 года), где приводятся слова местного парторга Шарапова: «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломаем». Шолохов пишет, что «число замерзших не установлено точно так же, как никто не интересуется числом умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и "цветов жизни" после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из жизни вместе с последним снегом, а те, которые останутся живы, будут полукалеками».

Коллективизация погубила миллионы крестьян, разрушила многовековой уклад и тысячелетнюю культуру.

В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, как во время его визита в Москву в августе 1942 года между ним и Сталиным произошел такой разговор.

Черчилль: «Скажите, напряжение, вызванное войной, было столь же тяжелым для вас, как при проведении коллективизации?»

Сталин: «Политика коллективизации — это была чудовищная борьба... Десять миллионов (*он показал на пальцах, подняв руки*). Это было

страшно. Это продолжалось четыре года. Это было очень тяжело и трудно, но абсолютно необходимо».

Что это была за необходимость, известно. Вождь был напуган сопротивлением крестьянства и нежеланием разделить его идеи мирового коммунистического господства.

Когда балет был поставлен, состоялось его обсуждение рабочими зрителями, до того никогда раньше балета не видевшими.

И вновь вступает хор.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЗРИТЕЛЕЙ С РЕПЕТИЦИИ БАЛЕТА «СВЕТЛЫЙ РУЧЕЙ»

21 ноября 1935 года:

П о с т н и к о в а (*з-д СВАРЗ, клуб им. Русакова*): На вопрос, кто может рассказать содержание балета «Светлый ручей», разрешите, я попытаюсь ответить. То ли праздник в колхозе продолжается без перерыва (день или год, неизвестно), то ли это уже другой какой-то праздник, и почему это в колхозе все время празднуют, а не работают…

Ж у к о в с к и й (*37-й завод*): По-моему, празднуется день урожая в колхозе «Гигант». Еще чувствуется, что колышется рожь и, по-видимому, в колхозе идет ударная работа… Должен сказать, что яблоки, которыми перебрасываются в первом действии колхозники, какие-то неестественные: ими можно либо раскроить череп, либо сразу становится ясно, что они ватные… Это какое-то расхищение государственного имущества, и никакие колхозники не позволят себе так обращаться с колхозными фруктами. Разве швыряются продуктами, составляющими народное достояние?

По-моему, действие балета мало советизировано, не сделан политический акцент на праздновании дня урожая. Почему мы не видели хотя бы красного знамени в группе ударников-колхозников? Где парторганизация, председатель колхоза?.. Этих людей в балете нет, они могут и не танцевать, но быть-то в колхозе они обязаны.

Я хочу предложить, чтобы балет начинался рабочим днем, а кончался праздником, результатом труда колхозников…

Хочется еще сказать, что мне хотелось бы услышать в музыке этого балета мотивы народных крестьянских песен, либо старых, дореволюционных… От этого музыка балета была бы нам роднее и больше бы соответствовала содержанию.

А в итоге — балет очень хороший, замечательный, мне лично очень понравился…

В е н г е л а н (*з-д Динамо*): Мне хочется, прежде всего, сказать о музыке, хотя я в ней и не очень крепко разбираюсь. Как только музыка

начала играть (еще до того, как раскрылся занавес), я сказал своему соседу, что сейчас будет либо степь, либо ветер, либо простор какой-нибудь, что-то вольное... Хотелось бы, чтобы больше был дан простор колхозных полей, но все же оформление очень хорошее...

Замечания у меня вот какие: надо убрать веревку, качающую рожь, она зрителям видна, и это расхолаживает впечатление.

Когда колхозники бросаются яблоками, то неестественно получается...

Черняк (*з-д Динамо*): Я в своей жизни смотрел только два балета, а сегодня — вот третий. «Светлый ручей» произвел на меня большое впечатление, декорации и музыка — очень хороши, костюмы приятны для глаза, не сцене светло, тепло, ярко... Хорошо, что в балет введены Модест Петрович и его жена. Сразу видно, что они не наши, и приятно смотреть на контраст между бывшими людьми и современными колхозниками.

Гольдберг (*СВАРЗ*). Мне жаль, что в музыке Шостаковича не использованы народные русские и советские песни, они очень украсили бы балет... (как, например, «Яблочко» из «Красного мака»)...

Жаль, что не была показана настоящая русская пляска. Она бы оживила. Мне жаль, что в этом балете комсомолу совсем не дано ходу.

Александров (*з-д Динамо*): Должен сказать, что я впервые в своей жизни смотрю балетный спектакль (до сих пор мне всегда казалось, что балет непонятная для меня штука). Теперь я уверен, что «Светлый ручей» будет также интересен и моим товарищам по заводу, всем рабочим от станка... о всяких тонкостях я говорить не буду, так как слабо в них разбираюсь. Скажу только, что балет хорош, а это самое главное.

В этом балете есть такая неувязка: все деревенские люди танцуют гораздо лучше, чем городские, а это не соответствует действительности. Ведь городские лучше натренированы в танцах, чем деревенские, и это надо бы в балете показать... неестественно получается.

Я прошу мне ответить на вопрос: когда медведь проезжал на велосипеде и упал, это была случайность или так задумано режиссером?

Здесь некоторые тт. высказывали разные мнения по поводу костюмов, мое мнение, что костюмы дают представления о радости, веселой жизни в колхозе.

Декорации тоже очень хороши, но в 3-м акте яблони очень высоки, они растут выше качелей, а это неправдоподобно. Неудачно и небо в закате. Оно какое-то тусклое, хотелось бы больше синевы и яркости.

Трудно разобрать, какие отношения между Петром и Зиной: муж он ей или нет?...

В 3-м акте хорошо бы прибавить типичные, характерные деревенские танцы.

С о к о л о в (*СВАРЗ*): Я считаю, что ошибкой режиссера является то, что он заставляет всю массу колхозников все время танцевать, они нигде не показаны работающими, в жизни так никогда не бывает. Содержания, смысла в балете нет, и это очень обидно.

Б а к л и е ц (*з-д СВАРЗ*): В проведении колхозного праздника урожая, имеющего большой политический смысл, стерта, никак не показана роль парторганизации, партруководство колхозом. Это ошибка балета. Есть и большое расхождение с реальностью. Нет нигде такой плодородной почвы, которая бы давала такой урожай, какой показан в балете. Доярка резко отстала от группы своих колхозников: как только приехала интеллигенция из города, она сразу отделилась от своих и сдружилась с интеллигенцией.

А л е к с е е в (*37-й завод*): Мало женских национальных танцев, хочется увидеть украинские, русские, кавказские женские национальные танцы, а их нет.

Э н г е л ь (*СВАРЗ*): Мне хотелось бы в этом балете увидеть танцы и услышать такие мотивы, как «Барыня», «Кабардинка» и т.п. знакомые нам мотивы. Плохо, что у девушек все платья сшиты на один фасон — клеш. В деревне теперь девушки тоже модничают и носят разнообразные платья.

Д а н и л о в (*завод Шарикоподшипник*): Музыкальное вступление (увертюра) в прошлый раз доходило лучше, сегодня рожь отвлекала внимание зрителей от музыки, это зря. Рожь надо раскачивать не с корня, а поставить два вентилятора и шевелить ее сверху, как бы по ветру. Я считаю своим долгом (и все присутствующие здесь должны меня поддержать) донести, распропагандировать этот балет и работу театра перед всеми нашими рабочими... (ф. 648, ор. 5, № 5)

После балета «Светлый ручей», этого райка на тему колхоза, Шостакович сочинил музыку к балету «Болт» — тоже соцзаказ о вредительстве на производстве, за которое вскоре поплатятся жизнью сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

А потом будет настоящий «Раек» — «Эх, Глинка, калинка, малинка...».

Шостакович был одним из создателей советской мифологии и в то же время ее разрушителем.

✉ *Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Посылаю Вам сценарий балета по мотивам Апулея «Золотой осел» (сказка об Амуре и Психее).

Мне кажется, что прелесть этой неувядаемой темы полной жизни и красоты стоит того, чтобы снова зажить воплощенной в Вашей гениальной музыке.

Примите мое глубокое к Вам уважение.

З.Д. Вербовец.

г. Горький.

Начальнику Монтажного управления № 2

треста Двигательмонтаж

Г.П. Андрианову.

Уважаемый Георгий Павлович!

Ко мне обратился мой избиратель тов. Галкин Лев Федорович, прожив. в г. Горьком по Краснофлотской ул. 123-а, кв. 5, с заявлением, в котором сообщает о тяжелых жилищных условиях, в каких он находится с своей семьей, состоящей из 5 человек.

Направляю Вам его заявление и убедительно прошу Вас принять срочные и необходимые меры для улучшения жилищно-бытовых условий семьи Галкиных. Считаю совершенно недопустимым, чтобы в одной комнате находились родители и взрослые дети, не говоря уже о том, что санитарные условия мест общего пользования находятся на низком уровне.

Д. Шостакович.

С 27 по 30 мая 1968 года Д. Шостакович в Горьком вел очередной депутатский прием избирателей. К сожалению, мне не удалось обнаружить ни одной фотографии или кадра хроники композитора во время депутатского приема или во время встречи со своими избирателями. Но давайте представим один такой день депутатского приема Шостаковича.

Слышен шелест и шорох бумаг — в руках у посетителей папки, документы с грифами учреждений, исписанные листки. Некоторые приехали издалека. Многие месяцами скитались по приемным, обращались в десятки инстанций, годами взывали к власти, но им не помогли, часто даже не захотели выслушать. Отказы, лживые обещания, циничные отписки — ими полны папки, которые они принесли с собой.

На один только день приема к Шостаковичу записалось сорок семь человек.

Дочь композитора, Галина Дмитриевна, вспоминала сетования отца: «Он был депутатом и все время говорил: “Ко мне приходят люди по поводу того, что нет квартир, что мала пенсия, а что я могу сделать? Если бы мне выдавали на год хоть десять квартир, чтобы я мог выбрать, кому, с моей точки зрения, ее дать или не дать, а так что — одно письмо написал, другое, прошу, требую...” Он понимал, что он депутат без власти, без возможности что-то сделать...

В течение многих лет отец был депутатом Верховного Совета Российской Федерации и неукоснительно выполнял все связанные с этим обязанности: присутствовал на заседаниях, специально ездил в Ленинград и Горький, чтобы вести прием избирателей. Но никакой реальной власти у депутатов не было и быть не могло. Посему отец, человек в высочайшей степени ответственный и сострадающий чужому горю, тяготился своей депутатской должностью. Дела, по которым к нему обращались, были в основном двух родов — жилищные или связанные с репрессиями. В этих случаях отец особенно стремился помогать людям». *(Из интервью автору)*

В конце 1963 года, когда поэт Иосиф Бродский стал подвергаться преследованию властей, Анна Ахматова, горячо сочувствуя поэту, обратилась за помощью к Шостаковичу. Тот старался Бродскому помочь, хлопотал за него, хотя знаком с поэтом не был. Шостакович направил в суд телеграмму: **Я очень прошу суд при разборе дела поэта Бродского учесть следующее обстоятельство: Бродский обладает огромным талантом. Творческой судьбой Бродского, его воспитанием обязан заняться Союз [писателей]. Думается, что суд должен вынести именно такое решение.**

Но, несмотря на все старания, Бродского арестовали и судили.

После возвращения Бродского из ссылки родители поэта обратились к Шостаковичу, так как теперь Бродского не прописывали обратно в его ленинградской квартире.

И. Бродский вспоминал потом о своей встрече с Шостаковичем, музыка которого не была ему близка: «Единственный раз, когда мы с ним виделись, был в 1965 году, кажется, в ноябре; я только что освободился. Я был у него в больничке в Ленинграде, где-то на Песках. Каков был Дмитрий Дмитриевич? Он метался в кроватке, чрезвычайно похож был на беспокойного младенца в клетке, коробочке... как это? — колыбели? Очень нервный, с невероятно стремительными реакциями, но более-менее нормальный... О чем шел разговор? Скорее, это касалось его состояния, моих обстоятельств, но, в общем, и сама беседа, и все

„общение» было чрезвычайно поверхностно. Казалось, его смущал наш разговор; а с моей стороны это был скорее знак некоего внимания, признательности».

М. Ростропович рассказал мне о случае, произошедшем в Ленинграде, когда он вместе с Шостаковичем поехал однажды на Московский вокзал. Они вышли через зал ожидания, разговаривая о чем-то веселом, и вдруг увидели нескольких человек, которые устраивались на ночлег прямо на холодном полу в углу зала: «И я увидел мгновенно изменившееся лицо Шостаковича, почувствовал, как ему буквально стало холодно, — мне стало стыдно, что я далеко не такой хороший человек, как он».

Из письма двадцатилетнего Шостаковича:

Для меня всякое хождение по городу сплошная мука. И всюду вопль: денег, работы, хлеба!

Я мечтаю о некотором отдыхе, хотя чувствую, что при наличии на земле страдания я не смогу отдохнуть... *(10 января 1926 г.)*

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*
Композитору Шостаковичу Д.Д.
От жены погибшего военнослужащего
Кравцовой Татьяны Константиновны
Я осмелюсь обратиться к Вам с просьбой.

Я Вас очень прошу помочь моему сыну и поддержать мое ходатайство о помиловании сына. Мне 76 лет. У меня в живых остался один только сын. Мой муж, отец моего сына, погиб на фронте в 1943 году. Все мои родные также погибли.

Мой сын осужден без всякой вины, но добиться истины мне очень трудно, так как я почти слепая и очень болею.

Мой сын до ареста был талантливым журналистом, артистом и режиссером. Он имеет много изданных пьес и трудов. Даже, находясь в местах лишения свободы, он написал целую книгу о советской интеллигенции, в виде рассказов, очерков и повестей.

Я очень прошу помочь нам.

Поверьте, своим талантом он сможет принести большую пользу нашей Родине.

О Вашей отзывчивости и человечности мне очень много говорили. Помогите нам!

Т. Кравцова.

Мать осужденного не пишет о причине его ареста и статье, по которой тот осужден. Это могло быть и распространение книг самиздата, в которых печатали запрещенных тогда поэтов и писателей, и участие в митинге, и критика власти.

Недавно был осужден Л. Пастернак, арестован и выслан И. Бродский, приговорены к длительным срокам заключения писатели Даниэль и Синявский.

Тогда ходил такой анекдот о телефонном разговоре приятелей, читающих книги самиздата:

— Ты уже съел пирог, который тебе вчера дала моя жена?

— Съел.

— А жена твоя съела?

— Да.

— Ну тогда передай его Коле — он тоже хочет попробовать.

После хрущевской «оттепели» вновь усилилась цензура и был взят курс на ресталинизацию — кровавые деяния вождя все чаще оправдывались, а его имя возвеличивалось. Против этого выступил ряд общественных деятелей, в том числе и Шостакович.

Было направлено письмо Брежневу и обращение к депутатам Верховного Совета по поводу введения в Уголовный кодекс статьи 190 (наказание лагерем до 3 лет за «клевету на советский общественный и государственный строй» и за «организицию групповых действий, нарушающих работу общественного транспорта»). Кроме Шостаковича, письмо и обращение подписали 13 академиков (в том числе А. Сахаров), знаменитые режиссеры, артисты, художники, писатели. Все они считали, что реставрация сталинизма внесет разлад в общество, в сознание людей.

Однако их обращения не были услышаны.

«Мы живем, под собою не чуя страны, / Наши речи за десять шагов не слышны», — как написал О. Мандельштам.

В 1968 году возрос порог секретности многих видов информации, началось глушение западных радиостанций, преследование инакомыслящих, была ужесточена цензура.

В стране вновь утвердилось двоемыслие, неизбежное в официальной советской жизни, где коммунистическая идеология подменяла человеческую мораль.

Общество, вскормленное новыми мифами, утрачивало реальное представление о прошлом и настоящем.

История в который раз переписывалась заново.

В ту пору все жили двойной жизнью — эта раздвоенность, двоемыслие ощущались во всем. У людей была одна сторона — какими они должны казаться окружающим, аплодируя, вставая как один, голосуя — в кадрах хроники — масса, толпа, коллективы, заполняющие залы. По команде они поднимали и опускали руки, безудержно хлопали, опасливо поглядывая по сторонам, чтобы не кончить хлопать первым. И вновь, через столетие, ожили гоголевские персонажи, «которые имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, а просто ни то, ни се», чьи «чувства не отражались в чертах лица», «с вида очень похожи между собою — трудны для портрета». И «призрак пустоты виделся во всем», всюду «тупоумие, бессильная, дряхлая бездарность»; всюду — «рука, принадлежавшая грубо сделанному автомату», «сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка».

Но когда никто не видит, от официальной отделялась тайная, невидимая миру жизнь, которая и была настоящей. Двойственность жизни, поступков, мыслей, слов, поведения стала в стране нормой существования.

Одна старая знакомая Шостаковича, встретившая его, писала: «И вот, через столько лет... Для меня он мало изменился, запавший его рот с вьющимися уголками, и все его упрямое лицо, тронутое вечной пыткой двойственности».

Пытка двойственности — то, что, на мой взгляд, определяет жизнь нескольких поколений советских людей, жизнь каждого. Жизнь Шостаковича.

[◄ *...«Внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его». (Пр. Мал. 3;16)*

«Я есть путь и истина и Жизнь». (Ев. Иоа. 14;6)

«Неправедный пусть еще делает неправде; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святый да освящается еще» (Отк. 22;11)

8-го сентября, ночью, меня арестовали на квартире... К 12-ти часам меня доставили в суд. Меня совершенно лишили всех процессуальных прав, предусмотренных Законом, даже не ознакомили с материалами дела и не известили о суде... Требовали ответа на вопросы и совершенно не разрешали объяснять по ним...

На вопрос председателя суда Лелюки «понятно» я спросил о процессуальных нормах, «вы хотите, но мы вам не разрешим использовать суд как трибуну для баптиста, — сказал судья, — зайдите ко мне в каби-

нет». Здесь судья, кроме другого, говорил: «Закон вас сомнет, раздавит, уничтожит... Я органически ненавижу сектантов... Я вас презираю... Вы мой враг... Вы знаете, что вы растите потенциальных врагов Сов. Гос.... Вот это я тот человек, который вас и заставит и покажет... во мне вы не найдете своих». Потом меня отпустили.

23-го сентября три работника милиции — нач. УР РОМ и два зам. нач. Урдвух РОМ произвели 3-часовой обыск в квартире и подсобном помещении у меня.

Кроме другого изъяли: два фотоаппарата, письмо «всем старшим пресвитерам ВСЕХЪ» на 4-х листах, фотокарточка «Мы проповедуем Христа распятого», список евангельских песен. Особенно перерыли в письменном столе, все мои записи.

6-го октября, рано утром, в седьмом часу, меня опять арестовали на квартире. к 10-ти часам меня доставили в суд, потом суд переносили на 13 час., с 13 на 15 час., с 15 на 17 час. В 17 час. сказали — сегодня будет суд.

Судья Скрипник (8-го сентября был судья Лемок) спросил у меня: «Есть ли у Вас отводы состава суда?» Я сказал, что нет, но мне хотелось бы, чтобы суд был, в соответствии с нашей Конституцией, открытым, чтобы мне дана была возможность защищаться, а также иметь адвоката. Судья, улыбаясь, сказал: «Это не открытый суд (видимо, и его смешило это — так грубо были нарушены все процессуальные нормы, меня даже не ознакомили с материалами дела и не сообщили о суде), а защитники в таких делах не полагаются».

И опять вопросы: «Почему вы не работаете?», «будете ли работать?», «на какие средства вы существуете?» Я рад был ответить на задаваемые вопросы. Мне хотелось подробнее рассказать суду, как сделали невозможным работать мне, как я добиваюсь, чтобы можно было работать, как существую на средства, что есть у меня. Но судья и задавал вопросы, он же не давал отвечать на них. Он говорил: «Скажите в двух словах», «это нам не надо», «двенадцать лет вас не исправили, а вы хотите, чтобы мы исправили», «вы больной», «вы болели», «нет, вы больной или притворяетесь, что больной».

После опроса свидетелей Германа, а затем и Лещиника (оба коммунисты), я сказал, что они неправильно свидетельствуют (как и в фальшивой выписке из протокола, составленной в милиции) об общем собрании жильцов дома и протоколе общего собрания, и передал Документ об этом суду, подписанный присутствующими на собрании, жильцами дома (40 подписей).

Вот, кратко из этого документа:

Вначале следует текст выписки из протокола, составленный в милицию, и что эта выписка является неправильной, фиктивной, фальшивой.

А ниже сказано следующее: «В своем выступлении, а также в зачитанных жалобах Бордовский рассказал собранию, как его незаконно увольняли с работы, как сделали подделку документов, как опорочили его трудовую честь и доброе имя, просил собрание строго судить, но по правде. Он говорил, что на протяжении всего этого времени он добивался, чтобы работать, но для этого надо, чтобы исправили сделанные беззакония, надо восстановить трудовую честь и доброе имя — этого требуют и совесть и закон. Все присутствующие на собрании единодушно поддержали Бордовского и выразили мнение, что беззакония должны быть устранены и исправлены, и только единственный Лещинин сказал, чтобы Бордовский устроился на работу и добивался своего».

После судья объявил, что суд удаляется для выяснения решения. Я просил суд, чтобы мне разрешили последнее слово. Не разрешили. Суд присудил мне пять лет ссылки и принудительных работ. Меня взяли в милицию, а потом в КПЗ.

12-го октября меня привезли в Братский РОМ, взяли подписку о невыезде и принудительной работе и посадили в КПЗ.

22 октября меня привезли в с. Ульяновка. Измученного, голодного и холодного, здесь оставили меня. Потом повседневные различные работы — лопатой, ломом, гаечными ключами и т.п.

Вспоминаю, как девятнадцать лет тому назад мне говорили: «Он такой смелый, потому что нач. цеха, а вот когда дадут ему лопату — изменится».

Муками принуждают к неправде.

12 страшных лет битвы с беззаконием, неправдой и злом.

Но я люблю свою Родину — слишком дорого обошлась она мне. Скажу только: Это письмо я пишу в эти дни — теперь в пятидесятый, юбилейный год, в дни 30-летия Конституции, в день прав человека.

Помыслите.

Гонения и преследования за религиозные убеждения, незаконное увольнение с работы, подделка документов, решения и постановления на основании поддельных документов, многоразличные пытки и издевательства, лицемерие, клевета, ложь, тайный и закрытый суд, и ссылка. И опять неправедный, фальшивый суд и ссылка. Трудно представить себе более вопиющее беззаконие. И что еще чудовищнее. Преступники сделали много преступлений — и еще насилие, принуждая

меня поступать против закона, против совести. Когда я говорю, что это невозможно, неправильно, не по закону, не по совести. Мне говорят — закон вас сомнет, раздавит, уничтожит. И мнут, раздавливают, уничтожают, и не только меня. А семья? Какое беззаконие, какая неправда, какое зло, какая жестокость, какая бесчеловечность, какое безрассудство, какой позор.

И мне пишут одним словом и даже авансом «обосновано» «правильно» «доказано» «не установлено» и т.п.

«Как Вам уже сообщалось, перепроверить... не представляется... из архива изъято и уничтожено...»

Это невозможно. Все документы, начиная от первого дня и до последнего, есть.

Опубликуйте мое письмо. Если я не прав, покажите, в чем я не прав. Помогите, чтоб восторжествовала истина — все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть.

Я хочу добра и пользы для всех. Примите наилучшие пожелания. Ответьте мне.

М. Бордовский.

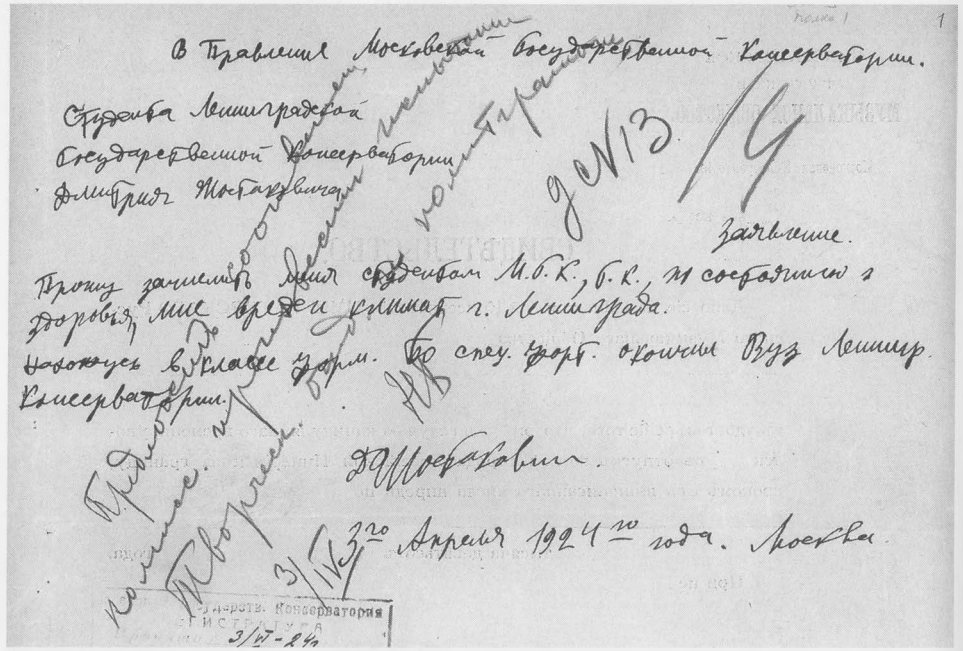
Был ли Д. Шостакович верующим человеком?

В своем «Жизнеописании» он упоминает о дяде: **Покойный дядя (умер 14-ти лет) имел громадные способности к живописи, и по мнению тогдашних авторитетов, из него мог бы выйти, если б не смерть, большой художник. Был страшно религиозен и умер, бредя о Христе и разговаривая как бы с ним.**

Семнадцатилетний Шостакович пишет матери из Москвы: **Вообще здесь в Москве очень хорошо. Вчера я был в храме Христа Спасителя и молился за вас. Подожди, мамочка, скоро я вернусь, буду давать концерты и буду зарабатывать деньги и тогда во как заживем. Только бы здоровья.** *(22 сентября 1923 г.)*

Из письма двадцатилетнего Шостаковича: **...Чувствую себя прекрасно, если бы не та черная нить (о которой я Вам говорил), проходящая через все мое существованье. Но если муза меня будет почаще посещать, то это еще не так будет плохо. Если бы Вы знали, до какой степени я себя скверно чувствую во времена отсутствия моей Музы. Об этой черной нити у меня будет разговор с Богом (если таковой есть) после моей смерти. Если я буду физичен и он тоже (простите за игорьглебовский слог), то я ему плюну в бороду!** *(1926 г.)*

Митя Шостакович. 1914 год



В Правление Московской Государственной Консерватории.

Студента Ленинградской Государственной Консерватории Дмитрия Шостаковича

Заявление.

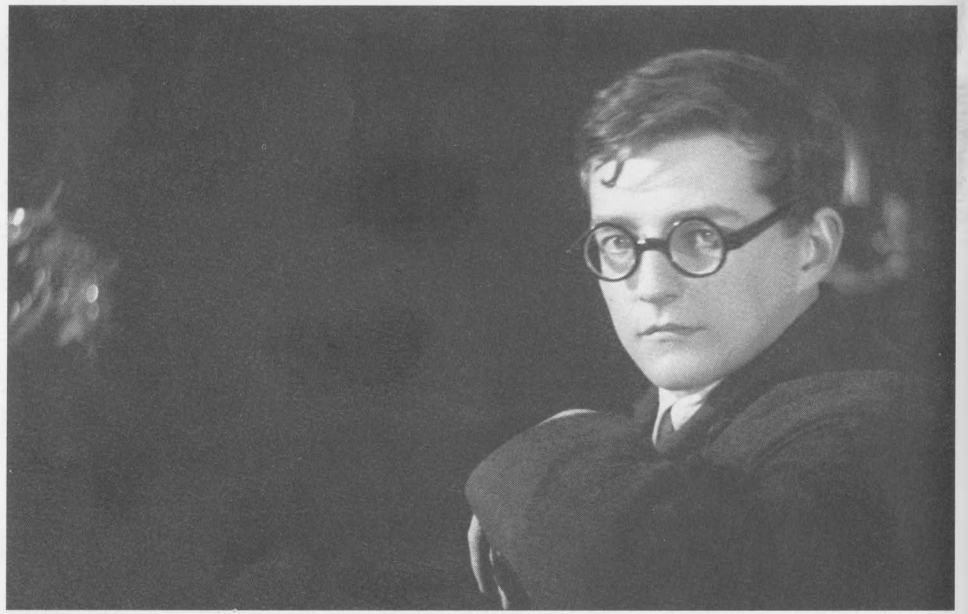
Прошу зачислить меня студентом М.Б.К., б.к., по состоянию здоровья, мне вреден климат г. Ленинграда.

Находясь в классе форм. по спец. форт. окончил Вуз Ленингр. Консерватории.

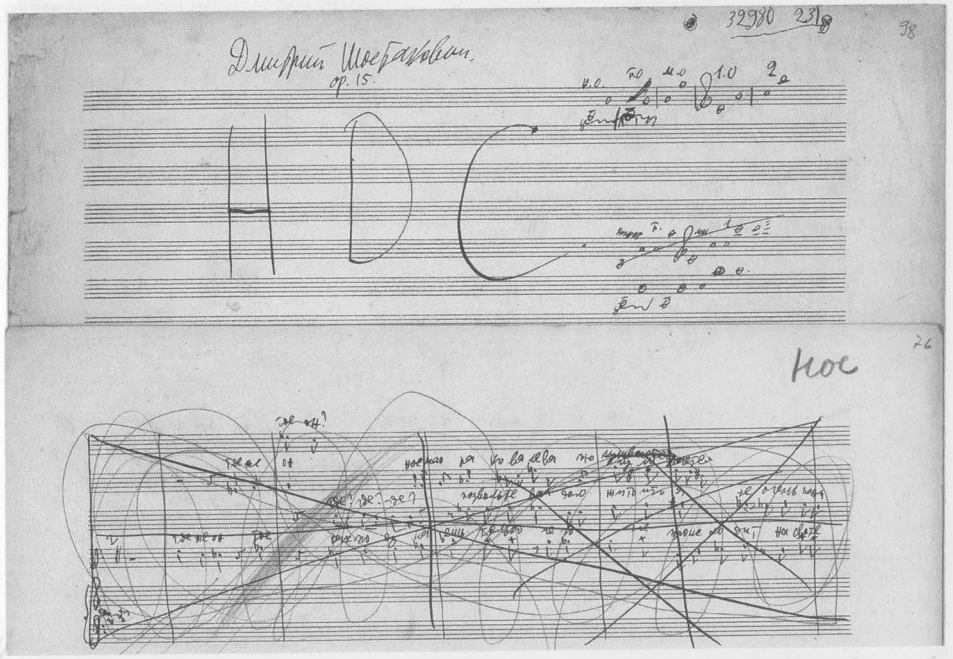
Д. Шостакович.

3го Апреля 1924го года. Москва.

Заявление Д. Шостаковича о приеме в Московскую консерваторию. 1924 год.
Этот переход не состоялся по настоянию матери



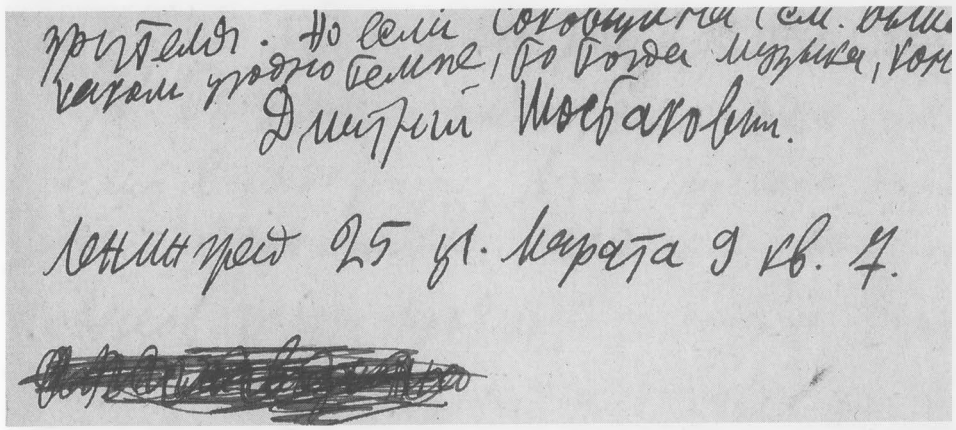
После окончания консерватории передо мной встала проблема: кем быть — пианистом или композитором? Побороло второе. Фото 20-х годов



Титульный лист и фрагмент оперы Д. Шостаковича «Нос», которую он сочинял, проживая на квартире В. Мейерхольда и работая в его театре музыкальным оформителем

С В. Мейерхольдом в его квартире. 1936 год.
Снимок сделан К. Есениным, приемным сыном Мейерхольда

Есть разные способы писать музыку. У некоторых рождается мелодия, какие-то ходы, а потом они оркеструют. У меня же вся музыка рождается оркестрованной. Я слышу ее так. А потом я сажусь и пишу. Обычно — очень быстро

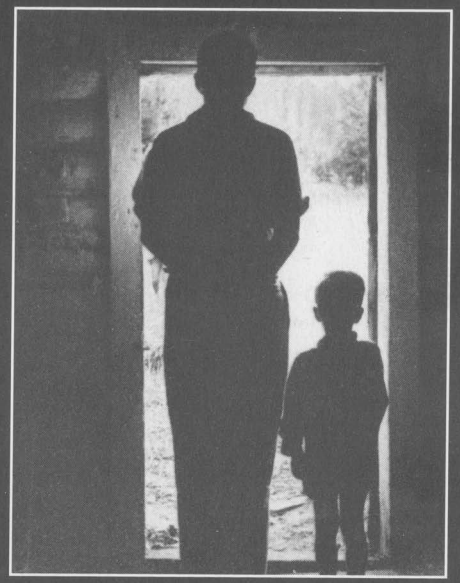

Дмитрий Шостакович.

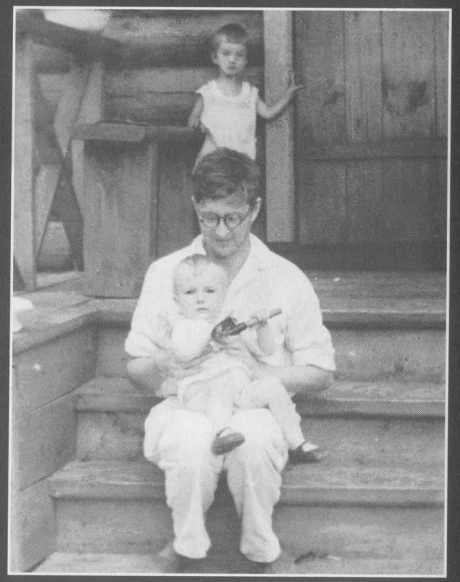
Ленинград 25 ул. Маната 9 кв. 7.

Фрагмент письма Д. Шостаковича с его ленинградским адресом

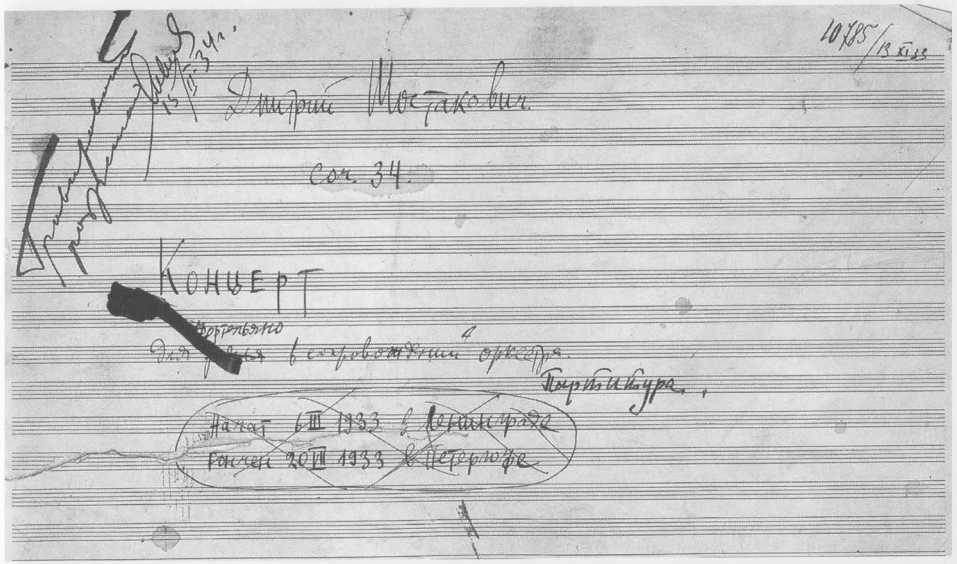
У меня связаны с моей педагогической работой самые хорошие воспоминания.
Д. Шостакович со своими учениками во время прослушивания нового сочинения

...Хочется мне в Комарово. Очень многое связано в моей затянувшейся жизни с этим местом... Дача в Комарове под Ленинградом — здесь были написаны Десятая и Одиннадцатая симфонии, сюда к Шостаковичу приезжал Е. Мравинский, здесь его навещала А. Ахматова



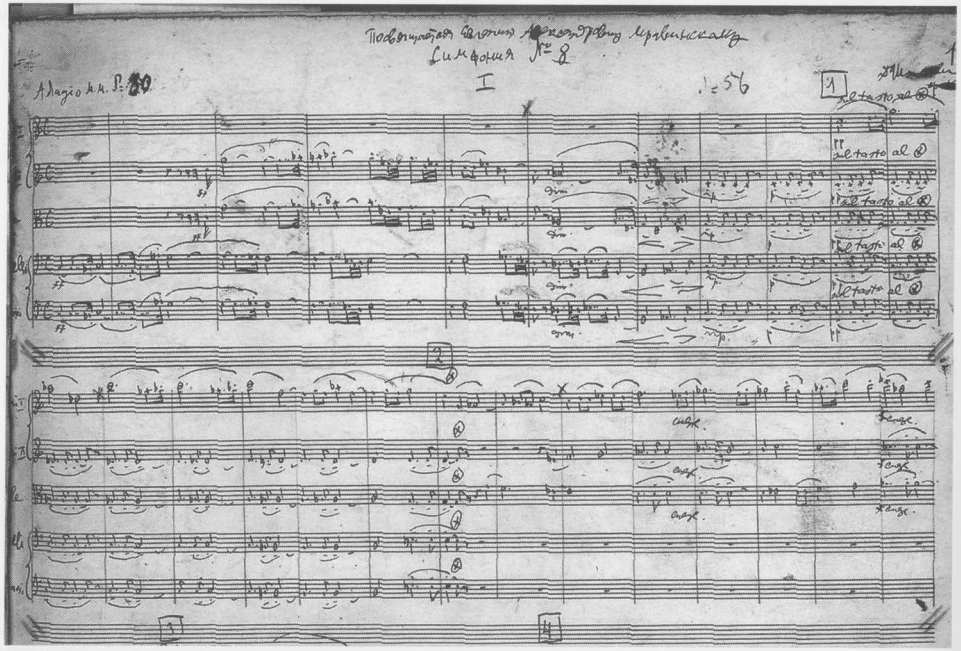


Фотографии из семейного альбома, сделанные первой женой Д. Шостаковича Ниной Васильевной. *Слева*: с сыном Максимом в Иванове. *Справа*: на даче в Комарове

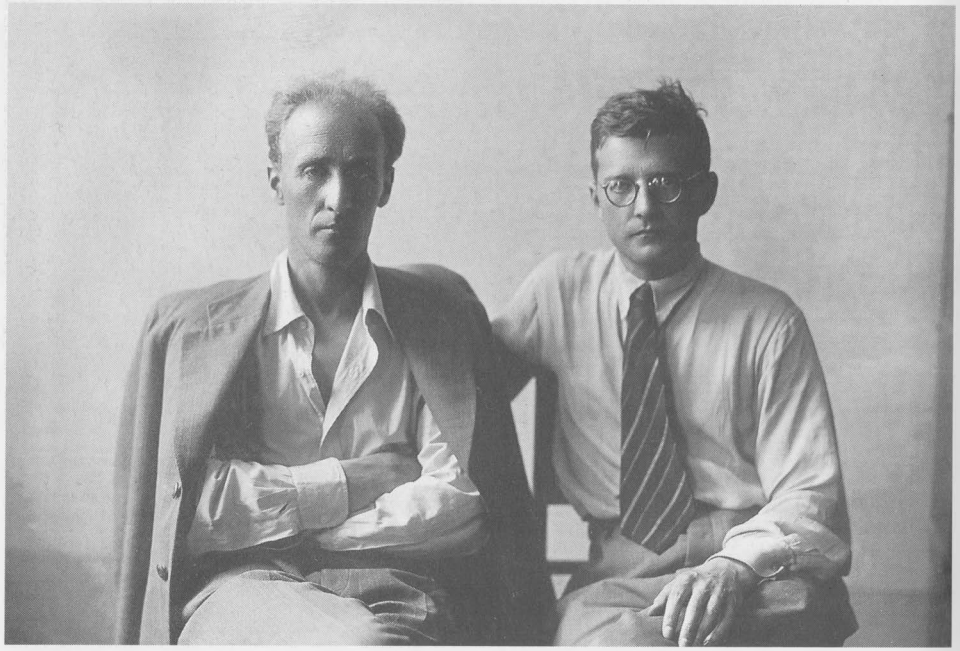


Автограф титульного листа Первого фортепианного концерта Д. Шостаковича (ор. 34), с которым он часто выступал в концертах

Д. Шостакович с оркестром исполняет вальс из музыки к кинофильму «Златые горы» — одна из немногих съемок композитора за роялем. 1940 год

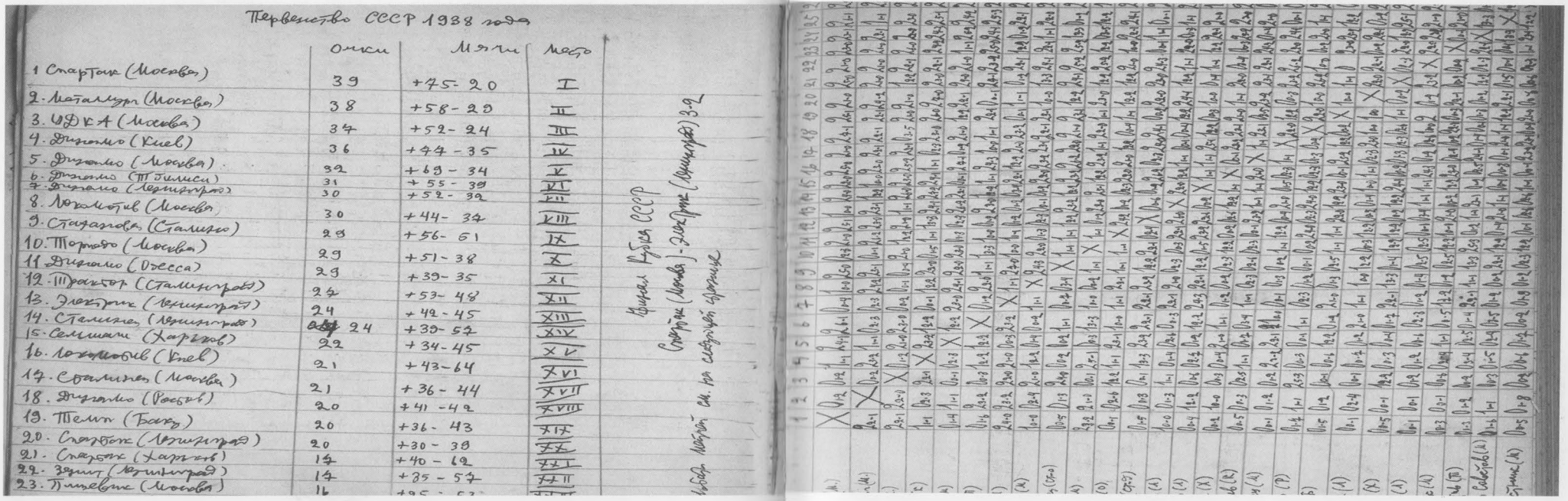


Автограф титульного листа партитуры Восьмой симфонии Д. Шостаковича (ор. 65), посвященной Е. Мравинскому



Мне всегда очень везло в отношении исполнителей моих произведений.
Д. Шостакович и Е. Мравинский во время работы над Седьмой симфонией в Новосибирске. Июль 1942 года

Д. Шостакович во время репетиций Седьмой симфонии в Новосибирске. 1942 год



Первенство СССР 1938 года

	Очки	Мячи	Место
1. Спартак (Москва)	39	+75-20	I
2. Металлург (Москва)	38	+58-29	II
3. ЦДКА (Москва)	34	+52-24	III
4. Динамо (Киев)	36	+47-35	IV
5. Динамо (Москва)	32	+69-34	V
6. Динамо (Тбилиси)	31	+55-39	VI
7. Динамо (Ленинград)	30	+52-32	VII
8. Локомотив (Москва)	30	+44-34	VIII
9. Стахановец (Сталино)	29	+56-61	IX
10. Торпедо (Москва)	29	+51-38	X
11. Динамо (Одесса)	29	+39-35	XI
12. Трактор (Сталинград)	24	+53-48	XII
13. Электрик (Ленинград)	24	+42-45	XIII
14. Сталинец (Ленинград)	24	+39-57	XIV
15. Селмашстрой (Харьков)	22	+34-45	XV
16. Локомотив (Киев)	21	+43-64	XVI
17. Спартак (Москва)	21	+36-44	XVII
18. Динамо (Ростов)	20	+41-42	XVIII
19. Темп (Баку)	20	+36-43	XIX
20. Спартак (Ленинград)	20	+30-38	XX
21. Спартак (Харьков)	14	+40-62	XXI
22. Зенит (Ленинград)	14	+35-57	XXII
23. Пищевик (Москва)	16	+25-53	XXIII

Первый Кубок СССР
Спартак (Москва) - Электрик (Ленинград) 3:0
Набор игроков см. на следующей странице

Должен сказать, что немногие свободные минуты я уделяю спорту в качестве страстного футболиста-любителя. Я нежно полюбил это поучительное зрелище…
Футбольные таблицы, написанные рукой Д. Шостаковича

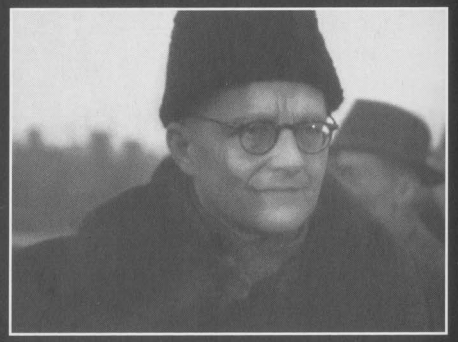
Рабочие у проходной завода читают список тех, кто пойдет сегодня в Большой театр для обсуждения спектаклей. Такие обсуждения сопровождали все премьеры сочинений Шостаковича

Д. Шостакович на трибуне стадиона среди футбольных болельщиков. Фото 40-х годов

Д. Шостакович у портрета генералиссимуса. 1944 год

На Первом съезде советских композиторов. 1948 год

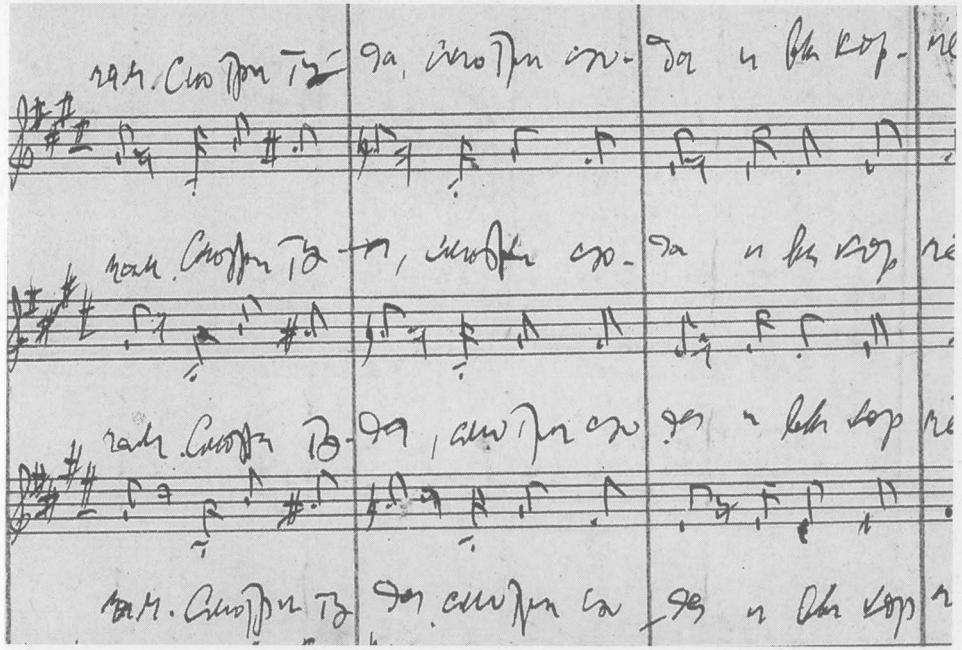
После обвинений в формализме



На аэродроме во время встречи делегации сторонников мира

Шостакович

У меня привычный письменный стол — с ленинградских времен



«Смотри туда, смотри сюда и выкорчевывай врага!»
Фрагмент автографа «Формалистического райка» Д. Шостаковича на собственные слова

С. Прокофьев, Д. Шостакович и А. Хачатурян — советские классики, обвиненные в формализме и антинародности. 1948 год

Д. Шостакович в США среди членов советской делегации

Композиторы, среди которых Д. Шостакович, подписывают приветственное письмо Сталину по случаю его юбилея

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ

Бл. № 803

Принял:

ПЕРЕДАЧА

№ связи

Передал:

DIMITRI SCIOSTAKOVITC
GOZKONZERT MOSCOU=

RMS53 LFU39 FIRENZE
1625 ДОСТАВИТЬ УЛИ
8/10=
IL NASO NA OTTENUTO
STOP CRITICA ITALI
DESOLATI CHE LEI NO
SUA OPERA MA FELIC
AMMIRAZIONE EDUARD

Mi è gradita l'occasione per augurarLe ottima salute e sempre fervida e efficace attività creatrice. Lei da un contributo enorme alle affrattellamento dei popoli e alla conoscenza delle loro sensibilità.

Cordialmente

Фрагменты телеграммы и письма Д. Шостаковичу от зарубежных коллег — Эдуардо де Филиппо и Пьетро Ардженто

Выступление Д. Шостаковича на Международной конференции сторонников мира

В зале во время одного из заседаний Международной конференции сторонников мира

Галина Дмитриевна, дочь: «Он не был верующий, он был атеист, не знаю, эти вопросы не вставали. На эту тему разговоров не было, хотя бы с точки зрения воспитания, никогда. Он цитировал иногда Библию, просто как культурный человек. Вот это картина, нужно знать, нужно знать, кто такой Понтий Пилат, надо знать это. Он не был религиозен. Мравинский был религиозен, а он нет, как-то однажды даже говорил, что он этого не разделяет, что каждый волен вести себя так, как хочет, но, что это, в какой-то степени, кликушество». *(Из интервью автору)*

Максим Шостакович, сын композитора: «Он в церковь не ходил, но всегда принимал участие в таких праздниках, как Пасха. Потом мы ходили на Крестный ход, возвращались, разговлялись дома. Если яйца красили, пасху делали, он всегда принимал в этом участие. Я ему привез как-то распятие из Лондона — оно стояло у него на тумбочке рядом с кроватью.

Я очень много религиозного в его музыке нахожу — все больше и больше. Да и как можно не следовать тому, что написано в Евангелии? Как можно не принимать?

Конечно, это великое счастье, что я сын его, кровь одна — это много дает. В Евангелии написано — никто не знает сына лучше, чем отец, и никто не знает отца лучше, чем сын. Я надеюсь, что это так. Пусть на меня не обижаются.

Наверное, талант его от Бога — все от Бога. Сын Божий. Борьба с темным, со злом, которую он всегда внутренне ощущал, — и внутренний драматизм, этим рожденный. Не знаю. Бесы одолевают. Он знал эту сторону жизни, связанную с той внутренней борьбой, когда бесы одолевают. Каждый человек это знает, рано или поздно.

Во всех его сочинениях присутствует борьба темного и светлого, добра и зла. Во всех сочинениях он защищает человека, защищает добро. Но для того, чтобы защищать добро, нужно знать зло. Да, нужно знать зло, чувствовать. Кто как не он это чувствовал — столько переживший». *(Из интервью автору)*

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

К вам обращается рядовая колхозница из д. Елховки, Семеновского района Горьковской области, Колобянина Капиталина Ивановна.

Знаю, что вы заняты большой государственной работой и тем не менее прошу обратить внимание на мое письмо, простой колхозницы-доярки из далекой от Вас деревни.

Дело в том, что мой брат Колобянин Никан Иванович с 28 июня 1960 года находится в заключении, который обвинялся по ст. 19-136 ч. 1, п. А, В. УК РСФСР.

Родился он в 1933 г. в д. Елховка где проживаю сейчас и я. Срок наказания ему вынесли 10 лет лишения свободы.

Вина моего брата состоит в следующем:

14 апреля 1960 года он вместе с другими товарищами после окончания строительства дома у тети — гражданки Колобяниной Анны Павловны, собрались в ее квартире по ее приглашению, чтобы отметить окончание постройки дома. Там же присутствовал ее сын Колобянин Иван Федорович, который в этот же день сильно избил свою мать Колобянину Анну Павловну, что допускалось с его стороны и ранее. Когда все стали расходиться домой, мой брат Колобянин Никан Иванович, оставшись последним, спросил Колобянина Ивана, почему он часто бьет свою мать и за что избил сегодня, т.е. 14 апреля. В ответ на это Колобянин Иван Фед. ударил моего брата Никана железным чайником по голове два раза и проломил голову. Оба они были в пьяном состоянии. После этого мой брат, будучи физически оскорбленным и обиженным, убежал домой, взял охотничье ружье, подошел к дому Колобянина Ивана Федоровича и выстрелил в окно. Пуля случайно попала в голову тетки Колобяниной Анны Павловны и смертельно ранила ее.

И вот уже в течении 6 с лишним лет брат честно и добросовестно искупает свою вину, отбывает наказание в ИТК-5 по адресу г. Горький, 28, п/я.УЗ-62/5.

Я со своим братом прожила всю его сознательную жизнь до начала его заключения. Семья была большая 7 человек. Мать все время болела, а в 1947 г. умерла. Старших было брат Никан и я. Он окончил курсы комбайнеров и в течении нескольких лет работал комбайнером. За отличную работу неоднократно премировался дирекцией МТС, был первым среди всех комбайнеров МТС. Будучи в тяжелом материальном положении образования не получил и окончил только 4 класса. После того как совершил преступление мой брат, отец тяжело заболел, потеря сына, которого он так любил, сразу сказалась на его здоровье, и вскоре после его ареста — умер тяжелой болезнью.

Теперь я живу одна. Можете представить, как тяжело все это.

Сейчас весь народ встречает годовщину великого Октября, все радостны и довольны, а что я? Я потеряла мать, потеряла отца, потеряла брата, по существу, при защите тетки от этого негодяя (ее сына). Я живу одними мыслями о брате, который так много бы помог в дальнейшей моей жизни.

Обращаясь к вам с настоящим письмом, я убедительно прошу Вас освободить его из заключения, уменьшив ему меру наказания. Про-

щу поверить мне, что он не какой-то преступник, который неисправим. Я понимаю, что он совершил преступление, но прошу учесть при каких обстоятельствах, ведь он хотел защитить свою тетку, которая воспитала его вместо матери, но получилось наоборот. Прошу учесть, что он никогда не судился, не имел никаких нарушений или замечаний, всегда и везде был в числе передовых и думаю, что он и в дальнейшем, будучи на свободе, может больше принести пользы нашей Родине.

Еще раз обращаюсь к Вам, помогите в нашем горе. Вы и только Вы можете спасти жизнь мою и моего брата. К Вам обращаюсь я как к отцу! Помогите!

С искренним уважением к Вам Колобянина.

В августе 1968 года Шостакович в Репино, откуда едет на могилу Зощенко в десятую годовщину смерти писателя.

Вскоре после смерти Сталина умер Зощенко — еще одна жертва тирана. У него был постоянный страх, что его отравят. После постановления 1946 года он пытался писать, пытался пристроить написанное, большей частью безуспешно — рукописи не принимали.

Перед смертью он признался, что его «застращали»: «А писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации».

На собрании Ленинградской писательской организации, куда Зощенко обратился с заявлением с просьбой восстановить его в Союзе писателей, он сказал: «У меня нет ничего в дальнейшем. Ничего. Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения, ни вашей брани и криков. Я больше чем устал. Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую я имею».

Это выступление стало последним. Скоро он умер. Хоронили его, как потом и Ахматову, в спешке, без лишней огласки. Шостакович был на похоронах своего любимого писателя, непримеримого к подлости, лжи, лицемерию и хамству. Посетив через десять лет его могилу, он сказал: «Хорошо, что он пережил своих палачей».

Когда сочинения писателя перестали издаваться, Шостакович просил знакомых: «Все отдам за шеститомник Зощенко. Не знаете, где его можно достать?»

О Шостаковиче Зощенко говорил, что его мнение ему всегда дороже, чем мнение профессионального критика.

М. Зощенко о Д. Шостаковиче: «В нем — огромные противоречия. В нем одно зачеркивает другое. Казалось, что он — хрупкий, ломкий, уходящий в себя, бесконечно непосредственный и чистый

ребенок. Плюс к тому — жесткий, едкий, чрезвычайно умный, пожалуй, сильный, деспотичный и не совсем добрый. Это — конфликт в высшей степени. Это мудрый человек, и конечно, очень чистый».

Манера, с которой Шостакович описывает некоторые события, очень напоминает Зощенко: **Приехал я в Одессу в день всенародного праздника 40-летия Советской Украины. Сегодня утром я вышел на улицу. Ты, конечно, сам понимаешь, что усидеть дома в такой день нельзя. Несмотря на пасмурную туманную погоду, вся Одесса вышла на улицу. Всюду портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также т. т. А.И. Беляева, Л.И. Брежнева, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Н.Г. Игнатова, А.И. Кириленко, Ф.Р. Козлова, О.В. Куусинена, А.И. Микояна, Н.А. Мухитдинова, М.А. Суслова, Е.А. Фурцевой, Н.С. Хрущева, Н.М. Шверника, А.А. Аристова, П.А. Поспелова, Я.Э. Калнберзина, А.П. Кириченко, А.Н. Косыгина, К.Т. Мазурова, В.П. Мжаванадзе, М.Г. Первухина, Н.Т. Кальченко. Всюду флаги, призывы, транспаранты. Кругом радостные, сияющие русские, украинские, еврейские лица. То тут, то там слышатся приветственные возгласы в честь великого знамени Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а также в честь т.т. А.И. Беляева, Л.И. Брежнева, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Н.Г. Игнатова, А.И. Кириченко, Ф.Р. Козлова, О.В. Куусинена, А.И. Микояна, Н.А. Мухитдинова, М.А. Суслова, Е.А. Фурцевой, Н.С. Хрущева, Н.М. Шверника, А.А. Аристова, П.А. Поспелова, Я.Э. Калнберзина, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгина, К.Т. Мазурова, В.П. Мжаванадзе, М.Г. Первухина, Н.Т. Кальченко, Д.С. Коротченко. Всюду слышна русская, украинская речь. Порой слышится зарубежная речь представителей прогрессивного человечества, приехавших в Одессу поздравить одесситов с великим праздником. Погулял я и, не в силах сдержать свою радость, вернулся в гостиницу и решил описать, как мог, всенародный праздник в Одессе.** *(Одесса, 29 декабря 1957 г.)*

✉ *7 августа 1968 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Заявление т. Калаганова А.П. об увеличении размера персональной пенсии рассмотрено на исполкоме областного Совета депутатов трудящихся.

Решением исполкома от 22 июля 1968 года размер пенсии Калаганову А.П. увеличен до 50 рублей в месяц.

Председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся И. Чугунов.

✉ *26 августа 1968 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Я врач-терапевт, работаю в Сявской участковой больнице Горьковской области пятый год. У меня есть муж — зубной техник и сын, 4-летний малыш. В этом году у нас случилось большое несчастье: моего мужа Шахунский районный народный суд 11.04-68 г. осудил к 2-м годам лишения свободы по ст. 93 г. 2, а областной суд 17.05-68 г. приговор оставил в силе.

Свою вину он сам чистосердечно признал, глубоко раскаивается в совершенном, тяжко переживает, весь ущерб возместил добровольно и еще до суда и в большем размере. И по-моему, лучшего урока для него и не надо. Кроме того, все 12.000 населения нашего поселка просят вернуть специалиста, зубного техника чтобы сохранить у себя в поселке специалиста, зубного техника.

Я убедительно прошу Вас, Дмитрий Дмитриевич, помогите мне в борьбе за человека. Пускай доверят его мне, я Вас не подведу, и за него ручаюсь. Я ведь гораздо лучше его воспитаю, чем тюрьма. Кто знает, что из него будет, когда он отсидит 2 года в тюрьме. И человек пропадет. А сейчас, по сути дела, наказали не его, а меня. Я осталась одна с ребенком, привязанным только к отцу, на такой работе, где не знаю ни дня, ни ночи покоя.

Еще раз очень прошу Вас, если можете, помогите мне, пожалуйста.

С уважением к Вам и заранее благодарная Т.В. Борисова.

✉ *22 января 1969 г.*

Д.Д. Шостаковичу

В связи с ходатайством о помиловании Борисова М.Н. сообщаем, что он освобожден судом условно с направлением на работу в народное хозяйство.

Лицам, ходатайствовавшим о его помиловании, ответы сообщены.

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР Х. Нешков.

Среди писем, которые приходили к Шостаковичу, много писем знаменитостей — Леопольда Стоковского, Бенджамена Бриттена, Бени Гудмена, телеграмма Эдуардо де Филиппо, письма Юджина Орманди, Эдварда Радзинского, Витторио де Сики и Леонарда Бернстайна, Пьетро Ардженто, королевы Елизаветы — письмо, написанное ею по-русски, Дариуса Мийо, Пауля Дессау, Самюэля Барбера, Пабло Пикассо, Чарли Чаплина и многих других.

Привычка незамедлительно отвечать на все письма, осталась у Шостаковича на всю жизнь.

Письмо тогда хорошо, когда оно свежо — сейчас написано, через час отправлено, через день получено, — говорил еще в юности Шостакович.

Дочь Галина Дмитриевна рассказывала, что иногда в день Дмитрий Дмитриевич просил ее опустить по три–четыре письма — он считал, что на любое пришедшее письмо обязательно нужно ответить, хоть два слова. «Дмитрий Дмитриевич очень любил письма писать, хотя в то время редко кто так много писал — можно позвонить, рассказать, получить ответ — и все ясно, а он очень много писал. И он не только письма вежливости писал, писал довольно много откровенных писем друзьям, ученикам. Вообще он был неплохой писатель, даже хороший. Он получал от этого удовольствие, когда писал письма». *(Из интервью автору)*

Стеснительный и замкнутый в общении с людьми, в письмах он разговорчив и откровенен. Молчаливый и немногословный, он в письмах преображается в прекрасного рассказчика. Та самоирония, степень подробности, с которой он рассказывал о себе, позволяет предполагать, что он сам был в некотором роде тем персонажем, за которым наблюдал со стороны и которого описывал. Тем более что иногда он пишет о себе сразу то от первого, то от третьего лица.

Шостакович упоминал о своих попытках писать рассказы, но рукописи свои уничтожал, так как, по его признанию, не терпел дилетантства.

Так и не написав воспоминаний, Шостакович в письмах рассказал о себе.

Б. Яворский, Л. Оборин, И. Соллертинский, В. Шебалин сохранили письма, написанные Д Шостаковичем. Он же имел обыкновение уничтожать письма, которые получал, — так, к сожалению, не сохранились письма его адресатов.

Читая письма Шостаковича, мы слышим только его голос — голос человека, жаждавшего любви, понимания, участия, голос сомневающийся и самоуверенный, полный иронии, сарказма и сострадания, обуреваемый ревностью и страхами, одинокий и растворяющийся в хоре.

Никогда Шостакович не будет так непосредственен и открыт, как в письмах ранних лет. Жизнь научит его быть молчаливым и замкнутым, он узнает цену предательства и зависти и будет избегать разговоров о своем творчестве.

К сожалению, до нас не дошли письма Шостаковича к матери, которые она много лет хранила, — эти письма пережили блокаду, переезды, эвакуацию — мать понимала, что письма сына к ней могут многое рассказать об их авторе. Может быть, слишком много.

И первое, что сделал Шостакович, когда вошел в дом матери после ее смерти, это уничтожил все свои письма к ней.

Шостакович называл свою руку «умной» и даже письма не мог диктовать — должен был писать сам. В конце жизни, теряя подвижность руки, на совет диктовать он отвечал: «У меня ум в руке, я сам должен писать».

Ответив на письмо, личные послания уничтожал. Оставлял только касавшиеся дел общественных, депутатских, письма из учреждений, организаций и копии своих ходатайств — то, что могло потребоваться в будущем в качестве документов, свидетельств.

Именно так сохранилась его депутатская переписка.

Пишет секретарю: **Дорогая Зинаида Александровна! Спасибо за письмо, за хлопоты и заботы. Приходил ко мне избиратель Бекяшев и жаловался, что от нас не было ответа. Если у Вас сохранился ответ по его делу, пошлите заказным по его адресу.**

Ваш Д. Шостакович.

В Москве в Малом зале консерватории 14 сентября 1968 года Д. Шостакович присутствует на премьере Двенадцатого квартета, посвященного Д. Цыганову.

✉ *Дмитрий Дмитриевич.*

Я прошу извинения и сомневаюсь, писать ли такому человеку, как Вы. Я имею в виду, занятому более важными делами. Но просьба моя очень большая. И очень важная.

Вот уже 13 лет прошло, как я писал письмо в Министерство торговли с просьбой продать мне мотоцикл м-72 с коляской. Тогда ответ я получил такой: еще промышленность не обеспечивает полностью население такими мотоциклами, покупайте на общих основаниях. И вот добрый десяток годов я добиваюсь, узнаю, где же купить мотоцикл. Ничего не могу добиться, только можно в городе с рук. Да у городского населения в распоряжении транспортных средств всякое множество. И в продаже, по очереди, а у нас в районе я стою два года в очереди, она и не двигается. Спрашивается, как купить? И сколько без пользы можно стоять в очереди. А житель я сельской местности и немало поработал

в сельском хозяйстве. Вы моя последняя надежда. Я убедительно прошу Вас войти в ходатайство перед торгующей организацией о выделении мне мотоцикла «Урал-М-3». Очень прошу Вас как нашего депутата сделать исключение для жителя деревни. Мне он нужен не для каких-то корыстных целей. Я охотник, рыбак, любитель музыки и природы.

Добрым пожеланием к Вам Чирков А.В.

✉ *Добрый день! Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Не знаю, кто до меня ранее обращался к Вам ранее с подобной просьбой, но я решил обратиться в надежде, что Вы мне поможете. Дело в том, что я страстный любитель мотоциклов. Сейчас мне 52 года, работаю на Первомайском тормозном заводе на испытательной станции. Состою в КПСС с 1943 года, имею награды за участие в Великой Отечественной войне, с японскими империалистами, но войны остались позади. Сейчас и жизнь хороша, и жить хочется, а вот омрачается с приобретением мне мотоцикла, не для роскоши и развлечений, он мне просто необходим. В нашем райпотребсоюзе большая очередь, и моя очередь дойдет лет эдак через двадцать.

Разумеется, у Вас возникнет вопрос: а я-то тут при чем? Ведь на местах есть РК КПСС, исполком райсовета, ну и обратитесь туда, товарищ! Я не обращался никуда и ни к кому, знаю — не поймут и не пойдут навстречу, а вот к Вам почему-то решил обратиться. Надеюсь, что Вы мне поможете.

С уважением, Минов К.А.

Если бы авторы этих писем могли знать, что и сам Дмитрий Дмитриевич не смог купить мотоцикл сыну. То было время всеобщего дефицита. В продаже не было самого необходимого или было по очереди, в которую записывались, ждали годами и ходили отмечаться.

В одной записке Шостакович просит друга: **Отметившись, запиши номер очереди. Там две очереди имеются. Одна на «Победу», другая на «Москвич». Не спутай и отметься в очереди на «Победу».**

В другой раз жалуется в письме: **Магнитофон работает хорошо. Фонотека растет. Требуется для нее тара (картонные коробки). А найти их я нигде не могу.**

Вот как описывает секретарь Шостаковича З.А. Гаямова свой поход за мотоциклом, который Шостакович хотел подарить сыну: «Когда я была в Горторготделе по поводу получения вне очереди мотоцикла для Максима, который он хотел ему подарить к дню рождения, — для этого он написал письмо, и я поехала в Горторготдел. На это письмо на-

чальник Горторга Веров Иван Васильевич поставил резолюцию — отказать, сказав, что это не в его ведении и что разрешить может только Министр или зам. Министра. Тогда я, воспользовавшись этим свиданием, сказала ему, что очень жаль, что он не может разрешить получить без очереди мотоцикл. Но это все же не так насущно, как то, что такой человек, как Шостакович, известный всему миру, не может даже по спекулятивным ценам достать себе материи на пальто и костюм.

На это он мне ответил, что это он с удовольствием даст распоряжение в ателье ГУМА, и Д.Д. оденут с ног до головы. Я его поблагодарила и была счастлива невероятно. Я думала, что доставлю ему большую радость. Но когда я приехала и рассказала Д.Д. об этом, он никак не выразил своего отношения к этому событию. И только позже жена Свиридова говорила мне, что он был у них и с восторгом рассказывал, что заказал себе шикарное пальто. И так целый ряд вещей и маленьких и крупных проходят на вид незамеченными им, а на самом деле он все видит, замечает и оценивает».

Случались и казусы. В Новосибирске, куда Шостакович приехал по делам Союза композиторов, было холодно и голодно. Но местные композиторы принимали очень тепло, устраивали застолья с истинно сибирским размахом. Приезжие москвичи удивлялись, где можно было достать такие яства, когда в магазинах — шаром покати. Оказалось, что супруга одного местного композитора пошла в обком партии и пожаловалась, что нечем угощать высоких гостей из Москвы — сам Шостакович приезжает. И ей выдали разовый пропуск на обкомовскую продуктовую базу — бери что угодно, и цены дешевые.

Партийная номенклатура в советские времена жила и питалась совсем не так, как весь народ, — это было своего рода «государство в государстве», со своими спецбазами, спецмагазинами, спецпайками, спецбольницами, спецсанаториями. В этом «государстве» жили в просторных квартирах, не стояли в очередях и не знали слова «дефицит», равнодушно и высокомерно относясь к тем, кто жил за пределами этого номенклатурного царства. Семейство «ответственного работника» могло вообще не соприкасаться с жизнью простых людей — тех, о которых поется «человек проходит как хозяин...».

Уже в 20–е годы, когда вожди революции еще ходили в косоворотках и изображали пролетариев, они уже тогда жили как свергнутые ими аристократы и помещики — множество тому доказательств. Оправдывая свои привилегии, партийные идеологи подвели даже теоретическую базу под это социальное неравенство, вытекающее якобы из

принципа оплаты по труду — «в этом и заключается принцип социальной справедливости». И не видели в этом «ничего противоречащего ни принципам социализма, ни теории марксизма-ленинизма».

Как говорили, «правила для всех одинаковые, только исключения разные».

Советская пропаганда воспевала образ советского человека, безгранично преданного партии и ее ленинскому Центральному комитету, который самоотверженно, не покладая рук, трудится на благо своей страны, ничего не требуя взамен.

Ни в чем себе не отказывая, партийная номенклатура создавала ореол романтики вокруг «едущих за туманом...» и строящих «голубые города»...

Сергей Михалков в своей басне «Трудный хлеб» изобразил рядового советского гражданина, который, как ломовая лошадь, «привозит овес, а вывозит навоз», и «рысаков и чистокровных», которым «то, что положено по штату, то дано». Незадачливый коняга им завидует, не подозревая, как тяжело тем приходится во время заездов и скачек. Мораль басни: «Так гражданин иной судить берется / О тех, кто на виду и как кому живется». Его дело — привозить овес и увозить навоз. А «трудный хлеб» — это у тех...

В другой басне придворный баснописец выводит такую мораль: «На кузовах машин, везущих груз на станцию, / Я прочитал на днях совет — держать дистанцию».

Это была уже не дистанция, а пропасть. Живя как иностранцы в своей стране, советская номенклатура создавала миф о своей неразрывной связи с народом — «плоть от плоти и кровь от крови», о своей неустанной «заботе о счастье народа» — «все для блага народа!», о «социальной справедливости». На деле же эти люди принимали как должное свои привилегии, власть, возможность распоряжаться чужими судьбами, цинично сознавая, что часто их слова — притворство, а их деятельность — обман.

Шостаковичу было не под силу пробить эту стену, но он бил и бил...

✉ *21 июня 1968 г.*

Шостаковичу Д.Д.

Сообщаю, что жене Мадатова Г.Я. — Мадатовой Е.Н. установлена с 15 марта 1968 г. персональная пенсия республиканского значения в размере 50 рублей в месяц пожизненно. Пенсионная книжка будет выслана Министерством социального обеспечения РСФСР.

Ответственный секретарь Комиссии Н.Зимин.

17 сентября 1968 г.
Председателю Ленгорисполкома
А.А. Сизову
Многоуважаемый Александр Александрович!

В театре оперы и балета им. Кирова работает хормейстером Леонид Митрофанович Тепляков, проживающий с семьей в 3 человека на площади в 13 кв.м. По роду своей творческой деятельности ему необходимо ежедневно заниматься дома на рояле, но он лишен этой возможности, т.к. в граничащей с ним комнате живет тяжелобольной человек, а дома годовалый ребенок. Л.М.Тепляков очень способный одаренный музыкант, и я убедительно прошу Вас помочь ему в улучшении его жилищно-бытовых условий вне очереди.

Д. Шостакович.

✉ *14 октября 1968 г.*

На Ваше ходатайство об улучшении жилищно-бытовых условий работнику Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова тов. Теплякову Л.М. Управление учета и распределения жилой площади по поручению Исполкома Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся сообщает, что удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным.

Начальник Управления Лучутенков М.С.

✉ *20 сентября 1968 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Я Вам пишу еще раз и уже не жалобу и даже не просьбу, видимо нельзя оказать помощь в моей справедливой просьбе. Цель моего письма: рассказать Вам о той несправедливости и бесчеловечности с чем мне пришлось столкнуться обращаясь, в течение 6 лет в различные руководящие органы.

Мне уже 45 лет. Был на войне с ее начала и до конца. Участник Обороны Севастополя. Эвакуирован в самые последние дни обороны после тяжелой контузии. Трижды ранен, дважды контужен и демобилизован, после окончания войны, по ранению. Имею правительственные награды, 14 благодарностей Главнокомандующего. В настоящее время часто и сильно болею, но и это еще полбеды, беда в том, что болен ребенок, он перенес тяжелую болезнь и получил серьезное осложнение на сердце, а ему только 8 лет.

Семья моя живет в ужасных жилищных условиях. Дом, в котором мы живем, это бывший купеческий склад дореволюционной Нижегород-

ской ярмарки. Эта пещера, видимо, временно была, после революции в тяжелые годы, приспособлена под жилье для грузчиков речного порта, но эта грязная яма, клоака нашего города находится на знаменной Стрелке воспетой в песнях. Ни о каких элементарных условиях нет и речи, был когда-то водопровод, но он давно нарушен, огромная общая кухня, скорей напоминающая кочегарку, заваленную углем. Крыша худая, вода льет в комнату, сырость, по стенам течет. Дети есть дети, они и тут играют, сине-бледные от этого кошмара. Много было комиссий, обследовали, писали акт о невозможности проживания в таких условиях и на этом все кончалось. На протяжении всей моей жизни и на войне и в труде кроме благодарностей нет ничего, так неужели я не имею права на элементарные жилищные условия и не так для себя, а для больного ребенка.

На обороне Севастополя много товарищей погибло, меньше нас чудом осталось израненных в живых. Да, мы не забудем своих боевых товарищей, но я был вместе с ними, тяжело контужен, остался, закончил войну и продолжаю трудиться, попросил о неотложной помощи, и мне отказали. Говорят, что я не инвалид, да еще обвиняют за мои письма. Конечно, имущие власть могут над человеком сделать все что угодно, но я пишу правду,

Но я не хочу быть нищим в своей стране, за которую воевал, я работаю и имею право на элементарные жилищные условия. Мои требования настолько малы, но у меня нет больше средств бороться с этим произволом.

Может быть, я грубо написал, но поймите, как надоело жить со стиснутыми зубами, я совершенно не заслужил того, чтобы так бесчеловечно обошлись со мной, как с участником обороны Севастополя в год юбилея.

С уважением к вам,

А. Филиппов.

От Филипповой-Херувимовой Г.Г.

Моя единственная просьба к Вам, отнеситесь к моему заявлению с человеческой душой. Я обращаюсь к Вам не как к всемирно известной большой личности, а как к нашему депутату, к советскому человеку, и не потому, что мой вопрос настолько государственно важен, что его надо обязательно Вам разбирать, конечно нет, я уверена теперь, что им заниматься никто не будет, самое лучшее — перешлют по месту работы, да еще и возмутятся, что разными «пустяками» отрываю от работы, но ведь за этим «пустяком» стоят жизни тяжело больных

людей, над которыми попросту не заслуженно издеваются, и не хотят этим вопросом заняться ни по месту работы, ни местные власти.

Я обращаюсь к Вам как женщина-мать, у которой большая беда, и кто виноват здесь, не знаю, видимо какие-то обстоятельства.

Моя семья живет в тяжелых нечеловеческих жилищных условиях, это дополняет еще и то, что в семье все тяжело и серьезно больные люди. Муж, бывший фронтовик, участник обороны Севастополя, здоровье его и так было подорвано, особенно контузиями, а теперь окончательно свалила тяжелая болезнь сердца — инфаркт миокарда. В этих кошмарных условиях заболел мой ребенок, получил осложнение на сердце, мое здоровье также очень плохое. Мой муж неоднократно обращался, и к Вам, и в другие инстанции, просил о помощи в связи с тяжело сложившимися обстоятельствами, так как в виду тяжелого заболевания сердца ему ни ведра воды поднять ничего нельзя сделать, а вместо помощи, он получил издевательства и оскорбления, за что? За то, что остался честным человеком своего народа.

В своих заявлениях я просила улучшить жилищные условия, ответили, что не имеют возможности, просила капитально ремонтировать имеющуюся комнату, и провести водопровод, который разрушен, из-за соседней стенки провести паровое отопление, — отвечают, нет средств, а всего надо 10–15 метров трубы, и это бы был самый минимум крайне необходимых условий для больного человека, для искалеченного войной солдата и доведенного до края гибели людьми, чьи подписи стоят на бездушных ответах, на его просьбы и заявления. Это просто произвол, и мы просили разрешения на выезд из страны, так как нельзя мириться с такой бесчеловечностью, хотя мы и преданы до конца своему народу как его одно целое, — органы соответствующие ответили, что и выезжать нельзя. Спрашивается: так что же можно? Остается одно, смириться и идти на милость издевательствам и бесчеловечности к этим черствым, жестоким людям. Как это все напоминает варварство, позор, издевательства над тяжело больным человеком, который, как и многие простые люди отстояли свою Родину от фашистской мерзости.

Я Вам посылаю два ответа на мои заявления: Ответ директора завода им. Петровского, гр. Вязмина и ответ зам. председателя Канавинского райсовета, гр. Сусоровой. Оба ответа напоминают трафарет, это типовые образцы отписок, перечислены все достижения, а где же конкретный ответ на заявление? Так как выселять из этого дома еще будут в течение 20 лет, не менее, а в очереди на улучшение и предоставление жилплощади я стою боле 10 лет на заводе им. Петровского, и ни-

какого просвета нет, поэтому, я обратилась в критический момент, к ним, я никогда бы не обратилась, отлично зная косность и жестокость этих людей. Сколько муж хлопотал, пытаясь доказать этим людям, что нельзя находиться в таких тяжелых условиях, что я дождалась, что эти жестокие люди довели моего мужа до страшной болезни инфаркта миокарда, они сделали его полутрупом и поставили мою семью на грань трагедии, так куда же я могу обратиться, как не к Вам к представителю Высшей власти, и кому я должна заявить свой протест?

Прошу убедительно помочь мне хоть бы ради тяжело больного мужа и больного ребенка.

20-09-68 г. Филиппова-Херувимова.

Как жаль, что нельзя увидеть изображения людей, писавших Шостаковичу письма,— это была бы замечательная галерея портретов — такая, о какой мечтал когда-то Дзига Вертов, обивая пороги киностудий, — но портреты простых людей никого не интересовали.

Мне захотелось представить себе человека, написавшего это письмо, — воина, защищавшего Севастополь. В осажденной севастопольской крепости кинооператоров не было. Но сохранились фотографии, сделанные корреспондентами, побывавшими там еще до окончательной блокады. Поражают лица защитников Севастополя — редко приходилось видеть столько прекрасных и мужественных лиц. Возможно, одно из них — лицо автора письма.

В Ялте, Симферополе, Балаклаве по улицам уже шагали немецкие солдаты, в нескольких километрах от Севастополя находились немецкие передовые позиции, батареи, аэродромы, а Севастополь держался. Города уже не существовало — все было превращено в пепел и руины обгоревших развалин. Как свечи, догорали кипарисы.

После 250 суток боев осажденный город-герой, из которого было эвакуировано только командование и около 3 тысяч бойцов, среди которых и автор письма, был сдан. Остальные или погибли, или попали в плен.

На месте 35-й батареи — самого легендарного места обороны Севастополя, где погибли и попали в плен более ста тысяч советских солдат, энтузиасты создали музей. На стенах рядом висят фотографии погибших моряков и тех, кто оставил их героически погибать. Экскурсовод бесстрастно показывает тридцатиметровую лестницу, ведущую вниз, по которой покидал форт адмирал Октябрьский — чтобы пересесть на подлодку, а потом на самолет. Командование флота улетело на двух «дугласах», а сухопутных командиров отправили на подлодках.

«...Оставленный Октябрьским заместитель — генерал-майор И. Петров поспешил покинуть Севастополь вместе с сыном-офицером на подводной лодке, перепоручив командование генерал-майору П. Новикову. Но и генерал-майор Новиков вечером 1 июля со своим штабом на сторожевике тоже покинул форт, — его катер был перехвачен, и генерал попал в плен». *(Независимое военное обозрение, 2001, № 19)*

После этого в документах и воспоминаниях нет упоминаний о каких-либо командирах. А тысячи моряков и раненых, которых не успели эвакуировать, остались там — без воды, без еды, без помощи. Моряки вынуждены были пить морскую воду, бросая в нее землю для опреснения.

Им обещали, что помощь придет. Те, кто обещал, знали, что помощи не будет.

В форте есть небольшая площадка в скале, куда можно выйти, не замеченным с суши. Сколько глаз вглядывалось отсюда в даль, в надежде увидеть наши корабли — но их не было.

Перебравшись в Краснодар, вице-адмирал Октябрьский доложил в Москву: «Вместе со мной в ночь на 1 июня на всех имеющихся средствах из Севастополя вывезено около шестисот человек руководящего состава армии и флота и гражданских организаций... Отрезанные и окруженные бойцы продолжают ожесточенную борьбу с врагом и, как правило, в плен не сдаются».

А значит, гибнут. Даже говоря об обреченных на гибель бойцах, адмирала беспокоило, чтоб они в плен не попали. Спустя несколько недель в «Правде» была опубликована сводка Совинформбюро, в которой сообщалось, что Красная армия покинула Севастополь «из стратегических соображений и люди эвакуированы».

✉ *29 октября 1968 г.*

Прошу Вас помочь мне в помиловании моего мужа Осипова Василия Михайловича 1917 г. рождения, ранее работающего врачом-хирургом в течение 26 лет. Осужденный по ст. 170 ч. I и ст. 173 ч. II к 5 годам лишения свободы.

Муж мой был участником в Финской кампании 1939 г., будучи слушателем III курса Военно-медицинской Академии. Участвовал в Отечественной войне с 1941 по 1945 г.

Из посылаемых писем моего мужа из тюрьмы он полностью свою вину осознал и его действиями ущерб государству не причинен. У меня крайне тяжелое материальное положение. На моем иждивении находится несовершеннолетний сын, который болеет тяжелой формой ту-

беркулеза. Сын нуждается в длительном лечении и усиленном питании, чего дать не могу, поскольку я работаю мед. лаборантом с окладом 76 р. Сама я тоже болею туберкулезом легких.

В силу изложенного прошу Вашего содействия о помиловании моего мужа перед Президиумом Верховного Совета СССР.

Осипова.

✉ *27 декабря 1968 г.*

Уважаемый композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович!

Сочтя возможным, я решил обратиться к Вам не только как к большому музыканту современности, но и как к человеку, с просьбой уделить внимание ко мне, человеку, которого постиг удар ошибки молодости. Простите меня, но к обращению к Вам подвигло обстоятельство, которое предлагаю Вашему вниманию.

Годы войны, тяжелое детство не дали правильного формирования, избрания правильного пути. Отец не вернулся после войны в семью, мать — участница Великой Отечественной войны, донор, была больна. В возрасте 18 лет покупал на квартире у женщины спиртной напиток, где выпил и в силу случайного стечения обстоятельств совершил преступление, выразившееся в покушении ее на изнасилование. 27.12.1957 года был осужден к 10 годам лишения свободы. Это стечение судьбы родило плоды глубочайших раздумий о жизни, совести, будущего. Серая жизнь среды преступного мира, где проходили годы молодости, будили в душе боль и тоску о прекрасном в жизни.

С детских лет я люблю музыку. В 1962 г. я поступил заочно учиться в университет искусств г. Москвы. Закончил на отлично курс аккордеона (препод. А.М. Мирек). Затем продолжил муз. образование, окончив в 1964 г. курс теории музыки.

Тяжело, условия изоляции строгого режима, но желание стать человеком, познать красоту человеческой жизни заставило стать выше тюремной воздушной среды. Я продолжил музыкальное образование, сейчас заканчиваю при университете искусств курс гармонии муз. факультета. Заочно заканчиваю 11-й класс общеобразовательной школы.

Дома меня ожидает 62-летняя мать, которая ждет с болью ввиду плохого здоровья.

Пошел последний год моего заключения. Я отдал много труда в стремлении к хорошему, и всегда верю, что вернусь к жизни, стану настоящим человеком страны.

Тяжело, очень тяжело жить сознанием, что нет никакой необходимости своего пребывания в уголовном мире. Хочу и Вас как человека

спросить, вправе ли общество советских людей простить мне ошибки прошлого и помочь мне в мой критический момент жизни, когда у меня должно свершиться много хорошего, пожать первые плоды трудов в ученьи, стремления только к хорошему в жизни, — покинуть преступный мир, вернуться и согреть пожилые годы матери, перед которой я как сын в большом долгу, после окончания средней школы попробовать силу своих знаний поступления на вечернее отделение ВУЗа, работать в трудовом коллективе, свободные часы отдавать любимому делу — музыке. Не откажите в помощи о внесении высшего акта гуманности — помиловании.

С уважением и искренностью к Вам (подпись).

✉ *Шостаковичу Д.Д.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич!

Уже давно я все порываюсь написать Вам, но не решаюсь.

Вы помните, что Пушкин писал по поводу Юродивого в «Борисе Годунове»? Он, Пушкин, признавал, что ему не удалось свои уши спрятать под медным колпаком юродивого. «Торчат!» — смеялся Пушкин. На мой взгляд это — великое признание. Пушкин перевоплощался в юродивого, мысленно делал его своим союзником и рупором. И в этом была удивительная и смелость и правда. Не все юродивые — гении, но все гении — Юродивые (с большой буквы) — люди вне нормы, вне обычая, вне повседневности. Их устами глаголет истина. Они — провидцы. И Мусоргский — сам гений — это почувствовал — и сделал своего юродивого прорицателем. Эти 2 качества юродивого тесно связаны и взаимообусловлены. Только зная правду и высказывая смело эту правду в лицо царям — можно ясно видеть грядущее, предсказывать будущее. И прозревая — хотя бы по наитию — завтрашний день юродивый-гений «вынужден» говорить правду сегодня.

Правды боялся тот, от имени которого была напечатана статья «Сумбур». Для меня это неоспоримо.

Когда Репин в начале 80-х гг. написал своего «Грозного, убивающего сына» — знаете, что говорили посетители выставки? — «Слишком много крови». Кровь первомартовцев, казненных новым царем — выступила на репинском холсте, казалось, ничего общего не имеющего с покушением народовольцев на Александра II.

В вашей «Леди Макбет», совершенно независимо от вашего желания, некоторые определенные люди, или один человек — почуяли, что тщательно и трусливо скрываемая правда сегодняшнего дня — нежелательно «выпирала» наружу, хотя, казалось бы, эта правда, — ни-

чего общего не имела с оперным представлением в филиале Большого театра. Ваша опера испугала. С тех пор Вас начали бояться. Шуйские и прочая челядь кричали, требовали — «схватите его!» Но Вас нельзя было, опасно было схватить. Ибо голос юродивого все равно продолжал бы пророчествовать и говорить правду. Загубленный — Вы бы еще более стали бы «вредным», «кричащим правду».

Меня потрясает в вашей музыке — я беру срок в 30 лет! — это чувство огромного, неизбывного страдания «за стеной», и вместе с тем предчувствие неминучей беды, неотвратимой расплаты в будущем за сегодняшнюю боль и страдания — несмотря на окружающее колокольное неистовство и «гром победы раздавайся»! Вы вашей музыкой — не давали глушить, портили «гармонию».

Опасения и борьба с вами продолжалась даже после 7-й «Ленинградской» симфонии! Ну, конечно! — ведь после 7-й — была написана «ужасная» 8-я, «совсем не та, какая требовалась» — 9 симфония!

Я не знаю другого примера в мировой истории музыки: Ваша музыка «читалась» так, как читается литературное произведение — так она красноречива без слов, ясна, программная в самом высоком смысле этого понятия. Да, Вам никогда не удавалось спрятать уши, затушевать смысл, спрятаться за благопристойное или нейтральное название произведения. Откровенность, поражающая и при этом неслыханно опасная. Стойкость и непоколебимость духа, вера в силу искусства, в правду жизни — ни у кого более в наши дни не известная! Вот что вызывает мое преклонение перед Вами и вашими партитурами, Дмитрий Дмитриевич!

Говорить правду, горькую, мучительную, изобличающую — в конце 30-х гг.! В 40-е годы! — в 8-й симфонии, в 1 скрипичном концерте — великом произведении эпохи, в трио — это подвиг, художественный и гражданский. И так и доныне — до 13-й симфонии, до 11-го и 12-го квартетов, наконец, до потрясающего «блоковского» цикла!

Ваш «Блок» — это трагический Блок кануна, Блок грядущего неотвратимого «Возмездия» и будущих «Двенадцати»!

Но цикл ваш не о прошлом, это мысли о сегодня, это приговор и предчувствия

И сегодня — это цикл «кануна». И опер — все как было и раньше. 5-я симфония — это ведь была симфония предчувствий, и 7-я, и 8-я, и любимейшая моя 10-я, 13-я — ведь эта музыка не только о дне сегодняшнем, она — прозорливо предупреждает, беспокойно заглядывает в будущее. В финале «Кром» все бегут за конем Гришки Отрепьева, все кричат «Да здравствует!», а Юродивый причитает. Да, гении — это юроди-

вые! И личная участь их обычно всегда тяжела, трагична, жизнь полна опасностей, несправедливостей, печального чувства одиночества. Они сами, однако, выдвигают себе нерукотворный памятник — и в этом их утешение и счастье! и горькая гордость!

Сейчас, когда Вы в почете и славе, я вспоминаю многое из пережитого за последние 40 лет.

В заключение хочу еще раз сказать. Вы для меня не просто замечательный композитор, гениальный художник. Но борец за правду, которую я разделяю, смелый воитель, желающий блага своей родине и родному искусству, и страстно желающий это искусство очистить от всяческой скверны, освободить от 1948 года и видеть его в полном и радостном расцвете, возможном только на основе правды, на фундаменте подлинного гуманизма без вранья, без пропасти между словом и делом и при смелой защите всего талантливого и честного.

Дай Вам бог долгой-долгой жизни.

Ваш Матиас Сокольский.

10/11 1968 г.

Хотел я в двадцатых числах приехать в Ленинград, но ничего из этого не выйдет. Везде мне подставляют лестницы, по которым я хожу с невероятным трудом: задыхаюсь и т. п. В общем, пожил нормальным человеком, теперь надо пожить инвалидом. *(18 ноября 1968 г.)*

Облздравотдел г. Горький.

Направляю Вам заявление моего избирателя Поташова В.В., проживающего в дер. Березовка Горьковской области, и очень прошу оказать ему содействие в получении путевок для его больных детей.

При этом прилагаю заявление и справки медицинских учреждений на 6 листах.

Д. Шостакович.

В 1968 году Шостакович пишет Председателю Президиума Верховного Совета СССР: **Сведения о моей депутатской работе: за последний период мною было получено 175 писем — заявлений, из них — 105 — по жилищным вопросам, 20 — от осужденных о помиловании, и 50 — по разным бытовым и общественным вопросам. На все письма я отвечал, и по многим вопросам обращался в различные организации об удовлетворении просьб избирателей. Я вы-**

езжал в Горький и 5 раз встречался с избирателями в горьковском облисполкоме. Мною было принято 148 человек. К сожалению, из-за тяжелого заболевания (инфаркт), а затем перелом ноги... — далее Шостакович, как бы извиняясь, пишет, что, к сожалению, какое-то время не мог заниматься депутатской работой.

В произведении Евтушенко, посвященном гигантской «стройке коммунизма» — гидроэлектростанции на Ангаре, был эпизод, привлекший внимание Шостаковича, — о казацком атамане Степане Разине — удалом, дерзком, смелом. Кульминация поэмы — симфонический пролог к сцене казни — страшная бесшабашная пляска с рефреном: «Стеньку Разина везут!»

И ответная пронзительная фраза: «Вы всегда плюете, люди, в тех, кто хочет вам добра».

В финале поэмы, перед казнью, к Разину приходит озаренье: «Вижу, сам себя казня: / Я был против — половинно, / Надо было — до конца. / Грешен тем, что драться думал / За хорошего царя. / Нет царей хороших, дурень. / Стенька, гибнешь ты зазря!»

Проигрывая и пропевая только что написанное сочинение своим ученикам, Шостакович указал на то место, где «...сквозь рыла, ряшки, хари целовальников, менял... Стенька ЛИЦА увидал».

(Казнь.) Р а з и н: «Стоит все терпеть бесслезно, / Быть на дыбе, колесе, / Если рано или поздно / Прорастают ЛИЦА грозно / У безликих на лице».

Для Шостаковича народ — это лица людей, для которых он писал музыку, которым стремился помочь в их невзгодах. Он сострадает им и в своей музыке.

В течение многих лет Шостаковича обвиняли в «антинародности». Вершители судеб искусства, единственным критерием которых было «это нравится народу» или «это не нравится народу», вещали: «Ваша музыка органически чужда народу», «антинародные извращения в творчестве Д. Шостаковича». Его произведения объявлялись «не достойными советского народа и нашего времени».

Многоголосые хоры подхватывали «от имени народа».

Шостакович выразил тему «народной» и «антинародной» музыки в «Райке» на собственные слова:

«Е д и н и ц ы н (*читает по бумажке*): Товарищи! Реалистическую музыку пишут народные композиторы, а формалистическую музыку пишут антинародные композиторы. Спрашивается, почему реалисти-

ческую музыку пишут народные композиторы, а формалистическую музыку пишут антинародные композиторы?

Народные композиторы пишут реалистическую музыку потому, товарищи, что, являясь по природе реалистами, они не могут не писать музыку реалистическую. А антинародные композиторы, являясь по природе формалистами, не могут, не могут не писать музыку формалистическую.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы народные композиторы развивали б музыку реалистическую, а антинародные композиторы прекратили бы свое более чем сомнительное экспериментирование в области музыки формалистической.

Ведущий: Правильно! Верно! Товарищи, поблагодарим же нашего родного и любимого великого Единицына за историческую речь, за его выступление, обогащенье и освещенье важных вопросов музыкального дела. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.*)

Ведущий, музыкальные деятели и деятельницы: Спасибо, спасибо за историческую речь! Спасибо, спасибо за отеческую заботу! (*Все садятся.*)

ВОПРОСЫ ПО ЕДИНИЦЕ-ДВОЙКО-ТРОЙКИНСКОЙ ЭСТЕТИКЕ:

Какую музыку пишут народные композиторы?

Какую музыку пишут антинародные композиторы?

Почему народные композиторы пишут реалистическую музыку?

Почему антинародные композиторы пишут формалистическую музыку?

В чем заключается задача народных композиторов?

Должны ли антинародные композиторы прекратить свое более чем сомнительное экспериментирование?»

Для меня самое главное в моей «благополучной» жизни — это встречи с народом, со слушателями моей музыки. И каждая удачная встреча мне в 10000000 раз нужнее регалий, премий и т.п. Искренняя же встреча является для меня самым полезным уроком...

Встречайся с народом, с твоими читателями. Чувствуй их отношение к тебе, чувствуй восторг, чувствуй постоянную критику твоих наград. Хвалу и клевету прими равнодушно и не оспаривай глупца. *(Из письма Г. Серебряковой, 7 февраля 1962 г.)*

Существует предание, что якобы Жданов в присутствии Шостаковича, Прокофьева и других композиторов однажды сам сел за рояль, чтобы

продемонстрировать, чем реалистическая музыка отличается от формалистической. И среди композиторов нашлись те, кто восхищался: «Член Политбюро ЦК, а играет на рояле!.. Но как хорошо он знает народную песню! Когда он недавно посетил хор им. Пятницкого, мы спросили его: "Правда ли, товарищ Жданов, что вы знаете 600 народных песен? — Нет, — сказал он, — не 600, но я полагаю, что я знаю около 300". Насколько лучше писали бы наши композиторы, если бы они знали народные песни так, как Андрей Александрович!»

Современники Шостаковича говорили, что при всей своей сдержанности и мягкости в обыденной жизни Шостакович мог быть очень жестким, даже беспощадным, в вопросах принципиальных, особенно касающихся музыкального творчества. В одном из своих выступлений на съезде композиторов он подверг критике хор им. М.Е. Пятницкого:

Я не являюсь почитателем этого русского народного хора, как он называет себя.

Мне показалось, что в этом хоре далеко не благополучно и неправильно используется русская народная музыкальная культура.

На днях художественный руководитель хора М.В. Коваль пригласил меня посетить генеральную репетицию хора и общественный просмотр новой программы. Однако сама программа, которая была названа «Русская земля», вызвала у меня следующие мысли.

Совершенно ясно, что не может получиться хороший кинофильм из плохого сценария. Это показала практика: плохой сценарий — плохой фильм. Не могут великолепные оперные певцы своим талантом вытащить плохую оперу. Не может музыкальная организация, музыкальное предприятие, будь то симфонический оркестр, хор, камерный ансамбль и т. д., иметь художественную ценность, если основание ее, то есть музыкальный материал, является неудовлетворительным. Вот такое впечатление на меня произвела последняя программа хора имени Пятницкого.

Некоторые вещи меня глубоко возмутили. Всякая народная песня, всякий народный танец — это наше общее композиторское достояние, и мы имеем право и обязаны взять их как источник вдохновения для наших композиторов. Но то, что сделал композитор Хватов с «Камаринской», меня глубоко возмутило, и надо было совсем не обладать чувством скромности, чтобы после «Камаринской» Глинки позволить себе выпустить «Камаринскую» Хватова в его аранжировке.

В.В. Хватов, один из руководителей хора, ответил на выступление Шостаковича открытым письмом, которое было направлено в «Правду», но не напечатано, а переслано газетой адресату. Шостакович ответил Хватову, резко выступив против «стремления к “оглуплению” образа человека из народа, его духовному и нравственному обеднению, принижению».

Многоуважаемый Василий Васильевич!

В своем выступлении на съезде композиторов РСФСР я говорил, что хор имени Пятницкого мне никогда не нравился. Эту мысль я не сумел развить. Довольно подробно с «искусством» хора имени Пятницкого я познакомился лет 12 тому назад. До тех пор я принадлежал к числу тех радиослушателей, которые немедленно выключали радио, как только начинал петь этот «прославленный», как Вы выражаетесь, хор.

В 1948 году, узнав о существовании композитора Захарова и прослушав его выступления на совещании у покойного А.А. Жданова, на съезде композиторов, несколько позже ознакомившись с его биографией, написанной Ливановой, я поинтересовался его творчеством и работой в качестве художественного руководителя хора имени Пятницкого. Тогда я побывал на двух или трех концертах хора имени Пятницкого и твердо убедился в том, что работа этого ансамбля, официальное восторженное отношение к этому хору есть результат невежества, недоразумения и дурного вкуса.

Наряду с очень многими я считаю, что художественно-музыкальное направление, приданное хору его нынешним руководством, рвет с традициями того хора, который был организован самим М.Е. Пятницким.

Каким был хор при жизни его основателя и первого руководителя? Каков был репертуар хора? Обратимся к книге «Концерты М.Е. Пятницкого», изданной в Москве в 1914 году. В ней напечатаны исполняемые хором 20 русских народных песен, записанных на фонограф самим Пятницким непосредственно от группы крестьян — выдающихся народных музыкантов, многие из которых впоследствии вошли в его крестьянский по составу хор. Подавляющее большинство произведений, опубликованных в книге, представляют подлинную русскую народную песенную классику.

В первой половине 30-х гг., после прихода В.Г. Захарова к руководству хором, репертуар последнего стал постепенно меняться. Все большее место в нем стали занимать композиторские обработки русских народных песен, а также собственно композиторские

произведения, при этом прежде всего и главным образом В.Г. Захарова и лиц, стоящих у руководства ансамблем. Не желая вдаваться в оценку Ваших и В.Г. Захарова обработок, я все же укажу на то, что ни в какое сравнение с обработками народных песен, сделанными русскими классиками, они идти не могут.

А между тем хор ни разу не исполнил ни одной классической обработки, скажем, Римского-Корсакова, Балакирева, Мусоргского (последние, кстати сказать, совершенно неизвестны широкой публике).

Полагаю также, что вводить в программы хора им. Пятницкого композиторские обработки нужно только при крайней необходимости. Получается несколько странно: подлинно народное — не народно или недостаточно народно; обработки и композиторские произведения лиц, стоящих во главе хора, — народно!

Теперь несколько слов о моей оценке той Вашей обработки, которой я коснулся в своем выступлении на съезде.

Я упрекаю Вас отнюдь не за то, что после Глинки Вы взялись за обработку «Камаринской», — лишь бы хорошо получилось! К сожалению, Ваша обработка находится на очень низком художественном и профессиональном уровне.

Судя по этой «обработке» Вы не обладаете композиторским дарованием и маломальской музыкальной культурой. Ваша обработка не имеет ничего общего с музыкальным искусством, а имеет своим истоком так называемый «клюквенный стиль рюсс», имевший место в дореволюционных кабаках и в зоологических садах. где развлекалась почтеннейшая публика после знакомства со зверями, птицами, рыбами. Ваша обработка «Камаринской» не имеет ничего общего с русским народным творчеством, ибо русская народная песня прежде всего обладает большой музыкальностью, большой сердечностью, большой чистотой и безупречным вкусом. Все это начисто отсутствует в Вашей «Камаринской». Мысль, высказанная мной в выступлении на съезде, была такова: после Глинки нескромно браться за обработку «Камаринской», не обладая талантом, необходимыми знаниями и профессиональной школой.

Я не умею долго ругаться и поэтому не буду оценивать Вашу композиторскую работу. Считаю, однако, что то, что Вы являетесь членом Союза советских композиторов, а тем более народным артистом РСФСР, является величайшим недоразумением. Такого же рода недоразумением я считаю высокую оценку деятельности покойного Захарова, хотя он все же и сочинил две-три приличных

песни. Конечно, это ужасно мало для того, чтобы считаться композитором, а тем более блюстителем русской народной песни. Следовательно, хор имени Пятницкого, обладающий хорошими певцами и хорошей танцевальной группой, тратит свое искусство на исполнение музыкальной макулатуры вроде Вашего «творчества», «творчества» Захарова, Коваля и других, которые составляли программы концертов хора имени Пятницкого.

Сейчас в нашей печати широко развертывается борьба против грубых вкусов и пошлости, процветающих в быту, в том числе против примитивных, грубо размалеванных картин — гипсовых безделушек-украшений и т.д. и т.п. Но ведь подобные вкусы и любовь к безделушкам сильны также и в так называемой обиходной музыке, почти всегда базирующейся на песне, танце и уродующей эти формы. Между прочим, здесь процветает еще и стремление к некоему «оглуплению» образа человека из народа, его духовному и нравственному обеднению, принижению. Юмор, шутка, пляс не должны уничтожать в русской песне столь ей свойственные чистоту настроения, безупречный вкус, пластичность напева и общую музыкальность — композиторы-классики всегда и при всех условиях сохраняли в своих обработках эти замечательные свойства русской песни.

Перехожу к собственно композиторским произведениям, постепенно занявшим огромное место в программах хора им. Пятницкого.

Подавляющее большинство произведений Захарова — это типичный репертуар городской, театрально-хоровой эстрады: сценки из деревенской жизни, кстати сказать, переряженной и загримированной до неузнаваемости, действующие лица которой почти всегда были превращены в неких «пейзан».

Во-первых, сведение подлинно народной песни (пропаганды, которую неутомимо организовывал Пятницкий) до минимума, а во-вторых, заполнение программ хора композиторскими произведениями, находящимися на крайне низком идейно-художественном и профессиональном уровне. Более того: руководство хора прекратило поиски и записи новых народных песен, поиски и показ в Москве подлинно народных талантливых исполнителей, которых немало живет и творит в любом крае, в любой области нашей Родины. Правильно ли это?

Считаю также необходимым обратить Ваше внимание на чрезвычайную легкость, с которой многие композиторы, в том числе,

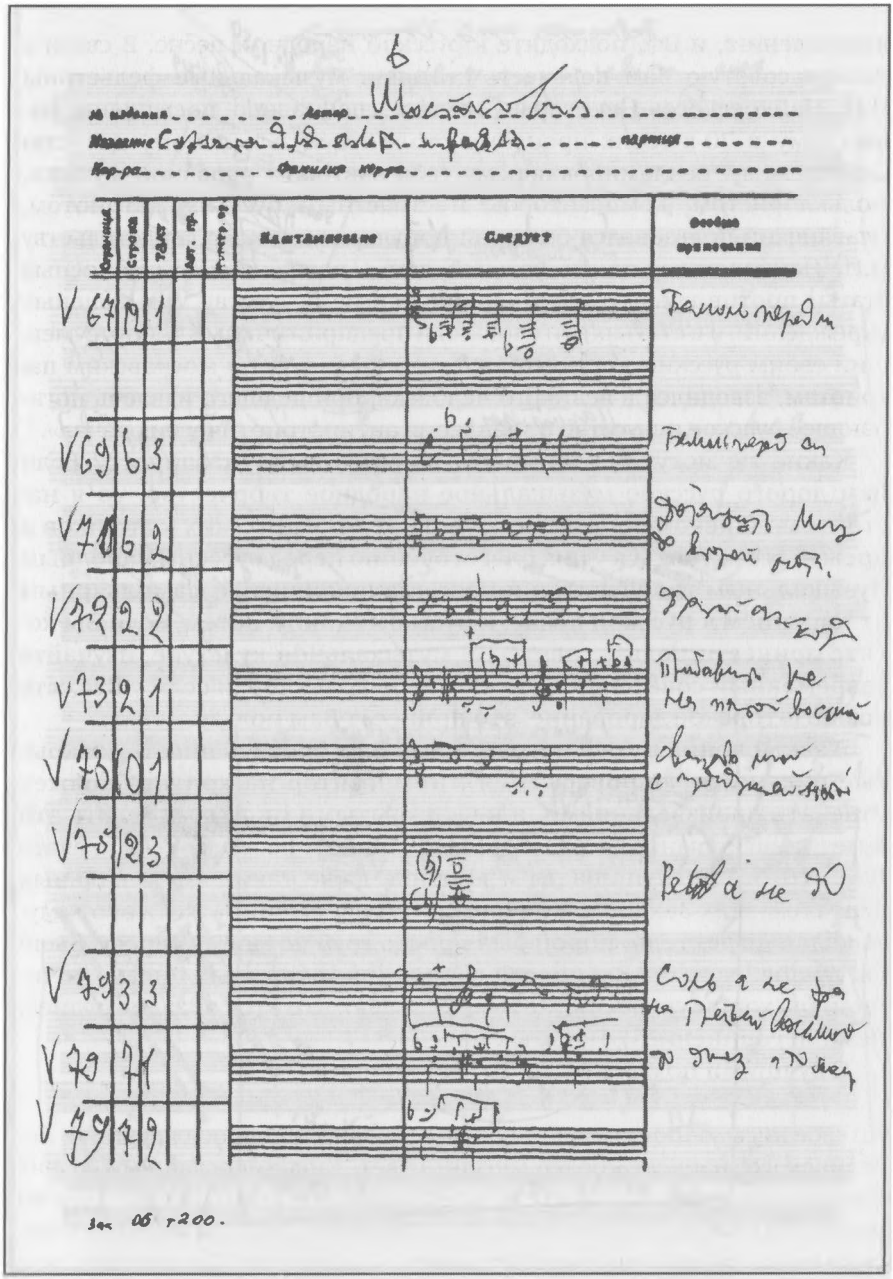
к сожалению, и Вы, подходите к русской народной песне. В связи с этим я советую Вам перечесть статьи и музыкальные фельетоны П.И. Чайковского. Некоторые из них специально посвящены известному в 70-х годах прошлого столетия музыкальному деятелю Славянскому, рекламировавшему себя знатоком народной музыки, фольклористом, композитором и страстным русским патриотом. Славянский пользовался большой популярностью. По свидетельству П.И. Чайковского, почти каждый день «появлялись громоносные статьи против враждебных национальному искусству музыкальных учреждений, и в статьях этих ловкий и предприимчивый тенор, сумевший своим русским костюмом пустить пыль в глаза московским патриотам, взводился в великого человека, пришедшего извлечь погибающее русское искусство от давления антипатриотических начал».

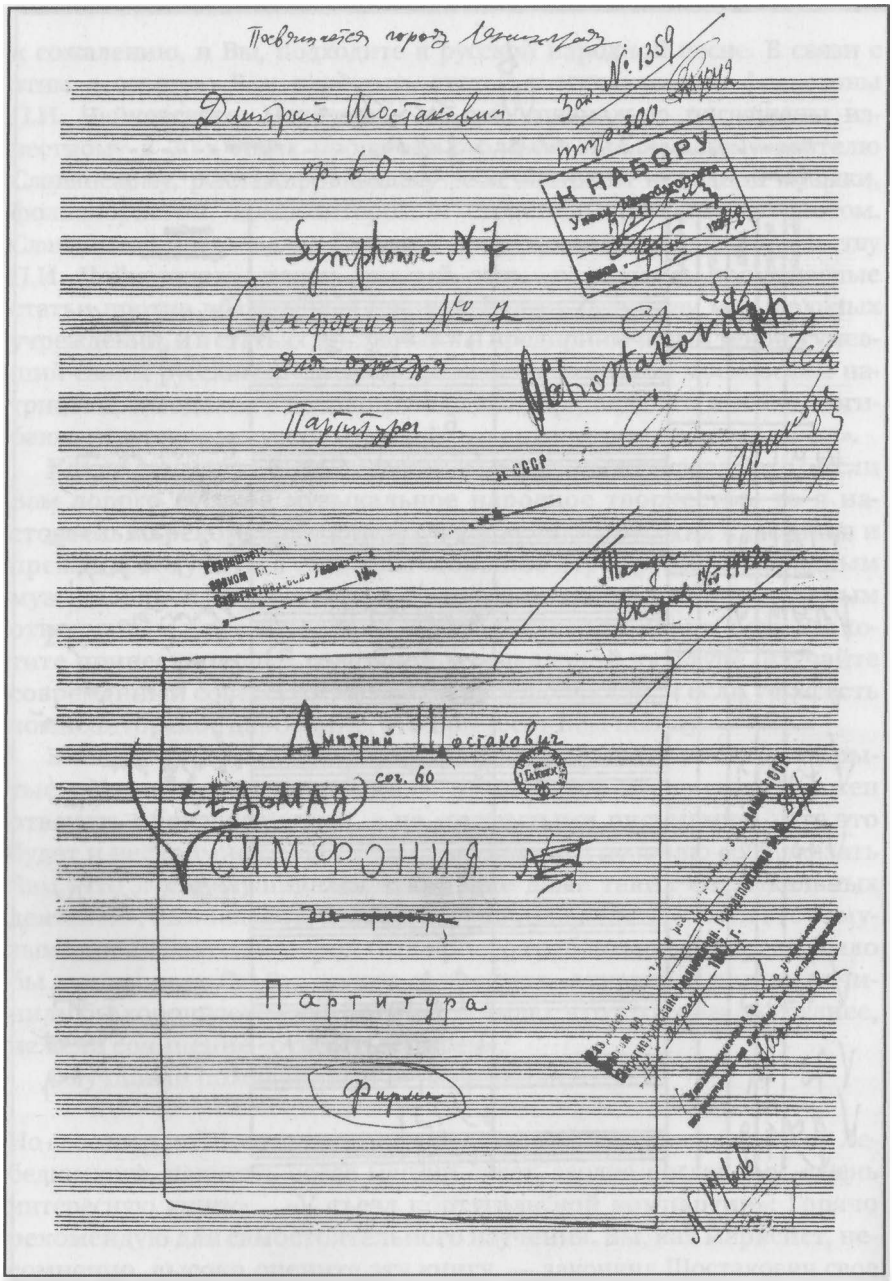
Какие же могут быть выводы из всего вышесказанного? Если Вам дорого русское музыкальное народное творчество, то я настоятельно рекомендую Вам изучать великих русских классиков и прежде всего учиться у них благоговению перед русским народным музыкальным творчеством и навсегда покончить с фамильярным отношением к русской песне, к русскому танцу. Затем, если Вы хотите принести пользу советской музыкальной культуре, изучайте современный советский музыкальный фольклор, и если у Вас есть композиторское дарование, это принесет Вам пользу.

В заключение я хочу посоветовать Вам бросить писать «открытые письма» и «опровержения». Композитор на критику должен отвечать произведениями, а не «открытыми письмами». Хоть это будет и нескромно с моей стороны, однако я позволю себе сказать Вам, что я прислушивался к критике даже таких «музыкальных деятелей», как Захаров, и не писал «опровержений», хотя этот «музыкальный деятель» порой был просто груб по моему адресу. Было бы лучше, если бы Вы вместо сочинения «открытых писем» сочинили бы хорошую песню, хотя я понимаю, что это гораздо труднее, нежели сочинение «открытых писем».

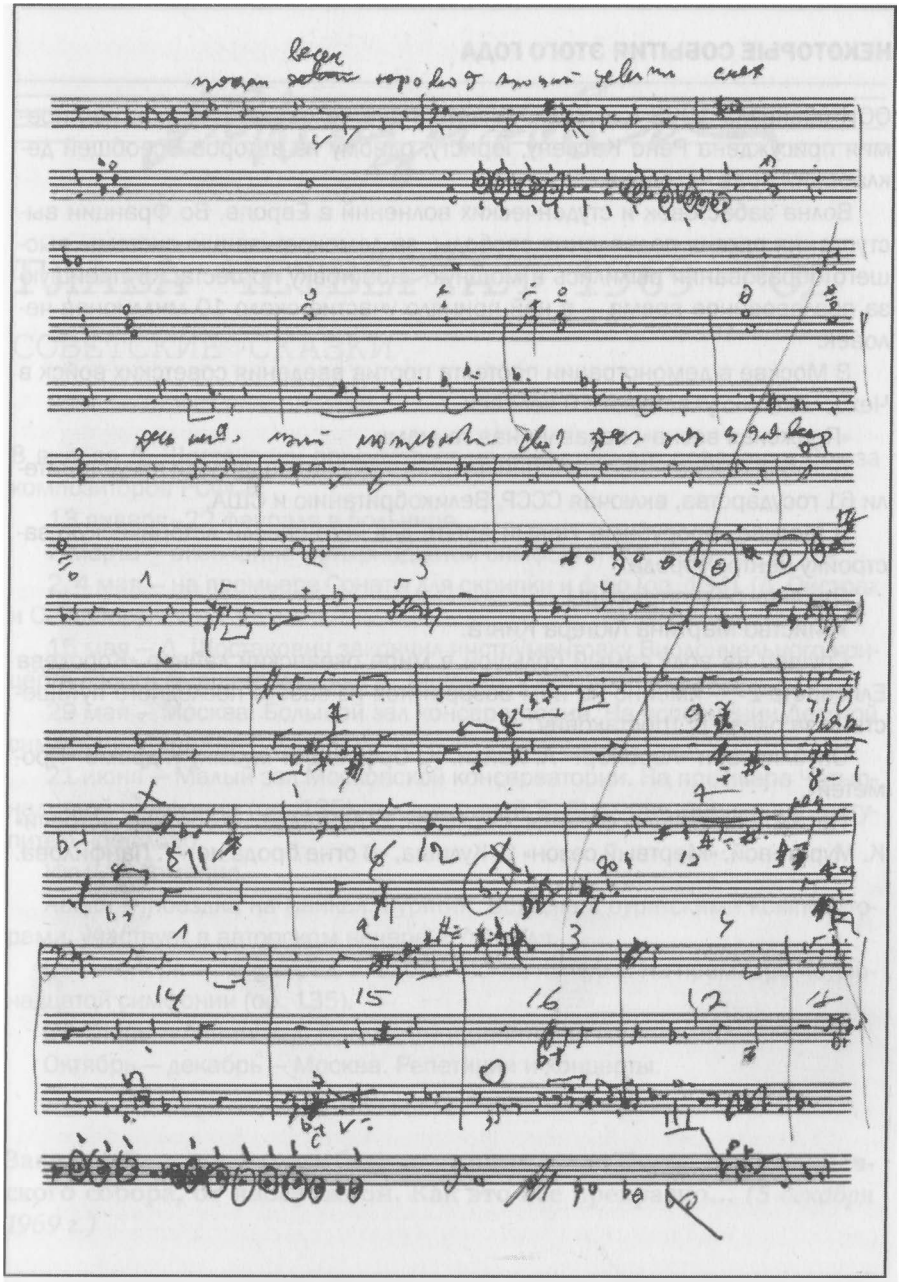
С лучшими пожеланиями Д. Шостакович.

Но свое письмо Шостакович так и не отправил, а попросил друга, Л. Лебединского, написать более мягкий ответ, заодно послав ему «очень интересную книгу»... «**V съезд португальской компартии»: Горячо рекомендую для самостоятельного изучения. Вы, как марксист, несомненно, высоко оцените эту книгу**, — закончил Шостакович свое письмо.


№ издания
автор
Название
партия
Кор-ра
Фамилия корра
Страница
Строка
Такт
Нахтаменено
Следует
особые примечания
Такой перед
Такой перед
Добавить
Добавить
Добавить



Титульный лист партитуры Седьмой симфонии



Набросок сочинения

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

ООН объявила 1968 год годом защиты прав человека. Нобелевская премия присуждена Рене Кассену, юристу, одному из авторов Всеобщей декларации прав человека.

Волна забастовок и студенческих волнений в Европе. Во Франции выступления против подавления свободы, за демократизацию системы высшего образования вылились в мощную забастовку протеста, крупнейшую за послевоенное время — в ней приняло участие около 10 миллионов человек.

В Москве в демонстрации протеста против введения советских войск в Чехословакию участвуют 10 человек.

«Пражская весна», подавленная танками.

Договор о нераспространении ядерного оружия подписали представители 61 государства, включая СССР, Великобританию и США.

В Москве «прорубили» Новый Арбат, для чего снесли историческую застройку центра города.

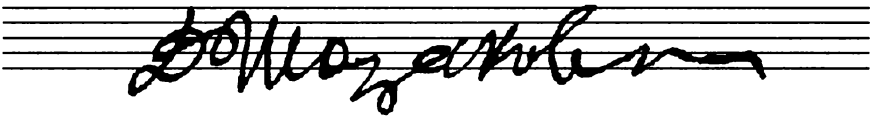
Открыты радиопульсары.

Убийство Мартина Лютера Кинга.

Спущен на воду самый большой в мире океанский лайнер «Королева Елизавета-2» — именно на нем возвратится из своего последнего путешествия за океан Д. Шостакович.

Опубликован «Аэропорт» А. Хейли. К. Орф пишет музыку к драме «Прометей».

На экраны вышли фильмы «Мольба» Т. Абуладзе, «Короткие встречи» К. Муратовой, «Мертвый сезон» С. Кулиша, «В огне брода нет» Г. Панфилова.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 1969 ГОД

СОВЕТСКИЕ СКАЗКИ

8 января Д. Шостакович присутствует на секретариате правления Союза композиторов РСФСР.

13 января–22 февраля в больнице.

2 марта — окончание Четырнадцатой симфонии (ор. 135).

2, 4 мая — на премьере Сонаты для скрипки и ф-но (ор. 134). (Д. Ойстрах и С. Рихтер).

15 мая — Д. Шостакович закончил инструментовку Виолончельного концерта своего бывшего ученика Б. Тищенко, к его дню рождения.

29 мая — Москва. Большой зал консерватории. На исполнении Десятой симфонии. Дирижер Г. Караян.

21 июня — Малый зал Московской консерватории. На премьере Четырнадцатой симфонии (ор. 135), посвященной Б. Бриттену, произносит вступительное слово.

Июль — Армения.

Август — поездка на Байкал. Бурятия. Встреча с бурятскими композиторами, участвует в авторском вечере в Улан-Удэ.

29 сентября — Ленинград. Академическая капелла. На премьере Четырнадцатой симфонии (ор. 135).

Сентябрь — Ленинград. Премьеры и репетиции сочинений.

Октябрь — декабрь — Москва. Репетиции и концерты.

Завидую Вам, что Вы так близко от памятника Петру, от Исаакиевского собора, от набережной. Как это все прекрасно... *(5 декабря 1969 г.)*

Среди неисчислимого богатства и многообразия сказок, созданных на протяжении столетий разными народами, существуют и «советские сказки», придуманные по заказу и являвшиеся частью государственной пропагандистской машины.

Советские официальные «сказочники» десятилетиями рассказывали народу о светлом будущем, о героях-стахановцах, о героях-панфиловцах, о героях-маршалах, о героях-строителях... Магадан, Норильск, Воркута, Дудинка, порт Находка — все места, где работали узники ГУЛАГа, тоже объявлялись героическими стройками коммунизма.

Если речь шла об истории, то тут она вся превращалась в сказку. Официальные сказочники сочиняли бесстыдные книги, где гладко и восторженно описана война, где не говорилось о поражениях, потерях, миллионах советских военнопленных. Сказочники точно знали, что нужно знать народу, а что — нет.

Как пелось в одной из песен: «В нашей сказочной стране...»

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, как же нам жить дальше в таких условиях?

Как жить совсем без туалета? Туалет в данное время во всех семьях заменяют ведра, которые мы ходим выливать больше, чем за квартал. Как жить, не имея кухни, а иметь только темный и душный коридор, где находятся 3 газовые колонки, 2 газовые плиты, где мы все готовим пищу, держим ведра, замещающие нам туалет, где стираем и сушим белье, где стоят столы и др.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! У нас нет больше никаких сил, нам не хочется жить.

Мы так надеялись на Вашу помощь, не будьте бездушным, как наши горьковские начальники. Кто же как не Вы, наш депутат, может помочь нам.

По просьбе жильцов комнат 21, 22, 23, 23-а

В. Уртминцева.

Акт проверки жилищных условий

23 января 1969 г. комиссия в составе члена профсоюзного бюро факультета механизации ГСХИ Берсеменовского М.В. и профгруппорга кафедры «Математика, механики и графика» Мокеевой К.В. произвела обследование жилищных условий сотрудников сельскохозяйственного института: ст. преподавателя Иконникова Ю.С. и ст. лаборанта Уртминцевой В.А.

Обследованием установлено, что указанные сотрудники проживают на втором этаже дома № 18а, где имеется 5 комнат, выходящих в один общий коридор.

Число жильцов, пользующихся этим коридором равно 21. Здесь же проживают и семьи воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны: Мочалова Г.А., Гальянова А.И., Иконникова И.Г.

Общий коридор является для всех 5-ти комнат прихожей, кухней, умывальной, прачечной и сушилкой белья.

В коридоре установлено:

3 отопительных котелка АГВ-80,

2 газовые 4-х конфорные плиты,

3 умывальных раковины (две из них имеют канализационный слив),

3 умывальных установки собственной конструкции,

4 кухонных стола, 2 кухонных шкафа, 1 стиральная машина, 8 ведер для пищевых и др. отходов и переменное число табуреток, скамеек, корыт и тазов.

В туалете, находящемся в холодном коридоре, отключен свет. Этот туалет в скором времени должен быть ликвидирован.

Комиссия считает, что совмещение кухни с прихожей и другого назначения помещениями не отвечает санитарным требованиям, а поэтому необходимо для жильцов 2 этажа дома № 18а оборудовать кухню, изолированную от помещений и туалет утепленного типа.

✉ *25 января 1969 г.*

Д.Д. Шостаковичу

На Ваше письмо от 20 декабря 1968 года по вопросу строительства лифтов в доме № 112 по Набережной реки Мойки Жилищное Управление Исполкома Ленгорсовета сообщает, что институту «Ленжилпроект» дано указание по заказу Октябрьского райжилуправления выполнить работы по определению технической возможности установки лифтов на лестницах № 2, 3, 4 указанного дома.

О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

Начальник Жилищного Управления Исполкома Ленгорсовета В. Авдеев.

✉ *...Живем мы в комнатке размером в 9 (девять) кв. метров, в старом фонде. Семь лет назад я встала на очередь в нашем отделе сбыта на улучшение жилищных условий и была поставлена в список старых производственников первой. Однако, к моему удивлению, и при последнем распределении квартир мне было отказано в получении жилплощади. 13 ноября 1969 года Забурдаев позвонил мне по телефону: «Тов. Лу-*

чинкина! Вам выделена двухкомнатная квартира в новом фонде, зайди ко мне!» Я была, безусловно, чрезвычайно обрадована вниманием нашего обычно сурового начальника, тем более как раз в этот день исполнилось тридцатилетие моей работы в данной службе. Спрашивается, куда делась двухкомнатная квартира, которая была выделена? Эта квартира попала в руки инструктору Парткома Спиридоновой Марии Николаевне, у которой имеется свой собственный дом на Ростовской улице Гвоздильщика (дом № 5).

Мои ходатайства, в конце концов, закончились тем, что перед новым годом я лишилась должности. Под предлогом экономии средств Забурдаев сократил мою должность...

Лучинкина.

...Жилплощадь наша состоит из 9,5 кв.м., проживают 4 человека. Папа с мамой ходатайствуют годами на обмен комнаты, годы уходят, а мы продолжаем спать с братом «валетиком» на полу. Мама проработала 30 лет на з-де «Красная Этна», 7 лет стоит 1-я в списке старых производственников. Я буду Вам очень благодарна как депутату Верховного Совета СССР.

С комсомольским уважением, Нина Лучинкина.

2 апреля 1969 г.

Директору завода «Красная Этна»

Тов. Калинкину А.Ф.

Уважаемый товарищ Калинкин!

Мне стало известно, что семья Лучинкиной (проработавшей на Вашем заводе 30 лет) проживает с семьей в 4 человека на площади 9,5 кв.м.

7 лет она стоит на очереди одной их первых по улучшению жилищно-бытовых условий. За это время построен благоустроенный поселок, а Лучинкина продолжает жить с двумя взрослыми детьми и мужем в очень тяжелых жилищных условиях.

Очень прошу оказать содействие в предоставлении Лучинкиной нормальных жилищных условий в первую очередь.

О принятых Вами мерах прошу сообщить мне.

Д. Шостакович.

С 13 января по 22 февраля 1969 года Шостакович снова в больнице.

Это в какой-то мере психопатическое заболевание. Я всего боюсь. Боюсь переступить через лужу — мне кажется, что это боль-

шая яма. Боюсь ступенек, очень быстро устаю от прогулок: полчаса погуляю — и весь мокрый.

Я не собираюсь прыгать в высоту, в длину. Я хочу более или менее правильно ходить по лестницам, по пригоркам. Хочу не чувствовать себя инвалидом. А то иногда я совсем падаю духом. *(1969 г.)*

Шостакович приписывал свое плохое самочувствие и частые болезни «проклятым нервам». Состояние страха, пережитые стрессы — публичное унижение, угроза ареста, предательство друзей, творческое перенапряжение — привели к возникновению болезни, перед которой лучшие врачи оказались бессильны.

Он был из поколения детей, о которых писатель Андрей Белый говорил, что в них уже чувствовалась разбитость, ободранность жизнью — «не знать счастливого детства, не иметь поддержки, утаивать даже в себе то, что есть в тебе законный жест молодости. Воспитанные в традициях жизни, которые претят, в условиях антигигиеничных, без физкультуры, нормального отдыха — мы начинали полукалеками жизнь; юноша в двадцать лет был уже неврастеником, самопротиворечивым истериком, или безвольным ироником с разорванной душой».

Сестры Шостаковича говорили, что домашние трудности сильно изменили его характер: из мягкого, уравновешенного юноши получился мрачный интроверт, нетерпеливый и резкий со своими близкими.

Дома обстановка унылая; все, кроме меня, отчего-то ссорятся друг с другом. Я ничего не могу сделать для того, чтобы чем-нибудь осветить их жизнь. Моя мама и сестры такие хорошие люди, но у них очень-очень мало радостей. Забота о завтрашнем дне и больше ничего, в сущности. Но я ничего не могу сделать для их радости. Я знаю, что моя радость — их, но у меня нету радостей. Скорей все горе и сомненье. Но я никогда не позволю себе огорчать их своими печалями. И так у них их много. Поэтому дома я весел, бодр, утешаю, если возможно, смешу и ощущаю каждый мой нерв. Я их держу в беспрерывном напряженье, но пару раз не выдержал. Позавчера, идя в консерватории по гостиному коридору, заплакал. Выплакал все слезы, и не стало легче. А вчера после резкого замечания по моему адресу дирижера кинооркестра за неудачную иллюстрацию, я опять заплакал. Дирижер, милейший человек, подумал, что я обиделся на него, и принялся меня очень тепло утешать. А ночью я вижу такие сны, после которых просыпаюсь и не могу больше заснуть. *(30 января 1926 г.)*

Слово «нервы» особенно часто встречается у Шостаковича, когда он говорит о себе.

...Сижу сейчас и дрожу от страшного невроза. Сегодня вечером будет концерт из моих сочинений. *(29 июня 1933 г.)*

...Все (sic!) композиторы возмущены моей симфонией. Что ж делать: не угодил я, очевидно. Как ни стараюсь не очень огорчаться этим обстоятельством, однако все же слегка кошки скребут душу. Возраст, нервы, все это сказывается... *(7 декабря 1939 г.)*

...Жизнь наша течет нормально, спокойно, тихо. Иногда по ночам, терзаемый бессонницей, я плачу (sic!)... Нервы шалят. *(4 января 1942 г.)*

...**Нервы сильно изматываются от темноты.** *(Декабрь 1945 г.)*

Советовал бывшему ученику: **Не волнуйтесь и берегите Ваши нервы.** *(18 ноября 1968 г.)*

Близкий друг Шостаковича И. Соллертинский писал: «Когда я думаю о внешних проявлениях нервозности Шостаковича, все это представляется мне некими внешними симптомами и признаками порывистой натуры, рвущейся вперед энергии мысли, потребности в каждый миг сделать что-то, приближающее к достижению многих и разных манящих целей».

О симфониях Шостаковича критик сказал, что «это не оркестр, а нервная система с тончайшими рефлексами».

Михаил Зощенко знал подобное состояние — судьба самого Зощенко и пережитое им схоже с судьбой Шостаковича: «Старое понятие “вдохновение” не заменено еще другим словом. Это есть мощь, потенция. Это есть особая, но не совсем правильная работа всего организма. Вернее, даже совсем неправильная работа. Вдохновение — не совсем нормальное состояние. Это скорее перегрузка, это высокая работа организма за счет других, более низких, функций. Каким образом и откуда возникает это творческое состояние, названное вдохновением?

Основная причина неврастении — это переутомление, вернее — перераздражение мозга. Они создают то психическое противоречие, тот душевный конфликт, при котором мозг как бы не находит покоя, непрестанно думая об одном и том же».

Вероятно, Шостаковичу уже никогда не удалось избавиться от тяжелых воспоминаний и страхов, пережитых им.

А депутатская работа, сопереживание людям, которым он всеми силами старался помочь, неравная борьба с чиновниками совсем лишали его покоя и ухудшали его состояние.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Я, Камышев Владимир Иванович, инженер Горьковского научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики при Горьковском университете, с 1938 года рождения. Холост. Член КПСС с 1962 года. После демобилизации из Советской Армии в 1960 году поступил учиться в Горьковский госуниверситет на вечернее отделение радиофизического факультета, который окончил. В системе университета работаю с 1960 года.

На протяжении этого времени живу на частных квартирах. Имею на иждивении мать-пенсионерку (74 года), больную, нуждающуюся в уходе, которая в данный момент живет в деревне и, кроме меня, родных никого не имеет. Взять ее к себе не имею возможности из-за отсутствия жилья. Строительство кооперативной квартиры невозможно, т.к. значительная часть бюджета уходит на оплату частной квартиры и помощь матери. Мой оклад 120 руб. Из них:

помощь матери 15 р.
подоходный 10,8 р.
бездетный 7,2 р.
профсоюзные 1,2 р.
партвзносы 1,2 р.
Итого 50,4 р.

Мой прожиточный минимум, таким образом, составляет 69 рублей 60 коп., не считая транспортных расходов, коммунально-хозяйственных и культурно-бытовых издержек, а нужно еще обуться, одеться. Ехать в деревню не имеет смысла, т.к. я по специальности инженер-радиофизик и люблю свою работу. А что мне делать?

Живу без прописки. Хозяева частных квартир в прописке отказывают. Таким образом, нарушаю советские законы. Дирекция и местный комитет института ходатайствовало перед Советским райсоветом г. Горького о предоставлении мне жилья в старом фонде по ул. Краснофлотская, д. 122 кв. 9. Этот дом, по данным домоуправления, сносу не подлежит и не является аварийным. Эта жилплощадь является полутемной и никаких удобств не имеет, требует большого ремонта. Я же, как не имеющий своего угла, жить в ней согласен.

Я вынужден обратиться к Вам как к депутату Верховного Совета СССР, баллотировавшемуся по нашему избирательному округу, с просьбой о помощи в разрешении жилищного вопроса.

Прошу Вас, уважаемый Дмитрий Дмитриевич, ответить мне по служебному адресу.

Камышев.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР тов. Шостаковичу Д.Д.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Мы, сотрудники лаборатории № 8 Горьковского научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики, просим Вас помочь в получении жилья нашему товарищу инженеру Камышеву Владимиру Ивановичу. Он живет в г. Горьком уже более 14 лет и не имеет возможности получить свою площадь. На его иждивении престарелая мать в деревне. Средств на жилкооператив ему достать негде. Из-за отсутствия своего угла ему трудно решать свои личные проблемы. Он хороший работник и товарищ, в институте работает 5 лет, был парторгом лаборатории, дважды работал членом участковой избирательной комиссии. Нельзя не отметить его скромность, отзывчивость и принципиальность.

Несколько месяцев назад, как нам известно, руководство института ходатайствовало перед Советским райсоветом г. Горького о предоставлении ему пустующей более года комнаты без удобств и с ограниченным освещением в доме № 122 кв. 9 по ул. Краснофлотская. Однако исполком эту просьбу не удовлетворил, сославшись, что эта площадь будет использована для улучшения условий проживания других квартиросъемщиков. Прошло несколько месяцев, а эта комната пустует по-прежнему. За это время квартирохозяйка, у которой жил В.И. Камышев, получила новую квартиру, и он в этих условиях лишился прописки. У него безвыходное положение, т.к. в г. Горьком найти угол с пропиской очень трудно.

Нам кажется, что райисполком мог бы дать ему ту полутемную комнату, о которой просил институт. Ей он был бы очень рад и ни на что бы более не претендовал.

Убедительно просим помочь нашему товарищу. Он очень переживает. Жизненная неустроенность мешает работать, порождает мрачные мысли. Но сам он выйти из этого тупика не в состоянии.

Сотрудники лаборатории № 8 (18 подписей).

Когда-то в Ленинграде Шостакович, женившись, тоже мечтал о квартире.

Дело мое с квартирой двигается... Я так измучился со своей мечтой о сносном существовании, что уже не верю в это...

Наконец Шостакович переехал на новую квартиру. Быт постепенно налаживался.

Квартира хорошая, теплая, сухая. Недостатки: нету ванной, т.е. ванна есть, а нету колонки. Я ищу ее весьма усиленно, но тщетно. Кроме того, не могу нигде найти электрического счетчика, а без этого не заключат договора на право пользования электричеством.

Правда, я им не пользуюсь, но в любой момент может прийти какой-нибудь контролер из электротока, выключить свет и оштрафовать тысяч на десять. Это немножко волнует... *(3 января 1934 г.)*

Он рос в благополучной петербургской любящей семье, где дети ходили на прогулки с гувернанткой, где по вечерам любили музицировать, а на лето снимали дачу.

На старинной фотографии 1902 года, снятой за несколько лет до рождения Д. Шостаковича в фотоателье на Невском в Петербурге, Софья Васильевна, мать композитора, в белом гипюровом платье с высоким воротником, украшенном камеей. Легкий близорукий прищур, высокая прическа из светлых волос.

На фотографии того же времени Дмитрий Болеславович, отец композитора, в пенсне, с пышными усами, концы которых слегка приподняты по моде того времени. Он хорошо пел, у него был тенор. В тот вечер, когда родители Шостаковича познакомились, он пел, а она аккомпанировала на фортепиано.

Вот они вместе: Софья Васильевна с летним зонтом, стоит за спиной мужа, их дети — девочки в белых платьицах с кружевами и мальчик в матроске — это Митя Шостакович.

По воспоминаниям матери, «он тихостью походил на девочку». Ребенком, перелистывая книгу, спрашивал ее: «Ты слышишь, как звучат страницы?»

Вот с молодой матерью и сестрами Шостакович на деревянном причале возле лодки, покачивающейся на волнах. Мать в длинном, светлом платье, они смеются. На фотографии надпись — 1911 год.

На детских фотографиях Шостакович часто снят в матроске. Вот он положил голову на колени матери — у матери тот же взгляд прозрачных холодноватых глаз. Вот он с гувернанткой и сестрами.

Петербург, где мосты, по словам Гоголя, «висят в тумане безо всякого прикосновения», где медные кони, триумфальные арки подворотен с гулкими, бесконечно переходящими один в другой дворами, бледная Нева, где охватывает дух одиночества, а ветер дует сразу с четырех сторон, навсегда остался в памяти Шостаковича.

В юности друзья прозвали его «Чтожтакович». Он ходил тогда с перебинтованным лицом, ему трудно было поворачивать шею — врачи нашли у него туберкулез лимфатических желез.

В 1921 году начался голод. На улицах огромные голодные очереди за хлебом, к хлебу стали подмешивать опилки, глину. Голоду сопутствовало массовое вымирание, самоубийства, людоедство, протесты, пода-

вляемые оружием. К концу года в стране голодало более 23 миллионов человек, от голода умерло 5 миллионов, беженцев — 21 миллион.

Если ты по какому-либо поводу вздумаешь мне послать телеграмму, то не пиши Петроград, а пиши Ленинград (впрочем, не знаю, кажется это название еще не привилось), ул. Марата 9, Шостаковичу. *(20 января 1924 г.)*

Петербург уже не существовал. Возник чуждо звучащий Петроград, переименованный в Ленинград. Кончился целый исторический период, и страна вступала в новый. Неведомый.

Зал был забит новыми слушателями — везде шинели, бушлаты, кожанки, — некоторые приходили с оружием, в зале курили, щелкали семечки, перекликались через весь зал.

Шостакович внимательно разглядывал из-под очков эту новую аудиторию — именно они скоро станут первыми слушателями его музыки.

Сейчас я ехал в трамвае с Васильевского острова. Переезжал Неву и проезжал Исаакиевский собор, который ночью производит потрясающее впечатленье, — и подумал: а в Москве этого нету. Есть паршивенькая Москва-река и бездарный храм Христа Спасителя. Ах, все-таки я безумно люблю Петербург как город. Москва с ее кривыми и душными улицами на меня нехорошо действует. Но все-таки главная достопримечательность города — это не Невский проспект и не Тверской бульвар, а обитатели города. Из-за обитателей я еду в Москву. *(9 мая 1925 г.)*

Уехав в Москву, тоскует по Ленинграду: **Острая тоска по Ленинграду еще не изжита. Утешает меня лишь то обстоятельство, что я здесь хорошо работаю. «Нос» сильно двинул вперед.** *(Январь 1928 г.)*

...Вот уже почти месяц, как я уехал из Ленинграда. Соскучился зверски...

В те годы Ленинград находился под влиянием новой музыки: неслыханные гармонии и тембры, ошеломляющие ритмы восхищали одних и вызывали негодование других. В Ленинград приезжал Пауль Хиндемит со своим квартетом, Дариус Мийо исполнял собственные сочинения, а также произведения Э. Сати, Ф. Пуленка, Ж. Орика; были исполнены «Песни Гурре» Арнольда Шёнберга. В Ленинградском государственном оперном театре (бывшем Мариинском) была поставлена опера Франца Шрекера «Дальний звон», а в 1927 году — «Воццек» Альбана Берга. Автор сам приехал из Вены, чтобы присутствовать на первом спектакле. (На приеме после премьеры Шостакович познакомился с ним.) В Малом оперном театре поставили две оперы Кшене-

ка: «Прыжок через тень» и «Джонни наигрывает», — которые имели большой успех. В Оперной студии консерватории шла «Саламанкская пещера» Паумгартнера.

В такой музыкальной обстановке находился Шостакович после того, как сочинил и услышал в оркестре свою Первую симфонию.

Он жадно впитывал все новое, знакомился с новой музыкой, освобождаясь от канонов академизма.

Я совсем их не знал и был густо начинен благонамеренной консерваторской премудростью. Лишь значительно позднее постиг я все огромное значение, талантливость, оригинальность и высокий художественный вкус того свежего течения в музыке, которое несли перечисленные композиторы. Отбросив все привитые мне предрассудки, с юношеской страстностью я стал тщательно изучать музыкальных новаторов.

Тогда только я понял, что они гениальны, особенно Стравинский — этот виртуозный колорист и редкий мастер оркестровки. Только тогда я почувствовал, что мои руки развязаны, что дарование мое свободно от рутины.

В 1944 году Д. Шостакович напишет гневное письмо в редакцию Большой Советской энциклопедии, где «как вопиющий случай», отметит отсутствие — А. Брукнера, А. Берга, П. Хиндемита, Л. Яначека, Р. Штрауса. А. Шёнберга.

Пройдет время, и страшные истоки формализма, в котором обвинят Шостаковича, будут находить в его музыкальных впечатлениях тех лет: «...наибольшую роль в культивировании и пропаганде формалистической музыки в двадцатые годы сыграли гастроли западно-европейских композиторов-формалистов (Казелла, Хиндемит, Мийо), пропаганда музыки апостола реакционных сил в буржуазной музыке Стравинского, Кшенека, Берга, Шенберга, в музыке которых воспевается эротизм, психопатия, половые извращения, аморальность и бесстыдство современного буржуазного героя двадцатого столетия, постановки опер откровенно декадентского характера (“Воццек” Альбана Берга, “Прыжок через тень” Кшенека, “Дальний звон” Шрекера и др.), представляющих “набор диких звуков”». (Т. Хренников)

Но именно эти впечатления сформируют окончательно музыкальный стиль Шостаковича, его язык, дадут новый толчок его творчеству.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Обращается к Вам женщина, мать, человек. Прошу Вас о помощи и защите. Мне сейчас 37 лет, а жить не хочется. Я измучена и не знаю,

куда деваться и где искать защиты. В течение последних пяти лет мы с дочкой жестоко страдали от пьяницы мужа и отца девочки. Ежедневные пьянки, скандалы, побои и отборная брань унесли все силы. Сдаваться я не хотела, пыталась сохранить Зенина Л.М. как мужа, отца, человека. Вначале беседовала с ним, во время диких выходок мы с девочкой убегали из дома, скрываясь от побоев. Всеми мерами я боролась с ним: лечила в психбольнице, отправляла не раз в вытрезвитель, в отделение милиции, обращалась на завод к директору и главному механику. Попытки улучшить положение ни к чему не привели. В сентябре 1966 года супружеские отношения между нами прекращены. На дочь я получаю алименты.

2.01.67 Зенин Л.М. уволился с завода радиодеталей, где он работал с 1955 года по собственному желанию. Ему предложили уволиться в связи с пьянкой и прогулами. Теперь он хочет уехать по вербовке в Оренбургскую область. А нас выселяют из комнаты. Предупреждение о выселении ссылается на ст. 340 Гражданского Кодекса РСФСР. Закон против нас. А если подойти по-человечески? Куда мы с девочкой пойдем?

Работаю с 1956 года на Горьковском заводе им. Петровского в ОКБ инженером по информации. Работу свою люблю, стараюсь выполнять ее хорошо. По роду работы занимаюсь переводами с английского и немецкого языков. В связи с недостаточными техническими знаниями учусь на V курсе, в мае буду защищать диплом.

Так неужели мне нет жизни, неужели я не заработала, не имею права занимать эту комнату (18 кв.м.) с дочкой вдвоем? И не все ли равно, от какого завода дом? Важно, что я живу и работаю в Советском Союзе и дожила уже до 37 лет. А в 37 лет и в канун юбилея Советской власти нас с дочкой выселяют из комнаты на улицу и даже среди зимы? К юристам я обращалась, они говорят, что законы нарушать нельзя, раз трудовые отношения с заводом прерваны, то подлежит выселению.

Помогите. Ответ прошу направлять по месту работы, так как в то время, может быть, уже выгонят на улицу.

Л. Зенина.

P.S. Дом, где проживаю сейчас, относится к Горьковскому заводу радиодеталей.

✉ *18 февраля 1969 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

К Вам обращается жительница г. Бор Гарихина Любовь Матвеевна. Несколько слов о себе и своей семье. Я работаю маляром валяльно-

войлочного производственного объединения, и хотя это не очень скромно, но о моей работе отзываются везде хорошо. Муж трудится в строительной организации Боржилстрой штукатуром. На нашем иждивении двое детей и старушка-мать. 15-й год мы живем в бараке на борской пристани. Здание, в котором проживает моя семья, как и почти весь жилой фонд поселка, давно признано аварийным. Но самое главное — семья, состоящая из 5 человек, занимает площадь 9 кв.м., т.е. не приходится и двух метров на человека. Нетрудно представить наши бытовые условия. А между тем старший сын в течение долгого времени болеет костным остеомиелитом и последние 2 года лежал в Дзержинском госпитале ИОВ. Каждое воскресенье мне приходилось привозить ему задание на неделю. В госпитале он продолжал учиться. Сейчас находится дома, но у него нет никаких условий делать лечебные процедуры, различные ванночки, перевязки, очень трудно надевать аппарат на ногу в таких условиях. На болезнь определенное отрицательное влияние оказали отвратительные квартирные условия. Как я писала, поселок наш стоит на берегу Волги, а в школу детишкам приходится ходить в г. Бор за 3 км. Дорога плохая, идет полем по сугробам. Каждый год поселок затопляет, скоро весна, и опять в школу придется ездить на лодке.

С нами живет мать, сын которой погиб на фронте Великой Отечественной войны, а муж, вернувшись с войны инвалидом 1-й группы, недавно умер. Скажу откровенно, что мой муж был вынужден перейти на работу из Горького в Боржилстрой в надежде получить скорее квартиру. Но, увы! Никакой отрадной перспективы не рисуется и ему.

Очень прошу помочь мне и моей семье получить человеческую квартиру, а не конуру, в которой мы живем полтора десятка лет. У нас есть и моральные основания просить Вас, ибо работаем мы с мужем честно и добросовестно.

Уже не раз мы обращались в Горсовет, постройком, посылали письмо депутату Чугунову И.И., но результатов никаких.

Помогите, пожалуйста! Я Вас очень прошу.

С уважением, Гарихина Л.М.

г. Бор, поселок Временный, барак 18, кв. 1.

В середине января 1969 года Шостакович вновь оказался в больнице, куда он отправился с запасами нотной бумаги и подставкой, чтобы удобно было работать.

Из больницы пишет: **Иногда я совсем падаю духом. Я хочу влезать в автобус, троллейбус, трамваи. Хочу не замирать от страха, ступая**

по эскалатору на метро. Хочу легко ходить по лестницам. Желания скромные. Последнее время я много сочиняю. С одной стороны «это влечение — род недуга», а с другой, видимо, старческая графомания. Сейчас пишу ораторию для сопрано, баса, камерного Баршаевского оркестра на слова Федерико Гарсиа Лорки, Гийома Аполлинера, Райнера-Марии Рильке и Вильгельма Кюхельбекера. Задумано, как мне кажется, интересно. Так или иначе, это занятие меня увлекает и развлекает. *(1 февраля 1969 г.)*

Шостакович написал симфонию с невероятной стремительностью.

Тринадцатого января 1969 года он лег в больницу, а через неделю вся симфония была написана им вчерне. К шестнадцатому февраля был готов клавир, а еще через две недели партитура.

Рука кое-как работает, глаза видят... 14 симфония (так я решил назвать этот opus), как мне кажется, является для меня этапным сочинением. Все, что я писал за последние многие годы, было подготовкой к этому сочинению. Возможно, впрочем, что я ошибаюсь.

Писал я очень быстро. Я боялся, что во время работы над 14-ой симфонией со мной что-нибудь случится, например перестанет окончательно работать правая рука, наступит внезапня слепота и т.п. Эти мысли меня изрядно терзали. Но все обошлось благополучно. *(19 марта 1969 г.)*

Второго марта 1969 года он окончил в больнице Четырнадцатую симфонию (ор. 135).

В одиннадцати актах этой музыкальной драмы, в которой участвуют люди разных эпох, стран, возрастов, предстают разные лики смерти.

«De profundis» — «сто горячо влюбленных сном вековым уснули» в знойной Андалузии.

В «Малагенье» — танец смерти в таверне.

Белокурая колдунья Лорелея, к которой «шли мужчины толпой, от любви умирая». Потеряв любимого, Лорелея бросается со скалы в Рейн.

Три лилии на могиле самоубийцы, с которых холодные ветры сдувают позолоту.

На войне «умрет до наступления ночи мой маленький солдат, любовник и брат» — трагическая бравада музыки военных.

Женщина потеряла сердце и исступленно хохочет «над любовью, что скошена смертью».

«В тюрьме Санте» — трагедия одиночества, на которое обречен узник. Он бродит по своей камере «в мертвой тишине, отсчитывающей его шаги, словно минуты украденной у него жизни...».

И тут же, оглушительным контрастом — «Ответ запорожских казаков константинопольскому султану» — издевательский саркастический смех, обращенный к тирану. «Все иначе, не так, как у Репина», — подчеркивал Шостакович.

И вновь контраст — элегия с ее неизбывной грустью на слова Кюхельбекера «О, Дельвиг, Дельвиг!». У В.К. Кюхельбекера стихотворение называлось «Поэты».

Финальный эпизод симфонии — стихотворение Рильке на тему смерти поэта, чье лицо «когда-то все о мире знало, но это знанье угасало и возвращалось в равнодушье дня».

Я думаю, что правильное впечатление получается, если это стихотворение считать центром. Оно о бессмертии человеческого духа, красоте человеческой мысли и дружбы. В немногих словах это выражено с удивительной силой.

К. Кондрашин: «Как-то весной 1969 года последовал звонок Дмитрия Дмитриевича с приглашением прийти к нему познакомиться с новым сочинением. Были приглашены также Р. Баршай и Р. Бунин. Дмитрий Дмитриевич показал нам Четырнадцатую симфонию. Играть ему было из-за болезни рук трудно. При этом он сам пел вокальную партию довольно тихим, я бы даже сказал, детским голосом. Однако целый ряд лирических моментов “Самоубийца”, “Смерть поэта”, “О Дельвиг, Дельвиг” и тогда произвели потрясающее впечатление. Чувствовалось, что это сочинение особенно дорого Дмитрию Дмитриевичу.

После исполнения, во время чаепития, он как-то мимоходом сказал, что несколько ночей не спал, отдав переписчику рукопись партитуры: “Я все время пытался выяснить, смогу ли по памяти восстановить сочинение, если вдруг потеряется оригинал”».

Предвидя сложное отношение к этому опусу, композитор поспешил дать интервью корреспонденту «Правды» — органа ЦК КПСС, процитировав слова советского героя-мифа Н. Островского из романа «Как закалялась сталь» о том, что жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо честно — этому и посвящена новая симфония.

✉ *11 апреля 1969 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Тяжелое горе, постигшее мою семью, вынудило меня обратиться к Вам с этим письмом. Отчаявшись добиться справедливого решения участи моего мужа, я решила обратиться к Вам с надеждой, что Вы окажете помощь в восстановлении справедливости...

27 мая 1968 года я была у Вас на приеме в гор. Горьком по делу моего мужа Богданова Григория Семеновича, осужденного 24 мая 1968 года...

Очень просим Вас обратиться в Президиум Верховного суда, чтобы освободить его или, в крайнем случае, уменьшить срок.

Богданова А.И.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР Д.Д. Шостаковичу*

От Допа Б.Т.

Коллектив нашего автопарка избрал меня выступить в качестве общественного защитника и уполномочил выступить в Горьковском областном суде по делу нашего товарища Богданова Григория Семеновича, работавшего в качестве инструктора нашего автопарка.

Я выполнил поручение коллектива. Но, к сожалению, при рассмотрении дела Богданова я столкнулся с неправильным решением его дела и несправедливо суровым приговором.

Горьковский областной суд 24 мая 1968 г. осудил Богданова по ст. 174 ч. II Уголовного кодекса к 4-м годам лишения свободы за то, что он несколько раз дал взятку начальнику цеха Горьковского автозавода Максимову и его подручным за получение для нашего Ленинградского автопарка № 75 необходимых запасных частей.

Участвуя в суде, я лично услышал рассказ многочисленных свидетелей и подсудимых о той страшной картине вымогательства, которую, пользуясь бесконтрольностью, создал на заводе бывший начальник цеха Максимов, от которого полностью зависело получение запасных частей. Люди открыто заявляли в суде, что Максимов установил «порядки»: не дашь взятки, не получишь запчастей.

Тяжелое положение с запчастями, из-за которых простаивают автомашины, вынудило руководство нашего автопарка обратиться с письмами на Горьковский автозавод. В командировку был направлен Богданов — один из лучших наших работников, коммунист.

Там он оказался перед фактом, что Максимов запчасти не дает и создает всяческие препятствия, открыто требуя взяток. Богданов вынужден был поддаться требованиям вымогателя и из своих личных денег, полученных под отчет на командировку, дать требуемые деньги Максимову. Впоследствии бухгалтерия эти деньги с Богданова удержала.

Никаких личных или корыстных целей Богданов не имел, действуя лишь с целью получить очень нужные на производстве у нас запчасти. Все доставленное из Горького до единого винтика он по документам сдал на склад нашего автопарка. Благодаря вовремя доставленным им

запчастям, не было сорвано выполнение задания и машины вышли на линию, доставляя продовольствие населению города и области.

По поручению нашего коллектива я просил суд учесть, что Богданов честный и добросовестный работник, участник Великой Отечественной войны, прошел славный боевой путь от Сталинграда до Будапешта. За смелость в бою награжден правительственными наградами. Имеет восемь благодарностей Верховного Главнокомандующего, в боях с врагом был тяжело контужен. Он тяжело болен. Перенес операцию, при которой ему удалили большую часть желудка. Перенес заболевание ящуром. Значительно утратил зрение, в связи с прошлой контузией и перенесенными заболеваниями. Страдает язвенной болезнью.

Коллектив наш просил учесть все эти чрезвычайные обстоятельства и дать возможность Богданову остаться в наших рядах. Тем более, что около 40 человек, совершивших вынужденно те же действия, что и Богданов, вообще от ответственности были освобождены.

Нам очень обидно, что суд пренебрег нашим мнением и без какой-либо необходимости этого хорошего и самоотверженного в труде человека осудил к 4-м годам лишения свободы.

Я не юрист. Я рабочий человек — шофер. Но мне кажется, и в этом я уверен, что дело Богданова решено неправильно.

Убедительно прошу Вас оказать нам помощь в правильном решении судьбы нашего товарища.

Допа Б.Т.

(На письме рукой Шостаковича выписан адрес жены Богданова: Ленинград К-220, ул. Бутлерова 6, кв. 151. Богданова Анна Ивановна)

✉ *(Из жалобы)*

...Дал взяток Максимову на сумму 185 рублей.

Майорову 10 рублей, угощение водкой и две банки консервов — 5 рублей.

Николаевой в декабре 1966 года — 30 рублей, в январе 1967 года 30 рублей и 25 шт. яиц.

А передававшие как и он тем же лицам взятки:

Арутюнян в сумме 377 руб.

Криворучко — 280 руб.

Дресвянников — 300 руб.

Архангельский — 225 руб.

Подмогильный — 200 руб.

Потугин — 200 руб.

Бэц — 200 руб. и многие другие (см. копию приговора стр. 8, 15, 16, 21)

Все эти лица (их около 40 человек) вообще освобождены от уголовной ответственности и проходят по делу лишь как свидетели.

При равенстве всех перед Законом, почему Богданов с его искренностью, честностью, раскаянием и безупречным прошлым выделен из числе сорока взяткодателей и направлен на 4 года в места лишения свободы?

Ни в приговоре, ни в материалах дела нет ответа на эту несправедливость!

Кассационное определение, вопреки требованиям, оставило без ответа доводы защиты...

В то время, когда Шостакович пытался помочь попавшему в беду человеку, он готовил премьеру своего нового сочинения. Второго и четвертого мая Шостакович присутствует на премьере Сонаты для скрипки и фортепиано (ор.134).

Я нахожусь в очень большом волнении перед премьерой. А волнующийся человек эгоистичен, и общество его бывает неприятно тем, кому приходится с ним общаться. Мое волнение меня удивляет. Ведь много было у меня премьер на моем веку. Были и хорошие и плохие. Д. Ойстрах и С. Рихтер играют очень хорошо. Может быть, так хорошо, что и волноваться не стоит. *(28 апреля 1969 г.)*

Д. Ойстрах и С. Рихтер будут играть мою сонату. Видимо, я отвык от своих премьер и поэтому ужасно волнуюсь, не сплю ночами и т. п. *(30 апреля 1969 г.)*

С. Рихтер вспоминал, как впервые встретил Д. Шостаковича: «Это случилось перед зданием одесской Оперы, в сумерках, когда еще не зажигаются уличные фонари. Шедший навстречу мужчина внимательно посмотрел на меня. У него были белые, без зрачков, глаза. Внезапно я понял, что это Шостакович, и мне стало не по себе».

Рихтер считал Шостаковича человеком «трудновыносимым для окружающих»: «Электрическая заряженность, истечение большой силы биотоков от всего его существа. Он всегда говорил с большим напряжением, как бы преодолевая себя, невидимое препятствие».

Когда Шостакович пришел к Рихтеру и Дорлиак репетировать свой вокальный цикл, то, по словам Рихтера, он испытал такое чувство, словно сам Чайковский пришел к ним в гости.

Успех концерта был огромный. Выходя на эстраду на поклоны, Шостакович все время боялся упасть. «Скандала боюсь... Пронимаете? Скандала...» — неверно ступая, повторял он.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Я обращаюсь к Вам и прошу принять мою жалобу к сведению. Я в 1968 году купил дом. Дом был ветхий, требовал, да и сейчас требует большого ремонта. Купил я его из-за сада, в надежде на то, что за счет дохода с сада сумею отремонтировать или заново построить дом. В настоящее время появилось решение Горсовета, на основании которого без моего ведома отводят 450 кв.м из 11,66 соток под застройку дома Мишенкову В.Н., который является зятем Музина В.Н. — работника райкома партии (зав. сельхозотделом), да еще доводится родственником председателю Горсовета тов. Мартынова И.Н. По всем габаритам и правилам противопожарного отношения постройка дома не положена. К тому же к дому он хочет пристроить гараж для личной автомашины, что также не положено, т.к. кругом деревянные постройки.

Я обращаюсь к Вам как к депутату и руководителю советского народа. Где искать правду, куда мне деваться. Я возмущаюсь тем, что все решается без хозяина — распоряжаются личной собственностью. Нас никто не спросил, никто не вызывал в Горсовет, никто ничего не говорил. Застройщику понравилось место. Он обмерил участок без нашего ведома, указал улицу, номер дома, подал заявление в Горсовет, остальное пошло по-родственному. Получил решение, после этого стал совсем наглым. Не раз самовольно обмерял участок. Я сказал, что он не должен обмерять без разрешения хозяина и представителей, он обозвал меня скотиной и помещиком и обещал нас всех морально уничтожить. Да и работник Горсовета тов. Мокшин тоже грубо вел себя при посещении, обещал выселить нас куда-то. И сам председатель тов. Мартынов тоже не хочет разговаривать на эту тему. Так ли В.И. Ленин учил руководить и обращаться с людьми? Я не достаточно грамотный, но понимаю, что это не период коллективизации и раскулачивания. Может ли он (тов. Мокшин С.М.) и за что куда-то нас выселять? Когда мы покупали в городе дом, нас должны были предупредить, что сад отрежется под застройку. Тогда бы мы не покупали этот дом...

Многие авторы писем ссылаются на Ленина — как он внимательно относился к народу, просителям, как умел помочь людям, а ленинская скромность вошла у людей в поговорку.

В стране десятилетиями насаждался культ вождя — «великого гения человечества». Раз запущенная и работавшая без сбоев пропагандистская машина миллионными тиражами печатавшая портреты, брошюры, альбомы, статьи, кинофильмы, плакаты, бюсты, значки, сувениры,

набирая все большие обороты, завалила страну своей продукцией и перешла ту грань, когда «от великого до смешного»...

Д. Шостакович тоже участвовал в создании мифа о вожде.

Несколько дней назад я закончил свою Двенадцатую симфонию, посвященную памяти Владимира Ильича Ленина. В своей творческой работе я всегда руководствовался вдохновляющими указаниями Коммунистической партии, — писал композитор.

В течение многих лет он говорил о своем желании «создать симфонию, посвященную бессмертному образу Владимира Ильича Ленина». **Жизнь и работа Ленина всегда были, есть и будут вдохновляющим примером для нас, советских строителей культуры. Нам надо работать так, чтобы быть перед Лениным всегда честными и добросовестными. Я горжусь тем, что в течение многих лет являюсь свидетелем расцвета советской музыки, развивающейся под руководством Ленинской Коммунистической партии Советского Союза.** *(«Жизнь Ленина — вдохновляющий пример для нас», «Советская музыка», 1970 г., № 4)*

Когда отмечалось девяностолетие со дня рождения Ленина, в своем выступлении по радио композитор вспомнил, что встречал Ленина, вернувшегося из эмиграции, у Финляндского вокзала, когда тот прибыл в Петроград, — композитору было тогда десять лет. Оказывается, он шел в колонне, чтобы услышать речь вождя.

Хренников восхищался: «Нельзя без волнения вспоминать знаменательный факт: десятилетний питерский мальчик Митя Шостакович с огромной толпой рабочих пришел 3 апреля 1917 года на Финляндский вокзал встречать возвращавшегося из эмиграции В.И. Ленина. От тех детских впечатлений через всю жизнь пронес он нежную и убежденную любовь к вождю революции, к ее идеям и делам; хорошо известно, что он неоднократно воплощал образ Ильича в музыке. Без этой любви не было бы лучших творений Шостаковича...»

Симфония будет состоять из четырех частей. Первая часть задумана мною как музыкальный рассказ о приезде В.И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года, о его встрече с трудящимися, с рабочим классом Петрограда. Вторая часть отразит исторические события седьмого ноября. Третья часть расскажет о гражданской войне, а четвертая — о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Трудно говорить о своих сочинениях, но тема новой симфонии меня очень волнует, и думается, что это произведение должно быть важным этапом в моей творческой биогра-

фии. Я придаю ему большое значение. Что помогает мне в осуществлении этой ответственной задачи? Конечно, на создание моей симфонии главным творческим импульсом для меня послужило то, что я, хотя и в очень молодом возрасте, был свидетелем Великой Октябрьской социалистической революции. Я жил тогда в Петрограде, и все события того времени запомнились мне на всю жизнь.

Композитор приурочил окончание Двенадцатой симфонии к съезду Коммунистической партии. Шостакович был глубоко уязвлен, когда Мравинский отказался дирижировать премьерой симфонии.

Из записок секретаря З.А. Гаямовой: «Я его спрашивала о новом внуке. На кого он похож. И Д.Д. с удовольствием сказал: "Вы знаете, я считаю, что он похож на меня". Мальчика назвали Дмитрием.

Он посидел у меня немного. Говорил о том, что в Москве будут исполнять 12 симфонию в дни съезда партии, дирижировать будет кто-то другой, а не Мравинский.

Было много звонков с просьбой сказать, где и когда сегодня будет прослушивание 12-й симфонии. Я об этом спросила Д.Д. Он мне ответил: "Кто меня любит, тот не пойдет". Говорит, что исполнением он не доволен».

Еще в начале века Бунин написал в «Окаянных днях»: «День и ночь живем в оргии смерти. И все во имя "светлого будущего", которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака. И образовался на земле уже целый легион специалистов, подрядчиков по устроению человеческого благополучия. "А в каком же году наступит оно, это будущее?" — как спрашивает звонарь у Ибсена. Всегда говорят, что вот-вот: "Это будет последний и решительный бой!" — Вечная сказка про красного бычка...

И еще одно торжество случилось тогда в Петербурге — приезд Ленина. "Добро пожаловать!" — сказал ему Горький в своей газете. И он пожаловал — в качестве еще одного притязателя на наследство. Притязания его были весьма серьезны и откровенны».

Прибыв через Германию в Россию, Ленин имел в виду вот что: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции».

Один из советских мифов — письма трудящихся Ленину, якобы полные любви, преданности и безграничного доверия. В течение десятилетий советская пропаганда твердила о всеобщей любви к «гению всех вре-

мен и народов», «великому зодчему народного счастья», ведущему к вершинам.

Но во множестве были и другие, о которых предпочитали молчать и которые остались в архивах. Вот некоторые:

«...Палач Ульянов! Захлебнитесь в том потоке крови, которую вы пролили в угоду немцам. Даже при ненавистном самодержавии мы не видели тех пыток, насилий, убийств и грабежей, какие дали вы, кричащие о том, что хотите дать счастье и свободу народу. Лжете вы! Вам именно нужно несчастье и позор России. Ведь плата Вильгельма высока, можно ради этого предать свою совесть, что вы и сделали. Мы, женщины, проклинаем вас, подлых предателей, проливших столько невинной братской крови.

Знаете ли вы, Ульянов, слуга немецкий, что дни ваши сочтены. Если мужики бездействуют, так мы, женщины, избавим Россию от бешеной подлой собаки Ульянова...»

«...Товарищ Ленин!

Скоро придет и ваш час. В Москву из Орла посланы тайные агенты с поручением убить доступными средствами Ленина, Троцкого и Мирбаха. Все ясно поняли, что вместо свободы все стали бесправными рабами какого-то безличного государства, всем эта свобода переела шею... Нахальство членов совета и красноармейцев довело всех до белого каления. По городу Орлу члены совета ездят с головокружительной быстротой и ежедневно давят автомобилями человек по 6–7, да по 2–3 лошади. Да редкий день бывает, чтобы не разбили автомобилем трамвайного вагона и чтобы не изувечили бы человек 6–10.

Товарищ Ленин!

Покуда не поздно, уходите. Не насилуйте народ. Необходимо уступить желанию народа, нужно иметь хоть каплю человечности. Ведь и так изрядно потерзали народ и выпили почти всю кровь. Народ ужасно голодает, получает 1/4 фунта овсяного хлеба. Больше похожего на свиное месиво. Горького, ядовитого. Дети мрут как мухи. Немедленно надо для блага народа и собственного благополучия распустить советы и вам с Троцким скрыться, пора вам и честь знать, поцарствовали, все распылили. Народ голодает, члены советов, красноармейцы, матросы ведут разгульную жизнь и обжорствуют с властями. Деторождение сведено до минимума, а разврат процветает.

Ленин! Умоляем Тебя — Владыка насилия, бесправия и поругания человеков и тобою рожденного растлителя России Троцкого — уясни-

те нам, кто вы именно? Подлые ли ставленники Вильгельма, предатели или глупые идиоты, дегенераты, мечтающие растлить государство, убить культуру, основать пастушескую идиллию. Так, впрочем, шпионы ли вы или дегенераты, идиоты, то и другое неутешительно, завели вы нас в трясину, подлые вы людишки. Посланных из Орла агентов убить вас бойтесь.

1918 год 28 июня.

Орел. Председатель Орловского Губернского Совета товарищ Алхимов».

«...Товарищ Ленин, видя всю ту бессмысленную вакханалию, которую Ты, товарищ, и твои присные опричники творят уже год с лишним, не могу молчать.

Стыдно, Товарищ, быть палачом страны.

Одумайся, и постигни самую простую истину, что нужно прежде всего уважать личность, накормить народ, а потом разводить антимонию по своей программе.

Итак, Товарищ, подумай хорошенько, что ты сделал и что ты делаешь теперь. На тебе как на Каине лежит печать проклятия, если ты поведешь страну, мою дорогую Россию и наш русский, добрый и терпеливый народ до разрушения и гибели».

Образ светлого будущего, образ врага, образ всеобщего благоденствия, мнимого изобилия, счастливого труда — эти и многие другие излюбленные и отточенные советской пропагандой образы стараниями поколений художников, литераторов и музыкантов составили обширную советскую мифологию.

Существовала целая система мифов, с подменой реальности — вымыслом, настоящего — будущим, с верой в любую идейную фантазию, своего рода советские сказки, в которые верила почти вся страна.

«Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту...» *(Ленин. Собр. соч., т. 5, с. 360)*

Но были и те, кто не верил.

«...Кто из здравомыслящих людей способен понять этот словесный бред о капитализме, империализме, социализме и т.п. У нас у самих все имеется, кроме социализма, который только славословится, но отнюдь в жизнь не проводится. Посмотрите вокруг себя и вы увидите те же злоупотребления власти, растраты, насилие над личностью, банкротство,

пьянство, самодурство, произвол, разврат, хулиганство, чванство, судебную и административную волокиту и т.д. Вокруг этого безобразного круговорота облепилась как короста нищета.

Товарищи! Неужели такой ужас можно назвать социализмом? Если социализм уживается с такими пороками, как несправедливость, насилие, взяточничество, холопское высокомерие, намеренное извращение правды в корыстных целях, протекционизм, кастовая озлобленность, превышение власти, травля посредством судебной волокиты с целью мести и т.д., то либо теория социализма умозрительна, неприменима в жизни, либо те люди, которые кричат о строительстве социализма, неспособны претворить его в жизнь, либо, наконец, много развелось вредителей.

Как бы то ни было, но жизнь у нас не только не соответствует социализму, а прямо наперекор ему все более становится нестерпимой. Посмотрите вокруг себя, откройте ваши дремлющие глаза и вы увидите.

Насильственное же проведение социализма при посредстве малограмотных чиновников, ищущих личной выгоды, не может осуществиться никогда, от уродов родятся только уроды. Десятилетний опыт показал, что то, что делается теперь, неосуществимо».

Селькор Л. Бондаренко, пос. Южный Харьковского округа, 1928 год».

«Дела никакого словами не объясним, а сказками про что хошь расскажем...» — говорили в народе.

«Какая хорошая будет жизнь!» — рефрен кинофильма «Одна», для которого Шостакович писал музыку, рефрен жизни нескольких поколений советских людей, мечтавших о светлом будущем.

На протяжении десятилетий Шостакович участвовал в создании советского мифа, выразив образ революции и ее вождя в своих «исторических» симфониях, связанных с драматическими событиями XX века.

Октябрьскую революцию я встретил тоже на улице, причем тогда кто-то, оказавшийся, как писали в газетах, бывшим городовым, застрелил у меня на глазах маленького мальчика. Этот трагический эпизод сильно врезался мне в память.

Шостакович в детстве стал свидетелем конца Петербурга, сметенного вихрем революции, с ее кровавой карнавальностью, нечеловеческой жестокостью и криком смертельно раненного мальчика в толпе.

Этот крик через годы он воссоздаст в своей симфонии, посвященной событиям, свидетелем которых стал.

Кажется, в самом городе, его ритме что-то бесповоротно надломилось и изменилось.

Александр Блок в одной из своих последних статей старался понять, почему большая часть русской интеллигенции не приняла революцию. Он считал, что тот, кто не умеет жить внутренней музыкальной жизнью и понимать музыкальную сторону вселенной и человеческого общества, не может понять и революцию.

Может быть, именно эта сторона революционных событий, привлекла Шостаковича?

Как никто другой, он чувствовал присутствие смерти и в масках революции, и в ее празднествах, и в гибели старого мира.

«Настоящим дышать невозможно. Можно дышать только... будущим», — сказал Блок в своем последнем выступлении, посвященном Пушкину.

Одиннадцатую симфонию Шостаковича «1905 год» многие восприняли как уступку властям, а ее программность — данью конъюнктуре. Но эта симфония приобрела бы другой смысл, если бы сохранилась надпись, сделанная первоначально на партитуре самим Шостаковичем, — «1906» — год его рождения. Об этой первоначальной надписи упоминал зять Шостаковича. Тогда эта симфония не о событиях Первой русской революции 1905 года, а о том, что пережил он, родившийся в 1906 году, в канун Октябрьской революции, и подхваченный ее вихрем, подчас уничтожавшим все на своем пути.

Дворцовая площадь затаилась накануне грозных дней. Ее зловещая красота лишь усиливает предчувствие кровавых событий...

«...Эстетически и технически примитивная провинциальная галиматья, длящаяся час», — раздраженно сказал об Одиннадцатой симфонии И. Стравинский.

✉ *Многоуважаемый профессор,*

к Вам обращается врач небольшого итальянского приморского городка, находящегося вблизи города Генуи. Я большой почитатель Вашей музыки, считаю, что излишне воздавать ей хвалу, Ваша музыка и созданные Вами произведения выше всякой хвалы. Я очень люблю Вашу 11-ю симфонию «1905 год» соль минор. К сожалению, в имеющейся в Италии музыкальной литературе я не нашел ничего могущего дать мне представление о том, что руководило Вами при создании этого грандиозного произведения. Особенно меня поражает первая часть — «Дворцовая площадь», и я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы могли дать мне подробное описание темы, так чудесно и мастерски Вами разрешенной красочной оркестровкой и размахом.

Простите за беспокойство, благодарящий Вас за ответ, остаюсь с уважением, Ваш поклонник
Др Джино Дамонте
Аренцано (Генуя). Италия.

О себе Д. Шостакович писал: **Наследственность. Со стороны отца: дед мой, поляк, в 1863 г. был сослан в Сибирь за участие в польском восстании.**

С польским композитором и дирижером Кшиштофом Пендерецким я встретилась после одного из его концертов в Москве, где маэстро дирижировал Шестой симфонией Шостаковича. В начале разговора я напомнила, что симфония написана в год заключения пакта Молотова–Риббентропа, разделившего Польшу, на что маэстро ответил: «Музыка не связана с политикой. Но она связана с историей. Музыка Шостаковича абсолютно универсальна. Даже если по каким-то причинам он вынужден был давать названия некоторым своим симфониям, даже политические названия — это совершенно не влияло на музыку этих сочинений. Например, в Шестой симфонии столько трагизма, это сочинение человека, раздираемого противоречиями, который не может сказать то, что думает, но может это выразить музыкой. И этот сарказм в двух быстрых частях — он как бы показывает язык — "я все равно все могу сказать своей музыкой"». *(Из интервью автору)*

Одни называли симфонии Шостаковича романами о времени, другие — историческими хрониками. Искусство Шостаковича — это его собственное бытие, его страхи, его ощущение космического.

Он выбирал самые острые, самые драматические моменты человеческого существования, человеческой жизни и жизни человечества.

В мае 1969 года в Москве состоялись гастроли Герберта фон Караяна, который в Большом зале консерватории дирижировал Десятой симфонией Шостаковича.

Шостакович был очень взволнован, он обнимал дирижера, повторяя: «Вы дали новую жизнь моей симфонии!»

В дневнике Е. Мравинского, который был первым исполнителем симфонии, есть запись, как однажды во время репетиции Десятой симфонии Шостакович воскликнул: «Дух захватывает!»

Мне посчастливилось слышать Десятую симфонию в исполнении этих двух великих дирижеров, столь по-разному интерпретировавших ее, — такой грандиозной, мощной Десятой никогда больше слышать не приходилось.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Обращаюсь к Вам с просьбой, которая не решена положительно местными органами из-за бюрократизма и бездушия. Заболел я в возрасте 26 лет, прослужив до этого в рядах Советской Армии и проработав на производстве, имея 10 лет трудового стажа. Я прилагаю все свои усилия для того, чтобы быть в рядах строителей нашего прекрасного Социалистического общества. При улучшении жилищно-бытовых условий лечение шло бы более эффективно, и я смог скорее добиться желаемых результатов.

С уважением, Жарков Ю.Н.

Извините за беспокойство.

✉ *18 июня 1969 г.*

Уважаемый наш депутат!

Состояние здоровья вынудило меня установить в квартире телефон. За установку на общих основаниях пришлось уплатить двадцать рублей, что составляет почти одну треть получаемой мною пенсии. Позднее от своих товарищей-инвалидов, горьковчан и москвичей, я узнал, что инвалидам Отчеств. Войны первой группы делаются исключения и телефоны устанавливаются бесплатно. Написал в Мин-во Связи, чтобы такое исключение сделали и мне, вернув уплаченные мною за установку аппарата деньги, описав свое тяжелое материальное и физическое состояние. Мое заявление из Москвы было переслано на рассмотрение в Горький и, конечно, мною получен отказ со ссылкой на то, что из Москвы на это они не имеют разрешения. Получается как в известной басне. Поэтому я и решил обратиться за помощью к Вам, нашему депутату.

Я, кроме тяжелых фронтовых ранений, несколько лет назад заболел туберкулезом, мне требуется усиленное питание, а никаких дополнительных источников, кроме пенсии, я, моя жена и 80-летняя мать не имеем. Из-за беспомощности нас двоих, требующих постоянного ухода, жена не имеет возможности пойти работать. Поэтому в нашем семейном бюджете двадцать рублей имеют большое значение. А без телефона мы обходиться не можем, т.к. часто приходится вызывать «Скорую помощь», так что телефон для нас не роскошь, а необходимость.

Отказ в возврате денег считаю обычной формальностью, нас, фронтовиков первой группы, до сих пор несущих свою тяжелую фронтовую ношу, осталось уже немного, и смешивать эти остатки со всей массой инвалидов работникам связи не следовало бы, это отговорка. Родина, которой мы отдали все, что могли, не нуждается в моих копейках, и если их с меня не возьмут, ей это ущерба не причинит, если, конечно, к этому вопросу отнестись более внимательно и человечно.

Пользуясь случаем, прошу Вас принять от меня пожелание больших успехов не только в творческой деятельности, но в депутатской на благо народа.

С глубоким уважением

инв. Отеч. Войны I гр.

З.З. Федосеев.

✉ *20 июня 1969 г.*

Уважаемый тов. Шостакович!

Обращаюсь к Вам как к нашему депутату. Обращаюсь по поводу топлива.

Живу я в г. Богородске Горьковской обл. Сама я пенсионерка, проживаю в коммунальной квартире, для отопления мне на зиму необходимо 3 тонны угля. В марте месяце этого года я записалась в очередь в Богородском Гортопе, очередь моя 448. Всего на сегодняшний день из моей очереди уголь получили 77 человек. Как мне, старому, больному человеку, не волноваться, не переживать, если дом у нас каменный, живу я внизу, уже в сентябре нужно протапливать, а никакого угля у меня нет, и когда будет, неизвестно.

Несмотря на то, что уже ранней весной было опубликовано постановление Совета Министров СССР об увеличении снабжения топливом населения, никаких сдвигов в нашем городе нет. Второй год Горьковский Гортоп дров для населения не имеет.

Вот все это и заставило меня обратиться к Вам как нашему депутату. Год от года все хуже с топливом. И год от года человек делается старше, и все меньше у него сил, энергии для пробивания такого вопроса как покупка трех тонн угля.

Нозина Зинаида Григорьевна

г. Богородск Горьковской области.

«О музыке знает каждый, а вот о его делах знает не каждый. А ведь этот человек был действительно, как Иисус Христос, он ходил и помогал всем страждущим. Кого из тюрьмы вытащит, этому по болезни денег подсунет, и при этом скажет, что это не его деньги, а профкома. На самом деле потом на проверку оказывается, что он дал из своего кармана. То он кого-то устроит на работу, то кому-то квартиру пробьет, то кого-то спасет от голода, — вот это та сторона, которая менее всего известна. Потому что в отличие от нынешних героев, которые любят делать добро перед телекамерами, он делал это тайком, то есть по велению совести. Сейчас таких людей я почти не знаю», — вспоминал Б. Тищенко. *(Из интервью автору)*

К тридцатилетию своего бывшего ученика Д. Шостакович инструментовал его виолончельный концерт. **С трепетом посылаю Вам партитуру. Поверьте, что я инструментовал Ваш концерт с полным уважением и с большим восхищением к клавиру. Более подробные объяснения я буду давать Вам при встрече... И надеюсь оправдаться.** (*15 мая 1969 г.*)

На протяжении нескольких лет мы встречались с Борисом Ивановичем во время моих приездов в Ленинград, а потом в Петербург у него дома. Разговор шел и о Шостаковиче. Вот несколько фрагментов из съемок разных лет:

О.И. Борис Иванович, что это за история с концертом?

Б.И. Это долгая история. У нас тогда в консерватории вообще произошел взрыв, — у нас стали преподавать Мравинский, Ростропович, Шостакович, — так и написано было в расписании: «Шостакович — такой-то класс, такие-то часы. Ростропович — такой-то. Мравинский — такой-то». Вы можете поверить в такое?

И вот Ростропович — он тоже «бурлил», как всегда, знакомился со всеми, в том числе и с классом Дмитрия Дмитриевича, — а я тогда играл Фортепьянный концерт. Он подошел ко мне и говорит: «Напишите мне, пожалуйста, Виолончельный концерт».

А у меня план уже сверстан. Я говорю: «Хорошо». И начал писать ему Виолончельный концерт. И вместо Третьей сонаты, которая у меня в плане стоит, я приношу Дмитрию Дмитриевичу начало Виолончельного концерта. Он говорит: «А почему, собственно говоря, почему Виолончельный концерт, а не то, что у вас стоит в плане?». Я говорю: «А меня Ростропович попросил». — «А если вас еще кто-нибудь о чем-нибудь попросит, вы все так и будете?».

Конечно, гнев прошел, Дмитрий Дмитриевич в это сочинение как-то втянулся и его полюбил. Потом, через несколько лет, он вдруг говорит: «Пришлите мне, пожалуйста, клавир вашего Первого виолончельного концерта». Я говорю: «А партитуру?». — «Нет, партитуру не надо, партитуру потом». Я говорю: «Зачем?» — «А вот вы, — говорит, — однажды обмолвились о том, что хотели соркестровать мою Четвертую симфонию, так вот мне тоже пришла охота пооркестровать».

И через некоторое время — это было приурочено к моему дню рождения, к 30-летию, — я получаю по почте рукопись Дмитрия Дмитриевича — мой Виолончельный концерт в его оркестровке.

Послать по почте рукопись!

Я, конечно, тут же схватил эту партитуру, и своей рукой тщательно переписал. И нашел там несколько вещей, которые у меня вызвали во-

просы — и при встрече спросил: «Дмитрий Дмитриевич, а почему вы сделали так?».

Он так посмотрел: «Дареному коню в зубы не смотрят».

О.И. Расскажите о Репино — вы ведь там часто встречались с Дмитрием Дмитриевичем.

Б.И. В Репино очень много что было. Помню, в Репино приезжал Мстислав Леопольдович Ростропович, и тогда мне от Дмитрия Дмитриевича страшно попало.

Ростропович приехал откуда-то с очередной новой машиной, взял коттедж в Репино, на радостях зашел к Дмитрию Дмитриевичу, посидел у него, потом пришел ко мне, мы с ним долго разговаривали, выпили. Потом, как говорит Зощенко, «водки как всегда не хватило». А под утро птичий стук в окно. Я выглядываю — Дмитрий Дмитриевич: «И это называется “великий артист”. Он у меня посидел, выпил, у вас посидел, выпил, так вы еще к Анечке за маленькой бегали. И это называется “великий артист”...».

Кому здесь попало, «великому артисту» или мне, не знаю, трудно понять, потому что натура загадочная.

Он, между прочим, очень знал меру и ненавидел пьяных людей. Ненавидел. Вот в том же Репино у него был день рождения 25 сентября, и там развели костерок, там же и бутылочки были, и... мне не хочется называть фамилию композитора, его сейчас нет в живых. И вот Дмитрий Дмитриевич выходит из общей кучи пьющих и греющихся у костра, подходит ко мне: «Ну что это такое? Ну что это такое? Вот как напьется, так сразу начинает обниматься, лезет целоваться: “Ну ты меня уважаешь, я тебя уважаю...”» Он этого терпеть не мог. И никогда в жизни не переходил норму. Выпивал несколько рюмочек — и все. И стоп. После этого он становился веселым, начинались воспоминания, начинался монолог, он начинал вспоминать какие-то эпизоды, как правило, смешные из своей жизни, и все думали об одном: только бы это не кончалось — в его рассказах было столько веселья, юмора.

О.И. А помните какие-то истории?

Б.И. Однажды он вспоминал своего учителя по инструментовке, который до этого служил в каком-то военном музыкальном ансамбле. Тот спрашивает: «Почему в кавалерии играют на трубе, а на кларнете не играют?» Студенты говорят: «Не знаем». — «А лошадью вы какой рукой будете управлять?» Оказывается, трубу можно держать одной рукой, а кларнет нет — вот это он вспоминал. Ну много чего еще... Когда по поводу, со студентами — я вспоминаю все его словечки, все его выражения, а вот так по заказу не могу...

О.И. У него действительно были иногда такие свои словечки, поразительный язык у него и в письмах.

Б.И. Это был, по-моему, великий литератор. Литературное наследие Дмитрия Дмитриевича можно поставить только рядом, скажем, с Зощенко. Талант — он везде талант, но он еще и литературным талантом обладал.

Помню, мы гуляли с ним по Никольскому садику вдвоем, и разговор зашел о Дон Кихоте, о Швейке. Я спросил: «Вы любите Швейка?» Он говорит: «Очень». Причем с таким нажимом, что я понял, что Швейк — это одна из его священных книг, моя, кстати, тоже. Я считаю, что Швейк — это божественная книга, несмотря на то, что там полно кажущегося богохульства, а на самом деле так же, как книга Рабле... Да, я не договорил. Вот в Никольском садике зашла речь о Дон Кихоте, я сказал, что, к стыду своему, Дон Кихота не читал. Он говорит: «Какой вы счастливый». Я говорю: «Почему, Дмитрий Дмитриевич?» — «Вам еще это предстоит. Какое счастье предстоит».

Он читал все. Выписывал все газеты, по-моему. Он выписывал огромное количество журналов, причем прочитывал все.

О.И. А что его интересовало в учениках?

Б.И. Ученики у него все были любимые. Я не слышал от него ни одного слова хулы в адрес своих учеников. Ни одного. Правда, он был очень критичен, он мог довольно язвительно высказаться не только о какой-то технологической промашке в партитуре, но и каком-то поступке своего ученика.

Помню, однажды в Репино зашла речь о дирижере Александре Сергеевиче Дмитриеве, который как раз в это время тоже был в Репино. Дмитрий Дмитриевич говорит: «Мне нужно с ним побеседовать». Я пошел к Саше, — а он спал в это время, — я его растолкал: «Саша, тебя Дмитрий Дмитриевич ждет, ему нужно с тобой побеседовать». Он: «Сейчас, сейчас», — стал одеваться. Я пришел к Дмитрию Дмитриевичу и говорю: «Сейчас Саша придет, он спал, я его разбудил, он сейчас придет» — «Как вы смели, — возмутился Дмитрий Дмитриевич, — как вы смели? Разве можно будить спящего человека? Как можно нарушить покой человека?» Вот он весь в таких мелочах.

О.И. Вообще, что это был за человек?

Б.И. Он был... это человек Космоса был. Во всех отношениях. Насколько у него было трагическое мироощущение, настолько он чувствовал и умел выразить юмор. Насколько он был человек горестный, даже страдающий, — он даже не скрывал этого, ~~и на~~настолько он был и веселый, жизнерадостный. Принято считать, что он какой-то один, мученик, стра-

далец — ничего подобного. Это человек, в котором воплотилась вся сфера человеческих эмоций.

О.И. Если бы вам пришлось описать Шостаковича человеку, который никогда его не видел.

Б.И. Я, прежде всего, сказал бы, что этот человек страшно общительный. Человек, у которого нет секретов от мира, он всегда умел выразить то, чем его наградил Бог, любым способом: и словом, и делом, и музыкой.

Если он внешне был сдержан, а он всегда был сдержан внешне — и в радости, и в горе, и в беде он никогда не выдавал своих эмоций. И точно так же он вел себя, когда над ним разражались бури, грозы, когда было гонение 1936 года, когда было постановление 1948 года... Я говорю: «Дмитрий Дмитриевич, как же...» — «Да ладно. Бросьте, что вы, какое это имеет значение?»

Правда, он однажды мне показал альбом, где вырезки из статей. Показал, а потом захлопнул: «Ладно, ладно, об этом больше не будем». Не хотел, для него это не имело такого значения, хотя ясно, что удары по сердцу ему приходились такие, что кончилось, как известно, тремя инфарктами.

И когда происходили триумфальные премьеры, он собирал некоторое количество гостей, немножко выпивали и расходились. Все. Никаких шумных банкетов, — терпеть не мог славословия, лести.

Описать Дмитрия Дмитриевича — это все равно, что описать теорию относительности Эйнштейна, это невозможно, это как описать «всеобщую теорию всего». Это очень трудно. Или, например, объяснить происхождение жизни — это загадка, это феномен, как всякий гений, да и вообще не только гений, как всякий живой человек, как всякое живое существо, даже как муравей, муравья не объяснишь, а попробуй, объясни Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Это невозможно... Он был вечное дитя, вечный отрок...

Для меня имя Шостаковича носит все-таки религиозный оттенок. Недаром Фаина Георгиевна Раневская спросила со свойственной ей иронией и проницательностью: «А скажите, пожалуйста, он действительно божественного происхождения?» Я подумал: «В этом же вопросе столько смысла. Это же не шутка, это не риторический вопрос».

А Анна Андреевна Ахматова, которая подарила Дмитрию Дмитриевичу книгу: «Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, в чью эпоху я живу на земле»! Вот это оценка двух величайших русских женщин, лучше, наверное, не скажешь. Что я могу еще к этому прибавить?

Сочинение появлялось внезапно. Никаких лишних слов до этого: «замысел», «вынашиваю», «обдумываю» — этого ничего не было.

Его мнения всегда определенны, точны. Он не любил половинчатости, рыхлости во всем — в высказываниях, вкусах, вплоть до мелочей.

— Какого чаю вам налить — покрепче или послабее? — спрашивает.

— Мне все равно...

— Как может быть все равно? Либо покрепче, либо послабее.

Не любил пространных абстрактных рассуждений, общих мест. Никакой велеречивости, патетики, все конкретно, точно, емко.

Пунктуален до мелочей, точен до секунд. Ни одного письма без ответа, ни одной просьбы без внимания.

Человека ценил только за его дела, а не за слова или занимаемую должность. Очень требователен к людям, а еще больше — к себе.

Дмитрий Дмитриевич не любил смеха грубого, сального. Его требования к юмору очень высоки. Он часто видел смешное там, мимо чего мы проходим, ничего не заметив. С возмущением говорил как-то об одной кинокомедии: «Ну что тут смешного: человек падает головой в тарелку? Вообще фильм совсем не смешной. Одно лишь место смешное: женщина в широкой монашеской шляпе не может пройти через узкую дверь и наклоняет голову набок».

Ценил не только творчество, но и замечательные человеческие качества. Философия Шостаковича: «Каждый человек такой же, как я».

Огромные требования Дмитрия Дмитриевича к духовному сочетались с нетребовательностью к материальному. Он очень неприхотлив в быту. «Ешь, что дают», «Была бы крыша над головой». Он против роскоши, безделушек. Нет у него и личных претензий к обществу.

Удивительно добрый и непримиримый, смеющийся, колючий, страдающий, даже стонущий, как от раны в сердце, и нежный, заботливый — таков этот человек... такова его музыка. *(Из интервью автору)*

✉ *15 мая 1969 г.*

Проживаю я в г. Горьком с 1950 г. Работаю в качестве водителя трамвая. До сих пор не имею жилплощади. Живу в общежитии, с 1958 г. стою на очереди на получение квартиры, но очередь моя никуда не движется. Десять лет кормят обещаниями. Два раза совсем выбрасывали с очереди. Говорили, что не имею права на жилплощадь, потому что одиночка. А я живу тоже один раз, как и все, и хочу жить как люди. Разве я виновата в этом, что я из-за этой работы получила болезнь и стала инвалидом, нахожусь на группе инвалидности. Была нужна, когда работала безотказно, но сейчас до меня нет дела никому. Погибаешь, ну и погибай, раз одиночка. На долю выпала женская карта судьбы.

Два раза была в Горкоме партии. После их приема была месяц на больничном от их ответов. Вот как обращают внимание на рабочего человека. Я до крайности возмущена, сколько лет еще мне будут обещать, но не исполнять своих обещаний. Сколько будут лежать мои жалобы под сукном. Обещали, когда сдадут дом. Дом заселили — не дали, сказали — при первом распределении райисполкомовской жилплощади — не дали. Но я такой же человек, как и все, и имею право на жизнь, а не на существование. На все есть гарантии, но только нет такой гарантии, когда я получу квартиру. Да и кто же может дать эти гарантии, когда творится полное безобразие. Председатель цехкома стремится получить уже третью квартиру, не говоря уже об остальных. Об этом знает начальство, но все молчат, обманывая государство, куда смотрит Народный Контроль. Я не знаю, куда мне еще обратиться, искать правду, но я буду искать ее насколько хватит моих духовных сил.

Я убедительно прошу Вас мне помочь выбраться из этой пестрой путаницы несправедливости, если в Вас бьется человеческое сердце и если есть хоть маленькая доля правды на земле.

Долгополова.

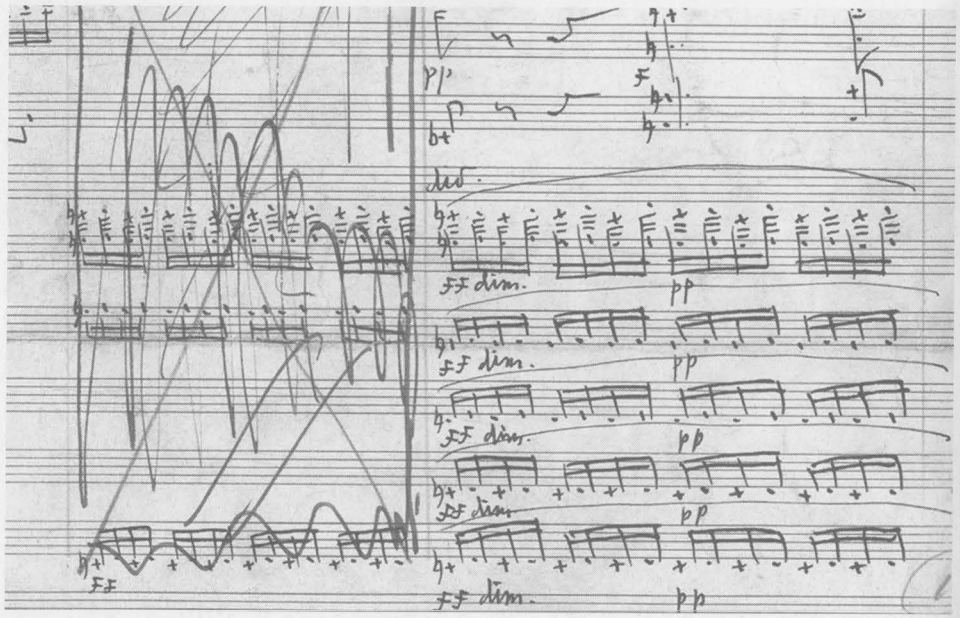
✉ *25 августа 1969 г.*

Моему возмущению нет предела. Вынуждена писать Вам в третий раз. Повторяться в жалобе не буду, а напишу главное. Пишу не ради удовольствия, а у меня безвыходное положение. Одиннадцать лет стояла на очереди на квартиру и вот наконец-то дождалась. Престарелые родители находятся со мной, в общежитии. Сама на группе инвалидности, нужен отдых, и мне дают на троих 17 метров, да еще и кухня на двоих хозяев. Представьте себе, всю жизнь прожить в общежитии на птичьих правах, и опять дают мне тоже общежитие. Я так устала от этого общежития, что не хватает слов выразить эту обиду. В конце концов, где же совесть этих людей, которым доверил народ. Они меня скоро в могилу загонят с этой квартирой. Скорее получу в земле два метра, вот там, наверное, дадут по справедливости, как и всем. В порыве гнева я готова стать на любой путь преступления, больше меня ничто и никто не остановит, терпение мое лопнуло. Правда не существует, и найти ее невозможно, напрасно кто и старается ее найти. Моя последняя просьба к Вам, если можете, помогите.

Долгополова.

Секретарь Союза композиторов РСФСР Д. Шостакович во время выступления в Большом зале Московской консерватории

Д. Шостакович — председатель жюри Международного конкурса им. П.И. Чайковского (*в центре*)

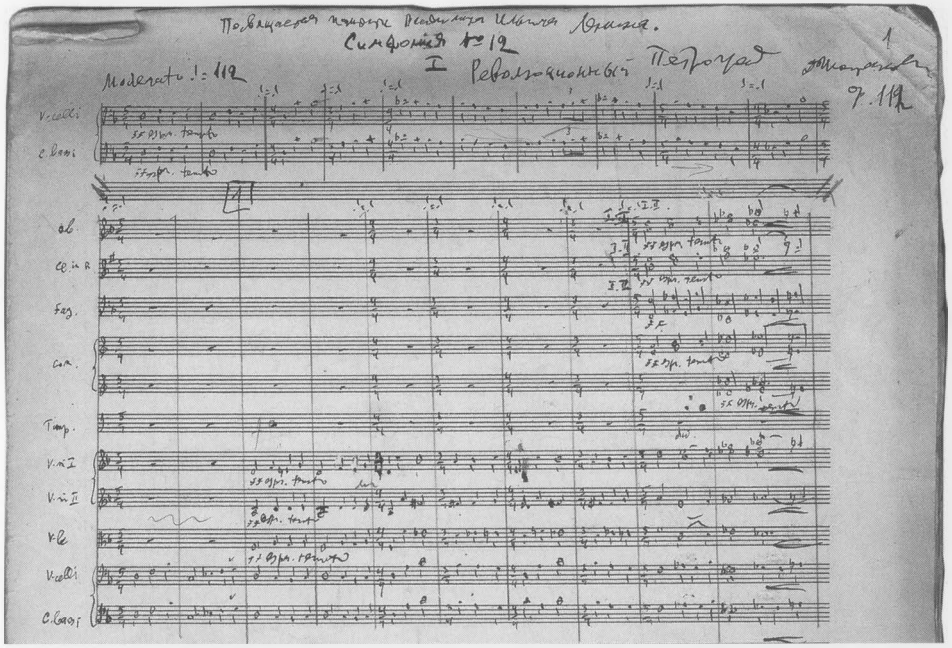


Фрагмент рукописи

Во время официального выступления, в присутствии министра культуры СССР Е. Фурцевой

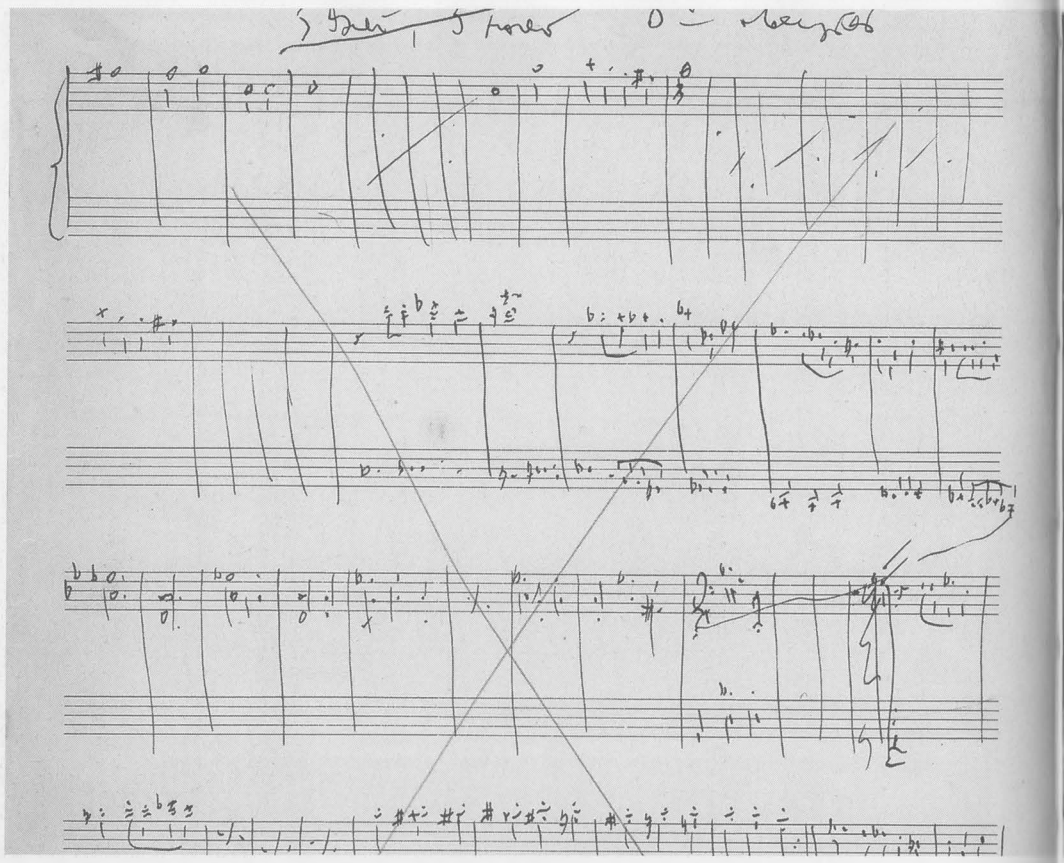
Выступление Д. Шостаковича в Большом зале Кремлевского дворца.
В президиуме Н. Хрущев, Л. Брежнев, А. Микоян

Д. Шостакович на сессии Верховного Совета в Кремле



Автограф Двенадцатой симфонии Д. Шостаковича (ор. 112),
посвященной памяти В.И. Ленина

Д. Шостакович в Большом зале Кремлевского дворца во время работы съезда партии



Написал никому не нужный и идейно порочный квартет. Можно было бы на обложке написать «Посвящается памяти автора этого квартета».
Набросок Восьмого квартета (ор. 110)

Не может быть музыки без идеологии…
Выступление Д. Шостаковича — секретаря Союза композиторов СССР

Кадры приема Д. Шостаковича в партию

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 38

Ф. Шостакович

И. о. Дмитрий Дмитриевич

работает в Правлении Союза композиторов СССР в должности Секретаря правления СК СССР и первого секретаря СК рефер

Действительно по „31" декабря 1964 г.

Первый Секретарь Правления Союза композиторов СССР М. Хренников

М. П.

Продлено по „31" декабря 1962 г.

Секретарь Правления СК СССР

Продлено по „31" декабря 1966 г.

Секретарь Правления СК СССР М. Хренников

Продлено по „..." ..... 19..... г.

Секретарь Правления СК СССР

Моск. печ. ф-ка Гознака. 1968. Зак. 11697.

Время вступления в Музыкальный фонд СССР

„..." ..... 1939 г.

(личная подпись)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОНД СССР

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 23

Фамилия Шостакович

Имя и отчество Дмитрий Дмитриевич

Дата выдачи билета „6" апреля 1965 г.

Председатель Правления Музыкального фонда СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Союз Советских Композиторов СССР

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 273

Тов. Шостакович Дмитрий Дмитриевич

является членом Союза советских композиторов СССР.

Генеральный секретарь Союза советских композиторов СССР М. Хренников

М. П.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ СССР

Принят в Союз советских композиторов СССР Правлением Ленинградского Союза композиторов в 1932 году

Личная подпись

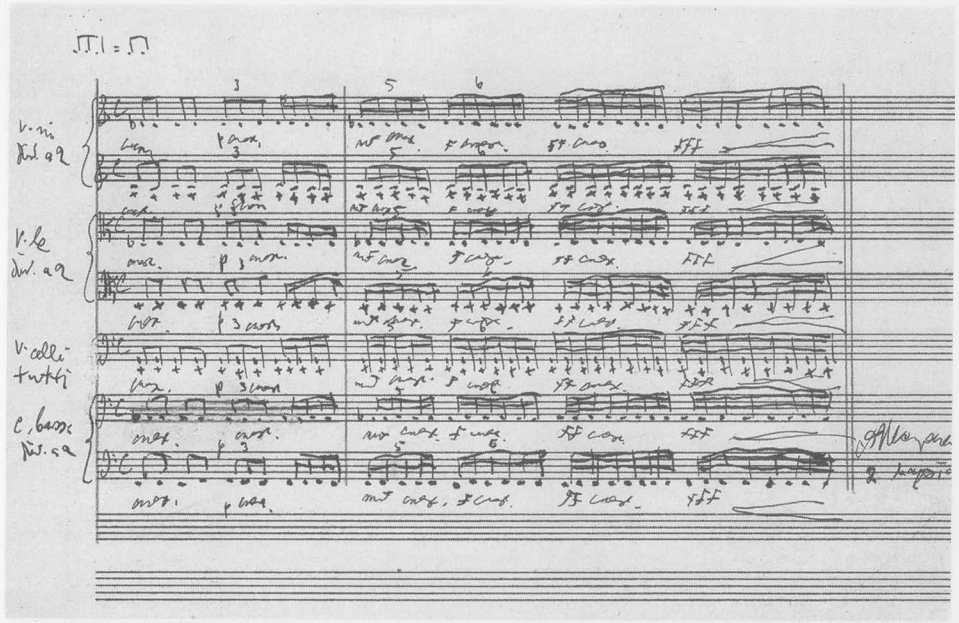
М. П.

Народный артист Эс, Эс, Эс,Эр. Очень много и других почетных званий…
А также очень много других весьма ответственных нагрузок и должностей.
(Из ироничного «Предисловия к полному собранию моих сочинений…»)

Я немало поездил по родной стране…

Д. Шостакович во время поездки к композиторам Киргизии слушает выступление акына

На встрече с пионерами



Фрагмент сочинения

Музыканты во время встречи с Н. Хрущевым и М. Сусловым. Среди присутствующих Д. Шостакович, А. Хачатурян, Т. Хренников, Л. Коган, М. Ростропович, Д. Кабалевский и др.

Шагалова Нина Алексеевна (Валентин Павлович) очередь 34.
Горький Ленинский р-н. ул. Ленина 2-18.
Завод Кузнецкопанельного домостроения № 3
Директор Антипин ~~Роман~~ Василий Ананьевич.
На 30 метрах 11 человек. Позвонить директору

Ткачев Николай Андреевич.
О газификации поселка Воротынск.
Должно быть постановление СМ СССР
зам. пред. Смирнов.
Гаплан РСФСР подписывает.
Средства можно найти.
Воротынск р-н Райисполком.

Феник Вера Николаевна. Иван Касифович
Горький. Канавинский р-н. ул. Сибирская 1.
Автохозяйство ВОРПа № очередь 14.
Пароходство выделяет квартиры.
Затопляемая зона. Во время затопления живут на чердаке.

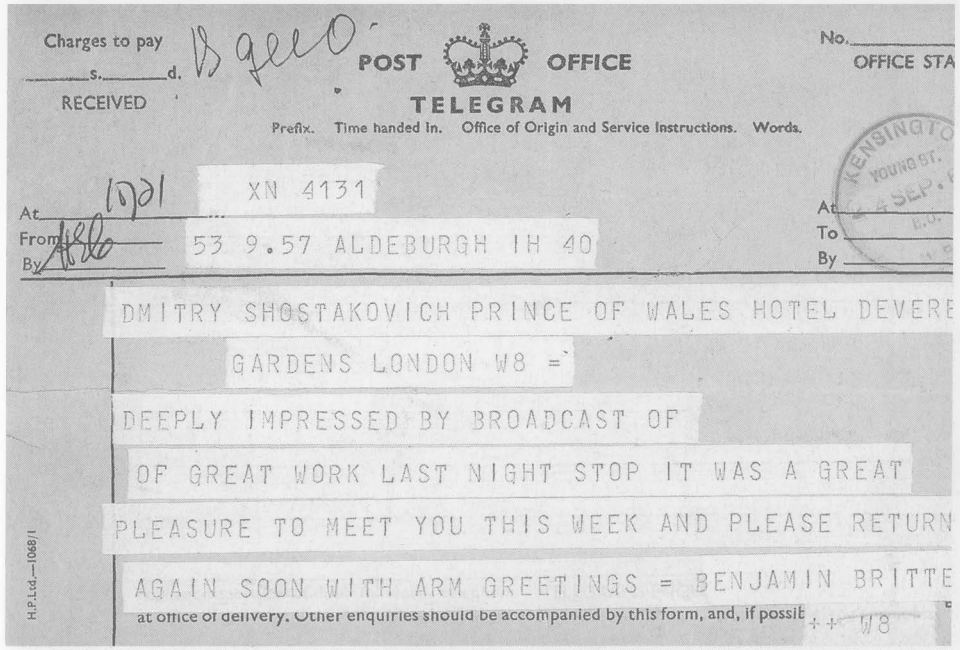
Щёлокова Августа Александровна. Муж Афонский Григорьевич
Нужно две сотки в любом месте
Горьковская область, Горский р-н. деревня Зуево.

Выписки, сделанные Д. Шостаковичем по поводу обращений к нему избирателей: «позвонить директору», «во время затопления живут на чердаке», «нужно две сотки в любом месте» и т.д.

На заседании

Квартет им. Бетховена — первый исполнитель большинства квартетов Д. Шостаковича. Каждому из музыкантов квартета Шостакович посвятил свои сочинения

Справа налево: Д. Шостакович, Б. Бриттен, Д. Ойстрах, М. Ростропович во время приезда Б. Бриттена в Москву



Charges to pay
_____s._____d.
RECEIVED

POST OFFICE
TELEGRAM
Prefix. Time handed in. Office of Origin and Service Instructions. Words.

No._____
OFFICE STA

At 10/21
From
By

XN 4131
53 9.57 ALDEBURGH IH 40

At
To
By

DMITRY SHOSTAKOVICH PRINCE OF WALES HOTEL DEVERE
GARDENS LONDON W8 =
DEEPLY IMPRESSED BY BROADCAST OF
OF GREAT WORK LAST NIGHT STOP IT WAS A GREAT
PLEASURE TO MEET YOU THIS WEEK AND PLEASE RETURN
AGAIN SOON WITH ARM GREETINGS = BENJAMIN BRITTE

at office of delivery. Other enquiries should be accompanied by this form, and, if possib

H.P.Ltd.—1068/1

Телеграмма Б. Бриттена — Д. Шостаковичу

Д. Шостакович и Б. Бриттен, которому Шостакович посвятил Четырнадцатую симфонию (ор. 135). Б. Бриттен посвятил Д. Шостаковичу оперу «Блудный сын»

Д. Шостакович аккомпанирует певцу во время выступления перед колхозниками

В июне 1969 года шли репетиции Четырнадцатой симфонии Шостаковича.

Сегодня у меня одно большое событие. В Малом зале исполняется моя Четырнадцатая симфония. Знаете, необыкновенно волнуюсь... *(21 июня 1969 г.)*

Дирижер Р. Баршай: «Он всегда на репетиции сидел, — ни одной репетиции не пропустил, — всегда сидел сзади меня — в большой комнате, где мы репетировали. Вдруг я чувствую, что кто-то меня сильно ударяет по левому плечу, оборачиваюсь — Шостакович; говорит, "черт возьми, я и не думал, что это будет так потрясающе звучать, продолжайте, пожалуйста".

Он был невероятно спонтанный человек. Когда он был в хорошем расположении духа, когда ему что-то нравилось в своей музыке, он загорался, как ребенок, совершено как ребенок.

Мы с Дмитрием Дмитриевичем провели много времени, чтоб разработать структуру исполнения, после какой части делать перерыв. Когда Шостакович приходил к нам домой на ул. Грановского, мой сын лежал еще в люльке, и однажды, когда мы сели разговаривать, ребенок никак не засыпал, и Дмитрий Дмитриевич говорит, давайте помолчим, будет тишина, и он уснет. Помолчали несколько минут, и, действительно, ребенок заснул». *(Из интервью автору)*

(Во время нашего разговора выяснилось, что я в то время жила как раз в той самой квартире, бывшей коммуналке, куда к дирижеру приходил Шостакович.)

Еще Р. Баршай вспомнил, как его теща угощала Шостаковича сибирскими пельменями, которые тот очень любил. К его приходу она наготовила целую кастрюлю. Шостакович хвалил пельмени и повторял: «А я думал, мы собрались для интеллектуальной беседы...»

Мне посчастливилось присутствовать на той так называемой открытой репетиции Четырнадцатой симфонии в Малом зале консерватории, куда пустили студентов. Пели М. Мирошникова и Е. Владимиров, дирижировал Московским камерным оркестром Рудольф Баршай.

Перед началом Шостакович, поднявшись со своего кресла в партере и повернувшись вполоборота к залу, сказал тихим голосом о том, что этим сочинением он полемизирует с отношением к смерти как к избавлению от земных тягот и переходу в лучший мир. **Вероятно, вас заинтересует, почему же я вдруг решил так много внимания уделить вот такому жестокому и ужасному явлению, как смерть. Не потому, что мне уже много лет, и не потому, что вокруг меня, так сказать, выражаясь языком артиллериста, падают снаряды, и я теряю своих друзей, близких. Я отчасти пытаюсь полемизировать с**

великими классиками, которые затрагивали тему смерти в своем творчестве.

Он сказал, что отношение к смерти всегда было как к чему-то просветленному: у Мусоргского, когда умирает Борис, — это просветление в момент смерти. В «Отелло» Верди, когда гибнут Дездемона и Отелло, тоже звучит прекрасное успокоение. В «Аиде» трагическая гибель героев смягчается светлой музыкой. «Вот я бы хотел выступить против такого понимания смерти, потому что смерть — это самое ужасное, что ожидает человека в жизни». Шостакович сказал, что ему ближе страстный протест против смерти, который звучит, например, в «Полководце» Мусоргского.

Еще не скоро наши ученые додумаются, так сказать, до бессмертия, конец жизни неизбежен, нас это всех ждет, но ничего хорошего я лично в этом не вижу... Тут он напомнил слова о том, что жизнь дается только один раз и надо прожить ее достойно, а поэтому надо напоминать о неизбежности смерти.

Небольшой зал был переполнен, было жарко, и во время исполнения из зала вышел один из наиболее злобных гонителей Шостаковича — Апостолов — смерть настигла его по дороге в больницу.

Шостакович посвятил Четырнадцатую симфонию Б. Бриттену, с которым познакомился в 1959 году в Лондоне. **Большая радость — знакомство с Бриттеном. Замечательный композитор и исключительный человек. Культура, знание и любовь к музыке. Прекрасно знает и любит все, что я написал. Сам играет на всех инструментах... Если б не расстояние, язык (все-таки), мы бы дружили, я чувствую...**

Б. Бриттен, в свою очередь, посвятил Д. Шостаковичу свою оперу «Блудный сын».

Б. Бриттен — Д. Шостаковичу: «Мой дорогой Дмитрий! Я начинаю репетировать нашу 14 симфонию. Я не могу Вам выразить, с каким волнением я ожидаю исполнения Вашего Великого произведения. Я надеюсь сделать все, чтобы быть достойным его, во всяком случае, когда я прочел посвящение, мое сердце хотело выскочить из груди. Невозможно себе представить более драгоценного подарка от одного композитора другому.

Ваш “Блудный сын” в настоящее время уже записан, и я Вам послал пластинку. Очень скоро выйдет партитура и для меня будет огромной радостью написать на ней Ваше имя.

До меня дошли добрые вести о состоянии Вашего здоровья. С Вами мои мольбы, чтобы это улучшение продолжалось. Ваш преданный Бен». *(1969 год)*

Вместе с Б. Бриттеном и П. Пирсом Шостакович встречал однажды Новый год на даче в Жуковке: слушали Баха, сымпровизировали шуточный дуэт со скрипучим стулом, исполняли на фортепиано песенки двадцатых годов. Шостакович сыграл свое любимое «Купите бублики», введя этот мотив во Второй виолончельный концерт, смотрели фильм Чаплина, которого Шостакович очень любил и говорил, что чувствует сродство.

Но после первого исполнения Четырнадцатой симфонии ни одна концертная организация не брала на себя смелость ее исполнить. Симфонию не запрещали, но и не исполняли.

Р. Баршай: «И вот получаю письмо, что появилась надежда, потом второе письмо — что вот какая радость — капелла берет на себя смелость исполнить симфонию, вот было бы здорово, если это состоится — как ребенок писал, как будто он мальчишка: “Вот было бы здорово!” — восклицательный знак.

И это состоялось в Ленинграде, потом в Москве — два вечера подряд, два состава было: в одном вечере пели Вишневская и Решетников, а в другом вечере Мирошникова и Владимиров, так что два состава первого исполнения были.

Впечатление было огромное от музыки — она поглощала целиком, во время исполнения мне казалось, что симфония протекает (а это большое сочинение!) всего одну минуту. Я совершенно не ощущал времени, каждый раз находясь под каким-то гипнозом». *(Из интервью автору)*

✉ *Депутату Верховного совета трудящихся*
от гр-ки Ворониной Евдокии Фоминичны.

Прошу вашего содействия оказать мне помощь получить квартиру т.к. моя комната которую я занимаю с семьей 3 человека очень и очень плохая, в этой квартире мы живем уже 29 лет. Муж мой погиб на фронте, сын с детства глухой, я сама больна перенесла операцию желудка. Комната которую мы занимаем очень сырая, темная стены не капитальные, имеет одно окно и то упирается в окно общественной уборной, которой пользываются 30 квартир много населенных. Отчего нам нельзя открывать форточку ни весной ни летом ни осенью т.к. вместо воздуха зловоние влетает к нам в комнату. Комната наша расположена в проходном коридоре, переделана с кухни. Два соседних коридора 30 квартир проходят через наш коридор, и от бесконечного хлопания дверями с двух сторон стены нашей комнаты трясутся т.к. стены не капитальные а поэтому ни днем не ночью я не имею покоя. Подсобного помещения

у нас нет ни кухни ничего такого. Я неоднократно обращалась с просьбой в райжилуправление но на мою просьбу получаю отказ. Прошу вас помочь мне в моей просьбе.

Просительница Воронина.

✉ *31 июня 1969 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Семья наша состоит из 4 человек а жилье наше всего 10 кв. м. да кухня маленькая с соседями все эти 18 лет стоим на очереди, очередность наша 39, дочка раньше у нас спала на столе, а сейчас выросла и ноги свисают со стола, очередность наша в цехе очень медленно движется. Мы оба с мужем работаем на графике всю свою жизнь, и приходя с ночной смены нет возможности отдохнуть, кое-как день пройдет, а в ночь снова идешь на работу ведь проработавши 18 лет в горячем цехе унесено много здоровья и его уже не вернешь. Обращались много раз в цех-комитет заводской комитет но получали один ответ пока жилья нет. Убедительно прошу помогите ведь в таких условиях жить больше не выносимо.

Мочалова В.Г.

В июле 1969 года Д. Шостакович в Армении, в Доме творчества композиторов в Дилижане.

Шостаковичу нравились частые перемены погоды, характерные для климата Дилижана, когда ярко-синее небо вдруг заволакивали грозовые тучи, сверкали молнии и гремел гром, гулко отдаваясь эхом в горах.

Однажды художник Мартирос Сарьян из соседнего коттеджа наблюдал, как в течение всей грозы Дмитрий Дмитриевич простоял на балконе.

В своей мастерской Сарьян написал портрет Шостаковича, хотя Дмитрий Дмитриевич позировать не любил. Сеанс длился всего двадцать минут.

В Дилижане Шостаковича навестил Борис Тищенко, приехавший со своей кинокамерой — сохранились кадры, снятые во время поездки на озеро Севан.

Те, кому приходилось участвовать с композитором в застольях в Грузии или Армении, где любят длинные кавказские тосты, говорили, что, как только хотели поднять тост за Шостаковича, он торопливо вскакивал, прерывал оратора и говорил: «Ну, давайте выпьем!» — чтобы избежать славословия и восхваления...

Грузинские композиторы вспоминали потом: «...кутили мы все вместе в районах старого Тбилиси. Д.Д. Шостакович оказал нам ответное гостеприимство, пригласив нас с супругами на обед в ресторан "Арагви". Мы сидели на 2-м этаже, в банкетном зале, Д.Д. Шостакович был весел и радушен, играл на пианино, стоявшем в банкетном зале, пародируя многих известных нам композиторов. Мы пели грузинские песни».

✉ *Дорогой Дмитрий Дмитриевич, я и мой самый близкий друг и товарищ Ашот Костанян просим в день Вашего рождения принять от нас, обыкновенных и рядовых поклонников классической музыки, самые хорошие пожелания, которые могут пожелать люди народному творцу, человеку, который является гордостью советской музыкальной культуры, который делает жизнь прекрасной.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич, не может же армянин не любить Вас, Вы тоже наш, в буквальном и прямом смысле этого слова. Вы принадлежите не только мудрому и очень талантливому Еврейскому народу, но и нам, армянам, потому что человек, который создал эти произведения, становится достоянием всех народов. Ваша музыка проникнута и дышит гуманизмом, а гуманного человека, будь он и простым рабочим, любят и уважают все. Это не преувеличение, я пишу то, дорогой Дмитрий Дмитриевич, что в действительности есть.

Классическую, камерную музыку, по-моему, любят люди честные, с хрустально прозрачной душой. Дорогой Дмитрий Дмитриевич, я и мой друг и товарищ Ашот Костанян, который тоже большой любитель музыки, работаем на Ереванской ТЭЦ вот уже 4 года. Нам обоим по 27 лет. И нам очень хочется, чтобы Вы, когда приедете в нашу республику, согласились иметь встречу с коллективом нашего предприятия. Люди, которые работают ради того, чтобы было светло, уютно и хорошо, примут Вас открытой и чистой душой.

Дорогой Дмитрий Дмитриевич, у меня к Вам большая просьба: я и мой товарищ Ашот Костанян очень хотим иметь Вашу фотографию с автографом. Буду надеяться, дорогой Дмитрий Дмитриевич, что мы скоро получим эти фотографии. Разрешите, дорогой Дмитрий Дмитриевич, на этом закончить это маленькое письмо.

Слава Антею чарующих звуков.

Крепко целуем Вас, дорогой Дмитрий Дмитриевич.

Город Ереван.

В августе 1969 года Шостакович едет на озеро Байкал, а потом в Бурятию, где встречается с бурятскими композиторами, участвует в авторском вечере в Улан-Удэ.

Как только Шостакович немного поправлялся, он отправлялся в путешествие — по делам или просто посмотреть новые места.

Ирина Антоновна Шостакович рассказывала, что Дмитрий Дмитриевич вообще любил всякие поездки, путешествия, новые впечатления: «Его жизнь очень интересовала, — как люди живут, что для них важно. Как секретарь Союза композиторов России он тоже много ездил по стране, ездил на премьеры своих сочинений — география его поездок очень большая». *(Из интервью автору)*

Они вместе ездили на Север, побывали на Ладожском и Онежском озерах, в заповеднике Кижи, где сохранились уникальные памятники деревянного русского зодчества — церкви, выстроенные без единого гвоздя; избы, украшенные резным деревянным кружевом. На обратном пути посетили остров Валаам.

Однажды поехали в Белоруссию, в заповедник Беловежская пуща.

Удивительно прекрасное место земного шара. Вернувшись домой, я почувствовал, насколько там лучше. Кроме того, мне ужасно не хватает общества зубров, оленей и кабанов, с которыми я много проводил времени. Очень симпатичные олени и кабанята. Кабаны очень свирепы. А зубры просто вызывают страх, когда уставляют на вас свой мутный и свирепый взор. *(11 августа 1967 г.)*

Получив открытки с видами Байкала, Дмитрий Дмитриевич решил побывать и там.

Я никогда не был на озере Байкал и поэтому еду туда с большим любопытством. Ноги меня пока еще носят, но несколько хуже, чем год назад. Правая рука заметно ухудшила свою работоспособность. *(22 июля 1969 г.)*

Они отправились на Байкал на поезде, через Урал и Сибирь, за три дня путешествия проехав большую часть страны.

Я лишен литературных дарований и поэтому не смогу достойно описать ту неслыханно прекрасную красоту Байкала, свидетелями которой нам с Ириной посчастливилось нынче быть. Красота неописуемая.

24-го утром мы переплываем Байкал на катере и пристаем к берегам Бурятии. Затем едем автотранспортом до города Улан-Удэ, куда нас пригласили бурятские друзья. Затем поедем (не полетим) в Москву. Дважды мы выезжали в Иркутск. Это очень красивый город. Хожу здесь очень много. Байкал так прекрасен, что отрываться от него очень трудно. *(18 августа 1969 г., Байкал)*

Шостакович осмотрел Иркутск — город, в котором когда-то жили его дед и бабка (дед был управляющим на золотых приисках), в Улан-

Удэ слушал музыку бурятских композиторов и посетил буддийский центр — дацан.

✉ *4 августа 1969 г.*

Уважаемый депутат!

Убедительно прошу Вас оказать мне помощь и тем самым дать возможность еще жить.

Продолжительное время страдаю целым рядом серьезных заболеваний желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы, радикулит, холецистит, простатит, панкреатит, да собственно не имею возможность перечислить все болезни, но думаю этого вполне достаточно. На месте лечения почти никакого все отталкиваются от меня, к специалистам не направляют хладнокровно просил направление в Областную больницу, но не мог получить. Прошу Вас, требую, настаиваю получите для меня направление в одну из больниц г. Москвы, чтобы я имел возможность подлечить свое здоровье у крупных специалистов медицины. Прошу только мое заявление никуда не отфутболивать т.е. не пересылать, а сделайте это сами. Вы это можете и должны сделать.

Ветеран партии, труда, комсомола, инвалид труда 2 гр.

Суханов Л.З.

Я сейчас в очень тяжелом моральном состоянии.

3 сентября 1969 г.

Уважаемый тов. Суханов!

Прошу Вас выслать мне историю Вашей болезни и письменное заключение лечащих Вас врачей о необходимости предоставления Вам места в одной из больниц г. Москвы. По получении этих документов я обращусь с ходатайством в Министерство здравоохранения РСФСР.

Д. Шостакович.

✉ *9 октября 1969 г.*

Уважаемый т. Шостакович!

Получил Ваше письмо но не мог раньше ответить т.к. был опять болен.

Мои болезни и систематический выход из строя заставили меня обратиться к Вам с просьбой о лечении в больницах Москвы. Мои болезни: Атеросклероз с преимущественным поражением мозга, стенокардия, Н/12 1/1-0, деформирующего спиндилеза почечного отдела позвоночника, почечно-крестового радикулита, хронического анацидного гастрита, спастического колита, хр. холецистит, церебральная сосудистая недо-

статочность, состояние после простатоэктомии, достаточно кажется этого.

Вы конечно понимаете что лечащие врачи письменного заключения мне не дают. Еще раз прошу оказать мне помощь если нет сейчас возможности то хотелось бы на декабрь.

Очень надеюсь что Вы не оставите мою просьбу без внимания.

Суханов.

13 октября 1969 г.

Уважаемый тов. Суханов!

Вторично сообщаю Вам — для того, чтобы я мог обратиться с ходатайством о предоставлении Вам места в одной из московских больниц, мне необходимо письменное заключение лечащего Вас врача или копию, заверенную, с приложением печати, каковую и прошу Вас выслать в мой адрес.

Д. Шостакович.

✉ *4 декабря 1969 г.*

Уважаемый т. Шостакович!

Посылаю требуемую Вами справку.

Пока мы с Вами занимались перепиской я вновь был положен в больницу, но результата от лечения не получил т.к. лечение оказалось не эффективным.

С уважением, Суханов.

✉ *29 октября 1969 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

К Вам, как нашему депутату Верховного Совета СССР обращается один инженер с Горьковского машиностроительного завода с большой личной просьбой.

Мне 30 лет. Член КПСС. Дело в том, что я очень давно хотел служить и работать в органах Госбезопасности. Служа в Советской Армии, я обращался с просьбой к командованию об этом. Но мне сказали, что для работы в органах Госбезопасности нужно иметь высшее образование. И вот после армии я стал работать и учиться. Закончил институт, проработал инженером 2 года и обратился в Управление Госбезопасности. Мне отвечали письменно и вызывали в отдел кадров, где сказали, что меня не могут взять на работу, потому что мне 30 лет, а не 29. Они принимают только до 29 лет. А если 30, они могут принять только с разрешения Председателя Госкомитета Безопасности тов. Андропова. Я

писал на его имя, но письмо, видимо, до него не доходило, потому что из его канцелярии письмо пересылали в областное управление, где мне повторяли то же самое.

Я физически здоров, имею несколько высших разрядов по спорту. И поэтому мой возраст для меня не помеха, и я знаю, что физически я подготовлен для работы в органах Госбезопасности.

Моя просьба заключается в том, чтобы Вы помогли мне в осуществлении моей мечты, чтобы Председатель Госбезопасности тов. Андропов разрешил мне по возрасту работать в органах Госбезопасности. Буду Вам благодарен до конца своей жизни.

С уважением к Вам. Новиков.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Здравствуйте.

Я решила посоветоваться с Вами и вот что Вы мне на этот вопрос ответите. Правда, я человек малограмотный, но Вы все же должны меня во всем понять. С 1942 г. я лишилась родителей: отца убили, мать расстреляли, я воспитывалась в детдоме. В 1948 г. находилась в Ремесленном училище и в 1950 г. прислали сюда работать в г. Семенов, где я до сих пор проживаю. Теперь мать двоих детей. Первая дочь врожденно больная и у нее водянка головного мозга, второй девочке третий год, и вот не могу никак ее устроить в дет. ясли. Четвертый месяц хожу везде — и на работе в рабочком, и в Райком партии, и в Горсовет, и в Райисполком, дошла даже до прокурора и отбилось все дело. Больше не знаю, куда обращаться и сама с июля м-ца не работаю на административном отпуске. Муж принесет 70 р., нам четверым не хватает, бьемся кое-как. И вот поймите, надо наоборот брать детей у тех родителей в первую очередь, как у меня. Живем в трудных условиях, они сидят половину голодные, но что делать — воровать не могу, приходится почти ходить по миру. И вот прошу Вас, подскажите, пожалуйста, куда еще обращаться. Теперь второй вопрос тоже очень и очень больной. От ремонтного завода я получила комнатку маленькую, всего 10 кв.м., при том в ней же стоит голландка с открытой плитой для отопления и приготовления пищи, и нам вчетвером в ней жить невозможно. Половина семьи спит на полу. Какой стол, что ставить негде. Дети кушают на табуретке, а иногда приходится на полу. Проработав на этом заводе почти 12 лет, мне выделили эту конуру в 10 м. Я и теперь бы работала, но ввиду болезни старшей девочки приходилось увольняться. Директор навстречу не пошел прошлый год. Я опять пошла к директору, умоляла, просилась, чтобы он меня взял на работу на старое место, и девочке уже исполнилось шесть лет, но

он отказал. Я в райком партии, думаю, может там посодействуют на него, он примет, но так и не взял.

И вот я Вас попрошу, помогите мне в этом разобраться. Все же Вы депутат, на Вас могут обратить внимание. Ну если из-за больного ребенка я увольнялась и если они не посочувствовали моему положению. Ведь скажем две недели назад от ремонтного завода сдали дом 12 кв. и там вы думаете, кто вселился, если получил председатель рабочего комитета, то он всего проработал 10 месяцев да плюс не выходит из отрезвителя и получил трехкомнатную кв. Теперь в Райком партии т. Доброхотов устроил свою племянницу, она проработала 6 мес. и тоже получила, теперь Судоисполнитель живут двое, им дали трехкомнатную, а у меня лежит заявление подписанное поставить на очередь, и что толку вот вам и равноправие.

Вот и помогите мне, я такая же, как и все, советская женщина. В этой комнатке жить устали, да и дети опять начали угорать от этой печи. И притом у меня одна и так больная, ей тоже надо дать спокой, а у меня его нет. В летнее время хоть спасаешься в дровянике, а зимой и теперь уже холодно. Неужели мне с детьми нельзя пойти на уступки, по знакомству всем идут. Я Вам писала, на этом я кончаю писать, каждый день плачем, и голова уже не работает. Прошу Вас убедительно, Дмитрий Дмитриевич, войдите в мое положение, помогите, пожалуйста.

До свидания, жду ответа, Романова Мария.

В советских газетах постоянно печатали репортажи о новосельях — такой переезд воспел когда-то Маяковский, в кинохронике и по телевидению переезды на новую квартиру демонстрировались во всех подробностях.

Никто, однако, никогда не снимал репортажей о постоянных и без лишнего шума совершаемых переездах советских «ответственных работников» — партаппаратчиков, чиновников, номенклатуры всех рангов — во все лучшие, все большие, все более благоустроенные квартиры. Для них жилье возводили по спецпроектам — это не типовые, наскоро построенные дома, в которых годами исправляли недоделки. Там были и совершенно другие стандарты площади. Еще Ленин в одном из первых указов, когда шел захват квартир буржуазии дорвавшимися до благ партийцами, попытался ввести ограничение — «не больше одной комнаты на человека в семье». При этом размеры комнаты на человека в семье не ограничивались — это мог быть и бывший бальный зал.

В Советском Союзе в очереди на получение жилья и улучшение жилищных условий (значит, что в семье на человека приходилось не боль-

ше 5 кв. м, а в меньшую сторону — не ограничено) стояла каждая пятая советская семья.

Многолетние очереди на жилье, стоять в которых не хватало человеческой жизни, еле двигались, чаще всего стоять приходилось больше десяти лет, иногда и намного больше.

И пока миллионы советских граждан жили и умирали в страшной тесноте, «ответственные товарищи» без всяких очередей успевали по нескольку раз справить новоселье.

Острый жилищный кризис был кризисом не только материальным, но и социальным.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Обращаюсь к Вам с большой просьбой как к своему депутату. Помогите, пожалуйста, нам. Все дело в том, что наша семья получает новую квартиру. И вот это радостное событие превращается для нас в настоящее горе. Объясню все подробно.

Семья моя состоит из 4-х человек: моя мама, Взвоская Т.Ф., 1912 г. рождения, пенсионерка, я, Максимен М.П., 1937 г. рождения, мой муж Максимен Е.Д. и наша дочь, 8 лет.

Отец мой, Взвоский П.С. погиб в 1943 г. на войне. До войны все время был на партийной работе, в числе 30-ти тысячников работал в Кировской области и погиб на войне, будучи политруком. Когда отец был на войне, но жив, предприятие, откуда он ушел на войну, помогало нам и дровами и одеждой и деньгами, но как только он погиб, вся помощь кончилась.

Мать осталась с нами, тремя детьми, на руках. Чтобы как-то прокормить нас, она стирала на людей, пилила и колола чужие дрова и с 1942 г. по 1968 г. включительно сдавала кровь и сейчас является почетным донором СССР. Всю войну работала общественницей в госпитале и, вероятно, спасла не одного раненого, дав ему свою кровь. Все это подорвало ее здоровье и в 1968 г. она ушла по болезни на пенсию. Чувствует она себя плохо. Я в 1968 г. окончила Горьковский Университет, муж в 1965 г. — Политехнический институт. Оба мы учились вечером. В настоящее время работаем инженерами в научно-исследовательском институте. С 1964 г. являемся оба донорами-безвозмездниками. Наша дочь учится в 1 классе математической школы. Учится отлично. Уже 3 года она ходит в лечебную группу плавательного бассейна, т.к. у нее сильное искривление позвонка и ей грозит горб. Такой бассейн единственный в г. Горьком и он находится недалеко от нас, т.е. с переездом в другое место нарушится наше лечение.

Мы с мужем уходим на работу в 7 часов и приходим в 6 часов вечера, т.е. дочь весь день бывает с бабушкой — она ее водит в школу и в бассейн.

С 1969 г. в нашем районе — в районе нашей улицы им. Володарского началась большая стройка. Напротив нас заселен уже дом на 450 квартир и в настоящее время строятся сразу 3 дома, т.е. старые дома сейчас ломают; т.к. мы попали в район сноса, то мы с нетерпением ожидали переселения, и вот 21 апреля жильцов нашего дома вызвали в райсовет и тут начались слезы — наш дом выселяют в Кузнечиху. Кузнечиха — это новый район, который только начал застраиваться. Горьковские новостройки даже отдаленно не напоминают Московские. Пытались мы всем домом (жильцы) сходить в «наш» новый дом, но пришлось возвращаться за резиновыми сапогами, хотя был теплый солнечный день. Но грязь это не главное. В микрорайоне построено уже 45 домов, но нет ни одного магазина, даже какого-либо ларька, ни одной школы, ни одного д/сада и пока еще ничего подобного не заложено. Транспорт в данный микрорайон никакой не ходит. От ближайшего жилищного массива этот микрорайон отделен глубоким оврагом, в котором протекает грязный ручей. Никакого моста через этот овраг нет. Все переходят по трубе, проложенной по дну этого оврага. С другой стороны этот микрорайон опоясан речкой, которая в народе называется «Голубой Дунай» — дух от этой речки невыносимый. Сколько себя помню, все время эту речку собирались убрать в трубу, но... до сих пор все по-старому. До ближайшей школы в соседнем микрорайоне через овраг — 50 минут ходу, значит проводить ребенка в школу уже проблема, а о бассейне и говорить не придется. Вы ведь сами отец, понимаете, что значит для родителей здоровье его детей, и так не хочется видеть в будущем свою дочь больной, горбатой. Мама моя с ее здоровьем, конечно, долго не протянет. Наверное, не даром, когда у нас в Горьком был Московский цирк, коверный грустно шутил: «чтоб тебе дали квартиру в Кузнечихе», да тот факт, что двухкомнатную квартиру из Кузнечихи нельзя поменять на комнату в другом районе, говорит о многом.

Конечно, очень обидно ехать из района, где каждый день растут дома, причем и грязи-то здесь такой нет, в район, о котором и говорят, что туда ехать только в наказание за что-то. А чем же мы виноваты — только тем, что для стройки понадобилось наше место. Наш дом № 33, а из предыдущих 32 домов ни одного не выселили в эту Кузнечиху. В райсовете нам сказали, что больше выселять некуда. А в газете «Горьковский рабочий» за 22 апреля написано что на Кавалихе (это в 200 м. от нашего дома и все предыдущие дома по нашей улице были выселены туда) гото-

вятся к сдаче 6 домов (с указанием номеров домов), перед нашим домом даже по ночам строят 3 дома, да и 24 апреля в том же райсовете выдавали ордера на Кавалиху и на ул. Белинского — это все расположено около нас. А ведь дом № 40 в Кузнечихе, куда всем нам дали ордера, тоже еще не принят! Так по какому же принципу распределяют квартиры. В район новостроек, где мы сейчас живем, ведь будут выселять из самых различных и, конечно, и далеких районов. Ведь у нас ломается вся наша жизнь, все наши планы — плохо со школой, плохо с продуктами, плохо с работой — в два раза удвоится время до работы. А ведь у многих грудные дети — нет ни яслей, ни детских садов.

Дмитрий Дмитриевич! Помогите, пожалуйста, нам. В райсовете нам ничего другого даже не предложили, просто сказали, что выселят через суд. Неужели уж моя мать всей своей трудной жизнью не заслужила спокойной старости. А принцип «никто не забыт, ничто не забыто»? Отец отдал жизнь, чтоб нам лучше жилось, да и мы, дети войны, много ли хорошего мы видели, ведь на сиротские пенсии никто хорошо не жил. Очень жаль, что такое радостное событие, как получение новой квартиры — оплакивается. Пожалуйста, мы просто в отчаянии, помогите нам. Нам даже сунуться некуда. Ведь сослуживцев отца уже многих нет в живых, а другие на пенсии, а ведь он был 2 секретарем Куйбышевского РОНО.

С уважением. Максимен.

Сейчас я работаю над опереттой «Москва, Черемушки». Она посвящается строителям нового большого района столицы, — объявил однажды Д. Шостакович.

Сюжет оперетты прост: советская девушка, получившая квартиру в новом московском районе, сталкивается с хамством управдома, квартирными махинациями, несправедливостью, разрешить которые помогает находчивый жених.

Тема оперетты в веселой, динамической форме затрагивает важнейшую проблему жилищного строительства в нашей стране... — писал Шостакович в статье «Быть на высоте великих задач». *(«Советская музыка», 1959 г., № 1)*

Это единственное произведение Шостаковича в этом жанре.

Действие начинается в Музее истории и реконструкции Москвы, где экскурсовод в куплетах «Так жили когда-то в Москве москвичи» дает пояснения группе экскурсантов, среди которых Маша со своим женихом. Жить им негде, и, хотя они уже несколько месяцев женаты, по-прежнему назначают друг другу свидания то в библиотеке, то в ГУМе,

то в музее. Звучит их дуэт «Когда по улицам брожу», в котором молодые люди мечтают о квартире.

Вдруг оказывается, что дом, в котором живет один из героев, обвалился и у них есть шанс получить квартиру. Следует сцена новоселов с узлами и чемоданами, и управдома, не выдающего им ключи, потому что дом еще не принят. «Вы у меня еще за ними походите!», — восклицает управдом. Следует дуэт «Без связей в жизни нет пути!».

Вдруг в одной из квартир рушится стена — это жена начальника решила из двух двухкомнатных квартир сделать себе четырехкомнатную. Молодые опять могут остаться без квартиры…

А тем временем кто-то уже празднует новоселье — звучит полька, все танцуют и поют. Веселье переходит в фантасмагорию, где управдом в танце приносит ключи на золотом подносе, новоселы в белых одеяниях, с лавровыми ветвями, поют «Милости просим…».

В оперетте любовные арии и дуэты, веселый хор строителей, радостный хор новоселов. Счастливые новоселы с лопатами и граблями разбивают перед домом сквер, где под звуки вальса на клумбах распускаются цветы.

В конце торжествует справедливость: молодожены получат квартиру, управдома разжалуют в дворники. «И все мечты сбываются у тех, кто здесь живет» — заключительный хор участников действия.

Я аккуратно посещаю репетиции моей оперетты. Горю со стыда. А если ты думаешь приехать на премьеру, то советую тебе подумать. Не стоит терять время для того, чтобы полюбоваться на мой позор. Скучно, бездарно, глупо. Вот все, что я могу тебе сказать по секрету. *(19 декабря 1958 г.)*

Шостакович и сам не раз оказывался в положении героев оперетты, переезжая на новую квартиру. В 1962 году он переехал в свою последнюю московскую квартиру. О квартире в только что отстроенном доме Союза композиторов хлопотала секретарь Шостаковича З. Гаямова. Дети уже имели свои семьи, внуков, и жить всем в одной квартире становилось неудобно.

Сегодня я получил ордер на новую квартиру. 10-го буду переезжать. Половина моей старой квартиры оставляется моей дочке Гале, с ее мужем и двумя сыновьями. Со мной переезжает мой сын Максим, с женой и сыном Дмитрием. Мой новый адрес будет теперь таким: Москва, К-9, ул. Неждановой, д. 8/10, кв. 23. Тебя, наверное, интересует, что это за улица Неждановой? Нежданова — это ныне покойное колоратурное сопрано. *(4 апреля 1962 г.)*

Я много раз бывала в этой квартире, в том числе при жизни хозяина.

В небольшой комнате, справа от прихожей, уставленной шкафами с нотами, бюст Шостаковича работы Гликмана.

В столовой с множеством канделябров и подсвечников, подаренных друзьями — Шостакович любил, когда на день рождения зажигали столько свечей, сколько ему лет, — тикали старинные напольные часы, переходя на звон.

В кабинете со шкафа исподлобья смотрел большой гипсовый Бетховен. Два рояля. Над ними фотографии — Рихтера и Ойстраха, портрет самого Шостаковича в Оксфордской мантии, акварельная карикатура — Шостакович за роялем, дипломы, полученные в разных странах, портрет Малера. «Его музыка — как прозрение, как путь к самому себе», — говорил Шостакович. В домашнем архиве Шостаковича сохранились его выписки редких случаев оркестровки из Третьей симфонии Малера.

На стене справа — ярким пятном картина Вильямса «Нана» — портрет парижанки, напоминающей героиню Мопассана, которым Шостакович очень увлекался в юности. Под ней на столике на подносе серебряный колокольчик. Рядом шведская стенка для ежедневных упражнений и набор экспандеров.

В нотном шкафу за стеклом — фотография Мравинского. Диван, покрытый синим клетчатым пледом. Над ним — портрет мальчика с нотами Шопена работы Б. Кустодиева — это первое живописное изображение Шостаковича. «Моему маленькому другу Мите Шостаковичу от автора. 1919», — написал художник на портрете.

Рядом другой портрет работы Кустодиева — Шостакович-юноша. В углу у окна фотография — Шостакович на улице, под руку с женой Ириной Антоновной.

На большом письменном столе — бронзовая лампа, старинный письменный прибор, бюро с зеленым сукном, служившее подставкой, часы, перекидной календарь, куда Шостакович записывал неотложные дела, маленький бронзовый бюст Верди, шкатулки разной величины. Под стеклом в центре стола — фотография Стравинского, по мнению Дмитрия Дмитриевича, самого великого композитора XX века.

Из окон квартиры на десятом этаже открывается вид на панораму Москвы, на небо.

Двадцать девятого сентября Шостакович в Ленинграде присутствует на премьере Четырнадцатой симфонии (ор. 135).

✉ *15 ноября 1969 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Пишит Вам мать погибшего сына в О/войне. Мне уже 75 лет, годы большие. Старость моя сделала меня беспомощной. Я теперь не могу для себя что-то сделать, как например воды принести, дров и истопить печь, в баню сходить и по всей зиме не исмыться. Летом хоть в корыте да помоюсь, и то довольно. А потому что я не имею жилплощади. Живу в частном доме на квартире. Дом уже давно не пригоден к жилью. Темный, низкий, сырой, холодный, ветхий, печное отопление, нет водопровода и туалета. Летом водятся от сырости блохи да лягушки. Я обращаюсь к вам за помощью, вот именно сейчас, когда настала убогая старость, и я очень нуждаюсь в тех условиях, в которых живут миллионы советских людей. И мою старость уже бы давно надо обеспечить. Я оплакиваю горькими слезами два горя — это сына и неудачливую старость. Но на меня-то старую и не обращают внимания, наверное ждут моей смерти, зачем давать квартиру в таком возрасте. Я все живу и жду когда обеспечат жилплощадью. Вот жду и ищу правды, получаю только обман. Никому нет дел до убогой старухи.

Заверили меня так усердно, что вас обязательно обеспечим жилплощадью во втором полугодие 1968-го г. Я поверила, ждала с надеждой, оказался обман. И до сих пор все жду. Ждала 1968 год, ждала 1969 год и вот на пороге 1970 год, юбилейный Ленинский год, будут ли в этом году меня обманывать, думаю нет. Вот какое уважение к матери погибшего воина, никакого. Я обращаюсь к Вам за помощью, как к Депутату, как мать и надеюсь от Вас получить ответ какой нибудь, только не обижайте мою старость.

Борисова Прасковья Яковлевна.

✉ *Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Я проработала в Ленинградской консерватории 33 года, прожила всю блокаду в Ленинграде, ныне пенсионерка, обращаюсь к Вам за помощью.

В сентябре 1968 г. я упала и сломала руку и ногу. Пролежав долгое время в больнице, я вышла оттуда инвалидом. Я живу на 4-ом этаже без лифта, а посему вернуться в свою комнату я не могла и перешла жить в семью моего единственного брата, инвалида Отечественной войны, пятым человеком в одной комнате.

В мае 1969 г. брат трагически погиб. Осталась жена-инвалид 2-ой группы и два сына 17 и 18 лет.

Моя просьба заключается в одном: помочь мне объединить мою комнату и комнату брата с тем, чтобы мы могли с вдовой брата прожить вместе остаток нашей жизни.

Я одинокий человек. Мне 77 лет. Я нуждаюсь в повседневном уходе, который могу получить в семье погибшего брата.

Зарицкая Р. Ленинград, 21 сент. 1969 г.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*

тов. Д.Д. Шостаковичу

Рассмотрев Ваш запрос по поводу предоставления квартиры взамен двух комнат по разным адресам т. Зарицкой, Управление учета и распределения жилой площади по поручению Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся сообщает, что удовлетворить Вашу просьбу не предоставляется возможным...

Зам. Начальника управления Росляков Н.В.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Извините меня, пожалуйста, что я второй раз к Вам обращаюсь по личному делу.

Я обращалась к Вам за помощью по поводу жилищного вопроса, и мою семью поставили на очередь, хотя в Вашем письме было написано: улучшить жилищные условия. Номер очереди у нас 10000 — это примерно лет на 10. А комната у меня 11,3 кв. м. — это будет по 2 м на каждого члена семьи (нас 5 человек). И понятно, что в таких условиях очень трудно воспитывать троих детей, притом второй ребенок все время болеет.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, помогите, пожалуйста, я Вас прошу как родного отца. Теперь уж и не знаю, к кому обратиться в Ленинграде, поэтому пишу Вам. А в исполкоме прямо-таки сидят бездушные, черствые люди и слушать не хотят. Наша семья была бы очень Вам благодарна за помощь и совет.

С уважением, Захарова В.П.

7 декабря 1969 г.

Уважаемая товарищ Захарова!

Дмитрий Дмитриевич Шостакович тяжело болен и находится в больнице. В последние годы он избирался депутатом Верховного Совета СССР по Горьковской области, а не Ленинградской. По этим двум причинам ничем помочь он Вам сейчас не может.

Всего доброго, Р. Корн.

И все же, выйдя из больницы, Д. Шостакович пишет письмо с ходатайством.

23 января 1970 г.

В Ленгоржилотдел.

Направляю Вам заявление Веры Павловны Захаровой, проживающей на ул. Карпинского, и очень прошу Вас помочь ей в улучшении ее жилищно-бытовых условий.

Заявление Захаровой прилагаю.

Д. Шостакович.

✉ *16 декабря 1969 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Мною было направлено Вам объемистое письмо с описанием моих «хождений по мукам» и многочисленной переписки с разными инстанциями по вопросу улучшения жилищных условий, на что имею законное право, поскольку 18 лет болею открытой формой туберкулеза легких (инвалид I группы), но до сих пор живу в общей квартире вместе со здоровой семьей. Состою на первой (!) очереди на квартиру уже много лет, кормят меня только одними обещаниями, водят за нос, но жилья не дают.

Дома строятся и заселяются, а я все стою и стою себе на первой очереди.

Что делать дальше, как поступить? — не знаю.

Правда, на самый крайний случай у меня припасен еще один путь в борьбе за жилье, но он настолько необычен и, я бы сказал, неэтичен, что воспользоваться им у меня не хватает решительности. Болея много лет тяжелым недугом, я постоянно соблюдал и соблюдаю все меры предосторожности, чтобы уберечь родных и жильцов нашего дома от опасности заражения туберкулезом. Теперь, когда вопрос о жилье зашел в тупик, мои мозги все чаще и настойчивее сверлит одна и та же мысль — а что, если не соблюдать эти санитарно-гигиенические правила, отказаться от инструкций и указаний врачей? Чего я этим намерен достигнуть? А того, что если буду направо и налево расплевывать бациллы Коха, то это, полагаю, обеспокоит жильцов дома и они обратятся коллективно в горисполком — предоставить мне изолированную квартиру. О том, какие меня подстерегают на этом пути неприятности я представляю. Если теперь меня при встречах стараются не замечать бывшие друзья и коллеги-учителя (видимо, вид мой им не по нутру), шарахаются в сторону при встрече на улице, то тогда, когда я буду действовать, как говорил выше, меня — будьте уверены! — моментально возьмут в оборот, но не для того, чтобы оказать помощь, а просклонять по всем падежам в речах, докладах, печати и т.п. Тут уж мной займутся, так сказать, вплотную и будут клевать до тех пор, пока

от меня и мокрого места не останется. На это у нас мастера! Не буду очень удивлен тем, что вместо квартиры мне могут дать совсем иные «изолированные палаты», право распределять которые имеет не горисполком, а некое юридическое учреждение. Что ж, я готов и к этому... По крайней мере с глаз окончательно спадут шоры и развеятся остатки иллюзий, которыми я жил.

О том, что я прошу Вас разобраться в моей жалобе, мне думается, повторять не следует.

А вот сможете ли помочь — тут надо подумать и подумать.

Кажется, все.

До свидания.

С уважением, Абанин.

P.S. Прилагаю ответы работников горисполкома по касающемуся меня вопросу.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Мой муж — полковник запаса Мидонов Иван Иванович в 1962 году был уволен из кадров армии по выслуге лет. На основании Закона Советского правительства и приказов Министра обороны он имеет право на льготы. В частности, нам должна быть предоставлена жилая площадь вне территории военного городка в соответствии с общегосударственными санитарными нормами.

Но вот уже четвертый год только слащавые обещания, мы оказались в положении забытых и заброшенных.

Пока муж служил в армии, то пришлось изъездить нашу Великую Страну из конца в конец: Сибирь, Приморье, Камчатка, Поволжье, Польша — вот места, по которым пролегли служебные маршруты мужа. Этого требовала Родина. И всюду, имея на руках детей, мне приходилось мытарствовать за мужем. А это привело к тому, что я окончательно подорвала свое здоровье, и вот на склоне жизни семья наша даже не имеет жилья.

Убедительно прошу Вас, Дмитрий Дмитриевич, как депутата Верховного Совета СССР — Помогите!

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Д.Д., прошу извинить, что я пишу Вам это письмо. Мне 58 лет. Второй год я нахожусь на пенсии по старости (17 лет проработал в горячем цехе). 39 лет проработал на производстве. В Горький приехал на строительство автозавода по мобилизации комсомола в 1931 году. Учились, строили и жили в очень тяжелых условиях, но нужно было строить тя-

желую промышленность, и мы ее, комсомольцы 30-х годов, строили, не смотря на трудности.

В 1957 году я получил комнату 16 м на нашу семью. Сейчас дети взрослые, учатся и работают, моей матери 80 лет, живет с нами. Обращался к директору завода т. Ерошенко, он направил к начальнику цеха, а начальник цеха вместе с заводским комитетом еще дальше отодвинули мою очередь на расширение площади для моей семьи, видимо, потому что я сам сейчас не работаю и для них уже не нужен.

Я многого не прошу — соседнюю с нашей комнату 13 м. Там проживает т. Тупунова. Если ее переселить в равноценную, а нам передать ее комнатку нас удовлетворит, и я прошу, Д.Д., посодействовать мне в этом вопросе через руководство завода улучшить жилищно-бытовые условия. Я думаю. что я все же заработал это.

С уважением к Вам, Михайличенко Константин Никонорович.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Приехал я в г. Горький из Ленинграда по приглашению директора филармонии работать в симфоническом оркестре в качестве 1-го валторниста. Вот уже 6 лет живу в комнате общежития и жду, когда мне дадут квартиру.

Под моей комнатой находится кочегарка. Весь отопительный сезон в комнате большой шум и вибрация от электромоторов из кочегарки. Дым, угарный газ от топки углем проходит в комнату через пол. Несколько раз я и моя семья угорали. Оставлять одного ребенка в этой комнате опасно по этой причине, но мы вынуждены, оба артисты. Наша жизнь (здоровье) в отопительный сезон подвергается опасности. Меня пугает равнодушие. До сих пор я не знаю, когда кончатся мои бытовые пытки. Живя в этих условиях, я уже надорвал свое здоровье. Нервы на пределе. Недосыпание, постоянное раздражение от шума и вибрации могут дисквалифицировать меня как специалиста.

1-й валторнист, солист симф. орк. Горьковской филармонии Симонов.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

В ноябре мой муж, возвращаясь с завода, трагически погиб (его сбило поездом). Я осталась с маленькой дочерью на частной квартире. Сейчас работаю разнорабочей и получаю зарплату 50 рублей.

Прошу Вас войти в мое положение и помочь, так как я на 50 рублей снимать квартиру не в состоянии, да и то дочь маленькая, которую я вожу ежедневно в детясли за несколько километров в город, так как

живу за городом в деревне, а снимать квартиру в городе нет никакой возможности.

Очень прошу помочь.

Самарина Мария Александровна.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Живу в доме матери в маленькой комнате 2 м. ширины и 6 длины. В ней у меня и кухня с русской печкой, и комната, и спальная. Дети уже стали большие, старшая дочь спит на нарах, которые мы сделали под потолком. И вот дождались распределения, ну распределили, только кому. Я опять иду, прошу хотя бы комнату побольше нашей, чтоб мои дети имели место для учения уроков и могли спать в нормальном состоянии, и почему же так бывает, что одни квартиры меняют в 3 года 3 раза — из хороших в лучшую, а другие так видимо не дождутся никогда.

Когда мне было 14 лет, отца взяли как врага народа — пришлось идти работать т.к. у матери было 5 человек детей. Мое детство было плохое, так почему же мои дети в атомный век должны спать на нарах. Была и в горкоме партии, и везде — только отделываются телефонными звонками. Да посылают от одного к другому. Почему же не у одного партийного руководителя не проявится сознание к простому рабочему. Плевали они на нас. Много пишут о чуткости к рабочему человеку, но на деле этого не видно. Почему же партийные руководители проявляют много чуткости к себе и к своим ближним.

Мне говорят — ходи, надоедай, ругайся, но я не могу так. Я приходила к ним просто попросить по-человечески. Разве я не заработала своим трудом какую-нибудь комнату. Муж мой, участник войны, тоже не заработал, видимо.

Почему же одни должны все невзгоды терпеть, а другие жить в удовольствии. Иметь телевизоры и прекрасное жилье, а для моих детей — нары. Разве Ленин учил этому. Где же у нас сознательные люди. Живут только для себя. Может, я и не права, но я больше не могла терпеть.

Кузнецова Т.И.

Первый раз в жизни обращаюсь к депутату.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Так сложились обстоятельства, что с мужем мне пришлось разойтись. Сейчас имею ребенка 8-ми лет и нахожусь в положении (6 месяцев). Я подала заявление на жилплощадь и просила цехком, чтобы они в чем-то да помогли, хотя и видят, что я нахожусь в безвыходном положении. Я ска-

зала им о том что отец мой погиб на фронте и мне неоткуда ждать помощи. На это я получила такой ответ: «Отец твой сражался и погиб не за квартиру, а за Родину». Это, конечно, тоже правильно. Но я ведь живу не в капиталистическом государстве и то, что мой отец погиб ради нас, ради будущего людей, ради моего будущего, и вдруг такой ответ. Меня просто ошеломило, я не могла понять, неужели все это в действительности, что, когда человек обращается за помощью в критический для него момент, и вдруг такое безобразие. Я сейчас просто не знаю, что мне и делать. Куда обращаться? На частную квартиру я пыталась устроиться, но в моем положении (имея ребенка и мою беременность), никто не пускает. Приближается осень, а потом зима. Родных нет. Куда мне деваться? Я пишу Вам как депутату, как человеку, который, возможно, откликнется на мое горе, — помогите. Помогите!..

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Мы гибнем, ест нас нищета и прогрессирует. Квартира холодная, мать полуголодная, а также и мы, остальные. Я крепился, скрывал от всех, и всюду стыдно. Стыд стал хуже нищеты.

Я и семья любим музыку. Дети тянутся к музыке. Прошлый год я продал, т.е. променял на машину дров аккордеон. Думал и надеялся на молодость (нам по 30 лет) купим, лишь бы не замерзли. Так как у нас квартира с печным отоплением, кухня на 5 семей, одна вода — без удобств.

Я всех успокаиваю, обещаю им хорошее будущее. У нас этого совсем нет. Вы, пожалуйста, помогите мне, Вы сможете, у Вас есть сила. Я смело и откровенно Вам скажу, что я в данный момент хожу по городу Горькому словно Смоленский Иван по холодному Нью-Йорку.

Пишу честно, откровенно Вам. Я с Вами не разговаривал, но я Вас видел и знаю как большого выдающегося в мире советского композитора. Вот по случаю того, что Вы еще мой депутат, мне легче вылить Вам свое горе, обиду. Так как я хотя и восприниматель музыки, я народ, а она идет народу от людей таких как Вы.

С ув. Садовников.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Тов. Шостакович, я к Вам обращаюсь как к депутату Советского Союза. Есть ли равноправие и правда, справедливость, когда все начальники и кто имеет власть, живут все в хороших квартирах, а нам, рабочим? Говорят, власть принадлежит народу, где человек хозяин своей страны, и я тоже частично хозяин своей страны, но не могу получить жилья, чтобы жить как человеку.

Тов. Шостакович, я на заводе проработал двадцать лет и являюсь инвалидом Советской Армии. Возраст 45 лет, а я до сих пор живу в общежитии.

Тов. Шостакович, куда бы я ни обращался, везде встречаю равнодушных бездарных чиновников.

Тов. Шостакович, неужели я за 20 лет работы на заводе у Советской власти не заработал жилья, чтобы прийти с работы, отдохнуть как человеку, а в общежитии какой отдых при моих годах, и в том числе являюсь инвалидом. Мне надо спокой и отдых, а его нету.

Тов. Шостакович, как депутат помогите мне, чтобы я смог получить жилье.

К сему к Вам Ильенко.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Как Вы знаете, XXII съезд КПСС принял постановление, в котором говорится, что к 1980 г. каждая советская семья должна жить в отдельной изолированной квартире.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, мы просим Вас помочь нам в решении данного вопроса и просим, чтобы Вы от нашего имени и как наш депутат обратились в Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР или ЦК КПСС с ходатайствованием о выделении средств на 168 кв. м. жилой площади, необходимой при перепланировке наших квартир, при капитальном ремонте.

По поручению жильцов подъезда № 20 письмо подписали (4 подписи).

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Я мать пятерых детей, пенсионерка, мне уже 70 лет. Семья моя 9 человек, все мы живем в комнате 20 кв.м. в ужасных условиях коридорной системы. Это длинный коридор, большая открытая кухня, один туалет, в который утром не всегда можно попасть. В комнате у нас находится все, что только имеется. Комната на шестом этаже, (лифта нет). В этой комнате мы прожили 20 лет и очень устали жить в таких условиях. Тов. депутат, прошу Вас, помогите мне. Только не шестой этаж, где я сейчас живу и ползаю по лесенке! Это мне дорога и уважение на старости лет!..

Смирнова.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Мне 29 лет, из них 12 я работаю на Автозаводе. Женат. У меня двое детей, чудесные дочурки — 6 лет и 7 месяцев. Живем в комнатке 10 кв. м. площадью и даже обедать нам приходится на столике из-под теле-

визора, ибо теснота такая, что говорить о большем бессмысленно. Я не прошу отдельную квартиру, а хотя бы комнатку побольше...

Сергеев Евгений Александрович, инженер-диспетчер.

✉ *...Я стою на очереди в списке, так как мой отец погиб в последний день войны и похоронен в самом Берлине. По разрешению Министерства Обороны я ездила на могилу отца. Матери моей тоже нет уже давно. Я добилась высшего образования, работаю в школе, а жить негде. Вы, вероятно, представляете, как учителю, имеющему много домашней работы, необходим свой угол. Живу у сестры, а у нее своя семья из 6 человек.*

Очень прошу Вас посодействовать мне в получении квартиры, так как всю жизнь я бьюсь, бьюсь, живу то у одной сестры, то у другой.

С приветом и наилучшими пожеланиями в жизни, учительница шк. № 155 города Горького Мария Федоровна Потапова.

✉ *...Квартира состоит из одной комнаты площадью 12 кв. м., и проживаем 5 человек. Комната холодная, темная, находится в полуподвальном этаже старого дома, ни канализации, ни водопровода нет, внешняя стена сырая.*

Мне 30 лет, я с 1956 года состою на учете в тубдиспансере, дети часто болеют. Дмитрий Дмитриевич, мне некуда даже положить детей, спим на кровать 3-е, а муж спит на полу, поджавши ноги. Он работает на заводе токарем, на очередь его на квартиру не ставят, т.к. он мало работает на данном заводе. Мы не можем нормально отдохнуть, придя с работы. На работе к членам местного комитета, к кому ни пойдешь хлопотать, один слышишь ответ: «От меня это не зависит».

Мачулина М.М.

✉ *...Живу сейчас в ужасных условиях, на совместной кухне 6 м. стоит наша кровать. Муж работает в заводе 16 лет. Сейчас я беременная, будет ребенок, как я с ним могу жить на кухне, где газовая плита, даже не представляю. К 50-летию Советской власти я награждена медалью, но по сей день живу в ужасных условиях. Прошу просьбе моей не отказать.*

З. Лаврененко.

✉ *...Мы с семьей проживаем в 11-ти квадратной жилплощади (комнатке). Обедаем в ней на 4-х маленьких табуреточках, т.к. негде поставить стулья, дети уроки учат в теснотном положении, не представляется и нам с мужем отдохнуть после нашей трудовой физической работы в цеху. Мы неоднократно обращались к администрации и обще-*

ственным организациям хоть немного увеличить нам жилплощадь, но получаем один ответ «ждать очереди», тогда как на наших глазах люди получают даже квартиры с меньшим производственным стажем. А мы просим только дать нам комнатку побольше, вы же хорошо понимаете, что жить 4-м человекам в 11-метровой комнате нам трудно.

С уважением к Вам, Ваша избиратель Гаязетдинова.

✉ *...Люди, которые ведают выселением, не соблюдают элементарных правил вежливости, уважения к старости и отданному труду. Примером обращения могут служить слова: «В Ваши годы надо умирать, а не думать об удобствах», или «если будете сопротивляться и не поедете по данному адресу, то будем выталкивать с вещами». Может случиться, что за словами последуют действия?*

Простите, что беспокою.

Глубоко уважающая Вас и Ваше прекрасное творчество В. Викторова.

✉ *...Я, Бодрова Анна Тимофеевна, работница Вилопрокатного цеха Выксунского Ордена Ленина Металлургического завода, обращаюсь к Вам со своим житейским вопросом. Дело в том, что я работаю в вилопрокатном цехе уже 23-й год на горячей работе, за что с 45 лет моего возраста и за горячую работу я стала получать пенсию по старости. А жилплощадь не заработала...*

✉ *...Около полутора лет я занимаюсь хлопотами, но безрезультатно. А в перспективе — только 1977 год, как заявила инспектор жилищного отдела, т.е. 10 лет ожидания!*

Очень трудно, дорогой Дмитрий Дмитриевич, жить в «узком переулочке», где негде поставить детской кроватки и лишь на ночь раскладывается диван, чтоб могли лечь 2 взрослых, да еще ребенок...

А. Бориневский.

✉ *...После окончания училища был назначен на Северный флот. Служил там до 1960 года. По правде сказать, служба была не из легких. Жил и на кораблях, и в палатках, и в землянках, последние три года — на подводной лодке. Но я был холост, и меня скитальческая жизнь не особенно тревожила. О квартире я не помышлял. В 1960 году я был демобилизован согласно известного постановления о сокращении ВС. Уволен с правом получения благоустроенного жилья. Но я его не получил, хотя был женат, имел дочь. И никаких перспектив. Как долго это будет продолжаться, кто может дать ответ, кто может помочь в этом деле...*

✉ *...Мой муж — шофер, дочь — ученица 7 кл., мать-пенсионерка — 83 года, я работаю телеграфисткой. Живем мы в городе Горьком с самого рождения, в комнате 12 кв.м. с печным отоплением, комната сырая, тесная, на темной стороне, в общем коридоре, и никаких подсобных удобств. В комнате настолько тесно, что дочь моя спит вместе с бабушкой на одной кровати, они друг другу мешают спать. Дочь во сне толкает бабушку, а бабушка девочке делает неприятности (у нее не держится моча). А вот насчет того, где учить уроки девочке, уж и говорить не стоит. Моя мать — Подольская Валентина Васильевна — 83 года ей, потеряла сына на фронте Отечественной войны. И наша семья стоит на очереди семей погибших, а квартиры никак до сих пор не дали. Ходила я и в Райисполком, и в Горисполком, везде, повсюду только одни словесные обещания...*

✉ *...Горсовет шесть лет обещает предоставить нам коммунальную квартиру, но не дает. Мы стоим на 160-й очереди, которая не подвигается, хотя за это время много людей вне очереди получили квартиры. Нас обходят, т.к. мы незаметные люди, и с нами никто не хочет считаться...*

✉ *...Зиму мы просто погибали от стужи. А стены в коридоре покрылись плесенью. В настоящее время отопительная система находится в непригодном для отопления состоянии, хотя на носу отопительный сезон...*

Присылаю две фотокарточки...

✉ *...В настоящее время мы живем в своем доме (баня, приспособленная под жилье) на площади 8 кв. м. 6 человек, в том числе девочка 6 лет, два мальчика 1 г. 6 мес. и моя мать 66 лет...*

✉ *...И когда мы доживем, чтоб был свой угол мне даже во сне не снится. У нас в организации дома не строят мне и ждать нечего, а муж на очереди так надо ждать 25 лет. Вот если вы нам поможете получить хоть 9 м своего угла тогда я поверю что есть у нас рука помощи...*

✉ *...Простите меня Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич. У вас и без нас дел по горло. С вашей хорошей музыкой. А мы еще со своим горем, слезами лезем к вам. Простите. Если не трудно, то напишите. Г. Семенов Горь. обл. Арматурный Лагранскому Александру Давыдычу.*

Но, и меня не забудьте. У меня дочка Ниночка 15 лет и сын Андрей 5 лет.

Мне 35 лет и мужу тоже. А жить нельзя...

Депутат Верховного Совета СССР

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Москва, К-9, ул. Нежданової, д. № 8/10, корп. 2, кв. 23

5 августа 1968 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

А.Н. КОСЫГИНУ

Многоуважаемый
Алексей Николаевич!

Ко мне обратились мои избиратели из рабочего поселка Большое Мурашкино Горьковской области с просьбой помочь им в строительстве больницы.

Имеющаяся в настоящее время в их поселке больница построена еще земством в 1900 году (деревянное строение), пришла в ветхое состояние и опасна в пожарном отношении.

Больница тесна и нет места для установки физиотерапевтической аппаратуры. Из-за отсутствия места не все нуждающиеся в госпитализации помещаются в больницу. Для исследования больных с сердечно-сосудистым заболеванием - направляют в Областную больницу. Расстояние в 100 километров на автобусе для больного составляет большую трудность и опасность.

Я очень прошу Вас дать указание о включении в план 1969 года строительство районной больницы в рабочем поселке Большое Мурашкино.

/Д. Шостакович/

к ПП-5241

(Стр. 283–285) Письма депутата Верховного Совета СССР Д. Шостаковича в инстанции на депутатских бланках

Депутат Верховного Совета СССР

Копия

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Москва, К-9, ул. Неждановой, д. № 8/10, корп. 2, кв. 23

27 августа 1970 г.

МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

тов. ЕЛЮТИНУ В.П.

Многоуважаемый
Вячеслав Петрович!

Моя избирательница САМОЙЛОВА С.Г., проживающая в г.Горьком по адресу - автозавд, ул. Лескова,50,кв.14 в этом году сдавала вступительные экзамены в Саранский университет на заочное отделение химико-биологического факультета. Экзамены сдала успешно, получив 13 баллов (при проходных 11-12).

При подаче заявления ей никаких ограничений не ставили, но в зачислении Самойлово было отказано вследствие того, что она не является жительницей Мордовской АССР.

Считаю Такую мотивировку не убедительной и очень прошу Вас дать указание о пересмотре этого дела решения и зачислить С.Г. Самойлову в Саранский университет.

Заявление матери Самойловой приэтм прилагаю.

/Д.Шостакович/

Депутат Верховного Совета СССР

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Москва, К-9, ул. Неждановой, д. № 8/10, корп. 2, кв. 23

„24" февраля 1967 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОРИСПОЛКОМА

Товарищу ЗОТИКОВУ И.В.

Уважаемый Илиодор Васильевич!

Мой избиратель Н.Я. Сазонов живет в очень тяжелых жилищных условий. Я убедительно прошу Вас лично познакомиться с его делом и помочь ему в улучшении его жилищно-бытовых условий. О принятых Вами мерах прошу сообщите мне по адресу Москва К-9, ул. Неждановой 8/10, корп. 2, кв. 23.

Заявление Н.Я. Сазонова при сем прилагаю с приложением к нему на 10 листах.

Д. Шостакович /Д. Шостакович/

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1969 году состоялся полет американского космического корабля «Аполлон» к Луне, Нил Армстронг — первый человек, ступивший на поверхность Луны. В США уже 80 млн. телевизоров и начато создание глобальной компьютерной сети — прообраза Интернета.

Советский межпланетный космический аппарат «Венера-5» достиг Венеры.

Совещание коммунистических и рабочих партий в Кремле, в котором приняло участие 75 партий из разных стран мира.

Второй этап «культурной революции» в КНР.

Ш. де Голль оставляет пост президента Франции.

Государственный переворот в Ливии.

В СССР семимиллионным тиражом вышли воспоминания маршала Г.К. Жукова (переиздавались и дописывались и после смерти маршала).

В Москве состоялся Третий Всесоюзный съезд колхозников (второй — в 1935 году).

Пеле забил свой тысячный гол.

В СССР принята правительственная программа охраны озера Байкал, которая впоследствии не выполнялась.

Нобелевская премия по литературе присуждена С. Беккету.

А. Солженицын пишет «Раковый корпус», И. Берлин — «Четыре очерка о свободе», Ф. Дюрренматт — пьесу «Играем Стриндберга».

О. Мессиан сочинил ораторию «Преображение Господа нашего».

В Вудстоке фестиваль рок-музыки собирает полмиллиона зрителей.

Сняты фильмы «Сатирикон» Ф. Феллини, «Беспечный ездок» Д. Хоппера, «Все на продажу» А. Вайды, «Гибель богов» Л. Висконти, «Цвет граната» С. Параджанова.

ГЛАВА ПЯТАЯ 1970 ГОД

ДУДОЧКА ШУТА

24 февраля — Д. Шостаковичу вручена «Памятная медаль Моцарта» в Вене.

25 февраля–9 июня. Курган. Вторая городская больница. Лечение у Г. Илизарова. В больнице композитор пишет цикл «Верность» (ор. 136) к столетию Ленина.

Июнь — избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Горьковскому избирательному округу.

17–27 июля. Продолжает сочинять музыку к кинофильму «Король Лир», начатую в Кургане.

10 августа — Д. Шостакович заканчивает Тринадцатый квартет, посвященный В. Борисовскому (ор. 138).

27 августа–27 октября. Курган. На лечении.

10 ноября — в Москве в Колонном зале Дома союзов впервые прозвучал «Марш советской милиции» Д. Шостаковича.

29 ноября–6 декабря. Таллин. На премьере цикла «Верность» (ор. 136).

13 декабря — Ленинград. Малый зал филармонии им. М. И. Глинки. Премьера Тринадцатого квартета (ор. 138).

Избран почетным членом Общества композиторов Финляндии.

Нам надо работать так, чтобы быть перед Лениным всегда честными и добросовестными... Я горжусь тем, что являюсь свидетелем расцвета советской музыки, развивающейся под руководством ленинской Коммунистической партии Советского Союза.

Однажды после просмотра фильма «Гамлет» у Д. Шостаковича был разговор с писателем Чингизом Айтматовым. Айтматов сказал, что никто

не сможет создать нечто подобное тому, что создал Шекспир, ибо времена изменились. И Шостакович заспорил. Он сказал, что во все времена есть свои Гамлеты и короли Лиры, нужно только разглядеть их в суете повседневности и познать.

«Дело в том, — сказал он, — что современная цивилизация позволяет прийти к единству поэтического художественного мышления в целом. И поэтому тот гениальный художник, который может появиться, выразит себя так, как выражает себя музыкант, — весь мир в себе». *(Из интервью автору)*

Я помню эти слова точно — «весь мир в себе».

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Мы, воспитанники Атлянской детской трудовой колонии, обращаемся к Вам с большой просьбой. На Совете воспитанников мы решили организовать в колонии музей памятных подарков, который бы пополнялся письмами, автографами, а также произведениями наших выдающихся советских композиторов, писателей, Героев войны, Героев Социалистического труда. Мы, как и все советские люди, любим и ценим труды наших выдающихся людей, нам не чуждо чувство гордости за то, что в нашей советской стране создаются все условия для плодотворной работы писателей, поэтов, композиторов, ученых, колхозников и рабочих, что в нашей стране создается все для блага человека.

Мы в настоящее время находимся изолированными от общества, мы оступились в жизни, но нам помогают встать на правильный путь. Только за последнее время нами поставлено 5 концертов, в которых мы исполняли Ваши произведения: «Песня о мире», «О встречном», любим слушать по радио ораторию «Песнь о лесах».

Мы хотели бы иметь одно из Ваших произведений, желательно для мужского двухголосного хора, с Вашим автографом. Для нас, воспитанников, это будет иметь огромное воспитательное значение.

Мы заранее просим извинить нас, т.к. своим письмом мы отнимаем у Вас время, но наше желание иметь от Вас автограф или Ваше произведение настолько велико, что Вы, надеемся, не откажете в нашей просьбе. С большой благодарностью к Вам.

По поручению Совета воспитанников колонии... (17 подписей)

✉ *Город Москва*
Старший Композитор тов. Шостакович
от Сергея Асанова 1939 г. рождения,
осужденного по статье 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза

СССР, от 15-го февраля 1962 г. сроком на десять лет лишения свободы (в колонию усиленного режима)

Жалоба

Моя жизнь имеет ряд больших и глубоких особенностей, требующих обстоятельного внимания, объяснения, прежде чем описать существо жалобы дела. Вы депутат — крупнейший Советский Композитор видели полностью облик лица этого жалобщика, уровень его культуры и образования, степень развития человеческого интеллекта, и в то же время человека, не способного лгать, обманывать и фальсифицировать.

Великая Отечественная война оставила меня круглым сиротой в возрасте два года и два месяца. Своих родителей я не помню и не видел совсем. По национальности я татарин. Однако, вопреки действительности, Калужский обл. суд воспроизвел меня в украинца по не известным никому причинам и юридически тем самым глубоко ущемил мои национальные интересы.

В эвакуации Крыма я без родителей, неизвестными лицами, был перевезен в гор. Курган-тюбе, Таджикской ССР и помещен в дом малюток, где пробыл до 1944 года. Затем был принят на воспитание в детский дом Октябрьского р-на Таджикской ССР, а затем помещался и жил в Качановичабадском, и Ворошиловобадском детских домах Таджикской республики. И уже в возрасте 18-ти лет я вышел в самостоятельную жизнь, получил специальность электрослесаря 3-го разряда, и начал трудиться в Перепадной Г.Э.С. Вахшского р-на Таджикской ССР. Общее образование в этих местах получил четыре класса начальной школы Таджикистана. Таким образом, я совсем с ограничением знаком с русским и татарскими языками, а владею языками среднеазиатских республик.

На протяжении нескольких лет я упорно искал своих родителей и так поныне их не нашел. В ноябре месяце 1958 года я был призван в Армию, откуда был демобилизован по состоянию здоровья (желудочного заболевания, переросшего ныне уже в язвенную болезнь двенадцатиперсной кишки). Срок армейской службы отбывал в гор. Алексино. А комиссовали меня из госпиталя гор. Калуги. Вот почему я и остался на работе в гор. Калуге, на заводе п/я 48, жил на частной квартире.

Жил я с коллективом завода в полной дружбе и соблюдении всех правил распорядка. Был день праздника, что произошло 1-го мая 1962 г. Провести этот народно-трудовой праздник меня позвал мой товарищ Иванов Алексей Григорьевич 1937 г. рождения, человек с законченным средним образованием. Место — квартира была избрана им, Ивановым, комната его сестры — Ваниной. По пути следования Иванов и я

встретили молодежную компанию, знакомую только Иванову, неизвестных мне — Владимира, Веру Самбурову, Раю Степанову. Это было в гор. Калуге на ул. Революции, не доходя до кинотеатра «Центральный», часов в 20 по московскому времени.

Алексей Иванов, подойдя вместе с нами, в кино «Центральный», отделился от нас с тем, чтобы ему для себя лично пригласить девушку, о чем Иванов громогласно объявил при всех нас. Алексей Иванов догнал нас через полторы минуты уже с неизвестной нам «девицей» Ниной Байневич. Мы, т.е. я, Самбурова, Степанова и Володя шли всю дорогу до комнаты сестры Ивановой первые, а сзади нас Алексей Иванов с Ниной Байневич. И так нас шестеро вошли по личному приглашению Алексея Иванова в комнату его сестры Ваниной. Иванов зажег свет и сервировал по простецки (а именно: поставил на стол бутылку водки, поллитра вина и шесть стаканов чайных). Это вино было всеми нами распито равными частями в протяжении двух часов. Рая Степанова предложила нам пройтись — проветрица, на что все мы согласились (кроме А. Иванова и Н. Байневич). Наша четверка таким образом покинула комнату. Пройдя примерно около километра вчетвером, я обнаружил, что забыл у А. Иванова летнее кашне. Я вынужден был извиниться перед товарищами и вернулся в комнату к А. Иванову. Придя к комнате А. Иванова, последняя была изнутри заперта, а свет был выключен. Я постучался, Иванов откликнулся и на мой голос открыл внутренний замок двери. Я зажег свет и увидел: на кровати лежала, склонив спиной и головой на подушке, и лицом в потолок Нина Байневич, и возле Нины на кровати сбоку сидел А. Иванов. Иванов попросил меня загасить свет, чего Нина Байневич не хотела, и я выключил свет. Я подошел к столу и сел. В это время А. Иванов отошел от кровати и зажег настольную лампу, и спустил ее со стола на пол, чем создал в комнате интимный полусвет. И здесь, не замедля, А. Иванов сел на кровать к изголовью Н. Байневич, изливал нежные ласки и старался, обнимая и целуя Нину Байневич. И вслед за сим А. Иванов просил Н. Байневич совершить с ним половой акт, на что согласия Нины Байневич не получил. В этот именно момент А. Иванов попросил меня снять трусы с Н. Байневич. Здесь Н. Байневич закричала: «Леша, оставь, не надо». А. Иванов предложил мне ударить по голове Н. Байневич, на что я ответил категорическим отказом. На шум, который создала Н. Байневич, с улицы в освещенное и не занавешенное окно стали стучать соседи: Балховитина и Макарова. Безусловно, этот весь эпизод должен был быть виден в окно. Ни А. Иванов, ни я никакого фактического полового акта не совершали над Ниной Байневич. А что

было в то время, когда я отсутствовал в комнате А. Иванова, между Алексеем Ивановым и Н. Байневич, мне не известно. Оконный стук соседей повторился (свет был включен). Я открыл замок в двери. Нина Байневич взяла плащ и вышла из комнаты совсем. Я и А. Иванов также вышли на улицу и подошли к Н. Байневич. Нина Байневич стала угрожать А. Иванову, за что Иванов ударил Н. Байневич кулаком в бок. Я не вытерпел всего этого общего наглого и лживого поведения Н. Байневич, и я ее стеганул по ладони правой руки брюшным ремнем. Мне вся эта история морального кривляния Н. Байневич стала противна, и я ушел восвояси. А. Иванов и Н. Байневич оставались на улице в метрах 50-ти от дома. Что там происходило далее между ними, мне неизвестно. После всего этого я А. Иванова нигде не встречал. 4-го мая 1962 года в 15 часов дня я был арестован на работе в п/я 48 гор. Калуги.

Следствие велось до крайности поверхностно. Личность Нины Байневич следствием и судом не проверялась — не изучалась никак. Мне, однако, стало детально известно от сослуживца Н. Байневич, некой Нины Николашиной, что Нина Байневич вела себя физически совсем легкомысленно, имела большой круг знакомства с мужчинами, проводила с ними время во взаимной физической-платонической потребности. Суд указывает в приговоре, что Нина Байневич была в момент изнасилования в бессознательном состоянии. Так каким же это образом человек, находясь в бессознательном состоянии, может рассуждать и делать вывод, что она была именно изнасилована Асановым, а почему не А. Ивановым, или кем-либо другим. Нина Байневич, не зная всей этой компании, и особенно Алексея Иванова, легко и просто, как это делают женщины легкого поведения, в одно мгновение от кинотеатра согласилась и направилась с А. Ивановым в неизвестное для нее место. Такое действие ни один порядочный человек позволить себе не может, не должен и тактом поведения Советской женщины недопустим. Медицинская экспертиза, можно сказать убедительно и твердо, проведена была плоско не многогранно, грубо поверхностно. Я, например, совсем не был подвергнут экспертизе, у меня не исследовалась кровь. У Нины Байневич не исследовалась экспертизой кровь, не был взят мазок из влагалища и кровавое пятно на простыне не проверялось вовсе, а именно: была ли это кровь от менструации, или это кровь от взорванной уздечки подсудимого. Экспертиза проведена беспардонно. В том, в чем я повинен, я сознался. Честно рассказал на следствии и суде, что только исполнил частично просьбу Иванова, — снял трусы, а всех остальных действий не со-

вершал. Характеристика с моего места работы также говорит обо мне с достаточно положительной стороны во всем. Весь приговор обл. суда по отношению ко мне носит явно надуманный характер, грубо субъективен, жестоко несправедлив и не имеет никаких по делу оснований.

Дмитрий Дмитрич, я узнал что вы очень отзывчивы к народу и справедливы в гуманности Советского Закона. Вы большой Советский композитор, человек высокой эрудиции, этики, проницательности, Вас я убедительно прошу, как Депутата, подать Ваше депутатское ходатайство председателю Верховного суда РСФСР, просить Л.Н. Смирнова истребовать мое уголовное дело из архива Калужского обл. суда, изучить его тщательно, и контрастно сопоставить весь несуразный «материал» дела с моей жалобой — прошу понять и поверить честному моему самопризнанию, — прошу учесть мое почти полное незнание русского языка, внять мое почти мучительное сиротство, душевные страдания в поисках родителей, — очень прошу оценить мою добропорядочную службу в рядах Армии, мой полноценный труд в п/я-48, гор. Калуги — понять и мою малограмотность и непрактичность в жизни, внять мою доверчивость к таким развитым людям как Алексей Иванов. Всем в совокупности сказанным убедительно прошу Вас депутат Дмитрий Дмитрич, исходатайствовать в Верховный Суд РСФСР, о вынесении определения с изменениями в статейных данных и значительно — снижении срока наказания.

Свою ошибку, как я описываю Вам, понял глубоко и всестороннее, душою и сердцем выстрадал все и великую дату столетия Ленина я ищу, жду и прошу принять Верховным судом часть моего сознания всей силой действенности ума, чести и совести нашей эпохи.

К сему Асанов.

Д. Шостакович говорил, что в молодости часто посещал судебные процессы, иногда просиживая там целыми днями, чтобы узнать о драматических моментах человеческой жизни, трагически заканчивающейся. На вопрос, зачем ему это было нужно, отвечал: «Как много узнаешь о человеческих отношениях на суде, о причинах, мотивах того или иного преступления...»

Он с юности чувствовал пошлость в окружающей жизни. Поэтому так любил Чехова. Пишет другу: **Помнишь ли ты то место из «Трех сестер» Чехова, когда Тузенбах уходит на дуэль и прощается со своей любимой женщиной, которая его не любит. Он ей не говорит, когда уходит, куда он идет, — но в последний момент он хочет**

сказать, что идет на дуэль. Он уходит и кричит: «Ирина!» Ирина его спрашивает: «Что?» Он: «Я не пил сегодня кофе, скажи, чтобы сварили». Чувствуешь ли ты, Вафля, как это жутко? А помнишь ли ты сцену-монолог «О вреде табака»? Когда я раньше читал «Три сестры» и «О вреде табака», то зевал от скуки над первой вещью и до слез хохотал над 2-й. Теперь не то. Мне хочется сказать словами Ивана Ивановича Нюкина (лектора): «Страшно, страшно! Какая пошлость везде, какая злоба». Ужас! Я в ужасе. Бедный Чехов! Как он страдал, когда писал эти вещи...

Ужас, ужас, ужас... Это даже непонятно, невероятно. Какой страшный Чехов, какую он пошлость описывает.

[•] *18 февраля 1970 г.*

Д.Д. Шостаковичу.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

В связи с Вашим письмом в Министерство культуры РСФСР о строительстве музыкальной школы в гор. Шахунья, исполком Облсовета сообщает, что из-за отсутствия средств строительство школы на 1970 год не предусматривалось.

Вопрос о строительстве школы в гор. Шахунье будет дополнительно рассмотрен при рассмотрении бюджета на 1971 год.

Ответ членам родительского комитета школы дан.

Заместитель председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся

Л. Гришанов.

Двадцать четвертого февраля 1970 года Шостаковичу была вручена «Памятная медаль Моцарта» в Вене.

Шостаковича не раз сравнивали с Моцартом — его талант тоже обнаружился рано, и уже Первая симфония девятнадцатилетнего композитора принесла ему мировую славу.

На фотографиях тех лет он прямо смотрит в объектив, выглядит юным и отчужденным.

В семейном архиве Дмитрия Дмитриевича я выбрала для фильма несколько его фотографий в молодости. Дмитрий Дмитриевич долго рассматривал одну из них, потом сказал: **Мне кажется, это фотография 1927–1928 годов. Я уже тогда серьезно и много занимался музыкой — композицией. Уже у меня были такие сочинения, которые и сейчас исполняются. Например, Первая симфония была сочинена**

в это время... Успех ее укрепил меня в убеждении, что мне следует всерьез заниматься композицией.

Первая симфония сыграла особую роль в жизни Шостаковича, недаром 12 мая, день премьеры симфонии, Шостакович всю жизнь отмечал, наряду с днем рождения, как свой семейный праздник.

Вскоре после премьеры Первой симфонии Д. Шостакович напечатал на машинке с прыгающими буквами свое «Жизнеописание», занявшее всего одну страницу: **Удача, успех и хорошее звучанье симфонии вдохнули много бодрости и надежд. Если мне мало-мальски удастся себя обеспечить, то я буду работать не покладая рук в области музыки, которой я отдам всю свою жизнь...** *(16 июня 1926 г.)*

В 1927 году симфония прозвучала в Берлине, в 1928-м — в Филадельфии, в 1931-м — в Нью-Йорке. Ее включили в свой репертуар крупнейшие дирижеры мира. Не было такой страны, в которой симфония не прозвучала бы вскоре после того, как она появилась,— эта работа консерваторского ученика.

Альбан Берг писал композитору: «Дорогой господин Шостакович, мне доставило большую радость знакомство с Вашей симфонией. Нахожу ее, особенно первую часть, изумительной! Она звучит поистине великолепно, и я сердечно Вас поздравляю с ней».

Ее включили в свои программы Бруно Вальтер, Леопольд Стоковский, Артур Радзинский, Артуро Тосканини. Зарубежные музыканты услышали в симфонии «голос нового поколения в музыке».

«История музыки знает немного примеров такого быстрого раскрытия творческого таланта. Можно назвать Моцарта, Мендельсона. Из русских композиторов, предшественников Шостаковича, один, быть может, Стравинский так быстро дошел до предельных высот своего искусства», — писал Е. Браудо.

Л. Арнштам: «Ошиблись те, кто принял его Первую симфонию за юношески беззаботную, жизнерадостную. Они ошиблись так же, как и те, кто в Моцарте видели беззаботного человека. Ничего беззаботного в этой симфонии нет. Она исполнена такого человеческого драматизма, что это даже странно представить, что 19-летний мальчик прожил такую жизнь...» *(Из интервью автору)*

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Разрешите Вас поздравить с присужденной Вам по праву наградой — медалью Моцарта. А также пожелать Вам доброго здоровья, всякого благополучия и долгих лет жизни, в течение которых Вы бы порадовали нас своими музыкальными произведениями. Все эти по-

здравления и пожелания я высказываю от своего, Вашего избирателя, имени.

Года три назад группа Ваших избирателей из раб. поселка Большое Мурашкино Горьковской области обращалась к Вам с просьбой, чтобы Вы помогли построить у нас в Б. Мурашкино районную больницу. Вы нам ответили, что Вы вошли в ходатайство перед председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным по этому вопросу. Прошел почти год после получения от Вас этого письма, но мы так и не знаем, чем же закончилось это дело. Я один из тех, кто подписал письмо на Ваше имя, и прошу Вас все-таки сообщить нам решение по существу затронутого вопроса.

Ваш избиратель, житель раб. пос. Б. Мурашкино Крутов Григорий Осипович.

Ленинград. Октябрьский Райисполком

Председателю Райисполкома т. Бусько Л.С.

Уважаемая Людмила Семеновна!

Убедительно прошу Вас положительно решить вопрос о переселении Грузинской-Беловой Александры Петровны (проживающей Мойка 112, кв. 30) в квартиру к ее сыну Белову Ю.В. (Мойка 42, к. 28)

А.П. Грузинской-Беловой 78 лет. Она нуждается в уходе и ей необходимо жить вместе с семьей сына. Она сдает комнату 17,5 кв. метров и может получить освободившуюся комнату в квартире сына немного большего метража.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *Уважаемый тов. Шостакович, обращаюсь к Вам с великой просьбой и прошу мне помочь.*

Сама я Бутузова-Быстрова, родилась и жила до мобилизации на финскую кампанию и Великую Отечественную войну в г. Ленинграде по ул. Грибоедова, д. 7 кв. 9 а. Родилась и училась в г. Ленинграде, училась в училище медсестер, в 1937 г. окончила училище № 8 при больнице имени Эрисмана, и была направлена в Горздравотдел ул. Пролеткульта, оттуда было назначение в Институт Бехтерева 6.11.1937 г. В 1938 г. была мобилизована на Финскую Кампанию, после окончания работала в Военном госпитале у Смольного. Снова была мобилизована на Великую Отечественную войну. Во время войны мои отец, мать, 2 сестры, брат погибли с голоду, квартира была разрушена. Уходя на фронт, я

все оставила: т.е. трудовую книжку и диплом об окончании. Это все пропало, и вот теперь я осталась без диплома. Город Ленинград не был оккупирован, однако нигде не могу добыть копию диплома. Писала в Институт им. Бехтерева, т.к. я там начинала свою трудовую деятельность. Мне прислали, что действительно, была направлена по окончании школы медсестер № 8, а № диплома не указали. Я писала в райком Красного креста, но и они ничем не помогли, из архива ул. Войкова сообщают, что документы со школы № 8 не поступали. Так помогите, уважаемый тов. Шостакович, просто аннулировать их не могли, где-то они хранятся, но где?

Я работаю акушеркой, и мне занижиают зарплату, а стаж имею 26–27-й год. А через полтора года пойду на пенсию и вовсе буду получать гроши. Прошу Вас, помогите мне разыскать, где хранятся документы школы № 8 медсестер, которые находились при Больнице им. Эрисмана, фамилия девичья Бутузова.

Уважаемый товарищ Шостакович, если бы Вы знали, с какой любовью я слушаю по радио Вашу музыку, если бы ее каждый день передавали, мне кажется, я бы часами сидела и слушала. Желаю Вам долгих лет жизни.

С приветом, Быстрова, жду надежного ответа.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР товарищу Шостаковичу.*

Уважаемый товарищ. Я, 1937 года рождения уроженец города Ленинграда, во время войны находился в блокированном Ленинграде. Там я лишился всех своих родственников, лишился всего (в том числе и своего жилья), и вместе с другими детьми был вывезен в июле 1942 года в один из детских домов Горьковской области. С тех пор я так и живу один. О своих родственниках и о том, где именно и как я жил я толком ничего не помню. Подлинного свидетельства о рождении у меня нет — до документов ли тогда было при нашей эвакуации из Ленинграда. У меня есть свидетельство о рождении лишь восстановленное в 1948 году. Записи в нем были произведены со скудных данных обо мне, имевшихся в администрации детского дома, ну а те, в свою очередь, записали их с моего детского лепета, и отчасти про своему умозаключению (сведений о родителях там, естественно, нет. Никаких подлинных документов со мной из Ленинграда не прибыло. В документах, прибывших со мной из Ленинграда было записано лишь имя, фамилия и год рождения (отчества нет). При этом я не могу ручаться за подлинность фамилии, так как в архиве Ленгороно в карточке она записана как Сурозин (а на самом деле она могла звучать еще и иначе — ведь все записывалось с

моих детских слов) а в документах детдома записана уже как Суроегин. Таким образом и получилось, что о своих родителях я не имею никаких данных, и узнать что-либо о них нет никакой возможности... Мои запросы, посланные в Ленинград, никаких положительных результатов не дали и дать, конечно, не могли. Ведь у меня были родители, не с Луны же я свалился. И лишился я их именно во время войны в Ленинграде. Сам я хорошо помню смерть своей матери в Ленинграде. Я хорошо помню, что у меня был и отец. Но он исчез раньше смерти матери, видимо, как я сейчас могу себе представить, был взят на фронт, где наверное и погиб, потому что меня никто не разыскивал. Но ничего этого подтвердить документами я возможности не имею...

Из Ленинграда к Шостаковичу приходило много писем от избирателей. Среди них — письма блокадников. **Где бы я ни жил, я всегда чувствую себя ленинградцем...** — говорил о себе Д. Шостакович.

О начале войны Шостакович узнал во время экзамена в консерватории. Вскоре многие его студенты добровольцами ушли на фронт. Шостакович тоже подал заявление, чтобы его направили на фронт. **Меня принял комиссар. Выслушав мой рапорт, он сказал, что взять меня в армию очень трудно. Он выразил уверенность, что я должен ограничить свою деятельность писанием музыки.**

О своей встрече с Шостаковичем в блокированном Ленинграде рассказал Зощенко: «Город стал фронтом. Близость фронта чувствуется на каждом шагу. Я встречаю на улице композитора Д.Д. Шостаковича. Мы идем в кафе. Пьем кофе. Шостакович рассказывает о том, как он был шесть дней на земляных работах, и о своей работе в пожарном звене.

Удивительно смотреть на композитора. Первое впечатление — слабости и беспомощности — чрезвычайно обманчиво. За тонкими чертами лица — мужество, сила и большая непреклонная воля».

В блокадном Ленинграде, всего в нескольких кварталах от дома Шостаковича, жила та, что стала потом его женой. Ее, оставшуюся сиротой, вывезли по Дороге жизни в детский дом.

Ирина Антоновна Шостакович: «Я очень многое помню. Это было потрясение, потому что ребенку кажется, что взрослый мир незыблем, устойчив. Оказалось, что это очень хрупкая вещь и что жизнь человеческая вообще ничего не стоит.

Мой отец в Русском музее работал до ареста, и мы жили в доме сотрудников Русского музея на углу Инженерной и Садовой. Если опоздал в убежище, — а мы иногда опаздывали, пока меня одевали, зима была очень холодная, — двор перейти это большая проблема была. Ну

и осколки... Попал осколок — только что был человек и вот лежит такая кучка тряпья, и никакой силой его уже не поднять... Нет, такая точка отсчета есть у всех, кто там побывал и видел и героизм большой, и, наоборот, трусость, негодяйство тоже.

Немцы очень быстро наступали, и сомкнулось это кольцо, и ведь низвестно ничего было, что будет... Это сейчас принято говорить, что мы знали, что победим и так далее, тогда это было как-то неясно, потому что ужасное было время.

А потом нас везли по льду — там бомбили, там под лед проваливались машины.

А потом я была в интернате для детей-сирот, пока меня ни забрали оттуда. Вот такие впечатления. Такая жизнь. Можно сказать, для кого — жизнь, для кого — смерть.

Самая плохая была осень — начало зимы 1941 года. Голодное, холодное время, и сгорели эти склады с продовольствием... Я помню красное небо и все усеянное аэростатами.

Моя мать умерла еще до войны. Отца посадили в 1937 году, он вышел уже после войны. Бабушка и дедушка, у которых я осталась, с ними я эвакуировалась из блокадного Ленинграда, — по дороге умерли от дистрофии. Меня отдали в детский дом, но я уже умела писать и написала письмо тете, которая оставалась в Ленинграде, и письмо дошло. Я и адреса не знала, я только написала: Петроградская сторона, завод Макса Гельца. Макс Гельц — это немецкий коммунист, поэтому завод уже не мог так называться. Но письмо дошло, и тетя связалась со своей сестрой, в общем, они приехали за мной в Ярославль и забрали меня из детдома.

Мне было шесть лет — это уже сознательный возраст. И когда меня привезли в эвакуацию к тете в Куйбышев, я пошла в первый класс, и там же в Куйбышеве жил, между прочим, в это время Дмитрий Дмитриевич — мы даже на одной улице там, оказывается, жили.

Я помню, что в первом классе нас на уроке пения поставили в ряд и мы стали петь песню, что "в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ". Я была очень поражена этим, потому что немцы как раз подходили к Волге в ту пору». *(Из интервью автору)*

Из статьи «Музыка и оборона страны» (весна 1941 года):

«Нет сейчас в мире страны более счастливой, более спокойно глядящей в будущее, чем страна Советов. Наши орудия, наши танки и самолеты, наши доблестные красные полки надежно охраняют мирный труд 193 миллионов советских граждан.

Но мы не гарантированы от того, что пожар войны не может перекинуться и на наши рубежи. Весь советский народ с мужественным спокойствием и полным напряжением сил готовится встретить любого врага, который посмеет посягнуть на безопасность наших границ.

Подготовка к будущей войне, к неизбежной и решающей схватке с отживающим миром капитализма, — требует и от музыкантов нового искусства, насыщенного идеями героизма, непоколебимой верой в победу и волей к борьбе».

В преддверии надвигающихся событий Шостакович в июне 1941 года написал песню «И этот день настал».

Кадры предвоенной советской хроники под девизом «Гордо, бодро, непобедимо!»: физкультурники обороны, военные учения.

«Каждый колхоз — крепость обороны»: будущий маршал Г.К. Жуков вместе с другими командирами на колхозном застолье, заканчивающемся плясками. «Красноармейские таланты» — бравые отплясывающие военные, с их нескончаемой чечеткой.

И наконец, в газете «Правда», ответ И. Сталина — товарищу Иванову, золотом по мрамору: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизованной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших врагов не могли застигнуть нас врасплох».

Но именно врасплох застала война советское руководство.

Тогда, летом 1941 года, вся Германия смотрела кадры победоносных боев немецкой армии и лица советских военнопленных — почти 2 миллиона советских военнослужащих попали в плен летом 1941 года. Выцветшие гимнастерки, небритые лица, много раненых — и нескончаемые, от горизонта до горизонта, колонны — скорбный путь по дорогам войны лета и осени 1941 года.

Те, кто видел полвека назад эти кадры в выпусках немецкой хроники, не мог и представить себе, что пройдет немного времени и такие же многотысячные колонны, уже немецких военнопленных, будут двигаться по дорогам Европы в обратном направлении — на восток.

Эти движущиеся в разном направлении многотысячные колонны — может быть, самый трагический образ той войны, жесточайшей войны в истории человечества.

Из Куйбышева, куда Шостакович был эвакуирован, он пишет:

...Моя мать, сестра и племянник, а также родные жены остались в Ленинграде. Изредка оттуда приходят письма, которые необы-

чайно тяжело читать. Например, съедена моя собака, съедено несколько кошек. Мои хлопоты о том, чтобы их вывезти сюда, пока не увенчаны успехом. *(3 февраля 1942 г.)*

...Я живу очень плохо. День и ночь вспоминаю моих родных и близких, оставшихся в Ленинграде. Оттуда я получаю редкие сведения. Есть нечего. Больше кошек и собак нету...

...Иногда по ночам, терзаемый бессонницей, я плачу. Нервы шалят. *(4 января 1942 г.)*

...Ленинград — моя родина; Ленинград — это для меня мой дом. Советский Союз — Родина, Ленинград — дом; это более интимная, что ли, связь... И я обязательно должен туда вернуться, быть там и тушить пожар... *(«Моя Седьмая симфония» — 1942 г.)*

Шостакович выписал для себя стихи О. Берггольц:

А город был в дремучий убран иней,
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегу трамвайных линий,
Одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья,
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных...

Старая фотография времен войны — афиша Седьмой симфонии в Ленинграде и около нее боец. Комментируя фотографию, Дмитрий Дмитриевич сказал: **Героическое исполнение моей симфонии в блокадном Ленинграде, когда город был осажден, — это, конечно, одна из героических историй нашей музыкальной жизни. Был собран полностью оркестр — а ведь оркестр в Седьмой симфонии очень большой. Создали очень большой оркестр. Замечательный дирижер Карл Ильич Элиасберг дирижировал симфонией, и прозвучала она в бессмертном зале Ленинградской филармонии. Это исполнение Седьмой симфонии вызвало большой отклик во всей нашей стране и у ленинградцев. Это было, конечно, незабываемо. Несмотря на тяжелые условия, в которых находился город Ленинград в то время, симфония была сыграна, притом превосходно сыграна. Сыграна была превосходно без всяких оговорок, скидок на жуткое время, все было сыграно прекрасно.** *(Из интервью автору)*

Сергей Прокофьев, дирижировавший Седьмой симфонией, сравнил ее с «Героической» Бетховена: «По глубине философской концепции давно не было такого произведения. Успех был огромный». *(Тбилиси, 28 декабря 1942 г.)*

В марте 1942 года партитура Симфонии на катушках фотопленки была послана из Куйбышева на самолете через Ташкент, Ашхабад в Иран, оттуда в Ирак, Египет, через Африку, Атлантику в Лондон. Лондонская газета «Таймс» сообщила об ожидаемой с нетерпением партитуре.

История мирового музыкального искусства не знает другого примера столь всеобщего и потрясающего успеха, который имела Седьмая симфония Шостаковича. Ее исполняли везде — в Англии и в Австралии, в Канаде и США, ее играли самые прославленные оркестры и дирижеры — Артуро Тосканини, Леопольд Стоковский, Сергей Кусевицкий и др. Артуро Тосканини, уже объявивший о своем намерении оставить «воинственную сцену искусства», неожиданно также заявил о своем желании исполнить симфонию. «Эта музыка выражает мощь России так, как никогда не передаст слово», — писала американская пресса.

Эта симфония стала символом грядущей победы всех объединенных наций.

В последующие годы симфония прозвучала также в Мексике, Канаде, Аргентине, Перу, Уругвае, Париже, Праге, Белграде, Риме, Вене, Софии, Будапеште, Копенгагене, Кракове, Загребе и, наконец, в Берлине.

В день своего тридцатишестилетия Шостакович получил поздравления от Поля Робсона, Леопольда Стоковского, Артуро Тосканини, написавшего: «Для всех нас это ужасные времена, но страдания Вашей страны наиболее велики. Душой с Вами до славной победы».

В поздравлении Чарли Чаплина сказано: «Большое удовольствие и честь — иметь возможность поздравить величайшего музыкального гения, ныне существующего в России, и прислать горячий привет ему и его храбрым товарищам, ведущим тягчайшую борьбу».

Письмо от Р. Ломберта. Новая Зеландия:

✉ *Д. Шостаковичу*

Вы являетесь моим любимым композитором. Недавно я подумал: «А почему бы мне не написать о моем преклонении перед творчеством величайшего из живущих композиторов?» — И я написал это письмо.

Особенно мне нравится Ваша Седьмая симфония. Я никогда не забуду своего оглушительного впечатления от этого произведения и того эффекта, которое оно оказывает на меня и сейчас. У меня есть также

пластинка с 11 симфонией. Я особенно люблю последнюю часть, которая кажется мне философским описанием горечи триумфа.

Я считаю, что Вы величайший композитор — как и И.С. Бах и Малер, и я рад написать Вам об этом.

✉ *Заявление*

Дорогой, добрый Дмитрий Дмитриевич!

Только потому, что знаю, что Вы защитник переживших в Ленинграде блокаду и отзывчивый на несчастья, я осмелилась Вас беспокоить.

Я живу в Ленинграде с 1926 г. и, конечно, прожила и всю блокаду — осталась еле жива, потеряла в весе 35 кило. Работала я в домохозяйстве по Невскому просп., д. 88 — населения в доме было около 3 тыс. человек. Своими руками вынесла в морг 426 чел. Имела двоих детей — сын Владимир 17 лет ушел добровольцем и погиб в Манчжурии 26 августа 1945 г., когда уже кончилась война, документы у меня на руках. Дочь Юлия эвакуировалась в апреле 1942 г. — уехала по последней дороге жизни. Муж ее работал в Ленфильме и эвакуировался в Алма-Ату, а дочь мою по дороге завез к своей матери в Саратов, где в скором времени она родила сына. Мать ее мужа оказалась жестокой женщиной и заставляла мою дочь сдавать кровь по 400 гр. из-за масла, которого моя дочь не видела — все съедала семья ее мужа. В результате она нажила себе истощение нервной системы, могла ходить только с палочкой, заболела раком и в конце концов умерла в страшных мучениях. В 1968 году нас с дочерью выселили из квартиры на Невском для расширения площади междугородной станции. Дали нам две комнаты 30.90 (а имели 34), но я согласилась и вот пока не наступила катастрофа. Умирает дочь, и я обратилась в Облленком т.к. здесь мне стало жить тяжело, да и платить из пенсии трудно. Я просила дать мне однокомнатную квартиру. На мое заявление был категорический отказ, т.к. одна из комнат была изолированная и они имеют право заселить ее. А главное, на мое заявление, что у меня прошла такая тяжелая жизнь, мне ответили, что это сентиментальности, а ведь сколько мне осталось жить? Я 1903 г. рождения.

Прошу Вас ответить на мое письмо,

Великоцкая З.К.

✉ *Тов. Шестакович Дмитрий Д.!*

Я гражданка Клячина Полина, прошу вашего помилования своему мужу Клячину Ивану Д.

Тов. Шестакович, с первых дней нашего замужества я своего мужа Клячина И. считаю больным, болезнь эту ему причинила блокада Ленинграда. Дальше у него появились друзья, которые много употребляли водки, ему пить нельзя, он очень слабый человек, они об этом знают, и вот они его очень смущали, и он через эту выпивку совсем стал больным. 3 раза он был в больнице психической. Врачи ему говорили — нельзя пить, можешь совсем с ума сойти или же даже помереть.

1 год он не употреблял ничего, был хороший, не совсем здоровый, но для хозяйства очень помогал. Но обратно его друзья сагитировали и человек пропал. Пьяный он кричал сам не знал на кого и чего, и его за это посадили на три года строгого.

Тов. Шестакович, вреда он никакого никому не причинил, если бы был он здоровый, конечно этого бы не получилось, трезвый он очень хороший, никого не обижает.

Тов. Шестакович, возьмите во внимание — ни за что он этот срок не выдержит, так как он сейчас в заключении болеет, прошу я вас разберите все мое ходатательство, помилуйте моего мужа Клячина И. и прошу мне ответить.

Клячиной Полине А.

✉ *Дмитрий Дмитриевич!*

Пишет Вам электромонтер Адмиралтейского завода Скорикова Александра Андреевна.

Я и муж отдали заводу 50 лет трудового стажа. Муж в данное время инвалид второй группы без права на труд, перенес три инфаркта, страдает частыми приступами сердечной астмы. Он член КПСС с 1943 года, отдал производству и общественной жизни все свое здоровье. Всю жизнь прожили в Ленинграде. Во время блокады оба работали на заводе.

Потеряли родных, родные мужа были задушены фашистами в Ростове, мои родные погибли от голода в Ленинграде. Никаких родственников не осталось. Живем в очень трудных условиях.

Несколько лет обращалась за помощью в цех, но очередь до нас все не доходит. Мне больно смотреть, как страдает родной и близкий мне человек, а изменить условия я не в состоянии, поэтому и прошу Вашего участия в моей судьбе, т.к. завод ежегодно получает жилплощадь и при желании может оказать нам помощь, поселив здоровую семью в нашу комнату.

Хочется встретиться с Вами и поговорить о своем деле. Может быть, Вас не затруднит сообщить мне, когда и где будет у Вас приемный день в Ленинграде. Сорикова.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Д.Д.ШОСТАКОВИЧУ

КОЛЛЕКТИВ ГОРЬКОВСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ПУШКИНА ЕДИНОДУШНО ВЫДВИНУЛ ВАШУ КАНДИДАТУРУ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ССР ПРОСИМ ВАС ДАТЬ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ ПО ГОРЬКОВСКОМУ ОКРУГУ НР 6 ТЧК ПОЗДРАВЛЯЕМ ДНЕМ ПОБЕДЫ ЖЕЛАЕМ СКОРЕЙШЕГО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ=ПОРУЧЕНИЮ КОЛЛЕКТИВА ДИРЕКТОР РЕЗНИКОВ.

ТЕЛЕГРАММА

Д.Д.ШОСТАКОВИЧУ

КОЛЛЕКТИВ ЗАВОДА КРАСНОЕ СОРМОВО ПОДДЕРЖАЛ ВАШУ КАНДИДАТУРУ ВЫДВИЖЕНИИ ПО ГОРЬКОВСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ НР 6 В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПРОСИМ ДАТЬ ВАШЕ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ДНЕМ ПОБЕДЫ ЖЕДАЕМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ БОЛЬШИХ УСПЕХОВ ВАШЕЙ РАБОТЕ НА БЛАГО НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ = МАРТЕН ЮРЬЕВ СТЕФАНЕНКО ЧУБАРОВ.

✉ *3 июня 1970 г.*

Привет из г. Арзамаса. Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Дмитриевич.

Извините, что Вас беспокоим, зная, что Вы заняты, дело в том, что 14.06.70 года мы, жители г. Арзамаса, как и весь советский народ, пойдем отдать свои голоса за кандидатов в депутаты трудящихся. Дмитрий Дмитриевич, мы все как один отдадим свои голоса за любимого композитора. Дмитрий Дмитриевич, хотелось бы, чтобы родилась песня об Арзамасе. Надеемся! Верим! Ждем!

Работники Арзамасской профессиональной пожарной части.

Нач. караула Касаткин и весь большой коллектив нашей части.

✉ *Дорогой и глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Своей музыкой Вы согреваете наши души, но кроме души у нас есть тело, которое также требует тепла, ласки и т.п. Обращаемся к Вам и просим убедительно, помогите нам в получении тепла для наших старых и детских тел, которые населяют дом № 13 по пер. Гоголя в г. Горьком.

В соседние с нами дома подвели газ, эти дома от нашего дома буквально в 20 м, нам этого не сделали, несмотря на наши бесконечные

просьбы. В доме живут коренные пролетарии Н. Новгорода, живы старухи, около них дети с детьми, удобств у нас никаких, кроме сырости, мокрушек, двухвосток и крыс у нас нет ничего. Пеленки сушатся над керосинками, задыхаемся от керосина. Простите за откровенность, в 7 квартирах живут старухи 9 человек, от старости моча плохо держится, каждый день нужно постирать штаны, но первым долгом керосинка нужна, чтобы приготовить пищу себе, детям и когда дойдет очередь до нас, старух. Во все организации г. Горького писали, нам обещали, что в 1970 г. газ будет в первом квартале, прошло 2 квартала, а о газе и помина нет. Мы все волнуемся, самая пора делать в квартирах ремонт, а мы ни с места, боимся что-либо предпринимать, все ждем и ждем, авось завтра придут.

Избирая Вас, Вам оказывали доверие и мы, горьковчане, не подкачаем, с радостью отдадим свой голос, почитая Вас достойным кандидатом, а Вас горячо просим — помогите нам, согрейте души и тела наши, и да благословит Вас жизнь на долгие годы в добром здоровьи.

(7 подписей)

В июне 1970 года Д.Д. Шостакович был избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Горьковскому избирательному округу.

Долгие годы Шостакович был депутатом от города Горького.

Основанный в XIII веке город со знаменитым Новгородским кремлем XVI века, старинными соборами и монастырями, узкими старинными улочками, необыкновенной красоты заволжскими далями, открывающимися с городского холма, — Горький был включен ЮНЕСКО в число ста городов мира, представляющих мировую историческую и культурную ценность.

Раскинувшийся на многие километры по берегам Волги и Оки, когда-то это был один из богатейших городов России. Через него испокон веков проходили торговые пути, здесь устраивались знаменитые ярмарки, на которые съезжались из многих стран, за что город прозвали «карманом России». В годы советской власти ярмарки упразднили как «социально-враждебное явление».

С 1959 года Горький стал закрытым «секретным» городом, куда был запрещен въезд иностранцев. Его «открыли» только в 1991 году, уже после смерти Шостаковича.

И все же, благодаря Д. Шостаковичу, Горьковская филармония провела Первый фестиваль современного музыкального творчества. На фестиваль пригласили Вана Клиберна, который во Дворце культуры

автозавода исполнил Третий концерт С. Прокофьева. Многие рабочие автозавода стали слушателями этого концерта.

На том же фестивале Шостакович дебютировал в качестве дирижера. Поскольку болезнь руки прогрессировала, он надеялся, что сможет продолжать общаться с публикой в качестве дирижера. В программе была Праздничная увертюра и Виолончельный концерт, а также «Песни и пляски смерти» Мусоргского в редакции Шостаковича.

Шостакович волновался: «Ведь это будет первое мое выступление в качестве дирижера. Как оно пройдет!..»

Во время выступления он почувствовал слабость правой руки, все усиливающуюся от волнения, так что пришлось переложить дирижерскую палочку в левую руку. Мешала и непривычная поза стоять спиной к залу — в жизни он не терпел, когда кто-то шел за ним вслед.

Выступление прошло благополучно, но на вопрос «Ведь правда удовольствие дирижировать своей музыкой?!» — ответил: «Ни малейшего. Трудно!»

Больше за дирижерский пульт Шостакович не вставал.

К сожалению, съемки этого события не сохранилось, или попросту никто не снимал, нет и внятной фотографии — лишь расплывчатая, грубо отретушированная фигура, которая может принадлежать кому угодно.

В Горьком в 1964 году прошел и фестиваль, посвященный творчеству Шостаковича. В рамках фестиваля состоялось сорок три концерта. **Для меня все фестивальные концерты, встречи, беседы были огромным событием. За 10 дней здесь прозвучало многое из того, что создано мною на протяжении почти 40 лет. Передо мной как бы прошла вся моя творческая жизнь, начиная с Первой симфонии до последней работы — оркестровки цикла «Из еврейской народной поэзии», впервые исполненного на одном из вечеров фестиваля. Почти 50 произведений исполнялось здесь.** *(«Правда», 25 февраля 1964 г.)*

Проходят передо мной мои сочинения... видишь свою биографию творчества. Видишь свои недостатки... *(Из выступления на пресс-конференции)*

Тогда на фестивале Шостакович в последний раз поднялся на сцену как пианист — он исполнил фортепианную партию в своем Квинтете, играя с Квартетом им. Бородина.

Сохранились фотографии, кинокадры играющего Шостаковича, рисунки, наброски, картины маслом. Но главное — сохранились авторские фонограммы, киносъемки, по которым можно составить представление о Шостаковиче-пианисте.

До 1923 года Д. Шостакович связывал свое будущее главным образом с пианизмом, его концертные выступления пользовались успехом у слушателей, вызывали высокие, даже восторженные оценки критики.

После окончания консерватории предо мной встала проблема: кем быть — пианистом или композитором? Побороло второе. По правде сказать, мне следовало бы быть и тем и другим. Но сейчас уже поздно себя осуждать за столь категорическое решение, — говорил композитор много лет спустя.

Пишет матери с гастролей*:* **Родная моя мамочка, пребываю сейчас в некотором волнении... Вчера был концерт. Очень удачно. Большой успех... Посылаю тебе с письмом и программу концерта. Афиши я привезу с собой. Интересно, какие будут рецензии. Наверное, ругательные. Опять огорчаться не следует ни в коем случае. Пускай пишут, что Шостакович бездарен, что сочиненья его, извини за выражение, г... собачье. Пускай. Мы себя еще покажем...** *(21 марта 1925 г.)*

К середине тридцатых годов Шостакович имел достаточный репертуар из собственных сочинений и перестал выступать с чужой музыкой. Он играл свой Первый концерт, Прелюдии, Фантастические танцы, Афоризмы, отрывки из балетов в переложении для фортепиано. Он гастролировал как пианист в Баку, Воронеже, Батуми, Архангельске, Сталинграде, Киеве, Тбилиси, Харькове, многих других городах.

Некоторые руководители филармоний не решались включать в план более одного выступления, боясь, что музыка Шостаковича недоступна слушателям, — из-за этого приходилось каждые два-три дня переезжать в новый город.

Во время гастролей Шостаковичу самому приходилось выстаивать длинные очереди за железнодорожными билетами, ночевать в убогих гостиницах, питаться кое-как, в Баку и Батуми он страдал от духоты и зноя, в Архангельске коченел от холода. Часто ему приходилось играть с плохими оркестрами, в садах и парках с гуляющей толпой, лающими собаками и комарами.

...Когда я сегодня репетировал, дул «норд» — пожалуй, самый неприятный ветер, так как он поднимает целые столбы пыли. Весь рояль был засыпан песком. Певцу так засыпало пылью горло, что он выхаркал из себя груды пыли. Первый раз в жизни я благодарил судьбу за то, что я не певец. Хотя играть пальцами по пыльным клавишам очень неприятно...

...Каждый день концерты, начиная с сегодняшнего дня. Одно неприятно: в силу моей неврастении я страшно нервничаю перед каждым выступлением...

...Сижу сейчас и дрожу от страшного невроза. Сегодня вечером будет концерт из моих сочинений, предстоит путешествие в Батум и Крым со всеми неудобствами, хлопотами. *(29 июня 1933 г.)*

И в последующие годы Шостакович много концертирует: Москва, Ленинград, Прага, Воронеж, Свердловск, Львов, Одесса, Кишенев, Киев.

Я веду бурную жизнь. Много концертирую и без особого удовольствия. К эстраде я до сих пор не привык. Она стоит мне много забот и нервов. Как дотяну до 50 лет, то прекращу концертную деятельность. *(4 октября 1955 г.)*

Кроме СССР Шостакович выступал как пианист в Париже, Турции, Германии, других странах.

Все слышавшие Шостаковича сходятся во мнении, что он был лучшим исполнителем своих произведений.

Я очень хорошо чувствую, как мою музыку воспринимает аудитория. Именно не после, а во время самого исполнения воспринимаю, ощущаю... Если б не больная рука, я не оставил бы исполнительской деятельности до сих пор.

Я сам испытал, сам пианист был: иногда чувствую, играю — моя музыка захватывает аудиторию, а иногда — как горох об стенку...

В конце жизни Шостакович упорно боролся со своим недугом. **Я снова могу играть на рояле! Упражняясь по 2-3 часа в день, восстанавливая технику**, — пишет он, в который раз выйдя из больницы...

Я собрала и смонтировала в один фильм все кадры играющего Шостаковича, которые мне удалось найти, — получился двадцатишестиминутный фильм «Шостакович-пианист».

В исполнении автора прозвучал финал из Первого фортепианного концерта — это одна из лучших съемок Шостаковича, передающая весь блеск и артистизм его игры — за этот финал в бешеном темпе Шостаковича обвинили в «джазовости» (съемка 1940 года, дирижер А. Гаук).

Вальс из кинофильма «Златые горы» с оркестром под управлением А. Мелик-Пашаева.

Съемка 1942 года в Куйбышеве — Шостакович исполняет на рояле фрагмент из Седьмой симфонии.

С Квартетом им. Большого театра исполняет фортепианную партию своего квинтета.

В своей московской квартире пишет, подходит к роялю и играет фрагмент из фортепианного трио — съемка 1944 года, дикторский текст: «Ничто не мешает композитору работать над новым трио, отрывок из которого вы сейчас услышите».

Шостакович среди популярных киноартистов, сидящих в картинных позах, под неумолкающий текст диктора, перечисляющего всех присутствующих, так что музыку почти не слышно — играет музыку к фильму «Встреча на Эльбе», — съемка 1949 года.

На юбилее Н. Тихонова Шостакович застенчиво произносит несколько слов поздравления и в подарок юбиляру исполняет Прелюдию — съемка 1956 года.

Часто звук в съемках плывет или отсутствует — как, например, в киносюжете «Мир победит войну»: 1949 год, на фоне трескучего текста — беззвучно играющий на рояле Шостакович: руки на клавишах, лицо — одна из выразительнейших съемок, но без звука.

И наконец, последнее выступление, фрагмент из Квинтета на фестивале в Горьком — последние замирающие звуки музыки, едва заметные прикосновения рук к клавишам и откинувшаяся в изнеможении голова Шостаковича — на фоне замершего зала — таким он запечатлен в кадрах хроники.

Съемок Д. Шостаковича за роялем — всего чуть больше двадцати минут. Сергея Прокофьева — и того меньше — крошечный фрагмент игры на пианино на даче…

И часы съемок — никому не нужных приемов, встреч, заседаний, докладов, бессмысленных праздничных концертов.

✉ *26 июня 1970 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Прошу оказать содействие в разборе заявления, поданного 18 октября 1969 года народному судье г. Лукьянова Борисовой по поводу допущенного хулиганства, т.е. закрытии калитки общего хода моим соседом Яблоковым. Неужели не стыдно советскому судье так делать, и для чего же мы, народ, голосуем на выборах за судей, за депутатов. Когда пришла комиссия горсовета и сказали, что земли у меня на другой ход нет, я только просила принять меры, чтобы он не запирал калитку. Даже милиционер Кувалдин не мог его упросить, чтобы он открыл мне, перелез через забор и открыл мне. Я прошу объяснить причину неразбора почти года моего заявления и принять соответствующие меры.

Суменкова.

✉ *Уважаемый тов. Шостакович Дмитрий Дмитриевич!*

Извините, конечно, за то, что отрываю Вас от важных государственных дел своим письмом. Я обращаюсь к Вам по небольшому делу как к нашему депутату, за которого голосовали я и моя семья. Коротко изложу мою просьбу и суть дела. Я, житель села Саваслейка Горьковской области, обратился в 1966 г. в городской торговый отдел г. Выкса (в это время с. Саваслейка относилась к Выксунскому району, и командование по предварительному договору дало мне санкцию обратиться в торготдел) с просьбой о покупке легкового автомобиля. Бывший начальник городского торгового отдела тов. Касаткин пообещал, но в 1966 г. легковой автомобиль мне не предлагали и не извещали, хотя в торг автомобили приходили. Каждый раз, узнав о том, что автомобиль в торг пришел, на попутных автомашинах добираясь до г. Выкса, я узнавал от начальника, что машина продана, и следующая будет моя. В 1967 г. тов. Касаткин потребовал еще раз представить документы. Командование и политический отдел выдали необходимые документы, председатель горисполкома подписал о предоставлении мне легкового автомобиля по мере поступления, но опять и в 1967 г. автомобиль мне не продали. В 1968 г. по вопросу продажи автомобилей населению села Савастлейка на одном из заседаний Городского Совета было принято постановление о продаже четырех автомобилей. Узнав об этом, я пошел на прием к председателю Городского Совета депутатов трудящихся, и тов. Зотиков лично пообещал мне, что в 1969 году мне предоставят возможность приобрести легковой автомобиль. «У тебя в этом году будет автомашина» — сказал он. До августа 1969 года я несколько раз ходил на прием к тов. Зотикову — и он все обещал. Но вот в конце декабря 1969 г., прибыв на прием, тов. Зотиков мне объявил, что Областной Совет депутатов трудящихся запретил продажу легковых автомобилей жителям села Севастлейка. Мотив — село Севастлейка вышло из района г. Выкса.

Но, во-первых, по правилам продажи автомобилей, в данном случае очередь сохраняется, только очередная запись не производится. Об этом я консультировался в юридической консультации г. Москвы. И, во-вторых, если я буду ходатайствовать о продаже мне автомобиля в г. Кулебаки (по административному делению мы и к нему официально не относимся, а неофициально), то меня поставят на очередь крайним, и я еще буду ждать лет 20. У нас же, в нашем магазине (я военнослужащий) мне ждать придется лет 50, т.к. за последние 10 лет, что я здесь живу, поступило 5 автомобилей, и желающих (тоже надо ведь учесть) купить автомобиль ох как много. А если бы мне не

обещали продать автомобиль в г. Выкса, то в других организациях, встав на очередь в 1966 г., я бы или уже приобрел, или был бы в числе первых.

Вот коротко суть дела.

Почему я так хочу купить — это не прихоть. В сельской местности, где мы живем, он необходим. И на базар, купить продукты, и в больницу, и так далее. А служебной машины у меня нет. В городе же можно обойтись и без машины.

А вот и просьба нашей семьи: просим Вас ходатайствовать через Горьковский областным Советом депутатов трудящихся, чтоб он разрешил нам купить по старым документам, или по новым, в городской торговой сети г. Выкса, автомобиль: или «Москвич-408», или «Москвич-412», или «Запорожец», или «Фиат».

Очень Вас просим.

Семья Владимировых.

✉ *Уважаемый депутат!*

Обращаюсь к Вам с просьбой по следующему вопросу. Я врач-пенсионер, больной одинокий человек. Страдаю сахарным диабетом 15 лет. Так жизнь сложилась, что я на старости больная осталась одна. Бывают дни, когда некому подать стакан воды.

В 1969 году я прочитала в медицинской газете, что в Химках строится платный пансионат для престарелых. Пенсия от 60 р. и выше! Я получаю 62 р., писала в Министерство соцобеспечения, и мне ответили, что только для пенсионеров с московской пропиской. Чем я хуже Москвичей? Я проработала с 1927 по 1958 г., неужели я не имею права умереть в нормальных условиях? Вы можете сказать, что есть в Горьковской области дома инвалидов. Я уже съездила и смотрела. Нет и нет, я туда не могу. Во-первых на питание там дают 97 коп (люди с разной пенсией). А вообще там такие условия, что лучше умереть, как сделали многие. Все-таки я прошу понять меня и помочь мне получить путевку в Химки. Я очень жду, расстраиваюсь. Плохо стала ходить и видеть, часто думаю покончить с жизнью. Но не думаю, что нет правил без исключения, помогите мне.

Врач-пенсионер 1904 г.р. Шапошникова Г.А.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, мы, жители поселка Пыра, Дзержинского района Горьковской обл., обращаемся к Вам за помощью. Нас, жителей поселка, около 5 тыс. чел., обидели. Да, очень обидели. Наш поселок находится в 12 км от г. Дзержинска. Из Дзержин-*

ска в поселок ездил автобус №113, цена 25 коп. со всеми остановками в городе. К 50-летию Советской власти нам обещали сделать маршрут, как и в городе, по 5 коп. (чтобы поселок относился к городской черте), но пообещали и перестали, ничего не сделав, и мы на это не обиделись.

А вот с мая месяца 1970 года сделали настоящую ерунду. Автобус теперь ездит с автостанции через весь город без городских остановок, что очень неудобно всему народу, и городскому, и пырскому. Мы за всякой мелочью едем в город — в школу, в дом пионеров, больницу, на работу, в магазины, в театр. Это объясняют тем, что автобусы стали ездить без кондуктора. Значит, делают не для народа, а для выгоды кого-то.

Дмитрий Дмитриевич, приезжайте к нам на встречу с избирателями, и только не на министерской машине, а автобусом, и Вы поймете, как это неудобно, как недоволен народ. Но куда нам обратиться за помощью, мы не приложим ума. Да и вообще мы Вас приглашаем на встречу с избирателями, а то мы ведь в глаза не видели наших депутатов в Высшие органы. Вы увидите наши 40-летние засыпные бараки, в которых, как в конурах, ютятся наши семьи. А мы и не жалуемся, да и толку что? Все равно все останется так же.

От имени многочисленного населения, Баринова.

С 25 февраля по 9 июня 1970 года Шостакович проводит долгие изнурительные месяцы в Кургане, в больнице у доктора Г. Илизарова, вылечившего чемпиона мира Валерия Брумеля.

...Живем мы здесь так, встаем в 7 часов. От семи до восьми совершаю свой утренний обряд: мытье, бритье, физкультура, слушание последних известий. В 8.30 завтрак. В 9 уезжаем в лес, где гуляем один час. От 11 до 12.30 жестокая, вгоняющая в пот гимнастика и массаж. В 13.30 обед, в 15.30 опять едем гулять в лес. В 17 возвращаемся в больницу. Все это идет на пользу. Руки, ноги становятся крепче. Но к вечеру я так устаю, что не только о «Короле Лире» не могу думать, но и многом другом. *(28 марта 1970 г.)*

...Сегодня (17 апреля) прошло уже 50 дней, как я лечусь у Г.А. Илизарова. Пробуду в больнице не менее месяца. Когда выйду из больницы, сразу поеду в Ленинград, работать над музыкой к «Королю Лиру». *(17 апреля 1970 г.)*

...Может быть, в первых числах июня я буду выписан из больницы. У меня много достижений, я могу играть на рояле, ходить по лестнице, влезать в автобус (правда, с трудом). Г.А. Илизаров

вернул мне силы. Теперь надо восстановить технику. Очень многое я восстановил. Я бреюсь правой рукой, застегиваю пуговицы, не пропускаю ложку мимо рта и т. п... *(11 мая 1970 г.)*

Такой курс лечения, за которым следовало временное улучшение и возвращались надежды на выздоровление, Шостакович проходил дважды в год. **После продолжения очередного курса лечения я вернулся из больницы домой полный заразительного оптимизма,** — сообщает он с горькой иронией.

Уважаемый товарищ Трофимов!

Возвращаю Вам присланные мне Вами письма и заключения медицинских учреждений по поводу Вашей болезни на двадцати трех листах.

Д. Шостакович.

✉ *15 апреля 1970 г.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич! Лет шесть назад я надписал Вам одну из своих книг.

Пожалуйста, не браните меня за это второе обращение к Вам. Не привлечет ли Ваше внимание моя песня о партии?

Я понимаю, разумеется, что никто не имеет права навязывать свои вкусы художнику. Ведь Владимир Ильич Ленин учил: «...каждый художник имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего».

Но, может быть, есть композиторы, которым нужны слова для песни о партии вечного Ленина.

Я был бы глубоко благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным показать мою «Светлую песню» кому-нибудь из близких Вам композиторов.

Я мог бы и не подчеркивать, как был бы я счастлив, если бы музыкальные крылья моему стихотворению дали Вы, дорогой Дмитрий Дмитриевич.

С глубоким уважением, Вадим Земной.

В 1970 году — в год столетия со дня рождения Ленина, находясь в больнице, Шостакович написал сочинение для хора «Верность» (ор. 136), посвященное вождю, — заявив, что «перед Лениным мы всегда в долгу» и что «надо создавать произведения, достойные великого вождя».

Премьеру стал готовить Эстонский хор под управлением Густава Эрнесакса, которому и посвящено сочинение.

В Советском Союзе искусство, в том числе музыка, считалось «идеологическим фронтом». Когда-то Шостакович собирался писать грандиозную симфонию на тему «От Карла Маркса до наших дней». В своем выступлении, озаглавленном «Музыку в массы», он призывал «заострить вопрос на привлечении марксистских сил в консерваторию».

В Третьей симфонии, как писал Шостакович: **мне хотелось отобразить мирное строительство в СССР. Хочу заметить, что элемент борьбы, энергии и «непокладания рук» тут проходит через всю симфонию красной нитью.**

Статья, которую он в это время публикует, называлась «Будем трубачами великой эпохи».

Не может быть музыки без идеологии. Вот почему советская музыка, возможно, будет развиваться совершенно новыми путями, отличными от любых других, известных миру. Необходимы перемены! Мы же вступили в новую эпоху, а история доказала, что каждая эра создает свой собственный язык... *(20 декабря 1931 г.)*

Осенью 1932 года Шостакович выступил на Съезде работников искусств: **Что касается содержания моих произведений и их основной идеи, то это можно выразить так. Я являюсь частицей СССР, и я кровно связан со всей замечательной жизнью и идеями моей страны. Активно участвуя в великом строительстве новой прекрасной жизни, я мобилизую свое творчество.**

Среди тринадцати наименований журналов и газет, выписываемых Шостаковичем тогда, — журналы «Под знаменем марксизма», «Красная новь», «Пролетарская революция», «Большевик».

В те годы композиторов направляли в творческие командировки.

Крейсер «Аврора», прославившийся тем, что его залп дал сигнал к Октябрьскому революционному восстанию, был готов к отплытию. Ждали только композитора-орденоносца Шостаковича. Он должен был отправиться в плавание, чтобы, вдохновившись, создать симфонию, посвященную Советскому флоту. Но он так и не появился.

После некоторого замешательства крейсер вышел в море без Шостаковича.

Пройдет совсем немного времени, и композитору припомнят, как он не явился на борт легендарного корабля, пушки которого возвестили о начале нового мира.

В то время, когда Шостакович сочинял свою оперу «Леди Макбет», уже создавались идеологические советы театров и чиновники сочиняли ин-

струкции, какими должны быть темы произведений: «Социалистическое строительство в СССР», «Гражданская война», «Классовая борьба в капиталистических странах», «История классовой борьбы» и др.

Театры прикрепляли к Политотделам, которые осуществляли идейно-политическое руководство, санкционировали планы работы и репертуар. Политотделы руководили художественными советами театров, концертных организаций, хотя их сотрудники ничего не понимали в искусстве.

После ругательных статей в «Правде» Шостакович снял исполнение своей Четвертой симфонии.

Пятой симфонией заинтересовались в Ленинградском обкоме партии и решили исполнить симфонию для ленинградского партактива.

Директор филармонии был вызван в Смольный, к заведующей отделом культуры обкома. Произошел такой разговор:

— Говорят, что Шостакович написал хорошую симфонию? Надо показать ее партийному активу. Составьте программу концерта и срочно представьте ее нам на утверждение.

На следующий день директор филармонии принес проект программы.

— Это что, все симфонии да симфонии?.. Нет, товарищ, так не пойдет. Надо же что-нибудь и для народа. Кстати, что это «Франческа»? — спросила она, разглядывая проект программы. — Так вот, товарищ, в одном отделении надо сыграть обе ваши симфонии — Шостаковича и «Франческу»,— а во втором что-нибудь для народа, например, дать выступление Краснознаменного ансамбля или хора имени Пятницкого.

— Симфония Шостаковича состоит из четырех частей, каждая из которых длится 15–18 минут! «Франческа» же немногим больше. Поэтому слушатели могут запутаться, где кончается одно произведение и начинается другое, — пытался возразить директор филармонии. — Кроме того, почти полтора часа симфонической музыки без перерыва — это утомительно — народ не выдержит!

— Наш народ все выдержит,— отрезала дама.

В конце концов решено было, что второе отделение будет целиком отдано под выступление Ансамбля народного танца.

Так и состоялся этот концерт для ленинградского партактива по программе, предписанной начальством. Ко второму отделению публики осталось меньше четверти зала.

После концерта заведующая отделом культуры вызвала председателя Ленинградского Союза советских композиторов и спросила: «А не думаете ли вы, что директор филармонии — вредитель?»

Позже Шостакович написал: **Вспоминаю, какую радость мне принесло прослушивание моей, тогда еще только оконченной, Пятой симфонии ленинградским партийным активом. Хочется выразить пожелание, чтобы чаще практиковался показ перед партийной аудиторией новых музыкальных произведений. Наша партия с таким вниманием следит за ростом всей музыкальной жизни нашей страны. Это внимание я ощущаю на себе в течение всей моей творческой жизни...**

Наконец, хвалебная рецензия в «Правде», где симфонию оценили как «отражение нашей великой эпохи, ее борьбы и побед». Критика отметила, что «от ложно понятой массовости Шостакович упорно идет к охвату своей музыкой советской действительности».

Значит — прощен!

На том концерте присутствовал М. Зощенко, который, не разобравшись, после исполнения «Франчески» бросился поздравлять Шостаковича со словами: «Я так и знал, что вы не можете писать антинародную музыку!»

Шостаковичу не хватило духу сказать, что это был Чайковский.

Некоторым показалось, что в Пятой симфонии выражена радость человека, спасшегося от стихийного бедствия и, несмотря ни на что, оставшегося в живых.

Давно известно о «таинственном инстинкте человека — радости катастрофы». Как верно подметил М. Зощенко: «В самом деле, какая невероятная и на первый взгляд непостижимая вещь — человеку свойственно радоваться при виде какого-нибудь разрушения, катастрофы, стихийного бедствия — конечно, тогда, когда сам человек вне опасности.

Откуда, в самом деле, из каких глубин психики вырастает эта радость, почти восторг? Как часто приходится видеть веселые лица, искрящиеся глаза, смех и улыбки при самых неподобающих условиях — наводнении, катастрофах, пожаре и так далее.

Мне казалось, что это тот древний инстинкт, та радость, которая осталась в глубине психики».

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Прошение

Я пенсионерка, Числавская К.П. и мой брат, Числавский Н.Р. в 1955 г. стали совладельцами дома, находящегося в г. Семенов. Домовладение это было нам подарено нашим отцом, что скреплено договором от 8 июля 1955 года. Я лично со дня рождения по сей день живу в этом доме и по возможности поддерживаю его в состоянии, пригод-

ном для жилья. Мой брат в 1940 г. выехал из г. Семенова и с тех пор здесь не проживал. За это время родители умерли, я их похоронила и так и продолжаю жить в этом доме, и в той половине. Числавский Н.П. приезжал только к моменту похорон и никакого материального участия в похоронах не принимал. В июне 1969 г. мой брат вернулся в г. Семенов и временно прописался в доме, совладельцем которого он является. Настоящее место жительства его г. Мурманск.. Там он имеет благоустроенную квартиру, где и проживает с семьей. Приехав, брат предъявил мне требование освободить помещение, т.к. он намерен привести в г. Семенов свою семью, состоящую из 2-х сыновей и жены. Поскольку я не освободила помещение, он обратился в народный суд г. Семенова с иском ко мне в части присуждения ему большей доли из подаренного нам родителями жилого дома, мотивируя это тем, что он имеет семью, а я одинокая и могу обойтись, получив меньшую долю против той, которая должна принадлежать мне согласно дарственному договору. Народный суд, рассмотрев этот иск 29 сентября 1969 г. под председательством народного судьи Кульповой, вынес решение, согласно которого мне присудили 1/3 часть. Износ этого помещения составляет 90%, по существу оно является аварийным и непригодно для жилья, что видно из справки, составленной инженером домоуправления. Таким образом, вся полезная жилая площадь отдана моему брату, а мне должна принадлежать часть строения, непригодная даже на дрова. Почему? Ведь отец подарил дом нам двоим, а суд, видимо, принял во внимание жену и сыновей брата. Я считаю, что такое решение является нарушением воли и желания родителей. Я не могла согласиться с этим решением и обжаловала его в Горьковском облсуде, который рассмотрел мою жалобу 31 октября 1969 г. и оставил решение Народного суда в силе.

Сложившиеся обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам с просьбой помочь или подсказать, как поступить в дальнейшем, чтобы добиться справедливого решения нашего спора. То, что я получила — это пристройка.

В декабре меня выселили, выкинули мои вещи и меня вместе с ними, заколотили ход, мне пришлось зимой ходить в окно, т.к. негде было пройти. Приехав в мае 1969 г., брат сказал: «Уходи, а то буду бить». И бил, мне пришлось обратиться в милицию. Он просидел 15 суток. Хулиганили и его дети (им 17-19 лет). Изрезали и разбили мои вещи, что у меня было старенькое, грозили убить. Мальчики не учатся и не работают, а занимаются кражами и торгуют американскими резинками.

Когда мой брат выиграл процесс, наша городская общественность удивилась такой несправедливости суда, создали комиссию переоценки. Брату это не понравилось, он усилил хулиганство, и его через милицию выселили 20 декабря 1969 г. Он заколотил мою половину, запер и уехал, и до сих пор не появляется, а в июне приехали сыновья и жена, и опять началось хулиганство. 25 июня разожгли на огороде костер и решили меня сжечь, соседи вызвали пожарную, есть акт.

Прошу Вас, депутат, помочь мне справиться с этим дельцом, вернуть мне жилую половину, где я прожила 60 лет. Он действительно делец, ему все сходит с рук, даже суд пошел у него на поводу. В сороковых годах он убил человека с лошадью и уехал на Сахалин от наказания. На Сахалине убил, ограбил человека, приехал в Мурманск, живет легким трудом, имеет большие деньги. И вот почему-то присудили ему все, а мне ничего. Болезненно отразилось все это на мне, я проболела всю зиму в холодной пристройке с худой крышей. Имя мне Собака, действительно, жизнь моя хуже всякой собаки. Сделали мне ход, как собаке, вылезаю я в щель, хожу кругом дома, а зима, заносы. При моей болезни вызвали мне «Скорую помощь». Медсестра не пошла, было много снега.

При моей маленькой пенсии пришлись большие расходы. Электросчетчик, который я забыла взять, стоил 25 р., госпошлина 40 р., защитник 30 р., ремонт двора 120 р. Эти деньги были взяты в долг, платила я их всю зиму. Пришлось голодать, пенсия моя 35 рублей в месяц. Все изложенное правда, только разобрать трудно мою писанину, я неграмотная, кончила два класса. Прошу прислать мне ответ и помочь, это вы можете.

Числавская Капитолина Павловна.

Вернувшись из Кургана, Шостакович продолжает работать над музыкой к кинофильму «Король Лир». Два последних его совместных с Г. Козинцевым фильма были посвящены Шекспиру. Д. Шостакович находился в Кургане, а фильм монтировался в Ленинграде. Козинцев посылал Шостаковичу описание нужной музыки:

«А т м о с ф е р а д в о р ц а Л и р а. Что-то с самого начала слышащееся в воздухе, гул приближающихся катастроф. Отдельные звуки (фразы?) создают трагическую среду событий. Помните, у Гоголя: струна звучит в тумане.

Что-то дикое, грозное, зловещее слышится во всех этих знаках. Это не театральные эффекты, предваряющие церемонию, а отсчет исторических событий, ход власти, шаг власти. В атмосфере начала слышится

и другой звук, пока еще негромко, тихо, два-три раза — звенят бубенчики, привязанные к ноге шута.

Война, уничтожение, безумие. Я пробую бъединить все то, что связано в трагедии с темой бури. Это не столько бешенство стихий, сколько безумие людей. Борьба за власть, жажда убийства, озверение, бабья похоть — все это у Шекспира накопляется, сжигает и мир и людей. Здесь, видимо, большой музыкальный номер».

В юности, отвечая на вопросы анкеты, Шостакович писал: **Не могу оценить Шекспира (впрочем, не видел ни одного творения его на сцене).**

Мог ли он знать, что творчество Шекспира, к трагедиям которого он будет писать музыку, пройдет через всю его жизнь и что его собственные произведения будут сравнивать с трагедиями Шекспира по накалу страстей?

(О Первом скрипичном концерте Шостаковича Давид Ойстрах сказал, что «это, если хотите, очень большая, содержательная, “шекспировская” роль, требующая от артиста полной эмоциональной и интеллектуальной отдачи».)

Особенно привлекал Шостаковича образ Гамлета. Помимо музыки к театральному спектаклю и фильму, он сочинил «Песнь Офелии» на стихи А. Блока, «Диалог Гамлета с совестью» в цикле «Шесть стихотворений Марины Цветаевой».

На пробной перезаписи фильма «Гамлет» оказалось, что шумов много и они чересчур громки. «Если выбирать между музыкой и текстом, — заметил Шостакович — я согласен, чтобы слова Шекспира заглушали музыку. Но чтобы копыта — не согласен».

Шекспировские трагедии сами по себе необычайны: из поэзии и динамики этих трагедий рождается музыка. Шекспир, видимо, сам очень любил музыку и чувствовал ее могучую силу и очарование, иначе бы он не создал знаменитую сцену пробуждения больного короля Лира под музыку.

Трудно писать музыку к пьесам Шекспира. Автор «Гамлета» и «Короля Лира» абсолютно не терпит банальности. Ему так же чужды мелкотравчатые эмоции. Мне кажется, что когда говорят о масштабности Шекспира, то надо иметь в виду внутреннюю масштабность и широту дыхания, а не внешнюю громоздкость и помпу. В «Короле Лире» меня восхищает и волнует образ Шута. Без него трагедия Лира и Корделии не прозвучала бы так потрясающе. Шут с изумительным мастерством освещает гигантскую фигуру Лира, и трудность его музыкальной характеристики исключительна. У

Шута колкий, саркастический смех. Его юмор великолепен своей остротой и мрачностью. Шут очень сложен, парадоксален и противоречив. Все в нем неожиданно, оригинально и всегда мудро. Конечно, не легче отобразить в музыке, да еще драматического спектакля, ужас медленной и мучительной гибели всех иллюзий несчастного короля Лира.

При каждой встрече с Шекспиром появляются мысли, выходящие далеко за пределы той скромной задачи, которую себе ставишь в данном случае. Возникают музыкальные мечтания, а вслед за ними и надежды когда-либо воплотить шекспировскую тему.

Шостакович писал режиссеру Козинцеву: **Я с большой радостью буду работать над «Королем Лиром». Я очень хочу, чтобы мои силы не подвели меня. Время идет; возраст увеличивается.**

Его работа над фильмом в перерыве между больницами была мучительна и трудна. Письма Шостаковича Г. Козинцеву — это драма художника, силой духа пересиливающего свою болезнь.

...Вчера я вышел из больницы после 40-дневного пребывания в оной. После Нового года я очень бы хотел приехать к Вам и посмотреть «Короля Лира». Я только очень прошу Вас устроить на время моего пребывания в Ленинграде гостиницу с работающим лифтом. Просмотр материала «Короля Лира» также было бы крайне желательно устроить или в самом первом этаже, или там, где есть лифт. Хождение по лестницам мне невыносимо трудно. *(24 декабря 1969 г.)*

...Посылаю Вам несколько кусков для «Короля Лира». Боюсь, что я еще не очень скоро покину больницу. Поэтому прошу Вас записать эти миниатюры без меня. Дудочку шута я сочинил заново. Дудочка должна быть очень печальной. *(13 мая 1970 г.)*

Из дневника Г. Козинцева: «Сегодня мне позвонил Шостакович... И я все время думаю о музыке — голосе автора. Может быть, это голос правды? Негромкий, суровый, но ясный голос правды, отчетливо слышный и во времена железа и крови. Упорства правды, силы правды. Его заглушают лязгом оружия, топотом сапог, но он вновь слышен.

В нем — надежда». *(20 июня 1970 г.)*

Козинцев рассказал Шостаковичу о фильме «Андрей Рублев» Тарковского, который не выпускали на экран. Тарковский нашел способ тайно показать картину Шостаковичу — официально картина была запрещена.

Шостакович пишет Козинцеву: **«Андрея Рублева» я посмотрел. На меня этот кинофильм произвел потрясающее впечатление. Несомненно, А.А. Тарковский обладает выдающимся талантом. Это явление великое, и, несомненно, так будут думать все, кому дорого настоящее искусство и кому дорога Россия.** *(15 марта 1970 г.)*

Я встретилась с Г.М. Козинцевым в тесной монтажной Ленфильма, где он монтировал тогда «Короля Лира». Козинцев сказал, что из всех современных художников Шостакович, может быть, единственный, кто может с полной силой передать и трагическую силу Шекспира, и лирику его поэзии, и вообще все жизненное многообразие Шекспира: «Мне кажется, что произведения Шекспира все время меняются. Они — новые для каждого нового времени, для каждого нового поколения. Они живут вместе с человечеством.

Произошел своеобразный парадокс: в фильмах — и в "Гамлете" и в "Короле Лире" — текст очень сильно купирован. Купированы метафоры Шекспира, гиперболы. Но всю поэзию Шекспира нужно было сохранить. И вот, купируя стихи, мы старались передать поэзию музыкой. И первое место в этом принадлежит музыке Шостаковича». *(Из интервью автору)*

Для телепередачи о Шостаковиче Григорий Михайлович дал мне фонограмму дудочки Шута. Шут видит сквозь кажущееся спокойствие государства надвигающуюся чуму. То, чего не замечают король, полководцы, государственные вельможи, видит шут, и он — единственный, кто может говорить правду.

Не его вина, что он не был услышан и понят.

✉ *28 июня 1970 г.*

Извините, что я Вас беспокою, т. Депутат Д.Д.Шостакович. Я по телевидению слышала, что у Вас болели ноги и Вы их вылечили в Кургане и сейчас приступили к своей работе. Прошу Вас мне помочь, у меня тоже болят ноги в коленках после госпиталя, где я работала во время войны, мыла бойцов, прибывших с фронта. Я пенсионер, получаю 46 р. 70 коп. Даже ночью приходится вставать на палочку или даже на костыль. А какой диагноз, никакой врач мне правду не говорит. Кто скажет, полиартрит на почве ревматизма, или скажут, отложение солей, или радикулит двухсторонний крестовый. Еще раз прошу Вашего совета мне помочь в лечении ноги, сильные боли в коленках.

Прошу Вас не отказать в моей просьбе. Врачи мне советуют поехать подышать морем в мае...

Председателю Горсовета А.А. Соколову.

Уважаемый Александр Александрович!

Направляю Вам заявление моих избирателей — жильцов дома № 17 по ул. Бетховена. Считаю, что положение у них катастрофическое, и очень прошу Вас помочь им в улучшении их жилищно-бытовых условий.

Д. Шостакович.

✉ *14 июня 1970 г.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич!

После книги «Холсты» написал и подготовил к печати сборник стихов о Ленинграде «Зимний корабль». Сдал по заказу Министерства Культуры РСФСР либретто балета «Пресня кукушки» по мотивам поэмы тамильского поэта С. Баради.

Может быть, Вы откликнитесь на такое предложение: я разработал библейский сюжет о сыновьях Авраама — Исааке и Измаиле. Сейчас, когда братоубийственные войны пожирают людей и культуру, важно написать о торжестве Добра и Братства над Злом и Ревностью (личной, политической, религиозной, экономической).

Я понимаю, что Вам и отвечать-то некогда, но все надеюсь на Ваше согласие.

Простите за беспокойство.

Ваш Давид Петров.

Москва.

✉ *5 июля 1970 г.*

Уважаемый тов. Депутат!

По профессии я контрабасистка, окончила музыкальное училище в 1953 году в г. Горьком. Работала по специальности 16 лет. У меня сильно болят руки (хронический профессиональный тендовагенит). Имею больного сына 14-ти лет, страдающего недержанием кала, стоящего на учете психобольницы, получившего травму в семилетнем возрасте от отца, которого из-за зверств к семье в свое время выселили из квартиры.

Проживая в общей коммунальной квартире, с большим количеством семей, я некоторыми соседями поставлена в ужасные бытовые условия. Белье, одежду ребенка я вынуждена стирать в ночное время, что раздражало моих соседей, последние решили от меня избавиться, создавая всевозможные кляузы, провокации и шантаж. Особенно усердствовала в этом некая гр-ка Бахтюрина, ранее судимая за уголовное преступле-

ние, имея цель любыми путями добиться моего выселения и воспользоваться моей комнатой, которая является смежной с ее. В своих подлостях они дошли до того, что сумели выставить меня как пьяницу и тунеядку в Горьковском Телевидении, тогда как незадолго до того этим же телевидением я была представлена общественности города среди лучших работников культуры. Коллективы общественных организаций по месту моей работы и учебы были крайне возмущены сложившейся вокруг меня обстановкой и встали на мою защиту. Были представлены на меня положительные характеристики и хорошие отзывы как о честном, порядочном и квалифицированном работнике.

Однако, имея влияние на некоторых работников милиции Советского р-на, соседки Бахтюрина и Щербакова, используя личное знакомство с ними, дошло до избиения меня и моего ребенка, на что имеется ряд судебно-медицинских заключений. Травля на меня дошла до таких пределов, что коллектив по месту моей работы помог мне произвести обмен жилплощади (ранее я имела 6 семей соседей, сейчас — 3 семьи). Новые жильцы в настоящее время в какой-то степени терпят болезнь моего ребенка, все же проскальзывают намеки на неприятный запах и т.д.

После расформирования оркестра в кинотеатре Канавинский Управление культуры, ссылаясь на показ меня по телевидению (показ в виде карикатуры), отказывают мне, под разными предлогами, в работе даже в музыкальной школе.

В настоящее время я вынуждена работать ночным сторожем с окладом 60 руб. в месяц, будучи сама больной и имея при себе больного ребенка.

Вся грязь, обрушенная на меня, нанесла такую тяжелую душевную и физическую травму, что на бумаге описать свое состояние просто не могу.

В газете «Комсомольская правда» мне приходилось читать статьи, в которых описывалось, как одна женщина, будучи заслуженной учительницей Российской Федерации, при поддержке некоторых советских и административных органов, довела молодую честную учительницу до самоубийства, обвинив ее в аморальных поступках, и только после вмешательства политуправления Тихоокеанского флота та посмертно была реабилитирована. Честно говоря, у меня часто возникает такая апатия к жизни, что нет слов передать на бумаге мое душевное состояние.

Я прошу вмешаться в это дело. Все справки, документы и характеристики в случае необходимости я могу немедленно представить.

Вьюнкова.

✉ *10 июля 1970 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Прошу Вас разобрать мое письмо и, если можете, помогите мне, пожалуйста, очень я Вас прошу. Куда я не обращалась: партийную, профсоюзную, административную, все говорят, что начальник цеха не прав, а ответ приходит с отказом.

Опишу немного о себе. Наш род потомственный, на заводе работаем больше сотни лет. Мне 44 года, я уже вся седая, как будто бы такая родилась. Этому виновата война, я росла сиротой. В 1942 г. я потеряла всех: отца, мать и братьев. Меня воспитывало государство, общество, где я училась и работала. Учили меня быть честным и справедливым. Оказывается, быть таким не всегда бывает правильно.

А вот из-за чего я страдаю.

2 июля 1969 года я отсутствовала на рабочем месте не более 30 минут, ходила в завком за путевкой сыну в лагерь. За это одно нарушение меня дважды наказали, лишив месячной премии и выговором по цеху. Своевременно я не обжаловала, думала, из-за 7 руб. полезу на рога начальству, не подумала о последствии. Позднее узнала, что есть приказ №122, что за одно нарушение дважды не бьют, а меня и в 3-й раз ударили, лишают 13-й зарплаты.

25 лет без отрыва работала на заводе, никаких нарушений, кроме этого, не имела.

29.01.70 г. в 4 часа (конец рабочего дня) я взошла в кабинет нач. цеха т. Скребкова выяснить, за что меня лишают 13-й зарплаты. Я стала доказывать т.Скребкову, что из моей профгруппы т.Епанчина прогуляла 13 дней — с 23 декабря по 2 января, вы ей 13-ю зарплату выдали, сказав ей, чтобы она написала заявление на очередной отпуск за прогулянные дни задним числом. В течение 2-х недель в рабочее время ездили т.Шиманаева с Епанчиной в ГУМ за ковром на день рождения нач-ку ПДБ т.Першутовой, это можно. Нач. цеха обрушился на меня. Доведенная до «белого каления», как говориться, я заявила, что работать у Вас не буду, дайте мне переводную. Но переводную записку мне не дают. Рассчитываться и вновь поступать на работу, как предлагали мне в отделе кадров, я не могу — много теряю. Куда я только ни ходила: партком, завком несколько раз, к нач. отдела кадров, пом. Директора. Вы знаете, стыдно, неудобно, но жизнь заставляет меня по 10 раз стучаться в одну дверь.

Дело в том, что работу мне найти не трудно, но проработав на одном заводе 25 лет, не могу уйти. Да и хочется добиться справедливости.

У нас в стране человек человеку брат. Есть же справедливость. Должна быть, тем более, что цех, где я работала, коммунистический. Нужно же, чтобы это было не только звание, а чтобы люди (не я одна) в цехе коммунистического труда не терпели несправедливость.

Само правительство, вся страна заботится о детях, чтобы были под надзором, я тоже беспокоюсь, чтобы мои дети были людьми и защитниками нашего Отечества. Прошу Вас помочь мне в переводе.

Гордеева.

3 августа 1970 г.

Председателю сельсовета поселка Ждановский.

Моя избирательница В.И. Недошивина, проживающая в пос. Ждановский, Школьная ул. д. № 19, кв. 15, обратилась ко мне с заявлением, что руководство колхоза выселяет ее из квартиры на улицу, мотивируя тем, что она не работает в совхозе, а работает продавцом в магазине.

По заявлению Недошивиной В.И. магазин находится на территории совхоза и обслуживает рабочих совхоза. Считаю, недопустимым выселять на улицу семью, состоящую из 4-х человек, из них двое маленьких детей.

Очень прошу Вас лично разобраться в этом деле и помочь обеспечить семью Недошивиной жилплощадью.

О принятых мерах прошу сообщить мне.

Д. Шостакович.

8 августа 1970 г.

Председателю Облисполкома

тов. Чугунову И.И.

Уважаемый Иван Иванович!

Направляю Вам заявление моего избирателя А. Леванова по поводу безвыходного положения его брата В.Ф. Афиногеева, проживающего в г. Кстово, и очень прошу Вас дать указание разобраться в этом сложном вопросе и принять меры к справедливому решению.

Д. Шостакович.

В 1970 году Шостаковичу была вручена очередная награда — орден Ленина.

Хроника сохранила многочисленные кадры награждений Шостаковича.

Самое первое, сохранившееся в хронике, датировано 1942 годом — Шостакович среди военных, прибывших с фронтов, получает Государственную премию за Седьмую симфонию. Окна в зале, где проходит награждение, заклеены крест-накрест бумагой от разрывов снарядов... Вручение Госпремии, 1946 год... Награждение Сталинской премией. Среди награждаемых также академик Капица, режиссеры Михоэлс и Эйзенштейн.

Вручение Международной премии мира — 1954 год. В 1956 году Ворошилов вручает Шостаковичу орден Ленина.

В 1966 году Подгорный вручает Шостаковичу ордена Ленина и золотую медаль «Серп и Молот» — Шостаковичу ввинчивают в лацкан пиджака Звезду Героя, а он, откинувшись, замирает в неудобной позе, потом поправляет съехавший пиджак и, вероятно, чтобы успокоиться, начинает перекладывать перед собой на столе коробочки с наградами. Спохватившись, что пропустил важный момент, принимается неистово хлопать — награждают кого-то, все дружно хлопают — и он тоже.

Вручение Шостаковичу австрийского ордена канцлером Австрии Клаусом Кински — 1967 год. В 1968 году — вручение Государственной премии СССР. В 1974-м — австрийский Орден на шее как председателю Общества советско-австрийской дружбы.

Мир воздал композитору высшие почести: он являлся почетным членом Шведской королевской музыкальной академии, почетным доктором Оксфордского университета, почетным профессором Мексиканской консерватории, членом Академии искусств Германской Демократической Республики, Английской королевской музыкальной академии, Американской академии наук, лауреатом финской Премии имени Я. Сибелиуса, командором французского Ордена искусств и литературы...

Шостаковичу пришлось пережить искушение официальной славой. И может быть, почести вынуждали его оплачивать их своим творчеством.

Бессмысленная трата драгоценных часов на общественных постах росла.

Вчера состоялось очередное заседание правления ленинградского Союза композиторов. На заседании было постановлено задействовать перед ЦИК СССР о награждении меня к 15-летию Октябрьской революции орденом Трудового Знамени. Мотивировка за действо такова: я честно работал за время моей сознательной жизни с партией и рабочим классом; несмотря на мою тяжелую прошедшую

жизнь (тяжелое в высшей степени материальное положение и тому подобное), я не утратил веры в победу Октябрьской революции и проникался все большим и большим энтузиазмом в деле создания советской музыкальной культуры. Кроме того, моя работа, производимая с беспредельной преданностью партии, пролетариату и советской власти, обладает громаднейшими достоинствами «философско-художественного» порядка. В общем, говорили так много хороших слов, что я чуть не расплакался, будучи по природе человеком нервным. Кроме того, говорили, что я подвергался сильной травле со стороны покойной РАПП, и несмотря на это, я не утратил веры в советскую музыкальную культуру и не покладая рук работал в самых разных областях музыкального искусства. Одним словом, единогласно постановили задействовать перед ЦИКом о соответствующей награде. Все это было очень и очень трогательно. Говорили даже о моих скверных квартирных условиях. Я же убежал и дома всплакнул немножко, потом стал трезво рассуждать: получу или не получу. И трезво все это взвесив, я решил, что не получу...Сегодня уже весь город трубит о вышеупомянутом случае, и если я не получу никакой награды, то насмешкам и издевательствам не будет конца... Обидно и больно будет мне, если мне ничего не дадут.... Я никак не думал, что об этом, то есть о награждении меня орденом Трудового Знамени будет разговор. А раз разговор начался, то я отравлен, и мучаюсь, и страдаю.

Вот какие дела. Я, как Бурдюков из «Владимира 3-й степени», отравлен мечтой об ордене и волнуюсь нещадно. *(1 ноября 1932 г.)*

Через много лет Шостакович пишет бывшему ученику: **Пусть Вас никогда не волнует вопрос о получении высокой награды. Не стремитесь к этому. Конечно, награды получать очень приятно. По своему опыту знаю. Но работать надо не для наград, а для народа, во имя любви к народу, во имя беспредельной преданности к народу. Если Вы твердо усвоите это правило, тогда Вам будет очень легко на душе и Вас не будет волновать вопрос «дадут или не дадут». И Вы не будете тогда писать трафаретные балетные adagio...** (*6 февраля 1960 г.*)

А другого предупреждает: **У Вас огромный талант. Не надорвитесь с такой огромной нагрузкой. Меня терзает некоторое беспокойство: не слишком ли много Вы набрали работы? В нашем деле главное — не надорваться. Поэтому требуйте себе достаточно длительные сроки, чтобы не уставать, чтобы всегда чувствовать себя**

хорошо. В свое время я очень много работал. И, пожалуй, это мне не пошло на пользу. Мне беспокойно за Вас.

Если бы он сам следовал своему совету!

13 августа 1970 г.

Начальнику треста № 9 Главволговятскстроя

Ко мне обратились учащиеся-инвалиды Рекшинского профтехучилища-интерната Борского р-на с заявлением, что выделенные средства Министерством социального обеспечения на строительство нового здания спецшколы-интерната в 1967 роду, работы по этому строительству ведутся крайне медленно и плохо.

Прошу сообщить мне о причинах задержки строительства и какие меры приняты к скорейшему окончанию строительства, и срок сдачи спецшколы-интерната в эксплуатацию.

Д. Шостакович.

✉ *Т. Шостаковичу*

Прошу Вашей помощи в смене мне комнаты 18,5 — 3-й этаж на 1-й этаж меньшей кубатуры. Я состою на учете в тубдиспансере, где перенес 3 операции. После этого была операция резекции желудка, а в настоящее время у меня парализовало левую сторону. В 1969 г. левая нога дала трещину, 8 месяцев я ходил в гипсе, нога срослась неправильно в коленном суставе. 2 июня меня выписали домой, я упал, разбил левую бровь, имеются синяки на теле.

Я обращался в облисполком, и мне прислали ответ, что площадь удовлетворительная. Ходил к главврачу диспансера о смене комнаты, она мне грубо ответила: «Ждите 1971 года, тогда, может быть, сменим». Короче говоря, пока хлопочу, уйду на тот свет.

У меня из родных только сестра 72 лет, у нее своя квартира, живет с сыном и внучатами, правда, она меня навещает ежедневно. Она плохо видит, глаукома глаз. А на 1-м этаже я потихоньку мог бы сходить в магазин и, если рядом, в столовую.

Кроме того, я с трудом говорю. Через силу иногда еле выскажу слова. Обращаться к главврачу Р.А. Стрелковой бестолку, она закричит, и я теряю речь. Очень она груба, не дай бог к ней обращаться, в случае чего будет со мной плохо, она и не положит, а если положит, быстро вытурит. Надо обращаться с больными аккуратно, культурно. А если человек плохо себя чувствует, то на него и не смотрят, а если вышел из тюрьмы, к нему отношение и то лучше. А если я теперь стал немощным, не участвую в трудотерапии, то я нахлебник.

Со мной живет сосед, также болеющий ТБЦ. У него комната 12 м², живет 3 человека. Пусть ему дадут мою комнату, а мне на 1-м этаже меньшей кубатуры, лишь бы были удобства. Я Вас убедительно прошу помочь мне со сменой комнаты с 3-го этажа на 1-й, пускай в старом фонде, только не говорите главврачу, а то она меня не положит, а если и положит, то и лечения никакого не будет, а надо невропатолога и хирурга-костника. Ну, ладно, уж как-нибудь проживу, была бы комната на 1-м этаже, а то я еще, может быть, расшибусь. Мне 55 лет, инженер-судостроитель.

С уважением к Вам,

инвалид труда I группы Понюхов О.М.

9 августа 1970 г.

Председателю Сормовского Райисполкома

тов. Торопову И.В.

Уважаемый Иван Васильевич!

Мой избиратель О.М. Понюхов проживает в комнате на 3-м этаже.

О.М. Понюхов перенес тяжелую операцию, а в настоящее время парализован. Спускаться с 3-го этажа без посторонней помощи ему очень трудно. Он одинок.

Я убедительно прошу Вас предоставить ему площадь в 1-м этаже любого метража.

О принятых Вами мерах прошу сообщить мне.

Д. Шостакович.

✉ *23 сентября 1970 г.*

Исполком Сормовского райсовета сообщает: гр. Понюхов О.М. проживает по ул. Энгельса и занимает один комнату жилплощадью 17 кв. м в 2-комнатной квартире. Болен активной формой туберкулеза. В соседней комнате проживает семья, также стоящая на учете по заболеванию в туб.диспансере.

Принимая во внимание, что гр. Понюхов парализован и подниматься на 3-й этаж ему очень трудно, районная жилищная комиссия при исполкоме Сормовского райсовета вынесла решение: рекомендовать гл. врачу тубдиспансера (в порядке исключения) поставить гр. Понюхова на очередь на 1971 год.

Вне очереди произвести ему обмен жилплощади не представляется возможным.

Зам. председателя Исполкома Сормовского райсовета

Смирнов.

Десятого августа 1970 года Шостакович заканчивает сочинение Тринадцатого квартета (ор.138), посвященного В.В. Борисовскому, а уже через несколько дней снова едет на лечение в Курган, где пробудет до 27 октября.

27 августа 1970 г.

Министру просвещения
тов. Елютину В.П.
Многоуважаемый
Вячеслав Петрович!

Моя избирательница Самойлова С.Г., проживающая в г. Горьком по адресу — автозавод, ул. Лескова, 50, кв. 14, в этом году сдавала вступительные экзамены в Саранский университет на заочное отделение химико-биологического факультета. Экзамены сдала успешно, получив 13 баллов (при проходных 11-12).

При подаче заявления ей никаких ограничений не ставили, но в зачислении Самойловой было отказано вследствие того, что она не является жительницей Мордовской АССР.

Считаю такую мотивировку не убедительной и очень прошу Вас дать указание о пересмотре этого решения и зачислить С.Г. Самойлову в Саранский университет.

Заявление матери Самойловой при этом прилагаю.

Д. Шостакович.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*
Шостаковичу Д.Д.
Глубокоуважаемый
Дмитрий Дмитриевич!

Если бы Вы только знали как мы с дочкой Вам благодарны. Это пишет Вам из г. Горького врач-биохимик Самойлова Л.И. Я просила Вас похлопотать о приеме в саранский университет моей дочери Светланы Самойловой. И вот 5 октября (когда мы уже не надеялись получить положительного ответа) приходят сразу 2 письма — из Саранска, где ректорат просит прислать документы для зачисления и второе письмо из Министерства, где предлагают приемной комиссии саранского университета принять дочь, т.к. она была допущена к экзаменам и успешно их сдала.

Документы в этот же день были отосланы и 16 октября ректор официально сообщил, что дочка зачислена в число студентов 1-го курса заочного отделения биофака.

Безусловно, если бы Вы не вмешались в это дело, дочь не училась бы в этом году. А теперь она засела за книги, т.к. почти 2 м-ца учебы пропущены и надо срочно наверстать то, что уже пройдено другими.

Вот как описывал когда-то юный Шостакович свои впечатления от экзаменов:

...Насчет консерваторских экзаменов я должен сказать следующее. Я неоднократно держал там всякого рода экзамены и после каждого экзамена чувствовал себя каждый раз оплеванным. Нету, по-моему, доброжелательного отношенья к экзаменующемуся. Экзаменующийся — всегда жертва садизма экзаменаторов. Экзаменующийся для того, чтобы экзаменоваться, предпринимает ряд мучительных хлопот. Чаще всего это приезжающий из провинции. Представим себе приключенье некоего А.А.: живет в Казани и решил ехать в Л[енинградску]ю к[онсерватори]ю поступать на композ[иторский] факультет. Решил он это потому, что друзьям нравились его сочиненья, или же самому они нравились. Берет он учебник Пузыревского и выучивает элементарную теорию и прочие «дисциплины». Кое-как выучивши, берет этюды Бургмюллера и начинает развивать беглость в пальцах. Развив, он работает поденно чернорабочим и, выколотив деньги на билет, становится на городской станции в очередь. Стоит 2–3–4 суток. Достает билет с пересадкой в Москве. В Москве он околачивается дня 2, возясь с прикупом стоячей плацкарты. Наконец, он, измученный дорогой, приходит в канцелярию консерватории и вертится как белка в колесе с заявлением. Оказывается, заявленья подать мало. Нужно еще выписку из домкниги (а где она, если живет он, пользуясь теплой погодой, на улице), удостоверенье об окончании средней школы, свидетельство обо оспопрививаньи и так далее. Причем, часть из этого он позабыл в Казани, часть потерял в дороге, а денег осталось 3 рубля, часть из которых он расходует на телеграмму в Казань. Так он возится, не переставая, до экзамена. В лучшем случае он узнает, что его до экзамена допустили. Наконец, настала его очередь. Войдя, он видит строгие лица профессуры и насмешливые лица некоторых студентов. Начинается. Дают ему читать с листа сонату Гайдна. Он ее везет-везет, и чем дальше, тем хуже. Но его в покое не оставляют. Все-таки он играет страниц 5. «Довольно! Теперь слух». Становится он за роялем, и начинается демонстрация своей бесслухости. Но все же его экзаменуют по слуху минут 7. Наконец, он начинает

играть сочиненья. Слушают. Кончил. Все молчат. Он робко оглядывается. Видно, что лица студентов красны и напряженны. Они во время его игры еле сдерживались от смеха. Лица профессоров торжественно молчаливы и серьезны. Минуты 1–2 томительного молчанья, во время которого А. неловко ерзает на стуле. Наконец, голос Штейнберга: «Все». А.: «Можно идти?» Штейнберг: «Вас никто не задерживает». А. неловко собирает свои ноты, неловко шаркает и уходит красный, как рак. Сердце бьется, лицо горит, на глазах непрошенные слезы, слезы бессильного униженья от экзаменаторского садизма. На сердце горечь и обида. На последние 10 коп. куплены папиросы «Смычка» (требуйте всюду папиросы «Смычка» 20 шт. 10 коп.). Подходит он к окну и закуривает. Папироса горькая и невкусная. Показывается служительница. «Гражданин! Здесь курить нельзя! Идите в уборную». Идет в уборную и вдыхает вместе с плохим табаком запах уборной. Через 4–5 часов томительного ожиданья выходит чин и кричит: «Вонючкин Михаил не принят. Силантьев Терентий — не принят, Терентий Силантьев не принят, Свиномордов Коминтерн принят, А. Павел не принят» и так далее. Все. Можете ехать в Казань. Вас никто не задерживает. Некоторые, понурив головы, уходят. Другие возмущенно пожимают плечами, но, отойдя на несколько шагов от к[онсерватор]ии, тоже понуряют голову. А одного видел я в уборной плачущим. Мне хотелось его убить, чтобы прекратить его страданья. Одним словом, я возмущен способами экзаменовать у нас в консерватории. Умеют плевать в душу. Вот, собственно, и все, на что у меня хватило пороху написать Вам после сочиненья ф[орте]п[ианной] сонаты... *(30 августа 1926 г.)*

...Сейчас я только что вернулся домой после экзамена по «марксистской методологии». Собственно говоря, я должен был держать этот экзамен вчера, но вчера произошел следующий эпизод. Вызвали нас всех: Каменского, Орлова, Шмидта, Висневского и меня. Начали спрашивать Висневского. Он отвечал неважно. После него стали спрашивать Шмидта. Ему был задан следующий вопрос: «В чем разница, с социологической и экономической точек зренья, между творчеством Шопена и Листа?» Шмидт начал отвечать: «Шопен был лирик. Творчество его выражало уныние». Как это он сказал, мы с Каменским покатились с хохоту. Хохотали до истерики и долго не могли прийти в себя. Комиссия сочла сей хохот за неуваженье к себе. Были сказаны такие слова: «Вы, това-

рищи, провоцируете испытанье. Это нехорошо, и мы вас спрашивать не будем». Затем некий элегантный марксист спросил меня: «Вы читали книжку Плеханова об искусстве?» — «Нет». — «Вы читали книгу Луначарского о музыке?» — «Нет». — «Вы читали Чемоданова?» — «Нет». — «В таком случае мы вас и спрашивать не будем». Затем этот элегантный марксист сказал, обращаясь к комиссии: «Ведь если я задам ему вопрос о социологической причине темперированного строя Баха и тембровых нагромождений Скрябина, то ведь он не ответит». — «Факт, что не ответит», — сказала комиссия. Затем мне сказали: «Можете идти, товарищ». Я сдуру ушел. Потом сообразил, что мне не было задано ни одного вопроса. Подождал я окончанья экзамена и обратился к секретарю комиссии тов[арищу]. Гринченко обещал это сделать, и сегодня я пришел и ответил на все вопросы. Кроме того, я попросил, чтобы комиссия обязательно проэкзаменовала Шмидта, ввиду того, что наш дурацкий хохот с Каменским подействовал отрицательно на его ответы и так далее. Согласились. Шмидта проэкзаменовали еще раз, и он ответил удовлетворительно. Мне кажется, что и я отвечал удовлетворительно... *(24 декабря 1926 г.)*

Один бывший сокурсник Шостаковича передает его диалог с преподавателем на экзамене по политграмоте.

Отвечал Шостакович блестяще, и напоследок экзаменатор задал ему такой вопрос:

— Вы даете фортепианный концерт. Кто должен получить большее вознаграждение: вы или портной, который сшил вам брюки?

— Конечно, я. Моя работа требует больше специальных знаний, то есть больше подготовительной и упорной работы. Кроме того, пианист должен обладать более специальными природными данными, чем портной.

— Совершенно верно.

На этом экзамен кончился. Шостакович отошел от стола, направился к выходу, но потом вернулся и заявил:

— Я ошибся. Портной должен получить большее вознаграждение, чем я.

— Почему?

— Потому что, как бы я хорошо ни играл, все-таки невозможно выйти на эстраду без штанов. Нет, вознаграждение портного должно быть выше.

✉ *2 сентября 1970 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Обращаюсь к Вам со своим наболевшим вопросом, отнимая у Вас дорогое время, с которым Вы можете сказать, что я обращаюсь к Вам не по назначению, и это дело в Ваши функции не входит. Но я решил обратиться к Вам и оказать существенную помощь в решении указанной просьбы.

С 1-го сентября 1970 года началась подписка на газеты и журналы, и я обратился в Павловский отдел Союзпечати выписать для личного пользования журналы «Роман-газету», «Крестьянку» и «Мурзилку», которые выписать мне отказали. Сказали, обращайтесь по месту работы, куда дали соответствующие лимиты. А там дали лимиты только для начальства, а рядовому гражданину предлагают выписать областную и районную газеты да сельскохозяйственные журналы. Товарищ депутат, где же тут свободная подписка на желаемые издания, когда нам ничего не выписывают. Поэтому прошу оказать соответствующее содействие в просьбе, чтобы Павловский отдел Союзпечати мне выписал журналы «Роман-газету», «Крестьянку» и «Мурзилку».

Бугрезов П.И.

✉ *Д.Д Шостаковичу*

Заявление

В 1961–1962 гг. РЭБ им. К. Маркса построила 2 дома по 16 квартир на ул. Северной, во дворе домов были построены деревянные сараи для каждой квартиры отдельно: квартиры в домах малогабаритные, без темных комнат и антресолей, без ванных комнат и туалетов (отсутствует канализация). Весь хозяйственный инвентарь (ведро, корыто для белья, велосипед и проч.) находится в сарае.

У большинства жильцов есть в коллективных садах участки, и эти граждане вырыли за свой счет погреба для хранения овощей, ягод, фруктов, потратив значительные личные средства.

В лето 1970 г. гл. архитектор г. Бор дал разрешение другому предприятию, строящему дома по смежной улице (ул. Фрунзе) на снос наших сараев для постройки жилого дома.

На просьбу жильцов дома оставить наши сараи или перенести их в другое место, зам. председателя Горсовета т. Баусов сказал, что вам сараи нужны разводить кур и поросят, этого мы не допустим. Но т. Брежнев в своем докладе на пленуме ЦК и т. Масленников (см. «Горьковский рабочий» от 13.07.70 г.) подчеркнули, что надо создать условия колхозникам, рабочим и служащим, имеющим в личной собственности мелкий скот и птицу, чтобы не допустить сокращения этого скота и птицы.

В домах есть пенсионеры, получающие 50–40 руб. в месяц, они не могут покупать ежедневно на рынке овощи, так как в магазинах их бывает недостаточно.

У большинства жильцов есть мотоциклы, мопеды, велосипеды и их уже вообще неизвестно куда помещать. Нам кажется, что и архитектор г. Бор т. Грищук и зам. председателя горсовета т. Баусов не хотят подумать об удобствах жильцов, а просто отмахивается бумажкой-отпиской.

Просим Вашего вмешательства и руководящего указания Горсовету г. Бор, так как жизненно-важные вопросы с сараями-погребами, учитывая наступающую осень, не терпят отлагательств.

По поручению общего собрания жильцов (17 подписей)

✉ *Д.Д Шостаковичу*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Разрешите обратиться к Вам за помощью, т.к. я надеюсь встретить у Вас сочувствие и поддержку.

Скоро мне исполняется 60 лет. Более 40 из них я работаю, а 25 лет посвятила художественной самодеятельности и руковожу русским хором. Коллектив мой является лауреатом областных и всероссийских смотров, побывал во многих городах страны, его знают и любят в г. Горьком. На предприятии хорошо относятся ко мне, знают и понимают проблемы и нужды моего коллектива. Однако, как это часто бывает, когда дело доходит до моих личных нужд, я встречаю стену непонимания.

Дело в том, что я живу в аварийном деревянном доме, в антисанитарных условиях (туалет находится под полом комнаты) с тяжелобольной, недавно перенесшей тяжелую операцию престарелой матерью (ей 77 лет). Кроме того, со мной живут сын, сноха и внук (2 года). На предприятии я стою в очереди на получение жилплощади, но эта очередь вот уже 5 лет не двигается. Я неоднократно обращалась к местным властям, они переправляли жалобы на предприятие, но в результате получались отписки, подобные той, копию которой я прилагаю.

Я понимаю, что я не являюсь производственником, не «даю план» и терпеливо на протяжении многих лет жду улучшения своих жилищных условий, но сколько еще ждать?! Ведь в моем возрасте жить в подобных условиях с человеком, прикованным к постели, просто невозможно. Я прошу Вас, помогите, не отписывайтесь, примите участие в моем деле, хотя оно и банально, участие, какое Вы всегда принимаете в общественных делах.

С искренним уважением и надеждой Н.А. Соловьева.

Горьковский Обком КПСС

Первому Секретарю т. Масленникову Н.И.

Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР

тов. Яснову М.А.

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Ко мне обратился мой избиратель Игрушкин Николай Васильевич, инвалид 2-й группы, 1901 года рождения (г. Горький, Нижегородский район, Холодный пер., д. 17, кв. 2) с просьбой ходатайствовать перед Вами о снятии с него недоплаченной суммы иска 20 процентов, которую ему трудно выплачивать из пенсии в 55 рублей.

Учитывая его возраст и то, что он отбыл свой срок наказания, и выплатил 80 процентов иска, мне думается, что ему можно списать остаток задолженности.

Пересылаю Вам его заявление.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *1 ноября 1970 г.*

Тов. депутат Верховного Совета, обращаюсь к Вам о помощи в таком вопросе: мой сын, Голубев А.А., в ноябре 1969 года был призван в армию и проходил службу в г. Москве, ж-44, в/ч 01904. При выдаче приписного свидетельства в 1968 году у сына было обнаружено большое давление (170); при последующей проверке в больнице, куда его направил Чкаловский райвоенкомат, это подтвердилось. В конце января 1970 с сыном произошла ужасная трагедия, он заболел и из части был направлен в психиатрическую больницу им. Кащенко в Москве. То, что он заболел, мы узнали случайно. В воинской части нам ничего не хотели говорить, мотивируя это тем, что «не хотели расстраивать родителей».

В марте 1970 г. сын был отправлен в психиатрическую больницу в г. Горький с сопровождающими из воинской части. Когда мы с мужем приехали в горьковскую больницу навестить сына, нам не хотели говорить, а потом спросили: «...да как вы узнали?» В общем, если бы не случай, мы не знали бы ничего до сих пор.

Сына мы навещали каждую неделю. Теперь врач говорит нам, что надо оформить на него пенсию. Когда мы напомнили врачу, что нас как-то должны известить официально через военные власти (раз они его направляли), хотя бы через Чкаловский райвоенкомат, со стороны врача последовала грубость и приказ какому-то сотруднику: «Выведите их отсюда (мы были с мужем), не возьмете сына, отправлю его... (название я не запомнила)». Мы и без такого обращения потрясены происшедшим с сыном, мой муж, как узнал, не выходит из больницы и

недавно перенес инфаркт. Но такое обращение врача с родителями, не могу себе представить... это из рук вон. Причем мы никакого повода к такому обращению с нами не давали. Сына мы, конечно, взяли, хотя он не долечен, не знаем, как его оставлять одного в квартире (в больнице его одного никуда не пускали). Но это, как говорят, все между прочим: «...не беда, что потерпит мужик».

Товарищ депутат, убедительно прошу Вас о помощи в таких вопросах:

1. Правильно ли нашего сына взяли в армию с таким повышенным давлением. (В одной из медицинских книг говорится, что если человек имеет болезнь сердца, то при сильных расстройствах он может заболеть душевно.)

2. С каких пор и как нам должна назначаться пенсия, в какой сумме.

Мы думаем, что все должно быть нам объявлено официально через военные власти, и они должны помочь нам во всех оформлениях. Моя семья живет материально очень трудно (едва приходится на члена семьи 25 рублей в месяц), да все время приходится помогать сыну.

Вы, наверное, поймете без лишних слов, что мы находимся и морально, и материально в ужасном состоянии. Извините за беспокойство, но мы первый раз в жизни просим помощи, и то, как говорят, «уперлись в стену».

Е. Голубева.

Десятого ноября 1970 года в Москве в Колонном зале Дома союзов на концерте ко Дню милиции был впервые исполнен «Марш советской милиции» Д. Шостаковича.

В те времена концерты ко Дню милиции считались очень престижными не только потому, что на эти концерты прибывало правительство и высшие государственные чины, а потому, что в них участвовали артисты с мировым именем — солисты Большого театра, прославленные балерины, играл Давид Ойстрах, и даже Шостакович написал свой марш.

Я тогда работала в музыкальной редакции Центрального телевидения и помню подготовку к этим концертам — выбирали лучших в своих жанрах артистов — так сложилось, что именно участие в концерте ко Дню милиции было главным в «табеле о рангах» того времени. Правительственные концерты были слишком официозными, а эти — задавали тон и определяли некую систему ценностей, транслируемую на всю страну. Здесь не могло быть плохих номеров, слабых, случайных, неизвестно как и откуда попавших артистов. И присутствующие, даже не являясь тонкими знатоками, хотя бы для вида в этот день от-

давали дань достижениям культуры. (В те времена генсеки еще водили зарубежных гостей — президентов и министров — в Большой театр, в правительственную ложу, и в который раз выслушивали вместе с ними «Князя Игоря» или любовались, томясь, «Лебединым озером» — престиж страны того требовал.)

На сегодняшних концертах ко Дню милиции тоже присутствуют и тоже хлопают, но только чему и кому... Для кого-то теперь это тоже система ценностей...

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*

Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу

От Аверьянова Петра Григорьевича, осужденного по ст. 15-103 сроком на 3 года с отбытием наказания в колонии усиленного режима.

Вы являетесь депутатом нашего избирательного округа, где я жил и работал.

На 42 году жизни и 20-летия пребывания в рядах КПСС я совершил преступление, выразившееся в том, что прожив с женой 16 лет в законном браке имею детей и она совершила супружескую неверность. Я это принял к сердцу болезненно и находился в сильном душевном расстройстве, что мог лишиться всякого торможения. И вот 26 июля я работал в саду, жена уже целую неделю не приходила домой после похабного случая.

И как был у меня молоток в кармане, в ообщем весь инструмент, которым я строил будку, я по пути зашел в контору, где работала жена. Спросил ее, ты где шатаешься целую неделю. В ответ получил — где была — там меня уже нет. Тут находясь в сильном душевном расстройстве, я ударил ее молотком но по какому органу я не представлял, меня сразу увезли в психоизолятор, где я лечился в течение месяца, а уж после стали вести следствие и осудили. Никакого покушения на убийство у меня не было, ибо руками она спастись не могла и замышлять убийство никто не мешал, а все очевидно получилось на почве сильного душевного расстройства, даже сейчас, отбывая срок наказания, сам себе не объясню.

На вопрос следователя, как мы жили раньше я пояснил, что хорошо.

С семьей у меня отношения нормальные, получаю от них письма и посылки. Хулиганом я не мог быть по положению нахождения в обществе. В 1942 году меня мобилизовали в Советскую Армию. Находился в пограничных войсках по 1949 год. За это время имел поощрения, 46 благодарностей, награжден медалью за победу над Германией, Японией. Мастер пограничной службы, секретарь парторганизации заставы, с

1949 по 1960 год в органах МВД, где также награждался знаком отличник милиции, медалью за наведение и поддержание общественного порядка, за безупречную службу в органах МВД. После получения травмы был комиссован. Работал в Горьковском транспортном управлении, являлся депутатом поселкового совета, член бюро парторганизации. Горком КПСС 11 октября меня исключили из партии и 12 октября осудили как беспартийного. Во время выборов являлся председателем участковой избирательной комиссии. Находясь в колонии, являюсь передовиком производства, член отряда высокопроизводительного труда и примерного поведения, состою на льготных условиях, имею ряд поощрений от администрации колонии.

Для общества я никакой опасности не представляю. Пусть мне дадут 5–10–15 лет условно. Я знаю, что с моей стороны подобных случаев не повторится. А потому прошу Вас помогите осужденному человеку встать на твердую почву и участвовать в построении коммунистического общества.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Извините, пожалуйста, меня за то, что я обращаюсь к Вам с такой нескромной просьбой.

Дело в том, что у нас случилось большое несчастье.

Ребенок изорвал книгу Вашего сочинения для фортепиано т. 1-й 1966 года, которую дала моей дочке для временного пользования учительница музыки. Мы писали запрос в отдел «Книга-почтой» и получили ответ, что книги нет в наличии.

Что делать? Как восстановить утрату? Не можете ли Вы нам подсказать, где достать книгу «Сочинения для фортепиано» Вашего сочинения том 1 1966.

Помогите, пожалуйста, нашей беде, если сможете.

С приветом к Вам, учительница А.В. Клетиковская

г. Пермь.

✉ *Депутату Верховного Совета ССР*

Шестаковичу Дмитрию Дмитриевичу

от Вашего избирателя по Советскому району города Горького

Зимина Александра Ивановича

В этом году я был участником избрания Вас в депутаты в Верховный Совет ССР. В настоящем заявлении я прошу на предстоящей сессии Верховного Совета ССР как наказ Вашего избирателя по возможности выполнить следующие нужды граждан:

1) В продаже вот уже второй год нет мяса; говядины, баранины кур (в Москве все эти продукты есть). На рынке цены на указанные продукты выше на 100%.

Городские торговые организации (облторг и горторг) не ограничивают рыночные цены на все продукты рынка продаваемые частными лицами, например мясо говядина, телятина, баранина продается ими по 4 р. — 4-50, а лук зеленый по 2 руб. кило. Никто эти цены не регулирует.

2) В Горьком и даже в Москве в хозяйственных магазинах нельзя купить такие простые предметы: чайник эмалированный или никелированный, мясорубку, из посуды фарфоровой, чайник заварной для чая, нет так же в продаже тарелок мелких, маленьких, глубоких, блюдцев для стаканов, чашек чайных (в Москве они есть но дороги, а в Горьком совсем нет).

3) Из рыбных товаров; в основном в магазинах есть только килька, салака. Вспомните сколько рыбы было раньше, а икры всевозможной; паюсной, кетовой, щучьей и икра простая красная продавалась даже боченками (лещевая, вобленная, сазанья).

Живем мы при Советской власти 53-й год, а не как не можем наладить такое снабжение как оно было раньше.

Перечень товаров можно было бы продолжить, но и этого достаточно.

4) А вот промтовары, например Вы т.е. мы не можем купить полотенце махровое, одеяла шерстяные и полушерстяные, подушки перяные, меховые товары (меха), перчатки шерстяные и даже трикотажные. Все эти товары раньше были в изобилии. Я считаю излишним писать все недостающие товары.

Вновь избранным депутатам необходимо чаще заглядывать в магазины продуктовые и промтоварные и иметь беседы с избирателями быть в курсе их потребностей, а то из сообщений радио и газет, а так же ЦСУ видно, что все планы у нас выполняются и не где Вы не увидите, о наших недостатках в снабжении как продуктами так и промтоварами. Буду надеятся, что вы как слуга народа, всерьез займетесь вопросами наших недостатков. Надо меньше говорить, а больше делать для населения, это будет куда лучше и реальнее, чем разговоры.

Еще у меня вот какая к вам просьба. В апреле 1957 г. Хрущевым будучи у власти как секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза и председатель Президиума Совета Министров издано постановление о замораживании облигаций ранее выпущенных по подписке на заем рабочих и служащих. По облигациям выпущенным в 1947 г., 1948, 1949, 1950,

1951, 1952, 1953, 1954 и 1955 были отменены тиражи погашения, в общем на 40 лет, а именно с 1977 по 1997 год будут погашаться тиражами погашения указанные облигации. Ведь могут наши облигации погасится в самый последний срок т.е. в 1997 г. Кто из нас доживет до 1997? Надо немедленно Президиуму Верховного Совета ССР издать указ об отмене Хрущевского Постановления и возобновить выигрыши и погашение указанных облигаций в соответствии с указами об их выпуске.

С уважением Зимин Александр Иванович
17/11-70.
г. Горький Д-5 Свердлова 22 кв. 11.

Все знают советский раритет — иллюстрированный фолиант под названием «Книга о вкусной и здоровой пище», издававшийся в СССР в 1945, 1952, 1965, 1971 и 1982 годах большими тиражами. Эта книга для большинства советских людей олицетворяла обещанный властью миф о благополучной жизни, которая вот-вот наступит. Поэтому книгой запасались заранее, мечтательно рассматривая картинки — на развороте ломящийся от угощений стол — дорогие вина, шампанское, хрусталь, тарелки немыслимых закусок, икры, вазы с фруктами.

На самом деле книга была издана в первую очередь для партийной номенклатуры — именно там начиная с 1945 года, когда в стране еще был голод, она была в ходу. Именно среди «ответственных работников» были настоящие гурманы — это в их столовые и буфеты поступали в изобилии центнеры икры, тонны редких пород рыб и копченостей, для них работали спеццеха, где изготавливали совсем другие колбасы, пекли специальный хлеб.

«Мы городского не едим», — с гордостью сообщила жена номенклатурного начальника неосмотрительной гостье, пожаловавшей к ней с магазинным тортом.

Мне в те годы часто приходилось работать в научном зале Библиотеки им. Ленина. И я не забуду долгие очереди в убогий буфет, в котором питались профессора и научные работники — с не виданным нигде больше голубоватым водянистым творогом, размазанным по тарелке. А в нашей институтской столовой в течение нескольких лет главным блюдом был «шницель по-африкански», состоящий почти из одного хлеба.

Так питалась вся страна. Кроме всех родов и рангов «ответственных работников», которые громче всех кричали «о повышении благосостояния народа» и «заботе партии и правительства о благе трудящихся».

ГАЗ-69 на Ульяновском автозаводе, т.к. из 5-ти автомашин, имеющихся у нас, 2 стоят, их требуется капитально ремонтировать, но наряда на завод мы не можем добиться, хотя средства на эти цели наша организация имеет. А без транспорта мы не можем работать, мы производим транспортировку семени от элитных производителей в 101 хозяйство четырех районов нашей области. Специалисты станции, выезжая в хозяйства, оказывают практическую помощь в племенной работе по развитию общественного животноводства. Поэтому просим Вас по возможности оказать нам помощь в этом вопросе.

Одновременно, учитывая Вашу большую загруженность в работе, мы перед Вами просим извинения, обращаясь к Вам по этому вопросу.

В Ленинграде в Малом зале им. М.И. Глинки 13 декабря состоялась премьера Тринадцатого квартета (ор. 138) в исполнении Квартета им. Бетховена.

Как всегда, Шостакович билеты заказал и выкупил заранее.

Эта привычка никогда никого ни о чем для себя не просить сохранилась у Д. Шостаковича на всю жизнь. Лишь однажды, по его словам, он ее нарушил, когда попросил у администратора билеты на спектакль со своей музыкой.

Именем своим дорожите. Не произносите его всуе. Помню, в дни моей молодости я, вняв убеждению предмета моей страсти, пошел с ней в театр. В кассе билетов не оказалось. Предмет же настойчиво требовал посещения спектакля. Мне было сказано: «Пойдите к администратору и скажите, что Вы — Шостакович. Тогда он даст Вам билеты, и мы посмотрим спектакль».

Я подошел к окошку администратора и сказал ему: «Моя фамилия Шостакович. Дайте, пожалуйста, два билета». Умный администратор мне ответил: «Моя фамилия Рабинович. Почему я должен вам дать два билета?» Я оценил мое недомыслие и мудрость администратора. И с тех пор никогда не произношу свое имя всуе.

С тех пор даже билеты на собственные концерты Шостакович выкупал сам заранее.

✉ *17 декабря 1970 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Пишет Вам Иванов Николай Михайлович, инвалид Отечественной войны. Хожу я на костылях с большим трудом, т.к. уже в пожилом возрасте. Дети погибли на войне. Жена тоже инвалид. Но подробности биографии ни к чему. Я Вам пишу как настоящему человеку и композитору.

Я Вас, пожалуйста, попрошу прислать мне нотной бумаги и бумаги писчей, а также выписать мне журнал «Искусство» и «Огонек». Прошу Вас не отказывать мне в моей просьбе, потому что я никуда не хожу, и никто мне не поможет выписать. Желаю Вам здоровья и счастья, а также всей Вашей семье.

С уважением к Вам, Иванов.

✉ *Дмитрий Дмитриевич, к Вам я обращаюсь как к своему отцу, помогите мне сохранить семью.*

Я прошу и умоляю еще раз напишите в Президиум обл. суда или в Верховный суд РСФСР или еще куда ходатайство о снижении срока наказания хотя бы до 3 лет и жена воспрянет духом, будет ждать.

Будет у меня семья — будет у меня и цель в жизни, и силы, в противном случае, может кончиться трагедией, у меня больше ничего не останется, а жить одному мне уже невыносимо.

Если не сможете помочь, то напишите ей письмо и скажите, что я очень и очень ее люблю и что в них моя жизнь. Пусть пишет и не бросает меня. Ее адрес Ленинград ул Пушкинская дом 10 кв. 134. Булавина Валя.

✉ *31 декабря 1970 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Как Ваш избиратель, я обращаюсь с письмом от группы горьковчан с просьбой выяснить в руководящих органах, почему тормозится решение о строительстве метрополитена в нашем городе Горьком.

Письмом от 23.11.70 г. Вы сообщили мне, что «по Вашему делу я обратился с ходатайством к председателю горисполкома». Но у меня не было никакого личного дела, и горисполком тут не причем.

Как горьковчанам хорошо известно, все технические обоснования необходимости строительства метро в г. Горьком, одобренные в РСФСР, находятся в Госплане Союза с 1968 года. Материал этот там застрял, не движется и положительного решения не имеет.

Отдавая должное понимание тому, что всякое строительство подобного масштаба должно быть очень тщательно изучено и может быть решено только по указанию Правительства, мы считаем, что в Горьком метро должно быть построено и что без него мучающую нас проблему городского транспорта не решить.

В Харькове и Ташкенте строятся метрополитены, в Тбилиси и Баку они уже давно работают, почему оттеснен наш город, разве он менее значим в экономике нашей страны?

С уважением, Цирульников.

РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
УПРАВЛЕНИЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА и КОММУНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ТРЕСТ БАННО-ПРАЧЕЧНОГО и ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Фигнер – 18 В9-18-31

г. Горький, ~~Канавинский район, ул. Вокзальная, 24~~ Телефон ~~F4-28-66~~

№ 1-23/6. „2" июня 1969 г.

ДЕПУТАТУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ТОВ. ШОСТАКОВИЧУ Д.Д

На Ваше письмо от 19 мая 1969 года по поводу заявления Косолапова В.В Производственный трест банно-прачечного и гостиничного хозяйства сообщает:

Тов. Косолапов из бани № 9 уволен за допущенный прогул без уважительных причин, приказ по бане №9 от 24/II-69 г. за №23.

Местный комитет бани № 9 согласие на уврольнение товарища Косолапова за допущенный прогул дал, протокол заседания местного комитета № 4 от 24/II-69 года.

Тов. Косолапову раз"ясняли, что если он не согласен с приказом администрации и решением местного комитета Союза бани № 9, то по действующему положению он может обратиться в народный суд, чего тов. Косолапов не сделал, так как увольнение его вполне обосновано законно.

Директор треста / КОРОБОВ /

(Стр. 346–349) Официальные ответы от руководителей организаций на депутатские запросы и ходатайства Д. Шостаковича

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

БАУМАНСКИЙ ТЕЛЕФОННЫЙ УЗЕЛ

5-я Бабаевская ул., дом 4 Тел. 268-33-20

з. 9941-1-50

№ 8/4. 14 апреля 1970 г.

ДЕПУТАТУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
т.ШОСТАКОВИЧ Д.Д.
Москва К-9, ул.Неждановой, д.8/10 кор,2 кв.23

копия: т.ГЛАДЫШЕВУ А.С.
Измайловский пр-т д.93 кор.I кв,52

Бауманский телефонный узел сообщает,что Ваше письмо от 30/I-70 г.рассмотрено совместно с общественной комиссией - I2/III-70 г.протокол № 23-п.

Установить телефон в квартире т.ГЛАДЫШЕВА А.С. по адресу: Измайловский пр-т д.93 кор.I кв.52,к сожалению,в настоящее время не представляется возможным,ввиду отсутствия номеров на АТС-I65.

Заявка т.ГЛАДЫШЕВА А.С. от I6/III-68 г.сохраняется на учете узла и повторно будет рассмотрена при появлении технической возможности в данном микрорайоне к установке телефона.

НАЧАЛЬНИК БАУМАНСКОГО
ТЕЛЕФОННОГО УЗЛА /Суханова/

50

Дело 0. 12

СССР

Горьковский Машиностроительный завод

Горький п/я 52

25/III 1967г. № 36/2

Гражданке ЗАХАРОВОЙ К.Г.
Сормовский район, ул.Озерная
дом 4 кв.2

Копия: ДЕПУТАТУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
товарищу ШЕСТАКОВИЧУ Д.Д.
Москва К-9 ул.Неждановой д.№ 8/10
кор.2 кв.23

На Ваше письмо в адрес депутата Верховного Совета СССР тов.Шестаковича Д.Д. по вопросу улучшения жилищных условий сообщаю, что Вы по месту работы на улучшение жилищных условий взяты на учет, где Вам установлена очередь с учетом непрерывного производственного стажа работы на заводе и жилищных условий.

На основании установленной Вам очереди и будут улучшены жилищные условия.

Пом.директора завода - /Дзюбенко/

нап.3экз.
25/Ш-67г.зз

/01

ПРИОКСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ г. ГОРЬКОГО

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Телефоны: Е 5-01-85, Е 5-03-87 Город ГОРЬКИЙ Ул. Пятигорская, д. 6а

№ 03/248 21 октября 1970 г.

ДЕПУТАТУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

тов. ШОСТАКОВИЧУ Д.Д.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Получив Ваше письмо от 13 августа 1970 года с просьбой об улучшении жилищных условий семье тов.Морозова Ю.А., исполком Приокского районного Совета депутатов трудящихся г.Горького направил запрос в Средне-Волжское Геологоуправление, где работает тов.Морозов Ю.А. о сроках и порядке обеспечения благоустроенным жильем этой семьи, на который 12 октября 1970г. за № 1-5009 нами был получен ответ за подписью заместителя начальника Средне-Волжского Геологоуправления тов. Пустошилова В.А.

Тов.Морозов Ю.А. проживает в г.Горьком и работает в данной организации старшим геологом с 1963 года. В связи с трудным положением с жильем Геологоуправление не смогло предоставить семье Морозовых отдельную квартиру и выделило им в 1965 году на семью 3 человека комнату в семейном общежитии площадью 13 м2, одновременно взяв их на учёт по улучшению жилищных условий в будущем.

В настоящее время тов.Морозов Ю.А. состоит на 6-й очереди по аппарату управления.

Работники управления, вставшие на учёт по обеспечению жильем ранее тов.Морозова работают в Геологоуправлении и проживают в трудных жилищных условиях более длительное время. Поэтому обеспечить жильем семью Морозова вне очереди в этом году Геологоуправление не имеет возможности.

Получать благоустроенную квартиру семья Морозова Ю.А. будет согласно установленной очередности.

ЗАМ.ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛКОМА
ПРИОКСКОГО РАЙСОВЕТА: /Козлова/.

Зак. 2347.

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1970 году состоялась Всесоюзная перепись населения в СССР — в стране проживало 241 700 тысяч человек.

Космическая станция «Венера-7» совершила успешную посадку на Венеру.

Открытое письмо академика А. Сахарова и других деятелей с требованием демократизации общества. По инициативе академика А. Сахарова был создан Комитет по правам человека.

А. Солженицыну присуждена Нобелевская премия, но власти не выпустили его за границу для ее получения.

В СССР стала возможной эмиграция в Израиль.

КНР запустил свой первый искусственный спутник.

В Италии принят закон, разрешающий развод.

На Мамаевом кургане в Волгограде заложена капсула с обращением участников войны к потомкам, которая должна быть вскрыта 9 мая 2045 года.

В СССР приняты Основы законодательства о труде.

Город Вильнюс награжден орденом Ленина.

В свое первое в мире кругосветное путешествие пешком отправился Дэвид Кунст — оно продлится четыре года.

Ю. Лотман завершил работу «Структура художественного текста», Р. Барт — «Империю знаков». Б. Ахмадуллина выпустила сборник стихов «Уроки музыки», В. Быков — повесть «Сотников», А. Вампилов написал пьесу «Утиная охота», Н. Мандельштам — «Воспоминания», В. Распутин — «Последний срок».

О. Нимейер построил гостиницу «Насиональ» в Рио-де-Жанейро, собор в Бразилии.

К. Пендерецкий сочинил «Космогонию», Д. Шнебель «МОНО» — музыку для чтения.

На экраны вышли фильмы «Конформист» Б. Бертолуччи, «Пейзаж после битвы» А. Вайды, «Начало» Г. Панфилова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ 1971 ГОД

ПЫТКА ДВОЙСТВЕННОСТИ

9 февраля — на заседании Президиума Советского комитета защиты мира Д. Шостаковичу вручена золотая медаль «Борцу за мир»

25 февраля — московская премьера цикла «Верность».

30 марта–9 апреля. Москва. XXIV съезд КПСС, делегатом которого был Шостакович.

1–29 июля. В Репине. Сочиняет Пятнадцатую симфонию (ор. 141).

Август — избран председателем юбилейной комиссии по празднованию столетия со дня рождения Скрябина.

17 сентября–17 ноября. Москва. Д. Шостакович в больнице, у него второй инфаркт.

25 сентября — в день своего рождения Д. Шостакович награжден орденом Октябрьской революции.

18 ноября–26 декабря. В подмосковном санатории на лечении.

После окончания Симфонии, над которой я работал денно и нощно, сейчас везде какая-то пустота... *(26 августа 1971 г.)*

Первые несколько месяцев нового 1971 года Шостакович продолжает активно участвовать в общественной жизни — присутствует на заседаниях, съездах, получает очередные награды, — чтобы потом, неистово работая, стремительно, напряжением всех физических и творческих сил, сочинить свою грандиозную по силе и глубине Пятнадцатую симфонию.

Его сердце не выдержало — незадолго до своего шестидесятипятилетия он получил второй инфаркт.

Однажды Шостакович написал: **Во время болезни я взял партитуру одного моего сочинения. Я просмотрел ее от начала до конца. Я был поражен достоинствами этого сочинения. Мне показалось, что, сочинивши такое, я могу быть горд и спокоен. Я был потрясен тем, что это сочинение сочинил я.**

Он мог быть горд и спокоен за свое творчество.

8 января 1971 г.

Председателю Горисполкома

тов. Соколову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Направляю Вам заявление моего избирателя А.В. Шишкина, проживающего в г. Горьком по Московскому шоссе, 205, кв. 18, и очень прошу Вас оказать ему содействие в улучшении его жилищно-бытовых условий.

Д. Шостакович.

11 января 1971 г.

Председателю Княгининского райсовета.

Ко мне обратился мой избиратель тов. Кривоногов А.И., проживающий в селе Спешнево, с заявлением о неправильном установлении ему пенсии.

А.И. Кривоногов с 1941 по 1946 находился на фронтах Великой Отечественной войны, был ранен и демобилизован как инвалид 2-й группы, а пенсия ему установлена как инвалиду труда в сумме 25 р.

Прошу Вас разобраться в этом вопросе и сообщить мне — какие приняты Вами меры для установления А.И. Кривоногову пенсии как инвалиду Великой Отечественной войны.

Д. Шостакович.

Заявление А.И. Кривоногова прилагаю.

✉ *28 января 1971 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

т. Шостаковичу Д.Д.

от Беднякова Аркадия Степановича

прож. г. Горький, Автозаводский р-н, пос. Н. Доскино 8 линия, дом № 30

Жалоба.

Я изготавливал малярные кисти из конского волоса для колхозов. 15 ноября 1963 г. я был осужден Автозаводским н/судом г. Горького

по признакам ст.ст. 162 ч. 2 УК и 153 ч. 1 УК РСФСР к четырем годам лишения свободы с конфискацией имущества и взысканием гражданского иска.

Я признан виновным и осужден по ст. 162 ч. 2 УК за занятие запрещенным промыслом — изготовлением малярных кистей из конского волоса для колхозов.

С апреля м-ца 1958 г. по март м-ц 1963 год я работал по трудовым договорам, заключенным с Красночетайским сельпо ЧАССР и колхозом «Красный восток» Семеновского р-на, Горьковской обл. и с колхозом «Новый мир» Городецкого р-на Горьковской области по изготовлению малярных кистей из конского волоса. Все выработанные кисти сдавались в горьковскую контору Легснабсбыта и Центральную хозрасчетную базу г. Горького по прейскурантным ценам. Все расчеты контора и Хозрасчетная база производили через госбанк. А сельпо и колхозы мне выплачивали согласно имеющейся калькуляции — стоимость сырья, труд и транспортные расходы. 40% от реализации кистей получали сельпо и колхозы, а я получал 60%, в том числе сырье, транспортные расходы и труд, так как я сам заготовлял материал и транспортировал готовую продукцию до покупателя.

Я был членом КПСС, на учете состоял в территориальной парторганизации по месту жительства. В учетной карточке было записано — мастер кистевяз. Следовательно, райком партии, партийная организация знали, что я работаю по договору. Партийные взносы я платил с получаемой зарплаты.

Осуждая меня по ст. 153 ч. 1 УК нарсуд не учел комментарий к этой статье, где дословно записано «Частный предприниматель получает не только ту часть ценностей, которую он должен получать в свое личное пользование в соответствии с количеством и качеством затраченного им общественного полезного труда, но и ту часть ценностей, которая должна пойти на нужды общества».

Как видно из трудовых договоров я получал только 60% всей суммы, причем из этих же 60% на моей обязанности лежало оплата материала, т.е. конского волоса и др. материалов необходимых для изготовления кистей и транспортировки. А зарплата в мою пользу составляла 33% от 60% полученных мною денег — это равно 5582 р. за пять лет моей работы, а остальные 11335 руб. я сдал обратно с продукцией. Государству я дал прибыли около одиннадцати тысяч рублей, которые пошли на нужды сельпо и колхозов.

Я признан виновным и осужден по ст. 162 ч. 2 УК за занятие запрещенным промыслом.

Однако, возбуждению уголовного дела по признакам ст. 162 УК по точному тексту этой статьи должно предшествовать наложение на виновных административного взыскания за занятие запрещенным промыслом. Но я никогда административной ответственности за изготовление кистей не подвергался.

У меня конфисковали имущество: шифонер, диван, стиральную машину, швейную машину, купленную в 1953 г., газовую плиту стоимостью 4 рубля (четыре), ковер х/б стоимостью 16 р. И дом с жилплощадью 21 кв. м. на четыре человека семьи — передали в коммунальное хозяйство.

В очередном отказе прокуратуры СССР от 23 декабря 1969 г. говорится, что моя вина доказана свидетелями Корюкиным и Бедняковой. Корюкин — это председатель колхоза «Новый мир», я с ним заключал договор и он подтверждает, что работал, и на каких условиях и сколько получил доходу колхоз. Беднякова — моя жена, она тоже не отрицает, что я работал, я и сам не отрицаю и тогда не отрицал, что работал, и трудовые соглашения есть в деле, и справки всякие есть, и все говорит за то, что я работал законно, а не спекулировал. Получал зарплату, с зарплаты платил подоходный налог, партийные взносы. А инспектор райфо Губин, когда меня вызывал в райфо, сказал, что я не имею права тебе дать штраф или налог, потому что ты платил подоходный налог. А в акте я не знаю, чего он писал.

В прошлом году в ноябре месяце я был на личном приеме в прокуратуре РСФСР у т. Чернова. Он, ознакомившись с документами пишет резолюцию: необоснованное осуждение и конфискация имущества. Передали документы секретарю. Через некоторое время вызывает меня женщина и возвращает документы с зачеркнутой резолюцией.

Вам было отказано заместителем прокурора Кравцовым, а мы рядовые работники не можем опротестовать заместителя. Идите в Прокуратуру СССР.

Прихожу в Прокуратуру СССР. Первым делом они позвонили в Прокуратуру РСФСР. Документы оставили, а через месяц прислали отказ. Тоже видно попал к рядовому работнику, который не может опротестовать заместителя прокурора РСФСР.

Прошу депутата Верховного Совета СССР т. Шостковича Д.Д. о ходатайстве перед Генеральным прокурором СССР т. Руденко о вынесении протеста на приговор Автозаводского районного суда от 15 ноября 1963 года.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Содержание мирного плана Роберта Метрика.

Даже если бы у нас была отличная армия, наши туристы были бы

примерными во всех отношениях, и наши дипломаты были бы лучшими в мире, важнейшие международные проблемы все же останутся вершинными. Поэтому есть единственный выход: миллион послов-детей от 10 лет и выше и взрослых.

Это должны быть здоровые люди, представляющие различные сферы жизни — фермы, фабричные города, рыбные промыслы, консервные заводы, города и пригороды.

Они должны быть свободными от плохих моральных или политических влияний. Следует производить обмен такими детьми, живущими по обе стороны железного занавеса. Они будут передвигаться на кораблях стран-участниц этого плана. Каждый ребенок должен выдержать экзамен по языку страны, гостем которой он явится. Экзамен предполагает знание 300 слов. На борту корабля все должны говорить на языке страны, в которую они едут.

Детей следует познакомить с языком и религиозным кредо страны, в которую они направляются, и, кроме того, их следует предупредить о том, чего они не должны делать. Подобный обмен должен происходить летом или в другое время года. Иногда эти визиты могут продолжаться в течение полугода, а то и года.

Этот план предложил французский фермер, у которого однажды жил некоторое время американский студент, прежде чем ему удалось получить общежитие, и этот юноша поселился не только в его доме, но и в его сердце.

Роберт Метрик

Нью-Йорк Парк Авеню 530.

Это письмо было адресовано Шостаковичу, известному стороннику мира.

На заседании Президиума Советского комитета защиты мира 9 февраля 1971 года Д. Шостаковичу была вручена Золотая медаль «Борцу за мир», которой была отмечена его выдающаяся деятельность на этом поприще.

✉ *10 февраля 1971 г.*

Президиуму XXIV-го Съезда КПСС гор Москва

Депутату Верховного Совета Союза ССР

Председателю центрального правления Советско-австрийского общества Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу

От гр. Пашкова Ивана Дмитриевича. УССР г. Львов — 18, пл. Липнева 6 кв. 2

«Каждый человек имеет право покидать любую Страну, включая собственную и возвращаться в свою страну» ст. № 13 и 2 Всеобщей декларации прав человека ООН — 1948 г. (Настоящая Декларация подписана представителем СССР)

Заявление

«От рождения до самой смерти вы подвергаетесь отравлению парами токсических газов СО, распространяемых многочисленным автотранспортом» — свидетельствует «Правда» № 155 за 3 июня 1968 г. и № 198 за 16 июля 1968 г.

Мною создано изобретение, устраняющее выше указанное отравление на 100% и Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР за № 10/23-549/33 от 12.04.1967 г. предоставил мне Право публикации моего изобретения.

Я получил официальное Приглашение от Президента Патентного Управления Австрии Доктора Е.Х. Рашка за № У-6/64-1 от 16.01.1964 г., подтверждающее прием и публикацию моего изобретения. И также официальное Приглашение получил от Директора Патентного Управления Югославии Товарища Владислава Савича за № 1891.У.43/65/41 от 27.02.1965 г.

Кроме этого мне как участнику освобождения этих стран в Великой Отечественной Войне присланы Приглашения на посещение в качестве гостя из Австрии от бургомистра города Шгоккерау Иозефа Вонндрака. Из Югославии от Председателя скупщины общины города Биелина Товарища Чедо Милиановича с гарантией жилья и питания на время пребывания и соответственно получены въездные и выездные визы от Посольств в гор. Москве.

Исходя из выше изложенного: ПРОШУ Вас, дать указание Львовскому Отделению (ОВИР) УВД, чтобы меня выпустили из гор. Львова на время этой поездки, в одну из этих стран т.е. Австрию или Югославию.

Прошу Вас ходатайствовать перед Министерством Иностранных дел СССР о том, чтобы МИД СССР выполнило свой долг перед Законом путем предоставления мне временного выезда в одну из выше указанных стран.

Адрес МИД СССР г. Москва Г-300. Смоленская-Сенная пл. дом № 32/34 МИД СССР.

Реализовав свое изобретение, я передам в качестве дара копию технической документации Автомобильной промышленности г. Москвы.

Пашков.

Избиратель, написавший это письмо, конечно, не предполагал, что и сам Шостакович, выезжая за рубеж, каждый раз проходил многомесячную унизительную процедуру разрешений и согласований, на него всякий раз заводили «выездное дело». Даже в тех случаях, когда поездки Шостаковича были связаны с получением высоких наград и знаков отличия. Он стал командором французского Ордена искусств и литературы — он стал первым иностранцем, получившим этот титул, членом Английской королевской музыкальной академии, почетным доктором Оксфордского университета. В Хельсинки ему была вручена Международная премия Яна Сибелиуса — на их получение тоже нужно было разрешение.

Вот один из примеров: старейшая итальянская музыкальная академия «Санта Чечилия» пригласила Д. Шостаковича, члена академии.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ЦК КПСС (*Секретно*):

Итальянская музыкальная академия «Санта Чечилия» направила композитору Д.Д. Шостаковичу, который с 1956 года является почетным членом этой академии, приглашение посетить Италию в 1958 году для ознакомления с деятельностью академии и музыкальной жизнью страны.

Академия «Санта Чечилия» основана в 1566 году и является старейшим и самым крупным музыкальным учреждением Италии. В ее составе 70 итальянских академиков и 30 почетных академиков из числа наиболее известных композиторов и исполнителей других стран.

Министерство культуры СССР вносит предложение направить Д. Шостаковича с женой в Италию в 1958 году сроком на 2 недели.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

(*Секретно. Проект*)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О направлении Д.Д. Шостаковича в Италию

Принять предложение Министерства культуры СССР о направлении композитора Д.Д. Шостаковича с женой в Италию в 1958 году сроком на две недели.

Проект постановления ЦК КПСС о разрешении выезда тов. Шостаковичу Д.Д. в Италию, взятый на учет вторым сектором Общего отдела ЦК, использован в Отделе при написании записки по этому вопросу в ЦК КПСС.

Зав. Секретариатом Отдела культуры ЦК КПСС.

Партийные чиновники долго решали, ехать Шостаковичу или не ехать и на какой срок.

После долгих согласований, на какой срок можно Шостаковичу поехать в Италию, появился приведенный ниже документ.

ЦК КПСС

В связи с просьбой Итальянской музыкальной академии «Санта Чечилия» Министерство культуры СССР внесло предложение направить композитора Шостаковича Д.Д. с женой в Италию сроком на две недели (т. Шостакович является членом этой Академии).

Отдел культуры ЦК КПСС поддерживает данные предложения, считая целесообразным установить общий срок пребывания Д. Шостаковича за рубежом до трех недель.

И все же срок снова сократили. Было принято предложение Министерства культуры СССР о направлении композитора Д.Д. Шостаковича с женой в Италию сроком на две недели. То же с поездкой в любую другую страну.

ЦК КПСС (*Секретно*)

...II симфония Д. Шостаковича будет исполняться французским национальным симфоническим оркестром в крупнейшем парижском зале Дворца Шайо.

Учитывая, что II симфония Д. Шостаковича будет на Западе исполняться впервые в Париже, Министерство культуры СССР просит разрешить направить во Францию Д. Шостаковича с женой сроком до двух недель...

Заместитель Министра культуры СССР.

Сейчас трудно понять, почему почти вся деятельность ЦК КПСС проходила под грифом «совершенно секретно». Подобно секте жрецов в Древнем Египте, эти люди чувствовали свою избранность, причастность к великим тайнам, будь то полеты в космос, утверждение руководителя композиторской организации или решение разрешить или не разрешить Шостаковичу зарубежную поездку, и если разрешить, то на какой срок.

При этом каждый раз к документам прилагалась характеристика: «Шостакович Дмитрий Дмитриевич, рождения 1906 года, русский, беспартийный. Окончил в 1925 году Ленинградскую консерваторию. С 1957 года — секретарь Союза композиторов СССР. Крупнейший и ав-

торитетнейший композитор нашего времени. Народный артист СССР. Лауреат Ленинской и Сталинской премий, премии им. Сибелиуса. Лауреат международной премии мира. Член музыкальных академий Швеции, Италии и ГДР, член американской академии наук, доктор Оксфордского университета, командор французского Ордена искусств и литературы, профессор Мексиканской консерватории. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени».

Эта характеристика вместе с лично заполняемой анкетой, ходатайством организации каждый раз должна была представляться заново, перепроверяться и проходить все инстанции.

«Граница на замке» — это было не метафорой, а реальностью. Советский человек не мог просто так по своему желанию посетить другую страну, выехать за границу — он должен был получить на это разрешение сначала в своей стране.

В то время граждане СССР делились на «выездных» и «невыездных» — таких было большинство. Позже появилась новая категория — «отказники» — те, кому запрещали покинуть страну, — это стало причиной многих драматических ситуаций.

В год столетия со дня рождения Ленина разразился громкий международный скандал.

Поводом к нему послужило письмо М. Ростроповича о А. Солженицыне и его отъезд.

Комитет государственной безопасности обратился в ЦК КПСС с секретным документом о том, что «в настоящее время на Западе поднята антисоветская кампания с использованием попавшего в руки к иностранным корреспондентам политически вредного письма советского виолончелиста М. Ростроповича».

М. Ростропович в это время находился в ФРГ. Советскому послу немедленно была отправлена депеша «обратить особое внимание на пребывание М. Ростроповича в этой стране, оградить его от нежелательных контактов с прессой и возможных провокаций». А в это время Галина Вишневская, солистка Большого театра и жена Ростроповича, должна была вылететь из Москвы в Вену для завершения грамзаписи оперы «Борис Годунов», проводимой дирижером Г. Караяном.

«Выезд Вишневской в Австрию, открывающий возможности прямых контактов с Ростроповичем, вызывает большую тревогу», — написано в том же секретном документе.

Зная о дружеских отношениях Шостаковича с Ростроповичем и Вишневской, которым композитор посвящал свои сочинения, ЦК КПСС по-

пытался втянуть композитора в этот конфликт. Шостаковича вызвали в ЦК для «показательной беседы», после чего было отправлено очередное секретное письмо, где провокационно утверждалось, что «особое негодование вызвала та часть письма, где упоминаются якобы запрещенные произведения Шостаковича и та критика, которой композитор подвергался в свое время. Шостакович заметил, что это "негодный, фанфаронский прием", намерение "посыпать соль на старые раны". В то же время, Д.Д. Шостакович проявил глубокую взволнованность по поводу развернувшихся событий, сказал, что "нужно сделать все возможное для спасения Славы, ведь он наша гордость". Заявил, что готов выехать в Западную Германию для встречи с Ростроповичем, но тут же сослался на свое болезненное состояние, которое лишает его возможности осуществить такую поездку».

Далее в документе говорилось, что, «учитывая обстановку, сложившуюся в связи с письмом Ростроповича, и реакцию на это письмо за рубежом, поручить Министерству культуры СССР под благовидным предлогом отложить поездку в Австрию жены Ростроповича — народной артистки СССР Вишневской Г.П.».

Кончилось, как известно, тем, что и Ростропович и Вишневская, как и Солженицын, оказались за границей на десятилетия.

После этого в ЦК еще пристальней стали следить за всеми гастрольными поездками советских артистов.

Поэтому, когда Шостаковичу понадобилось выехать в ГДР на исполнение своей симфонии, этому предшествовала длительная секретная переписка между ЦК и Министерством культуры, запросившим разрешения на эту поездку.

Документ, которым занимались десятки людей и разные инстанции, так и назывался «О поездке композитора Д. Шостаковича в ГДР». В нем сообщалось, что в ГДР Шостаковичу «будет вручен орден "Звезда дружбы народов" в золоте, на награждение которым имеется согласие ЦК КПСС».

В ходатайстве Министерства культуры было сказано, что оно «считает целесообразным принять предложение немецких товарищей и направить Д. Шостаковича и его супругу в ГДР на срок до одного месяца. Просим согласия».

На это прошение пришел секретный ответ с согласием.

Если выезду за рубеж всемирно известного музыканта предшествовала длительная бюрократическая волокита, то что уж говорить о про-

стых гражданах, для которых даже выезд в соседнюю демократическую страну был событием, сопряженным с многомесячными унизительными проверками. Мою знакомую, доцента института, не выпустили в турпоездку в Румынию, потому что на выездной комиссии, состоящей из старых большевиков, она не смогла точно назвать количество районов в Москве.

Так и жили, рассматривая зарубежные страны в передаче «Клуб путешественников», или стараясь заглянуть за плечо корреспондента, ведущего телерепортаж, или, любуясь заграничными пейзажами из окна машины, как говорят «с проезда», — так, чаще всего, тогда снимали.

Так и языки учили, без всякой надежды, что этот язык как разговорный когда-нибудь пригодится, — отсюда чудовищная немота наших соотечественников за рубежом.

Массовая эмиграция из СССР началась как раз в 1971 году — по израильским визам выехало 13 тысяч человек, в том числе и русских. Советское руководство не предполагало, что эта эмиграция из страны примет в дальнейшем такой массовый характер.

В музыкальной редакции телевидения, где я тогда работала, были специальные люди, бдительно отсматривавшие все материалы, предназначенные для эфира, — нет ли в кадре музыкантов, подавших документы на выезд или уже выехавших из СССР на постоянное жительство — это трактовалось почти как «измена Родине».

Речь шла обо всех съемках, включая симфонические оркестры, — и если даже на последнем пульте был замечен такой музыкант или хотя бы часть его лица, материал перемонтировался, нежелательная фигура перекрывалась или, если ничего нельзя было сделать, не допускался к эфиру. Сколько прекрасных записей было изуродовано, искалечено, утрачено! Так, на радио были стерты многие записи, сделанные под управлением дирижера К. Кондрашина, незадолго до своего выезда из страны записавшего почти всего С. Рахманинова. Была изъята и съемка Г.П. Вишневской, и мое с ней интервью о Шостаковиче, снятое незадолго до ее отъезда.

На съемку она приехала вместе с М.Л. Ростроповичем — он был в черном, длинном, на старинный манер, плаще, какой раньше носили путешественники, и — что было на него не похоже — за все время не проронил ни слова — на следующий день он улетал, как оказалось, на годы.

Запомнился жест Г.П. Вишневской перед началом интервью о Шостаковиче — на секунду задумавшись, она сняла с пальца и убрала

кольцо с огромным бриллиантом, заметив: «Это лишнее», и начала говорить.

К сожалению, эту съемку постигла участь многих других…

Свой первый отказ о выезде за границу Шостакович получил, когда ему было 22 года. **Дикая идея вчера вечером мне пришла в голову. Дело в том, что я 1-го августа получу за патриотическую музыку 500 руб. Кроме того, я вчера много читал Мопассана. И решил с этими 500 руб. ехать в Париж. Решил во что бы то ни стало… Каждый день выхожу до угла и покупаю газету. Каждый день пишу 4 страницы патриотической музыки и ощущаю зуд: в Париж! В Париж!** *(12 мая 1927 г.)*

Живу плохо. Сегодня получил открытку, в вежливой форме уведомляющую меня, что моя просьба отклонена. Я очень мечтал о Париже, об Италии и слишком размечтался. Я этого лишен. Конечно, я очень огорчен. Но что ж делать? Ничего не поделаешь. Я этого лишен. Впрочем, я многого лишен, а есть люди, которые лишены еще большего, чем я. Я и не ропщу. Со смирением подбрасываю шапку кверху и кричу: «Да здравствует..!!!». *(10 октября 1928 г.)*

Эта поездка состоялась лишь тридцать лет спустя. А тогда, получив отказы, Шостакович сочинил музыку балета «Золотой век», действие которого происходит в большом западноевропейском городе, куда на индустриальную выставку приезжает команда советских футболистов. **Капиталистическому миру противопоставляются образы наших современников. Сопоставление двух культур явилось моей главной задачей при сочинении «Золотого века». Эта задача выполнялась так: западноевропейские танцы носят характер нездоровой эротики, что столь характерно для современной буржуазной культуры, советские же танцы я считал необходимым насытить элементами здоровой физкультуры и спорта**, — писал молодой композитор, смело сочетая приемы ревю и мюзик-холла, эстрадных обозрений, гимнастических парадов с элементами детектива.

В юности его мечтой было: **много и интересно путешествовать, да крылья связаны.**

И все же он объехал мир, побывал в Варшаве и Берлине, Стамбуле и Анкаре, Нью-Йорке и Париже, Мехико и Лондоне, Праге и Вене. Его музыка звучала на всех континентах.

Поехав на гастроли в Турцию в 1935 году, делится впечатлениями: **Вид Стамбула с парохода буквально потряс меня своей красотой.**

Это совершенно невозможно себе представить.

Советских артистов встречали с высшими почестями, их трижды принимал президент Ататюрк. Возбужденные, утопающие в цветах после концертов — такими они выглядят на фотографиях.

В мае 1947 года Шостакович ездил в Чехословакию на Пражский музыкальный фестиваль — Шостакович впервые присутствовал на зарубежном исполнении своей музыки. Это был триумф Шостаковича.

С 1950 года поездки за рубеж становятся чаще: на конгрессы, съезды, конференции.

В Вене Шостакович посещает места, связанные с жизнью Моцарта, Бетховена, Шуберта.

Из записок секретаря З.А. Гаямовой: «Вскоре Д.Д. поехал в Англию получать мантию и диплом доктора Оксфордского университета. Эта поездка ему доставила удовольствие...»

Композитор стал членом Королевской музыкальной академии в Лондоне.

В Париже ему было присвоено звание командора Ордена искусств и литературы, — Шостакович исполнил два своих фортепианных концерта во дворце Шайо.

В Хельсинки присуждена Премия им. Яна Сибелиуса.

В Польше композитор участвует в фестивале «Варшавская осень».

В США избран членом Американской академии наук, в Мексике — почетным профессором Мексиканской консерватории.

Из записок секретаря: «Д.Д. прилетел из Мексики. На аэродроме его встречали дети и я. Д.Д. был очень утомлен, бледный и измученный. На аэродроме Д.Д. мало говорил. Но ко мне подошел Гаук и сказал: “Это был такой триумф у Д.Д., которого мир еще не видел”.

Концертная поездка по Англии, Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии и Австрии...»

Галина Дмитриевна, дочь композитора, рассказывала, что Дмитрий Дмитриевич «любил путешествовать, но за границу ездить не любил, потому что не мог, не имел права раскрывать свои истинные мысли и чувства, это на него ужас наводило, потому что, как он говорил, “журналисты будут задавать бестактные вопросы, а я не знаю, как на них отвечать: они не понимают, что я не могу на них ответить”. Его это очень раздражало. Он был весь во власти страха — он не хотел этого. Поэтому, когда ему приходилось ехать в зарубежные поездки, он с ужасом смотрел на журналистов, которые искали, “как бы задать такой вопросик политический, чтоб посмотреть, как я поверчусь — а я не отвечу”.

Наконец, ему было унизительно находиться за рубежом без достаточного количества денег, а денег отцу выдавали, как и всем соотечественникам, ничтожно мало». *(Из интервью автору)*

Однажды в Германии к Шостаковичу явилась группа маститых музыкантов, которые предложили ему купить очень дорогой альбом, изданный с благотворительной целью — деньги от продажи юбилейного издания шли на помощь престарелым и больным оркестрантам. Отказаться Шостаковичу было неудобно, альбом он взял, после чего отправился в советское посольство, занял денег и таким образом вышел из положения.

По возвращении в Москву композитор имел разговор с высоким начальством, заявив, что отказывается от поездок, когда, не имея никаких денег, вынужден оказываться в столь унизительной ситуации.

Во время первой поездки в США в 1949 году Шостаковича спросили, как он относится к партийной критике в СССР. Можно представить себе состояние Шостаковича, только что подвергшегося чудовищной обструкции в своей стране.

Вот как описывает этот инцидент Николай Набоков, брат писателя: «Четыре или пять человек окружили хрупкую фигуру Шостаковича, глядящего перед собой близорукими глазами. Шостакович и его спутник из КГБ заняли место слева от председательствующего. Случилось так, что я сел прямо напротив Шостаковича. На протяжении всей шумной встречи я наблюдал, как его руки откручивали мундштуки папирос, лицо подергивалось, а вся фигура выражала крайнюю степень неловкости. В то время, как его советские коллеги справа и слева выглядели спокойными и самодовольными, как стоящие на камине фигурки Будды, его подвижное лицо выражало беспокойство, боль, ужасную стеснительность. Когда я зажигал ему папиросу или передавал пластинку от американского почитателя, я чувствовал, что он хочет, чтобы это все закончилось как можно скорее, что ему не по себе в этой тесной комнате, что он не создан для публичных появлений, для встреч, для “мирных миссий”. Мне он показался загнанным человеком, чье единственное желание заключалось в том, чтобы его оставили в покое, предоставили собственному искусству и трагической судьбе, которой он, подобно большинству его соотечественников, был вынужден подчиняться. Шостакович, выступавший последним, начал читать заготовленный текст нервным дрожащим голосом.

Я сидел на своем месте, пораженный подобным зрелищем страдания и уничижения человека: эта его речь, вся миротворческая миссия

являлись частью наказания, частью ритуального искупления, через которое он должен был пройти, прежде чем быть прощенным.

Когда Шостакович закончил свою речь, я смог наконец задать свой вопрос:

— В таком-то номере “Правды” появилась неподписанная редакционная статья. Она касалась музыки композиторов Пауля Хиндемита, Арнольда Шёнберга и Игоря Стравинского. В этой статье все трое названы мракобесами, декадентами, буржуазными формалистами и лакеями империалистического капитализма. По этой причине исполнение их музыки в Советском Союзе запрещено. Разделяете ли вы лично это официальное мнение, напечатанное в “Правде”?

На лицах русских появилось замешательство.

Переводчик из КГБ что-то шепнул на ухо Шостаковичу, тот встал, взял микрофон и сказал по-русски:

— Я полностью разделяю мнение, опубликованное в “Правде”».

Чего стоило Шостаковичу сказать эти слова — ведь речь шла о Стравинском, которого Шостакович считал «величайшим композитором XX века», о сочинениях которого он говорил своим ученикам: «Лучше невозможно», Стравинском, чей портрет он до конца дней хранил под стеклом в центре своего письменного стола.

«Весна священная» Стравинского. Удовольствие я получил несказанное. Пришел в восторг от серенады; какая дивная штука. Изумительно хорошо. «Весна священная» — изумительная штука. Такого оркестрового блеска я не слыхал. *(18 марта 1926 г.)*

Стравинский тогда умышленно дистанцировался от каких бы то ни было встреч, заметив, что «нельзя дискутировать с людьми, которые несвободны».

Они встретились лишь однажды, в 1962 году на официальном приеме, когда восьмидесятилетний композитор приехал в Москву с гастролями, — это была единственная встреча двух величайших композиторов века.

В Австрии Шостакович участвовал в торжествах по поводу открытия здания Венского оперного театра, разрушенного во время Второй мировой войны, Шостакович был приглашен вместе с директором Большого театра М. Чулаки. На билете значилось: «Темный костюм обязателен».

О том, что произошло дальше, рассказал спутник Шостаковича.

Документы на выезд были оформлены в последний момент, а самолет прилетел в Вену с опозданием, за полтора часа до начала церемо-

нии. На аэродроме Шостаковича и его спутника встречал советский посол. Он попросил поторопиться — надеть фраки и отправляться на церемонию.

Но фраков не было.

— Ведь на пригласительном билете было ясно указано «темный костюм обязателен», — вскричал посол.

— Да ведь мы и так в темных костюмах...

— Темный костюм — в данном случае это фрак, на худой конец смокинг!

Посол вызвал первого секретаря посольства и попросил срочно достать два фрака в какой-нибудь прокатной костюмерной.

Но Шостакович категорически заявил, что прокатного фрака не наденет: «Пусть принимают нас такими, как мы есть, или же вовсе не принимают».

В переполненном фойе театра — мужчины во фраках, некоторые с широкими голубыми или красными лентами через плечо, дамы в драгоценностях. Пока Шостакович и его спутник в плащах и кепках пробирались на первый ярус, где находилась ложа, указанная в их пригласительном билете, Шостакович приговаривал: «Только бы не выгнали! Терпеть не могу, когда выгоняют!» Увидев за дверью ложи вешалку для верхней одежды, он обрадовался: «Вот и прекрасно, разденемся в предбаннике».

Первые кресла ложи уже оказались заняты господином и его шикарными спутницами. «Чтобы так одеваться, нужно иметь на это право», — ворчал про себя Шостакович. В этот момент сидящий господин, не поворачиваясь, объявил, что ложа занята. «Повторяю, ложа занята».

«Вот оно, начинается», — заерзал на своем месте Шостакович. Ему уже представлялось, как его начнут пересаживать и обнаружится, что он одет не по форме.

Оказалось, что господин и его дамы перепутали ложу, и вскоре к Шостаковичу присоединились дирижер Бруно Вальтер с дочерью и директор парижского театра «Гранд-опера».

Как только публика заметила, что в зале Шостакович, все фоторепортеры, оставив титулованных особ, шейхов и мистера Даллеса, обратились к русскому компрозитору. Они выстроились перед первым рядом партера и даже на самой авансцене и стали буквально «расстреливать» его из своих фото- и киноаппаратов.

В единственном антракте (на открытии шла опера «Фиделио») многочисленные газетчики бросились в ложу Шостаковича, желая взять интервью.

На другой день все газеты поместили свои отчеты. Одна статья начиналась так: «Кто эти двое в уличных костюмах?» Устроителей празднования упрекали в том, что «день возрождения Венской оперы, это всенародное торжество, они превратили в парад роскошных туалетов». «Что это? Праздник музыки или парад фраков?» — вопрошала газета и поддержала смелость людей, решившихся сломить «фрачный барьер».

И уже на следующий день, когда проходил второй из объявленных спектаклей открытия, на нем присутствовало немало зрителей в обычных костюмах. Газеты утверждали, что «этому в значительной мере послужил пример Шостаковича».

Ирина Антоновна Шостакович, сопровождавшая мужа во всех поездках, заметила как-то: «То, что он был все время под наблюдением, — это было и так ясно. Если он находился за границей, то всегда кто-то рядом был, как и за всеми, впрочем, — наблюдающий, рапортующий».

Бдительность многочисленной армии чекистов, отслеживающих каждый его шаг, Шостакович ощущал до последних дней своей жизни. Наверное, где-то в архивах хранятся и кинопленки этих тайных наблюдений — не могли же они исчезнуть! Впрочем, на мой запрос об их существовании мне не подтвердили их наличие. Но и не опровергли.

Однажды в США появилась статья, подписанная господином Таубменом, — «Нужно ли Шостаковичу немного свободы?». От Шостаковича потребовали «дать ответ клеветнику», который и был опубликован в «Правде». «Партийная критика, — говорилось в этом “Ответе”, — якобы мешает моей творческой свободе. Мы в Советском Союзе привыкли к свободе от денежного мешка, от подкупа, от буржуазного издателя. Духовная свобода — ответственность перед народом. Я, Дмитрий Шостакович, не могу согласиться, что не нуждаюсь в советах. Советская и партийная общественность постоянно давали мне необходимые советы...»

Знакомому при встрече Шостакович сказал: «Не хватает мне своих стукачей, еще американец доносит».

✉ *Уважаемый депутат!*

К Вам обращаются с просьбой граждане деревни Ивановка Пашковы Александр Андреевич и Евдокия Антоновна с ходатайством о помиловании нашего сына Пашкова Юрия Александровича, который в настоящее время находится в заключении в г. Экибастуз Казахской ССР.

В феврале 1969 г. его посадили как за хулиганство. Было это так. Два товарища постарше нашего сына завели его в кафе и напоили.

Потом товарищи сделали хулиганскую выходку, т.е. избили одного человека и раздели. Когда их обнаружили дружинники, те видят, что безвыходное положение, намекнули на нашего сына, который был совершенно бесчувственный, костюм наизнанку, — и хотели скрыться. Но были схвачены, в том числе и наш сын. Пострадавший утверждал на суде в г. Рудный: «Юрий меня не трогал, и я его не трогал, а ударил меня Авдеев», — но суд не взял во внимание показания пострадавшего.

Наш сын молодой, по глупости, может, тоже виноват тем, что не надо было связываться с такими товарищами. Он учился в г. Рудный в ГПТУ. Вся школа ходатайствовала об его помиловании, т.к. он был дисциплинированный и не имел ни одного замечания, кроме поощрений, а попался по вине товарищей, которые напоили. Также были прошения от Комитета комсомольской организации школы, от дирекции и от всех учащихся с просьбой о его помиловании, но суд все это тоже отклонил, вроде нашли ненужным. Первый суд приговорил к полутора годам заключения. Но школа была против и просили, чтобы освободили и отдали на поруки школы, т.к. за ним не было никаких замечаний. Но второй суд поступил более жестоко, его приговорили не к помилованию, а к 4-м годам заключения усиленного режима. Так и получилось, что виновные на свободе, а безвинный в заключении.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Мы как родители просим Вас походатайствовать за нашего сына о помиловании, мы очень переживаем, мы оба участники Великой Отечественной войны, сам я инвалид войны. Конечно, он у нас не один, у нас 7 детей, все учатся и работают, у них много поощрений и почетных грамот, все послушные, вот только один попался за товарищей безвинный, за что и переживаем такой удар.

Еще раз просим уделить внимание нашей просьбе, может быть, Вам некогда, но мы больше не знаем, куда обратиться.

С уважением к Вам,

Пашковы.

Уважаемый Александр Андреевич!

Прошу Вас выслать мне копии всех документов по обвинению Вашего сына, а также характеристики К-та Комсомола и школы, о которых Вы упоминаете в Вашем письме, после чего я могу обратиться с ходатайством о помиловании Вашего сына Юрия Пашкова.

Д. Шостакович.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

6 марта 1971 года мы высылали Вам документы, которые Вы просили, для ходатайства о помиловании нашего сына Пашкова Юрия Александровича, который был осужден на 4 года ИТК. Там были его характеристика и копия приговора суда, но почему так долго нет ответа? Я, мать Юрия, каждый день думаю о нем и знаю, что он за 2 года 8 месяцев искупил свой глупый поступок, который взял на себя.

Дорогой и уважаемый Дмитрий Дмитриевич! В жизни всякое можно ожидать, и на любую ногу нечаянно и спотыкнешься. Я тоже видала много холода и голода за 4 года войны. Муж мой, отец Юрия, инвалидом остался, а я жива пришла, 7 человек детей воспитала. Но одного, по-видимому, плохо воспитала, как я ему наказывала, ну и я немного виновата в воспитании. После войны все время работала в колхозе, не покладая рук, 27 лет и сейчас бригадир полеводческой бригады. Ну извините меня за все нелепости, просим, сообщите, получили или нет наши документы.

До свидания, ждем ответа.

С нетерпением, Пашкова.

В 1971 году была введена согласованная МВД СССР с Минздравом СССР инструкция, дававшая психиатрам право насильственной госпитализации лиц, «представляющих общественную опасность», без согласия их родственников или «иных окружающих лиц». В психбольницы были помещены многие правозащитники — этих людей лишили даже мизерных прав, имевшихся у заключенных. У них вообще не было никаких прав — врачи могли делать с ними все, что угодно. После «прохождения курса лечения» врачебная комиссия задавала им одни и те же вопросы: «Изменились ли ваши убеждения?», «Произошло ли это само по себе или в результате лечения?».

Особенно широко подобные репрессии применялись в российской глубинке.

✉ *Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич!*

Извините нас, пожалуйста, за то, что отрываем у Вас время. Но мы хотели бы обратиться к Вам с просьбой — помочь нам в сносе нашего барака. Барак был построен еще при строительстве моста через Волгу, т.е. в 1928 г. Наш барак принадлежит Горьковской железной дороге и находится в ужасном, аварийном положении, т.е. потолки валятся, стены рушатся, полы провалились. Ремонт не делают, потому что делать невозможно, все совсем упадет. И, главное, в таких условиях жи-

вут люди, проработавшие на железной дороге по 25 и 30 лет. И до сих пор никак наши гнилушки не сломают. Вот уже около 8 лет наш барак считается аварийным, но, тем не менее, Горьковское отделение дороги со сносом барака не торопится. Мы писали, обращались в ряд инстанций, но все наши запросы направлены в Горьковское отделение дороги, и тут круг замыкается. И никто из товарищей, к которым мы обращались, нам лично не ответил, а лишь отписываются, что наша жалоба направлена в Гор. отд. дор.

Но неужели люди, проработавшие на ж/д много лет, и люди, воевавшие за победу нашей Родины, заслужили жить в таких условиях?! А жить невозможно. У нас ведь есть и малые грудные дети. Ну скажите, как можно жить с ними, да еще зимовать. Поверьте, невозможно! Стены зимой покрываются льдом, под окнами течет. По 4 и по 5 человек живут в одной комнатке. До каких же это пор будет продолжаться?!!

Дмитрий Дмитриевич, мы Вас все очень просим — помогите нам в сносе барака 74. И если можно, ответьте нам, пожалуйста. Заранее Вам благодарны.

С уважением к Вам

(по просьбе всего барака) Седенкова, Сорокина.

Начальнику Горьковской ж/д.

Ко мне обратились мои избиратели, жильцы барака 74 по Народной улице, с заявлением о невозможности дальнейшего проживания в условиях, в которых они сейчас находятся: валятся потолки, рушатся стены, проваливаются полы, стены зимой покрываются льдом, под окнами течет. Около 8 лет барак считается аварийным. Администрация дороги до сих пор не принимает никаких мер. А в бараке живут рабочие, проработавшие на железной дороге по 25–30 лет. В семьях есть маленькие дети. Положение считаю катастрофическим. Я убедительно прошу Вас дать указание о немедленном переселении жильцов барака, предоставив им нормальные жилищно-бытовые условия.

О принятых мерах прошу сообщить мне.

Д. Шостакович.

✉ *26 февраля 1971 г.*

Д.Д. Шостаковичу

На Ваше письмо по заявлению жильцов барака №74 об улучшении жилищных условий сообщается:

В ведении Горьковского отделения Горьковской железной дороги в Горьком имеется 116 бараков и ветхих домов, где проживает 903 семьи.

В исполнение Постановления Совета Министров СССР № 807 от 26 августа 1967 г. в соответствии с техническим состоянием зданий отделением дороги разработан и утвержден план сноса барачного и аварийного фонда. По г. Горькому этот план согласован и утвержден Постановлением Горьковского Обкома и Облисполкома за № 470 от 13 июля 1970 года. Снос жилья производится в соответствии утвержденного плана. Барак № 74 по Народной улице в г. Горьком предусмотрен планом сноса в 1972 г.

До переселения жильцов за бараком установлен технический надзор и выполняется необходимый поддерживающий ремонт.

Зам. начальника Горьковской ж.д.

Спиваков.

Только в ведении Горьковской железной дороги было 116 бараков — 903 семьи. А сколько их всего по Горьковскому избирательному округу, депутатом которого был Шостакович? А по всей стране?

Город Горький, занимавший третье место в РСФСР по численности населения — почти полтора миллиона человек, в советские годы строился вокруг гигантских предприятий, с рабочими поселками барачного типа и деревнями вокруг — так строилось большинство «строек коммунизма».

В годы советской власти город называли «Русским Детройтом», здесь были построены гигантские заводы — автомобилестроительный, судо- и авиастроения. На предприятиях Горького в годы войны выпустили столько артиллерийских снарядов, сколько на всех заводах Германии, вместе взятых.

Избиратели Шостаковича и были в основном работниками горьковских заводов, где, при всем размахе гигантских строек коммунизма, рабочие продолжали ютиться в бараках и аварийных трущобах, оставшихся еще с прошлого века.

✉ *Заявление*

Дорогой т. Шостакович Дмитрий Дмитриевич. Я прошу Вас как депутата помочь разобрать мою жалобу, с которой я второй раз обращаюсь к Вам. Меня, как коммуниста, до глубины души взволновало разное расхождение принимаемых и публикуемых законов нашей партии и правительства с действительностью положения дел на местах. Я хочу остановиться на фактах вопиющего произвола и беззакония районных и некоторых областных начальников.

Моя жена, имеющая высшее образование, 14 лет проработала учителем русского языка и литературы в Варнаевской восьмилетней школе, где у нее было 5 выпусков 8 класса. Но ежегодно в 5-е классы приходят ученики со слабой подготовкой, делая в контрольных работах по 16 и более ошибок. Учеников, не подготовленных для 5-го класса, она оставила на 2-й год в 5-м классе, но администрация школы перевела их в 6-й класс, а в 6-м классе за двойки стали взыскивать с нее и т.д.

Она вскрыла очковтирательство, хулиганство, беспробудную пьянку в школе, избиение учеников учителями — как при крепостном праве, жульничество. Много всякого издевательства ей пришлось перенести со стороны администрации школы и инспекторов РОНО: обзывали ее свиньей ненормальной, идиоткой, паразиткой, сумасшедшей, ненормальной бабой, ханжой, лицемеркой, директор бросил учебники в лицо, выгонял из учительской, по нескольку дней она находилась в коридоре. Запретили ходить по родителям, высмеивали ее через магнитофон на выпускном вечере в присутствии учеников и родителей, запретили выступать на родительских собраниях и конференциях.

В 1967–68 учебном году на открытое партийное собрание были приглашены все родители. На собрании родители подняли вопрос, почему детям по математике вместо законных двоек ставят пять. За это секретарь парторганизации т. Шишков Ю. выгнал с собрания родителя-коммуниста, который сказал правду. Родители попросили тогда ее выступить, но ей не разрешили, тогда все родители ушли с открытого партийного собрания.

24 июня 1969 года мою жену уволили по профнепригодности ст. 47 «В» КЗОТ РСФСР. После отпуска ее не допустили до работы. Несколько раз она обращалась в ОблОНО, но там даже отказались посмотреть предложенные ею ученические тетради по диктантам. Обращалась в Министерство просвещения РСФСР. Устно и письменно.

Видно, нас уже не считают за людей. А В.И.Ленин, будучи болен и находясь в кольце врагов, лично принимал всех ходоков России и давал соответствующие ответы. Почему сейчас этого не делается и нельзя добиться на месте? При подходе к коммунизму и подготовке к 24 съезду нашей партии, выкинули за борт как ненужного обществу человека с высшим образованием за правду.

Ее требование сделать проверку работы школы и хулиганские действия администрации школы и РОНО — Арзамасский городской народный суд категорически отказался, утвердив произвол и беззаконие хулиганов.

Жена моя вот уже 2-й год как без работы, и судебной волоките не видно конца.

Но она окончила педагогический институт (литфакультет), проработала по данной специальности 14 лет в данной школе. Она стремилась работать так, как требует от нас наша партия и как завещал В.И. Ленин, чтобы ученики из школы выходили с прочными знаниями. Но, видно, нельзя работать так?

В течение двух лет она обращалась во все организации со своими письмами и жалобами, и никто согласно Советским законам не разобрал ни одной ее жалобы, все отмалчиваются или не хотят ничего делать. А за этими жалобами находится живой человек, мать, которая в 1968 году в ряды Советской Армии проводила двух сыновей. Один, прослужив полгода, был привезен из армии больным, его нужно лечить и учить, а мать сама оставлена без средств существования, а другой сын служит в рядах Советской Армии за рубежом, награжден юбилейной медалью, и в июле 1970 года приезжал в отпуск, где посмотрел на жалкое существование матери, которая даже не могла по-настоящему встретить и покормить его, потому что я получаю зарплату 67 руб. 60 руб. расходуем на учебу и содержание другого больного сына, а наш прожиточный минимум 7 руб. в месяц, на что существуем уже 2-й год.

У меня как у коммуниста лопнуло терпение, и я в январе 1970 г. написал жалобу в ЦК КПСС, но ее переслали для разбора в Горьковский Обком партии, а председатель Обкома партии т. Кузьминов, который приезжал в Вознесенское по другим делам и попутно вызвал меня с женой в райком партии, зачитал мне мою жалобу и издевательски заявил: «А вы, Муругова М.И., варите щи мужу и читайте столько, сколько вам влезет, вот вам работа и курсы усовершенствования учителей».

Педагогу с высшим образованием работы нигде не дают. А те часы, которые она должна была вести, отдали хулигану, пьянице, не имеющему высшего образования, который бьет учеников, рвет на них рубашки и т.д., как при крепостном строе в Советской школе.

Председателем месткома в школе работал Рязанцев И.А. — по специальности агроном, которого за пьянство выгнали с должности председателя колхоза, но он стал учителем в школе. Не проводя уроки, но получая за них государственные деньги, в рабочее время пьяный шатается по улице, а когда она обратилась к нему, он послал ее матом, а ведь он коммунист, воспитатель детей.

Бывшего директора Гришуткина А.В. выгнали с должности директора школы, но его сделали завучем, через год его выгнали с должности завуча, но оставили в школе учителем. Жена его, Гришуткина М.В., работает в школе учителем начальных классов и дает в 5-е классы двоечников.

Вновь поставленный директор школы Борисов М.В. был выгнан с должности секретаря райисполкома, но его поставили председателем Вознесенского сельпо. Работая на этой должности, он присвоил государственный мотоцикл и продавал государственную муку, пользуясь трудным положением народа. За кражу его выгнали с должности председателя сельпо, но его сделали в школе учителем. И вот проворовавшийся жулик — директор школы.

Учительница начальных классов Сонкова Р.Ф. бывший член месткома, 8 марта 1970 года вечером в клубе в присутствии учеников и родителей затеяла драку с зав. клубом, впоследствии дело дошло до разбора в народном суде.

Зав. РОНО Молчанов В.Я. на мотоцикле убил человека, после чего ему дали пост в райкоме партии.

Такому вот коллективу можно воспитывать молодое поколение. А кто вскрыл их беззаконные действия — помирай с голоду, нигде правды не найдешь, где же искать Советскую справедливость.

Прошу Вас разобрать мою жалобу по всей строгости Советских законов в период подготовки к 24 съезду КПСС.

Этой школе требуется настоящая справедливая проверка, по всем правилам Советских законов. Но в районе Области и Министерстве просвещения РСФСР — такой проверки боятся, они сочли лучше бороться с одним человеком, который вскрыл беззакония в данной школе.

В просьбе прошу не отказать.

Жду Вашего ответа

Муругов.

С 30 марта по 9 апреля 1971 года в Кремле проходил XXIV съезд КПСС, делегатом которого был Шостакович. На съезде присутствовали делегации 101 зарубежной партий — коммунистических, национально-демократических и социалистических.

В докладе Л. Брежнева было сказано, что в СССР «уже построено развитое социалистическое общество, своеобразие которого состоит, как указывал Ленин, “в переходе от окончательно победившего и упрочившегося социализма к полному коммунизму”». *(Полн. собр. соч., 5 изд., т. 27, с. 253)*

Было заявлено, что «в процессе социалистического строительства сложилась новая историческая общность людей — советский народ». Съезд «взял курс на формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения, высоких идейно-политических качеств, норм коммунистической морали».

На съезде говорилось о приближении эры коммунизма, но конкретные сроки уже не назывались.

Главная цель внешней политики СССР, как было определено на съезде, — «обеспечить благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма». Для этого партия последовательно проводит курс на укрепление мировой социалистической системы, сплочение международного коммунистического движения, СССР помогал в борьбе народам Индокитая, арабским странам, оказал поддержку трудящимся Чехословакии в защите завоеваний социализма.

Съезд «явился демонстрацией крепнущего единства мирового революционного движения».

Съезд «целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС, предложения и выводы, сделанные в докладе Л.И. Брежнева».

Съезд принял обращение «Свободу и мир народам Индокитая!» и заявление «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке!».

О чем думал Шостакович, слушая на съезде помпезные речи ораторов, рапортующих о достижениях в «стране победившего социализма», о грядущей эре коммунизма, зовущих на борьбу за сплочение международного коммунистического движения... Он, каждый день получавший письма, кричащие о попрании человеческого достоинства, о несправедливости, бедности, невыносимых условиях жизни в своей стране.

Но власть как бы не замечала того, что происходит вокруг, и продолжала под песню «Слушай, страна! / Мечта людей зовет! / Сегодня твой народ / Ликует и поет!» твердить лозунги о грядущем мировом коммунизме, о коммунистической морали, о равноправии, о справедливости. Людям постоянно внушалось, что власть заботится о них, а он видел беззащитность граждан от чиновничьего произвола, вседозволенность и цинизм партократов, рассуждавших о благе народа, о высоких идейно-политических качествах, а на деле думавших лишь о собственном благополучии.

В то время у одного американского журналиста спросили, чем отличается русский от американца. «Американец знает, что у него происходит дома, хуже — что в его городе, еще хуже — что в стране, и совсем плохо — что происходит в мире. Русский все знает, что происходит в мире, хуже — что в его стране, еще хуже — что в его городе, и совсем плохо — что в его доме».

Советские люди искренне сочувствовали освободительной борьбе народов на всем земном шаре, переживали за угнетаемых, подавляе-

мых, голодающих, неравноправных — во всех концах земли, на помощь им, на поддержку освободительных движений по всему миру государство тратило космические суммы. И через полстолетия угар мирового коммунистического господства не проходил, огромные материальные и духовные богатства народа расточались на гигантскую идеологическую машину, на политику экспансии в другие страны, впустую сжигая душевные силы народа, от которого требовали все новых и новых жертв.

По всей стране пропагандисты с оловянными глазами и суконным языком разъясняли, втолковывали, обнадеживали... Как пропел А. Галич:

Мы землю долбили,
Мы грызли железо,
Мы грудь подставляли под дуло обреза.
А вы, проезжая в машине «Победа»,
В окно нам кричали:
«Достройте! Добейте!..»
И мы забывали
О сне и обеде,
И вы нас вели
От победы к победе!..

Сегодня читаешь и удивляешься — вся страна от мала до велика должна была изучать и конспектировать эту галиматью — материалы съезда. Сколько сил, времени, старания миллионов людей было потрачено на эту бесцельную и бесполезную работу. Сколько жизней сложено за эту утопию.

Пока твердили миф о «самой передовой стране в мире» — «единственной стране развитого социализма», другие страны далеко ушли вперед в уровне жизни, уровне экономического развития, научно-технического прогресса.

Что получило общество взамен?

Сказочно богатая страна — с таким бедным, на грани выживания, народом, названным «новой исторической общностью».

✉ *Уважаемый тов. Шостакович!*

Ленин приветствовал активность масс. Если бы у Владимира Ильича Ленина спросили, имеет ли право гражданин Советского Союза высказать свое мнение о своей стране, Владимир Ильич посмотрел бы с

удивлением на говорившего, настолько странным показались бы такие слова. Конечно же, каждый гражданин и гражданка Советского Союза имеют право высказать свое мнение о своей стране. Так что же изменилось с тех пор?

В парадных речах делегатов Вы не услышите всей правды о действительной жизни России 70-х годов. Но, ведь кто-то должен же сказать правду, как сказал Алеша Карамазов в замечательной кинокартине «Братья Карамазовы».

Всем известны и слова песни Долуханяна: «Не изменит, лгать не станет и у смерти на краю...»

Значит, правду должна сказать русская женщина.

Представим перспективы развития России:

Основным фоном, основным тоном жизни России 70-х годов является всемерная борьба против людей, вскрывающих недостатки. По всему Советскому Союзу единая установка Политбюро ЦК КПСС и Правительства России — держать народ России в страхе перед словом Правды.

В чем причина этой установки? Ложная «честь мундира» во-первых, и извините за прямоту, желание спокойно прожить свою личную жизнь, во-вторых, глубоко ошибочная установка на ложную «честь мундира» содержит в себе зерно начала деградации жизни России во всех ее проявлениях, как следствие политики замалчивания и замазывания недостатков жизни. Ни в одном из произведений Ленина Вы не найдете установки на замалчивание и замазывание недостатков, тем более установки на борьбу с людьми, вскрывшими эти недостатки. Следовательно, внутренняя политика Политбюро ЦК КПСС и Правительства России — держать народ в страхе — является отклонением от Ленинского курса!

Велики успехи нашей промышленности, но повсеместная установка на прием критики «в штыки» и на саботирование критики — наносит громадный ущерб народному хозяйству.

Как пример можно привести 100 миллионные убытки от многолетней консервации строительства железной дороги на севере России. Установка на прием критики «в штыки» и саботирование критики — это тормоз на пути России к коммунизму!

Установка, сверху исходящая, расценивать новаторов как «вредных людей» ведет к застою и в работе научно-исследовательских институтов. Как пример можно привести Орловский НИИ, где только при уходе начальника отдела в отпуск, его заместитель мог продвинуть ценное усовершенствование, давшее миллионы рублей экономии. Таких примеров можно привести бесчисленное множество!

Велики успехи сельского хозяйства, и если есть недостатки, то они по вине планирующих организаций. Например: свели к минимуму посевы проса. В Горьком 3-й год нет в продаже пшена. Планирующие организации пренебрежительно зачеркнули один из насущных предметов потребления народа — пшено.

Велики успехи экономики Советского Союза, но не только и не столько развитием экономики определяется лицо Государства, — вспомним героическую Россию 1918–1921 г. Лицо государства определяется, прежде всего, моральным обликом государства, его верностью заветам Ленина.

А в России 70-х годов приходится констатировать наличие процесса деморализации. В чем этот процесс сказывается:

1) Рост преступлений

2) Большое распространение пьянства

3) Забвение честности

4) Расцвет формализма

5) Раздвоение жизни на парадную и действительную.

Пьянство является, поистине, бичом русского народа.

Почему люди пьют? Ответ очень прост. Человек не может жить одними материальными интересами, потому что он человек! А вера в Коммунизм все больше начинает выветриваться из сознания людей, потому что коммунизм люди встречают только на бумаге, а в жизни активисты, выступающие бескорыстно (а следовательно, это люди, коммунистические по духу), — такие люди, как правило, подвергаются гонению сверху, потому что они мешают спокойно жить власть имущим. И вот у массы народа, окружающей этих гонимых активистов, у этой массы народа начинает возникать ироническое отношение к коммунизму, как к делу бесконечно отдаленного будущего, — вместо духовного подъема славных 20-х, 30-х, 40-х годов! И в образовавшейся пустоте, где должны быть идеалы, начинает вырастать скука. И от этой скуки мужчины часто ищут развлечения в водке. Женщинам скучать некогда.

Вторая причина пьянства:

Внутренняя политика Политбюро ЦК КПСС и Правительства России это держать народ в страхе, держать под гнетом слово Правды, держать под гнетом людей, вскрывающих недостатки. Такая единая по Советскому союзу установка приводит к бесчисленным случаям несправедливости (придирки, незаконные увольнения, что и я лично на себе испытала), и люди несправедливо обиженные за прямоту, за критику, часто бывает, ищут забвения в водке.

Так что спасительный рычаг, при помощи которого можно вытянуть народ России из пьянства, это не статьи в газетах: «Пьянству бой», а спасительный рычаг — это надо перенести коммунизм с бумаги в жизнь, чтобы не было раздвоения на парадную и действительную жизнь, чтобы не было формализма.

Нужно извлечь из Архива Моральный Кодекс Строителей Коммунизма и разработать конкретные мероприятия внедрения этого Кодекса в жизнь, чтобы каждый человек от самого большого до самого малого, каждая организация сверяли свой каждый шаг с Моральным Кодексом Строителей Коммунизма, иначе у нас будет не Государство строящегося коммунизма, а некий эрзац.

Все хорошее очень трудно. Но ведь Ленин, коммунист старой революционной гвардии, коммунисты 20-х, 30-х, 40-х годов не заботились о личной спокойной жизни, а строили коммунизм на деле!

Забвение честности.

Пожалуй, первопричиной всех отрицательных явлений жизни России 50-х, 60-х, 70-х годов является забвение честности. Глубоко верным является изречение, что ржавчина ест железо, а ложь душу. В чем сила гения Владимира Ильича Ленина?! В том что Ленин просто точно сказал правду! Правда всесильна и непобедима! Это исторически известно.

Так надо встать на путь Правды, отказавшись от хитросплетений, инсинуаций, натяжек, приписок, всего арсенала нечестности, который широко применяется по Советскому Союзу во имя ложного представления о «чести мундира» и создает раздвоение жизни на парадную и действительную, создает формализм, а Ленин говорил, что формализм способен погубить любое живое дело!

«Честь мундира» только в Правде! И Правда непобедима! Только Правда превратила царскую Россию в государство, где хозяином страны стал народ!

Так неужели в 1917 году, и в Великую Отечественную войну миллион людей отдали свою жизнь, чтобы в 70-х годах народ России боялся ЦК КПСС и своего правительства?!

ЦК КПСС и правительству России надо отказаться от курса внутренней политики держать народ в страхе, этот курс является диаметрально противоположным Ленинскому курсу живой связи партии с народом!

Маяком ведь является для всего мира страна Ленина! Вы имеете возможность указать мне на недостаток скромности, но я все таки позволю себе найти некоторую аналогию между Анжелой Девис и мной,

Анжела Девис борется за права негров, а я вот уже 2-е десятилетие борюсь за право советского человека говорить правду.

В тюрьму меня не сажали, но ведь мытарства бывают не только в тюрьме.

И Анжела Девис живет в капиталистической стране, а я гражданка Советского Союза.

Если Вы скажете, может быть, что написанное мной преувеличение и дерзость, то, ведь, от этого не перестанет быть правдой то, что я написала.

Я пошла работать на завод с 16-ти лет. Работала и на станке, и мастером, и инженером. Я окончила МВТУ им. Баумана. Жизнь заводов и Научно-Исследовательских институтов я знаю.

Идеологи капитализма кричат все время, что коммунизм нереален, а великая историческая задача Советского Союза доказать что коммунизм можно строить и построить! Народ России богат самоотверженностью, работоспособностью, талантами! Нужно только подчинить жизнь всей России сверху донизу Правде и Честности, вместо господствующих сейчас парадности и формализма.

Нужно внедрить в жизнь Моральный Кодекс Строителей Коммунизма, то есть жить не на словах, а на деле по Заветам Ленина!

Еще я не согласна с оценкой ЦК КПСС Советской Кинематографии: «На экраны нередко выходят фильмы, не отвечающие идейно-эстетическим критериям советского искусства и возросшим запросам зрителя».

Советская кинематография переживает сейчас пору расцвета. На экраны выходят жизненно-правдивые, высокоталантливые кинокартины, воспитывающие советских зрителей в идеалах справедливости, добра, душевного благородства, мужества, героизма! Раньше в кинокартинах были парадность, элементы штамповки, сейчас такие кинокартины ушли в область предания. И надо сказать великое спасибо всем работникам киноискусства за такие замечательные кинокартины: «Братья Карамазовы»; «Андрей Рублев»; «Золотой теленок»; «Джентльмены удачи» и многие многие другие! Сейчас каждая советская кинокартина развивает ум, заставляет, выражаясь поэтически, звучать струны души! Замечательные сейчас выходят на экраны советские кинокартины!

Они воспитывают советских людей в идеалах Гуманизма а, следовательно, и в идеалах коммунизма, воспитывают советских людей по Заветам Ленина!

7/05-71 г. Красильникова Н.И.

✉ *Уважаемый депутат тов. Шостакович!*

В письме 7/05-71 г. я писала, что в г. Горьком 3-й год нет в продаже пшена. И после этого моего письма — точно по мановению волшебной палочки — из магазинов г. Горького исчезли все сорта крупы.

Если учесть то, что в магазинах г. Горького давно нет в продаже картошки, то исчезновение из продажи еще и крупы — это весьма ощутительно для бедной части населения г. Горького.

А в газетах пишут, что забота о трудящихся — первоочередная забота Партии и Правительства; «Все для блага народа!» — вот пример раздвоения жизни на парадную и действительную.

И еще пример: В газетах пишут: «Городам хорошеть» и другое в этом роде, а в действительной жизни элементарные вещи вырастают в проблему. Например: Вот уже 1,5 года мы, жители 2-х больших домов, бьемся над тем, чтобы у нас регулярно вывозили мусор со двора (в г. Горьком имели место случаи заболевания холерой). По графику полагается вывозить мусор 1–2 раза неделю, а вывозят 1 раз в месяц и даже в 1,5 месяца! — и то после многократных заявлений и хождений по инстанциям.

1,5 года! ведется переписка с Горисполкомом и Облисполкомом по вопросу необходимости регулярной вывозки мусора. Накопился уже настоящий архив по этому, казалось бы, само собой разумеющемуся вопросу. Бюрократизм и черствость имеют место в действительной жизни. А Ленин, ведь, бичевал бюрократизм и равнодушие к быту трудящихся!

Для власть имущих картошка и крупа — являются «прозой жизни», и, имея в своих домах мусоропроводы, им безразлично, что где-то не вывозят мусор по 1,5 месяца (при наличии случаев заболевания холерой в городе). Все это — доказательство раздвоения жизни России 70-х годов на парадную и действительную.

Владимир Ильич Ленин насколько мало заботился о себе, — настолько же много заботился о других. А сейчас власть имущие заботясь о себе — должны, ведь, тоже заботиться и о других! А то ведь все говорят: «Мы живем по Ленину!»

Раздвоение жизни на парадную и действительную это тормоз на пути развития России к коммунизму!

Установка сверху на прием критики «в штыки» (во имя ложной «чести мундира» и личного спокойствия власть имущих) — противоречит самой природе Советского Государства.

Установка на прием критики «в штыки» — это создание почвы для застоя и деградации.

Установка эта порочна, она диаметрально-противоположна Ленинскому курсу на живую связь Партии и Правительства России с Народом!

14/05-71 г. Красильникова Н.И.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Пишу Вам настоящие записки как депутату Верховного Совета РСФСР (согласно сведений музыкальной энциклопедии) и прошу извинить меня, если кое-что скажу из того, что не мне следовало бы говорить, но говорю в силу того обстоятельства, что кому следует об этом говорить прямо по долгу занимаемой должности, те не говорят.*

Вы же, при случае, познакомьте с некоторыми страничками настоящих заметок компетентные и соответствующие органы нашей Советской власти...

И еще прошу извинить меня, что может быть не очень грамотно буду излагать наболевшие вопросы, так сказать, не придерживаясь литературного языка и слога.

По поводу вопроса «о мерах по дальнейшему улучшению работы районных и городских Советов Депутатов трудящихся» («Правда» № 73 (19216) от 14.3.1971 г.)

Если это и не пустой разговор, то во всяком случае после этого разговора мало что изменится в лучшую сторону. Не слишком ли поздно вести по этому поводу серьезный разговор? Дело в том, что в советских учреждениях (в поселковых и городских советах, райисполкомах и райкомах и т.п.) многие товарищи «работают» не зная даже своих обязанностей, т.е. пристроены либо по родству, либо по знакомству. Они получают приличную зарплату за то, что целыми днями занимаются сплетнями, интригами и прочими «базарными» разговорами и лусканьем семечек.

Не изменив этого положения дел в наших советских учреждениях, все разговоры об улучшении работы их будут вестись впустую.

Так что тут одними разговорами не обойтись, нужны более решительные меры и действия, чем только постановления «о мерах улучшения работы»...

Ведь на местах почти всюду сплошное «местничество» и нет настоящих руководителей и хозяйственников. Они сами выдвигают в руководящие кадры из тех, кто пляшет под их дудку. Сами они представляют себя к премированиям и другим материальным «поощрениям» и занимаются организацией коллективных пьянок.

Сказать об этом нельзя! Сотрут тебя в порошок и потом не докажешь нигде своей правоты. Но бороться со злом все же как-то надо. Вот потому и пишу обо всем вам!

Здешние рабочие предприятия карьероуправления (Щебеночный завод в Шеметове Серебряно–Арудского района) директор и его заместитель за 1 год третий раз уже собираются улучшать себе собственные жилищные условия, имея квартиры со всеми удобствами, но в многоквартирных домах (16-квартирных), теперь мечтают и ретиво строят себе, за государственный конечно счет, виллу отдельную четырехквартирную на 100 000 рублей. И это они, если никто не помешает, через пару месяцев осуществят. Тогда как на строительство детской музыкальной школы в районе не находится рабочих сил и стройка ведется медленнее черепашьих шагов. Еще год назад должны были сдать в эксплуатацию новое здание школы, но и через 2–3 года при теперешних темпах его строительства оно не будет построено. Скорей построят ресторан для пьянок, чем здание школы...

14. 3. 71 г. (А. Васильев) он же А. Итчин.

27 марта 1971 г.

Председателю Канавинского Райисполкома

тов. Сидневу А.М.

Уважаемый Александр Матвеевич!

Направляю Вам заявление моей избирательницы Охотниковой Е.Н., прожив. по ул. Анри-Барбюса, 7, кв. 2, и очень прошу Вас оказать содействие в ее просьбе — закрепить за ней квартиру ее бабушки — Любимовой Е.Л., тем самым дать возможность молодой семье нормально учиться, работать и воспитывать ребенка.

Очень прошу Вас помочь Охотниковой Е.Н.

Д. Шостакович.

✉ *22 апреля 1971 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

т. Шостакович Д.Д.

На Ваше письмо от 27 марта 1971 г. по улучшению жилищного вопроса избирательницы Заонегиной Л.С., адресованное в завком профсоюза, сообщаю:

т. Заонегина Л.С. проживает в 2-х комнатной квартире площадью 26 кв. мет., семья состоит из шести человек в том числе женатый сын с семьей 3 человека.

На протяжении нескольких лет на заводе создалось крайне тяжелое положение с жильем, с 1969 года завод не вводил жилья.

В настоящее время на очереди состоит 2381 работающих завода. Кроме вышесказанного завод должен представить жилье гражданам,

проживающим в собственных домах, ввиду того, что строится новый цех и проводится реконструкция завода, а их дома мешают, но несмотря на это завод может выделить комнату 14 кв. мет в доме № 15 по ул. Чкалова в кв. №2.

Председатель завкома профсоюза — Н. Гусев.

Член МК ГСХИ Борисов.

Член профбюро ф-та механизации Берсеменовский.

Профгруппорг Мокеева.

Эта история закончится только через два года, когда, после долгих хлопот и ходатайств Шостаковича эта семья наконец получит отдельную квартиру. (См. письма на стр. 554–555.)

✉ *25 июня 1971 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам как к депутату.

Очень прошу помочь нам. Моя дочь Лена — сейчас ей 2,5 года и 9 месяцев, заболела воспалением мозга. До года мы лежали в больнице. После этой тяжелой болезни у девочки полгода держалась высокая температура. Когда температура установилась нормальной, начались припадки. Вот уже больше года припадки не пропадают. Врачи рекомендуют санатории Анапы, Евпатории, Одессы, Друскинанкай, Горькое озеро.

Очень прошу мне помочь о выделении путевки. От завода такую путевку нужно ждать много лет. Очень прошу помочь!

Ефремова Людмила Мих.

4 апреля 1971 г.

Уважаемый Георгий Павлович!

Ко мне обратился мой избиратель тов. Галкин Лев Федорович, прожив. в г. Горьком по Краснофлотской ул, 123-а, кв. 5, с заявлением, в котором сообщает о тяжелых жилищных условиях, в каких он находится с своей семьей, состоящей из 5 человек.

Направляю Вам его заявление и убедительно прошу Вас принять срочные и необходимые меры для улучшения жилищно-бытовых условий семьи Галкиных. Считаю совершенно недопустимым, чтобы в одной комнате находились родители и взрослые дети, не говоря уже о том, что санитарные условия мест общего пользования находятся на низком уровне.

Д. Шостакович.

✉ *28 июня 1971 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

т. Шостаковичу Д.Д.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

На Ваше письмо от 4 апреля 1971 г. об оказании помощи в улучшении жилищно-бытовых условий семьи Галкина Льва Федоровича сообщаю, что вопрос о закреплении за ним освободившейся комнаты в Исполкоме Нижегородского района решен положительно.

Нач-к Горьковского участка треста «Двигательмонтаж»

Г. Андрианов.

✉ *3 июня 1971 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

тов. Шостаковичу Д.Д.

На Ваше письмо от 26 мая 1971 г. об оказании помощи в предоставлении жилья семье Прилуцкой В.С. сообщаю, что администрация и завком профсоюза завода, учитывая тяжелое жилищное положение семьи т. Прилуцкого П.В. (мужа Прилуцкой З.С.), приняли решение, в порядке исключения, вне очереди предоставить жилье его семье.

12 апреля 1971 года, работая мастером в цехе чугунных деталей, т. Прилуцкий П.В. явился на работу в пьяном виде.

Администрация и общественные организации цеха обратились в завком профсоюза завода с просьбой воздержаться от принятого решения о предоставлении жилплощади т. Прилуцкому П.В.

При таком положении, завод не может предоставить жилплощадь семье т. Прилуцкого П.В. вне установленной очереди.

Директор завода А. Веселовский.

Летом 1971 года Шостакович в Репине сочинял свою Пятнадцатую симфонию.

Он работал напряженно, по многу часов в день. В сумерках в окне светилась лампа под зеленым абажуром, и обитатели Дома композиторов могли, проходя по дорожке мимо двадцатого коттеджа, видеть лицо Шостаковича, склоненное над партитурой.

Завидую Вам, что Вы сейчас живете в Репино. Я мечтаю о поездке в Репино, но сейчас мне назначены серьезные медицинские процедуры и поэтому нельзя уезжать из Москвы. А потом наверное и вовсе нельзя будет куда либо ездить из-за все возрастающей моей беспомощности.

Берегите здоровье. А о моих жалобах никому не говорите, — пишет Шостакович другу.

И все же он приехал в Репино.

Он любил Репино и всегда стремился сюда, на берег Финского залива, где много пасмурных дней, где часто моросит дождик, это создавало у него хорошее творческое настроение.

...Очень многое связано в моей затянувшейся жизни с этим местом, — говорил композитор.

Сюда, в Репино, к Шостаковичу приезжали друзья, ученики. Все они, написав новое сочинение, дожидались приезда Шостаковича — здесь ему было проиграно много музыки.

Многие музыканты считали для себя за честь прийти сюда показать новое сочинение.

Рассказывают, что однажды во время обеда к Шостаковичу подсел один композитор и попросил объяснить, как сочинить сонатное allegro. Шостакович скороговоркой произнес: «Вот сейчас доем суп, доем суп и научу!»

Если сочинял, то весь день, с перерывами для прогулок по «Лермонтовскому проспекту» — так называли узкую дорожку в лесу за Домом творчества.

Когда что-то не получалось — был нервозен, расстроен, даже ворчлив.

На вопрос «Что вы сейчас делаете?» отвечал: «Я сейчас начал новую симфонию. Я хочу, чтобы получилась веселенькая симфония».

Парадоксальность ответа скрывала глубокий смысл. Эта последняя симфония Шостаковича оказалась возвышенной, мудрой и грустной, а ее просветленный тающий финал воздействует сильнее мощных тутти.

Пятнадцатая симфония мне как-то очень ясна была, как она должна получиться, что ли, мне это было довольно ясно... Это одно из тех произведений, которое очень меня захватило, и, может быть, одно из немногих моих сочинений, которое мне показалось ясным от первой до последней ноты, понадобилось только время, чтобы это записать.

Сохранились фотографии Шостаковича в Репине, снятые и маститыми фотокорреспондентами, и любителями. Благодаря Борису Ивановичу Тищенко мы можем видеть кинокадры Шостаковича в Репине. Вот он возле своего коттеджа, вот прогуливается с Ириной Антоновной по заснеженной дорожке среди сосен, вот прогулка за грибам — какой был грибник Шостакович и какой Арнштам или Шнитке — не известно, но однажды они с женами и детьми отправились за грибами...

Рассказать про эти съемки я прошу Бориса Ивановича Тищенко.

«Что про них рассказывать? — начинает он. — Однажды я, очень робея, — как раз мне подарили на тридцатилетие кинокамеру, скинувшись, мои друзья, и я снимал все, что попало, а потом в Репино мы оказались с Дмитрием Дмитриевичем, — я у него попросил разрешения чуть-чуть, хоть кадрик снять. И он вдруг согласился с большой охотой. Не только с большой охотой, а еще даже немножечко позировал и говорил: "Вы знаете, великий Илизаров сейчас мне лечит ноги, вот я хочу, чтобы вы сняли мои ноги, хорошо ли я сейчас хожу".

Я специально снимал его ноги, а потом снимал уже "во что горазд", что называется, потому что он перестал замечать, что на него направлена камера, и вел себя совершенно естественно. И когда у меня накопился какой-то материал, я проявил пленку, склеил ее и пригласил Дмитрия Дмитриевича к себе домой показать ему. Там все съемки шли подряд, — я пленки не монтировал еще тогда — и там были кадры, снятые в день моего тридцатилетия, к которому, кстати, он подарил мне свою оркестровку моего Виолончельного концерта — на столе бутылки, молодежь курит, фривольно себя ведет, а он говорит: "Ириша, Ириша, посмотри, как золотая молодежь проводит время". А когда на экране появляется он сам: "Ириш, Ириш, смотри, это я, я!" — с такой радостью, как будто ему пять лет.

Это его качество — он был "вечное дитя", — он мог радоваться всякой мелочи, всякой ерунде. Он-то видел себя на экране уже столько раз, а вот нет, все равно свежее ощущение. Я часто вспоминаю его радость тогда, когда он появился: "Это я, я!"».

В Репино я закончил 15-ю симфонию. Сейчас делаю переложение для двух роялей, так как сам играть не могу... *(2 августа 1971 г.)*

18 августа 1971 г.

Председателю Горьковского Горисполкома

тов. Соколову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Пересылаю Вам заявление Федотова В.Г. и копии акта обследования его жилищных условий.

Ходатайствую о предоставлении ему жилища, в котором бы он мог жить в нормальных условиях со своей семьей.

Тов. Федотов музыкант, работает в Горьковской Филармонии со дня ее основания. 38 лет он живет с семьей в сыром подвале.

Считаю необходимым просить Вас о безотлагательной ему помощи.

С уважением Д. Шостакович.

18 августа 1971 г.

Уважаемый Василий Георгиевич!

Ваше заявление, присланное на мое имя, и копию акта обследования Ваших жилищных условий я переслал со своим ходатайством Председателю Горьковского Горисполкома тов. Соколову А.А.

Прошу Вас обратиться к нему за ответом.

С уважением Д. Шостакович.

19 августа 1971 г.

Председателю Ленинградского Горисполкома

тов. Сизову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Пересылаю Вам заявление тов. Коровича Антона Алексеевича. Убедительно прошу помочь ему.

Тов. Коровичу Антону Алексеевичу 70 лет, он ветеран комсомола и партии, участник Гражданской и Великой Отечественной войны, всю жизнь живет в Ленинграде и до сих пор не имеет сносного жилья. С ним проживает жена и психически больной сын. Перечисленные обстоятельства заставляют меня просить Вас в виде исключения предоставить ему возможность получить жилье сейчас, а не в 1975 году, как это им предназначено.

Д. Шостакович.

В августе 1971 года Шостакович был избран председателем юбилейной комиссии по празднованию столетия со дня рождения Скрябина. Сам юбилей по канонам того времени должен был проходить в Большом театре — здесь, под огромными, во всю сцену портретами, проходили юбилеи Бетховена и Шуберта, съезды партии, торжественные заседания и юбилейные концерты. В Большом театре Шостакович открывал торжественный вечер, посвященный 125-летию со дня рождения М. Мусоргского, выступал с докладом, посвященным юбилею Бетховена.

Большой театр в Советском Союзе был больше чем театр, даже прославленный.

Он был местом действия не только разыгрываемых на сцене спектаклей. На протяжении десятилетий здесь в правительственной ложе перебывали все короли, президенты, министры иностранных дел со своими женами, свитами, рукоплеща «Лебединому озеру», «Князю Игорю», «Жизели».

Это был главный политический театр страны.

Здесь, укрывшись от любопытных глаз специальной бронированной кулисой, главный меломан Советского Союза сорок семь раз наслаждался своим любимым балетом «Бахчисарайский фонтан», после спектакля иногда направляясь за кулисы, чтобы поздравить лично.

По временам в этом зале раздавались совсем другие арии и слышались совсем другие соло, когда на съездах партии на трибуну поднимались вожди, рабочие и колхозники.

Здесь состоялось конкурсное прослушивание Гимна Советского Союза и в ложе главный арбитр лично встречался с композиторами-претендентами, среди которых был и Шостакович.

В Большом театре ставились балеты Шостаковича «Светлый ручей» и «Золотой век».

Здесь шла опера «Леди Макбет». В дремотном ночном мраке вдруг вспыхивал огонек, и наедине с молчащими иконами Катерина исповедовалась, выпевая свою темную, дикую любовь. И, притаившись в темноте, Сталин слушал «Леди Макбет» — а на следующий день в «Правде» появилась статья «Сумбур вместо музыки», едва не стоившая композитору жизни.

Здесь, в Большом театре, 31 января 1948 года исполнялась «Кантата о Сталине» в присутствии вождя. Помпезные декорации и огромный хор, занявший всю сцену, — после исполнения участники и весь зал долго неистово аплодировали. Апофеоз. А через несколько дней — пленум 1948 года, объявивший Шостаковича «антинародным композитором».

Через много лет с той же сцены, под огромными юбилейными портретами композиторов-классиков с помпезными речами выступал сам Шостакович, секретарь Союза композиторов, торопливо, тихим голосом читая по бумажке трафаретные фразы.

Кинотексты иногда могут сказать больше, чем подробные отчеты о событиях.

Вот Шостакович в кадрах хроники среди примадонн Большого театра — спешит навстречу, галантно целует ручку величественной Барсовой в мехах, потом все долго рассаживаются для фотографирования. Шостакович скромно устраивается, стоя, во втором ряду, но за его спиной маячит тень от статуэтки — фигурки боксера, готовящегося поразить ударом соперника. Свет переставляют, но коварная статуэтка спортсмена вдруг превращается в грозную фигуру, отбрасывающую зловещую тень на всю стену. Как ни пытаются переставить свет, фигурка-двойник не хочет покидать Шостаковича, так что начинает казаться, что это именно его тень.

Когда однажды в Большом театре готовился очередной праздничный правительственный концерт, Шостаковичу заказали оркестровку нескольких революционных и современных массовых песен, но какому-то ответственному члену приемочной комиссии музыка не понравилась, и исполнение было снято по причине, что композитор «испортил хорошие песни».

Смены власти, правительств, глав государств — и бесконечное, длящееся десятилетиями, неизменное фуэте сменяющих друг друга солисток балета...

✉ *Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Я, младшая дочь Елены Константиновны Малиновской, бывшего директора Большого театра, обращаюсь к Вам за помощью лишь потому, что Вы хорошо знали мою мать и относились к ней с большим уважением, также как и она к Вам.

Однажды в Поленове, когда я гостила у мамы, я встретила там и Вас. Вы сидели на балконе и остроумно сопровождали игру в шахматы.

В 1937 году я была арестована как член семьи врага народа и отбыла 8 лет в лагере.

В 1945 году из лагеря я приехала в Калужскую область (100 километров от Москвы), а в 1948 году я переехала на родину в г. Горький по ходатайству моей крестной матери Екатерины Павловны Пешковой, а в паспорте стояла статья — минус 40 городов, где я не могла проживать. С таким паспортом меня никто не брал на работу. Наконец, я нашла работу в Горьковской научно-исследовательской ветеринарной станции с маленьким окладом и проработала там по 1 апреля 1958 года.

20/X-1956 года решением Военной Коллегии Верховного Суда была полностью реабилитирована.

Вскоре после реабилитации я вышла на пенсию.

Сейчас мне 69 лет, здоровье плохое, а пенсия 46 руб. 75 коп.

В силу ограничений, которые были в моем паспорте, я не могла повысить квалификацию, да и здоровье ушло.

Лично я никогда ни к кому не обращалась за помощью. Что делать?

Обращаюсь к Вам, Дмитрий Дмитриевич, как к нашему депутату, помочь мне в получении пенсии чуть побольше, чем я получаю в настоящее время. Я не имею права на персональную пенсию, но в порядке исключения, за большие заслуги моих родителей Малиновской Елены Константиновны и Павла Петровича Малиновского, членов партии с 1904 и 1905 г. войти с ходатайством в Московский Городской Комитет Коммунистической партии Советского Союза и к Председателю

Совета Министров СССР о представлении мне помощи об увеличении пенсии.

Документы о моих родителях находятся в Московском партийном архиве.

Антонина Малиновская.

✉ *13 июня 1971 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Заявление

(Это копия, а подлинник хранится у меня)

Родился я в 1936 г. 14 июня, отца, как кадрового офицера, призвали в армию. 22 июня началась война. Я остался с больной матерью. Мы добрались в Каменец-Подольскую область, где родилась моя мать. После окончания войны отец не вернулся, мать работала в колхозе, а я ходил в школу, и чем мог, помогал ей. Тем, у кого мужья погибли на фронте, после войны снимали налоги, выплачивали пенсию, а нам ничего — «пропал без вести» — не было извещения, что отец погиб. Мы обращались в Белоцерковский горрайвоенкомат с просьбой разыскать, где погиб отец, но получали одни обещания, а время шло. Только когда я вырос, разыскал извещение о том, что отец погиб. За отца мы не имели никаких льгот, что было очень обидно.

В 1951 году я хотел поступить в училище, но не приняли, так как не было документа, что отец погиб. В том же 1951 г. я приписал себе год и уехал по комсомольской путевке на Донбасс. Работал на Донбассе до 1960 г., переехал в г. Нововолынск, где был открыт новый угольный бассейн. В этом городе я снова работал в шахте до 25 марта 1971 года.

25 марта 1971 г. в первую смену я допустил ошибочно нарушение техники безопасности при взрывных работах. После отпалки забоя я с еще одним рабочим проверил забой и все было нормально. Я пошел палить в другие забои. Во вторую смену, когда был убран уголь, обнаружили отказ. Вместо того, чтобы его ликвидировать в соответствии с ЕПБ, и. о. начальника УВР т. Якончук В.П. обушком раздолбал шнур и таким образом ликвидировал отказ. Ликвидация таким способом является грубейшим нарушением ЕПБ при взрывных работах. Конечно, отказа я не мог обнаружить, так как уголь был не убран. Не обнаружил бы любой шахтер. Отказы бывают по той причине, что нет лаборанта и электродетонаторов никто не проверяет. Заставляют раздатчиков, но это не входит в их обязанности. Они и не стараются. Меня за это уволили из шахты — до меня на шахте еще никого за нарушение не увольняли. Не слышно подобного и на других шахтах. Но меня уволили. За то, что я им мешаю тво-

рить свои черные дела. Я им неугодный, что вскрываю их гангстерские выходки.

Все свои годы я работал честно и добросовестно, был активистом, не делал прогулов, не нарушал трудовой дисциплины и производственной, о чем свидетельствуют многие поощрения, и вот 24 съезд партии я встретил безработным, изгнанным из шахты. Теперь, когда я имею следующие болезни: хронический бронхит, миркардистрофия, хронический п/к радикулит, эмфизема легких, невростенический синдром на фоне вегетативной дистонии и др. болезни, меня вышвырнули за ворота. Избавились. «Воспитали». Отомстили. Они плевали, что у меня двое детей: около трехлетнего возраста и первоклассница, не учли даже того, что я почетный донор СССР.

Я обращался в горком и обком партии, что руководители ведут себя по отношению ко мне предвзято, по-хамски, но никто мне не помогал. Я поехал в Донецк к Министру нашему, но он меня не принял (у него был неприемный день). В этот день принимал зам. Министра т. Чебанов и он меня не принял (был занят). И я за 1000 км без толку проездил.

Жена моя получает 60 руб. Четыре человека семьи за эти деньги прожить не могут. Выходит, я должен идти воровать? Нет! Не бывать этому!

Обращаюсь к Вам, как к депутату. У нас на шахте творится такое, что стыдно смотреть. К моему заявлению, как рабкор, прилагаю материал, и Вы убедитесь, какой наш руководитель и как он себя ведет. Дело не в том, что я без работы, что дети голодают и я вместе с ними, но коллектив не может терять веру в справедливость и терпеть разные чудеса наших дельцов.

Владимир Качур.

РУКОВОДИТЕЛЬ С ПРИВЫЧКАМИ ГАНГСТЕРА

(Копия. Оригинал находится у автора)

Шахта № 4 «Нововолынская» существует уже 20 лет. За это время коллектив шахты всегда выполнял и перевыполнял государственный план, занимал первые места в соревновании в тресте, комбинате. Коллективу шахты первому в городе присвоено почетное звание — коллектив коммунистического труда. И вот около трех лет назад, наш коллектив возглавил Плис Алексей Никитич. Новый руководитель с первого дня полюбил «мелочи», которые он делал каждый день.

Он просто разрешает себе оказывать мелкие услуги, пользуясь служебным положением руководителя шахты. Была на шахте, например, служебная автомашина «Победа». Только «Победу» отремонтировали в

капитальном ремонте, еще краски не успели высохнуть, а Плис тут как тут. Со своими подчиненными Плис в честь «Дня шахтера» в шахтной столовой изрядно выпили, а затем решили поехать купаться на реку Буг. Будучи пьяным за рулем Плис «Победой» врезался в грузовую автомашину, которая везла скот на убой. А через некоторое время Плис разбил автомашину «Запорожец» рабочего шахты № 3 «Нововолынская» Белецкого. От аварии пытался скрыться и врезался автомашиной в идущий автобус. А потом разбил и собственную «Волгу». Ее привезли на автомашине «как кучу мусора». На шахте в срочном порядке была организована бригада слесарей из бывших водителей профессионалов, которая ремонтировала побитый автотранспорт, а в нарядах показывалось, что слесаря, якобы работают: кто в шахте, кто в мехцехе и т.д. Все расходы за побитый автотранспорт отнесены за счет государства. Но Плис считает, что это для шахты «мелочь».

Плис считает, что руководителю стыдно питаться в общей столовой шахты с шахтерами. Поэтому в столовой сделали отдельный банкетный зал для Плиса, ключ от которого находится в кармане руководителя шахты. Плис хлещет водочку в отдельном зале. А однажды к Плису приехало два офицера из военной части. После распитой водки между ними возник кулачный бой. В результате чего в банкетном зале вылетели окна и были оборваны портьеры. Ремонт зала сделали за счет шахты. Подумаешь, это «мелочь»!

Плис, как руководитель, не любит купаться в бане, где купаются его помощники. Он имеет отдельную баню с ванной и, даже, с одеколоном. К поездке в шахту Плис любит быть наглаженным. И вот банщица постирала брюки, которые не успели погладить к поездке Плиса в шахту. Гром и молния были в бане над банщицами. Но больше всех досталось десятнику бани, коммунисту инвалиду труда Крылову. Не поглаженными брюками Плис Крылова бил по лицу.

Ему все позволено. Плис завел любовный роман с сотрудницей столовой Ниной. Пошел Плис к ней под хмельком да попал в комнату не к ней, а к ее соседке. Разделся и лег отдыхать. Пришла хозяйка комнаты, увидела незнакомого человека. Начала будить и просить из комнаты. Не удавалось. Пошла просить соседа Тихона Максимовича помочь ей. В это время Плис встал я вдруг захотел исполнить малую нужду. Туалета в комнате нет. Он вышел в коридор. Там стояло ведро. Чем не унитаз? и приступил к делу. «Как тебе не стыдно — услыхал он голос Тихона Максимовича, — ты же начальник, что ты делаешь?» — «А твое какое дело?» — возмутился Плис. Развернулся да кулаком в лицо Максимовича. Максимович Плису дал сдачи. Пришлось руководителю

бегать в трусах по коридору на глазах у жителей дома. На следующий день был вызван к Плису рабочий Коржан, который проживает в том доме, где Плис совершил подвиг. Плис дал Коржану «Могарыч» и Коржан поставил жителям дома, чтобы успокоить их, и выпили «мировую». За услуги Коржан получил квартиру.

Поехал Плис в гор. Донецк. Дает телеграмму своему помощнику Клименко Н.И. Доставить в гор. Донецк 10 кг. угрей. И вот шахтная автомашина, а в ней шофер и Клименко везут угри в Донецк. Шофер Корнейчук числится рабочим в стройцехе, а фактически возит Плиса, ремонтирует Плису автомашину.

На нашей шахте всегда уделялось много внимания росту кадров, их воспитанию и работе. Но по приходу Плиса всё изменилось. Ушли из шахты: инженер-маркшейдер В. Граков. Е. Петренко, Пасечник, Валецкий, Легунский, Иванов, Калысь. Ушел В. Пазыч, который был парторгом на участке ОКР. Ушел и Рупинец, который работает на шахте № 2 зам. главного инженера, ушел Я. Шнейдерман, который работает на шахте Л-2 зам. главного инженера. Ушел из шахты инженер, нач. ОТК тов. Баранец. Вышеуказанные люди покончали заочно институты и техникумы. Им у нас не было места и ушли. Они не нужны Плису, но зато он принял на работу В. Чабана, который расписаться не умеет, Лавриновича, который не работает, а пьет, алкоголик.

В прошлом году мы вышли на воскресник, но Плис явился «под мухой» и ничего не делал. В стенгазете шахтной появилось стихотворение:

«На заре Советской власти
Ленин — глава государства
Бревна успевал носить.
Не к лицу и Вам (по свойски)
На воскреснике шахтерском
Было чистеньким ходить».

Пусть стихотворение далеко от совершенства художественного, но оно справедливое. Оно и обидело. Поэтому вскоре редактора стенгазеты Воробия уволили с шахты якобы за развал работы.

Шахтеров как и всех советских людей всяко к праздникам поощряют. На нашу шахту по распределению комбината был выделен знак Шахтерская слава. Нужно было оформить документы наградные и отослать по инстанции. Плис используя свою власть, оформил документы на себя и послал, хотя работает без года неделю. К нам он пришел с выговором по партийной линии за аморальное разложение, и строгим выговором по партийной линии за несоблюдение техники безопасности. У нас на шахте показал себя как хулиган, пьяница, грубиян,

как человек, которого нельзя держать на этой работе. В Министерстве угольной промышленности УССР эти документы просмотрели и, зная Плиса, Шахтерской славы не дали.

У нас на шахте есть теплица. Все годы она верой и правдой служила шахтерам. За счет шахты учили человека, который работает в теплице. Плис тоже любит овощи, но теплица начала валиться и потребовался ремонт. Плис на это наплевал, хотя к нему обращались, И теплица не стала кормить шахтеров. От нее всегда был доход, а в этом году она себя не оправдывает. Вот какой руководитель Плис!

На шахте возмутились и начали писать жалобы. Состоялось партсобрание, и Плису объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Это третий выговор, — с двумя он пришел к нам на шахту. Думали, Плис покается, одумается, но не такой он человек. Плис продолжает свое.

Задумал Плис снять начальника «погрузки» Путя с работы за то, что критикует его на партсобраниях. И нашел повод. Плис с целью сокращения штата по шахте соединяет два участка в один. Получилось, что Путь лишний, знай как руководителя критиковать. А ведь Путь коммунист, фронтовик. Даже не дали до пенсии доработать.

Работал у нас на шахте Козачук. Хороший был рабочий. Однажды он с женой и двумя детьми поехал на реку Буг отдыхать. Мыл ноги но берегу, поскользнулся и упал в реку. Плавать не умел и утонул. После трагедии пришла жена Козачука к Плису с просьбой сделать оградку на могилу. Плис сказал: «Приди завтра». Потом сказал: «Приди в другой раз». Так она ходила долго. Потом Плис говорит, что нет материала. Женщина достала материала и пришла снова. «У меня не похоронное бюро», — заявил Плис и проводил ее нецензурными словами. Женщина объяснила, что заплатит, сколько нужно, но Плис ничего не хотел слушать. Только после вмешательства ЦК КПУ оградку сделали.

На шахту пришел вагон леса. Для шахты. Но злоупотребляя своим служебным положением, Плис его продал. Дело было в следственных органах, но так и заглохло, а почему? Никто не знает.

Плису не составляет большого труда оскорбить рабочего: в четвертую смену на работу не вышел мастер-взрывник Новосад. У него был приступ. Приезжала скорая. Плис вызывает его на свой «четверг» (собираются руководители и обсуждают нарушителей) и давай отчитывать. Новосад заявляет, что болел. Плис отправляет Новосада под конвоем начальника участка в больницу с паспортом и ставит вопрос перед медиками, может ли он работать в шахте. В больнице

посмеялись над Плисом и сообщили, что у Новосада больничный лист, а в шахте может в дальнейшем работать. Оскорбление честному рабочему нанесено, но думаете Плис перед рабочим извинялся?

К Международному женскому дню — 8 марта всех женщин, которые работают у нас на шахте, поздравили с праздником и выдали по 10 рублей премии. Более ста женщин остались с улыбками радости, а только одна была в слезах от обиды. Это диспетчер шахты Чуенко Е.П. Про нее забыли за то, что она подписала жалобу на Плиса. Чуенко давно работает на шахте. Ее мужа убило у нас на шахте. Осталось двое детей. Как не стыдно руководителю обижать женщину в такой день? Разве за столько лет она не заслужила честным трудом уважения к себе в такой день?

Недавно умер Толсторожев. Работники обратились к Плису с просьбой выделить автотранспорт, чтобы провести товарища в последний путь. «У меня не похоронное бюро», — ответил Плис. Человек у нас работал, а Плис не захотел дать автомашины. Абсурд!

Захотелось Плису стать ученым. Поступил в аспирантуру. Кандидатский минимум и расчеты для будущей диссертации ему делают подчиненные. Плису с его замашками, поведением и знаниями подходит быть кандидатом не технических наук, а грубиянских и алкогольных наук.

Я могу примеры перечислять без конца. Но буду кончать, хотя приведу еще примеры очень серьезные. У нас на шахте погибли Андрей Чуенко, машинист угольного комбайна, коммунист, прекрасный рабочий, и старый рабочий, проходчик Александр Садовский. У обоих рабочих остались дети. Детям за погибших отцов шахта платила деньги. Виновные в смерти рабочих были наказаны. И вот прошло больше года. Плис подумал, что много платит детям погибших. Заседает комиссия, заседает шахтком, и дело закончилось лишь в судах. Дети как получали, так и получают, справедливость восторжествовала, но нанесен моральный ущерб семьям погибших. Один суд был в нашем городе, другой в соседнем. Жители двух городов наблюдали за действиями Плиса и беспокоились за семьи погибших. Суды в иске Плису отказали. Справедливость восстановлена. Но кто ответит за гангстерские действия Плиса? Кто заплатит шахте около 200 руб., что заплачено госпошлиной за суды? Зачем отрывали от работы рабочих и вызывали в суды? Нужно быть без ума, чтобы совершить операцию, которая на шахте получила название от рабочих «Говорят мертвецы». Если Плис жалел денег детям, то чем объяснить, что он деньгами раскидывается, а на детях хотел сэкономить

Плис очень любит славу и показуху. На днях закончил обделывать плиткой свой кабинет. Это хорошо и хороший вид у шахты. Но почему Плис не зайдет и в рабочую баню? Пусть посмотрит и взвесит, где нужно было делать ремонт: в бане или облицовывать плиткой кабинет. Кабинет обождал бы. А люди в грязи и пыли раздеваются, не побелено, в женской бане погнили полы, везде теснота.

На шахте сплошь и рядом нарушается закон о труде, о работе с несовершеннолетними, нарушается законодательство при увольнении, правила техники безопасности. Есть случаи скрытия травматизма. И самое страшное то, что Плис — очковтиратель. В дни работы XXIV съезда партии шахта план не выполнила, но Плис регулярно передавал «выше», что работаем хорошо.

Плис обманул партийный съезд, правительство и всех людей. Об этом на шахте знают все, но боятся подать голос. Чудотворства Плиса создали на шахте нездоровую обстановку. Снизилась роль общественности: увидев как решительно избавляется Плис от критиковавших его, многие поторопились замкнуться в себе, заняли выжидательную позицию. Живой организм коллектива, как ржавчина, разъедают неурядицы, недоверие.

Плис упрямо не хочет признавать своей ограниченности, и больше того, он создает вокруг себя атмосферу лести и угодничества. Он выдвигает на ответственные должности людей таких же невежественных, как сам. И в этом есть своя закономерность, ибо только на фоне подхалимов и тупиц расцветает самовлюбленность невежды. Она не мешает ему спокойно жить и дает полную возможность любоваться самим собою. Поэтому-то невежда-начальник не терпит рядом с собой людей по-настоящему талантливых, способных к самостоятельному творчеству,

Владимир Качур.

Москва, 23 декабря 1971 г.

Редакция газеты «Социалистическая индустрия»

Главному редактору тов. Голубеву

Ко мне обратился шахтер Качур В.А. с просьбой помочь ему в его бедах. В конце письма он просит переслать его заявление Вам.

Убедительно прошу Вас выслать в гор. Нововолынск спецкорреспондента из Москвы, который бы на месте проверил жалобу и помог шахтеру в его бедах и злоключениях.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

Москва, 23 декабря 1971 г.

Уважаемый Владимир Андреевич!

Оказать Вам какую-то конкретную помощь мне очень трудно. Я переслал Ваше заявление (по Вашей просьбе) редактору газеты «Социалистическая индустрия» тов. Голубеву с просьбой выслать к Вам спецкорреспондента из Москвы, который смог бы на месте проверить Вашу жалобу и помочь Вам.

Помочь же Вам в приеме у членов правительства я не смогу.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *5 января 1972 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

тов. Д.Д. Шостаковичу

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Редакция занималась разбором жалоб В.А. Качура, проживающего в Нововолынске Волынской области по проспекту Ленина, д. 8, кв. 23. По нашей просьбе их проверяло Министерство угольной промышленности СССР. В ответе члена коллегии министерства А. Поченкова говорится:

«Заявления т. Качура В.А. не один раз проверялись на месте. Увольнение его за нарушение правил техники безопасности признано правильным. Наряду с этим ему предлагались различные работы, кроме связанных со взрывчатыми веществами, но он от них отказался. В настоящее время т. Качур трудоустроен и работает с 11 октября 1971 года рабочим маркшейдерского бюро шахты № 4 «Нововолынская» комбината «Укрзападуголь».

Проверкой жалоб В. Качура занимался также и наш собственный корреспондент по Украине Н.И. Клочко. Он подтвердил факты, изложенные в ответе министерства.

С уважением

Заместитель главного редактора Н. Троицкий.

Борис Тищенко рассказал такой случай: «Как-то я обмолвился по поводу сочинения одного западного композитора, что вряд ли можно быть вполне искренним, сочиняя ораторию по прочтении газетной статьи об обвале в шахте и гибели 200 шахтеров. Можно, дескать, убиваться по поводу гибели человека, которого ты знал, любил. Несколько дней Дмитрий Дмитриевич как-то странно смотрел на меня, потом сказал: “Зайдите, нужно поговорить”. Начал он издалека, спросил о диапазоне какого-то инструмента, потом сказал: “Когда мы ехали в машине, в тес-

ноте, но не в обиде, вы высказали мысль, что нельзя быть искренним в сочувствии страданиям незнакомых людей. С этим никак согласиться не могу. Нет. Не только тогда жалко, когда гибнет жена, брат, сестра, друг, но жалко всех замученных, заневоленных, утопленных, сожженных, расстрелянных".

Так же глубоки и искренни переживания Дмитрия Дмитриевича от чисто физической невозможности помочь всем страдающим, избавить всех невинных от мук, нужды, несправедливостей. Хорошо понимая инфляцию трескучих слов о гуманизме, сострадании, он говорил очень мало. Но об этом кричит его музыка». *(Из интервью автору)*

✉ *18 августа 1971 г.*

Депутату Верховного Совета СССР
т. Шестаковичу Дмитрию Дмитриевичу
от инвалида от. войны 1 группы
Блинова Николая Николаевича
прож. пос. Вахтан Горьковской обл. Шахунского р-на ул. Ленина д.1 кв. 1
Уважаемый товарищ Шестакович Д.Д.

Я обращаюсь к Вам с большой для меня просьбой.

Я инвалид от войны 1 группы. Хожу с трудом на костылях. Я работаю в доме культуры руководителем духового оркестра. На работу мне ходить недалеко, около километра, но для меня это расстояние кажется огромным. Я имею машину «Запорожец», но он у меня отказал. Нужен коленчатый вал, который я не могу купить уже больше года. Куда я только не писал везде огромная очередь и не знаю дождусь ли я своей очереди. У нас в г. Горьком база посылторга закрылась. Нас прикрепили к базе посылторга в г. Запорожье, но там не обещают прислать даже в 1972 году.

Очень Вас прошу помогите мне достать этот вал. Ходить пешком очень трудно. Хоть бросай работу, а без работы я не представляю себе жизни.

С уважением к Вам Н. Блинов.

1 сентября 1971 г.

Секретарю Запорожского обкома КПСС
тов. М.Н. Всеволжскому
Уважаемый Михаил Николаевич!

Обращаюсь к Вам с превеликой просьбой помочь инвалиду I группы Николаю Николаевичу Блинову.

Н.Н. Блинов музыкант, руководитель духового оркестра в Горьковском Доме культуры. Ходит он на костылях. В день ему приходится из дома на работу и обратно пройти несколько километров. В свое время он получил машину «Запорожец», но вот уже год, как не может получить испорченную в машине деталь — коленчатый вал.

Жители г. Горького прикреплены к базе «Посылторга» в г. Запорожье.

Убедительно прошу Вас, в виде исключения, помочь т. Блинову получить коленчатый вал в конторе «Посылторга» вне очереди.

С уважением Д. Шостакович.

1 сентября 1971 г.

Уважаемый Николай Николаевич!

Мною послано ходатайство первому секретарю Запорожского обкома КПСС тов. М.Н. Всеволожскому помочь Вам получить вне очереди коленчатый вал через базу «Посылторга» гор. Запорожье.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *14 сентября*

Тов. Блинову Н.Н.

копия: Запорожскому обкому КП Украины

копия: Депутату Верховного совета СССР Д.Д. Шостаковичу

На Ваше письмо по вопросу приобретения коленвала для автомашины «Запорожец» сообщаю, что заказ на коленвал выполнен по товарно-транспортной накладной от 14.9.71 г. как исключение.

Зав. магазином «Посылторг» С. Козлов.

22 сентября 1971 г.

Уважаемый Николай Николаевич! Нами получено сообщение из Запорожской областной конторы «Спорттовары», что наша просьба о посылке Вам вне очереди коленвала выполнена по товарно-транспортной накладной от 14.IX.71 г.

Убедительная просьба к Вам сообщить нам получение.

Всего доброго.

Секретарь Д. Шостаковича.

✉ *23 сентября 1971 г.*

Уважаемый тов. Шостакович!

Сердечно Вас благодарю. Коленчатый вал я получил. Благодаря Вашим стараниям мои дела сейчас пойдут хорошо. Через неделю буду ездить на работу на машине.

Желаю Вам самых счастливых удач во всем.
С глубоким уважением к Вам, Блинов.

Эти письма Шостакович получил, уже выйдя из больницы.

Закончив меньше чем за два месяца стостраничную партитуру Пятнадцатой симфонии, Шостакович пишет: **Работал я над ней [симфонией] много. До слез. Слезы текли из глаз не потому, что симфония печальная, а потому, что сильно уставали глаза. Я даже показался окулисту, который порекомендовал мне сделать в работе небольшой перерыв. Этот перерыв достался мне очень трудно. Когда работается, то отрываться от работы мучительно... после окончания Симфонии, над которой я работал денно и нощно, сейчас везде какая-то пустота...** *(26 августа 1971 г.)*

А 16 сентября ночью Дмитрию Дмитриевичу сделалось плохо. В больнице, куда его отвезли, врачи констатируют инфаркт. Второй инфаркт.

Снова томительные неподвижные дни, недели.

С 17 сентября по 17 ноября 1971 года Шостакович находился в больнице.

✉ *Дмитрий Шостакович!*

Человек, который может написать такие фортепианные концерты, как Вы, должен скоро выздороветь и долго жить, продолжая творчески работать, создавать новые произведения. Это пожелание, чтобы Вы были здоровы и счастливы, всегда спокойны. Слушая по радио BBC новости о Вас, слушатели приветствуют Вас и с радостью слушают Вашу музыку.

Самые искренние и лучшие пожелания.
Ваш Эдди Териболл. Англия.

✉ *...Я с печалью узнал о Вашей болезни. Говорят, что Вы поправляетесь и мне очень приятно это слышать. Надеюсь, что вскоре Вы выйдете из больницы. Желаю скорейшего выздоровления...*

Артур Лендфорд. Англия.

✉ *30 августа 1971 г.*

Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам с большим горем из г. Выксы Горьковской области.

Я очень прошу Вас простить меня за мою смелость, но поймите меня, что очень трудно выразить мою душевную боль и бессилие. Может, это и не так, но я слышала, что Вы больны, как мой сын, и что

Вам помогло лечение. Где? Я знаю, что у Вас нет свободного времени. У Вас сложная, громадная работа, бесконечная занятость депутатской и общественной деятельностью, но умоляю Вас ответить мне и помочь, если возможно.

Моему сыну 20 лет. С 1968 года он прикован к постели. Заболел он, будучи учеником 4 класса. Четыре года не могли определить заболевание, после этого установлен диагноз: инфекционный неспецифический деформирующий полиартрит. Болея периодически, он окончил 8 классов, более учиться не смог. Много и подолгу лежал в городской больнице, 3 октября 1969 года его привез покойный отец. В феврале 1970 года нашу семью постигла другая страшная беда — трагически погиб муж, это отразилось на состоянии здоровья сына.

И вот он лежит два года без всякого лечения. При выписке рекомендовано находиться под наблюдением врача, но за два года врач был один раз для подтверждения его инвалидности. Определили ему I группу, положили пенсии 20 рублей.

Дорогой Дмитрий Дмитриевич, невыносимо тяжело видеть его страдания, последнее время он замкнулся в себе, стал молчалив, очень похудел. По натуре он очень трудолюбивый, лежа делает электрогитару, но нигде не достанешь деталей, немного играет на струнных инструментах, любит читать, но за последнее время у него упало настроение, а это ведь страшно в его положении.

Дмитрий Дмитриевич, умоляю Вас, сообщите, где вы лечились и, если возможно, помогите моему страшному горю, нельзя ли и его направить на лечение.

С глубоким уважением, А. Гадалова.

Министерство здравоохранения РСФСР

Министру тов. Трофимову В.В.

Уважаемый Владимир Васильевич!

Ко мне обратилась за помощью моя избирательница Гадалова Антонина Ивановна, жительница г. Выксы.

У нее длительные годы болеет сын (сейчас ему 20 лет) инфекционным неспецифическим деформирующим полиартритом. Сейчас наступило резкое ухудшение. Мне известно, что эта болезнь неизлечима, но в условиях медицинского учреждения, хотя бы временно, необходимо облегчить страдания больного.

Прошу Вас дать указание поместить его в клинику Горьковского мединститута или в Областную Горьковскую больницу.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *18 октября 1971 г.*

Тов. Д.Д. Шостаковичу

Министерство здравоохранения РСФСР сообщает, что гр. Гадалов В. по нашему указанию 15 октября 1971 г. госпитализирован для проведения очередного курса лечения в Горьковский госпиталь для Инвалидов Отечественной войны.

Заместитель министра, Н. Кисляк.

✉ *22 октября 1971 г.*

Здравствуйте, дорогой Дмитрий Дмитриевич! Не знаю, как выразить мою благодарность за заботу о моем сыне. Дмитрий Дмитриевич, дорогой, от всей души желаю Вам доброго здоровья, скорейшего выздоровления и всяческого благополучия Вам и Вашей семье.

Спешу сообщить, что по Вашему ходатайству мы получили на имя сына путевку из Неврологического госпиталя г. Горького. Низкий земной поклон Вам, Дмитрий Дмитриевич, за эту великую радость.

Срок лечения с 15 октября 1971 г., по какой срок, не указано. Как же обрадовалась вся наша семья этому великому событию, как воспрянул духом Слава! Ему уже помечталось, что, «может, я приеду на своих ногах», он рассчитывал, что ему, судя по путевке, придется долго лечиться. Ждем не дождемся этого дня.

Наступило 15 октября. Всю ночь не спали. В 6 часов утра пришла машина из горбольницы. Мне сопровождать его не пришлось, не нашлось места в машине. Машина уехала, ждем, как она вернется и с чем? Машина вернулась, сестра, сопровождавшая сына, привезла страшное огорчение. Госпиталь по путевке не принимает. Собрались все врачи и спорили около 2-х часов: зачем его привезли, мы его не приняли два с половиной года назад (это 11 марта 1969 года), а вы опять привезли. Ему здесь делать нечего. Во время перепалки сын лежал в коридоре и все слышал. Каково ему было, когда ему отказывают в помощи. Разве можно так травмировать больного человека? Здесь же была и т. Зарембо, подписавшая эту именную путевку. Спор кончился тем, что его продержат 10 дней, а после этого срока присылайте машину. Этот разговор медсестра вела в присутствии зам. главврача по лечебной части нашей горбольницы т. Варгина Г.И.

Я не выдержала и разревелась. Герман Иванович возмутился такому отношению. Как мог, успокоил меня, набрал номер и заказал разговор с Облздравом. В конце дня еще раз поехала к т. Варгину, тот сообщил, что сына оставят в г. Горьком на месяц. В итоге я поняла, что помощи сыну будет мало, отпишут министру здравоохранения РСФСР: «Прошел курс лечения».

Дмитрий Дмитриевич, прошу простить меня за беспокойство и волнение, которому я Вас подвергаю. Как же пробить эту брешь бездушия?! Может, я не права, но от такого бездушия нечем жить.

Остаюсь уважающая Вас А. Гадалова.

9 ноября 1971 г.

Министерство здравоохранения РСФСР

тов. Вавулиной Н.Н.

Уважаемая Нина Николаевна!

Повторно обращаюсь к Вам с ходатайством о помощи моей избирательнице Гадаловой А.И. Пересылаю Вам ее личное письмо, из которого вы поймете, как неудачно был устроен ее сын на лечение в госпиталь для инвалидов Отечественной войны.

Убедительно прошу Вас дать указание о его переводе в клинику Горьковского мединститута или же в Областную Горьковскую больницу для длительного лечения.

О результатах прошу сообщить.

Д. Шостакович.

Личное письмо т. Гадаловой просьба вернуть.

23 сентября 1971 г.

Министру социального обеспечения РСФСР

тов. Комаровой Д.П.

Уважаемая Домна Павловна!

Ко мне обратилась моя избирательница Новикова Е.В. (проживающая г. Горький, Канавинский район, Шланговый пер., д. 5-а, кв. 6) с письмом, в котором ставит целый ряд вопросов, связанных с Законом о пенсиях по старости.

Прошу Вас ознакомиться с этим письмом и, если представится какая-либо возможность, помочь ей с получением пенсии.

Ее письмо пересылаю Вам.

С уважением Д. Шостакович.

4 октября 1971 г.

Дирекции завода «Арсенал»

Уважаемые товарищи!

Пересылаю Вам письмо моей избирательницы Власовой А.И., в котором она жалуется на плохое качество фотоаппарата «Киев-10» и некомплектную продажу вашего изделия.

Прошу оказать ей помощь в обмене фотоаппарата и получении нужного ей футляра.

О результатах прошу сообщить.
С уважением Д. Шостакович.

✉ *26 октября 1971 г.*
тов. Шостаковичу Д.Д.
Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!
На Ваше письмо от 4.10.71 сообщаем, что присланная Вами жалоба тов. Власовой А.И. внимательно рассмотрена, ей послан исчерпывающий ответ, копию которого прилагаем.
Тов. Власовой А.И. в конце октября месяца с. г. будет возвращен исправный, проверенный фотоаппарат за счет завода и наложенным платежом выслан жесткий футляр новой конструкции.
Приложение: Копия письма тов. Власовой А.И.
С уважением, директор завода Гусовский.

✉ *11 ноября 1971 г.*
Дмитрий Дмитриевич, сообщаю, что жесткий футляр к фотоаппарату «Киев-10» от Киевского завода «Арсенал» им. Ленина мы получили 29.10.71 г., который выражается, что мол, это как исключение, согласно отношения Шостаковича.
БЛАГОДАРЮ ВАС. БОЛЬШОЕ-БОЛЬШОЕ ВАМ СПАСИБО.
С уважением, Власова А.И.

7 октября 1971 г.
В Министерство социального обеспечения РСФСР
Министру тов. Комаровой Д.П.
Уважаемая Домна Павловна!
Трижды обращается ко мне за помощью мой избиратель Климачев П.А. (Горьковская обл., Воротынский р-н, поселок В-Сурск, ул. Кирова, № 12), инвалид 2-й группы, с просьбой помочь установить ему пенсию. Пересылаю Вам его заявление и 5 документов, присланных мне, и убедительно прошу о следующем:
1. Не пересылать его заявление и документы в Райсобес по месту жительства.
2. Поручить опытному вашему референту, в виде исключения, рассмотреть его просьбу в Министерстве и помочь получить какую-либо пенсию.
П.А. Климачев — старый человек, 1894 г. рождения, инвалид, лежащий в постели без движения.
О результатах прошу сообщить.
С уважением Д. Шостакович.

7 октября 1971 г.

Директору Выксунского металлургического завода.

Уважаемые товарищи!

Ко мне в Москву на личный прием приезжала Анна Тимофеевна Бодрова. Она проработала на металлургическом заводе в горячем цеху 25 лет. В 45 лет она уходит на пенсию. Живет в очень тяжелых условиях — сырая комната 12 кв.м. С ней проживает 5-летний ребенок и муж, который был вынужден уйти с 4-го курса техникума, где он учился, из-за невозможных жилищных условий.

Убедительно прошу, в виде исключения, предоставить ей в порядке обмена большую, с лучшими коммунальными условиями, комнату.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *29 октября 1971 г.*

Д.Д. Шостаковичу

На Ваше письмо от 4 октября с.г., где Вы просите в виде исключения обменять комнату 12 кв.м. на большую с лучшими коммунальными условиями нашей работнице тов. Бодровой, сообщаю следующее:

Тов. Бодрова действительно проживает в комнате 12 кв.м. с семьей 3 человека и действительно длительное время работает на заводе в качестве загибщицы вил. Она состоит на очередности в цехе на расширение жилой площади.

В сентябре м-це при вводе нового жилого дома ее заявление рассматривалось на общезаводской комиссии по распределению жилья, однако удовлетворить просьбу не представилось возможности. Нарушить очередность и представить ей квартиру нет оснований.

При вводе в эксплуатацию нового жилья в 1972 году Ваша просьба о предоставлении ей большей комнаты с лучшими коммунальными удобствами будет рассмотрена на общезаводской комиссии самым внимательным образом.

Директор завода Луговских.

✉ *23 октября 1971 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Моя жизнь заканчивается, мои глаза угасают, силы иссякли. Я одинока, нигде нет ни родных, ни близких. Мне 77 лет, и единственное для меня спасение — Дом ветеранов сцены. Мною создан первый советский театр — МТЮЗ, первые советские пьесы, пять постановок, при-

знанных прессой, общественностью. Немало сделано мною для эстрады — занимала первое место как автор-исполнитель, актриса, автор статей, фельетонов в периодике, газетах. Однако — зрение, здоровье и условия, в которых я нахожусь, лишают меня творческой энергии и удачи. Я нахожусь сейчас в квартире, где 17 человек — дети, больные раком, кошки, грязь, шум и спуск с 5 этажа без лифта, что отзывается на сосудах головного мозга. Пьеса, над которой я работаю, требует спокойствия, хорошего питания, воздуха, и потому я все еще не могу ее доработать — глаза болят. Часто бывают обмороки, качки, никого нет около меня. Прошу Вас как депутата Верховного совета, как человека влиятельного оказать мне посильную помощь.

Прошу помочь мне попасть в Дом ветеранов сцены.

Большого счастья, успеха желаю Вам.

Неизменно преданная Вам Ольга Рудакова.

P.S. Пройденный мною путь дает мне право на спокойную старость — остаток жизни невелик. Лишена была положения, звания, наград (хотя имела на это право) по причинам, известным Вам — кои не оглашаются. Нет зимнего пальто и вообще одежды.

28 октября 1971 г.

Министерство культуры

Министру культуры тов. Кузнецову Н.А.

Уважаемый Николай Александрович!

Ко мне обратились мои избиратели г. Кстова Горьковской области с настоятельной просьбой помочь им в строительстве здания детской музыкальной школы.

Я обращаюсь к Вам с просьбой вынести постановление о выделении средств целевого назначения для строительства этой школы. Город Кстов — молодой город нефтяников, и нужда их в этой школе действительно крайне велика.

По этому же поводу ко мне неоднократно обращаются и руководители городских организаций г. Кстова. Очень хотелось бы мне, как депутату, оказать городу конкретную помощь.

Надеюсь на Ваше положительное решение.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *Тов. Шостаковичу Д.Д.*

Хоть мне и не хочется беспокоить Вас, но нужда заставляет. Дело в следующем: я работала с 1930 по 1969 год в трамвайно-троллейбусном парке вагоновожатой.

Мой муж тоже работал в ТТУ и погиб в ноябре 1941 года. После гибели мужа у меня на руках осталось 2-е малолетних детей и мать мужа в возрасте 75 лет.

В 1941 году во время очередной тревоги (ноябрь месяц) наш дом был разбит вражеской авиацией. Около 2-х лет мне с детьми и старушкой матерью пришлось скитаться где попало.

Когда нас вселили в наш прежний дом, мы все жильцы пришли в ужас. Квартиры были кое-как залатаны, и после этого больше никакого ремонта нашему дому не производили.

Когда напротив и позади нашего дома началось строительство девятиэтажных домов, начали забивать сваи, наш дом стал ходить ходуном и окончательно разваливаться. Печи рушатся, дымят, крыша течет, пол и окна перекошены, зимой стены плесневеют и промерзают, в квартире зимой ужасный холод. Квартира без каких-либо элементарных удобств.

В настоящее время я живу с дочерью, внуком и зятем. Внуку 1 год 2 месяца. Внук в прошлую зиму все время болел, а что ждет малютку в эту зиму?

Вот в таких условиях живу я — ветеран городского транспорта, семья погибшего воина.

Меня нужда заставила обратиться в ЦК КПСС, оттуда мою жалобу направили в Горисполком, оттуда зам. Начальнику ТТУ тов. Шеронину Н.А. — «обеспечить жильем старейшего работника Зарубину А.И. и к тому же семью погибшего воина».

Тов. Шеронин меня принял очень грубо, начал на меня кричать. Спросил, с кем я живу. Я ему ответила, что живу с дочерью. Он сказал, что дочери жилплощадь не положена.

Разве дочь не является семьей погибшего воина? А я, разве за 40 лет я не заслужила двухкомнатную квартиру?

Все дело в том, что я уже пенсионерка, и по словам Шеронина пенсионерам квартиры предоставляются в последнюю очередь.

А ведь в очереди на получение квартиры я состою много лет. С 1958 года, три раза мои документы терялись, мне приходилось их восстанавливать.

Ведь я работала в годы Великой Отечественной войны в тяжелых условиях по 14 часов в день, а иногда и сутками была на линии. Неужели тов. Шеронину как члену КПСС не стыдно так относиться ко мне и моей семье.

Вот где она чуткость к человеку. А ведь мы говорим «Человек человеку друг», а по словам тов. Шеронова выходит «Человек человеку — волк».

ПРОШУ ВАС, УМОЛЯЮ ВАС ПОМОГИТЕ.

Хотя меня и поставили на 6 очередь, но у тов. Шеронина опять найдутся причины отодвинуть меня в конец очереди.

Зарубицина А.И.

Секретарю Горьковского Горкома КПСС

Тов. Гришину В.В.

Ко мне обратилась моя избирательница Зарубицина А.И. с письмом по поводу ее тяжелых жилищных условий, в которых она проживает со своей семьей.

Тов. Зарубицина 40 лет проработала в системе городского транспорта, она вдова погибшего воина.

Убедительно прошу Вас помочь ей получить двухкомнатную квартиру на всю ее семью, с которой она проживает.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

Копию письма тов. Зарубициной прилагаю.

✉ *Здравствуйте, дорогие и уважаемые Дмитрий Дмитриевич и секретарь Р. Корн.*

Из Вашего письма я узнала, что очень болен Дмитрий Дмитриевич. Прошу Вас, не считайте за трудность, пропишите, как здоровье Дмитрия Дмитриевича. Я сознаю, что у него очень трудная и умственная работа. Композитор — это восторг души человеческой, всего Земного шара. Я тоже любительница слушать музыку, особенно вторая часть сонаты и седьмая симфония Шостаковича. Спасибо и многих лет жизни, кто создает и занимается музыкой.

Дмитрию Дмитриевичу я бы посоветовала отдохнуть, ненадолго отставить музыку. Они очень устали. Я прошу, в июне приезжайте к нам в деревню, здесь можно отдохнуть, лес рядом, воздух чистый, шуму мало, посмотрите Пушкинские места.

Дорогая секретарь Р., прошу, не читайте это письмо Дмитрию Дмитриевичу. Мне хочется узнать о его здоровье.

Я Вас прошу вспомнить о ходатайстве по делу моего сына Юрия Пашкова. Хотя бы на один годок сократили срок его заключения. Только о сыне думаю, побоялся угрозы бандита, все на себя взял. Неужели никогда не придет радостный день! Скоро 7 ноября, все будут радоваться, веселиться, а я пойду на свою овцеферму и, как глупая, разговариваю с овечками. Простите меня, пожалуйста, за мои глупые слова и за мое беспокойство к Вам.

Передайте большой, большой привет и доброго здоровья, много лет жизни Дмитрию Дмитриевичу.

Пашкова Евдокия Антоновна.

Это снова пишут граждане деревни Ивановка Пашковы Александр Андреевич и Евдокия Антоновна, участники Великой Отечественной войны, с ходатайством о помиловании сына, школьника, осужденного на четыре года усиленного режима за проступок, который он не совершал.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*

тов. Шостаковичу Д.Д.

от Пучина Ивана Гавриловича

Заявление

Я инвалит труда 1 гр. Встал на очередь получения мотоколяски 3 ноября 1971 г.

Прошу походатайствовать об ускорении получения таковой.

Живущих в городе обслуживают. Производят доставку продуктов на дом.

Живу в поселке, где нет никакого обслуживания инвалидов.

Пучин.

В середине октября Шостакович едет лечиться в подмосковный санаторий «Барвиха».

Но и там принимает своих избирателей.

✉ *Дорогой Дмитрий Дмитриевич!*

Я Вас очень прошу выслушать меня. Большое отчаяние придало мне силы для разыскивания Вас. Я ваша избирательница, приехала из г. Арзамаса. Бросила все — детей, работу, а они учатся, один в 6 классе, другой в 3 классе и разыскиваю Вас. Вы ведь в Москве редко бываете. Я Вас очень прошу выслушать меня и не отвязывайтесь от меня карантином. Все в Ваших руках, в вашем желании. Я умоляю, Вас, помогите. Не ради себя я приехала сюда, а ради двоих маленьких детей, которых выгоняют из квартиры. А из-за чего? Да оттого что отец бросил работу, бросил нас а нас теперь выгоняют из квартиры. Квартира от завода ОКВИЭА (филиал Московского Авиационного Завода).

Помочь мне никто не хочет и не может. Прошу, умоляю вас. Сама я работаю 16 лет в одном магазине бессменно и занимаюсь воспитанием своих детей.

Мои мальчики — будущие защитники Родины. Каков бы ни был Ваш ответ я все равно буду ждать, идти мне некуда. Без квартиры у меня нет жизни. Тогда стоит только умереть бесследно чтобы никому не мешать.

г. Арзамас
ул. Кольцова 16-59
Шуягина Руфина Сергеевна
Москва, 23 декабря 1971.

23 декабря 1971 г.

Генеральному Прокурору СССР
тов. Руденко Р.А.

Уважаемый Роман Андреевич!

Ко мне приехала в санаторий «Барвиху» на личный прием моя избирательница по Горьковской области с жалобой на незаконное выселение ее из квартиры (г. Арзамас, ул. Кольцова 16-59, Шуягина Руфина Сергеевна).

Эта квартира принадлежит заводу АКВИЭА (филиал Московского авиационного завода). На этом заводе работал ее муж, который одновременно ушел с работы и ушел от семьи.

Я думаю, что здесь имеет место двойное нарушение закона: во-первых, нельзя выселять людей из ведомственной квартиры, не предоставив одновременно взамен квартиру в доме Горисполкома. Во-вторых, в зимнее время нельзя выселять женщину с двумя детьми.

На основании этого прошу Вас дать указание Прокурору Горьковской области разобраться в этом вопросе и приостановить выселение.

С уважением Д. Шостакович

Приложение: Копия заявления Шуягиной Р.С.

Москва, 23 декабря 1971 г.

Уважаемая Руфина Сергеевна!

По поручению Д.Д. Шостаковича сообщаю Вам, что им послано ходатайство Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко Р.А. приостановить Ваше выселение из квартиры до того времени, пока Вам не будет предоставлена равноценная площадь в доме Горисполкома.

О результатах прошу сообщить.

Секретарь Р. Корн.

✉ *1 февраля 1972 г.*

Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Здравствуйте!

Не знаю, застанет ли мое гневное письмо Вас.

Вы просили меня сообщить результат. Процитирую его полностью:

«С учетом Вашего семейного положения Прокуратурой СССР направлено письмо Начальнику Арзамасского Опытно-Конструкторского бюро института электромеханизации и автоматики с просьбой обсудить вопрос о возможности трудоустройства Вас в ОКБ института с тем, чтобы сохранить за семьей жилую площадь». Это ответ из Прокуратуры СССР. Вы не можете представить, сколько раз я была там у завода в отделе кадров, умоляла, упрашивала. С работы моей тоже просили, судья из г. Горького тоже писал письмо, прошение, и все безуспешно. А сколько все это мне стоило нервов, слез, дважды я писала на имя директора заявление. Мое сердце все почернело от горя и слез. У директора завода нет времени со мной поговорить — это он мне лично ответил (я его дождалась у проходной). И это нам, рабочим — хозяевам Советского государства. А к Владимиру Ильичу запросто приходили раньше крестьяне, и он не выгонял их, со всеми находил время поговорить. Было время... Неужели для этого погибли отцы и деды, чтобы их внуки жили на улице? Я не верю в это, чтобы можно было вышвырнуть жену и детей. Я верю в Гуманизм наших Советских людей. А при том все эти заводские дома строили сами рабочие после работы, и муж там участвовал с первого до последнего дома.

Прошу простить, может, где и не так. 5 месяцев продолжается это дело, железный, и то наверняка лопнет.

Шуягина.

15 марта 1972 г.

г. Арзамас

Секретарю горкома КПСС

Ко мне обратилась моя избирательница Шуягина Р.С., приехавшая ко мне на личный прием в Москву по поводу ее выселения с ведомственной площади. Я обратился в Прокуратуру СССР тов. Руденко с ходатайством, в виде исключения, помочь ей. Прокуратура СССР нашла единственный выход из создавшегося положения — трудоустроить Шуягину Р.С. на работу в ОКБ Института, что даст возможность сохранить для ее семьи площадь. Сейчас вновь получена от нее жалоба, что никто из заинтересованных организаций в Арзамасе, не считаясь с решением Прокуратуры, не хочет выполнить это предложение.

Прошу Вашего вмешательства. Окажите помощь женщине с двумя детьми, от которой ушел муж и которую выселяют без предоставления площади из ее квартиры.

О результатах прошу сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *22 мая 1972 г.*

На Ваше письмо от 15 марта по поводу заявления т. Шуягиной Р.С. о выселении ее с ведомственной жилплощади, Арзамасский ГК КПСС сообщает, что т. Шуягина Р.С. с 19 апреля 1972 г. работает на предприятии того же ведомства, что и ОКБ института, поэтому в соответствии с существующим положением разрешение на проживание семьи т. Шуягиной Р.С. в прежней квартире может дать руководство Министерства, куда ей и рекомендовано обратиться.

Секретарь ГК КПСС А. Ермаков.

В конце декабря 1971 года начались репетиции Пятнадцатой симфонии.

Репетиции должны были проходить в студии Государственного дома радиовещания и звукозаписи. Я позвонила Дмитрию Дмитриевичу, и после некоторого колебания он дал согласие на съемки репетиций, предупредив, что не уверен, сможет ли на них быть по состоянию здоровья.

Как это часто бывало в конце года, в объединении «Экран» Центрального телевидения «горел» производственный план. И вот, вместо съемок предстоящих репетиций, на которых Шостакович то ли будет, то ли нет, — руководство студии, никому ничего не сказав, буквально накануне отправило съемочную группу в горы снимать альпинистов, чтобы «наверняка» получить еще одну единицу телепродукции (как на любом производстве, фильмы тоже исчислялись в «единицах продукции»).

Когда выяснилось, что Шостакович будет присутствовать на репетициях Пятнадцатой симфонии, снимать его было некому и не на что — не было ни техники, ни камер — тогда это была неразрешимая проблема. Все попытки убедить руководство послать хотя бы дежурную съемочную группу окончились ничем: репетиции симфонии Шостаковича не были тем событием, ради которого стоило посылать дежурную группу, готовую в любую минуту, по первому звонку, выехать снимать генсека КПСС, или члена Политбюро, или еще неизвестно что. Помню свое бессилие и отчаяние в бесконечно длинных, пустынных коридорах останкинской студии, где никому не было дела до симфонии Шостаковича.

Эти несостоявшиеся съемки репетиций Пятнадцатой симфонии стали ночным кошмаром, преследующим меня до сих пор.

В Пятнадцатой симфонии есть цитата из «Вильгельма Телля» — обращение к сыну, который и стал первым исполнителем симфонии.

Впервые Пятнадцатая симфония была исполнена 8 января 1972 года в Москве, в Большом зале консерватории. Дирижировал Максим Шостакович.

ЦК немедленно отреагировал на премьеру, как всегда, с грифом «секретно», «докладывая в порядке информации», — в записке в ЦК о Пятнадцатой симфонии сказано, что «сочинение относится к жанру беспрограммной инструментальной музыки. В нем нет литературного текста и конкретного сюжета. Сам композитор не поясняет смысловое содержание симфонии. Активные, динамичные эпизоды чередуются в ней с задумчиво-скорбными. Напряженный драматизм сменяется просветленной лирикой. Премьера привлекла внимание советской и зарубежной прессы. Рецензии, опубликованные в “Правде”, “Советской культуре”, “Вечерней Москве”, в основном правильно ориентируют читателей. Советское музыкальное творчество обогатилось значительным произведением выдающегося композитора-реалиста».

Из беседы с Максимом Дмитриевичем Шостаковичем:

О.Д. Вы играли многие сочинения отца и многие премьеры. Вам посвящены некоторые произведения: Концертино, Второй фортепьянный концерт, расскажите какие-то эпизоды, связанные с репетициями, подготовкой этих сочинений, посвящениями.

М.Ш. Он надписывал на нотах — и все. Решил так — и все.

Вот опять-таки. Вообще отец не любил и не умел что-либо объяснять, в голову втемяшивать — вот так, смотри, вот это так, это так. Как-то все было ясно. И вот в этом все и заключалось — никаких объяснений. Никаких расшифровок — здесь это сделай, здесь это, никаких «творческих контактов» и разговоров — он этого не любил и не хотел. Потом приходил на репетицию, делал скупые замечания — здесь, пожалуйста, погромче кларнет, здесь потише, здесь побыстрее, здесь помедленней, — ведь чем отличается бездарное исполнение от гениального, какие критерии — громче, тише, быстрей и медленней — а как этим пользоваться — это дистанция от бездарности до гения.

О.Д. Пятнадцатая симфония. Вот уже Дмитрия Дмитриевича нет много лет. И с того времени как вы играли премьеру, вам много раз приходилось возвращаться к этой музыке. Меняющийся мир, меняющаяся музыка — как это связано для вас с Пятнадцатой симфонией?

М.Ш. Я всегда что-то меняю. Так скучно жить и повторять одно и то же, какой-то штамп, и потому всегда интересно найти что-то новое. Кстати, иногда очень много получаешь еще и от новых музыкантов в оркестре. Какой-то новый солист — новая мысль, новый подход к какому-то соло — из этого и складывается традиция.

О.Д. Мы с вами сидим в ленинградской квартире. Что для Дмитрия Дмитриевича был Ленинград?

М.Ш. Он всегда хотел в него вернуться. Он просто не мог, в силу того, что Союз композиторов в Москве, дети учатся в Москве, и дети потом стали работать в Москве. Но мечтал всегда вернуться в Ленинград. Поэтому сейчас, когда я вернулся из Америки сюда, я решил жить в Петербурге, чтобы осуществить мечту моего отца. Я очень чувствую, что это его родной город. (*После отъезда М.Ш. из страны в одной из газет появилась гневная статья, где его назвали «лженаследником» — О.Д.*) Я очень хорошо помню те годы, когда еще бабушка была жива, — в Петровском переулке, дом три, куда приезжал отец и останавливался там. Потом он останавливался у сестры, Марьи Дмитриевны, на улице Софьи Перовской. Надеюсь, ее переименовали.

О.Д. Если вообще задаться целью снять в Ленинграде места, наиболее близкие по характеру Дмитрию Дмитриевичу, что бы вы в первую очередь назвали? Не в смысле — здесь жил, сюда приходил, а по духу?

М.Ш. Я думаю, Дворцовая площадь, потому что, так как он описал ее в Одиннадцатой симфонии — если эту музыку завести и спросить, какое это место в Ленинграде, то можно даже узнать, что это именно Дворцовая площадь. Он же был очень общественный человек — общественный в смысле, что мало кому была так небезразлична судьба своего народа, как Шостаковичу. Поэтому в первую очередь это места, связанные с эпохальными моментами в жизни народа — где случалось что-то важное для людей. Думаю, что так.

О.Д. По вашему ощущению это была трагическая фигура? Как вы воспринимаете его гений, его мироощущение?

М.Ш. Главное — любовь к людям — какая-то гипертрофированная. Все чувства его были гипертрофированные. В музыке это чувствуется.

О.Д. А его чувство юмора?

М.Ш. О! Очень тонкое. Как он любил говорить: «Люблю юмор и ненавижу зубоскальство». Я сейчас не буду перечислять, каких писателей он зачислял в зубоскалы, чтобы не обидеть кое-кого, но это он очень точно знал — что юмор, а что зубоскальство.

О.Д. Был ли какой-то замысел, о котором Дмитрий Дмитриевич думал и который ему не удалось осуществить?

М.Ш. Думаю, что замыслов было много — закончить по всем тональностям квартеты — не закончил, не успел. Думаю, что вернулся бы и к прелюдиям и фугам фортепьянным. Опера «Черный монах» так и не осуществилась. «Игроки» он не написал, правда, по другой причине — он решил не отклоняться от текста Гоголя, и получилось, что только самое начало заняло уже столько времени, что вся опера получилась бы необыкновенно длинной, — так что он просто бросил это.

О.Д. Какие-то детские воспоминания, связанные с отцом...

М.Ш. Одно из первых моих воспоминаний о Комарове, кажется, летом сорок шестого года — как возле нашей дачи на скамейке увидел человека в поношенной немецкой военной форме. Он жадно кусал ломоть хлеба, держа его обеими руками. А я поглядываю на него с затаенным страхом, ведь он — фашист, немец, пленный солдат германской армии.

Шло строительство Приморского шоссе, и на этих работах были заняты пленные немцы. Один из них иногда подходил к нашей даче и, ужасно стесняясь, просил подаяния.

И вот однажды, когда я глядел на него, сидящего на нашей скамейке, подошел отец: «Не бойся, ты его не бойся... Он — жертва войны. Ведь он не виноват, что его забрали в армию и погнали воевать на русский фронт. Там, в Германии, его ждет жена. И, наверное, дети, такие же, как вы с Галей...»

Отец ненавидел всякое насилие, войну. Он рассказывал старый анекдот времен Первой мировой войны: «Еврея из местечка взяли в армию и отправили на фронт. И как только раздались выстрелы противника, этот человек выскочил из окопа и закричал в сторону стрелявших немцев: «“Что вы делаете?! Здесь же живые люди!”»

Когда отец рассказывал этот анекдот, он не смеялся.

О.Д. Как он относился к путешествиям?

М.Ш. Плохо. Он был домосед и совсем не любил путешествовать. Он очень не любил неудобств. Куда-то в резиновых сапогах по болоту — он не пойдет. Но любил, чтобы природа его умиротворяла, успокаивала и создавала гармоничное состояние, чтобы он мог спокойно думать — не отвлекала его.

Что он еще не любил — не знать, где находятся дети, — он всегда говорил: обязательно, как приедешь — позвони, скажи, где ты, звони каждые два часа, два дня, чтобы быть спокойным за окружающих людей, которых он любит. А мы, как всегда, — в свои дела уходим и забываем, что надо держать в курсе родителей. Я сейчас, как отец, чувствую, что он был очень-очень прав.

О.Д. Вспомните 1973 год. Вы в Копенгагене дирижируете Пятнадцатой симфонией. Для Дмитрия Дмитриевича это было началом длинного путешествия, как вы помните.

М.Ш. Да, да, он там жил в маленьком пансионе на берегу озера — очень симпатичном, — там утка даже жила — на соломенной крыше его дома жила утка. Пансион был маленький, милая женщина утром завтрак готовила, как-то все было, как в доброй старой Европе — тихо, спокойно, — он там отдыхал, как мне кажется. Его навещали друзья. В Копенгагене была постановка Пятнадцатой симфонии, поэтому я смог тоже навещать его там, в этом домике.

Отец очень добрый был. Животных любил. Отношение к животным у него было потрясающее. Он никогда с ними — это его слово — «не цацкался». Он говорил: «Не цацкайтесь! Мойте руки после того, как потрогали собаку». И животные его очень любили.

Кот у нас был такой, Васька, полудикий, — поймать его, взять на руки было трудно. А с ним, пойдет отец гулять по кружку — там в Жуковке у нас был квартал дач, — и он по этому кругу, который занимал, может, 1,5 км, шел гулять, — и кот — хвост трубой — рядом с ним идет обязательно, никуда его не покинет. Признавал, значит. Вот надо таким быть.

Конечно, быть таким, как отец мой, — остается только мечтать. Хочется ему подражать, но трудно. Грех стоит у твоих дверей, научись властвовать над ним.

О.Д. Когда я смотрю на листы его партитур, они мне напоминают по графике рисунки Леонардо да Винчи, в них есть такой мощный рисунок — разные ноты, разные состояния, но не меняющийся с годами почерк, несмотря на очень большое расстояние во времени, — его партитуры совершенны по графике. Как он писал ноты — ведь очень мало, кто это видел...

М.Ш. Писал чернилами, ручкой-вставочкой. У меня до сих пор хранится ручка, которой он писал многие свои сочинения, с обгрызенным кончиком, который он любил погрызть иногда.

А что касается графики, то во второй части его Четвертой симфонии, говорят, он нарисовал свой автопортрет — там идет постепенное включение сперва духовых, потом струнных инструментов — и это получается как бы его профиль в нотах.

О.Д. Расскажите еще о вашем доме, как вы помните его, — может быть, какие-то эпизоды, семейные предания, истории, праздники.

М.Ш. Самый большой, конечно, праздник у нас был папин день рождения 25 сентября, и 12 мая — годовщина первого исполнения Первой симфонии, и еще Новый год.

И на день рождения отца всегда зажигали столько же свечей, сколько ему лет. И когда его друзья думали, что же ему подарить, можно было подарить подсвечники, которых всегда не хватало.

И столько всегда собиралось друзей, причем самые разнообразные люди — и поэты, и художники, и писатели, и ученые-физики — потому что мать была физиком, — и все вместе себя прекрасно чувствовали — и опять мать — она умела всех вместе соединить, раскрутить — всегда было очень весело и замечательно.

О.Д. Его письма — может быть, когда-нибудь наступит момент, их все соберут и опубликуют — потому что он поразительно талантлив как писатель...

М.Ш. Да, у него свое ощущение языка. Вообще, язык он очень чувствовал — знал цену слова, поэтому он так любил Гоголя, Зощенко — красота фразы, юмор, — он любил повторять слова по два раза — скажет и повторит. Кстати, это перешло и моему сыну — такая манера — два раза повторять.

О.Д. Он был азартный человек?

М.Ш. В картишки раньше любил поиграть, я помню. В карты играл, а потом как-то перестал. Пасьянсы любил раскладывать — это да. Это у него от мамы от его — Софьи Васильевны. Он и меня учил раскладывать пасьянс. Я уже забыл, как это делается. Но больше всего любил «Дядя Нил» — четыре ряда карт — сверху червы, бубны, трефы, пики...

О.Д. Есть фотография, где вы вместе раскладываете пасьянсы...

М.Ш. Очень не любил, когда вместо «пики» и «трефы» говорили «вини» и «крести».

О.Д. Он изменился в последние годы по сравнению с тем временем, когда вы жили вместе?

М.Ш. Предчувствие конца — он его предчувствовал. Он выбирает и стихи такие в последних своих сочинениях — о смерти.

Он не хотел уходить, он хотел больше сделать.

Но я верю, что он на небесах!

О.Д. Вы чувствуете его взгляд?

М.Ш. Чувствую. Я чувствую, что он вообще руководит очень многим оттуда и мне помогает. Я подсознательно иногда принимаю те или иные решения, причем важные, и потом оказывается — правильные и только потому, что мне их кто-то подсказал. А сказать, почему я принял то или иное решение, — я даже на тот момент бы и не сказал.

О.Д. Как вам кажется, что его вело в жизни?

М.Ш. Наверное, талант от Бога — все от Бога. Сын Божий.

О.Д. В одном письме он пишет о том, что я не могу объяснить, — наверное, это еще предстоит понять, — он пишет о какой-то черной нити, луче, с которым он все время внутренне борется. Вы знаете, что это было?

И он говорит: «Я бы вцепился Богу в бороду за это» — как испытание, преодоление, может быть, это борьба с темным, со злом, которую он всегда внутренне ощущал, — и внутренний драматизм, этим рожденный.

М.Ш. Не знаю. Бесы одолевают.

О.Д. Он знал эту сторону жизни, связанную с той внутренней борьбой, когда бесы одолевают?

М.Ш. Наверное. Каждый человек это знает... рано или поздно.

О.Д. А в каких его сочинениях, как вам кажется, это происходит?

М.Ш. Во всех сочинениях присутствует борьба темного, светлого, добра и зла. Во всех сочинениях он защищает человека, защищает добро.

О.Д. Но для того, чтобы защищать добро, нужно знать зло.

М.Ш. Да, нужно знать зло. Чувствовать. Кто, как не он, это чувствовал — столько переживший. Все чувства его были гипертрофированные. В музыке это ощущается.

О.Д. Вы во многих странах играли музыку Дмитрия Дмитриевича, и это один из немногих композиторов, аудитория которого очень выросла в Европе, во многих странах.

Как музыкант, расскажите о том, как воспринимается его музыка?

М.Ш. Я могу сказать, что музыка его, как спутник, вперед закинута. И будет спутником человечества еще долгие-долгие годы. Я чувствую, что те мерки, те традиции — часто бывают ведь и плохие традиции, — с которыми некоторые исполнители подходят к его музыке и стараются с акцентом XIX века исполнять его сочинения, — все это будет подвергаться изменению. Хотелось бы еще прожить лет сто и послушать, как будут играть его музыку в будущем.

Так что я считаю, что это композитор великого настоящего, но и не менее великого будущего. Он мастер великих обобщений. Сколько на земле радости, сколько горя, войны — Седьмую симфонию тоже воспринимали как симфонию in general — вообще войну — это еще и о будущих войнах — революции, катаклизмы, в которые человечество ввергается, — к сожалению, под музыку Шостаковича еще много чего свершится.

О.Д. У разных народов, разных культур разное ощущение времени и пространства. Вы говорите, что музыка Шостаковича — это и музыка будущего во многом. Его ощущение времени — да, он был очень скрупулезен, точен в буквальном течении времени. Но может быть, какие-то детали, конкретные вещи, связанные с его ощущением пространства, времени, как космического?

М.Ш. Он, как всякий человек, любил пофантазировать на темы космоса — его поражали соотношения макро-микро, что что-то может быть больше, чем Земля, в миллиард раз и то, что больше Земли в миллиард раз, меньше чего-то еще в сто миллиардов раз. Смотрел иногда на звезды, мог пофантазировать. В этом отношении он был нормальным человеком.

О.Д. На звезды любил смотреть?

М.Ш. А кто не любит! Ничто человеческое ему не было чуждо...

✉ *23 декабря 1971 г.*

Депутату Верховного Совета

СССР тов. Шостаковичу Д.Д.

От инвалида Отечественной войны 1 группы: Корниенко Ивана Петровича.

В 1942 году я был взят на фронт с Горьковского автозавода. При выполнении боевого задания в 1944 году я получил тяжелое ранение отчего парализовало ноги и левую руку средств передвижения не имею совершенно со дня ранения. Находясь прикованным к постели я совершенно оторван от жизни и всяких событий в международной жизни, а также культурных событий.

Получая минимальную пенсию 57 рублей и не имея родителей я не имею возможности приобрести хотя бы дешевый телевизор который облегчил бы мою скучную жизнь и страдания. Обращаясь к Вам с просьбой подумайте что-либо возможно за счет шефских организаций можно сделать или каких либо источников.

С уважением, Корниенко Иван Петрович.

Председателю Горьковского Облисполкома

тов. Чугунову

В Дирекцию Горьковского автозавода

Дорогие товарищи!

Ко мне обратился инвалид Отечественной войны Корниенко Иван Петрович (Горький-95, ул. Дегтярева, д. 8, кв. 1) с просьбой походатайствовать перед горьковскими организациями приобрести для него маленький недорогой телевизор. С 1944 года он прикован к постели, получает минимальную пенсию — 57 рублей.

Убедительно прошу выполнить его просьбу и тем самым облегчить его трудную жизнь в постели и постоянные мучительные страдания.

С уважением Д. Шостакович.

„Золушка" Прокофьева – большое и радостное событие
нашего искусства. За последнее время мы являемся
свидетелями большого расцвета прокофьевского
таланта. Каждое его сочинение вызывает огромный
интерес к творчеству этого замечательного композитора.
„Золушка" в творчестве Прокофьева ~~занимает~~ занимает
большое и значительное место. Старую, полюбившуюся
сказку Прокофьев с изумительным мастерством
сумел положить на музыкальные образы. Герои
сказки очерчены Прокофьевым с большой
выразительностью. Это относится к самой Золушке,
к ~~Принцу~~ принцу и сестрам, к Фее. Наряду с лирическими
и лирическими образами, музыка разворачивается
до трагического звучания. Вспомним напр. финал
второго действия. В музыке много тонких острых
и метких характеристик. Исключительно
богата и выразительна мелодия. Ярко оркестровый наряд.
Оркестр Большого театра под руководством Ю. Ф.
Файера как всегда был на большой высоте.
„Золушка" разучена и исполнена великолепно.
Это относится и ко всему коллективу оркестра, и
к его великолепным солистам и к талантливому
мастеру „Ю. Ф. Файеру. Д. Шостакович.

Автограф письма Д. Шостаковича по поводу балета С. Прокофьева «Золушка» в Большом театре. Ноябрь 1945 года

Дорогой друг Пабло Пикассо!

В день Вашего 75-летия шлю Вам горячий привет и лучшие пожелания. Ваша борьба за мир вдохновляет миллионы людей борьбой воли. Ваше творчество служит благородным целям мира и дружбы между народами.

Шлю Вам здоровья, счастья, больших успехов в творчестве и в общественной деятельности.

Крепко жму руку

Дмитрий Шостакович

Письмо Д. Шостаковича — Пабло Пикассо

CHÂTEAU DU STUYVENBERG
BRUXELLES

21 февраля 1958

Дорогой Господин Шостакович,

Моя поездка в Конго замедлила мой ответ на Ваше письмо. Благодарю от всего сердца Вас и всех Ваших коллег за столь любезное и сердечное приглашение. Спасибо большое также за Ваше милое намерение сделать мое пребыванье в Вашей прекрасной Родине приятным и интересным. Я с радостью приняла приглашение Маршала Ворошилова. Я знаю и люблю Ваши произведения уже много лет и поэтому особенно радуюсь наконец встретиться с Вами.

Я шлю Вам, дорогой Господин Шостакович мой самый сердечный привет

Елизавета

Письмо бельгийской королевы Елизаветы Шостаковичу в ответ на приглашение приехать на Международный конкурс им. П.И. Чайковского

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1971 году впервые в истории космонавтики советская космическая межпланетная станция «Марс-3» совершила посадку на поверхность Марса.

В СССР отмечалось 150-летие со дня рождения Ф. Достоевского.

Фирма «Интел» выпустила первый микропроцессор.

Нобелевская премия присуждена Денису Габору за разработку голографического метода.

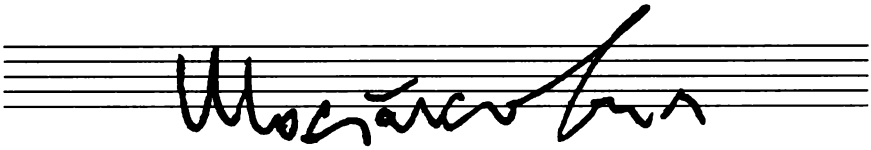
В Иране отмечалось 2500 лет персидской монархии.

Умер И. Стравинский

Л. Бернстайн сочинил «Мессу», С. Слонимский — балет «Икар», К. Штокхаузен — «Звучание звезды».

Начало сольной карьеры Майкла Джексона.

На экраны вышли фильмы «Смерть в Венеции» Л. Висконти, «Проверка на дорогах» А. Германа, «Жил певчий дрозд» О. Иоселиани.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ 1972 ГОД

«МОЯ ЖИЗНЬ — ОДИНОЧЕСТВО НА ЛЮДЯХ»

8 января — Москва. Большой зал консерватории. Д. Шостакович на премьере Пятнадцатой симфонии (ор. 141).

14 февраля — Москва. Театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. После десятилетий запрета возобновлена опера «Катерина Измайлова».

30 марта — присутствует на вечере, посвященном пятидесятилетию Московской филармонии.

5 мая — Ленинград. На исполнении Пятнадцатой симфонии оркестром под управлением Е. Мравинского в Большом зале филармонии.

Май-июнь. Германия. Д. Шостакович присутствует на исполнении своих произведений, ему вручена медаль ГДР «За дружбу между народами».

13, 14 июня — на премьере Пятнадцатой симфонии в Берлине.

5 июля — Лондон.

6 июля — встреча с ирландскими музыкантами. Вручение Д. Шостаковичу диплома почетного доктора музыки Тринити-колледжа в Дублине.

7 июля — на приеме у президента Ирландской республики.

11 июля — прием у премьер-министра Англии.

13-15 июля. Поездка к Б. Бриттену в Олдсборо.

18 июля — Копенгаген. Выступление на пресс-конференции в связи с постановкой в местном оперном театре «Катерины Измайловой».

2-5 октября — Баку. Участвует в декаде литературы и искусства РСФСР. Удостоен звания народного артиста Азербайджана.

7 октября-5 ноября — на лечении в подмосковном санатории.

6-11 ноября — Москва. Выступает с речью на пленуме творческих союзов.

13 ноября — Лондон. Театр «Ковент-Гарден». На спектакле оперы Мусоргского «Хованщина» в редакции и оркестровке Д. Шостаковича.

15 ноября — присутствует на приеме в обществе «Англия-СССР».

Также в ноябре в Англии — на репетициях и концертных исполнениях Тринадцатого квартета, Пятнадцатой симфонии, на записи Первого скрипичного концерта.

Декабрь. Награжден болгарским орденом «Кирилл и Мефодий».

8 декабря 1972 года - 7 февраля 1973 года — Москва. В больнице.

Собираюсь в Лондон... Сил у меня мало. Однако это во внимание не принимается, и меня заставляют ехать... Ездил я недавно в Баку. Там было ужасно жарко. Так жарко, что, когда я вернулся домой, меня направили в санаторий...

Восьмого января 1972 года Д. Шостакович присутствовал на премьере Пятнадцатой симфонии в Большом зале Московской консерватории. Дирижировал Максим Шостакович.

После премьеры композитор снова в больнице. Он глубоко переживал свое удручающее физическое состояние и говорил близким, что каждое движение дается ему с огромным трудом: иногда ему кажется, что он — стеклянный и при неосторожном повороте разобьется вдребезги.

Многие присутствовавшие в тот вечер на премьере симфонии услышали в музыке одинокий голос человека, который смотрит на мир как бы уже издалека.

Еще в молодости он любил наблюдать звезды.

Был недавно в обсерватории. Смотрел звезды и понял всю бренность существования при виде величественного зрелища...

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...

Сильно действующая картина... *(16 сентября 1933 г.)*

И вот теперь в музыке это ощущение величественности Вселенной и присутствующего в ней человеческого голоса было выражено с необыкновенной силой.

✉ *Дорогой Дмитрий Дмитриевич!*

Нахожусь под сильным впечатлением, вернее, переживанием, от Пятнадцатой симфонии. Это биография нашего бурного века, это Ваша жизнь, Ваша чуткая душа, Ваш вечный бой за Правду, за человека, но это и судьбы многих людей, осмелюсь сказать, что в могучем ху-

дожественном обобщении жизни, прозвучавшем в симфонии, я ощутил судьбу и моей маленькой жизни с ее мечтами, порывами и исканиями...

Когда Музыка отвечает на вечные вопросы, которые встают перед человеком в процессе жизни, то хочется спросить — не в этом ли феномен и конечная цель музыки?.. Эти мысли возникли после Пятнадцатой симфонии.

Дмитрий Дмитриевич! Ваша жизнь неразрывно соединена с творчеством, потому и жизнь Ваша — непрерывное творчество, а некоторым это кажется странным. Ваше творческое «Я» непрерывно излучает музыку потому, что более чуткой души, страждущей за человечество, размышляющей и жаждущей с непреодолимой страстью сделать всех истинно человечески счастливыми. В Пятнадцатой я услышал поразительное проникновение в подсознательный мир Человека, где казалось бы, царит хаос, и никакие слова не смогли бы передать состояние «душевной ночи», бури, а у Вас, словно чайка, музыка вознеслась на гребне огромной волны в водовороте океана жизни, возвестив наступление Дня.

Вы поистине Демиург — творец жизни. Когда я говорю с Вами мысленно, мне легче выразить свои мысли, чувства и состояния. Если бы вы знали, Дмитрий Дмитриевич, сколько я пишу Вам мысленно, спрашивая и советуясь...

Всегда душевно с Вами и с чувством сердечной благодарности,
Михаил Зазовский.

Дмитрий Дмитриевич! Я много раз откладывал это письмо потому, что трудно писать вам о своих «больных» вопросах. Около 30-ти лет я работаю музыкантом-скрипачом и лектором в небольшом оркестре в кинотеатрах. Это трудная, ежедневная работа и в трудных условиях. Кинозрители, заполняющие концертные фойе не приходят специально слушать музыку. Но когда в отдельные вечера мы, к примеру, исполняем Увертюру к опере «Свадьба Фигаро» Моцарта, а затем вашу 1-ую балетную сюиту («Весенний вальс», лирическую сцену — Адажио и «Польку Пиццикато»), предваряя этот концерт небольшим музыкальным комментарием о двух композиторах разных эпох — Моцарте — 18 века и Шостаковиче — 20 века, где говорится, что — «несмотря на различие стилей, идей и образов музыки Моцарта и Шостаковича — их творчество несет в себе непреходящую эстетическую ценность. Классическое творчество гениального Моцарта, образно выражаясь, как бы протягивает руку из прошлого в настоящее, передавая мировые музыкальные традиции в руки величайшему композитору современности — Дмитрию Шостаковичу»... и слушатели, может быть, в первый раз услы-

шавшие эти произведения, силой воздействия музыки преображаются, глаза и лица озаряются добрым светом, чувством благодарности и от приобщения к миру большой Музыки. В эти редкие минуты чувствуешь большое удовлетворение. Но все же я считаю себя музыкальным чернорабочим; мы подготавливаем слушателей к концертам Большого и Малого залов, и в настоящее время эта работа еще необходима.

Я окончил Московскую консерваторию в 1933 году — занимаясь на двух факультетах — исполнительском по классу скрипки у проф. А.И. Ямпольского и историко-теоретическом. У меня имеются небольшие музыкально-критические работы, статьи и рецензии. Многие годы я веду музыкально-просветительскую (лекторскую) работу среди широкой аудитории слушателей на самых демократических площадках в кинотеатрах, пропагандируя произведения советских композиторов.

Дмитрий Дмитриевич! Считаете ли вы возможным рекомендовать меня в члены Союза Композиторов? Будучи членом Союза Композиторов, я бы мог еще успешнее проводить работу по пропаганде советской музыки. За последний год моя жизнь, в связи с перенесенным тяжелым заболеванием — инфарктом, очень усложнилась, я оказался в тяжелых условиях, но продолжаю работать и не могу жить без нее. Не могу не признаться Вам, что мечтал бы быть вашим секретарем.

В настоящее время полон энергии, хочется много сделать для наших замечательных людей в приобщении их к настоящей музыке.

Дмитрий Дмитриевич! Не знаю, что можно еще дополнить к тому, что Вы уже предприняли — обращался к Председателю Моссовета т. Промыслову В.Ф., но я до сего времени живу в трудных условиях, на 4-ом высоком этаже, и вынужден, после инфаркта подниматься около 30-40 минут по лестнице, и только 1 раз выходить из дома. Это обстоятельство очень осложняет мою жизнь и работу. Может быть, стоило бы обратиться к тов. Промыслову вторично, указав, что Моссовет ничего не сделал. (Хочу думать, что Вы, Дмитрий Дмитриевич, меня правильно поймете и не обидетесь на мои просьбы и на мое длинное и сумбурное письмо.

С чувством любви и уважения,

Михаил Зазовский.

Москва, 28 февраля 1972 г.

Уважаемый Михаил Давыдович!

По Уставу Союза композиторов СССР в члены Союза принимаются лица, представившие свои музыкальные произведения или свои теоретические работы.

Никаких рекомендаций для приема в Союз не требуется. Нужно зайти в Московское отделение Союза композиторов, написать заявление и приложить свои работы. После чего Ваши работы будут отданы на рецензию специалистам.

Повторную просьбу в Моссовет тов. Промыслову по поводу Ваших тяжелых жилищных условий я, одновременно с этим письмом, посылаю.

Всего доброго, Д. Шостакович.

28 февраля 1972 г.

Председателю Исполкома Московского Совета депутатов трудящихся

Товарищу В.Ф. Промыслову

Уважаемый Владимир Федорович!

5 апреля 1971 года я обращался к Вам с просьбой помочь одаренному и высококвалифицированному музыканту М.Д. Зазовскому в его трудном положении. До сих пор для него ничего не было сделано. Все его материалы находятся у Вас в архиве Моссовета. Повторно прошу помочь ему.

Д. Шостакович.

✉ *1 февраля 1972 г.*

Заявление

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Я обращаюсь к Вам вторично как к моему депутату Верховного Совета СССР. Я трубач Горьковского оркестра филармонии. Прошлый год после Вашего обращения в наш Горсовет что-то мне стали обещать — но на этом все и кончилось. Я живу в подвале, глубоком, сыром и разваливающемся. Эта зима холодная, и жить в нем нельзя. Мы с женой скитаемся по родным, так как температура у нас не поднимается выше 15, а утром 8-9. Пол провалился, стены выпирают и мокнут, покрываясь снегом от холода. Нет кухни, нет воды, газа и уборная во дворе. Что еще может быть хуже — я не знаю. Жить нельзя, это все признают. И акт Вы читали, который говорит, что жить нельзя, и на этом все кончается. Только разговоры и обещания. Я понял: только Ваше серьезное вмешательство в это дело может дать результат.

Тридцать девять лет в подвале, который сейчас в страшном состоянии, а нам за шестьдесят лет. Я взываю к Марксистской Гуманности, и человеколюбию, которому Вы отдаете всю Вашу жизнь. Помогите мне, пожалуйста, Дмитрий Дмитриевич. Укрепите мою веру. Вы это можете — я верю в Вас.

Поверьте мне, что все это я пишу голую правду, которой мне самому становится стыдно. Вот Вам жизнь, о которой становится неудобно говорить в наше великое время.

С уважением к Вам, Федотов В.Г.

11 февраля 1972 г.

Председателю Горьковского горисполкома

товарищу Соколову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Вторично обращаюсь к Вам с ходатайством оказать помощь моему избирателю, трубачу Горьковского оркестра филармонии тов. Федотову Василию Георгиевичу.

Тов. Федотов в течение тридцати лет проживает в подвале, в котором провалился пол, стены покрыты льдом, без каких-либо удобств.

Вместе с первым ходатайством, которое было Вам послано 18 августа 1971 г., мы отправили акт обследования, подтверждающий невозможность дальнейшего проживания Федотовых в таких условиях.

До сих пор для них ничего не сделано.

Прошу Вас лично рассмотреть это дело, и о результатах сообщить мне.

Д. Шостакович.

✉ *11 декабря 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Прошу извинить меня, что я отрываю Вас от больших дел своим прошением. Но я вынужден в третий раз обратиться к Вам. Мне 63 года, и я еще не думаю уходить на иждивение государства. Я трубач симфонического оркестра Горьковской филармонии. Живу до сих пор в сыром развалившемся подвале. Я Вам писал и присылал Акты, которые говорят, что жить нельзя. Весной и когда сильные дожди, под полом вода. И это знает директор Филармонии т. Трухманов — он был и видел сам. Когда приходили от Вас письма, мне что-то обещали, а потом все оставалось по-прежнему. Сорок с лишним лет в подвале. Жена и я стали часто болеть от сырости и спертого воздуха. И вот на 50-м году СССР у нас с женой горе, слезы и растерянность. Зачем все это?

Я прошу Вас как великого музыканта, как моего депутата в правительство. Помогите нам, пожалуйста. Помогите действенно — Вы это можете как депутат Верховного Совета. Вы это должны сде-

лать. Чтобы справедливость не была только словом. Вы коммунист, Марксист-Ленинец, а гуманность и человеколюбие неотделимы от звания Коммунист. Я взываю к справедливости, к милосердию и убедительно прошу Вас о помощи. Вытащите нас с женой из развалившегося подвала, иначе я похороню преждевременно жену и себя. Вселите в нас веру. Помогите нам — нам становится страшно, поймите нас правильно.

С уважением к Вам, Федотов В.Г.

Вот я написал стихотворение к 50-летию СССР — оно наболевшее. Ответьте мне — так ли я мыслю. Я Вам верю.

Ты как невеста нежная,
Как океан, безбрежная,
Раскинулась, разбросилась
В просторе голубом.
И радость с тобой слышится,
И легче с тобой дышится,
Ты самая прекрасная,
Куда ни глянь кругом.
Ты самая цветущая,
Радость всему несущая,
Зарею восходящею
Румяна и красна.
Ты гордая, ты сильная,
Ты самая обильная,
Ты — первая рожденная
Свободная весна.
Тобою многоликою –
Простою и великою –
Жизнь полная, свободная,
Счастливая дана.
В боях, в труде воспетая,
Любовью всех согретая,
Ты гордость наша чистая,
Советская страна.
Цвети ж, моя цветущая,
Радость всему несущая –
Зарею восходящею
Румяна и красна.
Ты — гордая, ты — сильная,

Ты самая обильная.
Ты — первая рожденная
Свободная весна.

Федотов.

Простите за погрешности в орфографии — я не имею образования высшего.

Январь 1973 г.

Председателю Горьковского горисполкома
товарищу Соколову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Больше двух лет я веду с Вами переписку (первое ходатайство 18 августа 71 г., второе — 11 февраля 1972 г.) по поводу т. Федотова В.Г., трубача Горьковского оркестра филармонии.

Тов. Федотов в течение тридцати лет живет в подвале без всяких удобств, в котором провалился пол, стены покрыты льдом.

Вместе с моим ходатайством я отправлял Вам акт обследования жилища Федотова.

Я убедительно просил Вас лично заняться этим вопросом, но до сих пор Федотову не оказана никакая помощь, и ответа от Вас на мои ходатайства я тоже не получил.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *22 января 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Благодаря Вашему настоянию по моему обращению к Вам — неоднократному обращению — Справедливость восторжествовала. Мне дают квартиру. Спасибо Вам, дорогой, уважаемый человек. Спасибо ото всей моей семьи — от меня, жены, сыновей, снох и внуков.

Старший сын 42 года — рабочий у станка — высшей квалификации, имеет медаль за доблестный труд. (Между прочим, неплохо играет на трубе.) Жена его зубной врач-протезист, внук учится в 7 классе.

Младший сын 36 лет, преподаватель в строительном институте, член партии — ведет философию. Сейчас 3-й год в Ленинграде в аспирантуре — заканчивает и пишет диссертацию. (Между прочим, в опере «Евгений Онегин» Чайковского спел партию Онегина.) Его жена преподает в медицинском институте — научный сотрудник. Закончила диссертацию, скоро будет защищать — внук в 4 классе. (Между прочим, эта сноха играет на скрипке и увлекается живописью.) Мы гордимся своими детьми и их семьями.

Мой отец — рабочий, машинист-слесарь. Коммунист с 1917 года. Он бы тоже с нами порадовался, но его нет в живых. Извините за длинное письмо — это от полноты души. Еще раз Спасибо Вам, уважаемый Дмитрий Дмитриевич, от всей моей семьи.

С уважением к Вам, Федотов В.Г.

✉ *16 марта 1972 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Прошу Вас оказать помощь гр. Ермаковой Е.П., пенсионерке Министерства Обороны СССР, инвалиду III группы, вдове полковника Ермакова, который был членом партии, участником Великой Отечественной войны.

Местком Монтажспецстроя СССР ошибочно лишил ее прав пользоваться садом в размере в одну сотку и летней дачей 14–16 кв. м., свое решение мотивируя тем, что в свое время эти права за Ермаковой Е.П. закреплены якобы были неправильно, хотя участком и дачей она пользуется в течении 15 лет.

После смерти полковника Ермакова Ф.А. профсоюзные организации пытаются лишить Ермакову Е.П. права пользоваться участком и дачей. Она инвалид, больная женщина, выбилась из сил, защищая свои права. И, хотя никакого обвинения Ермаковой Е.П. не предъявлено, из дачи ее выгнали.

Т. Ермакова Е.П. больше шести месяцев болела, была прикована к постели, перенесла инфаркт. Во время ее болезни продали ее дачу, вещи выбросили на улицу, поломали и сгноили.

Прокурор Чеховского района Московской области санкции на выселение не давал, однако самоуправство продолжалось.

Елена Павловна Ермакова работает с 13 лет, имеет правительственные награды, является ударником коммунистического труда, вдовой полковника Советской Армии, и, несмотря на инвалидность, принимает активное участие в общественной работе.

Не имея возможности чем-либо помочь Ермаковой Е.П., я обращаюсь к Вам, Дмитрий Дмитриевич, как Депутату Верховного Совета СССР, и чуткому отзывчивому к чужим бедам человеку с просьбой возбудить ходатайство перед прокурором г. Москвы тов. Мальковым М.Г. и Министерством Минмонтажспецстроя СССР о возвращении дачи, которую отняли незаконно, и восстановить ее в правах товарищества, в котором она состояла 15 лет и являлась членом товарищества садоводов.

Ермакова Е.П. имеет тяжелое сердечно-сосудистое заболевание и врачи рекомендуют ей отдыхать только в Подмосковье.

Генерал-лейтенант авиации Шимко В.С.

30 марта 1972 г.

Министерство монтажных и специальных строительных работ СССР

Министру тов. Якубовскому Ф.Б.

Уважаемый Фауб Борисович!

Ко мне обратился с жалобой генерал-лейтенант авиации Шимко В.С. на незаконные действия Вашего месткома по отношению к вдове полковника Ермаковой Е.П.

Мною послано ходатайство прокурору гор. Москвы тов. Малькову М.Г. с просьбой разобраться в этой неприятной истории и восстановить ее законные права. С аналогичной просьбой я обращаюсь и к Вам.

Копию заявления генерала Шимко В.С. прилагаю.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

«Дача в Комарово — прежнее финское название Келомяки» — так и подписано в семейном альбоме рукой Д. Шостаковича. Здесь семья проводила лето в течение многих лет. «Уж очень здесь хорошо», — писал друзьям композитор. Сюда в Комарово к Шостаковичу приезжал Евгений Мравинский, здесь его навещала Анна Ахматова.

Из дневника Мравинского: «Легко и радостно в Комарово... Знакомо, извечно знакомо стоят вокруг меня деревья, поникла непахучая, тяжелая от влаги трава. И тишина... и ясность покоя».

Здесь в своем кабинете на втором этаже Шостакович написал цикл «Из еврейской народной поэзии», Десятую и Одиннадцатую симфонии.

Каждый день бывают грозы, порой очень сильные. По крыше начинает стучать ливень, сверкает молния, рассекающая небо. Грохочет гром, а я сижу целыми днями в «творческой лаборатории» и пишу симфонию.

Галина Дмитриевна рассказывает, как однажды в Комарове загорелся лес: «...хоть и вдали, а все равно страшно, пламя приближалось, сухой лесочек, еще час–другой, и все сгорит. И я помню, стали тащить ведра и поливать. И Дмитрий Дмитриевич тоже поливал, очень волновался, бегал с ведрами, заливал, — но все обошлось благополучно». *(Из интервью автору)*

...Хочется мне в Комарово. Очень многое связано в моей затянувшейся жизни с этим местом...

...радуюсь возможности пожить в Комарово. *(24 июля 1956 г.)*

...Очень радуюсь, что Вы, видимо, живете в Комарово. Там, наверно, сейчас хорошо. *(15 августа 1972 г.)*

Эта дача осталась только на фотографиях. Ее снесли, а на ее месте внуки Шостаковича построили современный коттедж.

✉ *4 февраля 1972 г.*

Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Я получил Ваше письмо от 1-го февраля 72 г. Трудно, очень трудно, вернее невозможно, выразить словами мою сердечную душевную благодарность за Вашу доброту к людям, за теплую отзывчивость и за доверие ко мне. СПАСИБО. Я постараюсь оправдать Ваше высокое доверие и, может быть, смогу еще приносить пользу людям нашей Страны.

Желаю Вам долгих, долгих лет радостной творческой жизни, крепкого здоровья и полного благополучия всему Вашему семейству.

Независимо от характера ответа профессора Илизарова, Ваше, одно Ваше желание помочь мне придало бодрости и силу в борьбе с моим тяжелым недугом. (Какой будет ответ Г.А. Илизарова, я Вам сообщу.)

Пожалуйста, простите меня, Дмитрий Дмитриевич, за беспокойство.

От всего сердца глубокоуважающий Вас Алим Мансыров.

✉ *10 февраля 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Правление, партбюро, профком, бюро комсомольской организации и исполком Хыркасинского с/совета Чебоксарского района Чувашской АССР от имени всех колхозников колхоза «Герой» приглашают Вас на празднование 45-летия организации своего колхоза, которое будет проводиться 28, 29 и 30 марта этого года.

Разработана большая программа мероприятий, одним из которых является открытие музея «Боевой, трудовой и героической славы Советского народа».

Мы очень просим бы Вас приехать к нам на 30 марта — день рождения коллективного труда наших крестьян и о своем согласии сообщить нам заранее. Пожалуй, причина для поездки к нам весьма серьезная и отказать в нашей просьбе у Вас, нашего почетного колхозника, не хватит смелости. Да и нужно ли отказываться? Ведь мы приглашаем от чистого сердца и наши колхозники, абсолютно все, хотят видеть Вас

у себя. Сделать же это весьма и весьма просто. К нам лететь всего 1,5 часа, а от аэропорта 30 минут. Ну, к нам доехать от столицы все равно, что совершить небольшую прогулку за город.

Одновременно мы посылаем письма и Вашим прямым начальникам, которые чтобы пошли также нам навстречу.

Как мы уже писали, колхоз наш в первом году девятой пятилетки сработал неплохо. Сейчас ведем подготовку к весеннему севу и проводим трудную зимовку скота.

С ожиданием ответа, с горячей любовью, хлеборобским приветом и наилучшими пожеланиями (11 подписей ваших избирателей).

27 февраля 1972 г.

Правлению, Партбюро, Профкому, Бюро комсомольской организации и исполкому Хыркасинского сельсовета

Дорогие товарищи!

Извините за запоздалый ответ, но я был болен. Сердечно благодарю вас за приглашение приехать на торжества в колхоз «Герой». Но из-за состояния своего здоровья, к сожалению, не смогу исполнить вашу просьбу.

Прошу передать мои наилучшие пожелания хлеборобам.

Ваш Дмитрий Шостакович.

В феврале 1972 года состоялось важное для Д. Шостаковича событие — в Театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича–Данченко была возобновлена постановка его оперы «Катерина Измайлова», оклеветанной и запрещенной почти три десятилетия назад.

Несмотря на то что многие сочинения Шостаковича очень долго не исполнялись: «Нос» — сорок лет, «Катерина Измайлова» — двадцать восемь, Четвертая симфония — двадцать пять лет, никто не слышал от него упреков или жалоб по этому поводу.

Шостаковичу было двадцать два года, когда состоялась премьера оперы «Нос», и двадцать шесть, когда была поставлена «Катерина Измайлова».

Описание событий, связанных с премьерами опер Шостаковича, было бы неполным, если не упомянуть про обязательно вступавший хор. Этот хор не был прописан в партитуре оперы, но он возник уже после ее создания. Подобно хору в античной трагедии, этот нестройный хор голосов по-своему интерпретировал действие оперы, ее музыку, то, что происходит на сцене.

Такой коллективный хор сопровождал все премьеры сочинений Шостаковича, давая оценку его творчеству, влияя на события его жизни и

судьбу его произведений. Можно сказать, что герой и хор в советское время поменялись местами. На сцену ринулись статисты, верша судьбы истории, людей и искусства.

ЗАМЕЧАНИЯ РАБОЧИХ ЗРИТЕЛЕЙ ПО ОПЕРЕ «ЛЕДИ МАКБЕТ» 19 ДЕКАБРЯ 1935 ГОДА

Присутствуют — 18 человек. (В обсуждении принял участие и сам композитор.)

Тов. Мутных (*директор Большого театра*): Вы видели сегодня оперу «Леди Макбет». Вы присутствуете при процессе, который напоминает пуск сложного механизма. Второй момент — это то, что вы не видели половину производства. Вы прослушали два акта — 5 картин, а всего в опере 8 картин.

Воспринимается ли зрителем основной замысел композитора, как он был им задуман, или нет?

Филиппенко (*Тормозной завод*). Я имею короткий вопрос. Кто дал либретто, чья постановка и кто дирижирует?

Тов. Ремезов. Шостакович, Смолич и Мелик-Пашаев.

Данилов. Меня не удовлетворяет опера, и вот в чем: смысл оперы режиссером выполнен удачно, я говорю, как я чувствую. Мне непонятно, почему дверь, которая всегда закрывалась Екатериной, осталась открытой в то время, когда вошел к ней Сергей. Меня еще не совсем удовлетворяет акт с отравлением старика. Этот процесс ее взвинтил и я хочу узнать, что старик в своем гриме или нет, т.к. сейчас он мало чем отличается от своего сына. Надо его так загримировать, чтобы он был настоящий свекор. О музыке я не буду говорить, т.к. музыкальное оформление терялось, и все-таки, несмотря на это, осталось хорошее впечатление от музыкального антракта, который идет после отравления.

Меркулов (*завод Шарикоподшипник*). Я хочу сказать, что Сергей в игре должен быть несколько скромнее. Потом борьба мужа с Екатериной несмелая какая-то, как будто он боится ее обидеть, надо посмелее. И, наконец, не надо, чтобы артист говорил в публику и не смотрел на зрителя. В музыке я плохо разбираюсь.

Зритель — ОГУЗ (*завод Шарикоподшипник*). Я очень жалею, что нам показали только два акта, но эти два акта дают возможность судить об этой опере: мне кажется, будто разыгрывается лубок и все в нем слишком красочно (одеты в шелковые рубахи), не чувствуется бедности и нищеты, которые описывает Лесков. Не мешало бы показать толпу в лохмотьях. Отрицателен переход от грозы к луне.

Шостакович. Что касается открытой двери, то отец вышел на двор и не возвратился, поэтому дверь осталась незакрытой, и это правильно. Насчет грозы я вполне согласен, и я даже считаю, что, может быть, она не совсем необходима. Борьба Сергея с Екатериной происходит правильно, так как и Лесков описывает его смелым и нахалом.

Зритель Катанян (*завод Шарикоподшипник*). Я хочу немного сказать о музыке, хотя я не успел на все уделить внимание. Мне кажется, что в первом акте было большое раскрытие образов, большое общее впечатление от всей оперы, а в дальнейшем этот интерес еще больше подчеркивается. Замечателен был антракт после отравления, который захватывает зрителя. Мне кажется, что Екатерина вызывает симпатию у зрителя посредством музыки. Опера смотрится с большим интересом, несмотря на недостатки.

Зритель Батурин (*завод Шарикоподшипник*). Почему, когда Екатерина говорит «поцелуй меня», сама смотрит не на Сергея, а в сторону? Может, она там что видит, но до зрителя это не дошло. Сергей играет хорошо, но дает образ слишком интеллигентный, надо быть погрубее. Музыка хорошо раскрывает переживания, она мне напоминает музыку Россини из «Севильского цирюльника».

Зритель Киреев (*завод Шарикоподшипник*). Есть известная повесть Лескова, но данная опера не является буквальной. Музыкой Шостаковича я восхищаюсь и восхищался еще в «Светлом ручье», хотя я в музыке мало понимаю. Эта опера не классическая, а наши артисты привыкли выполнять классические оперы, и, быть может, выполнение этой оперы не дошло до их нутра, но зато эта опера является советской оперой и возбуждает большой интерес у зрителя.

Шостакович. Замечания, которые были по адресу тов. Леонтьевой, неверны потому, что вы не видели, чем кончается опера, и героиня оперы действительно должна вызывать симпатии у публики.

20 ДЕКАБРЯ 1935 ГОДА

Зритель Наровская (*завод Сталина*). Последняя сцена меня не тронула, нет точки нарастания, которая дошла бы до сознания зрителя. У меня создалось впечатление, что должен быть какой-то другой финал. Не доходит также до зрителя момент падения в воду Екатерины и Сонетки. Екатерина должна показать, что она переживает тоску.

Зритель Баранов (*Тормозной завод*) В отношении парома — он находится слишком в глубине сцены, и когда он постепенно удаляется, то зрителю не видно, что там происходит. Екатерина, по-моему, должна быть страстной натурой, и в последнем акте эта страстность

должна проявиться, а у нее в этой сцене переживания заперты внутри. Музыка дает ей канву, а она должна метаться как зверь в клетке, ведь ее обнимал человек, которого она любила, а потому она должна остро переживать его измену, однако этого не показано. Опера существует для музыки, а здесь между оперой и музыкой имеется разрыв — то и другое идет само по себе. И вообще в арии не чувствуется мелодии. Из-за чего выпускают эту оперу на сцену, не ради ли того, чтобы показать образ Екатерины?

Тов. Ремезов. Товарищи, скажите пожалуйста, стоило или не стоило показывать это произведение на сцене?

Голос с места. Это произведение не дает должного впечатления, впечатление очень смутное.

Зритель (*завод Динамо*). Нельзя ли оживить свадьбу музыкой путем ввода нескольких музыкальных инструментов на сцену?

Зритель Юрасов (*завод Сталина*). Мне кажется, надо, чтобы паром начал отчаливать от берега, и только тогда Екатерина и Сонет бросились в воду. У Лескова есть тип Феоны, который сочувствует Екатерине, она почему-то здесь не показана; и почему все время идет снег?

Тов. Ремезов. Ну так как же, товарищи, стоит или не стоит показывать эту оперу?

Зритель. Стоит. Несмотря на то, что мы смотрим эту оперу второй раз — мы пришли бы ее слушать еще и еще, и было бы большее впечатление у нас, если мы просмотрели бы эту оперу всю до конца, а не кусочками.

23 ДЕКАБРЯ 1935 ГОДА

Присутствуют: 53 чел.

Гель. Я говорил о том, что Шостакович устремился в реализм, Шостакович хотел не только показать преступления, но дал им оценку, дал полное обличие всех образов. Вообще остается цельность от всех обитателей того времени.

Белова (*Тормозной завод*). Я хочу сказать о недостатках этой вещи. Первое, что бросилось мне в глаза, — это порка. Сергея как-то неестественно бьют, бьют по воздуху, а он все время вздрагивает. Потом отравление свекра — уж очень быстро это происходит, я не знаю ни одного такого яда, после которого через минуту бы наступала смерть. Теперь приход полиции — почему она сразу набрасывается, а не производит обыска и не расспрашивает, что и почему. Ведь ей сказали, что в погреб закопали человека, так надо это проверить. Какая бы ни была полиция, прежняя или теперешняя, но это не наглядно.

С м е с т а. Теперь вот на свадьбе в отношении запаха трупом — почему до свадьбы этого запаха никто не чувствовал? Когда юродивый вбежал в погреб, то откуда он узнал, что там труп и почему именно труп Зиновия Борисовича. Нужно было его закопать. Общее впечатление хорошее, опера будет смотреться хорошо, она знакомит с купеческим бытом.

Н а у м о в (*Тормозной завод*). Сцена свадьбы все-таки очень скучна, нет ничего веселого, сидят все, насторожились и как будто чувствуют, что сейчас придет полиция, почему нет живости? Почему барабанный бой, почему нет русских песен, тогда стало бы полегче слушать. Это не то, что в операх Чайковского, там мы не только смотрим, сколько слушаем, здесь нет певучести, нет ритмичности. Несколько слов о музыке: безусловно, это творческое произведение, но мы привыкли слушать увертюру, и в эту оперу надо ее ввести. Много дается ругани. Мы у себя в бригадах, в цехах стремимся искоренить ее, а тут нас пичкают ей; надо дать какие-либо другие штрихи, которые бы заменили ругань.

Г а п о н о в а (*завод СВАРЗ*). Спектакль этот впечатляет. В этой опере музыка дополняет наше состояние. Музыка очень прекрасна, может быть, уйдя отсюда, я не смогу напевать отдельные мотивы, но у меня останется дивное впечатление от всей музыки, которую я сегодня слышала. Этот спектакль нужно отметить, т.к. эта опера идет по новым рельсам. Игра актеров помимо пения — это большое достижение, а раньше мы слышали пение, но не видели игры, было просто техническое исполнение. Есть в этой опере и шероховатости: когда убивают Зиновия Борисовича, чувствуется разрыв во времени — когда его убивали, цвели цветы, а когда его находят, появляются яблоки. Теперь о пьянице, который как будто выведен только для того, чтобы сообщить, что человека убили: когда он взламывает замок, то он все время смотрит на дирижера, чтобы знать, когда начало его вступления, — это мешает слушать.

Б о л ь ш а к о в а. Музыка чудесна, она заполняет все пробелы. Общее впечатление очень хорошее, и мы испытывали эстетическое наслаждение.

Б а х м у р о в (*завод СВАРЗ*). Относительно смерти и убийства — это вещи неправдоподобные. Сюжет надо строить так, чтобы сводить концы с концами, а не строить сцены только на запахе трупа и других уликах. Вообще как могло быть, что люди каждый день ходили в погреб и не чувствовали запаха, а на свадьбе обнаружили — это нам непонятно. В этой опере часто слышится ругань, а наш рабочий сейчас на высоком уровне и хочет получить что-либо более художественное. Почему на ка-

торге лишь один поет заунывную песню, а разве на каторге нельзя дать общую хорошую песню? Общее впечатление хорошее, но другой раз на эту оперу я не пойду.

З р и т е л ь (*фамилия невнятна*). Я думал, будет другой конец, а тут Екатерина сама кончает свою жизнь, она сталкивает Сонет и тут же бросается сама, и этим она перестает быть сама собой, а нельзя ли такой конец, чтобы Екатерина задушила Сергея, а сама пошла на каторгу, тогда бы она была лучшей Екатериной.

Музыка положительная, я чувствую ее хорошо, она давала мне настроение, давала эмоцию, и я продолжал жить этой музыкой. Я, может быть, не смогу передать тех мест, где музыка доходит до особого нарастания, как у Шопена, — там много лирических и крылатых мотивов. В этой опере я не сумел перенять мотивов, но я и не хотел бы прийти домой и напевать эти мрачные напевы, лучше петь что-нибудь вроде «Веселых ребят».

Теперь о каторге. Мы должны сказать, что это нам не понравилось, что эта сцена театром не подготовлена, и я думаю, что в дальнейшем это будет учтено.

Теперь о финальной сцене — почему Екатерина не бросает Сергея, а сама бросается — это на меня действует отрицательно — у меня ненадолго запомнится образ Екатерины, т.к. она идет по личной дороге.

Нужна ли нам эта постановка? Мы пришли к выводу, что она не нужна. Я не хочу делать поклепа на Большой театр, но и не хочу делать из него святыню. Мы просмотрели эту оперу здесь в театре, и что же она нам дала — ничего, никакого впечатления. В 1-м акте, может быть, хотят показать рабочим тоску Екатерины, а тут же рядом, вы меня извините, порнография — это приставание свекра к Екатерине, вроде он ее докучает, потом появляется смазливенький приказчик, и тут начинается катавасия. Когда мы вышли в первом антракте в зал, то не я один говорил, а многие говорили о том, как Сергей с Екатериной легли спать. Мы вникаем в глубину всего действия, в каждую черточку.

Теперь второе действие, или второй акт — тут опять делается порнография — это свекор, который небрежно одет, не следит за собой и в то же время возвращается к сальности, говоря: «Хотя я и стар, но я еще наберу в себе кое-чего и пойду к Екатерине». Мы в целях нравственной морали и культуры должны смотреть более классические вещи. Теперь момент, когда Сергей и Екатерина спят — почему Сергей все время спит, или он не нашел интереса в Екатерине, или здесь подчеркивается, что он переутомился в этой любви. Убили Зиновия Борисовича — было лето, цветы цвели, а на свадьбе были уже ягоды, значит, прошло много

времени, а труп они почему-то еще не закопали, и лежит себе тухлый Зиновий Борисович, и запах от него несет. Юродивый взламывает замок, сразу же слышит запах, находит там Зиновия Борисовича и бежит в участок. Странно строить на таких мелких штрихах оперу.

Последняя картина — паром — не дает никакого впечатления. Получается трата-та, трата-та. Все это похоже на то, как Циолковский хотел изобрести ракету для межпланетных путешествий.

Мы, рабочие, хотим иметь фундаментальную музыку и фундаментальное искусство. Я небольшой критик, но опера эта должна быть лучше. Зачем эти вульгарные слова «шлюха», «потаскуха», «сволочь» — зачем эта ругань, кому она нужна? Зачем показывается сближение Сергея с Сонеткой, и зачем мы будем такими постановками загромождать Большой театр, мы тогда не увидим «Евгения Онегина» и, тем более, «Отелло». У нас на заводе устраиваются диспуты, на которых мы разбираем «Князя Игоря» и др. Нас здесь было 70 человек, и я высказываю мнение не только свое, но и их, что второй раз этой оперы мы смотреть не пойдем.

П р я х и н (*Клуб Русакова*). Поскольку дело идет об опере, надо сказать о музыке. Я против выступлений товарищей, которые говорят, что незачем засорять этой оперой Большой театр. Я иду в Большой театр смотреть с большим интересом не только прежние вещи, но и постановки новых современных композиторов, каковым является композитор Шостакович, а не только Моцарта и др. Теперь о порке Сергея кнутом — бьют все время по воздуху, а он вздрагивает — это не дает цельности впечатления. Большой театр обладает всеми средствами, чтобы показывать все реально, если это порка, так уж порка. Все время артисты косят на дирижера, нельзя ли это делать как-то не так заметно? Когда Екатерина падает с парома — она не дает полного впечатления, что она и Сонет тонут. Получается, что они, бросаясь в воду, идут не на смерть, а все время думают, каким местом они ударятся. Надо их заменить артистами миманса и сделать падение глубже. Вообще постановка хороша, за исключением отдельных мест. Эта первая новая постановка для Большого театра. Когда умирает свекор, то почему дворовые прибегают причесанные, как будто они только что из парикмахерской, одетые и обутые, по-моему, они могут быть и босыми, а то получается, что они заранее приготовились, когда их позовут. Теперь о деньгах. Когда их берет Сергей, то надо, чтобы он их брал не с сундуком, а положил в карман. Теперь, когда свекор бьет Сергея, то спина его должна быть художественно оформлена. В общем, опера будет смотреться хорошо и долго. Музыка тоже хороша.

С места: Почему Большой театр пошел по линии наименьшего сопротивления, зачем он ставит эту новую оперу? Мы, рабочие, требуем от Большого театра более полноценных спектаклей, чем эта опера. Когда же мы будем показывать на сцене стахановское движение?

Тов. Мутных (*директор Большого театра*). Товарищи, поставить эту постановку у нас в Большом театре собирались в течение 4–5 лет, и каждый год она снималась. Наша задача не только ставить старый репертуар, но создавать и новый. Теперь возвратимся к опере «Леди Макбет». Она идет в Лондоне, Америке, Испании, она идет во всем мире, это произведение признано гениальным, то почему же Большой театр должен обойти ее, игнорировать ее, нам непонятно, почему везде эта опера ставится, везде, кроме Москвы. Почему же у нас в СССР не может пойти эта опера? Надо проделать над собой эксперименты, просмотрев ее 3–4 раза, и только тогда сделать окончательные выводы. Я хотел бы, чтобы вы тщательнее разобрались в музыке Шостаковича. Правда, этот спектакль несколько необычен. Я еще раз советую вам несколько раз посмотреть этот спектакль, и только тогда делать окончательные выводы.

10 вечером я показывал «Леди Макбет». Приняли ее руководящие работники очень хорошо. Другой раз я показывал отрывки оркестрантам. Тоже хорошо приняли. Попутно высказывались такого рода ценные соображения, изложенные в форме вопросов:

1) Скажите, маэстро, если мужчина и женщина лежат в одной кровати, то не кажется ли вам, что это неприлично?

2) В наше героическое время стоит ли писать оперу, где все время происходит половой акт?

3) И прочие перлы...

В конце заверили меня, что постараются выучить эту оперу хорошо. Провинция и бескультурье здесь ужасающие.

Вот уже третий день я дома. Здесь я уже целиком включился в бурную жизнь, но сильно от нее устаю. Слыхал вчера в Михайловском «Леди Макбет». Очень хорошо. Холодно здесь... *(7 октября 1933 г.)*

Поначалу многое в этом спектакле казалось обнаженным, негармоничным, но постепенно слушателей захватывала необычная сила, драматизм оперы. При ханжестве тех времен сцена в спальне вначале шокировала, но в ней ощущалась подлинная страсть, выраженная необычной музыкой. Это была новая музыка.

Вчера сошел 10-й спектакль «Леди Макбет». Спектакль идет хорошо. Публика слушает очень внимательно и начинает бежать за галошами только после падения занавеса. Почти не кашляют. В

общем, происходит ряд приятных вещей, которые радуют мое авторское сердце...

Артур Рубинштейн: «Мой гид достал мне билет на эту оперу в дни моего приезда. Я действительно был потрясен жестокой драмой, почерпнутой из русского рассказа под тем же названием».

Эдвард Радзинский: «Я именно потому и приехал! В Нью-Йорке много о ней говорят, поэтому я мечтаю о том, чтобы быть первым, кто ее там покажет».

Опера «Леди Макбет» не сходила со сцен Ленинграда и Москвы: до конца 1935 года в Ленинграде ее исполнили 83 раза, а в Москве — 97 раз. За границей к этой партитуре обращались все новые и новые театры. В 1934–1936 годах «Леди Макбет Мценского уезда» была поставлена также в Братиславе, Буэнос-Айресе, Кливленде, Копенгагене, Нью-Йорке, Праге, Стокгольме, Филадельфии, Цюрихе.

Шостакович планировал создание цикла опер, повествующих о судьбах русских женщин.

Но творчество молодого композитора вызывало не только разногласия, но и зависть, а успех его сочинений испытывал терпение коллег.

И снова вступает хор. Десятки, сотни подобных хоров с обсуждением статьи «Сумбур вместо музыки» прозвучали тогда «по всему фронту искусства», по всей стране, превращаясь в мощный гул, в котором голоса сливались в едином неприятии и порицании композитора и его музыки. И, как на фронте, отношение как к врагу.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЦЕНЗИИ НА ОПЕРУ ШОСТАКОВИЧА «ЛЕДИ МАКБЕТ» КАК ФОРМАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ОБ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФОРМАЛИЗМА ПО ВСЕМУ ФРОНТУ ИСКУССТВ

(*Из стенограммы собрания солистов оперы с руководством Большого театра 3 февраля 1936 г.*)

Т о в. М у т н ы х (*директор Большого театра*). Мы должны покончить с некоторой терпимостью, которая у нас имеется; покончить с примиренчеством, с высокомерным барским отношением к тому, что делается на музыкальном фронте и что не идет по основной линии развития искусства в нашей стране.

«Правда» выругала «Леди Макбет», мы сказали — хорошо, а у нас далеко неудовлетворителен «Светлый ручей». Если возьмем «Севильский цирюльник», то с точки зрения идеологической он, конечно, поставлен у нас неправильно. Разве есть в нашем спектакле ощущение, что это старый, отмирающий мир? Нет.

Нужно обострить отношение ко всяким возможностям озорства. Нужно посмотреть — озорство это или искание человека от скуки, от тоски.

Надо, чтобы музыка была активно зовущей к борьбе, к новым победам. Характерный признак этой музыки тот, что она должна отличаться ясностью, простотой и общедоступностью музыкальной речи.

Т о в. Ю р о в с к и й. Опера «Леди Макбет», конечно, талантливое произведение, и в ней имеются чудеснейшие страницы, но наряду с этим — кривляние и утрировка мелодической линии и техники оркестровки, доведенной до абсурда: оркестр настолько обременен, что вместо музыки демонстрирует шум.

С л и в и н с к и й. Я считаю себя дилетантом в оценке музыки. Кого композитор берет в своей опере? Композитор показывает нам женщину, которая совершает кровавое преступление под впечатлением скуки, тоски и безысходности своего положения, и Екатерину Измайлову никак нельзя показывать в образе героини.

Относительно музыки: что же мы видим у Шостаковича? А между прочим, некоторые говорят, что 4-й акт оперы гениально написан, и приравнивают Шостаковича к Вагнеру.

Это ошибка Большого театра, что затрачено столько средств, сил и времени на постановку такой оперы.

Т о в. Л е о н т ь е в а. Я являюсь непосредственной участницей этой оперы — там есть такие музыкальные куски, такие моменты, что невольно скатываешься к восхищению этим произведением. Нам нужно посмотреть — чем восхищаемся на сегодняшний день. Я была захвачена, мне было интересно и эмоционально очень близко. Но когда говорим, что музыка Шостаковича — хорошая музыка, то мы уходим в скверную политическую линию, находя красоты, ненужные на сегодняшний день. Мы должны критиковать и говорить, что эта опера в своем волнении на зрителя вредна и политически не нужна и ее красоты нужно всерьез пересмотреть.

П р о ф. Г о л о в а н о в. Я буду откровенен в отношении Шостаковича. Я не хочу попасть в те кумушки, которые сейчас говорят: «А что я говорила». Вот вы сейчас говорите (*обращается к артистке Леонтьевой*), а весь свой пыл и молодое дарование отдали этому делу. (*Артистка Леонтьева с места что-то возражает*). Впрочем, вас могли заставить. Шостаковича я считаю одним из самых талантливых композиторов Советского Союза. То, что он пишет плохие оперы, — это его частное дело, а театр ставит — это дело общественное. Повторяю, что я считаю Шостаковича самым талантливым композитором. В «Леди Мак-

бет» он встал на настоящий путь. Этот человек, в силу своего таланта, создает искусство, на котором мы будем учиться. Я хочу разбираться в этом самостоятельно — искусство декретов не создает. Можно сказать, что Шостакович не нужен, — это другое дело. Шостакович должен писать, но для нашей страны на сегодняшний день нужны не ананасы в шампанском, а гречневая каша с хорошим сливочным маслом.

Без фамилии. О «Леди Макбет», что говорить? Можно о ней говорить как о дорогом, но мало любимом покойнике. А Шостакович? Человек попал в тупик. Как он выйдет из этого тупика, покажет его будущее. Пока Шостакович не найдет правильного пути, он превратится в ничто для нас, для Советского Союза.

Но вот что интересно: молодой композитор Шостакович — откуда у него мог бы быть такой уклон? Меня интересует — под чьим влиянием был Шостакович. Я думаю, что в этом разберутся.

Солистка оперы. У меня впечатление, что виноваты мы — актеры. Со стороны артистов был целый ряд заявлений на матерщину в этой опере и невокальность партий. Я не представляю, как можно социалистический реализм в пьесе выразить, не зная основ марксизма. Я не считаю эту оперу советской ни по ее тематике, ни по музыке, и она не должна была ставиться в нашем театре, очевидно, в Большой театр она попала случайно.

Тов. Усов. По пути «Леди Макбет» и «Светлого ручья» нельзя идти, и нам сказано, куда идти. Наша задача заключается в том, чтобы объединить любовь к нашей театральной родине — Большому театру, с любовью в социалистической родине, чтобы крепко сплотиться вокруг нашего партийного руководства и нашего директора, чтобы в случае какой-либо угрозы, мы как один встали на защиту нашей родины.

Тов. Головин. Мне кажется, что чересчур разгорелись в данный момент страсти вокруг имени Шостаковича. Искусство всегда имеет в своей основе эксперименты. Сейчас всюду начинают говорить, что Шостакович человек не советский, что он шел по неправильному пути (*с мест возражения*). На то мы артисты, на то музыканты и театр, чтобы делать эксперименты.

СТЕНОГРАММА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ МОСКОВСКИХ КОМПОЗИТОРОВ, ПОСВЯЩЕННОГО ОБСУЖДЕНИЮ СТАТЕЙ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Тов. Челяпов Н.И. Шостаковича возносили до небес и композиторы и критики, захлебываясь от восторга, божились и возглашали гениальность этой оперы и находили в ней решительно все, что можно найти в советском произведении: и реализм показа сценического об-

раза, и идейную характеристику, и изумительное звучание оркестра, и замечательные элементы мелодийности, которых там на самом деле крайне мало, если не брать 4-го акта. Но подавляющее большинство говорило, что ничего не понимает в этой опере. Подход композитора ко всем действующим лицам, включая рабочих, это ярко отрицательный подход. Там все выведены мерзавцами: и рабочие, и Борис Тимофеевич, и его сын, и сама Катерина. Язык в произведении Шостаковича вовсе не новый. Здесь нет ничего нового, что вырастало бы из самой гущи советской жизни. Его язык представляет собою перенесение в советскую музыку чуждых нам упаднических методов.

Наш советский зритель нередко стоит на такой ступени своего культурного развития, что приходится диву даваться. Наш Союз Композиторов сейчас энергично работает в колхозах Московской области. Веневский район хочет исполнить ораторию Гайдна в подлиннике, на немецком языке. В другом районе (Рыбновском) чрезвычайный интерес вызвало предложение написать оперу, которую можно поставить силами колхозной музыкальной самодеятельности. Это свидетельствует, что наша масса — колхозная, рабочая, красноармейская — так подтянулась к искусству и поднялась на такую ступень развития, что полагать, что мы, профессионалы, лучше понимаем, что нужно давать массам, — значит не знать самих этих масс.

Соллертинский от всех требовал, чтобы учились у Малера. Хворая этой «малерией», он критиковал все советское музыкальное творчество. И, перенося эти чуждые по существу пролетарской социалистической советской культуре корни к нам, они и создали почву, на которой вырастают такие уродливые плоды, о которых говорит «Правда».

Т о в. П о л я н о в с к и й. Статьи в «Правде» дали нам образец бдительности, дальнозоркости, прозорливости, Я писал в статье о «Светлом ручье», что эта музыка якобы выражает веселую, изобильную колхозную жизнь. И теперь, когда глаза открыты статьями «Правды», я признаю это глупостью. Поверхностность нашего суждения об этом балете была равна поверхностности самой музыки Шостаковича.

Т о в. Л е б е д и н с к и й. Все это, конечно, исходит от участников той творческой группировки эстетствующего формализма, которую возглавлял Шостакович. Нам, советским музыкантам, нужно зажить той жизнью, которой живет наша партия, теми интересами, которыми живет наша партия; нужно бороться за лозунг ленинско-сталинской партийности в области искусства, за партийное, большевистское искусство.

Мы не знаем автора этих статей, но в то же время мы знаем его; автор этих статей — партия, потому, что мы чувствуем, что их автор — че-

ловек, который, как чудесная, редчайшая мембрана отражает те мысли и настроения, которыми живет партия, мы чувствуем, что в этой мысли выражен подход партии большевиков к искусству; подход к искусству всего рабочего класса.

«Леди Макбет» имеет успех у буржуазной публики за границей. Это неприятная истина, но тем не менее это истина. Мы должны сказать, что у нас появилось целое поколение «шостаковят», потому что Шостакович и эстетствующий формализм оказал огромное влияние на молодежь, которая зачастую воспитывалась только на гротеске, на пародийности, на стремлении к оригинальничанью, в общем, на Шостаковиче. И не только молодые, но и взрослые композиторы зачастую находились под его влиянием.

Наш председатель только что сравнивал статьи «Правды» с ударом грома среди ясного неба. Один ответственный руководитель Ленинградского союза композиторов сравнил их с землетрясением. Но есть и такие, которым эти статьи кажутся солнечным светом среди тумана и туч, который осветил на долгие годы вперед путь советского музыкального творчества. Нужно говорить о порочности, о буржуазности, обязательно буржуазности — того творческого пути, по которому развивалось все творчество Шостаковича.

Нельзя сбрасывать со щита советской музыки Шостаковича. Нельзя Шостаковича забивать в гроб. Его нужно взять в хорошие товарищеские руки, помочь выправиться, а не крыть, как попало (*аплодисменты*).

Мне стало очень стыдно, что «Леди Макбет» в какой-то мере может кем-то считаться советской музыкой, что двуспальная кровать стала обозначением «свободы».

Шостакович вне всякой критики, Шостакович единственно гениальный человек в СССР. Два года просим Шостаковича написать вещь для Красной Армии. Шостакович на все соглашается. Для этой цели он в прошлом году должен был уйти в плавание на «Авроре», чтобы познакомиться с бытом и обстановкой РККФ. Нужно сказать, что прием готовился очень большой на этом корабле для Шостаковича. Назначен был и день приезда, чуть ли не час. Но он не приехал и не поехал.

Композитор на сегодняшний день все еще аристократ белоручка, он не хочет выходить к массе, не хочет ехать в армию, в колхоз, он близорук. Сейчас наша задача по отношению к Шостаковичу — очень крепко и по-товарищески ему помочь, не бить и не ругать его.

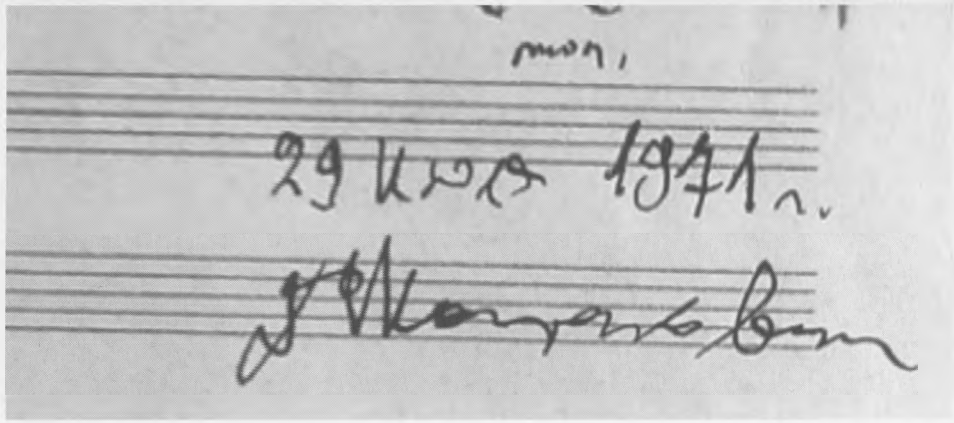
(*С места*: Никто и не ругает.)

Шостакович в оксфордской мантии в своей московской квартире

Кадры награждения Д. Шостаковича. 1966 год

Д. Шостакович и К. Ворошилов в Кремлевском дворце

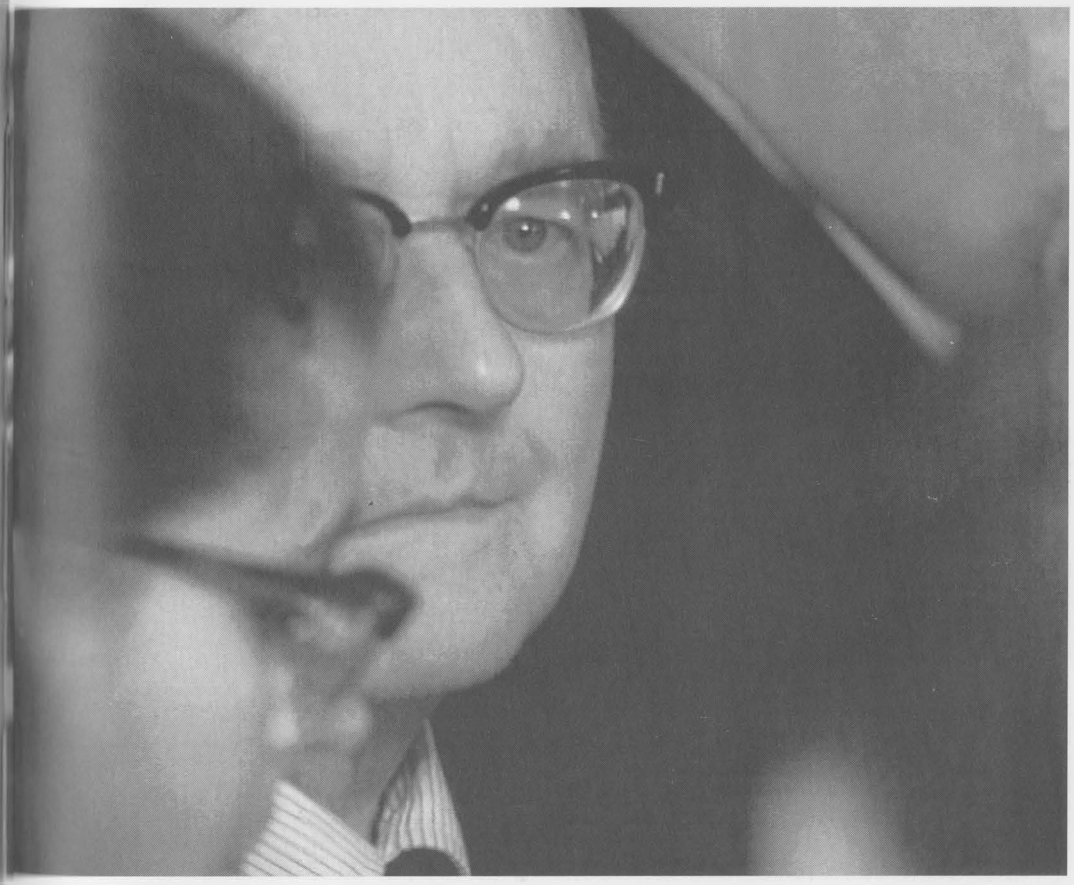
Д. Шостакович и Н. Хрущев в Кремлевском дворце



Фрагмент рукописи

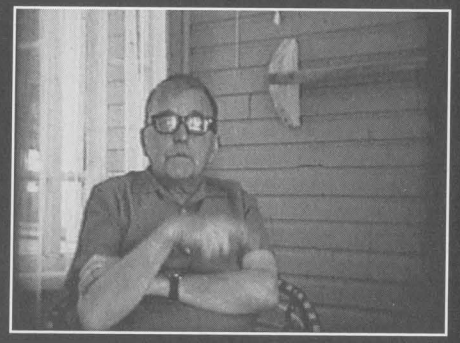
Во время репетиции в Большом зале Московской консерватории

Д. Шостакович в Кремле

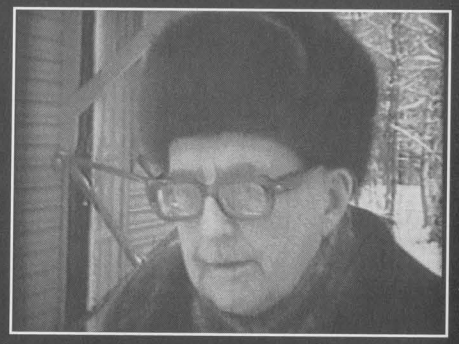


Мою жену зовут Ирина Антоновна. Она умная, веселая, простая и симпатичная.
С женой Ириной Антоновной на концерте

Последнее выступление Д. Шостаковича как пианиста на фестивале в г. Горьком, где он исполнял фортепианную партию из Квинтета



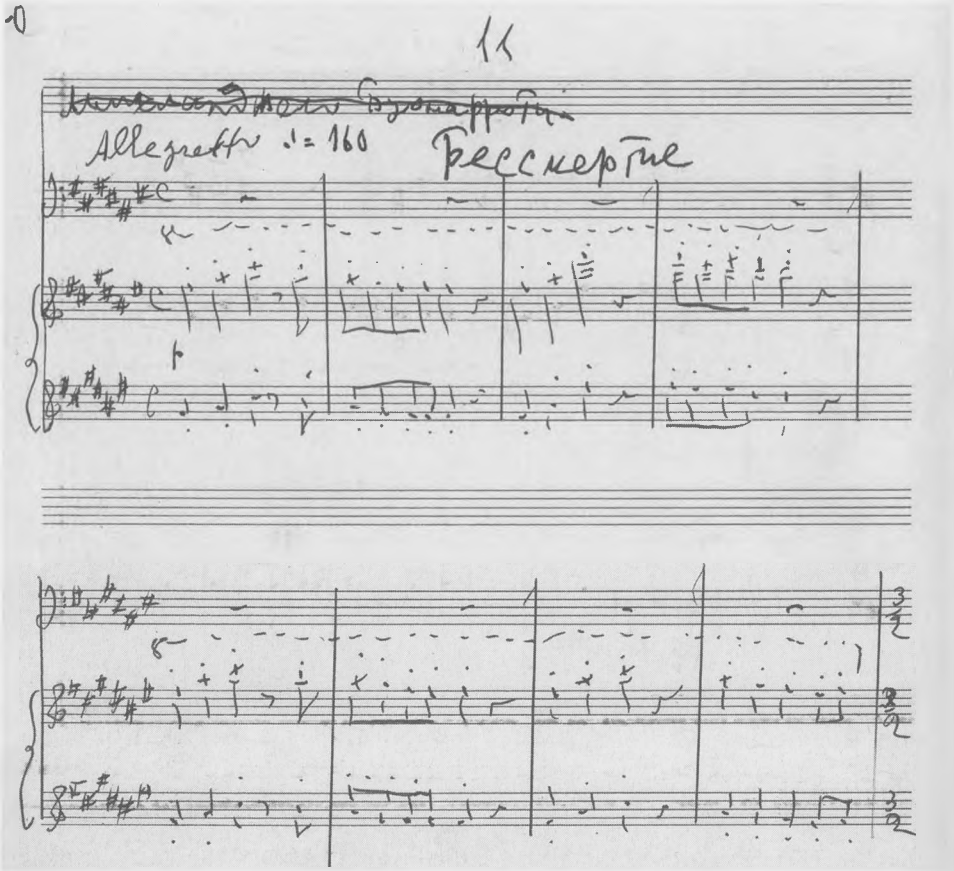
Я мечтаю о поездке в Репино… Очень многое связано в моей жизни с этим местом



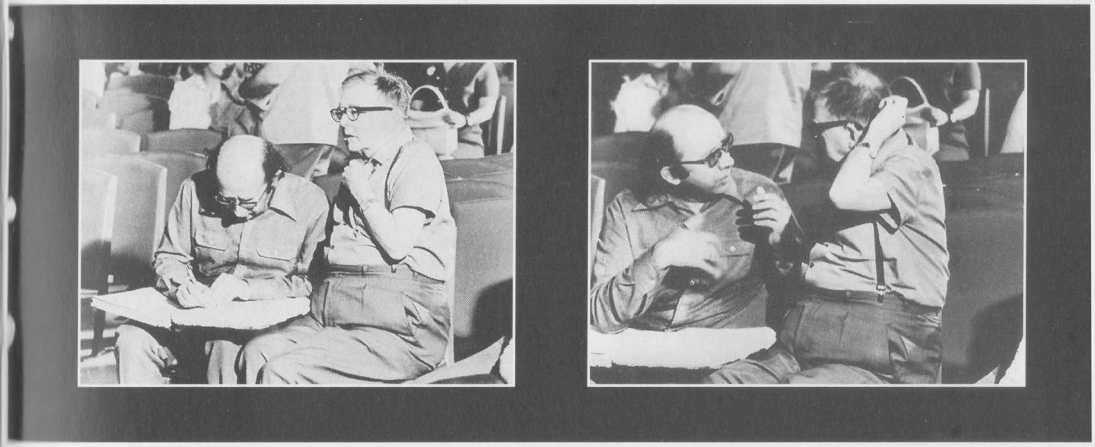
В Репине

Д. Ойстрах и С. Рихтер будут играть мою сонату… Ужасно волнуюсь, не сплю ночами… С С. Рихтером и Д. Ойстрахом в Большом зале Московской консерватории. 1969 год

Д. Шостакович в Большом зале Московской консерватории после концерта.
Рядом М. Ростропович и Е. Светланов



Автограф Сюиты для фортепиано на стихи Микеланджело



Д. Шостакович и дирижер Г. Рождественский на репетиции оперы «Нос» в Московском камерном музыкальном театре. Сентябрь 1974 года

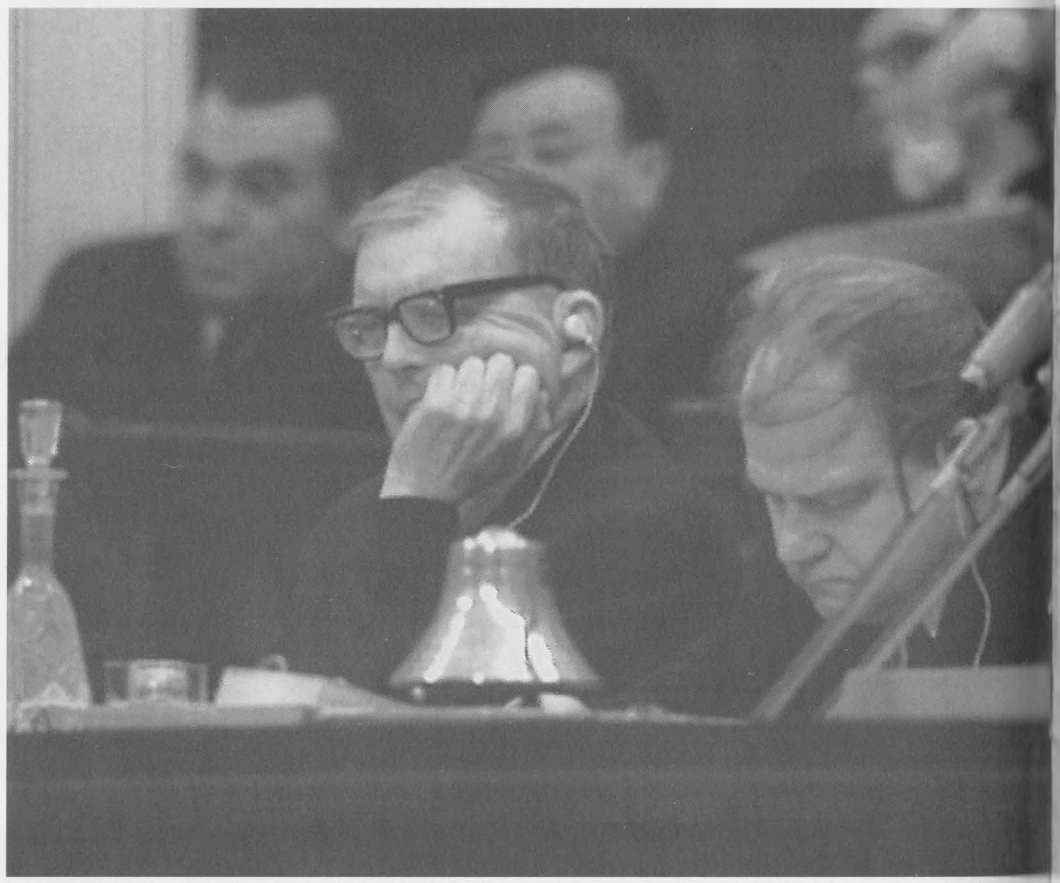
С публикой после концерта

На теплоходе «Михаил Лермонтов» во время поездки в США в 1973 году

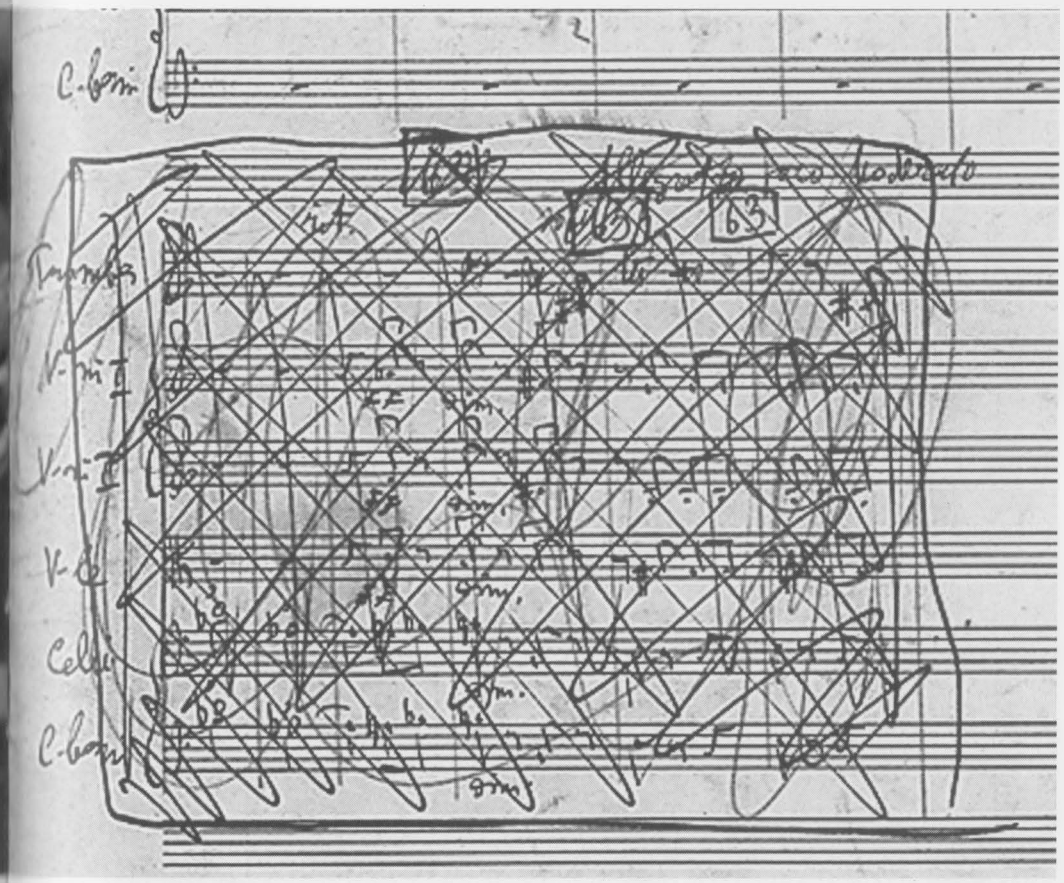
В путешествии самое сильное и прекрасное впечатление произвел на меня океан. Это неописуемо дивное зрелище

Д. Шостакович во время пресс-конференции на корабле

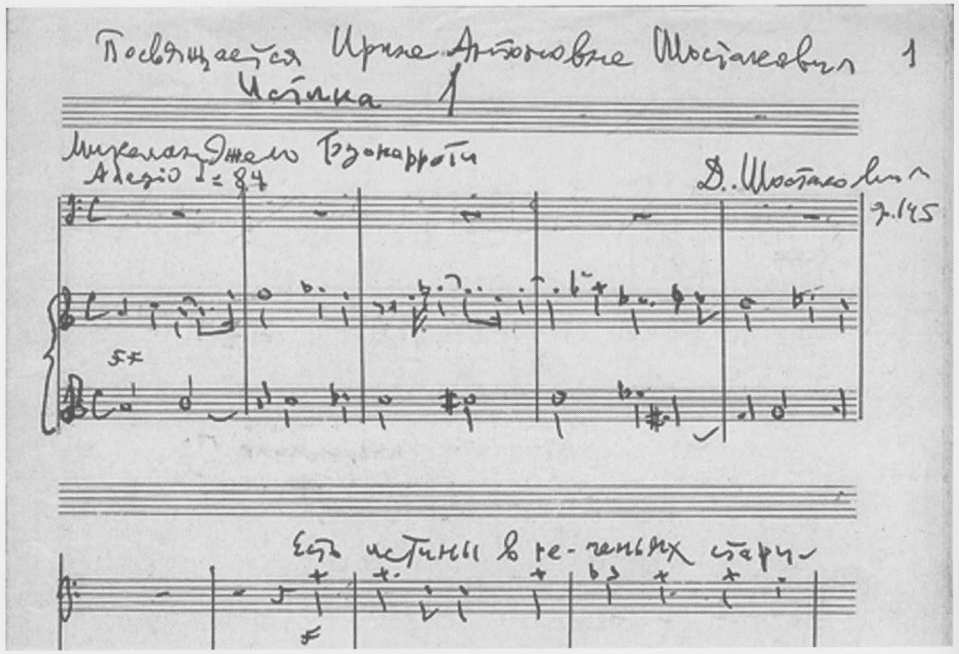
Кадры выступления Д. Шостаковича на Съезде композиторов в Большом зале Кремлевского дворца. Апрель 1974 года



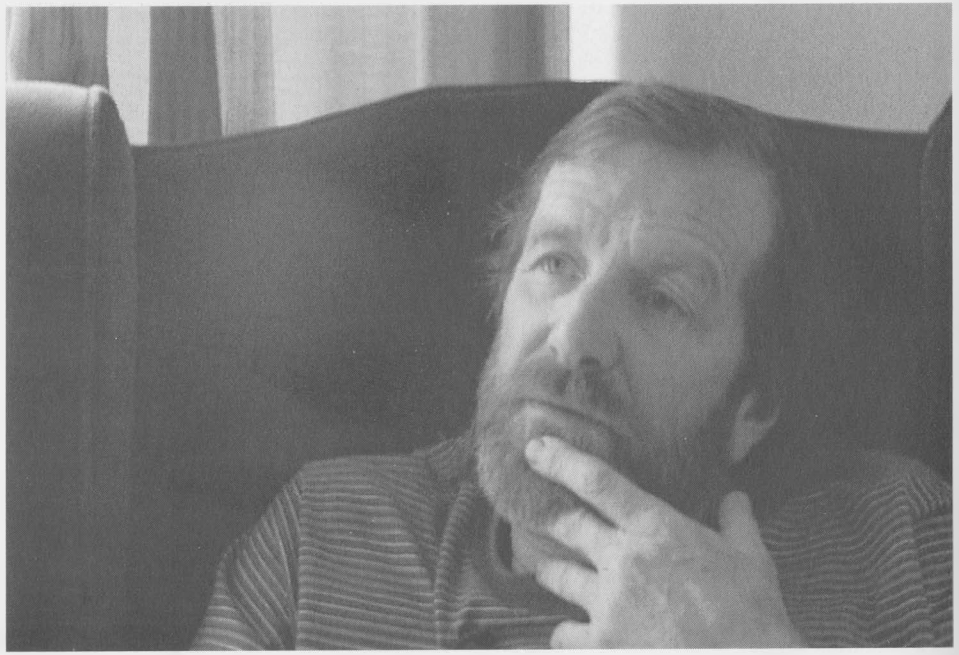
Сознание мое всегда наполнено музыкой…
Д. Шостакович и Т. Хренников в президиуме съезда



Фрагмент рукописи Д. Шостаковича



Автограф Сюиты Д. Шостаковича на стихи Микеланджело, посвященной И.А. Шостакович

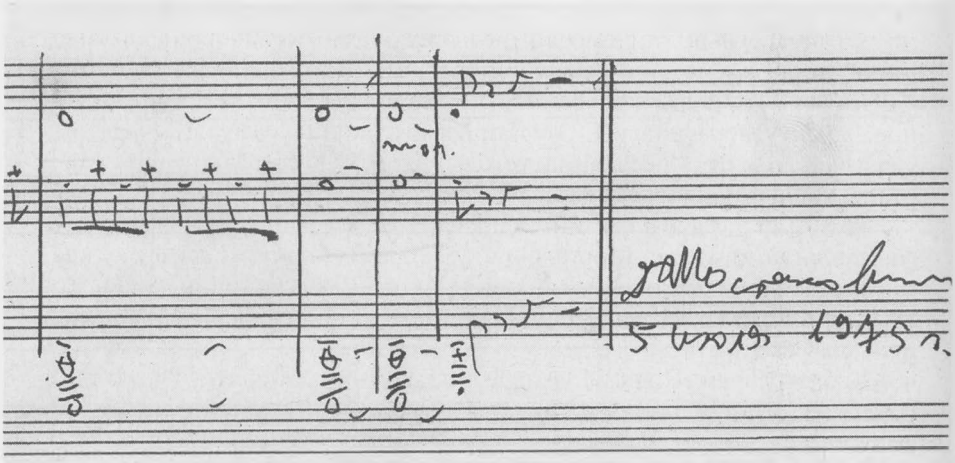


Максим Шостакович (кадр из фильма «Дмитрий Шостакович. Семейный альбом»)

Д. Шостакович с женой И.А. Шостакович в Большом зале Ленинградской филармонии во время репетиции Пятнадцатого квартета

Среди музыкантов

Мне сейчас трудно сказать, какое новое произведение я напишу…
Письменный стол в кабинете Д. Шостаковича в Москве



Последние такты последнего сочинения Д. Шостаковича — Альтовой сонаты (ор. 147)

Т о в. К а б а л е в с к и й. «...Не следует забивать гвозди в гроб Шостаковича...» Я в первый раз узнал, что есть гроб для Шостаковича, в который предполагают его положить. Это неверно. Статьи «Правды» не гроб. Мне думается, что по чисто музыкальной одаренности Шостакович талантливей многих, в отношении мастерства он тоже стоит на гораздо более высоком уровне. Но есть талантливость, которая нам не нужна, если она ведет не по нашему пути. Если Шостакович не сможет пойти по другому пути, тогда его нельзя будет оправдать никакими разговорами о таланте. Атмосфера поклонения, созданная вокруг него, привела к тому, что он стал писать такие вещи, про которые, если бы не знать автора их, можно сказать, что они принадлежат почти бездарному композитору. Я имею в виду его фортепианный концерт и 24 прелюдии, виолончельную сонату. Эти прелюдии считаются чуть ли не гениальным сочинением, только благодаря тому, что на них стоит фамилия Шостаковича. Возьмите последнее, что написано Шостаковичем, — это музыка к фильму «Подруги». Позорная музыка! Вот к чему приводит отсутствие подлинной критики: талантливый человек начинает писать бездарную музыку.

Т о в. Н е й г а у з (*аплодисменты*). Товарищи, я не собираюсь играть, зачем же вы встречаете меня аплодисментами. Я расцениваю статьи «Правды» как удар по хвастовству. Вместе с тем статьи эти — радостное явление. Какой же это гроб? Шостакович — человек высоко даровитый и умный. Если так, он должен быть благодарен, рад и счастлив. Это на него должно оказать прекрасное влияние. Мы живем в ту счастливую эпоху, какой никогда не было; мы можем сознательно творить историю. Когда вы взберетесь на вершину Гималаев, вы увидите небывалый простор, точно такое же впечатление и у меня от перспектив в искусстве. Я был полтора месяца назад на опере Шостаковича, но ушел после второго действия. Я почувствовал, что мне становится скучно.

Статьи в «Правде» я расцениваю прежде всего, как явление радостное, жизнеутверждающее. Этот призыв будет нам служить маяком, указывающим путь к созданию того великого искусства, которого ждет от нас наша страна и весь мир.

Т о в. Г о р о д и н с к и й. Вопрос о том, кто виноват, что молодой советский композитор Шостакович, учившийся на наши средства, воспитанный консерваторией, свихнулся с пути. Непристойно выдвигать глупый тезис о гробе для Шостаковича — это не верно. Не гроб, а ступень ввысь. Эта статья освещает путь Шостаковичу. Он должен быть без конца благодарен «Правде» за то, что появилась статья. Надо драться за советскую музыку, за музыку прекрасную, за музыку великолепную, музыку классическую, за создание таких высоких образцов музыкальных произведений, которые были бы понятны многомиллионному народу,

которые говорили бы его языком, ибо кто же имеет право позорить родной язык, язык великого народа, язык народа, который создал самых блестящих людей, которые когда-либо жили и существовали. Соединенными силами советские музыканты, при поддержке нашей партии создадут то музыкальное искусство, которое будет выше всех вершин Гималаев.

...Мы еще увидим небо в алмазах.

Мне кажется, что надо иметь мужество не только на убийство своих вещей, но и на их защиту. Я много и упорно думаю над всем происшедшим. Главное — это честность. На много ли и надолго ли этого у меня хватит. *(12 апреля 1936 г.)*

...Пока еще я чувствую себя сильно пришибленным. Сочинять не хочется. *(14 июля 1936 г.)*

...Сейчас ни над чем не работаю. Думаю немного отдохнуть. Хотя какой уж тут отдых, если болит душа. Собираю изо всех сил все свои запасы оптимизма и вот так живу... *(8 сентября 1936 г.)*

...Настроение неважное, и чем дальше, тем хуже. Раны не заживают. Но это дело десятое. *(13 сентября 1936 г.)*

Когда после смерти Сталина вновь встал вопрос о том, что нет хороших советских опер, была составлена секретная записка ЦК ВКП(б), большое место в которой отведено Шостаковичу: «Шостакович не торопится выступить в оперном жанре, не ищет достойной темы и хорошего либреттиста. Он предпочитает сочинять музыку для кино, хоры, квартеты и другие произведения, не требующие особого труда, усилий и ответственности».

И вот теперь, после нескольких десятилетий запрета, опера вернулась на сцену.

Отметив, что «вновь оживают нежелательные разговоры по поводу запрещения оперы Шостаковича» а также «тот факт, что “Леди Макбет” не идет в Советском Союзе, но ставится в театрах капиталистических стран», ЦК КПСС в секретном документе «обязывает Союз композиторов ознакомиться с новой редакцией оперы, а окончательное решение о целесообразности показа “Леди Макбет” принять после общественного просмотра и обсуждения закрытого спектакля».

Завтра у меня собирается комиссия для прослушивания моей оперы «Леди Макбет». Означенная комиссия должна решить вопрос о том, можно или нельзя ставить эту оперу. Я жду завтрашнего дня с волнением и любопытством...

В Московском театре имени Станиславского и Немировича-Данченко состоялись закрытые репетиции оперы Шостаковича.

Э. Андреева, исполнительница партии Катерины, рассказала, как однажды после репетиций — а Шостакович присутствовал на всех репетициях — они пошли в класс и Шостакович сел за рояль и сам стал аккомпанировать. Это была ария «В лесу есть озеро»: «И когда он начал играть, в его аккордах была такая мощь, такая сила, он так это сыграл, что, хотя он ничего и не сказал, никаких советов, эта сила, казалось, передавалась, шла от его музыки». *(Из интервью автору)*

Овации после премьеры были невероятные, казалось, что таких оваций театр не слышал никогда. Запись оперы «Катерина Измайлова» получила в Париже «Гран-при».

Как-то Шостакович сказал о М. Зощенко: «Молодец Михаил Михайлович, что пережил своих гонителей!»

Шостакович написал не только музыку, но и либретто «Леди Макбет Мценского уезда», потому эта опера была вдвойне любимым его детищем. Композитор представлял себе, как эта опера должна не только звучать, но и выглядеть на сцене.

Максим Дмитриевич возмущался, что современные режиссеры при постановке оперы часто позволяют себе абсурдные вещи — «...например, в одной из постановок персонаж, именуемый “задрипанный мужичонка”, как известно, поет: “У Измайловых труп в погребе!” Так вот, в том спектакле труп был помещен не в погреб, а в багажник автомобиля “Лада”, который для постановки специально выписали из Москвы. На его недоуменный вопрос, дескать, а как же авторский замысел, режиссер ответил: “Ну, Максим Дмитриевич, теперь уже так никто не работает...” В той же постановке другая несообразность: Катерина поет: “Батраки крупчатку ссыпают”. Муку то есть. А на сцене персонажи в пластмассовых касках, и у них мешки с цементом... В другой постановке вместо полицейских на сцене появляются чекисты... Шостакович не терпел подобных вещей, поэтому старался участвовать в подготовке всех постановок оперы. Лучшим он считал спектакль в Киевском театре оперы и балета (дирижер К.А. Симеонов, режиссер И.А. Молостова)». *(Из интервью автору)*

С. Рихтеру московская постановка не понравилась. В своем дневнике он записал: «Эту “злополучную” оперу в театре Немировича-Данченко поставили как-то сглаженно. Второе посещение — Большой театр (Рождественский и Покровский). Кошмар! И вот Wiener Volksoper оказалось самым пронзительным и интересным, главным образом в ярком

исполнении музыки Шостаковича, прекрасном и верном. Дирижер как бы наэлектризовал музыкальную ткань оркестра. Певцы также были в полном ансамбле...

А постановка? Дама-режиссер такого накрутила, что лучше даже не рассказывать. Дом Измайловых — стеклянный стакан, в котором на втором этаже кровать Катерины. Там и происходят все отвратительные порнографические сцены. Кабинет Бориса Тимофеевича подходил бы современному ученому или писателю. Все шиворот-навыворот. Катерина, которая могла бы нам встретиться теперь на улице — одета она в современной безвкусно-распущенной манере, — на свадьбе является в костюме боярыни с кокошником. Безобразие вопиющее и отвратительное. В конце она падает с Сонеткой в нефтяную шахту.

Ну как же можно такое допускать?!!»

Как-то у Шостаковича состоялся разговор с Рихтером о музыкальных деятелях:

«Я хочу сказать, что музыку, в конце концов, каждый пишет, какую может, но... зачем другим гадости делать?! — сказал вдруг Шостакович и, сильно волнуясь, добавил: — Говорят, что о мертвых нужно говорить или хорошо, или ничего, а я же скажу, что некоторых из могилы выкопать, да в морду наплевать, да в морду наплевать...» — И он сильно ударил указательным пальцем по столу, как бы пресекая всякие разговоры на эту тему.

Сколько страданий принесла эта опера Шостаковичу! Может быть, это и было началом страха, с которым он, такой дерзкий, подчас саркастичный, жил всю жизнь.

Однажды на вопрос, обращенный к композитору, почему после «Леди Макбет» он не написал больше ни одной оперы, за него ответил стоявший рядом дирижер: «Охоту отбили!» — и Шостакович сделал подтверждающей жест.

В киноинтервью иностранной телекомпании после возвращения оперы Шостакович сказал: **В критике моей оперы «Катерина Измайлова» было много справедливого и много несправедливого. Но когда зашел вопрос о возобновлении оперы, я сделал новую редакцию. Значит, эта критика была справедливой...**

✉ *6 апреля 1972 г.*

Уважаемый и дорогой Дмитрий Дмитриевич!

Вот и провели мы празднование 45-летия колхоза. Хорошо провели мероприятия: смотры художественной самодеятельности, конкурсы-

выставки вышивок, стенгазет и т. д. На пяти торжественных собраниях зачитывали Ваше письмо. 30 марта открыли музей «Боевой, трудовой и героической славы Советского народа», и где Вы в центре как почетный колхозник и выдающийся композитор. Знали бы Вы, как мы гордимся дружбой с Вами, как любим Вас все!..

Хотим обратиться к Вам с несколькими просьбами и заранее просим извинения за беспокойство.

Первая просьба — это помогите нам через соответствующие организации получить автобус «Кубань», для перевозки колхозников. Далее очень хотели бы просить Вас прислать для музея сувенир-подарок, который был бы своеобразен и конкретно отображал деятельность человека, представленного в музее. Вот к примеру, Ваша композиторская деятельность связана с роялью и пианино. Нет, мы не за настоящий, большой музыкальный инструмент, а вот в Детском мире продают детские, миниатюрные хорошие инструменты. Неплохо бы получить такой с гравировкой.

И последнее — просим найти время и, когда здоровье поправится, приехать к нам в гости. Очень уж Вас колхозники ждут и хотят видеть.

С любовью к Вам и наилучшими пожеланиями в жизни от имени всех колхозников (9 подписей).

Председателю колхоза «Герой»

Уважаемый тов. Астраханцев!

Я буду рад встретиться с Вами, но в настоящее время я нахожусь в больнице на лечении, где пробуду до 20 апреля. Поэтому прошу Вас, если Вы приедете до 20 апреля, то позвоните моему личному секретарю Зинаиде Александровне Гаямовой по телефону 229-9050 и сообщите о своем приезде, а она передаст мне, и я выпишу на Ваше имя пропуск в больницу.

Если же Вы приедете после 20-го, то я встречусь с Вами в любом удобном для Вас месте или у меня дома. Но все же заранее прошу сообщить мне дату Вашего приезда.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *29 февраля 1972 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Дмитрий Дмитриевич.

Я — никто, кроме любящей и почитающей композитора Шостаковича, о котором мои бывшие ученики в бытность моей работы во Дворце работников искусств им. К.С. Станиславского в Ленинграде выражали восторг словами: «Шостакович — наша Слава! В космосе симфонии —

Полет!» А сегодня мне не к кому больше прибегнуть в моей беде, со своей сугубо личной просьбой, как только к Вам, самому могущественному в музыкальном мире человеку и, наверно, самому доброму.

Я не знаю, с чего начать, — так мне стыдно перед Вами, что я решилась беспокоить Вас, — но это совершенно крайний случай. Но я не за себя, а за мою внучку, простите меня, ради Бога. Ведь — молодняк, наша смена. Она — Тамара Новинская, кончает сейчас муз. училище им. Мусоргского в Ленинграде (и готовится в Консерваторию) по кл. ф-но у прекрасного педагога К.Н. Либерова. Но в марте предстоит распределение, и периферия — как говорит директор училища. А положение сейчас в нашей семье тяжелое: двое тяжелобольных, — это дед (мой муж) — Иванов-Новинский Влад. Федор., ветеран Революции и становления Советской власти, служивший в Армии вместе с Мих. Вас. Фрунзе, и переходивший вместе с ним знаменитый Сиваш по пояс в ледяной воде, участвовавший и в дальнейшем во всех войнах, ныне инвалид II гр. Великой Отечественной войны, пенсионер МВД, человек, теперь разбитый, больной, нуждающийся в уходе и заслуживший это перед Родиной. «Родина слышит, Родина знает». А второй — это отец Тамары, мой сын — Новинский Николай Владимирович, виолончелист, преподаватель Ленинской Музыкальной Школы, — где он работает уже 22 года, — тоже в настоящее время человек очень больной, страдающий эндокринными заболеваниями (щитовидная железа, тиреотоксикоз), и находится на излечении в Клинике психоневрозов им. академ. И.П.Павлова.

При таких обстоятельствах разве можно бросить больных стариков и уехать работать на периферию.

Из всей нашей семьи только я одна самая здоровая и самая «молодая», и работаю, и даже на двух работах: в Дирижерско-Хоровом Народном Училище от Всероссийского Хорового Общества в г. Ленинграде и в фирме «Невские Зори», но ведь мне уже 71 год, и я вместе с сыном перенесла в Ленинграде в блокаду все, что Вы рассказали в Вашей VII Симфонии.

Умоляю Вас, помогите, если можете, получить Тамаре назначение на педагогическую работу в одну из музык. школ в Ленинграде (лучше в Ленинскую, где работает ее отец).

Я уверена, что Вы любите молодняк и помогаете молодежи.

Прошу Вас извинить меня, если я причинила беспокойство Вам своим письмом, но Вы — единственная надежда.

Тамара — девочка очень скромная и серьезная, работоспособная и активная, учится хорошо, и практику и методику сдавала на «отлично», и будет достойной сменой.

Уважающая Вас Александра Дмитриевна Новинская.

P.S. А кроме того, и все наши предки были музыканты, и мой отец — виолончелист, и мой дед работал в Мариинском т. при Петипа и Чайковском и был концертм. скрипок.

15 марта 1972 г.

Министру культуры РСФСР Н.А. Кузнецову

Уважаемый Николай Александрович!

Ко мне обратилась семья потомственных ленинградских музыкантов с просьбой, в виде исключения, оставить их внучку Т. Новинскую, кончающую Музыкальное училище им. Мусоргского в Ленинграде, при распределении в Ленинграде.

Учитывая тяжелое положение семьи — одни старики, больные, мне кажется, можно пойти им навстречу в этой просьбе.

Пересылаю Вам копию их письма ко мне и прошу сообщить мне о результатах моего ходатайства.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *10 апреля 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Учитывая Вашу просьбу, Министерство приняло решение о направлении на работу в город Ленинград выпускницы Ленинградского музыкального училища им. Мусоргского Новинской Т. Главному управлению культуры Ленгорисполкома даны соответствующие указания.

Министр культуры РСФСР Н. Кузнецов.

✉ *1 мая 1972 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Дмитрий Дмитриевич!

Сердечно поздравляю Вас с Праздником и желаю Вам много доброго здоровья на долгие годы. Поздравляю Вас также от имени всех моих 40 учеников, обожающих Вас и Вашу замечательную музыку, проникшую сейчас, кажется, в каждый дом в Ленинграде. А это значит, что уже широкая масса — народ облагораживается, распахивает двери Вашей музыке и раскрывает уши музыке сегодняшнего дня, сегодняшнего и завтрашнего, а не позавчерашнего. Ведь Вы единственный наш советский композитор, которого мы даем учащимся в нашем учебно-педагогическом репертуаре в разрезе Программы для детских музыкальных школ старших классов.

Посылаю Вам в подарок к 1 Мая сохранившийся от моего отца, работавшего когда-то в Мариинском театре, экземпляр автографов,

совершенно уникальный. Мой талантливый дед — скрипач, унаследовавший, очевидно, в крови, талант своего отца (т.е. моего прадеда) турка Сулеймана-Оглы, — главнокомандующего турецким флотом в Севастопольскую оборону 1855 г. при Нахимове и попавшего в плен в Россию. Вы, наверно, видели его, моего прадеда, в картине «Нахимов», где показано, как его, раненого, несут на носилках. В России он обрусел, и вместо Сулеймана царь Александр II присвоил ему имя Семен и Фамилию Новинский (от слова «новый»).

А теперь о себе лично.

Я бесконечно Вам благодарна за Вашу отзывчивость, и за Ваше доброе желание помочь в моей беде — в отношении моей внучки Тамары, и за Все, что Вы сделали для меня.

Я получила 24/IV уведомление о положительном решении Министра Культуры РСФСР по поводу моей внучки Тамары и копию письма о решении Министерства «о направлении на работу в г. Ленинград выпускницы Ленинградского Музыкального Училища им. Мусоргского Новинской Т., о чем Главному Управлению культуры Ленгорисполкома даны соответствующие указания». Но, однако, к большому моему сожалению, и даже моему отчаянию, при распределении 25/IV Тамару под угрозой неполучения работы вовсе, либо лишения ее диплома, заставили принять назначение в гор. Кингиссепп. Некая т. Дедова, представитель Управления культуры, производившая отбор рабсилы, кричала на Тамару, и хотела сперва направлять ее в какой-то «Спецгород» где-то за Красноярском. «Ах, вы все в Ленинграде хотите, так я Вас на новостройку». После долгих неприятных дебатов, завуч училища вдруг предложил: «Давайте, дадим Тамаре Кингиссепп, пусть там работает», и моя робкая внучка, волновавшаяся и не осмелившаяся протестовать, услышав один лишь теплый звук голоса завуча, бросилась к нему на шею поцеловать его за доброе слово. А «доброе слово и кошке приятно».

Вот, пишу Вам и плачу, бедная, она ведь из-за меня перенесла столько унижений, будто это не я прошу, чтобы ее оставили в Ленинграде, а вроде она сама будто не хочет ехать. Ей стыдно перед подругами, и она хочет ехать. Теперь ведь вся молодежь хочет куда-то ехать, и Тамара тоже. Но ведь я для себя просила ее оставить в Ленинграде.

А теперь как будет дальше, что мне делать? Положение безвыходное, двое тяжелобольных — у сына деформирующий ревматизм и спондилоз, он недвижим и до него нельзя дотронуться, до того все болит, а муж тоже такой же. И вот сегодня ночью муж, потеряв сознание, вдруг упал в коридоре, и я тащила его волоком по полу из коридора в

комнату, а на кровать его одной было не поднять!! Куда же может Тамара уехать на работу в Кингиссепп и нас бросить одних? Разве она не обязана позаботиться о нас, стариках, хотя ей, может быть, и хочется, как все девочки-подружки, куда-то ехать работать. (А, кстати, 10 человек их выпуска оставили здесь, в Ленинграде, и т. Дедова их всех утвердила). И что мне делать?

А с другой стороны, прямо злость забирает, почему для Тамары не нашли место в Ленинграде? Почему не выполняется указание Министра. И если я для Вас совершенно чужой человек, — беспокою Вас, такого занятого важнейшими делами, и такого большого и нужного Родине человека, и Вы отвлекаетесь на совершенно для Вас ненужные хлопоты о постороннем для Вас человеке, обо мне, тратите свое драгоценное время и здоровье и обращаетесь к Министру из-за меня, и еще Министр тоже для Вас, учитывая Вашу просьбу, занимается совершенно посторонним для него вопросом, — и шлет в Ленинградское Управление культуры свое распоряжение, — то тут на месте какая-то тов. Дедова все ломает, игнорирует решение Министра и, можно сказать, даже дискредитирует. Так вот, наверно, почему все в Комиссии засмеялись, когда Тамара бросилась целовать завуча за предложенный ей Кингиссепп, — засмеялись, и еще кто-то сказал: «Ты не поняла, это ведь не Ленинград, а Кингиссепп», — засмеялись, что удачно обошли Министерство. Вот так, моя маленькая робкая Тамарочка, еще не начав жить, еще только собираясь войти «в мир иллюзий», а у нее уже из-за меня враги.

Я не хотела Вам об этом и писать, дорогой Дмитрий Дмитриевич, и моя внучка не знает, что я вам пишу, но это сегодняшнее происшествие с моим мужем очень меня испугало и потому послужило толчком. Если бы Вы могли еще в последний раз в жизни, — хотя и сейчас я не смею к вам обращаться и это свыше моих сил, так назойливо Вас беспокоить, — прошу Вас со слезами, — то, может быть, Вы сможете добиться, чтобы аннулировать принудительную подпись моей внучки на назначение в Кингиссепп, и чтобы т. Дедова, или кто там еще — выполнили указание Министра — дать направление на работу в любую из музшкол в городе Ленинграде моей внучке, Новинской Тамаре Николаевне.

Эта Ваша помощь будет мне, — уже однажды пережившей в Ленинграде блокаду и голод, — теперь как «Голодному на хлеб!»

Целую Вас, дорогой Дмитрий Дмитриевич, и прошу Вас извинить меня за все, за все.

Ваша А.Д. Новинская.

15 марта 1972 г.

Первому секретарю Горьковского обкома КПСС

тов. Масленникову Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

Пересылаю Вам «дело» моей избирательницы Прусовой Екатерины Александровны, присланное ею мне. Думаю, что потомственным жителям города Горького, членам семьи погибшего воина, работнице с 45-летним непрерывным трудовым стажем нужно более активно идти навстречу в улучшении тяжелых жилищных условий.

С уважением Дмитрий Шостакович.

21 апреля 1972 г.

Горьковский обком КПСС

Секретарю обкома

Тов. Масленникову Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

Ко мне обратилась моя избирательница Полякова З.А. (г. Чкаловск, Инженерная, 19, кв. 6) с отчаянным письмом — жалобой на бездеятельность и равнодушие к ней со стороны городских организаций.

Полякова З.А. в 36 лет инвалид 1 группы, нуждающаяся в специальном уходе (диагноз: цирроз печени, септический эндокардит, состояние тяжелое). Она обращалась в ЦК КПСС, откуда ее заявление было направлено председателю Чкаловского исполкома тов. Быкову И.Ф.

До сих пор ее просьба, справедливая и заслуживающая самого внимательного отношения, не выполнена. Она просит предоставить ей изолированную квартиру с нормальными коммунальными удобствами, ибо в той квартире, где живет она, даже нет холодной воды. С ней проживает дочь 13 лет и муж.

Убедительно прошу Вас дать указание о срочной помощи Поляковой З.А.

О результатах прошу сообщить.

К письму прилагаются все копии справок, присланных ею вместе с жалобой (4 копии).

Д. Шостакович.

✉ *25 июня 1973 г.*

Коммунистическая Партия Советского Союза

Горьковский областной комитет

Тов. Шостаковичу Д.Д.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

На Ваше второе письмо об оказании помощи т. Поляковой–Шушариной З.А. в получении изолированной квартиры с нормальными коммунальными удобствами сообщаем, что выделение т. Поляковой необходимого жилья возможно только после ввода в эксплуатацию нового 70-квартирного дома на испытательной базе ЦКБ по судам на подводных крыльях, где работает ее муж т. Шушарин Ю.В.

В настоящее время закончена кладка первого этажа этого дома.

О результатах рассмотрения просьбы т. Поляковой-Шушариной сообщено.

Секретарь обкома КПСС С. Ефимов.

16 марта 1974 г.

Горьковский обком КПСС

Секретарю обкома тов. Ефимову С.В.

Уважаемый Сергей Васильевич!

Вынужден вновь обратиться к Вам по жилищному делу тов. Поляковой-Шушариной З.А., проживающей в Чкаловске, Инженерная 19, кв. 6.

Из Вашего письма (№ 1262 от 25 июня 1973 года) следует, что т. Полякова может получить квартиру после ввода в эксплуатацию 70-квартирного дома на испытательной базе ИКБ по судам на подводных крыльях, где работает ее муж.

Тов. Полякова просит предоставить ей квартиру в Чкаловске из фондов Горсовета. Свою просьбу она мотивирует весьма серьезными соображениями: ей как инвалиду 1 группы (диагноз: цирроз печени, септический эндокардит, состояние тяжелое) требуется специальный уход. Такой уход тов. Полякова могла бы иметь в Чкаловске, где проживает ее мать, которая оказывает своей дочери необходимую помощь. Большое значение для тов. Поляковой имеет соседство ее будущего жилья с поликлиникой или больницей.

Случай тов. Поляковой исключительный, и я надеюсь, уважаемый Сергей Васильевич, Вы сочтете возможным вернуться к этому вопросу.

Д. Шостакович.

✉ *26 апреля 1974 г.*

Коммунистическая Партия Советского Союза

Горьковский областной комитет

Тов. Шостаковичу Д.Д.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

На Ваше письмо от 16 марта 1974 года об оказании помощи тов. Поляковой-Шушариной З.А. в получении квартиры в Чкаловске сообщаем, что в текущем году мужу Поляковой — т. Шушарину Ю.В. выделена квартира в новом 70-квартирном доме на испытательной базе ЦКБ по судам на подводных крыльях площадью 26,8 кв. м. со всеми удобствами.

О результатах рассмотрения просьбы т. Поляковой-Шушариной сообщено через ее мужа.

Секретарь обкома КПСС С. Ефимов.

✉ *15 мая 1972 г.*

Шостаковичу Д.Д.

Канавинский райком КПСС сообщает, что Кротова А.П. пенсионер, ранее работала бригадиром сторожей в отделе охраны района.

Из беседы с Кротовой установлено, что она травмирована смертью дочери, покончившей жизнь самоубийством. Причины самоубийства расследованием не были установлены, в возбуждении уголовного дела отказано.

Кротова недовольна расследованием, поэтому обратилась к депутату Верховного Совета СССР т. Шостаковичу для оказания ей содействия в дополнительном расследовании причин самоубийства дочери.

Секретарь райкома КПСС А. Варварина.

Я очень соскучился по Ленинграду. Когда я в кино или по телевидению вижу Неву, Исаакия и т. д., у меня набегают слезы на глаза... — писал Шостакович 3 мая 1972 года.

А уже через два дня, 5 мая в Ленинграде в Большом зале филармонии он присутствовал на исполнении Пятнадцатой симфонии оркестром под управлением Е. Мравинского.

В своем дневнике Мравинский как-то записал: «Прикидывал мысленно “книгу о Шостаковиче”, которую мог бы написать... но вряд ли напишу, “не собраться”, да и неспособен, верно...»

Как жаль, что о многом мы уже никогда не узнаем! Например, в своем дневнике Мравинский упоминает свою беседу с Шостаковичем о трех этапах истории: Потемкин, Распутин, Желтов, как конспективно упомянуто в дневнике...

Однажды Е. Мравинский сказал: «Потомки будут завидовать нам, что мы жили в одно время с автором Восьмой симфонии, могли встречаться и разговаривать с ним. Они постараются собрать как можно больше сведений о его жизни и творчестве. И они, наверное, будут се-

товать на нас за то, что мы не сумели зафиксировать и сохранить для будущего многие характеризующие его мелочи, увидеть в повседневном неповторимое и потому особенно дорогое и оценить в должной мере историческое значение нашего великого современника».

Мне всегда очень везло в отношении исполнителей моих произведений. Очень внимательно и по-дружески чутко относился к моему творчеству замечательный наш дирижер Е. Мравинский. Начиная с 5-й симфонии он неизменно был первым исполнителем всех моих крупных симфонических произведений.

Е. Мравинский: «Мне, тогда еще молодому дирижеру “без имени”, неожиданно поручили подготовить к декаде советской музыки только что законченную Пятую симфонию Шостаковича. До сих пор не могу понять, как это я осмелился принять такое предложение без особых колебаний и раздумий... Меня извиняло то, что я был молод и не сознавал ни предстоящих трудностей, ни всей ответственности, которая выпала мне на долю. А кроме того, я очень надеялся на помощь со стороны автора».

Я позвонила Евгению Александровичу Мравинскому и попросила о встрече. Мравинский попросил перезвонить через день — завтра у него концерт. Он разрешил прийти на следующий день после концерта, продиктовав домашний адрес.

Это был один из самых незабываемых концертов, в котором прозвучала и Пятая симфония Шостаковича.

Мы сидим в просторном кабинете Евгения Александровича Мравинского. За окнами промозглая ленинградская осень, а здесь тепло, мягкий свет — я мысленно прикидываю, где можно было бы поставить камеру, чтобы снять портрет дирижера, — трудно представить более подходящий момент и настроение — хозяин в мягком домашнем сюртуке, доброжелателен и нетороплив. Медленно закуривает. В глубине комнаты белеет мраморный бюст его умершей жены.

В начале разговора Мравинский произнес фразу, которую я часто потом вспоминала. «Стоишь под деревом — разве можно определить высоту дерева?» — сказал он о Шостаковиче.

О.Д. Когда вы работаете над симфониями, ищете ли вы какие-либо ассоциации этой музыки как исполнитель?

Е.М. Избегаю. То, что пишет Бруно Вальтер, как он ходит в музей накануне концерта, — это романтическая эпоха, которой он принадлежал. Есть какие-то любимые ассоциации, к которым я прибегаю, иногда для воздействия на оркестр.

Я люблю играть в «Щелкунчике» большой драматический кусок — там есть в музыке такое место — Маша остается одна... Рост елки. Вдруг появляется тревожное тремоло у струнных и одинокий гобойчик. Семь тактов: человечек, размахивающий деревянным мечом. Это — символ человека. Вот это! Не тот, который строил пирамиды, а вот этот! Трепетный и одинокий гобой по-кукольному воюет со всей вселенной. Я это говорил гобоисту, и он сразу ощутил трагическую игрушечность и сыграл как надо.

А вообще в работе для меня все это характеризуется словом «литературщина». Специфика музыки не выразима ничем другим. Отдаленно только, может быть... Если вы взглянете в деревянное сердечко Щелкунчика, вы увидите там героизм.

Гражданственность — вот главная идея у Шостаковича.

Является ли героем народ — безусловно. У Мусоргского тоже герой — народ.

Боль о народе и забота большая. Народ — люди, человек. Но у Шостаковича народ — как итог множества людей. А у Мусоргского мы можем не задавать вопрос, много ли там людей — несколько в «шестидесятническом» смысле.

Это и в сцене под Кромами, и в сцене у Василия Блаженного. «Хлеба народу!»

А у Шостаковича боль за человека, каждого человека, который составляет народ. И в этом смысле Шостакович одержим.

Не мог видеть бедствия. Его депутатство — это очень важно. Не может видеть, как человеку холодно и голодно. Не пройдет мимо и никогда не проходит. Сказать же, что он добрый, — никак не скажешь. А видеть не может, когда кому-то плохо. Он будет об этом помнить, писать письма, добиваться. И в этом положении депутата совершенно удивительный человек. И умеет помочь.

О.Д. Ваша любимая симфония Шостаковича — Восьмая?

Е.М. Восьмая — идеальнейший образец чистой музыки с предельнейшим насыщенным содержанием. Я на Восьмую очень много сил положил. И особенно люблю первую часть... По-моему, она даже может существовать отдельно. Это — редкий случай. Исключение составляет еще первая часть Седьмой симфонии — она тоже отделима от всей симфонии.

Можно изобразить зло по-разному. Весь вопрос — для чего. У Шостаковича это зло не ради зла изображено. Можно изображать добро и получатся конфетные коробки — были и есть тому примеры.

Это изображение зла много беды принесло ему в жизни. Всегда была спекуляция на политике однодневки.

Разве обязательно симфонию кончать литаврами, как Пятую? Совсем не обязательно!

Шостакович стоик. Это человек, который не может не жить музыкой. Не может.

«Я много страдал» — это название кантаты Баха Шостакович мог бы поставить эпиграфом к своей жизни. Обычно вспоминают 1936 и 1948 годы — две полосы жесточайших порицаний. Но непонимание, умноженное на зависть и предательство, сопровождали его и раньше, и позже.

Десятая симфония — одно из великих его произведений, здесь он достиг в финале полного слияния объективного и субъективного, полного слияния героя с потоком жизни. В этом смысл появляющейся автобиографической темы — монограммы DSCH.

(Перед премьерой Десятой симфонии в Москве, которая должна была состояться 28 декабря, в канун 1954 года, стало понятно, что готовится очередное шельмование этого сочинения, как якобы пессимистического, чуждого реализму. Мравинский добился тогда встречи с министром культуры и пригласил его на концерт, предварительно оставив ему 16 вопросов по поводу несправедливого отношения к музыке Шостаковича. — О.Д.)

О.Д. Бывали ли у вас трудности в работе с музыкой Шостаковича?

Е.М. С Шостаковичем особых трудностей не бывало.

Есть музыка, которая меня врачует, исцеляет. Таков Брукнер, хотя ему приписывают некоторую ортодоксальность. Он утешает. Шостакович доставлял много мучений, так как заставлял вызывать к жизни вещи, которые не всегда радуют. А технических, профессиональных трудностей почти не было — так человек себя слышит, когда сочиняет…

У Шостаковича, если можно так выразиться, абсолютный оркестровый слух. Он слышит и оркестр в целом, и каждый инструмент в отдельности — и мысленно, и в реальном звучании.

Вспоминаю такой случай. Мы репетировали Восьмую симфонию. В первой части незадолго до генеральной кульминации есть эпизод, в котором английский рожок забирается довольно высоко, во вторую октаву. Рожок здесь дублируется гобоями и виолончелями и почти неразличим в общем звучании оркестра. Учитывая это, исполнитель сыграл на репетиции свою партию октавой ниже, чтобы поберечь губы перед большим ответственным соло, которое следует сразу за кульминацией. Услышать английский рожок в мощном звучании оркестра и обнаружить маленькую хитрость исполнителя было почти невозможно. Я, признаться, не заметил ее. Но вдруг за моей спиной из партера

раздался голос Шостаковича: «Почему английский рожок играет октавой ниже?» Мы все обомлели. Оркестр остановился и после секунды молчания разразился аплодисментами.

(Летом 1942 года Шостакович приехал в Новосибирск, где Евгений Мравинский собирался исполнить Седьмую симфонию. Фотография — на репетиции в зале. Яркий свет в окна, оркестр на сцене, Шостакович в белой рубашке, сложив на коленях руки, напряженно слушает. Их совместная с Мравинским фотография, снятая во время этих репетиций, на мой взгляд, лучшая из всех, где они вместе. — О.Д.)

О.Д. Как осуществляется режиссура восприятия в произведениях Шостаковича?

Е.М. Это целая архитектура построения восприятия. По-видимому, часто это бессознательно, а иногда и сознательно. Не всегда художник может до конца дать себе отчет в том, что он создает. Каждый композитор может слухом корректировать свою музыку. Создавая музыку, он сосуществует и как слушатель.

Есть два рода композиторов: первые — те, что создают музыку созерцательно, не прибегая к инструменту. Вот так рождается музыка внутри, и композитор только фиксирует ее на бумаге. Общеизвестен случай с Берлиозом, который проснулся ночью и у него мысленно была готова целая часть симфонии. Есть другой род композиторов, которые сочиняют за роялем. Так писали Прокофьев, Вагнер. Что лучше — не берусь судить. Но в обоих случаях композитор, сочиняя музыку, является и ее слушателем. Как вы, сочиняя письмо, слышите его. Не только пишете, но и читаете.

Вот в этой двойственности, параллельности процесса и надо искать успехи режиссуры восприятия. У кого это есть, у кого — нет.

Некоторые так любят свой материал, что критическое восприятие у них слабеет, они не могут ни от чего отказаться. Другие могут отказаться.

Вот это качество критического слышания своей музыки, момент корректуры — качество Шостаковича. При такой постановке вопроса отпадает вопрос о том, рационален Шостакович или эмоционален.

Сочетание контроля и эмоциональности очень важно. Режиссура восприятия публики есть и у дирижера. Вчера, отдаваясь целиком музыке на концерте, я могу точно рассказать, как все происходило, как звучало. Такая связь вчера была с залом, что я все время это чувствовал. Вчера потребовались такие-то кульминации, в другой вечер они, вероятно, будут отличаться.

Исполнительски у Шостаковича поправлять ничего нельзя. У любого композитора приходится что-то ретушировать. За всю мою долгую

связь с Дмитрием Шостаковичем, начиная с 1937 года (я делал почти все его симфонии), кажется, раза два-три я сделал ему пустяковые предложения, некоторые он принял, другие — нет.

Это такое слышание самого себя до мельчайших деталей!

(*Зимой 1973 года они встретились в Репине. Е. Мравинский записал в дневнике: «Приехали Шостаковичи. В коттедже уютно. Ирина — налитая, возмужавшая. Дали кофейку, виски. Шостакович тревожно жалуется на ухудшение в ногах и руках и на впервые в жизни столь длительный перерыв в творчестве: "Два года не написал ни нотки... Вот и не пью, — а все лежу в больницах. Хочу начать пить. Вот давайте с вами выпьем как-нибудь"». — О.Д.)*

О.Д. В связи с творчеством Шостаковича как вы относитесь к дилемме: «искусство должно быть понятно» и «искусство должно быть понято».

Е.М. Ничего специфического не надо понимать в музыке, чтобы унести ее в себе. И люди, наделенные высоким качеством — духовным даром понимания прекрасного, и люди, которые не могут отличить гобой от скрипки, — всем она может быть доступна. По одному руслу текла, ширилась и развивалась река музыки — по руслу песни человеческого духа. От конкретного выражения в песне, постепенно, эта тематическая расширенность становилась песней человеческого духа, выражением человеком самого себя. Если у вас есть дар выражения и восприятия песни человеческого духа — для этого не надо знать.

Толстой говорил «Для того, чтобы понять мысль, надо ее пережить». В мысли большой комплекс переживаний.

Музыка — тоже мысль, и песня, и симфония. Как только мы применяем ключ понятности — мы скатываемся на развлекательность, дурной тон, мы становимся на темный путь. Как вы разовьете мышцы тела, если давать только то, что невесомо и легко? Не будет мускулов. Должно быть трудно, тем более есть цель, устремленность и желание! Да сколько людей я знаю — вчера у меня на концерте был один врач, может, он был раза 2–3 в симфонических концертах. Вчера он попал в настоящий накал и уехал совершенно ошеломленный.

Я верю в музыку. Музыка — язык, который не требует перевода. И это действительно так. Настоящая музыка без осечки доходит до слушателя. И в музыке совершенно не важно, что человек, придя домой, не знает, не может отдать себе отчет, что с ним произошло. Да очень немногие могут дать себе отчет, зафиксировать.

Я замечал, между частями симфонии зал выдыхает воздух, если он действительно захвачен музыкой. Люди побывали в глубинах, которые, быть может, им и не свойственны.

Говоря о слушателях, я меньше всего имею в виду меломанов, которые всюду бывают, все знают, могут отличить все инструменты. Они все знают, кто сколько минут играл — интеллигенты в своей области. Но это самая вредная форма. Во всем этом главное: «Я в курсе дела». Своего рода коллекционерство. Есть такая категория, которая всегда бывает на премьерах и больше нигде. Но на премьерах обязательно.

Будем разуметь только произведения действительно большого мастерства, потому что не всякое искусство может существовать во времени.

Посмотрите честно внутрь себя — и вы увидите в себе глубоко контрастные черты — от самых светлых до мрачных. Человек несет в себе наслоения всех времен. В нем существуют как бы полочки. Потенциально в человеке каждое новое поколение будет иметь следующую полку над всеми. И с ее позиций будет относиться ко всему предшествующему.

Исполняя Чайковского, я буду искать историзм. Пытаться объективно определить, что хотел сказать Чайковский. Но в этом сказанном будет наличествовать многое. Век Чайковского несколько сентиментален. Можно рассматривать текст, как самовыражение исполнителя. В Чайковском находим чувствительность и сентиментальность, чему много подтверждений в музыке. Мне не так близка чувствительность и сентиментальность. Но я искал чего-то другого, что близко мне, и нашел — мужественность и трагедию.

Конечно, мы видим всегда новыми глазами. И каждая новая пара глаз будет видеть по-новому то, что висит на стене или написано в партитуре. Хотя что-то неизменное останется, что условно можно назвать темой.

В этом смысле очень симпатичен и авторитетен Стравинский. Он выразил эту мысль крайне точно: «Сама интерпретация нетерпима». Абсолютной точности быть не может. Здесь есть один элемент, который М. Пришвин определил термином «родственное внимание», который он применял к природе, к траве. Родственное внимание к травке... Найдите в себе травку...

Есть вещи в искусстве, которые нельзя обнаружить с точки зрения моей сегодняшней полочки. Найдите в себе то, что соответствует произведению.

Чайковский не соответствует моей последней полочке. Как он ни велик, для него надо искать что-то такое, чем я не живу сегодня. Но надо покопаться в себе, и это обязательно найдется.

Если я делаю нового Стравинского, мне надо во многом отказаться от себя, чтоб найти объективность, так как Стравинский последних лет

очень объективен. Искусство — и ни с какой лирикой, романтикой не влезешь в него, и ничего не сделаешь. В Стравинском много аполлонического начала. Вещь не только будит, но и питает: «питание» Стравинского как хрустально холодная влага. Отрешение личности, автобиографичности. Таков «Агон». Я очень много с ним возился. И пластинки слушал. И получается целый мир трудно именуемых вещей, но беспристрастных и не автобиографичных. Своего рода совершенство ради совершенства.

О.Д. Вы говорили о «верности одной идее» Шостаковича. Как бы вы определили эту идею сегодня?

Е.М. Это гражданственность. Во имя того, чтобы большему числу людей его музыка была понятна, Шостакович прибегает к литературной основе. Но я убежден: ничего специфического не надо понимать в музыке, чтобы нести ее в себе, — и людям, наделенным духовным даром понимания прекрасного, и людям, которые не могут отличить гобой от скрипки, — всем она может быть доступна. По одному руслу текла и развивалась река музыки — по руслу песни человеческого духа. Нужен только дар выражения и слушания.

Гражданственность — главная тема у Шостаковича. А является ли героем народ — безусловно. Боль о народе и забота большая.

Шостакович — Гойя наших дней. Свифт тоже сюда подходит.

Да, Гойя наших дней... *(Из интервью автору)*

Из дневника Мравинского: «Первая настоящая лунная ночь с тенями; зарево луны. Поклон — вот я весь... Миг, как всегда, неподвластный памяти и неповторимый. Может, не следует и стараться помнить его? Но мысли об условиях ночи, допускающих видеть не с земли, а полет земли и землю в бездне, которая в таких случаях все топит в своем свете. Белизна цветов на земле. О неизреченность... Когда видишь звезду с ее благим мерцанием — чувствуешь себя не одиноким. Как неизъясним свет вечности».

Шостакович и Мравинский знали гипноз молчаливой и сближающей работы, когда дирижер готовит сочинение, ранее не звучавшее. Им обоим был присущ мощный творческий инстинкт, обостряющий и углубляющий чувства настолько, что возникает возможность «видеть не с земли, а полет земли и землю в бездне».

✉ *Дорогой мистер Шостакович!*

Я вкладываю в мое письмо программу концерта, на котором я присутствовал. В программе Вы найдете Пятую симфонию, которую исполнял Вашингтонский симфонический оркестр.

С тех пор, как я впервые услышал Вашу Пятую симфонию, я полагаю, что это высочайшее произведение.

Я старый музыкант, играл в симфонических оркестрах с 1918 года. Мне теперь 78 лет и я наслаждаюсь Вашими композициями.

Я надеюсь, что Вы приедете в Америку. Я был бы рад получить ответ на это письмо. Я могу читать по-русски, так как родился в России. Если Вы приедете в Америку, я предоставлю бесплатно для Вашего выступления рояль.

Искренне Ваш Х. Болтин.

✉ *Господин Шостакович!*

Я надеюсь, что Вы найдете время, чтобы прочитать мое письмо.

Мне двадцать лет и я люблю музыку с детства. Когда мне было 17 лет, я понял, что в музыке надо искать истину и красоту — те качества, которых недостает современному миру. Мне очень нравится русская классическая музыка. Я очень люблю вашу музыку. Вы редкий человек в современном мире, наполненном какофонией. Вы чувствуете прекрасное, а ваши медленные части наполнены такой гармонией, которой я больше нигде не слышал. Сокровища, которые вы расточаете, дают наслаждение многим и многим людям, придают силы. Вы никогда не сможете быть достаточно вознаграждены. Я желаю Вам всего самого наилучшего, а главное — счастья, которого вы так заслуживаете.

А. Крейг. Австралия.

✉ *Господин Шостакович!*

Я прослушал Вашу Пятую симфонию по радио и купил все записи ваших симфоний, которые у нас продаются. К сожалению, у меня нет симфоний 2, 3 и 13. Я надеюсь их достать.

Благодарю вас за то удовольствие, которое ваша музыка доставляет. Мне особенно нравится блестящая красочность в Четвертой симфонии, трагедия и отчаяние в первой части Одиннадцатой симфонии, блестящая медленная часть в Пятой, живость и очарование в Девятой, глубина мыслей и чувств всех ваших произведений. Я должен был бы исписать много страниц, чтобы рассказать о моих впечатлениях.

Хочу сказать вам спасибо от всего сердца за замечательные творения и пожелать всего самого лучшего.

Аластер Стюарт.

✉ *7 мая 1972 г.*

Уважаемый композитор и счастливый человек Дмитрий Дмитриевич!

Надеюсь, извините меня за просьбу, которую осмеливаюсь изложить Вам: к Вам обращается отец еще очень маленького ребенка, которому уже 57 лет, а ей, моей дорогой Майечке, всего 7,5 лет, т.е. вся ее будущность и жизнь вызывают озабоченность, тревогу и заставляют настораживаться — что с ней будет потом, поскольку ее окружают одни пожилые люди, которых вот-вот не станет, в том числе — и меня, а мать ее, этой девочки, тяжело больна...

А девочка наша, Дмитрий Дмитриевич, имеет музыкальные способности, несомненно, обнадеживающие: буквально в 1,5–2 годика она, с палочкой в ручках, стояла и дирижировала — в такт музыке, которая лилась с пластинок, причем отвечала, чья это музыка и ее название, — будь это звуки Бизе из «Кармен», мелодии Гуно из «Фауста» (имеется в виду танцы из «Вальпургиевой ночи»), полонеза Огинского, даже арию Кварадосси из «Тоски» и «Итальянское каприччио» Чайковского и мелодии Ваших прекрасных танцев... и т.д.

Она сейчас учится в районной музыкальной школе (по скрипке и перешла во 2-й класс, а дома — и по ф-но, причем, поверьте, нет-нет подбирает маленькие мелодии, подчас очень приятные сердцу, доходчивые, трогают душу, замечательные, — беру на себя смелость заметить).

И я бы, как и ее мать, которая, увы, тяжело больна, не имели бы никаких претензий, но даже сейчас, когда мы еще живы, некому и в школу отводить ее, тем более в 2-х в общеобразовательную и музыкальную, в которую она уже должна поступить. А дальше вообще все будет сложнее. Поэтому выход может быть только один — чтобы ей учиться в музыкальной школе-интернате, которая, назло, как будто бы одна во всей Москве! И я не знаю, что делать, чтобы определить ее туда — настолько сложно и трудно! Надо ей помочь, ибо оторвать ее, мою Майечку, от учебы по музыке — больнее и тяжелее для меня, как если бы мне глаза выкололи или под пыткой жизни лишили.

Помогите нам, Дмитрий Дмитриевич, определить в этот интернат. Иного пути для нас нет, пожилых, маленьких и незаметных людей, у которых к тому еще никого из близких нет — их поглотила война и т.д.

Может, Дмитрий Дмитриевич, — если уж невозможно будет девочке попасть в интернат (который находится недалеко от консерватории), найдется среди Ваших знакомых музыкантов человек, или люди, готовые проявить доброту и культуру, чтобы воспитать эту любимую нами девочку в духе музыки, помочь ей выйти на широкую дорогу

музыки, направить ее жизнь и судьбу в правильное русло? Я уверен, что Майечка станет композитором, и ее музыка будет радовать людей.

Конечно, мы не будем в стороне, а всеми возможными силами также будем помогать ей в этом, вплоть до последнего вздоха, однако наши возможности крайне ограниченны, ибо мы уже старые, поэтому ради счастья самой дочери и претворения в жизнь ее музыкальных задатков, — я не постеснялся изложить все то, о чем говорилось выше.

С надеждой буду ждать Вашего ответа, уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Пригласите нас, пожалуйста, с девочкой, познакомьтесь с ней, — может, она Вам понравится и пожелаете ей помочь.

Кива Моисеевич Зейфер.

Мы сами, родители, не музыканты, но музыку очень любим и немножко ее понимаем. Моя же работа связана с командировками — такая моя доля.

23 июня 1972 г.

Уважаемый Кива Моисеевич!

По поручению Дмитрия Дмитриевича прошу Вас позвонить по его домашнему телефону и встретиться со мной для переговоров.

Секретарь Д.Д. Шостаковича Р.Э. Корн.

В мае–июне Шостакович — в Германии, он присутствует на исполнении своих произведении. В ГДР композитору вручена Большая золотая медаль «За дружбу между народами».

✉ *20 июня 1972 г.*

Моя фамилия Бардовская, может быть, Вы забыли.

Начиная письмо к вам, прежде всего, приношу мое искреннее извинение, что я решилась снова беспокоить Вас, Дмитрий Дмитриевич, но жизнь заставляет. Наступил крайне трагический период в моей жизни: полное раздвоение всего моего интеллекта. В душе жажда жизни, принести пользу, ходить с моими ученицами в Филармонию. Реально я прикована к постели. Проклятая война, блокада Ленинграда отразились на моем здоровье. От всех непосильных работ (как у всех Ленинградцев) — у меня произошло расширение вен, а с возрастом образовались язвы на ступнях. 1-го июля исполнится 2 года, как я рассталась со школой, где отработала 26 лет. Мне до боли тяжело было расстаться с моими детьми. Уж очень я стеснялась своей неэстетичной походки и подала заявление об уходе. Директор говорил: «Вы работаете своей музыкальной душой, а не ногами, подождите подавать заявление».

Из-за ноги я провела 3 месяца в больнице. У меня нет никого близких. Я абсолютно одинока. Живу на пенсию в 60 р. 35 к., думала, что всегда будет молодость и ничего не отложила про черный день, но мне хватает. Все друзья, обещавшие мне вечную любовь, меня оставили, и мне предстоит «Дом престарелых». Одна, совершенно чужая женщина, очень добрая и бескорыстная, заботится обо мне, ухаживает. Я крайне напугана «Домом престарелых», привыкла к общению с детьми и молодежью, к сожалению, не привыкла быть с пожилыми. Не привыкла и быть в одной комнате с другими.

Недавно я слушала по радио Вашу 15-ю симфонию, она меня захватила и пробудила веру, что мне есть к кому обратиться. Я всегда любила Ваше творчество. Особенно 1, 5, 7-ую симфонию, 15-ая звучала для меня по-особенному, музыка была такая нежная, я бы сказала добрая, говорила моей душе что-то теплое, хорошее и меня осенила мысль, что я могу написать Вам. Если Вы сможете выполнить мою просьбу, я буду бесконечно Вам благодарна.

Дело в следующем: В Ленинграде есть Дом ветеранов сцены. Там атмосфера, близкая моей душе. Я там неоднократно бывала. Мой покойный муж писал для театра, издавался театральным обществом. Я окончила Московскую консерваторию и Институт истории искусств. На сцене была только первые годы. Говорят, что я не имею права быть там. Очень прошу Вас помочь мне, чтобы меня туда взяли. Там мне бы дали отдельную маленькую комнату (свою комнату я, разумеется, сдам). Я не привыкла быть с другими в комнате. Буду Вам без конца благодарна, если поможете мне устроиться. Искренне уважающая и любящая Вас

Бардовская Алекс. Марковна.

Вторник

P.S. От радости, что я могу попасть в «Дом ветеранов сцены» я сегодня решилась встать и ходить.

✉ *2 июля 1972 г.*

Если бы я не услышала по радио 15-ую симфонию — мне не пришло бы в голову обратиться с просьбою. Уж очень я напугана Домом престарелых.

Вы просили меня указать, на чье имя направить ходатайство о помещении меня в «Дом ветеранов сцены». Ленинград, Петровский остров, Дом ветеранов сцены. Ходатайство Д.Д. Шостаковича.

Меня все знакомые уверяют, что меня туда не возьмут, т.к. я не актриса, а только 26 лет вела хор и класс фортепиано, а в театре ра-

ботала в молодости. Разве недостаточно образования? Не пойму! Где же справедливость? Извините меня за бестолковое послание, но оно искреннее. Я не из сильных натур, и мне надо излить, что на душе. Не судите строго, ко мне очень строга жизнь. Не сердитесь.

С уважением, Бардовская.

✉ *3 июля 1972 г.*

...Писала в Радиокомитет, просила повторить 15-ую симфонию — ни слова в ответ и не слышно повторения. А сколько самых ничтожных передач. У меня очень измученное состояние, т. к. ночью меня преследуют кошмарные сновидения.

Увлекаюсь поэзией Расула Гамзатова: какая глубина. Перечитываю каждый день.

Я мечтаю изучить аварский язык. Смешно?!?!

Всего Вам доброго желаю.

Бардовская.

Понедельник.

✉ *27 июля 1972 г.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич!

Я знаю, что все гениальные люди бывают просты и потому и пишу Вам, надеясь на вашу чуткость. Это ведь огромное несчастье, что я осталась жива. Я страстно люблю жизнь, люблю всем существом музыку, но жить одинокой страшно, и мало кто меня понимает. Очень Вас прошу, откликнитесь.

С любовью и уважением Бардовская.

✉ *27 июля 1972 г.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич.. Меня сейчас мучают со всякими обследованиями, чтобы определить в «Дом престарелых». Еще остался только Рентген. 8 обследований — можно совсем от них заболеть. Я хочу знать, исполнили ли Вы мою просьбу, на которую я решилась только тогда, когда услышала по Радио Вашу 15-ую симфонию. Можете ли Вы меня устроить в «Дом ветеранов сцены» в Ленинграде, на Петровском острове.

Я совершенно одинока, никого близких — потеряла всех за проклятую войну и предо мной перспективы «Дом для престарелых». Нет ничего страшнее этого — несоответствия души и тела. Душою я хочу по-прежнему ходить в Филармонию с моими детьми–ученицами, для меня самое чудесное в жизни — это вводить их в мир музыки. Я трагически переношу, что всему этому наступил конец. Напоминаю, что

я кончила Московскую консерваторию по классу Зарудной по пению и по классу Гольденвейзера, была несколько лет пианисткой. В Ленинграде была в Институте истории искусств, что на Исаакиевской площади. Впервые, помню, услышала о Вас на лекции. Вскоре я увидела вас и слушала все Ваши гениальные творения. Разбирая наследие покойного мужа, его статьи, письма, я нашла письмо Вашей покойной матери, с которой я познакомилась, когда она потребовала у меня открыть мою сумочку, что я похитила ее очки, а я была у самой рампы, восторженно аплодируя. И вдруг с облаков на землю — такое обвинение. Потом я узнала, что это Ваша мать, и вскоре у нас были оч. оч. хорошие отношения. Пересылаю Вам это письмо. Написала бы еще многое, что рвется из души, но... воздержусь. Что значит «устроить» в «Дом ветеранов сцены» думаю, что если вы просто позвоните по телефону в Ленинград и скажете обо мне — этого будет достаточно.

С большим уважением, Бардовская.

ВТО

Тулубееву Ю.В.

Уважаемый Юрий Владимирович!

Ко мне обратилась тов. Бардовская А.М. (Суворовский проспект, д. 48-А, кв. 47) с просьбой ходатайствовать перед Вами о ее устройстве в Дом ветеранов сцены.

Прошу вас ознакомиться с ее правом на это устройство и по возможности помочь ей.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *4 августа 1972 г.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич.

Без конца извинение за надоедливость. Жизнь послала тяжелое испытание: болезнь при полной душевной сознательности. Я уже прошла все инстанции для помещения меня в «Дом престарелых». Оказывается, надо ждать 2 месяца, т. к. очередь. Я очень просила Вас помочь мне в устройстве в «Дом ветеранов сцены», Вы сами знаете, что вы человек — всесильный, Ваше слово — это все.

Мне очень не везло в жизни. Я отдавала людям все — и не получала от них ничего. Столько обещали мне вечную любовь, а случилось несчастье — никого нет. Полное одиночество. Если бы я не услышала по Радио Вашу 15-ую симфонию, мне не пришло бы в голову Вам писать. Эта симфония совсем по-особенному подействовала на меня. Музыка передала мне доброту и чуткость Вашей души и я нашла спасение в том, что-

бы написать Вам. Конечно, надо было вовремя уйти из жизни, но ведь я работала до июля 1970 г. и была нужна и любима детьми и молодежью. А теперь прощай Филармония и все, что есть прекрасное в Ленинграде.

Постараюсь больше не надоедать Вам. Надеюсь на Вашу душевную поддержку — верю Вам и думаю, что справедливость восторжествует и кончатся мои страдания.

Бардовская Александра Марковна.

✉ *14 августа 1972 г.*

Извините, пожалуйста, что я опять обращаюсь к Вам. Но я не знаю никого, кто может мне помочь. Я окончила 2-й Ленинградский Медицинский институт в октябре 1942 года. Работала врачом с большими перерывами с декабря 1941 года по май 1953 года. С 1953 года по 1964 год не работала.

В сентябре 1956 года была спровоцирована драка. За драку меня поместили в больницу имени Скворцова-Степанова для душевнобольных на Удельной. Сразу дали инвалидность второй группы. В моем прошлом, кроме пятидесяти четырех лет жизни, рецидивирующий ревматизм с поражением суставов, открытая форма туберкулеза легких, пневмоторакс, туберкулез позвоночника. В 1964 году меня устроили работать билетным контролером, а затем смотрителем во дворце-музее Петра I в Летнем саду. Музей работает сезонно с мая по десятое ноября. В музее я работала сезонно до 1970 года. В августе 1970 года упала и сломала правую руку. На сезоны 1971 и 1972 годов меня уже не взяли. В рекомендации Гор. ВТЭК от 1970 и 1971 годов было сказано, что я могу работать медрегистратором, смотрителем в музее, гардеробщицей. Но гардеробщицей меня не взяли. С августа 1971 года я стала работать в лечебных мастерских при невро-психиатрическом диспансере Московского района, но работа в лечебных мастерских в стаж не засчитывается, а у меня всего тринадцать лет стажа. Получить работу в обычных условиях душевнобольному человеку почти невозможно. Прошу Вас как депутата Верховного совета СССР поставить вопрос о зачислении работы в лечебных мастерских при невро-психиатрических диспансерах в стаж. Работу можно зачислять в зависимости от выполненной нормы.

Заусская.

СПРАВКА. Серия 88, № 033008

Гр. Заусская Ксения Александр. 1918 года рождения. Акт. 850

Признана инвалидом второй группы

Причина инвалидности: Заболевание получено в период прохождения службы в органах МВД.

23 июня 1972 г.

Депутату Пролетарского райсовета г. Москвы.

Уважаемая товарищ Климова!

Направляю Вам копию моего письма к министру культуры РСФСР тов. Кузнецову Н.А. Убедительно прошу Вас проследить за ответом, так как я уезжаю на июль месяц из Москвы.

С уважением Д. Шостакович.

В июле 1972 года Д. Шостакович в Лондоне.

Шестого июля он встретился с ирландскими музыкантами. В Дублине в Тринити-колледже ему был вручен диплом почетного доктора музыки.

Седьмого июля Шостакович присутствует на приеме у президента Ирландской Республики, одиннадцатого июля — на приеме у премьер-министра Англии.

В середине июля едет к Б. Бриттену в Олдсборо.

Последний раз в Англии Д. Шостакович был на фестивале в Эдинбурге несколько лет назад.

Центром Эдинбургского фестиваля стало тогда творчество Шостаковича — было исполнено почти тридцать произведений композитора. По словам Шостаковича, **такая переоценка своего творчества необходима. Отнюдь не увеселительная, понимаете, поездка — потеря сна, душевного покоя, трудная и ответственная, я бы сказал, работа. Нервная нагрузка очень большая**.

Фестиваль прошел с большим успехом.

На Эдинбургском фестивале прозвучала и Четвертая симфония Шостаковича под управлением Г. Рождественского. (Ее премьера под управлением К. Кондрашина состоялась незадолго до фестиваля и через тридцать лет после того, как симфония была написана.)

Историю исполнения Четвертой симфонии на Эдинбургском фестивале мне рассказал Г.Н. Рождественский: «Это было перед Эдинбургским фестивалем. Меня пригласили в Госконцерт обсуждать программы. Я должен был играть с английским оркестром, с оркестром филармонии. Была предложена Двенадцатая симфония, посвященная Ленину. А что еще?

Я сказал, что хочу сыграть Четвертую симфонию Шостаковича. И директор Госконцерта говорит: “Это идея хорошая. Это совершено разный Шостакович, — и пусть все знают, что никто его не запрещает, и ради Бога, пожалуйста, исполнят Четвертую симфонию на Эдинбургском фестивале”.

Но я никогда Четвертую симфонию не дирижировал до этого. Я решил сыграть ее с БСО на радио и вставил в квартальный план.

Получаю назад план — вычеркнуто...

Я спрашиваю:

— Почему так? Ведь Четвертая симфония была сыграна в Большом зале консерватории с большим успехом, пресса, все.

— Сколько человек сидели в Большом зале? — спрашивает руководитель радиовещания.

— По-моему, тысяча двести, — говорю я.

— Тысяча двести? А у нас, — говорит, — многомиллионная аудитория. Много миллионов слушает радио. Поэтому я отравлять многомиллионную аудиторию не позволю.

И тут я допустил огромную ошибку — я пошел к Дмитрию Дмитриевичу домой, всю эту историю рассказал и имел неосторожность попросить: "Дмитрий Дмитриевич, пожалуйста, позвоните. Будет достаточно одного вашего слова, чтобы симфония прозвучала".

Он промолчал несколько секунд, потом закурил "Казбек" и сказал: "Извините, я этого делать не буду. Я никогда в жизни не ударил палец о палец в продвижении и проталкивании своих сочинений. Мою симфонию не играли двадцать пять лет, ее сыграли сейчас в Большом зале. Придет время, когда ее будут играть по радио, а ходатайствовать об этом я не буду, извините".

Он был прав. Глубоко прав». *(Из интервью автору)*

В те годы я часто встречалась с Г.Н. Рождественским, на протяжении двенадцати лет руководившим Большим симфоническим оркестром (БСО) Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Концерты оркестра регулярно передавались по Всесоюзному радио и Центральному телевидению, хотя их программы Геннадию Николаевичу каждый раз приходилось утверждать у руководства, ничего не понимавшего в музыке.

Человек энциклопедически образованный, просветитель по натуре, в 1972 году он затеял цикл телепередач со своим оркестром — «Музыка по картинам и картины по музыке», над которым мы начали с энтузиазмом работать. Но нам удалось снять только две передачи из задуманных двенадцати — их посчитали «эстетскими» и запретили. Вскоре, после неутверждения очередной концертной программы, Рождественский ушел из БСО.

Позже та же участь постигла цикл телепередач, который мы начали снимать с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым. В эфир успела выйти только одна — о Древней Греции — руководство телевидения посчи-

тало С.Аверинцева человеком, «не подходящим для экрана», которого «трудно слушать». Цикл закрыли, съемки прекратили.

Запомнилась встреча с тогдашним руководителем теле- и радиокомитета — С. Лапиным, слывшим человеком образованным и имевшим одну из лучших домашних библиотек.

Обведя присутствующих тяжелым взглядом, он произнес: «Вот я сейчас перечитываю "Бесов" Достоевского. А вы, наверное, все телевизор смотрите?»

Эта концепция телевидения «для быдла», за редким исключением, сохранилась до сих пор.

Что касается «Бесов», то на тексты капитана Лебядкина Шостакович еще напишет музыку...

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Вам пишет молодой человек, волей судьбы которому 10 лет назад посчастливилось дотронуться до клавиатуры, затем техническое училище, армия, 1.5 года музыкального училища, работа, а параллельно — с самого первого дня — сочинительский бред. За этим нет базы знаний, но есть непреодолимое стремление к ним...*

Песни разные, о разном, мелодии пришли в разное время, так например, первый вариант «Гимна Отечеству» сделан в армии, а последний — четыре года спустя, причем мелодия не изменилась ни в одном такте, менялось только сопровождение.

Общий принцип всего написанного — необходимый мажор (условие настоятельное, аналогичное гармонии «старого стиля», запрещающей параллелизм октав и квинт). Исключение составляют две песни в миноре «Окрыленная наша мечта», интересная, на мой взгляд, четырьмя последними тактами и дуэт «Московская лирическая» — банальная песенка, рассчитанная на публику.

В хоровых песнях «Марш Метростроя» и «Родная школа» нона и седьмая ступень аккорда в голосе подчеркивает некоторую эстрадность гармонии. Возможно ли это в песне такого плана?..

Москва совхоз «Заречье»...

Восемнадцатого июля 1972 года Д. Шостакович — в Копенгагене, там в оперном театре готовится постановка «Катерины Измайловой».

✉ *19 июля 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Очень извиняюсь за беспокойство, о Вашей болезни читала в газете, если не ошиблась, она схожа с моей. Моя болезнь прогрессирующая, с

каждым днем хуже и хуже, говорят, что неизлечимая, но я не хочу еще терять надежду.

Если можно, сообщите мне, пожалуйста, какой у Вас был диагноз болезни и кто вылечил, чтобы мне обратиться к нему.

Тавдидишвили Цела Варденовна.

г. Кутаиси ГССР.

4 августа 1972 г.

Уважаемая Цела Варденовна!

В моем заболевании мне помог д-р Илизаров Гавриил Абрамович. Советую Вам обратиться к нему. Его адрес: Курган-5, Институт травматологии и ортопедии. Д-ру Илизарову Г.А.

Всего доброго, Д. Шостакович.

✉ *1 августа 1972 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Жалоба

Я работаю на Горьковском заводе Нормалей с 1968 года. 4 июня 1970 года в газете «Известия» было опубликовано постановление Партии и Правительства об обеспечении инвалидов Великой Отечественной войны в ближайшие 2–3 года жилой площади со всеми удобствами. В настоящее время я живу на частной квартире, за которую плачу 30 руб., а получаю я 70 руб. Вот как жить? На эти 40 руб. Обращался в завком завода и в партком, никакого внимания. А вот в газете «Комсомольская Правда» от 24 июня 1972 года пишут:

«Мы все, живущие сегодня от мала до велика в неоплатном долгу перед теми, кто грудью своей, кровью, своей жизнью защитил нашу Родину». В неоплатном долгу. Как понимать эти слова?

Мне даже стыдно сказать своим товарищам-фронтовикам, что я живу на частной квартире и плачу 30 руб. Товарищи даже сомневаются в моей инвалидности. Не верят, что в 21 год я остался без ноги, а в 49 живу на частной квартире.

С искренним уважением, Тарасенко.

4 августа 1972 г.

Первому секретарю обкома тов. Масленникову Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

Направляю Вам копию письма ко мне избирателя Тарасенко П.Л. Он — инвалид Отечественной войны, без одной ноги и до сих пор живет на частной квартире, за которую платит 30 рублей.

Прошу помочь ему.
С уважением Д. Шостакович.

✉ *2 сентября 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Ответ на свое письмо Вам я получил, за которое я Вам очень благодарен. Воспользовавшись Вашим советом, я пошел в Горьковский обком КПСС. Дали мне № телефона второго Секретаря т. Берсенев Борис Владимирович, до которого я дозвониться не смог. Тогда я написал тов. Берсеневу Б.В. открытку и попросил, чтобы он меня принял. Ответа до сих пор нет.

Двери Горьковского обкома КПСС для меня оказались закрыты, а стены непробиваемы.

С уважением, Тарасенко.

✉ *14 сентября 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что действительно т. Тарасенко П.Л. инвалид Отечественной войны, работает в Горьковском объединении «Нормаль» с 1968 года шорником. Ранее он имел квартиру, но после смерти жены обменял ее на худшую по жилищным условиям, за что получил денежную компенсацию, а дочь отдал в детский дом.

Тов. Тарасенко с 1961 г. по 1971 год жил у сожительницы и выменянная им квартира была свободной до 1967 года. В 1967 г. дочь вышла замуж и поселилась в этой квартире. В 1971 году Тарасенко перешел жить к дочери, но часто пил и скандалил, за что привлекался к судебной ответственности. После этого он ушел жить на частную квартиру. В октябре 1965 года Тарасенко привлекался к уголовной ответственности и был осужден народным судом за хулиганство на 2 года лишения свободы.

В настоящее время по работе он характеризуется положительно . В сентябре 1970 г. т. Тарасенко подал заявление и взят на учет с представлением ему жилья в порядке установленной очередности для инвалидов Великой Отечественной войны за № 10.

Заявитель с ответом ознакомлен.

Секретарь обкома КПСС С. Ефимов

✉ *18 декабря 1972 г.*

Жалоба

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Как я Вам уже писал, я живу на частной квартире, за которую плачу 30 руб. Это для меня очень большая сумма, если учесть, что я получаю

70 руб. С ранее полученными от Вас письмами я обращался в Горьковский Обком КПСС. Но дальше постового милиционера я пройти не мог, надавали мне №№ телефонов, но на эти телефонные звонки никто не отвечает и не подымает трубки.

Прошу Вас, Дмитрий Дмитриевич, окажите посильную помощь в получении мне хоть какого-нибудь жилья.

С уважением, П.Л. Тарасенко.

✉ *26 августа 1972 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

Д.Д. Шостаковичу

Копия: Начальнику полит. управления Советской армии и морского флота

от гр-на Полозкова Михаила

Тов. Депутат! В гор. Ленинграде я проживаю с 1914 года, до Отечественной войны имел жилплощадь 20 кв. м., после окончания Отечественной войны мне предоставили 10 кв. м. В 1962 году от производства мне в порядке улучшения предоставили 17 кв. м. Теперь семья состоит из 5 человек: я, жена, сын, жена сына и маленький ребенок. Состою на очереди № 9828. Это примерно подойдет очередь лет через 10. Когда я буду накрыт зеленой травкой.

Всю блокаду находился на обороне Ленинграда, дважды ранен, награжден орденами и медалями СССР. И вспоминаются громкие слова командиров и политработников.

Возьмем товарищи 8 ГЭС!

Возьмем товарищи Синявинские высоты!

Возьмем товарищи Красное Село!

После победы создадим все условия. Сохраним жилплощадь, создадим нормальные условия.

Да, создали! Даже те 20 кв. м. не предоставили.

Прошу Ваших содействий предоставить мне до подхода очереди хотя 2 комнатки по 10–12 кв. м.

С уважением М. Полозков.

Сентябрь 1972 г.

В Ленгорсовет

Тов. Сизову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Пересылаю Вам письмо Полозкова М.П. (Средне-Охотинский проспект, д.1, кор. 1, кв. 79).

Прошу рассмотреть вопрос об улучшении его жилищных условий.

О результатах прошу сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *5 октября 1972 г.*

Депутату Верховного Совета СССР

Д.Д. Шостаковичу

Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся сообщает, что т. Полозков М.П. проживает по Средне-Охтинскому пр. дом №1, корп. 1, кв. 79. Занимает однокомнатную квартиру площадью 17,72 кв. м. со всеми удобствами.

Просьбу т. Полозкова предоставлении жилой площади до подхода очереди удовлетворить возможности не имеется.

Заявителю сообщено.

Заместитель председателя Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся

Е. Гоголев.

✉ *Дорогой Дмитрий Д.*

Я сельский житель, я не имею музыкального образования, мне 60 лет, участник Великой Отечественной войны, ужасной, неумолимой, и, конечно, инвалид. Единственным утешением для меня остался бесценный дар Вашего таланта. Умоляю Вас, Дмитрий Дмитриевич, помогите мне. Помогите мне добыть пластинку с записью сюиты из музыки Д. Шостаковича к кинофильму «Овод» в исполнении симфонического оркестра под управлением К. Хачатуряна. Я имел такую пластинку, но пропала она у меня при несчастном случае. Посоветуйте, где мне достать (купить) такую пластинку. Всякий отказ был бы для меня невыносимым огорчением, и еще больше — сделал меня одиноким.

Низко кланяюсь, Огиря Семен Гордеевич.

28 августа 1972 г.

Уважаемый Семен Гордеевич!

По поручению Д. Шостаковича я сейчас обзваниваю все специальные магазины и ищу для Вас пластинку «Овод». Пока мои поиски не увенчались успехом. Как только найду, сейчас же мы Вас известим и отправим пластинку.

Всего доброго.

С уважением, секретарь Р. Корн.

9 ноября 1972 г.

Директору Горьковского автозавода

Тов. Киселеву И.И.

Уважаемый Иван Иванович!

Ко мне обратилась работница Вашего завода Ефимова Р.А. (направляю Вам копию ее письма, проживающая Моторный пер., д. 10, кв. 3) с просьбой помочь ей получить освобождающуюся в ее квартире 10-метровую комнату.

Я поддерживаю ее просьбу и убедительно прошу Вас дать указание закрепить за ней эту площадь.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*

Тов. Шостакович Д.Д.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Ваша просьба от 9/Х1-72 года о закреплении освободившейся комнаты площадью 10 кв. м за рабочей моторного корпуса тов. Ефимовой Р.А. в порядке исключения удовлетворена.

Киселев.

✉ *Август 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Прежде всего сердечно благодарим Вас за заботу о нас.

Что характерно в нашем деле, а я понимаю, что оно нетипично для нашего строя, за редким исключением — люди, которые отвечают за быт советских людей, здесь, в Горьком, ни разу не поинтересовались, а действительно, так ли живут те несчастные, которые так часто пишут нам письма. Давайте посмотрим, проверим, может быть, чем-нибудь да поможем им выбраться из подземелья, ан нет. Никому нет дела: поистине: сытый голодного не разумеет. Право говоря, мы уже отчаялись.

Если бы Вы знали, как мы живем, или увидели, а Ваша эмоциональная душа и чуткое сердце наверняка бы уловили один-единственный нюанс в нашей жизни — нищета нашего быта, нашего жилища — она жутко и больно бьет в глаза.

Неужели эти аргументы не имеют силы, способной вызвать у бездушных чинуш хоть каплю сострадания и человеческого понимания всего нашего ужаса. Ведь мы живем в прекрасное время, в чудесной стране, где человек человеку друг, товарищ и брат. Мы накануне славного

50-летия со дня образования СССР, просто диву даешься, откуда у нас берутся такие черствые руководители?

Конечно, дальнейшее проживание нашей семьи в этом гнусном 8 кв. м. подвале–яме, будет нести всем нам одни несчастья. От сырости у нас гниют одежда, обувь, беспрестанно болеют дети, да и мы уже за 12 лет житья в этой яме изрядно наглотались сырости. Тараканы, мокрицы, пауки — вот наши обитатели-спутники в этой гнусной яме.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! Мы, Ваши избиратели, заклинаем всем лучшим на свете, помогите, наконец, нам и нашим детям выбраться на свет, на волю, чистый воздух. Просим Вас не только как депутата верховного Совета СССР, хотя это и главный аргумент, но и как отца, друга, товарища и Человека. Поверьте, что, кроме Вас, нам уже никто не поможет.

С уважением к Вам, Ваши избиратели — Рыжковы.

Заранее благодарим Вас за отеческую заботу о нас. Пожалуйста, уведомите нас о получении нашего письма.

25 августа 1972 г.

Председателю Горьковского горисполкома тов. Соколову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Направляю Вам копию повторного письма ко мне моих избирателей Рыжковых. Убедительно прошу Вас лично ознакомиться с их тяжелым жилищным положением: в этой семье двое маленьких, тяжелобольных детей; живут они в частном подвале, за который платят 30 рублей в месяц.

Ваш аппарат подготовил и дал Вам на подпись ответ на мое ходатайство, в котором сообщил сведения об этой семье, мне уже известные, о том, что они живут на 8-ми метрах, и о том, что состоят на учете с 1967 года в Советском райсовете, и что могут получить улучшение их ужасного жилищного положения только в порядке очереди.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *14 сентября 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

В ответ на Ваше письмо от 25 августа с.г. исполком Горьковского городского Совета депутатов трудящихся сообщает, что гр. Рыжкова А.М. с семьей 4 человека (она, муж и двое детей) проживает в подвальном помещении частного домовладения по адресу: г. Горький, ул. Ошарская, д. 81, кв. I, где занимает жилую площадь 8 кв.м.

На учете по улучшению жилищных условий состоит в исполкоме Советского райсовета с 1967 года.

13 июня 1972 года исполком Советского райсовета гр. Рыжковой А.М. предоставлял, без снятия с учета, жилую площадь 21,0 кв.м по ул. Юбилейной в доме №32, с частичными удобствами. В августе 1972 года исполкомом предлагалась квартира жилой площадью 14,0 кв.м в доме, подлежащем сносу в 1973 году, по ул. Чукотской. От предложенной жилой площади гр. Рыжкова А.М. отказалась, требуя предоставления ей благоустроенного жилья в новом фонде.

Учитывая, что в г. Горьком семей, проживающих в подвалах, бараках и ветхих домах, около 26 тысяч, исполком Горсовета улучшить жилищные условия гр. Рыжкова А.М. вне очереди не имеет возможности.

Жилищные условия гр. Рыжковой А.М. будут улучшены исполкомом Советского райсовета в порядке существующей очередности.

Ответ заявителю дан отделом по учету и распределению жилой площади исполкома Горсовета.

Председатель исполкома Горсовета А. Соколов.

✉ *15 августа 1972 г.*

Уважаемый тов. Шостакович!

Вы меня извините, у Вас, конечно, дел и без меня много, но, возможно, найдется время заняться моим письмом.

Дело в том, я доярка совхоза «Первомайский» Первомайского района Горьковской области Кулькова Зинаида Федоровна, стою на очереди на получение мотоцикла марки «Урал», стою на очереди уже несколько лет, но получить мотоцикл никак не могу, все только одно обещание. В 1971 году моя очередь была третья, обещали в 1972 году продать мне мотоцикл. Но вот и 1972 год проходит, мотоцикла нет и теперь обещают продать мне мотоцикл в 1973 году. Вы, может быть, подумаете, Дмитрий Дмитриевич, что к нам мотоцикл марки «Урал» не завозят? Нет, мотоциклы продаются, но продают мотоциклы больше в городскую местность. В нашем совхозе ни одного нет мотоцикла «Урал», кто бы мог получить по очереди.

Я, Кулькова З.Ф., как передовая доярка совхоза, каждый год награждаюсь премией, почетными грамотами, имею медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина». В 1971 году за большие надои молока моя фотография была помещена на доску почета района. Но на все мои труды и заботы мало смотрят.

Прошу Вас, Дмитрий Дмитриевич, если есть у Вас время, помочь мне в получении мотоцикла «Урал».

С уважением к Вам, Кулькова Зинаида Федоровна.

Председателю райисполкома Первомайского района

тов. Сергееву В.А.

Уважаемый тов. Сергеев!

Ко мне обратилась передовая доярка из совхоза «Первомайский» Кулькова Зинаида Федоровна с просьбой помочь ей купить за наличный расчет мотоцикл «Урал». Она записана на очередь уже несколько лет.

Убедительно прошу помочь ей в приобретении мотоцикла в этом году.

О результатах сообщите.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *15 сентября 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич! По Вашему ходатайству по поводу мотоцикла «Урал». Я обращалась с копией к т. Сергееву В.А. Сергеев В.А. мне ответил так: «Мотоциклы я распределил с нового года и сейчас я их снова распределять не буду, писать пишите куда хотите у вас этого права я не отниму, но все равно куда бы вы не писали только я буду сам распределять, пока меня с этого места не снимут». Вот что он мне ответил. И вот сейчас такой осадок у меня на душе я не знаю где найти правду. Конечно председатель райисполкома это хозяин кому захочет он продать я простая доярка ему не докажу, потому что он грамотный.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич Вы меня простите, но я к Вам снова обращаюсь если можете то возможно походатайствуете, возможно дадут с области не фондовый мотоцикл или как Вам видней. Извините меня писала сама я малограмотная возможно где и ошибки.

Желаю Вам доброго здоровье за ваш труд.

С уважением, Зинаида Федоровна Кулькова.

✉ *20 сентября 1972 г.*

Д.Д. Шостаковичу

На Ваше письмо от августа 1972 года исполком Первомайского районного Совета депутатов трудящихся сообщает, что фонды мотоциклов «Урал» на 1972 год уже распределены. При поступлении дополнительных фондов просьба тов. Кульковой З.Ф. будет удовлетворена.

Зам. председателя исполкома Райсовета Э. Меркулов.

✉ *26 октября 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич Я вынуждена еще Вам сообщить как меня обманули в продаже мне нефондова мотоцикла марки

«Днепр» на которые у нас нет никакой очереди. Еще в мае месяце с. г. я писала заявление которое меня даже заставил сам Пред. райисполкома т. Сергеев что «Уралы» все распределены пиши заявление на киевский мотоцикл и если они придут к нам я вам выдам в первую очередь. И вот они были, но мне даже не сообщили. Но когда мы узнали их уже продали. Вот как не честно поступают наши руководители. И я вполне уверена что если Вы не постараетесь обо мне, чтобы выслали на мое имя через Горьковский Облпотребсоюз мотоцикл марки «Урал» или «Днепр» район наш и наши руководители они мне никогда не продадут, потому что они на меня обозлились что я много пишу на их жалоб.

Прошу постарайтесь обо мне

С уважением к вам Кулькова Зинаида Федоровна.

Ноябрь 1972 г.

Председателю райисполкома тов. Сергееву В.А.

Уважаемый тов. Сергеев!

Убедительно прошу удовлетворить просьбу Кульковой З.Ф. из совхоза «Первомайский». Она вновь обратилась ко мне за помощью. Ей необходимо купить за наличный расчет мотоцикл.

Об исполнении прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *14 ноября 1972 г.*

Уважаемый тов. Шостакович Д.Д.!

Первомайский Райисполком получил Ваше письмо по вопросу оказания помощи в покупке мотоцикла «Урал» за наличный расчет гр. Кульковой З.Ф. Но, к сожалению, удовлетворить Вашу просьбу в этом году не имеется возможности, так как фонды мотоцикла «Урал» уже распределены, а получатели уведомлены.

Тов. Кулькова З.Ф. получит мотоцикл из фондов 1973 года.

Зам. председателя исполкома Райсовета Э. Меркулов.

В начале октября 1972 года Д. Шостакович — в Баку, участвует в декаде литературы и искусства РСФСР, он удостоен звания народного артиста Азербайджана.

Ездил я недавно в Баку. Там было ужасно жарко. Так жарко, что когда я вернулся домой, меня направили в санаторий...

С 7 октября по 5 ноября Шостакович на лечении в подмосковном санатории.

Еще не выздоровев, пишет: **Пугают меня следующие обстоятельства: после 15-й симфонии я ничего не сочинил, ни одной ноты. Неужели я теперь лишен этой скромной радости? Такого длинного перерыва у меня не было никогда...** *(19 октября 1972 г.)*

Он был мнителен, склонен впадать в крайности — то пишет «сочиняю с адской скоростью и не могу остановиться», то в отчаянии от того, что «перестал быть сочинителем».

Всю жизнь Шостакович больше всего боялся «перестать быть сочинителем» и каждую затянувшуюся паузу в своем творчестве переживал как драму.

Когда я работаю, вернее, сочиняю, тогда мне живется лучше. Если я не сочиняю, то чувствую себя плохо. Чувствую себя этаким тунеядцем, зря жрущим хлеб.

Впервые глубокий кризис, «черную меланхолию» композитор пережил в 1925 году. Измученный работой в кинотеатре, отнимавшей почти все вечера, нуждой, давлением со стороны матери, неопределенностью в личных отношениях, Шостакович был охвачен депрессией, внезапным сомнением в своем композиторском призвании.

Сейчас у меня очень печальное настроение из-за творческого бессилия. Утешать себя мне нечем. Ежели я с лета ничего не сочинил, то, стало быть, что-то такое случилось, из-за чего я разучился или на время, или же навсегда сочинять. Хватался я в это время за многое, и, несмотря на то что не мое дело судить, хорошо или плохо я сочиняю, плакал с досады и со злости на судьбу. Я чувствую, что кинематограф и ежедневная там «импровизация» губит меня. Какой ужас! Я уверен, что многие мои музыкальные друзья отвернутся от меня, узнав, что я перестал быть сочинителем, или, если не перестал, то стал из рук вон плохим. *(28 октября 1925 г.)*

...С нетерпеньем я дожидаюсь лета. На лето я питаю большие надежды. Летом меня часто посещает муза, и я могу сочинять. Сейчас у меня ничего не клеится. Асафьев говорит, что это ничего. А я почему-то боюсь таких пауз в творчестве. *(16 декабря 1925 г.)*

Из анкеты по психологии творческого процесса:

Всегда наблюдается в период творчества бессонница; особенно много курю; совершаю длинные прогулки (что способствует обдумыванию); хожу по комнате, записываю стоя, вообще не могу оставаться в спокойном положении...

Импульс всегда внутренний. Подготовительная стадия имеется: продолжительность от нескольких часов до нескольких дней (не

более 1 недели), за исключением оперы «Нос», где подготовительная стадия длилась около 2 лет.

Примеры подготовительной стадии: Фортепианная соната. Подготовительная стадия длилась несколько минут. В эти несколько минут я уже довольно ясно представлял себе все будущее произведение.

«Первичную форму» ощущаю всегда. Мне всегда бывает совершенно ясно, какое должно быть начало, середина, конец произведения, где моменты подъема и упадка; произведение представляется еще не в озвученном виде, но как бы в своем «тембровом» аспекте...

«Полную внутреннюю форму», отличную от внешне воплощенной, также ощущаю, прежде всего всплывает тембровая сторона, затем мелодия и ритм, затем дальнейшее...

К произведению, однажды зафиксированному, больше не возвращаюсь (приводить примера не стоит, так как это бывает всегда). *(2–10 сентября 1927 г.)*

Это единственное подробное высказывание Д. Шостаковича о творческом процессе.

Но и позже у Шостаковича чередовались паузы в творчестве с периодами стремительной, «молниеносной» работы.

...Работать не могу. Ничего не сочиняю. Из-за этого страдаю, так как мне кажется, что больше никогда не смогу сочинить ни одной ноты... *(1943 г.)*

...Я страшно занят и ничего не сочиняю. Такие периоды у меня бывали, но всегда кажется, что на этот раз серьезно и что я не смогу больше сочинить ни одной ноты. Скорей бы прошел этот период, а то ужасно неприятно. *(17 апреля 1944 г.)*

...У меня после 8-й симфонии большой упадок сил. Я ничего не сочиняю, и, как всегда бывает в таких случаях, боюсь, что это надолго, а может быть, и навсегда... *(3 мая 1944 г.)*

...Процесс сочинения музыки доставляет мне немало хлопот и беспокойств. Беспокоит меня молниеносность, с которой я сочиняю. Без сомнения, это не хорошо. Сочинять с такой скоростью, как это делаю я, нельзя. Это весьма серьезный процесс; нельзя его гнать галепом (как сказала одна моя знакомая балерина)...

Сочиняю я с адской скоростью и не могу остановиться. Мой «творческий процесс» напоминает мне (как бы понаучнее выразиться) слишком быстрое занятие онановым грехом. И не слишком уверенное в себе, с призывом на помощь обольстительных картин

и сверхъестественное, трудовое (как бы сказал Яворский) напряжение всех физических, а главное умственных сил. Утомительно, не слишком приятно, и, по окончании, полное отсутствии уверенности в том, что ты с пользой провел время. Но дурная привычка берет свое, и я сочиняю по-прежнему слишком скоро. *(6 сентября 1944 г.)*

...У меня все обстоит благополучно. Ничего не сочиняю. Следовательно, муки творчества меня не терзают. А без мук жизнь идет легко и нежно... *(26 июля 1952 г.)*

...Симфония не выстанцовывается: кишка тонка... *(18 июля 1953 г.)*

...Последнее время не работаю, это мучительно. У меня, когда я не работаю, непрерывно болит голова, вот и сейчас болит. Это не значит, что ничего не делаю, наоборот, — очень много делаю, читаю множество рукописей, должен давать на все ответы, но это — не то, что мне надо. Не пишу музыку... Кажется, у меня сейчас действительно пауза...

...Я давно ничего не сочиняю. Это меня очень огорчает. Фактически после 10-й симфонии я больше ничего не сочинил. *(4 октября 1955 г.)*

...У меня новостей мало. А хороших еще меньше. Самое грустное, — это то, что после Десятой симфонии больше почти ничего не сочинил. Уже скоро начну чувствовать себя Россини. Как известно, этот композитор в 40 лет написал свое последнее произведение. После чего дожил до 70, не написав ни одной ноты. Слабое утешение для меня. *(11 марта 1956 г.)*

...С сочинительством ничего не выходит.Что-то долго затянулся у меня творческий перерыв. Это, пожалуй, естественно: наступила старость. Пора. Много прожито, много пережито... *(7 июня 1961 г.)*

...В жизни все подходит к концу. Видимо, я кончаюсь как композитор. Никак не могу написать музыку к кинофильму «Карл Маркс»...» *(23 апреля 1965 г.)*

...У меня все обстоит более или менее благополучно. Плохо то, что ничего не сочиняю. Из-за этого мозг покрывается ржавчиной. Для поддержания сил и энергии много занимаюсь физкультурой и 3 часа в день гуляю: утром час, днем час и вечером час. *(2 декабря 1966 г.)*

...Каждый день пытаюсь что-нибудь сочинить. Но ничего не получается, от этого мало оптимизма. С другой стороны, вспоминаю биографию Сибелиуса. Последние многие годы своей жизни он ничего не сочинял и занимал лишь должность Гордости финского

народа. Эта должность превосходно оплачивалась: квартира, дача, достойная субсидия и т.п. Сам же Сибелиус хлестал коньяк и слушал разного рода музыку на пластинках. Вот мне бы так. А забот у меня много, очень много. Сил мало. *(24 января 1967 г.)*

...Последнее время я много сочиняю. С одной стороны, это влечение — рода недуга, а с другой, видимо, старческая графомания. *(1 февраля 1969 г.)*

...Вот уже год, как я не сочинил ни одной нотки.

Трудно найти этому объяснение. Может быть, борьба за свое здоровье. Я уже год, как не курю, не пью. В «Черном монахе» Чехова магистр Коврин говорил, что заботы о его здоровье лишили его радости творчества, что если бы Магомет, Шекспир пили бы только молоко и ели рисовую кашку, то от них не осталось бы и следа. «Черный монах» произвел на меня очень сильное впечатление. Вернее сказать, производит сильное впечатление каждый раз, когда я его перечитываю. Очень прошу Вас: если Вы давно не читали этот рассказ, или вообще не читали, то обязательно прочтите. В этом произведении упоминается Серенада Брага. Лишь вчера мне удалось познакомиться с этим великолепным сочинением. *(22 сентября 1972 г.)*

В архиве Шостаковича сохранился план камерной оперы «Черный монах», в двух действиях и семи картинах.

По воспоминаниям, у Шостаковича бывали пророческие сны, а в его письмах много предсказаний, предчувствий собственной судьбы.

Один такой сон он увидел в ночь на 1 января 1926 года — тот год стал триумфом Первой симфонии и признания молодого композитора.

Наутро он пишет Б. Яворскому: **В ночь с 31 декабря на 1 января я видел некий сон, который, несмотря на мое полное безверие в сны, все ж таки взволновал меня немного. Сон этот был довольно печален, но все же я напишу Вам его содержание. Иду я в пустыне, и вдруг навстречу мне попадается «старец» в белой одежде, который говорит мне: этот год будет для тебя счастливым. После этого я проснулся с ощущением огромной радости. Радость была так велика, что я не мог заснуть до самого утра и провалялся в постели, несмотря на то что я лег вчера спать в 3 часа ночи. Ах, как это было хорошо. Сейчас я вспомнил рассказ Чехова «Черный монах» и вспомнил, что у Коврина было состояние такой великой радости, что он не знал, куда от нее деваться. Ах, как это было хорошо. На новый год у меня большие надежды.**

Легли спать в 2 часа, а я досидел до 3-х, предаваясь восхитительному состоянью слушания своих мыслей. Ночь я почти не спал из-за сна, который я видел и сейчас чувствую себя немножко утомленным, но из-за радости очень хорошо.

Шостаковичу, как и герою Чехова, «хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего». Этот мощный творческий порыв, обостряющий чувства и преобразующий реальность в вымысел — некая сверхэнергия, когда в грандиозном хаосе времени возникает изначально заложенные в нем суть, порядок, ритм и форма, — был знаком Д. Шостаковичу.

Темы гения и посредственности, одержимости творчеством и прозрачной грани между гениальностью и безумием — волновали его. «Ты один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками Божиими. Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят на себе явственную, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вечно» — эти слова Чехова вторили состоянию Шостаковича.

Окружающие замечали в нем то странное отчуждение, которое присуще людям, поглощенным одной целью, одним стремлением. Его хрупкое тело изнуряло творческое напряжение, жажда огромных свершений. «Если права теория о неземном происхождении жизни, то он был лучом трепетного света, невесть почему залетевшего в наш быт, — его даже воздух ранил», — говорил о композиторе современник.

В то утро, когда Шостакович увидел свой сон, он написал: **Я доволен и счастлив. Муки творчества не дают покою, но я рад был бы мучиться такими муками всю жизнь, не переставая.** *(1 января 1926 г.)*

Шостакович очень любил Чехова и в течение многих лет мечтал написать оперу «Черный монах». **Чайковский создал Шестую симфонию, а Чехов написал «Черного монаха» (к слову сказать, одно из самых музыкальных произведений русской литературы, написанное почти как соната)**.

Легенду из «Черного монаха» Шостакович знал почти наизусть.

Тысячу лет тому назад какой-то монах, одетый в черное, шел по пустыне, где-то в Сирии или Аравии. За несколько миль от того места, где он шел, рыбаки видели другого черного монаха, который медленно двигался по поверхности озера. Этот второй монах был мираж. От миража получился другой мираж, потом от другого третий, так что образ черного монаха стал без конца передаваться из одного слоя атмосфе-

ры в другой. Его видели то в Африке, то в Испании, то в Индии, то на Дальнем Севере. Наконец, он вышел из пределов земной атмосферы и теперь блуждает по всей Вселенной, все никак не попадая в те условия, при которых он мог бы померкнуть. Быть может, его видят теперь где-нибудь на Марсе или на какой-нибудь звезде Южного Креста. Но самый гвоздь легенды заключается в том, что ровно через тысячу лет после того, как монах шел по пустыне, мираж опять попадет в земную атмосферу и покажется людям. И будто бы эта тысяча лет уже на исходе. По смыслу легенды черного монаха мы должны ждать не сегодня-завтра.

В 1972 году Шостакович вновь вернулся к мысли написать оперу «Черный монах» и попросил разыскать ноты популярной во времена А. Чехова «Серенады» Брага, упоминаемой в рассказе.

Мне захотелось написать оперу на сюжет «Черного монаха». И вот я попросил разыскать ноты этой Серенады. Музыка ее, по подсказке Чехова, мне показалась даже волнующей. Я подумал, что нашел зерно для будущей оперы.

В рассказе герой слышит два женских голоса — сопрано и контральто, в сопровождении скрипки они разучивали серенаду Брага о том, как девушка с больным воображением слышала ночью в саду таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать их гармонией священной, которая смертным непонятна и потому обратно улетает в небеса...

Шостакович сделал обработку этой серенады для будущей оперы.

Но опера так и не была написана.

✉ *Сентябрь 1972 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Извините, пожалуйста, что я Вас беспокою. Я сейчас прочитала книгу В. Брумеля «Высота», из которой узнала, что совсем недавно Вы были очень тяжело больны и помог избавиться Вам от болезни д-р Илизаров Г.А. Это значит получить второе рождение! Дмитрий Дмитриевич, я обращаюсь к Вам (еще раз простите!) с очень большой просьбой, надеясь, что Вы меня поймете, а может быть, и поможете. Дело в том, что после смерти отца, оставшись совершенно одной, я заболела. И вот страдаю 13,5 лет, все время работала воспитателем в одном д/с (почти 20 лет на одном месте). Диагноз: арахнаэдит головного мозга, связанный со срывом нервной системы. За 13,5 лет у нас в Ленинграде лежала в клинике неврозов 2 раза. Чувствую себя очень плохо, с 15 мая вынуждена взять расчет. Живу одна, никого у меня нет. Мне 45 лет. Дмитрий Дмитриевич (простите за такую просьбу), но у меня безвы-

ходное положение: если бы Вы смогли мне помочь, т.е. проконсультировать меня в Москве и положить в одну из клиник, чтобы чуть-чуть меня подлечили, мне чуть-чуть можно облегчить страдания.

Дмитрий Дмитриевич, дорогой, если что-нибудь можете для меня сделать, умоляю Вас, помогите.

Фильтенгоф М.М.

Сентябрь 1972 г.

Институт имени Бехтерева

Главному врачу тов. Кабанову М.М.

Уважаемый Модест Михайлович!

Убедительно прошу Вас положить на лечение в Ваш институт Фильтенгоф М.М., которая очень нуждается в медицинской помощи.

О результатах прошу сообщить.

Всего доброго, с уважением Д. Шостакович.

✉ *Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

В ответ на Ваше обращение относительно оказания помощи Фильтенгоф М.М., проживающей в г. Ленинграде по пр. Славы 18, кв. 49, сообщаю, что больная вызвана на консультацию в отделение института им. В.М. Бехтерева на 25/IX с.г. После осмотра больной специалистами отделения неврозов будет решен вопрос о ее госпитализации.

Директор института М.М. Кабанов.

✉ 25 сентября 1972 г.

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич, здравствуйте. С Вашего разрешения хочу сообщить, что сегодня я была на консультации в ин-те им. Бехтерева. Мне сказали, что возьмут (как только будет место) на отделение неврозов.

Дмитрий Дмитриевич, дорогой, спасибо Вам за все! Я желаю Вам, Дмитрий Дмитриевич, и всей Вашей семье доброго, доброго здоровья.

М.М. Фильтенгоф.

✉ *27 октября 1972 г.*

Д.Д. Шостаковичу

29 августа 1972 года произошло несчастье, в результате пожара сгорел дом моих родителей, где жили мы с мужем и дочерью, которой 1 год и 2 месяца. Кроме нас у родителей еще 2 дочери, несовершеннолетние.

А сейчас у нас такое положение, что хуже и быть некуда. Нам негде жить, временно живем у тетки, где своя семья пять человек. Девочку в ясли не устраивают, нет мест. Страховку за имущество еще не отдали, хотя со времени пожара прошло 2 месяца. А у мужа даже одеть ничего не осталось на себя, все сгорело. Он в этот вечер был послан на ночное дежурство, в лес на пожар. Сейчас мы на сессии и мы залезли в большие долги, т.к. купили кое-что из одежды. Ничего конкретного нам насчет яслей, квартиры не обещают. И я уже так не могу больше жить, девочку оставляю под присмотром то тетки, то соседей. А сейчас у нас нет никаких условий для занятий, некуда деть девочку, нет своего угла. Ходить просить у меня уже нет больше сил, да и стесняюсь я как-то напоминать часто о своем положении, говорят, что есть еще в худших условиях живут люди. Но нам сейчас главное нужны условия для учебы, я не хочу бросать институт и муж обязательно закончит техникум — как бы трудно нам не было.

С уважением к Вам, Болтунова.

Председателю Ленинградского горисполкома

тов. Сизову А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

Направляю Вам присланное мне письмо музыканта Поневина К.Н. Письмо очень тяжелое.

Убедительно прошу Вас, в виде исключения, помочь ему в его очень трудном положении. О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

Уважаемый Константин Николаевич!

Я внимательно прочел Ваше письмо, полон к Вам сочувствия. Послал копию Вашего письма Сизову — председателю Горисполкома с просьбой Вам помочь.

Извините за задержку с ответом, находился длительное время в отъезде.

Посоветую еще Вам с копией моего ходатайства постараться попасть на прием к Сизову А.А.

С уважением Д. Шостакович.

В ноябре 1972 года в Москве проходил пленум творческих союзов, на котором Д. Шостакович выступил с официальной речью о творческих задачах композиторов.

✉ *Депутату Верховного совета Шастаковичю*
От Абрамовой М.Н.

Разрешите к вам обратиться. Я приехала в Горький в 1936 г. со своими родителями — наша семья состояла из 11 человек то есть нас было у матери 9 человек детей — пять братьев и четыре сестры. Мы приехали на стройку Автозавода. С жильем в то время было очень трудно, а рабочие были нужны, и нам разрешили построить засыпной дом на поселке Гавань, то есть недалеко от завода. Шли годы и вдруг пришел 41 год. На фронт забрали брата Ивана, потом Петра, потом Алексея, а Василий был уже в армии, и наконец, последнего, Александра — и остались мы с малышами. Из них после войны вернулся только один Александр, остальные погибли на фронте. Да, тяжело было тогда моим родителям, но и мне было нелегко — после Ивана оставалось четверо детей, после Петра двое, не было у них матери — воспитывались они со мной. Потом схоронила отца, и остались мы с матерью. Мать была старенькая по годам да и от жизни — ведь нелегко перенести четыре похоронки. Дождалась последнего и вскоре померла, я осталась в этом доме со своей семьей и четверо детей и муж, потом после болезни помер мой муж. И вот осталась я с детями, наш дом назначили на слом, то есть на этом месте идет стройка завода.

Я работаю на заводе коробок скоростей и наше начальство меня выселили в щитковый разваленный дом. Я не ожидала, что так могут поступить с рабочей женщиной. Я работаю на заводе с 1957 года, и они так бесстыдно со мной поступили — вызвали милицию прямо на работу и как преступницу, прямо с работы, во всем рабочем меня посадили в машину и повезли к моему дому, взяли мои вещи, нагрузили, а мне сказали — если только одно слово скажешь против — посадим. Вот как у нас еще бывает. Я после этой эвакуации очень долго болела, я думала, что всему конец, но мои дети мне помогли встать на ноги. Я не думала, что у нас в Советском союзе есть такое беззаконие и насилие, они сочли что я незаконно построилась — я во-первых не строилась, а строили мои братья, а они погибли на фронте, и я имею план и прописку, как и другие мои соседи — вот им дали квартиры, а меня одну выселили в разваленный дом, который был построен еще в 30 годы — нет ни воды, ни канализации, одним словом, разбитый сарай.

Я думаю, что вы мне поможете и разберетесь в этом. Я неоднократно обращалась к Своему депутату, но только получала ответ — рассмотрение по месту работы. Я прошу вас мне дать ответ и если можно, то запишите к вам меня на прием на август месяц — я буду в отпуске.

Мой адрес г. Горький Моторный переулок 10-5
Абрамова Мария Николаевна
Год рождения 1921 г.

Г. Горький
Обком КПСС
Первому секретарю обкома тов. Масленникову Н.И.
Уважаемый Николай Иванович!

Ко мне обратилась моя избирательница тов. Абрамова М.Н. (Горький, Автозавод, Моторный пер., 10-5) с письмом (копию которого Вам посылаю), в котором рассказала, как незаконно и возмутительно с ней поступили при ее переселении с территории завода.

Она кадровая работница Завода коробок скоростей, воспитавшая не только своих детей, но и детей четырех погибших на фронте братьев. На заводе она работает с 1947 года и является именно тем кадровым рабочим человеком, к которому мы обязаны проявлять наибольшее внимание. А ее переселение происходило в сопровождении милиции и недостойных угроз.

Убедительно прошу Вас поручить очень тщательно разобраться в этой неприятной истории, произошедшей с тов. Абрамовой, привлечь виновных в незаконных действиях к ответственности и обязать завод предоставить семье Абрамовой такие же равные условия жилья, как были предоставлены остальным переселяемым с территории завода.

Я хотел также сообщить Вам, что большинство депутатских писем, которые я получаю из Горького, связаны с тяжелым жилищным положением избирателей-рабочих, инвалидов войны, которые живут на частных квартирах в подвалах (на 8-ми метрах семья из 4-х человек) и за которые платят по 30 рублей в месяц.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *15 сентября 1972 г.*
Москва, К-9, ул. Неждановой, дом № 8/10, корп. 2, кв. 23
Товарищу Шостаковичу Д.Д.

На Ваше письмо по жалобе работницы завода коробок скоростей т. Абрамовой М.Н. сообщаем, что она работает в объединении «АвтоГАЗ» с 1957 года, а не с 1947 года, как указано в ее письме.

В 1970 году при сломе засыпного дома (построенного на неотведенном земельном участке самовольно) т. Абрамовой М.Н., в соответ-

ствии с установленным на автозаводе порядком выделения жилья работающим, была предоставлена на четыре человека двухкомнатная квартира в щитковом фонде площадью 26,6 кв. метра с центральным отоплением и природным газом.

В связи с недостаточным жилищным строительством, жилплощадь в каменном фонде предоставляется работникам, проработавшим на автозаводе не менее 20 лет.

Считаем, что нарушений со стороны руководства Горьковского автозавода при распределении жилья под слом засыпушек не установлено. В 1970 году в период сноса засыпных домов изолированная жилплощадь в благоустроенном фонде была предоставлена двоим инвалидам Отечественной войны со стажем работы на автозаводе с 1943 и 1948 гг.

О результатах рассмотрения письма т. Абрамова М.Н. поставлена в известность.

Секретарь обкома КПСС С. Ефимов.

Собираюсь в Лондон... Сил у меня мало. Однако это во внимание не принимается, и меня заставляют ехать...

Тринадцатого ноября 1972 года Шостакович снова в Лондоне. В театре «Ковент-Гарден» поставлена опера Мусоргского «Хованщина» в оркестровой редакции Шостаковича. Дирижирует Эдвард Даунс — постановщик «Катерины Измайловой» на лондонской сцене, специально выучивший русский язык для того, чтобы перевести либретто оперы на английский.

Я благоговею перед Мусоргским, считаю его величайшим русским композитором...

Шостакович чувствовал сильную внутреннюю связь с непонятым и отринутым современниками и друзьями композитором, с его музыкой. Он оркестровал «Бориса Годунова», «Хованщину».

При этом Шостакович саркастически заметил: **Чем больше я работаю, тем больше сомневаюсь в житейской целесообразности этой работы. Все меня будут за это ругать. И приверженцы Мусоргского и приверженцы Римского-Корсакова. Первые за то, что «посягнул», вторые за нахальство, с которым я себя «противопоставил». И те и другие найдут бездну недостатков. Первые — что не «вздерзнул», вторые — что «извратил» и т.п.**

В Лондоне Шостакович присутствует на приеме в обществе «Англия–СССР», на репетициях и концертах — Тринадцатого квартета, Пятнадцатой симфонии, на записи Первого скрипичного концерта.

Там же Д. Шостакович встретился с композитором Г. Свиридовым — своим бывшим учеником, жившим в той же гостинице. Это была одна из последних их встреч.

Из записей Г. Свиридова: «Я приехал туда на концерты. Я позвонил и сказал, что хочу к нему зайти. Перед этим я не видел его очень давно, по своей болезни, он — также болел много.

Зайдя к нему, я ошалел, увидев сидящего перед собою человека, в котором ничего не осталось от Шостаковича, каким я знал его много лет. Это был живой труп, мертвец с бессмысленными глазами. Мы обменялись несколькими малозначительными фразами. Говорить с ним было не о чем и незачем, он смотрел сквозь собеседника.

Жена его пригласила нас с женой пойти в театр, куда они с Д<митрием> Д<митриевичем> собрались. Я спросил, какой сегодня спектакль. Она ответила: "Тевье-молочник". Я очень удивился (по своей наивности) и сказал: "Стоило ли ехать в такую даль, чтобы смотреть "Тевье-молочника", какой в этом смысл?" Но смысл, очевидно, был, и немалый, т. к. кроме "Тевье-молочника" Дмитрий Дмитриевич с супругой уже посетили "Иисус Христос — суперзвезда" и он совершенно серьезно сказал мне, что это хорошее произведение. Это было его единственное замечание, а в основном он сидел неподвижно, смотря в одну точку.

Я пригласил его на один из своих концертов, как-то не подумав, что это ему будет трудно. И вечером на следующий день (или через день) он пришел в концерт и высидел два отделения. Я подошел к нему после окончания, поблагодарил за то, что он пришел, и очень пожалел, что позвал его. Я как-то никак не мог прийти в себя и постигнуть ту страшную перемену, которая произошла с человеком, которого знал так давно.

Через день или два мы были на ужине у посла. Кроме Дмитрия Дмитриевича был Ойстрах и сын Дмитрия Дмитриевича Максим, который дирижировал концертами довольно, надо сказать, неплохо. На ужине этом Дмитрий Дмитриевич, и всегда мало разговорчивый (закрытый) человек, ограничивался совсем малозначащими фразами. Впрочем, таков он был всегда. Однажды, это было в Ленинграде у нас дома, он сказал про себя: "Моя жизнь (или мой девиз, или мое правило, что ли) — одиночество на людях". В то время, это было еще до моего переезда в Москву, мы были в хороших отношениях».

Еще из записей Г. Свиридова: «Мы должны знать не только о "преследовании" Шостаковича, которое все помнят, но и о его положении государственного Фаворита, увешанного наградами и пропагандируемого

государством более, чем какой-либо иной композитор за всю историю музыки. Шостакович занимал должность и место "Государственного композитора", стоявшего совершенно особняком над всеми.

Он занимал место первого музыканта, в то время как не было ни второго, ни третьего, ни десятого... Ни о какой критике его музыки нельзя было даже помышлять. Премьеры его сочинений далеко не всегда удачны, художественно полноценны (особенно под конец жизни, когда он продолжал беспрерывно писать, но не создал ничего интересного). Все это — не более чем музыка "хорошо набитой руки", лишенная ценного тематического материала, сделанная по болванке, по стереотипу.

Это был культ личности не меньший, чем культ Сталина, правда, в небольшой, но зато глобально насаждаемой области.

Все, что было в музыке тех дней иного, не замечалось вовсе, третировалось беспощадно. Все раболепствовало, все пресмыкалось. Это поветрие очень любопытно!»

Так писал бывший ученик Шостаковича.

Г. Свиридов: «Хорошо помню, как играл ему некоторые свои вещи. Сонату для фортепиано играл осенью 1944 года в его квартире на Пушкарской. Прослушав, он сказал: "Юрий Васильевич, вы достигли мастерства. Теперь все зависит от вас!"

Помню первое исполнение "Страны отцов" в Ленинграде, в зале им. Глинки. Дмитрий Дмитриевич приехал, жил в "Европейской". После концерта пришли к нему в номер, он говорит: "Посидите, я сейчас". Мы остались втроем: Эльза, Гликман и я, а он побежал к Елисееву в магазин. Вернулся через 1/2 часа, нагруженный покупками, заняты были обе руки, а в карманах — вино. Сделали — пирушку».

Шостакович не раз говорил, что «Свиридов — наша надежда... наша национальная гордость». Они — то сближались, то вновь отдалялись, становясь на разные творческие и эстетические позиции.

Мы встретились с Георгием Васильевичем в его квартире возле Тишинской площади. Запомнилась его строгая жена Эльза в лыжных шароварах и множество поэтических сборников, разложенных по всей комнате, которые время от времени Георгий Васильевич брал в руки, чтобы прочитать очередное стихотворение. Читал он своеобразно, как бы примеривая стих к возможной музыке, пытаясь услышать музыку в самом стихе.

Предполагалось, что я буду снимать о нем фильм.

Георгий Васильевич говорил о том, что в жизни русского общества важное место занимала книга, что человек мог если и не побеседовать с Гоголем, Лермонтовым, Достоевским, то, во всяком случае, послушать их. Теперь же в каждый дом, в каждую семью пришел через телевидение, радио, через «бульварную» печать — заурядный, посредственный, подчас злобный и агрессивный человек.

Разговор шел о том, что искусство Шостаковича, Стравинского, Прокофьева, Шенберга — это искусство тоталитаризма. В противовес искусству религиозному, национальному, народному — музыка механических нагнетаний оркестровой звучности, в которой ритм и преувеличенная динамика довлеют, а мелодия часто отсутствует.

Записи Г. Свиридова о Шостаковиче были опубликованы уже после смерти Дмитрия Дмитриевича. По мнению Свиридова, «у Шостаковича схожесть с Римским-Корсаковым — тоже поэтом зла».

Об опере «Катерина Измайлова» написал: «Когда слушаешь “Катерину Измайлову”, приходит в голову мысль о какой-то удивительной неправде этого произведения... В этой “уездной” драме неуместен и нелеп гигантский оркестр вагнеровского (экспрессионистского) типа. Его преувеличенные, грохочущие, ревущие звучности с обилием медных инструментов скорее подошли бы для изображения картинного, декоративного ада типа фресок Синьорелли».

О симфониях Шостаковича: «Лучшее в XX веке из симфонического творчества, мне кажется, принадлежит Дм<итрию> Дм<итриевичу> <Шостаковичу>. Однако и его музыка часто страдает эклектизмом, роскошью звучаний, их переизбытком, надсадностью. Причем в этой роскоши тембров, ритмов, их смешении — вся суть, вся соль, все ценное. Отними это — ничего не останется. Мелодия, гармония, простые ритмы — все эти средства слишком элементарны для изощренного уха современного любителя музыки и особенно профессионала. А профессионалов и полупрофессионалов, благодаря распространению музыкального образования, стало огромное количество. Они требуют своей музыки, своих композиторов, “для себя”. В конечном итоге можно сказать, что современные композиторы, все, продолжают традицию европейской музыки, нашедшую наиболее полное выражение в симфонизме и связанных с ним формах».

После Тринадцатой симфонии Свиридов называет Шостаковича «музыкальным аналогом так называемой эстрадной поэзии [Евтушенко и Вознесенского], получившей огромный резонанс в обществе».

Как бы продолжая внутреннюю полемику с Шостаковичем, Свиридов рассуждает о «скоморошьей музыке» и о холуйстве в искусстве. В одном из ранних писем Шостакович упоминал о своем интересе к скоморошьей музыке, к музыке райка.

«...Тип лирического героя, открытый Стравинским в “Петрушке” (жалкая кукла вместо человека), оказался удивительно к месту и времени, — пишет Свиридов. — Он как нельзя более соответствовал складу и типу характера, сложившегося в русском интеллигентском обществе... Тип этот, вызывающий жалость (вместо сострадания!), действительно был жалок, униженный, третируемый, как скоморох. Но, получив известную свободу действий, он более полно проявил свой характер. Тут сказалась нетерпимость ко всему на свете, сознание своей избранности, самодовольное, сытое презрение, непомерное честолюбие и ужасающий душевный холод и злоба. Безбожие и органически с ним связанное бездушие.

Скоморошья музыка, музыка профессионалов-шутов, созданная для потехи, для развлечения. Сия последняя была музыкой, исполнявшейся людьми, не имевшими подлинного человеческого достоинства, в сущности — разновидностью дворовых лакеев. Оркестровая музыка, как это ни странно, может быть, ведет свое начало именно от этой шутовской среды. Отсюда же идет стиль раннего Стравинского и Прокофьева (многое у Шостаковича) и в творчестве, и в психологии.

Скомороший стиль в Большой музыке пошел от “Камаринской” Глинки. “Камаринская” песня — более “дворовая” музыка, чем народная, песня пьяного “дворового” человека, психология скоморошества.

Бородин позднее развил эту тему в своем “Князе Игоре”, написав бессмертные образы гудошников-скоморохов, профессиональных музыкальных шутов, служащих богатству, сытости, тому, кто больше даст. Этот образ музыканта-профессионала очень глубок, его тип очень живуч до сего дня».

По словам Свиридова, советская идеология стремилась к утверждению такого типа холуйства, лакейского состояния, о котором говорил Шостакович — «когда художника презирают и выносят на тарелке деньги в виде наград... Шостакович называл подобный тип художника “гениальные холуи” (сам от него слышал), и с этим определением трудно не согласиться».

Узнав о смерти Шостаковича, Свиридов написал: «Фигура эта глубоко сложная, глубоко противоречивая. Необходимо издать все его статьи,

заметки, дневники, его воспоминания, изданные за границей. Издать все, что он говорил, что он писал. Это должно быть тщательным образом все изучено. Сам ли он писал или подписывал — это вопрос другой, пусть изучают. Все, что касается этого человека, должно быть изучено».

Ноябрь 1972 г.

Секретарю Краснодарского Крайкома КПСС

т. Золотухину Г.С.

Уважаемый Григорий Сергеевич!

Ко мне обратились жители поселка Гидростроитель гор. Краснодара с просьбой помочь построить и открыть детскую музыкальную школу в поселке. Я готов обратиться с ходатайством в нужную организацию по этому вопросу. Мне только хотелось бы узнать у Вас, в какой моей конкретной помощи Вы будете нуждаться при решении этого безусловно необходимого мероприятия.

Жду Вашего ответа.

С уважением Д. Шостакович.

Копию письма, мною полученного, прилагаю.

В декабре Шостакович награжден болгарским орденом «Кирилл и Мефодий» как человек, внесший значительный вклад в развитие культуры, искусства, образования и науки.

Восьмого декабря 1972 года он вновь попадает в больницу, в которой пробудет до седьмого февраля 1973 года.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

...Я бы Вас не хотела беспокоить, но заставила меня трагическая моя судьба.

Мои родители проживали в гор. Горьком давно. В 1941 году моего отца вместе с заводом эвакуировали в Барнаул. При эвакуации он погиб, после смерти отца мать осталась с нами, с 4 детьми, один одного меньше. Отца мы не знаем, только по рассказам матери представляли его.

В 1947 г. матери люди помогли выстроить маленький засыпной домик на берегу Оки по улице Марата пос. Кавказ. Там люди все искали жилья, кто пострадал после бомбежки, и этот поселок прозвали самовольный, но жители этого поселка все работали и сейчас работают на заводах в гор. Горьком. Выросли мы в очень бедных условиях, потому что были тяжелые после войны годы. Домик наш находился в затопля-

емой зоне. Нас каждый год затопляло, и мы все спасались кто как может. Мы каждую весну проживали на чердаке, на работу, в магазин и за водой мы ездили на своих самодельных лодках по улице. Мать каждый год мучилась с ремонтом дома, а мы ей помогали, как могли. Шли годы, мы росли, школу пришлось бросить, не было одежды и обуви, пошли все с ранних лет трудиться.

Когда мы выросли, то у всех сложилась судьба жить вот в этом домике, потому что квартиры никому не давали. И образовалось нас здесь 3 семьи, а площадь у нас всего 20 метров. В доме сейчас нас проживает 12 человек, из них 4 школьников, а остальные все взрослые. Мать старая, больная, и двое детей у меня. Матери и моим детям не хватало места, чтобы где-нибудь поесть, стола в комнате не было, некуда было его ставить. Ребятам я расстилала на кровати фанеру, чтобы они могли учить уроки. Чтобы маленько расширить дом, у нас не позволяло место. Между соседними домами у нас промежутки 20 см и 70 см. Каждый год мы надеялись на слом поселка или, может, подойдет очередь в заводе на квартиру. Мы с мужем работаем на заводе «Нормаль». В этом заводе я работаю 16 лет, и подавала заявление, чтобы получить квартиру.

10 октября 1972 г. я со всей своей семьей ходила в больницу к сестре, которая лежит при смерти. Ушла я к ней в 11 часов дня, а пришла домой в 1 час дня. Когда мы стали подходить к дому, то к моему ужасу я обомлела, у нас сгорел дом. Пожар возник у брата, с которым мы живем через перегородку, и пострадали мы все, — брата тоже не было дома. Пожарники установили «замыкание в проводах». Я две недели скиталась с детьми и больной матерью, где только можно переночевать. Нас с матерью 5 человек, и не каждый пустит ночевать, но хорошие все-таки люди есть, и нас пускали ночевать, большое им спасибо. Рабочие отнеслись к нам с большой болью в сердце. Но когда мы пришли к директору завода, то он на нас только закричал, даже не захотел выслушать. На другой день мы опять к нему ходили, тогда он обещал помочь строить, но в квартире отказал, сказал, как жили, так и будете жить.

Для того чтобы построиться, нужно в первую очередь земельный участок, а у нас его нет. А в каких условиях мы жили, нам нет смысла снова строиться, да и нет средств, если зимой начать строить эту конуру, то весной все смоет, мы каждое лето все засыпаем заново, что уносит весенняя вода, а у нас у всех дети, и должны же они жить, как все нормальные семьи живут. Из завода несколько раз приходила комиссия, а результатов никаких, посмотрят и скажут,

тяжело здесь строиться, но жилья нет. Ходили мы и в райисполком, рассказывали о своих условиях житья и приносили справку от пожарников, которые запрещают нам здесь восстанавливать дом, ввиду того, что нет разрывов между домами. Князев на справку даже глядеть не захотел, заставляет строиться, сказал «жили и еще поживете», конечно, ему рассуждать легче, он живет в квартире, а мы как цыгане кочующие.

Были мы во многих местах, и везде нам отказ, а когда мы ломали дом, то нам даже оставшие головешки некуда было растаскивать, как же здесь нам было строиться, когда очистить место после пожара невозможно, нет места, а ведь мы работаем с детства на заводах, и почему такое бюрократическое отношение со стороны руководителей. Но ведь я советская женщина и хочу, чтобы мои дети жили не в таких условиях, в каких я выросла. Я хочу, чтобы моя семья жила как все нормальные семьи в нашей стране, и чтобы мои дети учили уроки за столом, а не на кровати. Я мать своих детей, и мне очень тяжело. Я Вас очень прошу помочь мне в жилье. Муж у меня воспитывался в детдоме вместе со своими сестренками, родители его погибли во время войны, нам даже помочь сейчас некому в таком большом горе.

И поэтому я очень прошу Вас, помогите мне и моим детям, а также больной моей матери.

Ко всему этому прикладываю все свои справки.

Жительница города Горького Широбокова А.В.

Январь 1973 г.

Председателю Облисполкома

тов. Семенову В.И.

Уважаемый Василий Иванович!

Направляю Вам копию полученного мною заявления от гр. Широбоковой Александры Васильевны.

Семья Широбоковых находится в очень тяжелом положении. Убедительно прошу Вас оказать им в их трудном положении реальную помощь.

О Вашем решении прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

(Стр. 505–507) Конверты писем и открытки, адресованные Д. Шостаковичу

71

Дон Ратклифф
2205 Дициз Пласз
Нашвиллз, Тзннзссзз
Соединённые Штаты
из Америка. 37212

VIA AIR MAIL

11

господин Дмитри Сшастоковиту
Университете из Мосва
Мосва, Союз советских
социалистических Республик.

29 - госент.

LATVIJAS PSR. RIGA. KOMJAUNATNES KRASTMALA.
ЛАТВИЙСКАЯ ССР. РИГА. КОМСОМОЛЬСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ.
V. JANKOVA krāsu foto.

Извините нам любимый композитор и друг! По просьбе от нас санитарок желаем наилучших успехов в работе и благодарим, что сообщено по Гадаю и телевидению о Анджеле Девис. Желаем радостных успехов и возвратится к своим родным.

Куда

Кому

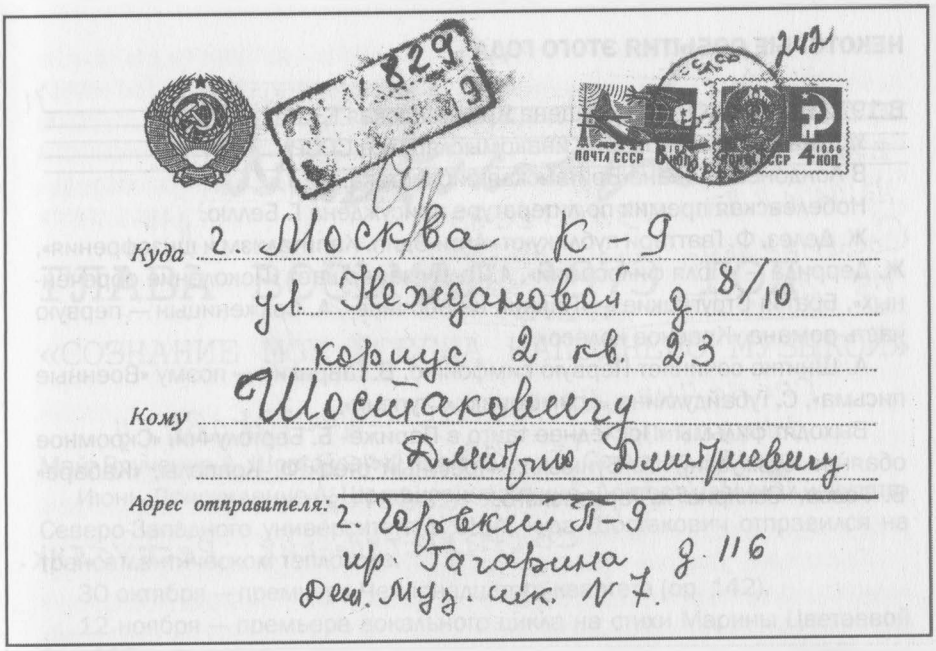
Индекс и адрес отправителя

Латв. ССР, гор. Рига. ул. Гоголя 3 Поликлиника Лаборат. Соловьева Н. 2 К.

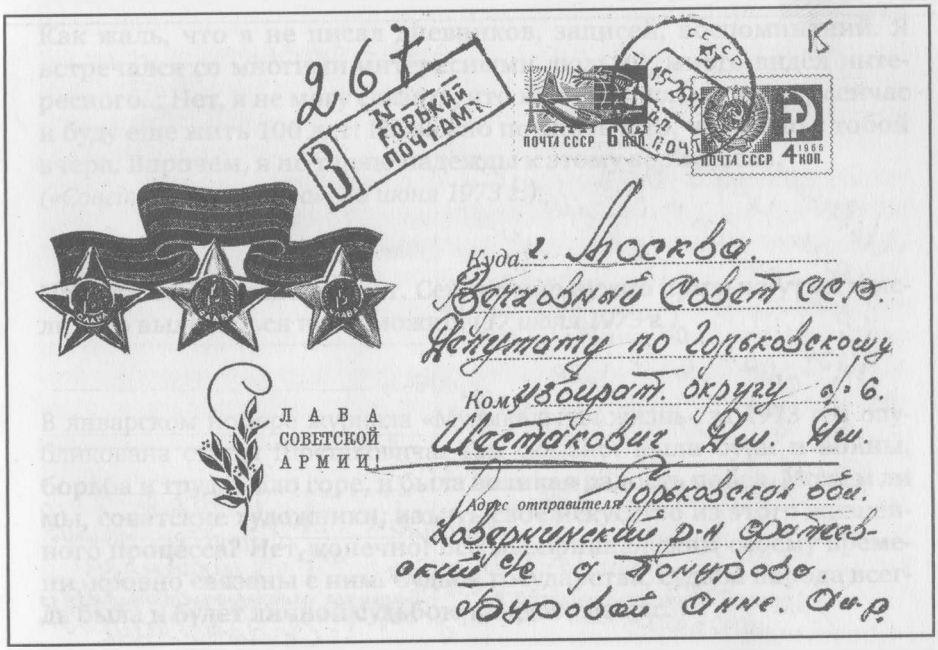
ИНДЕКС АДРЕСА ПОЛУЧАТЕЛЯ

Latvijas PSR sakaru ministrijas [illegible] Rīgā
Cena 4 kap., ieskaitot markas vērtību

Тип. № 2. Зак. 24[illegible] ЛТ 2[illegible]



ПОЧТА СССР 6 КОП.
ПОЧТА СССР 4 КОП.
Куда г. Москва К-9
ул. Неждановой д. 8/10
корпус 2 кв. 23
Кому Шостаковичу
Дмитрию Дмитриевичу
Адрес отправителя: г. Горький П-9
пр. Гагарина д. 116
Деш. Муз. шк. N 7.



267
3
ГОРЬКИЙ ПОЧТАМТ
ПОЧТА СССР 6 КОП.
ПОЧТА СССР 4 КОП.
ЛАВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ!
Куда г. Москва.
Верховный Совет ССР.
Депутату по Горьковскому
Кому избират. округу № 6.
Шестакович Дм. Дм.
Адрес отправителя Горьковская обл.
Ковернинский р-н Фатеевский с/с д. Понурово.
Буровой Анне. Ан-р

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1972 году в СССР была пущена Красноярская ГЭС.

Усиление преследования инакомыслящих в СССР.

В Лондоне основана Британская библиотека.

Нобелевская премия по литературе присуждена Г. Беллю.

Ж. Делез. Ф. Гваттари публикуют «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения», Ж. Деррида — «Поля философии», А. Галич завершает «Поколение обреченных», Братья Стругацкие — «Пикник на обочине», А. Солженицын — первую часть романа «Красное колесо».

А. Шнитке сочиняет Первую симфонию, В. Гаврилин — поэму «Военные письма», С. Губайдуллина — симфонию «Ступени».

Выходят фильмы «Последнее танго в Париже» Б. Бертолуччи, «Скромное обаяние буржуазии» Л. Бунюэля, «Крестный отец» Ф. Копполы, «Кабаре» Б. Фосса, «Солярис» А. Тарковского.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ 1973 ГОД

«СОЗНАНИЕ МОЕ ВСЕГДА НАПОЛНЕНО МУЗЫКОЙ»

Май. Вручение Д. Шостаковичу премии фонда Соннинга в Дании.

Июнь. Присуждение Д. Шостаковичу звания «Доктора изящных искусств» Северо-Западного университета в США, куда Шостакович отправился на трансатлантическом теплоходе.

30 октября — премьера Четырнадцатого квартета (ор. 142).

12 ноября — премьера вокального цикла на стихи Марины Цветаевой (ор. 143).

Как жаль, что я не писал дневников, записей, воспоминаний. Я встречался со многими интересными людьми, много видел интересного... Нет, я не могу сказать, что живу прошлым, я живу сейчас и буду еще жить 100 лет! Но важно помнить и то, что было с тобой вчера. Впрочем, я не теряю надежды к этому вернуться...
(«Советская культура», 26 июня 1973 г.)

Надежды на улучшение нет. Сейчас мне нужно привыкнуть к мысли, что вылечиться невозможно. *(17 июля 1973 г.)*

В январском номере журнала «Музыкальная жизнь» за 1973 год опубликована статья Шостаковича. Там сказано: **Были бури и войны, борьба и труд. Было горе, и была великая радость побед. Можем ли мы, советские художники, изъять свое искусство из этого жизненного процесса? Нет, конечно! Все мы принадлежим своему времени, кровно связаны с ним. Судьба государства, судьба народа всегда была и будет личной судьбою каждого из нас.**

Для Шостаковича это было не набором фраз, а сутью его жизни.

О себе он в это время пишет: **Я совсем беспомощен в бытовых делах. Я не могу самостоятельно одеваться, мыться и т.п. В моем мозгу будто испортилась какая-то пружина, после 15-й симфонии я не сочинил ни одной ноты. Это для меня ужасное обстоятельство. В больнице пробуду еще около месяца. Скучно мне здесь очень.** *(16 января 1973 г.)*

А письма от избирателей продолжали приходить...

✉ *Всем депутатам Верховного Совета Союза ССР*

Депутату Верховного Совета СССР т. Шостаковичу (от Горького в состав Национальностей)

Я хотел просить Вас ставить вопрос перед Верховным Советом СССР о принятии такого закона, где бы категорически запрещалось назначать инвалидов Отечественной войны на тяжелые физические работы, не предусмотренные трудовым договором.

Практика, узаконенная Трудовым законодательством (см. приложение) назначать инвалидов войны и труда на тяжелые физические работы по усмотрению начальства (на практике — по прихоти начальника) едва ли можно считать венцом государственной мудрости для цивилизованного государства как СССР. Заставлять инвалидов войны и труда делать то, что они не могут по состоянию здоровья выполнять даже под страхом разных наказаний — это похоже на порядки крепостного права, когда помещица Салтычиха безнаказанно порола крепостных десятками до смерти.

В августе 1970 г. начальнику прокатного цеха Соколову (з-д «Красное Сормово») в приступе белой горячки вздумалось назначить меня — инвалида, у которого на левой руке побиты все сухожилия и локтевая кость имеет 40 мм дефекта, на строительство нового жилого дома (что находилось в авральном положении в смысле сроков плана). Говоря о белой горячке Соколова, я говорю правду, т. к. несколько лет назад Соколов долго лечился в психиатрической больнице от алкоголизма. Эта болезнь — алкоголизм — как учит наука, не проходит бесследно. Можно уверенно сказать, что человек со здравым умом, совестью и честью, едва ли назначил бы инвалида на тяжелую физическую работу — на строительство. Но у Соколова давно нет этих качеств нормального человека. Он эти качества давно утопил в водке и вытрусил из себя в грязь под заборами, откуда часто Соколова увозили в вытрезвитель или домой. Соколов теперь не пьет, и говорят, сильно страдает от этого. В результате, периодически кто-то из рабочих

обязательно становится мишенью для разрядки злости Соколова. Недаром после назначения Соколова начальником цеха в течение первых 6 месяцев повесились трое рабочих: 1) из бригады мастера Жижина — звали Фауст, 2) крановщица крупного стана — Мордвинова, 3) вальцовщик мелкого стана — фамилию не помню.

Может возникнуть вопрос: может быть, действительно на строительство жилого дома было некого посылать, кроме пожилого инвалида? Нет. В цехе числилось много молодых и здоровых людей, которые в цехе имели рабочий номер, но на производстве не работали. Как потом выяснилось, их держали специально для того, чтобы был видимый перерасход зарплаты, вернее, повышенная себестоимость проката мелкого стана. Такая искусственно повышенная себестоимость дала возможность директору Юрьеву и начальнику цеха Соколову добиться через вышестоящие организации прекращения работы мелкопрокатного стана. Это освободило завод от многочисленных мелких хлопот. От беспринципности Юрьева и Соколова выгадали только они сами — заботы меньше — зарплата прежняя.

Была ли необходимость посылать на строительство именно пожилого инвалида? Нет. Вот только по прокатному цеху неполный список лишних людей, которых можно было бы посылать на строительство, не нарушая ритм работы прокатного цеха:

Личный парикмахер начальника цеха. Девушка лет 22. Здоровая. Числилась слесарем. На производстве не работала. Стригла и брила бороды начальникам. Дочь журналиста. Рабочие не могли пользоваться ее услугами, т.к. она в спецовке в кабинет не пускала, кроме того, рабочие заняты на своем рабочем месте.

Личная секретарь-машинистка энергетика цеха (не начальника цеха. У нач. цеха — особая машинистка). Числилась электриком. На производстве не работала. Здоровая лет 22. Энергетик прокатного цеха — единственный в заводе с собственной персональной машинисткой. Хотя по количеству рабочих — прокатный цех в числе небольших цехов.

Секретарь бюро ВЛКСМ цеха. В цехе было не более 25 комсомольцев. Числился электриком (7 разр. — 140 руб.) При мне не находился на производстве, ни разу не работал.

Так называемый общественный чертежник. Числился слесарем кранового хозяйства. На производстве не работал. Держали как хоккеиста на зиму.

Запасной игрок Заводской футбольной команды. Звали — Миша. Числился электриком. В бригаду ходил, как от нечего делать.

Несколько человек (5–6) находились в ДСО как физкультурники. Числились электриками, слесарями.

Художник. Меня часто заставляли или ему помогать, или за него работать. Начальник Соколов (если действительно нужны были рабочие) мог его, здорового, послать на строительство, а меня, как бывало, заставить работать за него в цехе.

2 студента на зарплатах в прокатном цехе. Числились электриками. Студенты летом работают в студ. бригадах, а наши студенты гуляли по Сормову.

2 электрика по обслуживанию только столовой. Столовая находится под одной крышей с цехом. Полный обед — только днем. Ночью — обычный буфет. Такие столовые в других цехах обслуживаются электриками ремонтной группы. Если бы начальнику цеха действительно нужны были рабочие, а не мишень для разрядки своей злости, он вполне разумно мог на стройку послать этих электриков — молодых и здоровых, а меня — инвалида, заставить сидеть в столовой (как эти электрики).

Меня часто заставляли выполнять такие работы, которые были не свойственны для электриков. Я всегда их выполнял. При любой попытке доказать, что электрик не обязан предложенную работу выполнять, всегда было одно: «Выгоним. Запишем отказ от работы». Во 2 квартале 1970 г. я был лишен премии за экономию электроэнергии только за то, что отказался работать на кране: перенести груз с места на место. Я не имел разрешения работать на кране, поэтому у меня не было ключа от крана. Я незаконно должен был включить кран, открывая панель управления (как это делается в таких случаях). Я отказался, и это мне стоило премии. А совсем уйти из прокатного цеха не мог, т. к. кроме ранений в руку у меня еще язва желудка и частые боли в печени. И я по состоянию здоровья не мог рассчитывать получить работу в любом учреждении (как все здоровые). Прокатный цех для меня был самое подходящее место: теплой окалины много, и я при острых болях прикладывал мешочки с окалиной на больное место.

Когда нужно было цеху помочь подшефному колхозу, я не отказался ехать в колхоз. Я знал, что кроме меня в цехе нет другого человека, который мог бы помочь колхозу оформить колхозный клуб. А время было перед выборами.

Как уже отметил, в середине августа 1970 г. я — инвалид Отечественной войны стал очередной жертвой психопата Соколова. Назначая меня на тяжелую физическую работу, Соколов знал, что нарушает законы Советской власти, но Соколов был абсолютно уверен,

что он за нарушение Советских законов не понесет никаких наказаний (хотя В. И. Ленин указывал, что такого руководителя, который нарушает Советские законы, надо судить), т. к. Соколов для разрядки своей злости избрал меня, чуваша. Поскольку все начальники — русские, то чуваш Антонов защиты среди русских начальников не найдет.

Тов. Депутат, может быть, упрекнет меня, когда пишу, что я стал жертвой Соколова потому, что нацмен. Но вот факты. Уже в первый день работы в прокатном цехе один электрик начал пускать шпильки под меня. Он не говорил, что чуваши — плохой народ. Наоборот, он так хвалил чувашей, он так подбирал слова, что его хваление являлось злой насмешкой. Он говорил, что чуваши очень-очень (несколько раз) умный народ. Они даже в своих Чебоксарах (повторял) панели управления могут делать. А панели управления — это то же, как ракеты. Конечно, на луне и т. д. В его болтовне упоминались города Алма-Ата, Улан-Удэ... Я с удивлением смотрел на этого взрослого человека, а его напарник по работе хохотал, посматривая на меня.

Потом с грустью узнал, что насмешник — не кто иной как профгруппорг — лучший друг рабочего. Когда насмешки со стороны профгруппорга Кириллова стали более надоедливыми — я о поведении Кириллова написал в «Правду» (но ответа не получил, наверное в редакции «Правда» также одни русские). Конечно, нормальный человек, рожденный при Советской власти, не делал бы как Кириллов.

В дальнейшем анекдоты о нацменах, особенно о чувашах, в моем присутствии стали любимым занятием не только профгруппорга, но и пом. секретаря бюро ВЛКСМ цеха. Через некоторое время в эту компанию включился бригадир Тичин. Ему очень нравилось рассказывать байку (рассказ), как они во время войны часто ездили на лошадях с грузом. Один раз они ночевали у одного чувашина. Ночью тайком с огорода чувашина увезли сено, а в бане кругом нагадили. Иногда байки Тичина о чувашах бывали более сальные. После профгруппорг Кириллов решил распространить клевету, что я инвалид войны — липовый. Что будто меня ранило не на фронте, а на поезде, когда нас везли на фронт. Такую идиотскую клевету мог подхватить только не совсем нормальный.

В то время когда Кириллов и Пяткин распространяли клевету о месте моего ранения, мне трудно было доказывать, где меня ранило. Но через время, после продолжительных поисков, мне удалось установить название деревни: она наз. Земплин на реке Бодрой в Чехословакии.

Потом я пришел к выводу, что травля меня кем-то специально организована. Это кому-то нужно было, чтобы вывести меня из себя.

В последнее время обзывать нацмена, плюнуть ему в душу словом — очень распространено. Это хочу сообщить Вам как Депутату Верховного Органа.

Вот характерные примеры:

В Казани в кафе «Чай» завтракал. Заходит в кафе старушка и спрашивает чай на татарском языке. Буфетчицы — две русские девчонки — отвечают: «Мы по-татарски не обслуживаем». Так и ушла татарка-старушка голодная. Разрешите спросить: где же татарка-старушка может выпросить кусок хлеба на своем родном языке как не в своей собственной республике? При желании, буфетчицы могли попросить любого перевести слова старушки — хоть бы меня. Нет. Они русские девчонки демонстративно отказались обслуживать старушку, поскольку она говорит на родном татарском языке.

В день Победы (1970 г.) был на встрече с ветеранами полка в Киеве. Недалеко от памятника Ватутину есть сберкасса. Там решили получить деньги. У окошка «За коммунальные услуги» была очередь, человек 10–12, почти все женщины, по виду — большинство — еврейки. Заходит мужчина средних лет и прется (именно прется) к окошку. Когда женщины хотели его одернуть, он на них зарычал: «Поезжайте в свой Израиль и устанавливайте там свои порядки».

В прошлую осень был в Ленинграде. Около Гостиного двора на автобусной остановке два дня подряд видел одного типа средних лет, обросшего и грязного. Он ходил взад и вперед и декламировал о том, что вокруг него одни нерусские: евреи, грузины, армяне, узбеки и т.д. Все они не хотят работать, только торгуют, и приезжают в Ленинград грабить русских. Дело не в том, что он так презрительно обливал грязью другие нации (он мог быть больным), а в том, что оба раза на остановке были работники милиции в офицерской форме. А вот если бы он что-то нелестно говорил о русских, я уверен, его наверняка убрали бы.

Тов. Депутат может сказать, что у нас свобода слова, критикуй кого угодно. Не всегда так — вот пример.

До прокатного цеха (до 1968 г.) я работал в отделе обучения. Там почти у всех высшее образование и почти все члены партии. Но пускать шпильку под нацмена — это было почти при любом удобном случае. Например, Малышев про китайцев отзывался не иначе как «косоглазые» (как американец Брайн про вьетнамцев из кино «Нью-Йоркский корреспондент»). Один из инженеров любил спрашивать: «Как чуваше поживают?» Конечно, спросить один-два раза — это неплохо даже для

вежливости. Но если одно и то же продолжается периодически в течение 5 лет — это уже похоже на насмешку. И главное — надоедает, поскольку ему известно, я личного контакта с чувашами не имею со времен войны.

В одно злополучное утро на вопрос: «Как чуваше поживают?» — Отвечаю: «Живы и здоровы, стараются как бы лучше накормить таких старших братьев, которые только и делают, что переворачивают так и эдак в течение 8 часов работы одну и ту же бумажку». То, что около десятка инженеров в отд. техн. обучения (отдел проф. кадров) только тем и занимались, что переворачивали одну и ту же бумажку в течение 8 часов — истинная правда. Подбором и подготовкой кадров занимались непосредственно в цехах специальные организаторы, а инженеры в отделе — только подписывались на договорах на зарплату за обучение и выдавали документы о прохождении обучения.

Дальше разговор шел примерно в таком порядке:

Малышев: Кто это ваши старшие братья?

Я: Надо регулярно читать газеты.

Кто-то: Русские для себя сами выращивают хлеб.

Я: Только не в Горьковской области. В докладах т. Хрущева сказано, что в Горьковской области некоторые получают по 4–6 ц. с га. А Звезду Героя за выращивание кукурузы получил именно председатель колхоза в Чувашии.

Супруга Арбузова (образование — университет): Чем вам хвалиться — давно ли перестали лапти носить?

Я: Чуваше всегда старались, на земле работали. Не ходили по миру богомазами как некоторые другие. А лапти носили потому, что старшие братья были такие: думали только о себе...

Малышев: Тогда было царское время...

Я: Хорошие братья и при царе старались помочь малым народам. Отец Ленина был назначен в Симбирскую губернию. Поскольку Ульянов был человек с большой буквы — так он старался помочь малым народам на Волге. За это царь наградил его орденом, что дало право роду Ульяновых стать дворянским...

К слову сказать, вот Малышев — молодой, здоровый, если заводу действительно нужны были тогда рабочие руки, — был назначен как организатор производственных занятий со школьниками. Заводскую практику для школьников упразднили, а Малышев так и остался в отделе, его не сократили. А как работали инженеры в отделе — я уже писал. Чтобы занять этих инженеров по пятницам (субботам) в ра-

бочие часы проводились разные экономические обучения; в рабочие же часы организовывались разные экскурсии: даже на предприятия, которые не имели ничего общего с судостроением: в кондитерскую фабрику (несколько раз), в пивоваренный завод и др.

В то злополучное утро, когда я последний раз слышал «Как чуваше поживают» (когда инженерам из отдела подготовки кадров не удалось сунуть шпильку под меня), так они от злости организовали донос на меня, что я ненавижу русских.

Тов. Депутат! Помилуйте, для меня любой старший брат хорош, лишь бы он не посылал меня на тяжелую физическую работу, т.к. у меня левая рука вся побита. Была язва желудка, частые боли в печени. Только дайте мне такую работу, что я в силах выполнить: любую канцелярскую работу, работу по оформлению, я неплохо разбираюсь в схемах радиотелеприемников, могу неплохо фотографировать, в цехе работал электриком. Но на строительстве работать не могу, т.к. здоровье потеряно на фронте в боях против фашистских захватчиков.

Было бы здоровье — не стал бы посмешищем для здоровых да молодых, работал бы, как до войны, учителем в школе.

13 августа 1970 г. утром, придя на работу, узнал, что меня назначают на строительство. Начальнику цеха Соколову, который зашел в мастерскую звонить по телефону, я говорю, что я плохой строитель, т.к. инвалид. Соколов на меня заорал: «Хватит тебе прикрываться Отечественной войной...» Слова Соколова «Хватит прикрываться Отечественной войной» как дубинкой ошарашили меня: я никогда не думал — ни на фронте, ни в госпитале, ни в другое время, что меня кто-то будет обвинять за то, что я на фронте потерял здоровье. Но дело сделано — и я понял: на фронте надо было думать о собственной шкуре, как некоторые другие. Они теперь в выигрыше: у них есть здоровье — это все: хорошая зарплата, хорошая пенсия на старости лет, хорошая квартира.

Первоначально я думал, что слова Соколова: «Хватит прикрываться Отечественной войной» — это вспышка кривого ума психопата. Мне казалось, что Соколов одумается. Но нет. Через часа два принесли приказ и велели расписаться.

Я поднялся к предцехкома Губанову, и просил помочь. Я Губанову объяснил, что по состоянию здоровья я на строительстве работать не могу, что есть законы Советской власти — не посылать инвалидов на такие работы, которые не предусмотрены при поступлении на работу. Предцехкома Губанов мне сказал: «Такие законы, может быть, и есть в Чебоксарах, но в Горьком таких законов нет». Что хотел сказать Губанов, применяя слово «Чебоксары» — я не могу сказать, но я

понял так: «Законы Советской власти для чувашина в Горьком не существуют».

По пути зашел к помощнику нач. цеха по труду — он юрист. Тот велел идти в отдел кадров. Отделом кадров завода руководит бывший прокурор Сормовского р-на Круковский. Но и бывший прокурор не напомнил руководству цеха, что инвалидов на стройку посылать противозаконно. Вечером был на стройке, велели 14 августа утром выйти на работу. Утром явился на стройку. Меня послали на котлован будущей кочегарки. Прораб велел копать яму лопатой. Я ему объяснил, что кисть левой руки держится на больной кости. Прораб хотел ставить меня к каменщику, но каменщик от меня отказался. После этого прораб послал меня к начальнику строй цеха. Там мне сказали, что нужны не электрики, а строители — таков был приказ директора.

Я понял, что стал очередной жертвой Соколова. Полученные контузии дали о себе знать: несколько дней провалялся со страшной головной болью. Потом ходил как чумной. Окончательно пришел в себя на пароходе, не доезжая до Казани (билет был до пристани Услока, почему — не пойму). Слава богу — вернулся ко мне разум. Я мог свихнуться (врачи после госпиталя ставили диагноз — тр. энцефалопатия, потом — тр. церебропатия). Лечили от этих недугов.

В завод, т.е. в цех ходил через несколько недель, чтобы сдать пропуск.

Вот уже 3-й год не работаю (пенсия 38 р.) Не хочу, чтобы я был на положении крепостного ни у Юрьева, ни у Соколова. Я знаю, что человек, по силе возможности, обязан работать. В святом писании сказано: «Зарабатывай свой хлеб насущный в поте лица своего». Я готов работать, если будет закон, который оградил бы инвалидов от Юрьевых и Соколовых. Не потому, что я гордый, а потому, что не смогу выполнять все прихоти прохвостов и хамов по причине инвалидности, по причине неполного здоровья. Я полагал и полагаю, что Советская власть от капиталистической тем и отличается, что Советская власть кладет конец закону тайги, где сильные звери пожирают слабых.

Тов. Депутат! Пожалуйста, поставьте вопрос перед Верховным Советом СССР вопрос, чтобы приняли такой закон, который защищал бы инвалидов от издевательств со стороны хамов и самодуров. Ведь инвалидов войны не так много осталось. Дайте им условия, чтобы они спокойно могли доработать до пенсии по старости.

г. Горький, ул. О.Кошевого, д. 13, кв. 5.

Антонов Виктор Иванович.

Январь 1973 г.

Ростов на Дону

Председателю Горисполкома

Уважаемые товарищи!

Пересылаю Вам письмо жены музыканта Регетти Александра Георгиевича Кузнецовой Л.Е., в котором она обращается ко мне с просьбой помочь им в улучшении жилищных условий.

Тов. Регетти — музыкант, живет на площади в 11 кв. м., без всяких удобств, фактически в сарае, с семьей: двое детей и жена.

Убедительно прошу оказать необходимую помощь в переселении этой семьи в нормальные жилищные условия.

Д. Шостакович.

✉ *6 февраля 1973 г.*

Дмитрий Дмитриевич,

с большим поклоном к Вам Ваш избиратель Кунтенков Влад. Н. из села Китова.

Дмитрий Дмитриевич, у меня к Вам как к депутату нашего округа большая просьба.

Мой отец до войны строил Горьковский автозавод, ну а в войну, как и многие другие, он не вернулся, погиб под Ленинградом. Ну, а дальше жизнь есть жизнь, пока она еще не приостановилась, и мы тоже выжили и стали тоже отцами, вот мы тогда и решили, нас всего четверо было, я самый старший, купить машину «Волга» Горьковского Автозавода в память о своем отце, который, как я уже Вам писал, был его строителем. Но вот уже несколько лет я никак не могу ее купить или же их в деревню не поставляют, или же не продают. Сколько спрашивал в районе, говорят, нет.

Прошу Вас, помогите, пожалуйста. Мы живем все в сельской местности, может быть, когда приобретем «Волгу», и съездим туда, где погиб наш отец, который не увидел эти машины.

Кунтенков Владимир Николаевич.

✉ *10 февраля 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Коллектив избирателей Салганского отделения «Сельхозтехника» убедительно просит Вас помочь приобрести автомобиль ГАЗ-24 нашему лучшему производственнику, ударнику коммунистического труда Кунтенкову Владимиру Николаевичу.

Данный товарищ работает регулировщиком топливной аппаратуры в течение 8 лет. Неоднократно награждался почетными грамотами Районного Исполнительного Комитета депутатов трудящихся, Райкома партии, Райкома Союза.

Управляющий Салганского отделения «Сельхозтехника» Умницын.

Председатель Рабочего комитета Кочедыкова.

Секретарь п/комитета Мишуков.

Горьковский Облисполком

Ко мне обратился мой избиратель, проживающий в селе Китово Горьковской области, Кунтенков В.Н., с просьбой разъяснить ему, каким образом человек, живущий в сельской местности, может приобрести машину «Волга», выпускаемую на Горьковском автозаводе. Его отец строил автозавод, погиб на фронте.

Убедительная просьба сообщить по его адресу, какой существует по этому поводу порядок и, по возможности, поставить его на очередь для покупки машины.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *Здравствуйте!*

Дмитрий Дмитриевич. С большой просьбой к Вам Кунтенков Владимир. Дмитрий Дмитриевич, я уже несколько лет везде обращаюсь с просьбой, чтобы продали «Волгу», но ни одного ответа пока нет. И как же обидно, ведь прошу я не из-за роскоши, а как память о нашем отце, который строил этот завод и погиб на войне под Ленинградом. Прошу, помогите, пожалуйста, в этом деле.

До свидания!

Кунтенков В.

21 марта 1973 г.

Министерство торговли СССР

Министру тов. Струеву А.И.

Уважаемый Александр Иванович!

Ко мне обратился коллектив избирателей гор. Салганы Горьковской области с просьбой ходатайствовать перед Вами о Кунтенкове В.Н., лучшем производственнике Салганского отделения «Сельхозтехника». Он просит разрешить ему купить «Волгу» ГАЗ-24 в память об отце — строителе Горьковского автозавода и по-

гибшем под Ленинградом. Добивается он этого права в течение многих лет.

Прошу Вас найти возможность удовлетворить его просьбу.

Д. Шостакович.

✉ *28 марта 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Рассмотрев Вашу просьбу о продаже вне очереди автомобиля «Волга» работнику Салганского отделения Сельхозтехники т. Кунтенкову, сообщаю, что Министерство торговли СССР удовлетворить ее не может.

Все ресурсы автомобилей, выделяемые для продажи населению, полностью распределяются по союзным республикам, где реализуются в порядке, установленном Советами Министров или по их поручению местными Советами депутатов трудящихся. Изменять этот порядок Минторг СССР неправомочен.

Вопрос о покупке автомашины т. Кунтенкову следует решать на месте на общих основаниях.

Министр торговли А. Струев.

✉ *Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Дмитриевич, извините за беспокойство.*

Дмитрий Дмитриевич, ответ я от Вас на свою просьбу помочь мне приобрести автомашину ГАЗ-24 получил давно, вот как скоро будет три месяца, но от других пока, т. е. от министра торговли тов. Струева, ничего не получал, к которому Вы обратились с ходатайствием и просьбой продать ГАЗ-24. Дмитрий Дмитриевич, прошу извинить за беспокойство, которое я Вам приношу, я, конечно, не знаю, за какое время могут решать этот вопрос в Министерстве, но для нас кажется долго, потому что когда мы писали Вам просьбу, тогда мы готовились к весеннему севу, а сейчас прошла весна, и мы готовим технику к уборке. Хлеба у нас нонче хорошие, погода стоит тоже хорошая, как говорят, по заказу, пишу Вам как раз после дождя, который выпал как раз для хлебов и картофеля, который сейчас можно окучивать, и, как говорят, еще один дождь, и урожай обеспечен всех культур. Еще раз извините, желаю Вам хорошего здоровья, долгих лет жизни и больших успехов в вашем благородном деле.

Ваши избиратели и избиратель Кунтенков Влад. Ник.

✉ *18 февраля 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Как бы Вы не были заняты и своей основной работой и общественными делами, Вы должны уделить время и внимание вопросу, который чрезвычайно важен, может быть более всего, для жителей нашего города.

Речь идет о том, что вновь и неизвестно на какое время отложено строительство метрополитена в гор. Горьком. Вернее говоря, он и поначалу не был достаточно полно и ясно решен. Уже строится полным ходом метро в гор. Харькове, городе, который меньше нашего по своей территории, имеются сообщения о проектировании строительства метро в Новосибирске, в Днепропетровске, Минске. Видимо, менее энергично и последовательно ставится вопрос о строительстве метро у нас, а ведь нужда в нем буквально аварийная, прямо-таки исключительная.

Микрорайоны все более отдаляются от города, население растет все интенсивнее, на работу и с работы уехать становится все труднее. Особенно трудно попасть на работу на автозавод, в Сормово, на крупные заводы, куда одновременно устремляются много десятков тысяч человек.

Не в том дело, чтобы это письмо опять послать в какую-нибудь инстанцию для ответа мне. Тут нужна Ваша существенная помощь как нашего депутата: слишком это важно и существенно для всех нас. Прошу выяснить непосредственно в необходимых органах, насколько реально решение строить в Горьком метро, почему нас обходят и строят в других городах и предполагают опять строить не в нашем Горьком. Надеюсь на Вашу помощь и ответ.

С глубоким почтением — Цирульников.

Уважаемый товарищ Цирульников!

Ваше письмо я направил в Совет Министров СССР с просьбой рассмотреть поставленный Вами вопрос о строительстве метро в гор. Горьком.

Всего доброго.

С уважением Д. Шостакович.

21 марта 1973 г.

Совет Министров СССР

Уважаемые товарищи!

Прошу Вас рассмотреть вопрос о строительстве метро в гор. Горьком. По этому поводу направляю Вам письмо моего избирателя тов. Цирульникова Г.С.

О Вашем решении прошу известить.

С уважением Д. Шостакович.

Возможно, благодаря ходатайствам Д.Д. Шостаковича в 1973 году была начата разработка проекта строительства метро в г. Горьком, само строительство началось в 1977 году, а пуск первой линии метро произошел в 1985 году.

21 марта 1973 г.

В Министерство социального обеспечения РСФСР

Министру тов. Комаровой Д.П.

Уважаемая Домна Павловна! Ко мне обратился мой избиратель по Горьковской области Султанов Н.Е. с жалобой на бюрократическую волокиту с установлением ему пенсии, в результате которой он 8 месяцев не получал пенсии.

Направляю Вам его заявление и переписку по этому вопросу. Прошу Вас рассмотреть его жалобу.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

В Советском Союзе пенсии были ниже прожиточного минимума. Но и тогда не всем удавалось их получить, требовались хлопоты, в которых принимал участие и депутат Д.Д. Шостакович. Люди, от которых зависела выплата пенсий, считали, что они «на страже интересов государства», и не позволяли «обкрадывать государство».

По данным экс-председателя Совета Федераций С. Миронова, сейчас прожиточный минимум стариков «практически совпадает с пайками советских заключенных и военнопленных времен Великой Отечественной войны» *(«Пенсия в дырявой корзине», АИФ № 27, 2009 г.)*.

✉ *4 апреля 1973 г.*

23 апреля 1972 года мой сын Калинкин Евгений Александрович 1949 года рождения трагически погиб в г. Горьком. Его труп был обнаружен на территории Автозаводского р-на в котловане в воде около строящегося цеха Горьковского автозавода. Прокуратура Автозаводского р-на никакого расследования о причинах гибели моего сына не вела. На месте происшествия никаких фотоснимков не делалось, описания одежды или предметов не производилось, они сослались на судебно-медицинского эксперта, который дал заключение, что смерть моего сына Калинкина Б.А. наступила в результате несчастного случая от асфиксии при утоплении закрытия дыхательных путей водой. Прокуратура Горьковской области сообщила, что «в смерти Калинкина Е.А.

никто не виноват, а поэтому в возбуждении уголовного дела по этому факту отказано правильно».

Я считаю, Прокуратура области вместо детального расследования о причине гибели моего сына формально отписалась.

Как Автозаводское РОВД, так и прокуратура области не вникли и не установили прямых виновников в гибели сына. Я считаю, он был явно утоплен и все улики на это подтверждаются фактами, а именно:

1. Погибший сын за все гуляние, находясь в компании, выпил всего лишь не больше 100 гр. водки.

2. Может ли он сам себе оторвать у нового костюма левый рукав и была также порвана штанина.

3. Документы, находившиеся у сына — паспорт, записная книжка оказались не подмочены, кроме того работники милиции не интересовались и не допрашивали лиц, которые принимали в гулянке участие, — последние совершенно не были знакомы погибшему сыну. Знакомая погибшего сына гр-ка Винокурова Валентина Федоровна настойчиво требовала присутствия в компании моего погибшего сына (я прошу поглубже поинтересоваться всеми участниками компании, поскольку вводит у меня сомнение этих лиц).

4. Во время посещения нами квартиры (свидетелей) Бирюковых (муж с женой) жена Бирюкова вела себя испуганно и растерянно, а при выходе нами из дома Бирюковых неизвестная нам женщина сказала: «Вы рискуете своей жизнью, входя в эту квартиру».

5. Работник милиции т. Романов вместо оказания мне помощи, грубо себя вел как ко мне, а также к близким родственникам. Такое варварское отношение работников милиции нас всех возмутило.

Я, мать 3-х сыновей, вырастила в сиротстве, никто из них никогда не судимые и не были под следствием, как в детстве и в настоящее время являются примерными в поведении и в семейной жизни.

Я прошу Вас как депутата через вышестоящие органы поставить вопрос о пересмотре дела о гибели моего сына, я убедительно прошу Вас по Вашей возможности помочь в моей просьбе.

К сему С. Калинкина.

13 апреля 1973 г.

Прокуратура Союза ССР

Тов. Руденко Р.А.

Уважаемый Роман Андреевич!

Ко мне поступило заявление от моей избирательницы Калинкиной С.П., в котором она просит поставить вопрос о пересмотре

дела о гибели ее сына Калинкина Евгения Александровича 1949 года рождения, трагически погибшего в г. Горьком 23 апреля 1972 года.

Убедительно прошу Вас назначить расследование. Мотивы, приведенные матерью в заявлении, как мне кажется, достаточно убедительны. О результатах прошу сообщить.

Копию заявления гр. Калинкиной прилагаю.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *16 мая 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Заявление Калинкиной С.П. по Вашей просьбе рассмотрено.

Установлено, что 23.IV.1972 г., около 15 час. Калинкин Е.А. в одежде вошел в наполненный водой котлован строящегося цеха Горьковского автозавода и плавал в нем.

Это видели Нуждакова и Бирюков. Когда Калинкин нырнул и долго не появлялся, Бирюков пытался оказать ему помощь, но сделать этого не смог.

Из котлована труп Калинкина был извлечен на следующий день.

По заключению судебно-медицинского эксперта смерть Калинкина наступила от закрытия водой дыхательных путей. От органов и полостей трупа ощущался запах алкоголя.

Одежда не повреждена, признаков борьбы не установлено.

При таких обстоятельствах правильно вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Калинкиной С.П. о результатах рассмотрения ее заявления сообщено.

С уважением

Государственный советник юстиции I класса С. Гусев.

✉ *4 апреля 1973 г.*

Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Просим Вашего ходатайства о предоставлении нам отдельной квартиры вне очереди. Сысоева В.М. инвалид II группы, состоит на учете в Октябрьском Райиспол. дело № 05/3821-71. За больной ухаживают и обслуживают ее родные сестры Сысоева Зоя Михайловна и Сысоева Надежда Михайловна. Семья наша три взрослых человека. Комната наша, в которой мы проживаем, 18,9 м, очень узкая, теснота, ширина комнаты 2,4 м., ванны нет, больную мыть негде. Больная находится под наблюдением врачей, и медицинские сестры ежедневно делают

уколы. Мы коренные жители нашего Города. В блокаду никуда не выезжали, рыли окопы, восстанавливали Город. Имеем благодарности и грамоты. Мы очень просим Вас и Вашего ходатайства о предоставлении нам отдельной квартиры.

В. Сысоева, З. Сысоева, Н. Сысоева.

Ленгорисполком

Председателю тов. Казакову В.И.

Уважаемый Василий Иванович!

Пересылаю Вам копию присланного мне заявления от трех сестер Сысоевых.

Убедительно прошу помочь им с переселением. Они коренные жители Ленинграда, в блокаду находились в Ленинграде, рыли окопы, восстанавливали город.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *19 мая 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич! Прошу извинить меня за беспокойство. Дело в том, что мои родители (теперь умершие: отец три года назад, мать — год) помогли построить дачу для отдыха моих детей.

В мае 1972 года я обратилась в Горсовет с просьбой о присоединении соседнего пустующего участка (5 соток) к моему участку, чтобы сохранить его первоначальную целостность (как было до 1958 года). Мною был получен отказ.

«У Вас квартира в Москве. Зачем Вам земля? Вы дачница, земля Вам не нужна».

Можно подумать, что я единственная дачница в Подмосковье. Один из членов комиссии, тракторист, стучал вывернутыми наизнанку кулачищами и кричал: «Да лучше кому-нибудь под картошку отдать, а не дачнице». А между тем, рядом с нашим пустует участок 16 соток и нет даже на него желающих строиться.

Этот дом — единственная ценность, доставшаяся мне и моим родителям ценой больших трудов и отказа себе во многом. Родители были очень старенькие, но их житейская мудрость, скромная жизнь помогли мне растить детей, помогали жить. Теперь никого из близких, кроме детей…

Е. Карташова.

✉ *25 июля 1973 г.*

...Конечно, мне крайне неловко беспокоить Вас снова — знаю, что Ваше самочувствие и занятость работой не всегда позволяют заняться подобными вопросами. Но не моя вина, коли провозгласили, что каждая кухарка будет управлять государством.

Ведь знаю, что взятками живут и от меня ждут, но, во-первых, у меня нет, а если бы и нашла, так не знаешь, к кому и как подойти, не умею я заниматься подобными делами...

Е. Карташова.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

На Ваше ходатайство о присоединении земельного участка после сгоревшего дома В. Голубцова к участку Карташовой Е.Ф. Исполком Хотьковского Городского Совета ставит Вас в известность, что на основании Постановления Совета Министров СССР от 30 декабря 1960 года за № 1346 О запрещении отвода земельных участков под строительство индивидуальных дач и увеличение участков, просьбу Карташовой Е.Ф. Исполком удовлетворить не может.

Председатель Исполкома К. Баранова.

Секретарь Исполкома И. Евграфова.

«Положено» — «не положено»: надстроить над своим дачным домиком этаж, сделать к нему крохотную пристройку — не положено, все строго регламентировано — размеры дачи, участка. А недалеко — трехэтажная дача на гектаре лучшей земли — дача ответственного работника — ему положено.

Вот и сейчас по всей стране понатыканы эти убогие домики на шести сотках — и это в бескрайней стране с непахаными и зарастающими кустарником полями вокруг. Домики Тыквы, а поодаль, на просторных угодьях — синьоров Помидоров.

В Датском королевском театре планировались постановка оперы Д. Шостаковича «Катерина Измайлова», симфонический концерт с исполнением Пятнадцатой симфонии, а также получение композитором премии фонда Соннинга.

В ЦК решался вопрос о поездке Шостаковича в Данию.

Более чем за год до предполагаемой поездки, 4 февраля 1972 г., некий 2-й сектор ЦК КПСС в секретном документе констатировал, что «...Музыкальный фонд имени Леони Соннинга (Дания) обратился к композитору Д.Д. Шостаковичу с просьбой дать согласие на вручение

ему премии. Такая премия ежегодно присуждается выдающемуся композитору или исполнителю в сумме 60 тыс. датских крон. Ранее премии были вручены композиторам Игорю Стравинскому (США), Витольду Лютославскому (ПНР), Бенджамину Бриттену (Англия), дирижеру и композитору Леонарду Бернстайну (США), певице Биргит Нильсон (Швеция) и другим крупным музыкантам. Согласно уставу фонда премия вручается в Копенгагене лично композитору во время концерта из его произведений. Вручение премии намечено на май 1973 года. Совпосольство в Дании высказало мнение, что Д.Д. Шостаковичу не следовало бы давать согласие на получение премии в связи с тем, что фонд этой премии создан за счет коммерческих операций с доходными домами покойных супругов Соннинг, либо, получив ее, передать в Фонд мира. Тов. Шостакович Д.Д. склонен согласиться на получение премии и передать ее в Фонд мира, ссылаясь на то, что ею в свое время были отмечены крупнейшие современные композиторы. Просим рассмотреть».

Через два месяца бюрократической волокиты, 24 апреля, снова под грифом «секретно» отдел ЦК информировал само ЦК о том, что «...совпосол в Дании сообщил телеграммой от 14 апреля с. г. (спец. №1 75), что председатель Компартии Дании т. Есперсен высказал мнение о целесообразности принятия Д. Шостаковичем премии фонда имени Соннинга в случае, если Д. Шостакович намерен передать ее в Фонд мира. Отделы ЦК КПСС полагают возможным принять предложение Министерства культуры СССР. Просим согласия».

В ответном секретном документе ЦК сказано, что «в соответствии с имеющимся согласием ЦК КПСС от 28 апреля 1972 года... и т. д.». Документ кончался фразой, что «основная часть премии в соответствии с согласием ЦК КПСС и пожеланием композитора будет передана в Фонд мира».

При этом Шостаковичу — в сотый раз! — это правило соблюдалось неукоснительно — требовалось заполнить выездную анкету, на него оформлялось «выездное дело», которое представлялось в ЦК.

И вот почти через год бюрократической волокиты согласие ЦК на поездку Шостаковича наконец было получено.

С мая до июня я находился в течении месяца в Дании. Там когда-то жил очень богатый капиталист — известный Соннинг. Когда он умер, он оставил свой капитал музыкантам всего мира. И каждый год жюри вручает кому-то премию в размере 60 тысяч датских крон. В этом году в Дании целый месяц был посвящен моей музыке. В Копенгагене проходили репетиции «Катерины Измайловой», и я пытался внести некоторые коррективы, так как не все в по-

становке моей оперы мне нравилось. Что-то я пытался изменить, что-то — оставить, как было.

Потом состоялось вручение премии. Я получил чек и всю сумму с помощью советского посольства перевел в Фонд мира.

Как мне рассказывала Ирина Антоновна, «когда Дмитрий Дмитриевич объявил в театре, где происходило вручение, что он жертвует премию в Фонд мира, зал ахнул — видимо, это было непривычно».

До этого подобная история происходила в Финляндии.

В Хельсинки Шостаковичу была торжественно вручена Международная премия Яна Сибелиуса. На вручение премии Шостакович поехал с дочерью.

Галина Дмитриевна вспоминает как в Хельсинки, в магазине музыкальных инструментов Шостакович, переходя от одного инструмента к другому, выбирал рояль, который собирался наконец купить на деньги премии: «Кроме рояля, мы собирались купить кое-какую мебель, что-то из одежды, поскольку в Москве ничего пристойного приобрести было невозможно. Премия Сибелиуса составляла кругленькую сумму в долларах, и наши планы казались вполне осуществимыми.

А тут, накануне самого вручения премии, некое облеченное властью лицо объявило отцу: дескать, “есть мнение” (такая тогда была формулировка, она выражала категорический приказ), что денежную часть премии надлежит пожертвовать Обществу финско-советской дружбы. Так что все наши планы рухнули. Мы планировали остаться в Финляндии на несколько дней, проехаться по стране. Но, поскольку деньги у отца отобрали, он решительно объявил: “Завтра же уезжаем домой!” И пробыли мы в Хельсинки всего три дня». *(Из интервью автору)*

Сам Шостакович рассказывал потом об этом с юмором: «Сижу я в ожидании вручения мне премии и думаю: сколько чулок смогу я купить моей Ирине, Максиму — магнитофон и, наконец, смогу рояль выкупить! Вдруг подходит ко мне какой-то неприметный человек и так тихо шепчет на ухо: “Дмитрий Дмитриевич! Мы тут посоветовались, и есть мнение, что эту премию (в денежных знаках) хорошо бы пожертвовать в Фонд мира”. — Все мечты рухнули!»

Шостакович все наряды иронически называл «чулками».

Фонд мира сложился из средств, передаваемых для поддержки борьбы за мир, в 1961 году. Сегодня по документам можно судить о глобальных масштабах деятельности Фонда и Комитета защиты мира. Они оказывали финансовую поддержку десяткам братских компартий,

Всемирной федерации демократической молодежи, Союзу студентов Восточного Пакистана, проводили бесчисленные Международные конференции «За мирное сосуществование народов», «За мирное и счастливое будущее всех детей», Международные конференции солидарности с народами Азии и Африки, с народами Латинской Америки, конференции солидарности с борьбой народов Никарагуа и многих других стран, приемы многочисленных партийных делегаций, финансировали празднование столетие со дня рождения Ленина во всех частях земного шара, щедро оплачивали активистов всевозможных «прогрессивных организаций», перевозку 500 африканских делегатов и тысяч других на всевозможные мероприятия по всему миру, регулярно приглашали на отдых активистов компартий и «прогрессивных» организаций, закупали дорогие сувениры и одаривали ими зарубежных гостей, которым устраивались роскошные приемы. В телеграмме советскому послу в Финляндии, например, было предложено «в удобной форме» передать 200 тысяч марок обществу «Финляндия–СССР», Компартия Швеции получила 100 тыс. марок в одном только 1962 году.

Фонд оплачивал международные программы «по сплочению прогрессивных сил планеты», поездки чиновников за рубеж и еще неизвестно что.

Иногда отчаявшиеся люди, прослышав об очередной международной премии Шостаковича, просили прислать им немного денег из этой премии. Разве могли они знать, что свои Международные премии — а это большие суммы — композитор должен был полностью передавать в Советский фонд мира.

В советские времена композиторы, чьи произведения исполнялись за рубежом, имели счета в иностранной валюте, на которые переводились малые проценты с отбираемых у авторов заграничных гонораров. Если «валютный» композитор выезжал из страны, ему позволялось снять со своего счета немного денег. Но делалось это неохотно и лишь с разрешения высокого начальства.

Как было объяснить людям, да и кто поверил бы, что даже для того, чтобы получить деньги со своего собственного счета, композитор должен был получить разрешение соответствующих органов, которые регламентировали всю его жизнь — его счета, поездки, встречи, переписку с зарубежными коллегами, исполнение его произведений, даже покупку автомашины. Когда Шостакович хотел взять со своего счета несколько сот долларов, ему разрешили взять только триста, когда захотел купить автомашину зарубежной марки, его одернули — покупайте советскую, мол, наши не хуже.

В период перестройки, как известно, Комитет защиты мира стал заниматься успешной коммерческой деятельностью, а некоторые его сотрудники позже оказались владельцами холдингов и вошли в списки журнала «Форбс».

✉ *Дорогой товарищ Шостакович!*

Обращается к Вам инвалид Отечественной войны II гр. без ноги, и на вторую не могу ступать. Фамилия моя Тобяс Виктор Михайлович, проживаю в гор. Борисглав Львовской обл. Живу с женой, имею ребенка 4-х лет. Много раз я обращался за помощью в ЦК КПСС: т. Брежневу Л.И.; т. Косыгину; т. Подгорному, но к ним мои письма и просьбы не доходят, а помощи никакой нет.

Поэтому обращаюсь я к Вам, т. к. слышал от народа, что Вы отзывчивый и очень хороший человек. Да я еще обращался в Советский фонд Мира, куда Вы отдали часть премии 60 тыс. руб., полученной в Копенгагене, но т. к. точный адрес я не знаю, то ответа не получил. Я очень Вас прошу и буду всегда Вас вспоминать добрым словом.

Помогите мне материально, мне очень трудно жить на маленькую пенсию, я везде в задолженности и Ваша помощь могла бы меня спасти.

Прошу Вас, если это Вас не обижает, выслать мне от Вас лично какую-нибудь денежную помощь, и еще, если можете, сообщить адрес, где находится Советский фонд Мира. Очень Вас прошу, не откажите, я обращаюсь к Вам первый и последний раз. И если получу от Вас помощь, я больше Вас беспокоить не буду. С уважением к Вам, Тобяс.

Уважаемый Виктор Михайлович!

Должна Вас огорчить. Дмитрий Дмитриевич отдал не часть премии, а полностью всю премию, полученную в Копенгагене.

Для оказания материальной помощи отдельным гражданам специальных средств у нас нет. Адрес Фонда мира: Москва, ул. Кропоткина, 10, Советский фонд мира.

Всего доброго.

С уважением, секретарь Р. Корн.

✉ *3 апреля 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Очень вынуждена обратиться к Вам!

Я Русакова Александра Игнатьевна. Многодетная мать, имею одиннадцать детей. Проживаю ст. Пижма. Дело в том: имею я свой

домишко 29 квадратных метров, домишко дряхлый, промерзает, сырость, душно. Но суть дела в том, что он очень маленький, одна комната, один единственный стол и три койки, больше ставить некуда. А у меня пять школьников и два дошкольника, уроки приходится готовить, кто на тубарете, кто на печке вообще кто где пристроится, спать приходится на полу, так как во всех углах дети.

Обращалась я неоднократно в наш Пижемский леспромхоз с заявлением дать мне квартиру, где работает мой муж и сын-призывник. Квартиры в леспромхозе строятся каждый год 2-квартирные хорошие дома. Но мне как матери-героине нет такой квартиры. Писала я в ЦК, но оттуда направили на дистанции, когда дошло до нашего зам. директора Ходина В.Н. он зажал все, отвечает что мол даем но она отказывается. Правда предлагали материалу на ремонт нашего домишки, но ведь отремонтируешь, а не растянешь. Квадратные метры не прибавятся. Разве бы плохо жить в своем доме хотя бы мало мальски была возможность. А ведь многие малосемейные богатые люди продают свои хорошие дома и получают хорошие квартиры. И вот я прошу где есть свободные квартиры и еще строятся дома. Но мне такую не дают просто из-за принципа, а с детьми не считаются не ихнее дело что у меня их много.

И так мои дети продолжают мучиться. Очень Вас прошу и надеюсь помочь мне и моим детям. С искренним приветом к Вам, Русакова.

13 апреля 1973 г.

Секретарю Горкома КПСС г. Пижма

Уважаемый товарищ!

Ко мне обратилась моя избирательница Русакова Александра Игнатьевна, мать-героиня, имеющая 11 детей. Живет в тяжелых жилищных условиях. Она просит помочь ей получить квартиру в двухквартирном доме.

Я присоединяюсь к ее просьбе и прошу Вас поставить вопрос о ее устройстве перед Горисполкомом.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *10 июля 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

С горькими слезами обращаюсь вторично к Вам. Я многодетная мать, Русакова Александра Игнатьевна имела одиннадцать детей, теперь десять. Обращалась к Вам с просьбой помочь мне получить

квартиру. Где был получен от 13 апреля 73 года Ваш ответ, ответ был в мою пользу. Но до сих пор начальство наше на такую семью и семейные обстоятельства не обращает никакого внимания. И подчиняться никому не хочут.

Квартиры строятся и распределяются другим людям у которых и были хорошие квартиры. А мне одни обещания, и дети до сих пор спят на полу. Где они за зиму все перемерзли. И у меня на сердце на всю жизнь осталась глубокая рана, 14 мая 73 года померла тринадцатилетняя дочь, ученица шестого класса, воспаление легких. Пришлось ее везти для вскрытия в больницу за 45 км. И я обратилась к начальству за машиной, и они с таким легким чувством дали мне самосвал, на котором и везли покойника и ехали люди, где категорически запрещено по технике безопасности. Приходило очень много народу на прощанье к дочери, так некоторые плакали по девочке, а некоторые о том, в каких условиях мы живем.

И вот опять приближается осень и зима и дети мои должны мерзнуть на полу, но начальству до этого нет дела. Зам. директора Ходин Вячеслав Николаевич, председатель рабочего комитета Морозов Юрий Михайлович. Секретарь парторганизации Смирнов Исаак Николаевич. Сразу после смерти дочери пообещали дать мне квартиру и ответили Вам, что дадут. А теперь прошло больше двух месяцев, они забыли. Квартиры строятся, освобождаются ввиду отъезда, и их потихоньку отдают другим, а о нас и речи нет. А зимовать в нашем домишке больше невозможно.

Пишу Вам письмо и заливаюсь слезами, какие несчастные мои дети. Затем только, столько дали мне наград, золотую звезду не пожалело государство, а вот квартиры нет. Очень, очень прошу Вас помочь моему горю.

С искренним приветом к Вам мать-героиня Русакова А.И.

23 июля 1973 г.

г. Пижма Горьковской области

Горком КПСС

Секретарю Горкома

Уважаемые товарищи!

В апреле м-це 1973 года я обращался к Вам с просьбой помочь матери-героине, имеющей 11 детей Русаковой Александре Игнатьевне. Сейчас мною получена вторичная жалоба от нее, из которой мне стало известно, что ее 13-летняя дочь ученица 6-го класса 14 мая умерла от воспаления легких. Остальные дети по-

прежнему все спят на полу. Семья находится в очень тяжелых жилищных условиях и нуждается в срочном оказании помощи.

Прошу ответить на оба мои ходатайства.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *31 июля 1973 г.*

На Ваше письмо от 23 июля 1973 года об обеспечении квартирой Вашей избирательницы Русаковой Александры Игнатьевны дирекция и партком Пижемского леспромхоза сообщают, что вопрос о выделении квартиры Русаковой А.И. будет решен положительно в IV квартале 1973 года.

Директор Пижемского леспромхоза Трушков.

Секретарь парткома Пижемского ЛПХ Смирнов.

✉ *29 ноября 1973 г.*

Здравствуйте, уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Очень Вам благодарна! Наконец-то с большими трудностями получила квартиру, в двухквартирном доме, квартирой довольна.

С 17 ноября перешли жить. Только благодаря Вас получила я такую квартиру. Большое Вам спасибо от меня и детей.

Желаю Вам крепкого здоровья и долгих лет жизни.

С уважением к Вам Русакова.

✉ *10 апреля 1973 г.*

Ув. т. Шостакович!

В газете «Советская Россия» за 3 марта 1973 года помещена статья «Город в плену», рассказывающая о фактах дискриминации в США. Аналогичная статья тоже в «Советской России» за 16 апреля 1969 года «Принцы и Нищие британских островов», рассказывала о фактах дискриминации в Англии.

Дискриминация — факт неприятный, несправедливый и газета правильно критикует.

Но газета не пишет о фактах дискриминации у нас, а я лично от этого очень страдаю.

Я пенсионер МВД СССР с 1956 года, майор милиции, пенсионное удостоверение № 3633. Пенсия назначена за выслугу 31 лет. Мне снижали пенсию, но я не жаловался, так как снижение касалось в одинаковой степени, как работающих, так и ушедших на пенсию. А вот улучшение материального положения распространено только на работающих.

Вот посмотрите: 19 ноября 1968 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли Постановление за № 902–316 об улучшении материального положения работников Органов МВД. Этим постановлением повышается не только зарплата, но и пенсионный потолок на 30 рублей. А в отношении ранее ушедших на пенсию сказано ясно, что на них это Постановление не распространяется. Это удар по мне.

Таким образом, в отношении работников МВД, ранее ушедших на пенсию, дискриминация узаконена. И главным дискриминатором является коммунист № 2. Кто должен критиковать нашу действительность?

На этот вопрос правильно и хорошо отвечал И.В. Сталин по поводу критики неправильной линии партии (том 7, стр. 31). А дискриминация — несправедливость не является политикой партии. Против несправедливости боролся Ленин, он говорил, что несправедливость оказывает страшно возбуждающее действие (том 4, стр. 403, изд. 3).

На фактах несправедливости Ленин построил партию нового типа и привел эту партию к победе октября.

12 июня 1970 года в предвыборной речи тов. Брежнев сказал: «Такого вот ленинского подхода к соблюдению законов у нас кое-кому не хватает». Что верно, то верное и не хватает в первую очередь тов. Брежневу.

Здесь уместно напомнить слова Ленина: «Императорское правительство очень любит писать хорошие слова о законах, а затем позволяет обходить эти законы, заменяя их инструкциями» (том 2, стр. 280, 1895–1897 гг.).

На XXIV съезде партии тов. Брежнев говорил, что «некоторым руководителям недостает выдержки и такта, умения внимательно выслушать критические замечания, правильно реагировать на критику».

Очень желательно, чтобы он сам не оказался среди этих некоторых.

Я участник Октябрьского переворота, участник Гражданской войны и все за ленинскую справедливость, а тов. Брежнев в силу возраста не участвовал и не мог участвовать. Что интересно: тогда я боролся с врагами революции, а теперь за то же, но уже с коммунистом № 2.

По этому вопросу я писал большое письмо тов. Брежневу, Косыгину и Щелокову и просил выплачивать мне пенсию с 1 июля 1969 года из расчета основного оклада, плюс за звание, плюс за выслугу лет.

Из аппарата ЦК КПСС 24 июля 1970 года мне по телефону звонил тов. Пристанский и сказал, что мое письмо получено, что просьба моя справедливая, что этот вопрос стоял.

Вот я и жду уже три года, а мне ведь не 17 и не 30, а восьмой десяток лет.

Желает того или не желает тов. Брежнев, но ошибку, допущенную им, придется исправлять. Неудобно быть Генеральным Секретарем Ленинского ЦК или членом его политбюро и делать то, против чего Ленин вел борьбу. И почему за ошибку тов. Брежнева наказан я.

Ленин говорил, что «ошибку надо исправлять, что каждому случается увлекаться. Но когда ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности» (том 26, стр. 235, изд. 3).

Прошу, не ожидая, когда тов. Брежнев раскачается исправить свою ошибку, убедить его, учитывая возраст, в порядке исключения, решить вопрос в мою пользу как можно быстрее и обязательно с 1 июля 1969 года.

603105: Н. Горький, Д-105, Ул. Ванеева 59, кв. 26.

Телефон 36-89-47

Лавров Константин Дмитриевич.

И вновь шестеренки чудовищной бюрократической машины закрутились:

«ЦК КПСС. Министерство культуры СССР сообщает, что Северо-Западный университет США принял решение присвоить композитору Шостаковичу Д.Д. почетную степень доктора изящных искусств и пригласил его прибыть в Чикаго на торжественную церемонию, организуемую в связи с этим 16 июня с. г. Министерство считает целесообразным разрешить Шостаковичу Д.Д. принять почетную степень и выехать в США в соответствии с приглашением. Совпосольство в Вашингтоне поддерживает это предложение. Отделы ЦК КПСС полагали бы возможным принять предложение министерства. Просим согласия».

Много месяцев из кабинета в кабинет, с этажа на этаж шли согласования, утверждения, разрешения — сколько десятков важных государственных людей было занято этой работой!

В конце концов Шостаковичу разрешили ехать, снова напомнив — при условии, что во время пребывания в Дании он передаст всю свою премию фонда Соннинга в Фонд мира, как если бы это была индуль-

генция за поездку. Кроме того, ему разрешили взять со своего счета 300 долларов — он просил выдать тысячу.

В семейном архиве Шостаковича сохранились буклеты круиза с изображением теплохода «Михаил Лермонтов». Мне удалось разыскать фотографа, который сделал несколько снимков композитора на борту, кинооператора, снимавшего встречу Д. Шостаковича с экипажем.

Французский художник А. Рефрежье узнал композитора. «У него бледное лицо, покрытое морщинами. Голубые глаза, слегка прищуренные, проглядывают сквозь массивные роговые очки. Вместе с ним молодая женщина, одетая без претензий — это его жена», — записал Рефрежье в блокноте.

Среди советских пассажиров не было случайных людей, а иностранцы были в основном журналистами разных стран. На корабле, рассчитанном на семьсот пассажиров, в плавание отправилось пятьдесят. После приема, устроенного с большим размахом и сопровождаемого русскими песнями и плясками, корабль отправился в путь.

Врачи в Кремлевской больнице отговаривали Шостаковича ехать, считая, что композитору эта поездка противопоказана, что он может умереть в пути.

«Поехать в Америку? Вы понимаете, какую вы берете на себя ответственность?» — говорил жене Шостаковича тогдашний министр культуры.

Но у Д. Шостаковича были свои причины отправиться в это путешествие. Врачи в клинике под Вашингтоном должны были вынести свой вердикт по поводу его странной болезни, с которой он безуспешно боролся последние годы — боязни движения. Была и другая цель — в университете Эванстон под Чикаго его ждал почетный ритуал облачения в профессорскую мантию.

Для «Михаила Лермонтова» это был самый первый рекламный рейс, для композитора — последнее путешествие.

Океанский корабль — восьмиэтажная громадина, предназначавшаяся для трансатлантической пассажирской линии, был корабль-миф, созданный с рекламным рвением и размахом. Он призван был олицетворять образ советской страны во всей агитационной мощи, и своим присутствием композитор с мировым именем — как это бывало уже не раз — вынужден был участвовать в рекламной акции советского правительства: Д. Шостакович был такой же советской достопримечательностью, как космический корабль или портрет Гагарина.

В путешествии самое сильное и прекрасное впечатление произвел на меня океан. Это неописуемо дивное зрелище. Большего удовольствия в жизни я не испытывал. Все сейчас очень спешат (и я в том числе), летают за считанные часы на другой конец света, а мне это недельное путешествие запомнилось навсегда. Я никогда еще не видел таких закатов и восходов, какие бывают в открытом океане, таких красок воды и неба... *(17 июля 1973 г.)*

Во время путешествия Шостакович не изменял своим привычкам — раскладывал пасьянсы, — карты он всегда брал с собой вместе с нотной бумагой.

Как всегда, композитор сторонился журналистов, но по просьбе капитана согласился встретиться с экипажем и дать пресс-конференцию.

Как я попал на корабль? С мая до июня я находился в течение месяца в Дании. В этом году в Дании целый месяц был посвящен моей музыке.

За несколько дней до отъезда из Москвы в Копенгаген я написал Четырнадцатый квартет. Я оставил его дома, и мне его не хватает.

Боже, дай мне здоровья, я надеюсь, что когда вернусь, мы начнем репетировать, чтобы можно было к началу сезона его исполнить.

Мой сын Максим дирижировал в Копенгагене Пятнадцатой симфонией, недавно поставленной в Ленинграде и в Москве. Она моя самая любимая, но это не значит, что, она самая хорошая, но она мне нравится. Мне нравится вообще вся моя музыка. Я это говорю не для того, чтобы похвалить самого себя. Но если вы не любите свою музыку, то вам не надо ее писать. Это не исключает критической позиции. Ошибки надо признавать. Как говорит русская пословица, «кривое дитя...».

Из Копенгагена я отправился в Париж, потом в Гавр, и вот я здесь на пароходе, плыву в Америку.

После месячного пребывания за границей у меня появилось чувство тоски по родине. Но здесь, на пароходе, я ощущаю частичку родины, это большое счастье для моей жены и меня.

В США мне предстоит получить почетное звание доктора в Университете Эвенстон в Чикаго. Американцы — практичные люди. Они уже сюда, на корабль, прислали телеграмму, справляясь о размере моего головного убора и пальто.

Все центральные газеты Америки поместили материалы о приезде Шостаковича и его фотографии.

В Нью-Йорке стояла жара. Сверху из окон отеля была видна гряда небоскребов и далекие пешеходы внизу. Как и много лет назад, при первом посещении Нью-Йорка, Шостаковича поразил удивительный звук, какой-то протяжный гул, который долетал на эту огромную высоту с улиц и площадей города и, отражаясь, резонировал среди высоких домов, похожих на органные трубы, как хорошо настроенный инструмент.

В первый же вечер Шостакович с женой отправились на «Аиду» в Метрополитен-опера. В антракте оркестранты стали приветствовать Шостаковича прямо из оркестровой ямы. В тот период оркестром Нью-Йоркской филармонии руководил Пьер Булез, и Шостакович присутствовал на одном из его концертов в Нью-Йорке в Карнеги-холле. После концерта он зашел к Булезу поздравить его.

В Библиотеке звукозаписи Шостаковичу демонстрировали новую музыку на синтезаторах, в электронной транскрипции, одно сочинение называлось «Серебряные яблоки Луны», и подарили много нот и записей.

В Нью-Йорке Д. Шостакович получил медаль Линкольн-центра.

Когда-то давно сестра Софьи Васильевны, матери Шостаковича, переехавшая после революции с мужем в США, пыталась устроить гастроли Шостаковича в США, на что ей ответили, что подобных просьб много, а имя Шостаковича никому не известно...

В университетском городке под Чикаго, располагавшемся в красивой местности среди озер, Шостаковичу вручили мантию и диплом «Доктора изящных искусств». Шостакович выступил с ответным словом.

В Чикаго было жарко — больше сорока. Во время церемонии вручения диплома в зале было душно, да меня еще облачили в черную мантию. Под конец все мы совершили шествие под мою Праздничную увертюру. Но прием был сердечный. Собралось много народа.

На радио в Чикаго Шостакович дал интервью. Он сидел в центре стеклянной студии, похожей на стакан, а журналисты располагались снаружи.

Если моя музыка на кого-то производит впечатление, мне это радостно, — сказал композитор в своем интервью, которое закончил так: — **Крайне трудно говорить о своей роли в XX веке. Если какой-то след останется там, в XX веке, от моей музыки, то я буду, конечно, счастлив... Я об этом не думал и, вероятно, не буду думать.**

Как говорила мне Ирина Антоновна, после обследования в клинике под Вашингтоном врачи пригласили ее и сказали: «В этой стране нет

средств, чтобы помочь вашему мужу. Как вы хотите, чтобы мы ему об этом сказали?»

Она ответила: «Скажите правду, но все-таки не лишайте его надежды».

Но, лишь взглянув на врачей, он все понял.

Он отправился в путешествие, чтобы обрести надежду, а получил приговор.

Впереди были два года жизни. Позади — путь через океан.

Надежды на улучшение нет, — пишет Шостакович после возвращения. — **Сейчас мне нужно привыкнуть к мысли, что вылечиться невозможно.** *(17 июля 1973 г.)*

Вскоре корабль-миф затонул у берегов Новой Зеландии вместе с эпохой, которую он олицетворял. Жертв нет. Затонувший корабль остался в памяти лишь тем, что летом 1973 года на нем совершил путешествие через океан Дмитрий Шостакович.

✉ *21 сентября 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Пишет Вам из Новолукомля Сивец Анна Ивановна, 26 июня 1973 г. произошел несчастный случай, сгорел наш вагончик где мы жили на пос. Пионерном, сгорело все наше имущество, власти нам ничего не дали, живем в общежитии, сын мой ходит в школу в 7 кл., муж болеет сахарным диабетом, материальное положение очень-очень плохое.

Просим Вас, может Вы нам окажите материальную помощь.

С уважением к Вам Анна Ивановна Сивец.

✉ *Уважаемый тов. Шостакович Д.Д.!*

Самое страшное в жизни человека это одиночество, старость, болезнь и беднота, а еще ужаснее нет чувства у человека, чем просить помощи, но у меня сложилось в жизни так, что уже полтора года, как я прикована к койке и совершенно беспомощна. Я болею ногами, ни стоять, ни ходить не могу. Получаю пенсию 45 рублей в месяц, из которых 30 руб. уходит на мое обслуживание, а 15 руб. уже идет на питание, на одежду и т.д. Лечиться я не в состоянии, так как бедна. А без денег нет и жизни. До войны работала на военном заводе 10 лет. С заводом в Сибирь не поехала по состоянию здоровья. И на общих основаниях была эвакуирована в Азию. В общем, война сделала меня и одиноким и больным человеком. Но что я не отказываю себе, так это в чтении газет, книг и журналов. И вот в Комсомольской правде я прочитала о Вас, как Вы ездили на теплоходе «Михаил Лермонтов» в Данию за по-

лучением премии, свою премию пожертвовали в пользу Вьетнама. Это поступок гуманиста и патриотизма. Этот поступок достоин подражания. Вот все вместе взятое, явилось у меня желание обратиться за помощью к Вам. И не посчитайте с моей стороны нахальностью или, не дай Бог, за аферизм. Крайне ужасное мое положение вынудило меня обратиться к Вам. Я очень нуждаюсь в этой помощи. Извините, что я Вас побеспокоила. Жду от Вас ответа положительного. Какое теплое чувство в слове брать, но какое счастье и радость в слове давать. Но к великому моему несчастью я вынуждена прибегнуть к слову брать.

На этом я кончаю свою просьбу и письмо.

Пишу плохо, потому что сижу на койке и все прыгает у меня в руке от волнения.

Уважающая Вас, М.С. Золотарева.

Уважаемая тов. Золотарева!

В настоящее время Дмитрий Дмитриевич Шостакович находится в больнице. Свою международную премию (денежную часть) он полностью передал в Фонд мира. Для помощи отдельным гражданам специальных средств у меня, у его депутатского помощника, нет. Обращаться к нему с такой просьбой сейчас нет возможности. Поэтому в Вашей просьбе я вынуждена Вам отказать.

Всего доброго, с уважением,

Секретарь Р. Корн.

Д. Шостакович получал много писем от людей, которым не выплатили пенсию, занизили зарплату, у которых просто нет денег купить самое необходимое, содержать семью, хотя они всю жизнь работают.

Сам композитор очень рано узнал, что такое безденежье, нужда, голод. Ему очень рано пришлось зарабатывать себе на жизнь. Когда отца не стало, Дмитрию было шестнадцать лет, сестрам — девятнадцать и тринадцать.

...После смерти моего отца (1922) мне пришлось очень нуждаться. Приходилось много «халтурить» и служить в кино. *(Из «Жизнеописания», 16 июня 1926 г.)*

...Самое лучшее на свете — деньги. Без денег невозможен духовный покой. Их отсутствие больно бьет меня по нервам, и я чувствую себя очень развинченным. Скверно, скверно. Все обстоит очень скверно!

Хорошо тем, у кого карман набит, говорить о спасении души да отталкивать от себя все бытовые дрязги. А я не могу. Для меня вся-

кое хождение по городу сплошная мука. Там стоит на морозе нищий и просит копеечку. Там стоит торговка с яблоками. Там милиционер властной рукой расшвыривает по грязи «горячие пирожки с мясом, рисом, с капустой». А зайдешь в союз, там целый хвост безработных: ищут работы. А ее нету. Все это кричит о самом непроходимом мраке, который существует в мире. А почитаешь газеты, так еще становится хуже. И всюду вопль: денег, работы, хлеба! *(10 января 1926 г.)*

Мать Шостаковича Софья Васильевна сдавала комнаты их квартиры режиссеру Юткевичу и двум девочкам из Славянска, учащимся музыкального техникума. Девочкам сдала комнаты «с обедом». В Софье Васильевне с трудом теперь можно было узнать ту женщину с фотографий — музыкантшу, с тонкими кистями рук под кружевными манжетами. Вдова с тремя детьми, — ей удалось устроиться кассиршей в магазин, где она работала все лето без отпуска. Она поседела, от истощения у нее опухали ноги, выпали зубы. За невзнос квартирной платы ее вызывали в суд. Старшая дочь Мария давала уроки музыки, но пианино, взятое напрокат, грозили вывезти — задолженность превысила три месяца.

«Вся беда, конечно, это в нашей бедности и полном отсутствии финансов и полном неумении завоевывать в жизни положение. Но в этом мы, по-видимому, неизлечимы», — писала мать Шостаковича *(1 января 1925 г.)*.

...Между прочим, у нас вывезли рояль. Музпред больше не дает бесплатных роялей. Как ни хлопотали, ничего не вышло. Вывезли. Остался наш заслуженный рояль, звук которого подобен, от долголетнего употребления, кастрюле. Ну, авось, разбогатею и смогу купить себе два новых рояля. Пока что надежда на богатство слабая, даже очень. Денег нет совсем. Полное безденежье... (*27 сентября 1924 г.*)

...Живу я в высшей степени скверно. Особенно в материальном. Долгов ровно на 244 руб. 00 коп. Со вторника я начинаю служебную лямку в госкинотеатре «Сплендид-Палас». А ведь жрать надо? Нотной бумаги надо? Вот тут-то и вертись, как белка в колесе. Хорошо было бы, если бы все кредиторы вдруг умерли. Да надежды на это маловато. Сочиниловку мою малость застопорило. (*3 октября 1925 г.*)

...Не смог тебе отправить до сих пор письма из-за отсутствия средств на предмет приобретения марки. (*31 октября 1925 г.*)

...Умоляю Вас на меня не сердиться и не думать, что я не возвращаю долгов. Вы меня простите, что я Вам нынче не выслал деньги. Дело в том, что у сестры прекратилась служба, следовательно, сейчас весь доход это мой заработок. (*2 июля 1927 г.*)

...Вот уже две недели живу займами. Нету денег. От этих обстоятельств я также впадаю в отчаянье. (*25 июля 1932 г.*)

...Больна жена, и ни копейки денег. Занимаю направо и налево. Весь в долгу, как в шелку. (*6 августа 1933 г.*)

...Живу в Одессе, живу в долг. (*10 сентября 1936 г.*)

...Дело в том, что я сейчас крайне нуждаюсь в деньгах... Заканчивая это письмо, я испытываю чувство стыда, что тревожу Вас по таким пустякам, но положение у меня такое, что я вынужден это сделать. (*С. Эйзенштейну, 20 января 1941 г.*)

...сижу без гроша и нуждаюсь в деньгах страшно. (*16 июля 1942 г.*)

...Я крайне огорчен, что не могу сейчас же выслать тебе деньги. Надеюсь, что через неделю или через две у меня будут деньги, и я смогу тебе тогда выслать. (*27 ноября 1948 г.*)

...У меня пахнет полной финансовой катастрофой. Ну, авось как-нибудь выкручусь... (*28 июля 1951 г.*)

...В общем, финансовые дела мои плохи. (*31 июля 1951 г.*)

...Последний год у меня был в очень неудачном денежном положении. (*22 ноября 1951 г.*)

Материальные трудности, кажется, никогда не покидали Шостаковича.

Из записок секретаря З.А. Гаямовой: «Время шло, а Д.Д. все не было. Наконец он приехал с очень веселым, возбужденным лицом, даже шляпа была как-то набекрень, и первое, что он сказал, когда вошел: “Не ругайте меня. Я сдал всю валюту”. Оказывается, он поехал в Центробанк, там у него на его валютном счету были деньги, и он их все сдал. Сумма была большая. И как он сам раньше говорил: “На эти деньги можно было за границей открыть аптеку или магазин”.

И вот эти деньги он все отдал, радостно сообщил, что когда ехал сдавать, думал, что ему дадут из них тысячи 4, а вдруг дали 34 тысячи — был этому рад. Говорил, что теперь можно месяца три жить спокойно, не думая о том, где достать деньги. Он ходил возбужденный, радостный, потряхивая пачкой денег. И Максим, который любовно смотрел на отца, — сказал мне: “Смотрите на него, он радуется, как ребенок, — разве можно на него сердиться, что он такой непрактичный!”»

Галина Дмитриевна на мой вопрос, каково было финансовое положение их семьи, ответила: «Далеко не такое, какое сейчас у нас, даже стыдно, даже неприятно об этом говорить. Очень часто, я помню, единственной зарплатой была мамина зарплата, очень скромная. Даже под конец жизни, когда можно было думать, что все в порядке, что все хорошо — были валютные счета у отца, — нужно было каждую сумму выпрашивать.

Но отец всю сознательную жизнь прожил при советской власти и принужден был терпеть унижения едва ли ни на каждом шагу. Уже незадолго до смерти, в 70-х годах, перед очередной поездкой за границу, он сделал попытку снять со своего валютного счета значительную сумму денег — ему захотелось купить иностранный автомобиль, кажется, "Мерседес". Ему это не позволили: у нас, в Советском Союзе, изготовляют вполне качественные машины — "Волги"!

— Как Дмитрий Дмитриевич относился к деньгам?

— Будет день, — говорит он, — будут деньги. — Конечно, он нервничал, понимал, что семья большая, хозяйство большое, он пытался все перевести на веселую ноту: ничего, не огорчайтесь, будет вам». *(Из интервью автору)*

Максим Дмитриевич Шостакович: «У него над кроватью висела маленькая копия картины "Динарий кесаря" — и он мне объяснял смысл этой картины. Помните: "кесарю — кесарево, а богу — богово". Вот эти два лика, два образа — Христа и Мытаря — он мне объяснил: чистота и даль от этого меркантильного в Христе и кесарь с деньгой». *(Из интервью автору)*

Как Баху было ни писать по кантате в неделю, если кормил два десятка детей! — шутил Шостакович.

✉ *26 июня 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Впервые в жизни я обращаюсь к Вам как к депутату с необыкновенной просьбой. Хотя мне 54 года, однако в современных условиях хочется жить все дольше и дольше и без конца. Я хочу за наличный расчет купить мотоцикл «Урал». В плановом отделе райисполкома мне сказали: надо ждать очереди 10 лет. Через 10 лет, учитывая мой возраст, настроение к этому виду транспорта может измениться. Хотелось бы в свободное от работы время заняться сбором лекарственных трав. Еще раз прошу помочь в приобретении мотоцикла.

Ужицын П.С.

9 июля 1973 г.

Горьковский облисполком

Председателю тов. Семенову В.И.

Ко мне обратился избиратель Ужицын Павел Семенович, аппаратчик кислородной станции Сергачского объединения «Сельхозтехника», с просьбой помочь ему купить за наличный расчет мотоцикл «Урал», который нужен ему, так как он занимается сбором лекарственным трав.

Считаю его довод уважительным. Прошу предоставить ему возможность внеочередной покупки (ему сообщили, что в порядке очереди он может получить мотоцикл «Урал» только через 10 лет) мотоцикла «Урал».

Д. Шостакович.

✉ *26 июня 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Многие знающие Вас говорят, что Ваш музыкальный талант сочетается с большой добротой и отзывчивостью к людям. И это общее мнение дает мне смелость обратиться к Вам. Моя просьба сводится к следующему:

Мой муж и я, а также наша дочь Марина Александровна Григорьева, жили много лет в Москве, в двухкомнатной квартире, площадь 40 кв.м. Наша дочь, проживавшая с нами в этой квартире 29 лет, в 1969 году выписалась к своему мужу, также живущему в г. Москве, а через год вернулась обратно с ребенком и с 70 г. живет с нами. Прописать ее обратно не удалось, т.к. это возможно только в течение полугода после выписки. В 1972 году умер мой муж, и теперь я нахожусь в крайне тяжелом положении, т.к. имею двухкомнатную квартиру, площ. в 40 кв.м, а имею право только на 24 кв.м., т.к. прописана в ней одна. Фактически мы живем втроем: Я, дочь и внучка 4-х лет.

Теперь Сокольнический райисполком ставит передо мной вопрос о самоуплотнении, я предлагаю для самоуплотнения кандидатуру дочери, а милиция отказывается ее прописать, т.к. она прописана у бывшего мужа в кооперативной квартире. Я больна, и мне необходим постоянный уход, о чем у меня имеется справка. Дочь фактически живет со мной, у нее имеется московская прописка. Почему же она должна числиться в квартире своего бывшего мужа, а не жить со своей больной матерью в квартире, где сохранилась ее площадь.

Мне совершенно непонятно, почему мне, человеку, проработавшему 36 лет в угольной и металлургической промышленности, отмеченной за

стахановскую работу Министром черной металлургии, препятствуют в такой простой вещи, как самоуплотнение своей дочерью и внучкой.

Ведь есть такое положение, что дети (одинокие, вследствие развода) могут вернуться к своим родителям.

Я бы очень просила Вас поддержать мое ходатайство перед Исполкомом Моссовета о том, чтобы мне дали возможность уплотниться моей дочерью и внучкой, путем перепрописки их обратно ко мне.

С глубоким уважением, А. Амитина.

9 июля 1973 г.

Председателю Московского Совета

тов. Промыслову В.Ф.

Уважаемый Владимир Федорович!

Ходатайствую перед Вами о разрешении на повторную прописку М.А. Григорьевой в квартире ее матери А. Амитиной, где она родилась, жила в ней 29 лет и выписалась в связи с замужеством, и ровно через год, разведенная с мужем, вернулась обратно к родителям.

В настоящее время отец ее умер, и Сокольнический Райсовет предлагает им уплотниться, но не разрешает это уплотнение произвести с заселением дочери.

Считаю такое положение в основе своей неправильным и поэтому ходатайствую перед Вами.

Прошу в моей просьбе не отказать и о результатах сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

На письмо от 9 июля 1973 года

В порядке исключения Президиум Исполкома Моссовета разрешил перепрописку в г. Москве по адресу: Ново-Рязанская ул., д. 16, кв. 58. Оформление прописки будет произведено органами милиции по представлении необходимых документов.

Секретарь Исполкома Моссовета Н. Сычев.

Среди замыслов Шостаковича был один особенно ему дорогой, к которому он возвращался на протяжении многих лет, но так и не нашел подходящего литературного материала. Он мечтал о создании кинооперы, где действие не связано никакими условностями. **Я мечтаю написать киноопеpу. В театре действие, разбитое на множество партий, неизбежно распыляется. В кино то же действие, показан-**

ное в едином потоке неуловимо сменяющихся кадров, сохраняет всю силу целостного впечатления. Какая благодарная задача для композитора — уловить ритм этого динамического потока кинокадров и создать музыку. Все мои попытки зажечь поэтов, либреттистов, режиссеров этой идеей пока тщетны. Мне хочется кликнуть клич поэтам и режиссерам: кто хочет творчески поработать над созданием киноопера? — взывал композитор несколько десятилетий.

Но никто не откликнулся.

И когда у режиссера Г. Козинцева возник замысел фильма «Петербургские повести» по Гоголю, у Шостаковича появилась надежда. **Начинаю думать о Гоголе, если Вас устроит моя кандидатура,** — пишет он режиссеру. *(27 февраля 1973 г.)*

Возможно, что именно в этой совместной работе сбылась бы давняя мечта, которую композитору так и не удалось осуществить, несмотря на то что им написана музыка почти к полусотне фильмов. Шостаковичу казалось, что именно «Гоголиана» могла стать таким фильмом.

Этот жанр открывает перед композитором безграничные возможности. Так, можно себе представить, что первые пять картин такой оперы происходят в Москве, следующие в Нью-Йорке, а далее — на Марсе...

В их последнюю встречу с Козинцевым они обсуждали будущий фильм. Уже были сделаны наброски, эскизы. И подобно тому как Шостакович считал оперу «Нос» театральной симфонией, так Козинцев назвал будущий фильм «симфонией, где присутствуют основные темы, стихии гоголевской образности: совершенная натуральность и фантасмагория, комедийное и трагическое... Суть русского искусства (линия Гоголь — Достоевский — Мейерхольд — Шостакович) в том, что сгущение быта дает взрыв, катастрофу».

Из дневника Г. Козинцева: «А потом Нос задрал лицо, вернее сам нос, — повыше. Разом перерос толпу и вознесся — гигантом — над всем Санкт-Петербургом. Важно, как Нос стал главное начальство.

В современном варианте из окна “ЗИМ” высунулся Нос. А кругом все шарахнулись, увидев номер машины. Зажигаются по всему пути зеленые светофоры.

Не я пришел к форме гротеска, выбрал ее. Право же, я ничего не придумывал. Жизнь пришла к ней, все стало на наших глазах гротескным. Гоголевские хари со свиными глазами вылезли из всех углов, а совсем не со страниц книг или из театральных подмостков.

А я хочу показать маску всего этого. Цирк истории. Симфонию, где присутствуют основные темы, стихии гоголевской образности: совершенная натуральность и фантасмагория.

Фильм должен ставиться в тесном сотрудничестве с Дмитрием Шостаковичем, автором будущей партитуры для него».

В мае 1973 года Г. Козинцев неожиданно умер. Шостакович узнал об этом во время поездки в США. Потрясенный известием, он повторял: «Что я буду в кино дальше делать, я не знаю... Это для меня ужасный удар... ужасный удар».

✉ *29 июня 1973 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Эта просьба связана с тем, что после 14-ти лет ожидания очереди нам дали квартиру, в которой я не могу жить. В этой квартире все окна выходят на железнодорожный маневровый узел. Шум от поездов и объявления диспетчеров в громкоговорители не прекращаются здесь и глубокой ночью. Уже 1,5 года я не могу спокойно спать и совершенно не могу заниматься музыкой (я работаю в Гнесинском институте преподавателем кафедры полифонии и композиции).

Мои просьбы о замене квартиры на другую были отклонены. Мне отказали даже вернуться в комнату, где моя семья жила раньше. Попытки с кем-либо обменяться квартирой полтора года не приносят результатов, так как никто не хочет ехать к железной дороге. Я в безвыходном положении и прошу Вашего вмешательства. Конечно, я понимаю, что не имею никакого права злоупотреблять Вашей добротой, но мне действительно очень плохо. Единственная надежда — на Вашу помощь.

Очень прошу извинить меня за причиненное беспокойство.

Павлов В.В.

12 июля 1973 г.

Председателю Московского Совета

тов. Промыслову В.Ф.

Уважаемый Владимир Федорович!

Ко мне обратился музыкант, преподаватель полифонии и композиции Института им. Гнесиных с просьбой ходатайствовать перед Вами о предоставлении ему квартиры.

В квартире, предоставленной Павлову Василию Васильевичу (Большая Переяславская ул, д.10, кв.113), жить музыканту невозможно, ибо окна этой квартиры выходят на железнодорожный маневровый парк.

Убедительно прошу Вас дать указание Дзержинскому райисполкому о предоставлении тов. Павлову В.В. и его семье другой квартиры.

О результате прошу сообщить.

Копию его письма прилагаю.

Д. Шостакович.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

По письму гр. Павлова В.В. об улучшении жилищных условий.

Исполком райсовета рассмотрел просьбу и сообщает, что гр. Павлов В.В. на семью 3 человека (он, жена и дочь 1966 г.р.) занимает отдельную 2-комнатную квартиру размером 29,4 кв.м. в доме-новостройке, по Б. Переяславской ул., д. 10, кв. 113.

Удовлетворить просьбу — заменить занимаемую квартиру, Исполком возможности не имеет. По данному вопросу гр. Павлов В.В. может обратиться в Бюро по обмену жилыми помещениями.

Заместитель Председателя А. Лаппо.

✉ *11 сентября 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

В июле с. г. я обращался к Вам с просьбой оказать помощь в замене квартиры. Моя просьба была вызвана тем, что в квартире, которую мне предоставили после почти 14 лет ожидания, нормальная жизнь и работа по специальности оказались для меня невозможными, так как все окна выходят на железнодорожный маневровый узел, и в квартире круглосуточный шум.

Вами было направлено ходатайство, адресованное председателю исполкома Моссовета т. Промыслову. В связи с этим я глубоко благодарен Вам за внимание и помощь. Однако я обеспокоен тем, что Ваше ходатайство было переслано в районный отдел учета и затем — в обменные бюро района, где мне рекомендовали встать на учет по обмену и ждать благоприятной возможности.

Поскольку я, независимо от этого, 1,5 года состою на учете и безуспешно пытаюсь произвести обмен квартиры, такой ответ не приносит ничего положительного.

Я ни в коей мере не хотел бы злоупотреблять Вашим временем, но сложившиеся обстоятельства — по существу, я лишен дома — вынуждают меня просить Вас о повторном вмешательстве. Я надеюсь, что в этом случае соответствующие инстанции примут должные меры.

Очень прошу извинить мою назойливость и беспокойство, причиненное Вам моими просьбами.

С глубоким уважением, В. Павлов.

12 сентября 1973 г.

Председателю Моссовета

тов. Промыслову В.Ф.

Уважаемый Владимир Федорович!

Я ходатайствовал перед Вами по поводу невозможности музыканта Павлова В.В. жить в квартире, предоставленной ему Дзержинским Райсоветом.

Мое ходатайство было переслано в Дзержинский Исполком с просьбой всесторонне рассмотреть этот тяжелый вопрос.

Пересылаю Вам копию полученного мной ответа из Дзержинского района, в котором сообщаются известные мне данные и не решается вопрос по существу, и копию повторного письма ко мне Павлова В.В.

Еще раз убедительно прошу Вас вмешаться и разрешить вопрос с жильем Павлова.

С уважением Д. Шостакович.

Прилагаем две копии.

✉ *Дорогой наш депутат Дмитрий Дмитриевич. Пишет Вам из с. Сеченова Гришина Надежда Тимофеевна, 52 года медицинская сестра районной больницы. Я имею двоих детей, сын 1946 года рождения и дочь 1951 года. Муж алкоголик и с 1970 года болен туберкулезом легких. Дочь слабого умственного развития. Окончила 7 классов вспомогательной школы. Сын инвалид 3 группы — с 4-х лет заболел туберкулезом костей правого тазобедренного сустава, было 7 операций. Сейчас нога у него короче на 14 см., тоньше и не сгибается в тазобедренном и коленном суставе.*

Но он все же работает в Сеченовской районной типографии — печатником-линотипистом газеты «Борьба». Работает с 1966 года. В 1967 году был женат — но в женитьбе не повезло. За 3 года совместно с женой жили 1 год 2 месяца. Остальное время жена его уходила от него на квартиру, уезжала к родителям, а над сыном моим издевалась, доводила его до нервного потрясения. Ведь он и так все нервы потерял с заболеванием да с операциями. Жене его была предоставлена квартира, сын мой ушел жить к ней, так как у них был ребенок — жалеючи ребенка, он все терпел, но терпение лопнуло, ушел жить ко мне, и жена его

уехала, а квартиру отдала. В 1972 году сын вступил вторично в брак. Жена спокойная, хорошая, вот уже 1 г. 3 месяца живут хорошо, она работает также в типографии линотиписткой. Сейчас у них ребенок с 28 мая. Жили они совместно с нами в одной семье. В семье нас было 6 человек: мы с мужем, сын с женой, дочь и 64-летняя сестра мужа. Но ввиду того, что муж мой алкоголик, почти всегда пьяный, скандалит, да больной — везде плюет, сын был вынужден уйти. Я со слезами выпросила им временно квартиру у первого секретаря райкома партии Семина А.А. Но так как квартир не было, временно дали бывшую швейную мастерскую, здание большое, но дырявое и гнилое. Ладно, зима уже была на исходе, да и холодов больших не было, прожили до лета. Пришло лето, и никаких изменений, все обещают квартиру, но нет и нет. Освободится которая, дают другим. Сын и жена ходили, просили, чтоб хотя бы сделали ремонт. Только говорят, устраивайте сами. Но ведь на ремонт надо самое меньшее 500 рублей. Но где им взять, ведь они только стали жить, надо штукатурить, покрыть крышу и сложить печь.

И вот что им делать, куда обратиться, нигде им помощи неоткуда взять, я живу тоже кое-как на одной зарплате, муж не дает, все пропивает. У сына оклад 65 рублей да алименты платит. Да и опять его постигло несчастье, а это несчастье тяжелее, чем все. Жена его в детстве упала, и у нее было сотрясение мозга. И до замужества она ничего не чувствовала. Во время беременности у нее начались эпилептические припадки. Да скандалы моего мужа, пьянка, это все на нервы ее подействовало. И вот все расстройства, что жить им совершенно нет условий, холод, здание дырявое, крыша проливает, печь дымит, маленький ребенок, ремонт надо сот на 5 и где им взять такую сумму. Причем сын инвалид, он не может сам ничего делать, и помощи неоткуда ждать, и все это подействовало на жену и участились приступы эпилепсии. Я им помочь не могу, так как муж мой все пропивает, денег не дает, живешь одной зарплатой. Что делать, как выйти из положения. И вот такое его и мое несчастье. Сама я была участница Великой Отечественной войны, работала в госпитале 5285 с 43 по 45 год.

Вот я обращаюсь к Вам к нашему депутату, описала всю свою жизнь и детей. И думаю, если сесть и написать о своей жизни, это будет большая книга.

Так вот моя просьба к Вам как матери, помогите им, чтобы дали им квартиру или же отремонтировали эту за счет коммунальных средств. Иначе они в зиму померзнут, и ребенок может быть простужен. Ведь у них никаких сбережений, даже на дрова и то нет денег, а в

эту квартиру надо 4 машины дров. Очень прошу, не оставьте без внимания, помогите как депутат.

С глубоким уважением к Вам, Гришина Надежда Тим.

27 июля 1973 г.

Горьковская область

г. Сеченово

Первому секретарю Райкома КПСС

Ко мне обратилась моя избирательница Гришина Надежда Тимофеевна, медицинская сестра, участница Великой Отечественной войны (место работы: Сеченовская районная больница), с просьбой помочь ей с устройством квартиры для сына.

Ходатайствую перед Вами об оказании ей и ее семье помощи.

О результатах прошу сообщить.

Копию ее заявления прилагаю.

Д. Шостакович.

✉ *10 августа 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Сеченовский райком КПСС, Горьковской области сообщает, что сыну Вашей избирательницы Гришиной Надежде Тимофеевне, решением исполкома райсовета № 207 от 9 августа выделена квартира в двух квартирном доме.

Первый секретарь райкома КПСС А. Семин.

✉ *Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Полгода собиралась и не могла решиться написать, была в Ленинграде, когда Вы были в Репино и тоже не могла решиться. У меня просьба, а Вы нездоровы, вот от этого и все сомнения. Но вот, все-таки пишу — очень люблю и чту Вашу музыку и знаю Вас как человека очень высокого нравственного начала.

Я филолог, англист, по рождению ленинградка, моя семья была выслана в 1935 из Ленинграда, отец арестован, посмертно реабилитирован. Родственники вернулись в Ленинград. Я не могла своевременно это сделать, потому что моя мать была парализована и нетранспортабельна. В 1959 году она умерла, я лежала в больнице до 1962 с ревмокардитом. Потом некоторое время работала, а в 1966 г. снова заболела, с 1969 г. у меня I группа инвалидности, живу я одна в крайне трудных бытовых условиях. В 1971 году мои друзья возили меня в Ленинград лечиться, и там возникла мысль попытаться остаться в Ленинграде.

Документы о реабилитации моих родителей у меня есть. Мне везет на людей, мне очень помогли в хлопотах даже малознакомые люди (сама я ходить не могу). Здесь, в Оренбурге, у моей халупы (при отсутствии минимальных удобств) есть одно преимущество — изолированность (это бывший магазин) и телефон.

У меня есть в жизни радость — я перевожу с английского (я — преподаватель в прошлом и переводом занялась в поисках какого-то осмысленного творческого труда).

По совокупности причин (кроме вышеназванных, у меня за 46 лет не было ни разу человеческого удобного жилья) я собираюсь просить Горисполком Ленинградский об однокомнатной квартире, но очень боюсь, что из-за официозной жесткости, моей неумелости и отсутствия физических сил, я не добьюсь ничего. Потому и пишу Вам.

Если мое письмо покажется Вам сколько-то убедительным, может быть, Вы сочтете возможным написать несколько строк.

Всей душой желаю Вам сил для работы.

С уважением, О. Фардерфлит.

12 июля 1973 г.

Председателю Ленинградского Горисполкома

тов. Казакову В.И.

Уважаемый Василий Иванович!

Направляю к Вам копию полученного мною письма от урожденной ленинградки т. Фардерфлит О.Д.

Ходатайствую перед Вами, учитывая все ее жизненные обстоятельства, о предоставлении ей в Ленинграде однокомнатной квартиры как члену семьи реабилитированных граждан.

О Вашем решении прошу сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *14 августа 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся сообщает, что тов. Фандерфлит О.Д. о предоставлении жилой площади в Ленинграде в связи с реабилитацией родителей не представляется возможным. Она обеспечена жилой площадью по месту жительства.

Заместитель председателя Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся.

Ф. Кокоуров.

✉ *10 июля 1973 г.*

Здравствуйте, дорогой товарищ Шостакович!

Я работаю на Горьковском автозаводе с 1933 года — 40 лет (за исключением годов войны). Войну я был на фронте (летчик-бомбардировщик), и в конце войны был сбит, тяжело ранен, потерял ногу. После демобилизации с 1948 года снова работаю на ГАЗе, в настоящее время в должности начальника бюро труда и зарплаты цеха.

Благодаря заботе партии и правительства о нас, инвалидах войны, я последние 15 лет был обеспечен транспортом, сначала мотоциклом, а последние 8 лет «Запорожцем». Это позволило мне нормально жить и работать. Но вот 15 мая 1973 года, мне заменили старую машину на новый «Запорожец» модели «ЗАЗ-566 ВР», и с этого дня начались мои мучения, физические и нравственные. Новая машина отказала уже на пути с базы до дома. На этой машине внедрено новшество — электро-магнитное сцепление. Вот это сцепление и отказало. Машина стала на 18-м км от базы и последние 2 км до дома пришлось тащить ее на буксире. Так я остался без транспорта, положенного мне по закону. Ходить на работу далеко, 5 км. ежедневно, на протезе это очень тяжело и мучительно. Все мои попытки добиться исправления моей машины (гарантийный ремонт) не принесли положительных результатов. Всучили инвалиду брак, и никому нет дела до этого.

Что же мне делать дальше?

Мне просто не верится, что у нас в стране возможно такое бездушное и жестокое обращение к Ветерану труда и инвалиду Отечественной войны. Особенно меня поражает безразличие работников нашего министерства автомобильной промышленности. Не то чтобы помочь — даже не ответили.

Я честно отработал на Горьковском автозаводе 40 лет и честно воевал (у меня восемь орденов и медалей), неужели этого не достаточно, чтобы ко мне отнеслись по-человечески?

Наш министр тов. Тарасов Александр Мих. и директор Запорожского автозавода «Коммунар» тов. Сериков С.А., конечно, люди очень занятые и им до такого мелкого винтика, как я, дела нет. Но мы живем в Советской стране, где полагается помогать человеку, попавшему в беду.

Прошу Вас, товарищ депутат Шостакович, помогите моей беде.

Буду ждать Вашего ответа.

С приветом, Н. Кадемин.

Запорожский Обком КПСС

Первому Секретарю Обкома

т. Всеволжскому М.Н.

Уважаемый Михаил Николаевич!

Ко мне обратился мой избиратель Кадемин Н.Е. с жалобой по поводу плохого качества машины, полученной им.

Пересылаю Вам копию его жалобы и убедительно прошу Вас помочь т. Кадемину, который проработал на Горьковском автозаводе 40 лет, в войну был летчиком-бомбардировщиком и в результате тяжелого ранения потерял ногу.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *22 августа 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Сообщаем, что просьба инвалида войны тов. Кадемина Н.К. об устранении неисправности автомобиля «Запорожец» выполнена Запорожским заводом «Коммунар». Автомобиль «Запорожец» годен к эксплуатации.

Заявитель тов. Кадемин Н.Е. претензий не имеет.

Секретарь обкома КПСС А. Лягасов.

27 июля 1973 г.

г. Выкса

Первому секретарю горкома КПСС

тов. Щербатову П.И.

Уважаемый Петр Иванович!

Ко мне вторично обратились мои избиратели супруги Заонегины по поводу их жилищного устройства.

Убедительно прошу Вашего вмешательства в эту затянувшуюся историю. Заонегин знатный металлург, участник Великой Отечественной войны, орденоносец, жена его — инвалид войны. Целый ряд ваших районных организаций — исполком и военкомат обращались с ходатайством к директору металлургического завода т. Луговских с просьбой предоставить им однокомнатную квартиру, но до сих пор эти ходатайства не удовлетворены. В 1971 году я обращался по поводу них к треугольнику завода.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Помните ли Вы нас? Мы супруги Заонегины. В нашем доме большая радость. И пришла она к нам после долгих лет ожидания, благодаря Вашему доброму и отзывчивому сердцу. Мы наконец получили новую квартиру! Однокомнатную, со всеми удобствами, с балконом — в общем, это как раз то, о чем мы мечтали. И вот сейчас, когда улеглись приятные хлопоты переселения и приготовлен стол для гостей, мы решили сесть и написать для Вас это письмо. Большое спасибо Вам, Дмитрий Дмитриевич! Сегодня у нас соберутся друзья, мы вспомним о Вас, расскажем им о Вас, и разрешите предложить Вам поднять бокал вина за нашу радость, за нашу общую победу. Нам радостно осознавать, что среди все еще существующих у нас людей черствых и несознательных, есть и такие, которые много и честно трудятся и всю жизнь несут людям добро и радость. Таким человеком явились для нас Вы, Дмитрий Дмитриевич!

Все-таки быт, особенно для нас, людей пожилого возраста, дело немаловажное. Теперь же мы ни в чем не будем знать забот в нашей новой квартире. Мы никогда не забудем Вашей доброты и всегда будем молить для Вас, Вашей жены и детей хорошего здоровья и долгих лет жизни. Пусть окружают Вас в жизни хорошие люди.

От всей души благодарны Вам и будем рады всем Вашим успехам!

С уважением, супруги Заонегины.

Несмотря на болезнь, Шостакович продолжал работать с неистовой силой, понимая, что времени остается немного. Он жил на даче в Жуковке, изредка наезжая в город.

Галина Дмитриевна вела меня по дому в Жуковке и рассказывала: «У отца было несколько любимых вещей — он очень любил часы с боем, причем всегда следил за временем, чтоб они били все одновременно, чтобы не было расхождения даже в полминутки.

Он очень любил звук этих часов — они до сих пор бьют исправно.

Еще он любил термометры и барометры, в каждой комнате у него был маленький термометр, — он их сам прибивал, знал, где надо их прибить подальше от батареи, подальше от окна, и всегда следил за температурой в комнатах, — к барометру подойдет, постучит по нему, стрелка встанет, — сегодня так, нужно следить, что будет завтра. Он очень любил эти вещи, хотя к мебели относился безразлично.

Вот тут рояль стоит, который он купил на свой первый гонорар. Этот рояль был в Ленинграде, пережил ленинградскую блокаду, холодное зимнее ленинградское время военное. Потом его сюда привезли, починили, и рояль существует.

Он любил здесь жить, он здесь жил почти до последних своих дней...» *(Из интервью автору)*

«Шесть стихотворений Марины Цветаевой» для контральто и фортепиано были здесь завершены Шостаковичем 7 августа 1973 года и исполнены той же осенью. Среди них «Мои стихи», «Диалог Гамлета с совестью», с кульминацией — «Поэт и Царь» и финалом — «Анне Ахматовой».

Это и музыка стиха, и стих, выраженный музыкой. **Нельзя говорить: «Я написал это на текст...» — текст может быть в объявлении, заявлении, а поэзия — это разве текст?** — не раз говорил Шостакович.

Основная идея цикла — судить поэта можно лишь по его собственным, творческим законам. Этого права нет ни у власти, ни у кого, кроме другого поэта, поэтому в роли «судей» здесь выступают Пушкин и Ахматова.

Анна Андреевна Ахматова, обычно проводившая летние месяцы в Комарово однажды навестила Шостаковича в Репине. Потом записала в дневнике: «Погода, наконец, установилась. Вчера я была у Дм<итрия> Дм<итриевича>. Старый колдун живет по-колдунски: избушка запрятана в огромных соснах — не то что моя Будка».

В своем стихотворении, посвященном композитору, Ахматова сказала, чем была для нее музыка Шостаковича:

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле,
И пела, словно первая гроза,
Иль будто все цветы заговорили.

Ахматова не раз обращалась к Дмитрию Шостаковичу как к депутату Верховного Совета с просьбами помочь кому-нибудь из друзей, и композитор всегда старался выполнить эти просьбы.

С Анной Ахматовой я встречался довольно много. Бывал у нее на даче в Комарове. Встречался в Москве и Ленинграде.

Анна Андреевна Ахматова подарила мне свой сборник «Стихи разных лет» с такой надписью: «Дмитрию Дмитриевичу Шо-

стаковичу, в чью эпоху я живу на земле. Ахматова. 22 декабря, 1958».

Я очень люблю ее произведения. Однако до сих пор ничего не написал на ее стихи.

Теперь Шостакович ответил ей музыкальным воплощением стихотворения Марины Цветаевой «Анне Ахматовой», которое Ахматова уже не услышала.

Когда Ахматовой не стало, Шостакович не смог приехать на похороны из-за болезни, но прислал венок из белых роз.

Первое исполнение вокального цикла Д. Шостаковича на стихи М. Цветаевой состоялось в Большом зале Ленинградской филармонии 30 октября 1973 года. Пела И. Богачева.

Шостакович — Богачевой: **Многоуважаемая Ирина Петровна! Решаюсь тревожить Вас по очень важному для меня делу. Я сочинил сюиту на стихи Марины Цветаевой. Мне очень хочется познакомить Вас с этим опусом, и, конечно, мечтаю о том, чтобы Вы отнеслись к сюите снисходительно, и тогда я буду просить Вас спеть ее... <...> Когда будет Вам удобно, я приеду в Ленинград, чтобы познакомить Вас с этим новым сочинением. Шлю Вам самые лучшие пожелания. <...> Зовут меня Дмитрий Дмитриевич.**

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царевы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям —
Нет места. В изглавьи, в изножьи,
И справа и слева — ручищи по швам –
Жандармские груди и рожи.

Не диво ли — и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей: почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!

Почетно — почетно — почетно — архи —
почетно, — почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры вора
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

Московская премьера вокального цикла на стихи Марины Цветаевой (ор. 143) состоялась 12 ноября 1973 года.

С. Рихтеру не понравились «плакатность, нажим и тенденциозность» в цветаевском цикле.

✉ *14 сентября 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

В дом престарелых работников искусств

Заявление

Прошу принять меня в Ваш дом для престарелых работников искусств. Живу совершенно один в г. Таллине. Имею однокомнатную квартиру. Мои родственники находятся в Москве, они тоже в преклонном возрасте.

Родился в 1899 г. в г. Таллине. Окончил Ленинградскую Гос. Консерваторию. Имею премию А.К. Глазунова. Советский пианист.

В искусстве работаю 60 лет. Преподавал в течение 25-ти лет. Занимался общественной работой. Концертировал во всех городах Советского Союза, концертировал в колхозах и военных госпиталях.

И. Шварц.

В Министерство Социального обеспечения РСФСР

Заместителю Министра т. Солдатенкову И.Ф.

Убедительно прошу Вас, в виде исключения, предоставить вне очереди место в платном пансионате Московского городского отдела социального обеспечения для музыканта, постоянно живущего в городе Таллине, пенсионера Шварца Иосифа Зелиовича.

Ему 75 лет. Все его родственники живут в Москве, он одинок.

И.З. Шварц окончил Ленинградскую Государственную консерваторию, награжден премией А.К. Глазунова, пианист, проработавший в искусстве 60 лет.

В течение 25 лет он ведет преподавательскую работу по классу фортепиано среди детей. Интеллигентный, образованный музыкант, свободно владеющий пятью иностранными языками.

О результатах Вашего решения прошу мне сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *2 октября 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Министерство социального обеспечения РСФСР сообщает, что оказать содействие в определении тов. И.З. Шварца в платный пансионат г. Москвы не представляется возможным в связи с тем, что в это учреждение принимаются только престарелые граждане, проживающие и имеющие постоянную прописку в г. Москве.

Заместитель Министра социального обеспечения РСФСР И. Солдатенков.

✉ *1 октября 1973 г.*

Дмитрий Дмитриевич!

Убедительно прошу Вас сообщить, когда можно приехать к Вам на прием для разрешения срочного неотложного вопроса.

Викторов Юрий Александрович.

Я Ваш избиратель, обращаюсь к Вам как к депутату.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!*

Я очень много слышала о Вас хорошего, поэтому обращаюсь к Вам не как к депутату, а к доброму, уважаемому и душевному человеку, потому что только Вы можете мне помочь. Речь идет о личной жизни, вернее, о ее неустроенности.

Очень прошу Вас принять меня и выслушать, это займет немного времени, поэтому прошу Вас ответить, можно ли мне приехать к Вам, когда, где и в какое время Вы можете принять меня для разговора.

С нетерпением буду ждать Вашего ответа. Очень прошу не отказать в моей просьбе.

С уважением к Вам, Федина Тамара.

9 октября 1973 г.

Уважаемая т. Федина!

Депутатский прием у Д.Д. Шостаковича состоится 17 октября в среду, с 12 в Москве в Союзе композиторов РСФСР по адресу:

ул. Неждановой 8/10, во дворе, 2-й корпус, Союз композиторов РСФСР, 3-й этаж. Подтвердите прибытие.

С уважением, секретарь Р. Корн.

Тридцатого октября 1973 года Шостакович присутствует на премьере Четырнадцатого квартета (ор. 142). Это была последняя премьера в исполнении Квартета им. Бетховена.

Почти четверть века каждое новое камерное сочинение Шостаковича звучало в неизменном составе: Дмитрий Цыганов — первая скрипка, Василий Ширинский — вторая скрипка, Вадим Борисовский — альт, Сергей Ширинский — виолончель.

В своем основном составе Квартет им. Бетховена просуществовал сорок лет. Композитор часто присутствовал на репетициях, раньше и сам выступал, играя фортепианную партию в своем Квинтете.

Свои последние квартеты композитор посвятил музыкантам Квартета им. Бетховена.

Все музыканты, с которыми приходилось работать Шостаковичу, говорили, что, несмотря на его большую деликатность по отношению к исполнителям его сочинений, если композитор был недоволен исполнением, то не то что подойти было страшно — страшно было на него смотреть. «Он весь подергивался, рот трагически проваливался и дрожал, бледные глаза излучали такую подавляющую трагическую силу, что смотреть в них было страшно, да он и сам, чувствуя силу своего взгляда, не мог глядеть долго в глаза собеседнику», — вспоминал Ф. Дружинин, ставший позже участником Квартета им. Бетховена.

За свой подвижнический труд в квартете музыканты получали смехотворное жалованье, а репетиции, почти ежедневные и многочасовые, не оплачивались вовсе. Дружинин говорил, что, когда он впервые получал свой гонорар за участие в премьерах Девятого и Десятого квартетов Шостаковича, составлявший 4 рубля 56 копеек, В.П. Ширинский, увидев огорчение и изумление Дружинина, с иронией заметил: «Федечка, ты должен радоваться, что играешь хорошую музыку с неплохими музыкантами и получаешь за это еще какие-то деньги! Поверь, скоро настанет время, когда за право играть хорошую музыку тебе придется приплачивать самому!»

Как-то руководитель Квартета им. Бетховена Д. Цыганов сказал: «Дмитрий Дмитриевич, фирма “Мелодия” попросила нас записать твой последний квартет». — «Как последний? — воскликнул Шостакович. — Вот когда напишу все квартеты, тогда и будет последний». — «Сколько же ты собираешься написать?» — «Двадцать четыре. Разве ты не заме-

тил, что тональности не повторяются? Я напишу все двадцать четыре квартета. Хочу, чтобы это был законченный цикл».

Теперь он сказал Д. Цыганову: «А знаешь, обещанных квартетов мне уже не написать».

✉ *Тов. Шостаковичу Д.Д.*

от гр. Захарова Ник. Вас.,

проживающего по адресу: г. Горький–44, ул. Евгения Никонова, барак 22, кв. 4.

Заявление.

Я Захаров Н.В, проживающий по данному адресу с 1952 г., т.е. 21 г., в этот барак мы были поселены как молодожены, это жилье было построено под склад военнопленных, не пригоден для жилья, сырой и здесь мы прожили полжизни своей.

В Горьком я живу с 1949 г. Окончил школу ФЗО, из школы был выпущен на маш. завод. В 1960 г. перешел на з-д авиационный, где и работаю до настоящего времени токарем в цехе № 15. Общий стаж у меня 24 г.

Жена моя, Захарова А.П. пришла работать на маш. завод в 1944 г., работала в горячем цехе, имеет горячий стаж, и на пенсию пойдет в 1974 г. Отработала на маш. з-де 14 лет, а общий стаж у нее 29,6 лет. Уволилась по детям с завода, так как у нас было 3 детей, оставить было не с кем. Дети теперь все взрослые, все работают на предприятиях г. Горького: дочь работает на маш. заводе и учится, другая дочь работает на авиационном заводе, сын работает на Вагоноремонтном заводе, в этом году пойдет в армию. Одна из дочерей вступила в брак и проживали с нами, и у них уже народился ребенок. Итак, наша семья состоит из 7 человек.

Барак наш стали выселять в марте м-це 1973 г. Нам была выделена 3-хкомнатная квартира изолированная, а они все изменили и вместо нее нам предложили 2 комнаты с соседями, а дочери комнату 10 м тоже с соседями, обе в старом фонде, не учитывая, что она не одна, что у нее 3 человека. Мы их просили, чтоб нас с дочерью не разъединяли, а дали вместе всем 3-х комнатную квартиру в новом доме, а не старую.

Дмитрий Дмитриевич, мы просим, чтоб Вы нам помогли в этом, ведь мы просим справедливо, нам не надо ничего ихнего. Как обидно за все, что нами пережито, неужели мы не заработали этого. Отец мой был на фронте, у него в то время была семья 12 чел., и когда его посадили на машину и повезли на фронт, мы бежали 8 человек босоногих и кричали: «Папа, вернись!». Он на нас не мог даже смотреть — плакал. И вот после всего он теперь знает, как ему отплатили, ему 70 лет.

Отец жены воевал в Отечественную вместе со своей старшей дочерью, победу встречали в Берлине.

Жена моя всю войну была на трудовом фронте — на окопах, на дорогах, строили военные сооружения. И вот вся наша жизнь прошла так себе, а сейчас и тем более, жена болеет, у нее больные ноги, ходит плохо.

Мы у Вас были в октябре месяце, вы, наверное, помните, после этого вы нам написали письмо о том, чтоб мы обратились с письмом к т. Масленникову, но нас даже и не подумали пустить к нему, а дело передали инструктору обкома Лазареву.

Дмитрий Дмитриевич, мы хотим от Вас узнать, что вам ответил Обком т. Лазарев, они чего-то виляют и идет слух такой, что вот как исполнится 6 месяцев, как нас выселили с милицией из барака, тогда мы вообще теряем право на жилье, которое нам было даже и предложено.

Не знаю, чем дело кончится. Нам сказали, что придете числа 10 января 1974 г.

Дмитрий Дмитриевич, Вы нам поверьте, мы очень устали от такой жизни, это пытки для нашей семьи. Живем, кто где, мы переживаем за детей, потому что они живут кто у подруги, кто у товарища, дочь, которая родила, вместе со своей семьей живет тоже — кто приветит, а о нас и говорить не остается, мы ночуем в цехах и на вокзале, и кто где пустит.

Дмитрий Дмитриевич, если что нам скажут 10 числа, и не в нашу пользу, то мы Вам еще пришлем, или приедем, если вы их не сумеете убедить, то я Вас попрошу еще подключить к нам с Вами еще кого-нибудь или Подгорного, или Косыгина.

Вот моя просьба, пожалуйста, не откажите нам, помогите, ведь есть еще хорошие люди на земле. Ведь мы живем все одну жизнь, и она у всех складывается по-разному, а у нас уже почти вся, а мы еще не живем, а мучаемся. Моей жене уже почти 49 лет, пенсионерка.

До свидания, к сему семья Захаровых.

У нас есть характеристики с работы, и из барака, с которыми жителями мы жили, если нужно, мы пришлем.

Октябрь 1973 г.

Горьковский обком КПСС

Секретарю обкома — тов. Масленникову Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

Ко мне на личный прием в Москву приехали Захаров Николай Васильевич и его жена Анна Петровна (прож. Горький–44, ул. Евгения Никонова, барак 22, кв. 4).

Их семья состоит из 6-ти человек. При переселении их из барака Райисполком Московского р-на, председатель Гребнев И.П., применил по отношению к ним административные меры.

Захаровы просили не разделять семью, поселить их вместе с замужней дочерью, которая в ближайшее время будет матерью (по показаниям врачей, возможна двойня). Но Райисполком предоставил Захаровым две комнаты в трехкомнатной квартире для шести человек, подселив к ним двух молодоженов, таких же, как их дочь, а седьмому члену семьи — замужней дочери Захаровых выделил в другой квартире десятиметровую комнату.

Справедливая просьба Захаровых предоставить на всю семью трехкомнатную квартиру не только не была удовлетворена, но вдобавок они перенесли тяжелую травму — суд, переселение с милицией.

Все члены семьи Захаровых — рабочие разных предприятий г. Горького. Они просят квартиру в любом районе города, но только всем вместе.

Мне непонятно, почему нельзя такую естественную законную просьбу трудящихся удовлетворить.

Убедительно прошу Вашего личного вмешательства. Просьбу Захаровых можно и нужно удовлетворить.

Д. Шостакович.

12 марта 1974 г.

Горьковский обком КПСС

инструктору обкома тов. Лазареву

Уважаемый тов. Лазарев!

В октябре 1973 г. мною было послано письмо секретарю обкома КПСС тов. Масленникову по поводу предоставления семье Захаровых трехкомнатной квартиры.

Как мне стало известно, это дело поручено Вам. Прошу сообщить, какие меры приняты к тому, чтобы обеспечить выселенную из барака семью жилплощадью.

Д. Шостакович.

Прошло больше двух лет хлопот, переписки, пока наконец пришло письмо от Захаровых:

✉ *Добрый день! Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич и Ваша секретарь Р. Корн и ваши семьи.*

Примите большой, большой привет и благодарность от наших семей: Захаровых и Купцовых, и желаем мы Вам всем больших успехов в Вашей личной жизни, особенно в Здоровьи. Я не знаю, как еще Вас благодарить за Вашу помощь по отношению к нам. Как будете в Горьком, заезжайте к нам в гости. Нам дали квартиру из 3-х комнат, площадью 43 кв. м на 3 этаже. Заселились мы 4 марта. Извините, что раньше не могла Вам ответить, заболела, была высокая температура. Живем мы теперь все вместе 7 человек. Теперь, кажется, немного успокоились, но еще надо собирать сына в армию.

Дмитрий Дмитриевич, меня все удивляет то, как же нам все говорили, что нам не положено, мы не имеем права на получение настоящего жилья. Это очень обидно, кто же имеет право на это, Вы, пожалуйста, еще раз потрудитесь, напишите это так честно, всю жизнь проработать и ничего не получить, даже право на это. Ведь мы помогаем другим странам от излишнего, а здесь что-то другое.

Вот летом были выборы, голосовали мы за Максименко, директора машиностроительного завода, да за него 75%, наверное, не голосовали, а если которые приходили голосовать, то большинство зачеркивали, а он прошел, этот заевшийся миллионер, он никого не признает, рабочие завода не чаются, когда он уйдет на пенсию, а он все работает, он замучил, рабочие все обижаются.

Вот мы у Вас были на приеме, и я не могла с Вами по-настоящему поговорить, а очень хотелось бы встретиться еще раз. Меня очень тронул Ваш прием, я тогда не знала, что Вы нам поможете, или нет, но вы так нас приняли, я не могла не расплакаться, я сразу подумала, вот такая должна быть человеческая душа. После этого я никогда не забуду этот прием, потому что нас нигде так не принимали. После вашего письма к Масленникову с нами везде разговаривать стали иначе, не как раньше, а то только и слыхали отказы.

Ну вот и все написала, что я хотела Вам рассказать. Выносим Вам большую благодарность за Ваш труд и помощь нам, еще раз желаем Вам большого, большого здоровья.

Приезжайте к нам. Наш адрес: Горький, ул. Героев Космоса...

Захаровы.

✉ *10 октября 1973 г.*

Д.Д. Шостаковичу

От рабочего завода «Красное Сормово» им. А.А. Жданова

Шайдулова Саидгарай Ибрагимовича

Прошу обратить внимание на мою просьбу.

Я, Шайдулов Саидгарай Ибрагимович, работал в фасонолитейном цехе з-да «Красное Сормово» с 1942 года. Жена Шайдулова Александра Алексеевна там же с 1942 года и сын Шайдулов Аарис Сайдгараевич с 1970 года. В настоящее время проживаем по ул. Ясная дом 11-4, комната 15,4 м, комната угловая, тесная, сырая, проживаем 6 человек. Неоднократно обращались с просьбой в заводоуправление, в цеховой комитет, но безрезультатно: нас обходят стороной, квартиры не дают, а ведь мы, я и жена на работе получили инвалидность. Но на это наша администрация внимания не обращает, нужны люди, пока здоровые.

Обошли все инстанции здесь, в Горьком, но сдвигов нет, ссылаются друг на друга. Вот и приходится обращаться к вам за помощью.

Директору
Парткому
Завкому завода «Красное Сормово»
Уважаемые товарищи!

Ко мне обратился рабочий завода «Красное Сормово» тов. Шайдулов С.И., работающий в фасонолитейном цехе завода «Красное Сормово».

Тов. Шайдулов вместе с семьей (всего 6 человек) проживает в тесной (15,4 кв. м) сырой комнате, однако хлопоты об улучшении жилищных условий до сих пор оказались безрезультатными.

Тов. Шайдулов и его жена работают на заводе с 1942 года. В настоящее время оба инвалиды 3 группы, страдают профессиональными заболеваниями.

Убедительно прошу вас оказать помощь семье старейшего рабочего завода.

Д. Шостакович.

17 октября 1973 г.
Г. Горький
Секретарю Обкома КПСС
тов. Масленникову Н.И.
Уважаемый Николай Иванович!

Ко мне на личный прием приехала моя избирательница Кузнецова Ольга Ивановна с заявлением, в котором просит ходатайствовать перед Вами о разрешении для ее сына Кузнецова Владимира Ивановича в виде исключения после отбытия наказания вернуться и жить в Арзамасе-16 вместе с матерью — работницей завода «Коммунист». Он в этом городе родился, учился и жил до 1970 г. Осужден на ху-

лиганство на 2 года и направлен был в исправительную трудовую детскую колонию, где через 9 месяцев был условно освобожден.

Учитывая 40-летний стаж работы матери, ее возраст, плохое физическое состояние, убедительно прошу Вас во изменение отказа Горкома партии Арзамаса-16 разрешить сыну вернуться к матери.

С уважением Д. Шостакович.

Заявление Кузнецовой О. в Горком партии Арзамаса-16 прилагаю.

✉ *3 декабря 1973 г.*

Дмитрий Дмитриевич, Ваше письмо, адресованное секретарю Обкома КПСС т. Масленникову Н.И. Разбираться он с ним сам не стал, а передал его другому человеку, фамилии которого я не знаю.

Тот написал «Разобраться — в интересах города», и отослал свое решение секретарю горкома КПСС Арзамас 16 Ивановскому. Ивановский В.А. сказал, что моему сыну въезд в город не разрешен. «Сам поеду на личный переговор к Вам, если мне Шостакович Д.Д. подпишет пустить сюда 130 человек, то я открою ворота и пусть все идут без всяких претензий». Обвинял меня, зачем я Вам сказала про наш город, — «этого Шостакович Д.Д. не должен знать».

Моему сыну 17 лет, ум его еще не сформировался, попал под влияние старших.

Но люди в 50 лет со сформировавшимся умом, отказывают.

О. Кузнецова.

Речь идет об одном из закрытых, «секретных» советских городов, о которых никто, даже депутат, не должен знать, въезд в которые мог быть только по специальному разрешению. Поэтому даже в прописке сына к матери было отказано. А без прописки советский человек не имел права находиться нигде, не мог устроиться на работу.

16 октября 1973 г.

г. Горький, Обком КПСС

Секретарю обкома

тов. Масленникову Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

Ко мне обратился мой избиратель Шерман Владимир Михайлович по вопросу восстановления его на работе.

Решением Бюро обкома от 5 февраля 1973 г. по его апелляции наложенные на него партийные взыскания были полностью сняты. В течение девяти месяцев, несмотря на это решение Обкома

партии, его не восстанавливают на работе в должности заместителя директора Заречного треста столовых, хотя снят он был с этой работы после вынесенного ему партийного взыскания.

Пересылаю Вам все его документы, присланные мне, и убедительно прошу Вас поручить разобраться в его деле.

О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *20 октября 1973 г.*

Дмитрий Дмитриевич, во-первых, разрешите от имени моей семьи поздравить Вас с вручением почетной грамоты и медали Советского фонда мира и пожелать Вам счастья, крепкого здоровья и плодотворного труда в создании музыкальных произведений для всего человеческого мира.

А во-вторых, помогите мне, пожалуйста, благоустроить жилье. В настоящее время проживаем 5 человек в комнате двенадцать квадратных метров в следующем составе.

1. Панин Александр Федорович с 1940 года рождения, работаю мастером, заработок в среднем 130 рублей.

2. Панина Валентина Дмитриевна 1941 года рождения, работает фотогальваником, заработок в среднем 115–120 руб.

3. Панин Александр с 1965 года.

4. Панина Наталья с 1971 года.

5. Федорова Ольга Федоровна с 1913 года рождения, пенсионерка...

После потери мужа во время Великой Отечественной войны, кроме дочери, у нее не осталось никого. В период восстановления народного хозяйства и до 1971 года трудилась в колхозе, и за свои прожитые годы заработала 20 рублей пенсии и дом, который продала на дрова за 300 рублей. Когда она переезжала к нам, ей объясняли о том, что мы живем тесно, но так как здоровье подорвано и дом почти разрушился, ей другого выхода не было. В ноябре прошлого года обратились в райисполком насчет жилья, взяли документы только в сентябре этого года и из беседы сказали, что дом будет сдаваться только в 1975 году и неизвестно, попадем ли мы в него.

Дмитрий Дмитриевич, помогите моей семье жить мирно, тихо и счастливо.

Мы будем Вам очень благодарны.

Панины.

Ноябрь 1973 г.

Воронеж

Первому секретарю обкома КПСС

Воротникову В.И.

Уважаемый Виталий Иванович!

Ко мне обратился житель гор. Воронежа Панин Александр Федорович с просьбой ходатайствовать о его жилищном устройстве. О результатах прошу сообщить.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *22 октября 1973 г.*

Привет с Автозавода от гр-ки Анастасии Степановны Кириченко гр-ну Д. Шостаковичу. У нас на Автозаводе строят новый корпус, и на этой территории я прожила всю свою молодость, как только начался строиться Автозавод, т.е. с 1930 года. Сейчас в настоящее время нас переселяют в соцгород с 4 соседями на кухне. Проработала я на заводе 23 года, с перерывом в виду рождения ребенка 1,6 м был стаж прерван. Поступила я на работу в 1948 году на горячую сетку в термичку и по вредности сейчас нахожусь на пенсии, т.е. в 45 лет меня государство списало. Сама я с 1925 года рождения. Проработала 16 лет на вредной работе без обеда, потому что не разрешала техника безопасности, у меня кружится голова, воздух какой-то, не каким должен быть, вообщем, я заразилась от циана, т.е. от мышьяка.

Квартиру на нас очевидно дали хорошую изолированную, но не нам, т.к. я сейчас нахожусь на пенсии, т.е. списана государством и никому не нужна. Барак, в котором я прожила 43 года, принадлежит сносу.

Отца и брата убили на фронте за нашу Родину и это уже не идет в зачет, но скорбь это ведь не была кому-нибудь, а мне, у меня сейчас мать слепая, проживает со мной и куда же я ее могу отбросить, ведь она мне мать.

У нас, где я проживаю, 2 комнаты, где спали мои дети, а дают одну, да вдобавок кухня на 4 соседей. Дочь, правда, я выдала замуж, но сын спит отдельно от нас в своей комнате, а сейчас будет жить невозможно, вместе спать с ребенком — ему 14 лет, он скоро будет работать, да потом женится, ведь его надо будет тоже куда-то определять, вы сами знаете, как в настоящее время надо жить с молодежью.

Куда я только ни ходила ходатайствовать об отдельной комнате, когда же и поживу в хорошей комнате, чтобы я намылась в ванне?

Вот райжилотдел наверное обсудил так что человек на пенсии и можно куда хочешь убрать. Квартиру дать не хотят, так в чем же я виноватая и в чем провинилась, а из этой комнаты мне грозят что выселим через суд — приедем на машине и покидаем все шмутки, как будто бы мы живем в другом каком- нибудь государстве.

Дорогие мои люди, помогите мне, пенсионерке, пожить под старость лет как живут настоящие люди, неужели я стала совсем не советским человеком, ведь у меня сын почти жених. У нас под слом барака многим давали смотреть то 3 или 4 комнаты, а мне эта комната с 4 соседями на кухне, как по жребию досталась.

Дорогие мои люди, неужели я не достойна Советского гражданина, хоть и пенсионерка, неужели я не имею права на жилой фонд, который бы меня устраивал в жизни. Но, правда, голосовать меня пока не отбрасывают, потому что находят меня гражданином Советского Союза, а насчет комнаты хорошей нет. Мол, пенсионерка, списана государством.

Прошу разобраться в моей жизни и помочь, я убедительно прошу,

пенсионерка Кириченко А.С.

Тридцатого ноября 1973 года в Москве, в Большом зале консерватории состоялась премьера Шести романсов на стихи У. Ралея, Р. Бернса и У. Шекспира в оркестровой редакции Шостаковича.

Это сочинение было написано в 1942 году в Куйбышеве. И вот через много лет композитор вернулся к своему циклу и оркестровал его.

Один из романсов цикла написан на слова сонета Шекспира (*перевод Б. Пастернака*).

СОНЕТ LXVI

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк
И как, шутя, живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену.
И вспоминать, что мысли замкнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу будет трудно без меня.

Секретно

ЦК КПСС

О присуждении премии музыкального фонда имени Л.Соннинг (Дания) композитору Д.Шостаковичу

Министерство культуры СССР (т.Фурцева) сообщает о намерении музыкального фонда имени Л.Соннинг (Дания) вручить композитору Д.Шостаковичу премию, присуждаемую ежегодно крупнейшим музыкальным деятелям разных стран. Министерство по согласованию с Д.Шостаковичем предлагает принять премию с последующей передачей ее в Фонд мира.

Совпосол в Дании сообщил телеграммой от 14 апреля с.г. (спец. № 175), что председатель Компартии Дании т.Есперсен высказал мнение о целесообразности принятия Д.Шостаковичем премии фонда имени Соннинг в случае, если Д.Шостакович намерен передать ее в Фонд мира.

Отделы ЦК КПСС полагают возможным принять предложение Министерства культуры СССР.

Просим согласия.

Зам.зав.Международным отделом ЦК КПСС
(Е.Кусков)

Зам.зав.Отделом культуры ЦК КПСС
(З.Туманова)

Отп.3 экз.,нз
1 - ЦК КПСС
2 - Отдел культуры ЦК КПСС
3 - Международный отдел ЦК КПСС

17466
25.IV.72

ОФОРМЛЕНО
27.IV.72

Черновник уничтожен

Документ ЦК КПСС с разрешением Д. Шостаковичу получить премию фонда Соннинга (Дания) и передать ее в Фонд мира

Решение ЦК
11.V.73
Согласен
Против
Против
Против

МЕЖДУНАРОДНАЯ

Можайское шоссе 37/45 кв. 87, секция 3

Министерство Связи СССР
Адрес

ПРИЕМ

11 1208/1900 м.

Сл. №

Принял KS PETRAKOWA

BSTO

Пров. №

ПЕРЕДАЧА

го. ч. м.

Пор. № Пр. №

Передал

Служеб. отметки NIL WU NORTHERN

Шостако-вичу Дмитрию

=NLT= DMITRII SHOSTAKOVICH MOSCOU MOVAJSKOE SCHOSSE DOM 37/45 KWARTIRA 87 SEKCIIA 3 =

NEWYORK YM439 116 10

№ сл. го ч. м.

WE ARE DELIGHTED TO LEARN OF YOUR FORTHCOMING VISIT TO THE UNITED STATES AND WELCOME YOU AS ONE OF THE OUTSTANDING COMPOSERS IN THE WORLD MUSIC IS AN INTERNATIONL LANGUAGE AND YOUR VISIT WILL SERVE TO SYMBOLI= =ZE THE BOND WHICH MUSIC CAN CREATE AMONG ALL PEOPLES *

МЕЖДУНАРОДНАЯ

32

Министерство Связи СССР
Адрес

ПРИЕМ

го ч. м.

Сл. №

Принял KS PETRAKOWA

BSTO

Пров. №

ПЕРЕДАЧА

го. ч. м.

Пор. № Пр. №

Передал

Служеб. отметки

Из YM439 50 =

№ сл. го ч. м.

WE WELCOME YOUR VISIT ALSO IN THE HOPE THAT THIS KIND OF CULTURAL INTERCHANGE CAN AID UNDERSTANDING AMONG OUR PEOPLES AND THEREBY MAKE POSSIBLE AN ENDURING PEACE =

SAMUEL BARBER LEHMAN ENGEL GUY HUTCHINGS LAWRENCE TIBBETT LEONARD BERNSTEIN LUKAS FOSS SERGE KOUSSEVITZKY RANDALL THOMPSON RICHARD BURGIN MORTON GOULD WARNER LAWSON PAUL CRESTON ROY HARRIS GIAN CARLO MENOTTI OLIN DOWNES VLADIMIR HORIWITZ DMITRII MITROPOLOUS EUGENE ORMANDY ARTIE SHAW *****

Телеграммы Д. Шостаковичу с приглашением посетить США

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1973 году при обмене в СССР партийных документов билет № 1 выписан Ленину, а билет № 2 — Брежневу.

СССР присоединился к международным конвенциям по охране авторских прав.

Была прекращена война во Вьетнаме.

Уотергейтское дело в США.

Военный переворот в Чили.

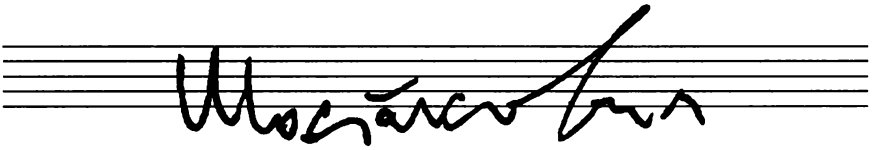
А. Солженицын закончил «Архипелаг ГУЛАГ», В. Шукшин — повесть «Калина красная» и книгу рассказов «Характеры», В. Ерофеев — «Москва-Петушки».

Нобелевская премия присуждена американскому экономисту российского происхождения В. Леонтьеву.

К. Орф сочинил оперу-мистерию «Комедия о конце времени».

Вышел фильм «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой.

Умер П. Пикассо.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 1974 ГОД

«ВЕНЕЦ ТЕРНОВЫЙ, УВИТЫЙ ЛАВРАМИ...»

Январь — оркестровка «Шести стихотворений Марины Цветаевой» (ор. 143).

2 апреля — Д. Шостакович открывает Пятый Всесоюзный съезд композиторов в Кремле.

17 мая — завершает сочинение Пятнадцатого квартета (ор. 144).

Июнь — избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Ядринскому избирательному округу Чувашской АССР.

31 июля — завершает сочинение Сюиты на стихи Микеланджело для баса и фортепиано (ор. 145), посвященной И.А. Шостакович.

Сентябрь — на репетициях и премьере (12 сентября) оперы «Нос» в Московском камерном музыкальном театре.

Ноябрь — награжден Государственной премией СССР за цикл «Верность» и Четырнадцатый струнный квартет.

25 октября — Ленинград. На премьере Пятнадцатого квартета (ор. 144) в Малом зале филармонии им. М.И. Глинки.

Ноябрь — пишет переложение для оркестра Сюиты на стихи Микеланджело.

23 декабря — Ленинград. Малый зал филармонии им. М.И. Глинки. На премьере Сюиты на стихи Микеланджело (ор. 145).

27-28 декабря. В Киеве на репетициях и премьере оперы «Катерина Измайлова».

Д. Шостакович вновь назначен председателем оргкомитета Международного конкурса им. П.И. Чайковского.

Главное в этих сонетах следующее: Мудрость, Любовь, Творчество, Смерть, Бессмертие... *(23 августа 1974 г.)*

«...Не вы ль сперва так злобно гнали / Его свободный, смелый дар...» — лермонтовские строки через полтора столетия рифмуются с судьбой Шостаковича.

«...они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него...»

Иногда кажется, что невозможно было придумать большей кары для композитора, чем те письма с мольбами о помощи, которые он сотнями получал от своих избирателей, не имея возможности помочь несчастным людям.

Или тот огромный, неподъемный груз общественных обязанностей, безжалостно и глумливо взваленных на больного, перенесшего два инфаркта, почти парализованного человека.

✉ *28 марта 1974 г.*

Депутату Совета Национальностей Верховного Совета СССР
Композитору Д.Д. Шостаковичу
от политзаключенного Давыдова Г.В. (геолог)
Заявление

Не знаю, можно ли по музыке судить о человеческих и гражданских достоинствах ее автора. Но что-то внутри меня убеждает, что я не ошибся в выборе адресата этого заявления.

Есть и еще один момент, который заставил меня сделать именно этот выбор.

Я помню Вашу активную деятельность в защиту греческого демократа и композитора Микиса Теодоракиса. Ныне в Греции перемены. М. Теодоракис, как и другие греческие политзаключенные, на свободе, и бывшим узникам «страшного», как пишут советские газеты, острова Юра ныне не приходится «жить впроголодь» на 25 драхм в день.

Веря в Вашу человечность, в Ваше гражданское мужество и полагая, что Вы просто не в курсе дела о положении в лагерях для советских политзаключенных я, чтобы снять эту неопределенность, приведу Вам один типичный и в то же время яркий пример.

Речь об украинце Иване Покровском, политзаключенном нашего лагеря, 53 лет от роду, человеке редкой чистоты души, искренности и силы духа. Типичность ситуации состоит вот в чем. Как ранее многие другие, ныне уже 4 месяца Иван Покровский содержится в призонной тюрьме (ПКТ — помещение камерного типа), откуда периодически переводится в карцер.

Условия содержания такие:

ПКТ: питание по №9-Б (согласно секретному приказу №0225 от апреля 1972 года министра МВД).

Стоимость питания в день (рассчитано по государственным ценам стоимости продуктов питания) около 16 коп. в день.

Калорийность около 1350 ККал в сутки.

Карцер: питание по норме №9-Б через день. В «голодный» день выдают хлеб (450 гр.), соль и кипяток.

Стало быть «сытый» день в карцере аналогичен по условиям питания содержанию в ПКТ.

«Голодный» день (450 гр. хлеба)! Стоимость около 7 коп. в день.

Калорийность около 700 ККал в сутки.

В среднем в карцере: стоимость питания около 12 коп. в сутки.

Калорийность около 1000 ККал в сутки.

Кроме того, в карцере на ночь не выдают ни бушлата, ни постельных принадлежностей. Здесь человек целыми днями находится в закрытом, сыром, затхлом и прохладном помещении в одном легком хлопчатобумажном костюме, безнадежно замерзая ночами на голых досках нар.

А вот вам динамика перемещений И. Покровского из камеры ПКТ в карцер.

Количество всех дней пребывания в ПКТ — 128 (4 мес. и 2 дня).

Из них количество дней пребывания в карцере — 46.

Количество «голодных» карцерных дней — 23.

И маленькое уточнение динамики карцерной нагрузки. За последние три месяца фактически установилось динамическое равновесие: количество дней пребывания в камере ПКТ равно количеству дней содержания в карцере.

Ниже — несколько цифр для сравнения.

1) Греция. Остров Юра. По данным советских газет на питание греческих политзаключенных приходилось 25 драхм на человека в сутки. Плюс возможность получения неограниченного количества посылок с продуктами питания и вещами извне.

25 драхм примерно равны 62 коп. (согласно официальному курсу валют). Плюс у нас ограничено право получения посылок из дому. (До одной в год после отбытия половины срока наказания. Вес посылки не более 5 кг. Кроме того, права на получение и этой единичной за год посылки частенько лишают. Некоторые из нас за весь срок не получили ни одной посылки.)

2) Послевоенный Нюрнберг. В материалах Нюрнбергского процесса над фашистскими преступниками имеется указание, смысл которого состоит вот в чем: пайковое довольствование продуктами питания, составляющее менее 2000 ККал в сутки на человека считается преступлением против человечности.

3) Исходя из нормы питания №9-Б рассчитано, что «законная» потеря человеческой плоти составляет 141 гр. в сутки, если человек довольствуется по этой норме питания и находится в состоянии полного покоя при температуре окружающего воздуха равной 20 градусов.

Наши условия содержания в ПКТ, не говоря уже о карцере, отличаются от расчетных лишь в худшую сторону.

Summa summarum:

25 драхм = 62 коп.

Менее 2000 ККал в сутки — преступление против человечности.

При питании по норме №9-Б потери человеческой плоти составляют 141 гр. в сутки.

Из 128 дней пребывания в ПКТ Иван Покровский питался:

23 дня («голодных») — на 7 коп. в день, получая при этом 700–750 ККал в сутки

105 дней («сытых») — на 16 коп. в день, получая около 1350 ККал в сутки.

В итоге: потери веса за этот срок составили около 15 кг. (Это «законно обоснованные» потери, т. к. нормы питания установлены министром МВД.)

Когда мы моемся с ним в бане, его вид напоминает мне фотографии узников Освенцима, Майданека, Бухенвальда...

Кроме того, частые головные боли, отсутствие зубов — все это сверх общей слабости организма, вызванной условиями содержания.

Специфичность, яркость выбранного примера состоит вот в чем.

Иван Покровский в 1944–1945 годах содержался в гитлеровских «рабочих» концлагерях под Гамбургом. Так что он знает фашизм в его худшем, лагерном виде. В конце войны их лагерь был освобожден английскими войсками, и он, как и многие другие, был репатриирован в Советский Союз.

Здесь в 1949 году он был арестован и по статье 54-1а, 10,11 УК УССР (аналог ст. 54-1а, 10,11 УК РСФСР), получил 25 лет.

Теперь он, мой сокамерник, кончает в декабре этого года свой 25-летний срок.

Я имею возможность ежедневно наблюдать его человечность и его мужество, а также его физическое состояние, до которого его довели «гуманисты» от МВД.

Боюсь, что при такой активной заботе со стороны этих «гуманистов» в мундирах МВД, Ивана Покровского в день освобождения вынесут из лагеря на носилках или, по крайней мере, поддерживая под руки.

При желании из описанного можно извлечь массу вопросов.

Я же, обращая Ваше внимание на общее положение, в котором отбывают свои сроки советские политзаключенные, призываю Вас самым решительным образом заявить свой протест против истязаний и доведения до крайнего физического истощения бывшего узника фашистских концлагерей, ныне советского политзаключенного, кончающего свой 25-летний срок заключения в советских концлагерях, украинца Ивана Покровского.

Надеюсь, что мой голос будет услышан Вами — депутатом, художником, но главное — человеком и гражданином, — если в пути «труженики» МВД вновь не перехватят мое послание.

За сим, с уважением

Егор Давыдов

карцер №3

На 128 день непрерывной забастовки протеста против непрекращающихся репрессий в отношении советских политзаключенных.

P.S. Дабы подчеркнуть, что описанное выше далеко не единичный случай, но более того — система, приведу такие факты (за несколько последних месяцев).

В. Абанькин (русский). За два месяца получил 44 суток карцера. Затем сразу 4 месяца ПКТ, из которого также переводился в карцер. К концу срока ПКТ стал опухать.

Олег Фролов. 13 суток карцера. В итоге: все лицо и шея в гнойных волдырях, глаза также покрылись гнойными волдырями и человек ничего не мог видеть. В таком состоянии ему после окончания 13 суток добавили еще 15 суток карцера, даже для формы не выводя в зону. Через несколько дней состояние здоровья О. Фролова настолько ухудшилось, что его были вынуждены отправить в больницу, да и то только потому, что Фролов через 20 дней должен был освобождаться и высокое начальство сочло нежелательным выпускать его в таком состоянии на обозрение публики. Тем паче, что Фролов — еврей и намеревался уехать в Израиль.

Шиман Гриомс (еврей) и Анатолий Здоровый (украинец) — в результате условий содержания в ПКТ и карцере заболели и были переведены на больничный режим после требований (вплоть до объявления голодовки) политзаключенных положить их в санчасть.

Михаил Макаренко (еврей) — в крайне тяжелом состоянии закончил срок ПКТ (обострение болезни печени и грыжа), выйдя в зону из карцера после 15 суток. Начальник санчасти обещал отправить его на больницу для обследования и возможно для операции. Его действительно через несколько дней увезти, как ему сказали, на больницу. Но в действитель-

ности — это был грубый обман. Вместо больницы его направили в г. Чусовой, где «осудили» без всяких на то оснований к трем годам Владимирской тюрьмы.

Йонас Шилинскас (литовец) — за три месяца пребывания в ПКТ «выбрал» более 50 суток карцера. К концу срока пребывания в ПКТ стал сильно опухать.

Семен Кифяк (украинец) — после 2-месячного содержания в ПКТ и карцерах его вынуждены были положить в больницу.

Егор Давыдов (русский) — за 4 месяца срока ПКТ — месяц на больнице, плюс несколько суток постельного режима в ПКТ. За последние 2,5 месяца срока ПКТ получил 40 суток карцера. В итоге: резкое обострение ревмокардита. Сейчас сижу уже сверх всякого «законного» срока в карцере.

Олег Воробьев (русский) — после двух подряд сроков карцера был положен в санчасть, а затем направлен на больницу. Сейчас он, так же как и В. Меликян, только что вернулся с больницы и получил 10 суток карцера.

Вартан Меликян (армянин) — только что с больницы (незарубцевавшаяся язва желудка) — 10 суток карцера.

Список жертв или «объектов», над которыми работают «труженики» учреждения ВС-389-36 можно длить вечно... Но надо ли?.. Кажется и так ясно, как работают «гуманисты» от МВД.

Давыдов.

В тот день, когда было написано это письмо, 28 марта 1974 года, Шостакович выступал с докладом на пленуме Оргкомитета Союза композиторов.

А 2 апреля он открывал в Кремле Пятый Всесоюзный съезд композиторов СССР.

Он в последний раз поднялся на трибуну в Кремле и, с трудом удерживая в непослушной руке листы бумаги, еле слышным голосом прочитал заготовленный ему текст: **Сегодняшний весенний день волнует нас по-особому, мы собрались в Кремле, где проходят съезды и пленумы нашей партии, сессии Верховного Совета, принимаются важнейшие партийные и государственные решения. Это большая честь для нас, музыкантов, и она обязывает ко многому.**

У Маркса есть замечательная мысль о том, что опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей. Мне кажется, товарищи, что эти слова мы могли бы поставить своим девизом. Потому что подлинное предназна-

чение музыки — дарить людям счастье, воспевать красоту жизни, звать на борьбу за лучшее. Что может быть выше и благороднее такой цели!

Кадры хроники под названием «Музыка — народу» *(ЦСДФ, 1974 г.)* сохранили эту речь Шостаковича на трибуне Пятого Всесоюзного съезда композиторов СССР.

Из-за сильной близорукости Шостаковичу приходилось подносить расползающиеся, готовые вот-вот рассыпаться бумажки с текстом к самому лицу, и он напрягал все силы, чтобы удержать их и не сбиться.

Диктор бодрым голосом объявлял, что «на Пятый Всесоюзный съезд композиторов в Москву со всех уголков нашей страны съехалось более тысячи композиторов, присутствующих в зале».

Более тысячи композиторов! И это к ним была обращена тихая речь Шостаковича.

Вокруг — уходящие вдаль ряды композиторов и представителей композиторских организаций, заполнивших зал и амфитеатр. (В том же зале проходили съезды партии, съезды покорителей целины и комсомольцев, едущих на стройки коммунизма, стахановцев, производственников, литераторов, кинематографистов — в этом съезде и мне пришлось участвовать. Я помню масштабы этого зала, огромный бюст Ленина, со взглядом, устремленным в потолок.)

Тысяча композиторов, чьих имен в большинстве мы не знаем и уже никогда не узнаем, как и их музыки. Но именно Шостаковичу, не считаясь с его состоянием, было поручено зачитать доклад. И он зачитывал.

А из президиума на него ястребом смотрел тоже постаревший музыкальный функционер Т. Хренников. Перед Хренниковым на столе президиума большой сверкающий колокольчик, которым председатель мог призвать присутствующих к порядку и соблюдению регламента. Но зал безмолвствовал. И только тихая неразборчивая речь Шостаковича, на которого мучительно больно было смотреть.

Даже тяжело больной, почти парализованный, он не мог освободиться от своих представительских функций — не помогали ни его просьбы, ни долгое пребывание в больницах.

«...Перевыборы правления Союза. Кто “за”? Кто “против”? Кто воздержался? Принято единогласно. Но как интересно: почему они все сидят с начала до конца?.. Понял: все — до полнейшей чепухи, ерундовины — важно. Все застраховано: ни капли никуда не может просочиться. Забить, заколотить наглухо, законопатить. Чтобы ни щелочки.

А так ничего, ласковые.

На второй день посты меняются: мелкая сволочь обретает движение, голос; часы тикают, а стрелок на циферблате нет, как в "Земляничной поляне" у Бергмана», — записал в дневнике Г. Козинцев после одного их подобных заседаний.

«Воспеть величие эпохи» — так было названо выступление Шостаковича на открытии Пятого съезда композиторов СССР. Из выступления: **...Современная жизнь захватывает, поражает своими контрастами. Гигантские социальные сдвиги и непримиримая борьба идей, созидательный труд миллионов и вспышки военных конфликтов, ошеломляющие победы человеческого разума и разнузданное попрание нравственных норм — во всем выступает та или иная грань окружающего нас мира. Художник, если он по-настоящему чуток и зорок, не может не запечатлеть, не отозваться на эти сильнейшие жизненные импульсы, он все слышит, все вбирает в глубины своего сознания и своей памяти. А потом в созданных им произведениях возвращает жизни ее образы, ее краски, ее дыхание, возвращает преображенными, заново осмысленными. Такова великая способность искусства: рождаясь из жизни, снова уходить в жизнь, активно воздействовать на ход ее глубинных процессов...** *(«Советская музыка», 1974 г., № 6)*

Он и правда все слышал, все вбирал в глубины своего сознания и своей памяти — и лица избирателей, и тысячи их писем с их бедами, рассказами о себе. А потом в созданных им произведениях возвращал эти образы к жизни преображенными, заново осмысленными.

Когда Шостаковича не стало, Т. Хренников сказал: «Да, Шостакович являл собой в подлинном смысле слова образец художника нового типа, принимая самое горячее участие в государственных, партийных делах страны. Буржуазный мир не выдвигает и не может выдвинуть деятелей подобного типа; вы нигде не встретите, например, члена парламента — музыканта. Сама возможность столь активного сочетания чисто творческой и государственно-партийной работы вызывает на Западе недоумение. Между тем, как и ко всему, за что брался Дмитрий Дмитриевич, он относился к своим общественным обязанностям, я сказал бы, с щепетильной ответственностью. Это касалось в равной степени рядового прослушивания сочинений в Союзе, депутатского приема, участия в заседании Всемирного совета мира. Зная его обязательность, зная, что, если он обещал, сделает, его не всегда берегли. Сегодня вспоминаешь об этом с горьким сожалением: наверно, немало было отнято

у Шостаковича часов, которые он мог бы посвятить музыке. Впрочем, не такой это был человек, у которого можно было что-нибудь отнять; возможность же реально помогать людям — советом, консультацией, а если надо, и более практически — материальным способом,— была его врожденной потребностью, его, если так можно выразиться, социальным инстинктом».

Тут хотелось бы поподробнее.

В киноархивах мне постоянно попадались кадры, где они рядом, вместе, бок о бок — Хренников и Шостакович. Вот они на открытии памятника Чайковскому в Москве, вот на съезде композиторов — Хренников на трибуне, Шостакович — в зале, вот Шостакович в президиуме в Кремлевском зале рядом с Хренниковым, встреча с Б. Бриттеном — и здесь они вместе встречают английского гостя, вот оба на палубе парохода в Горьком в дни фестиваля, посвященного современной музыке, — рядом Г. Вишневская. Вот по очереди подписывают приветствие Сталину к юбилею вождя, вот Хренников вручает Шостаковичу «Премию мира»...

В конце концов у меня возникла мысль сделать фильм «Шостакович, Хренников — парный портрет». Фильм я не сделала, но без фигуры Хренникова, в течение десятилетий постоянно присутствующего или находящегося рядом, портрет Шостаковича был бы неполным.

Так случилось, что мой самый первый фильм я снимала по заданию редакции о Первом фортепианном концерте Т. Хренникова.

Утром мы приехали в Союз композиторов, где в своем кабинете, по идее сценария, Тихон Николаевич репетирует свой концерт. В окно светило солнце, он разыгрывался, бросив в сторону: «Как будто дома играть не на чем...»

Первый фортепианный концерт был сочинен юным Хренниковым, приехавшим в Москву из провинции, еще в консерватории, перед войной и говорит о большом даровании музыканта и надеждах, которые он подавал.

И когда вскоре Хренников написал слабую оперу, Шостакович с горечью и со всей прямотой пишет их общему знакомому, П. Маркову: **Конечно, мне давно следовало сказать тебе все, что я думаю о тебе, как о деятеле искусства. Лучше это было сказать тебе лично, нежели Тихону... Правда у меня вырвалась из-за большого огорчения, которое доставил мне Тихон Хренников своей очень плохой оперой. И я, пытаясь понять, почему так получилось, что композитор,**

обладающий выдающимся талантом, написал дерьмо, пришел к мысли, что тут не без влияния, и очень дурного влияния. Очевидно, влиял ты. Т. к. я вообще замечал в тебе дурную услужливость в течение всего нашего с тобой знакомства. Ты человек способный, звезд с неба не хватающий. Таланта и подлинного творческого пафоса у тебя нет, из-за отсутствия таланта. Но нюх у тебя хороший. Ты хорошо чуешь, где пахнет жареным и каким образом это жареное можно оттяпать без особых забот и хлопот. В числе посредников между тобой и жареным были Афиногенов, Корнейчук, Дзержинский, Хренников и я...

P.S. Не думай, пожалуйста, что я тебя считаю конченым человеком для искусства. Нет, наоборот, при твоей культуре, твоих знаниях и способностях ты можешь делать хорошие вещи. Больше смелости и самостоятельности и долой приспособленчество, подхалимство и лакейскую рабскую угодливость. *(28 сентября 1939 г.)*

Вскоре Т.Н. Хренников стал Первым секретарем Союза советских композиторов.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ Т.Н. ХРЕННИКОВА РАЗНЫХ ЛЕТ

Из доклада на I съезде композиторов (1948 год) по поводу музыки Шостаковича, Прокофьева и Хачатуряна: «Характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением “прогресса” и “новаторства” в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик».

С. Прокофьев тогда написал Хренникову письмо, где отвергал обвинение в «формализме», но признавал, что его прежние отклонения вызваны иностранными влияниями. Его сердце не выдержало — через четыре года он умер. Шебалина хватил инсульт. Шостакович был близок к самоубийству.

Хренников потом не раз с гордостью говорил, что из Союза композиторов в его бытность руководителем Союза никто не был расстрелян или уничтожен. Физически — да, но как забыть шедшего по улице уже

старого рыдающего Хачатуряна — встреченному знакомому он сказал: «Какую музыку я мог бы написать, если бы не эти постановления, если бы не эта травля».

Из доклада Т. Хренникова: «...влияние формализма отчетливо заметно среди молодых композиторов, особенно студентов Московской консерватории, и это, очевидно, связано с тем фактом, что в ней обучают такие "формалисты", как Шостакович...» *(журнал «Советская музыка», 1948 г., № 1, с. 54–62)*

На лекции «Против формалистического направления в советской музыке», прочитанной Хренниковым в Политехническом музее 3 марта 1948 года, назвав обе оперы Шостаковича, «Нос» и «Леди Макбет», «порочными», он сообщает аудитории, что «формалистический характер музыки особенно ярко сказался в Восьмой, Девятой симфониях и 2-й фортепианной сонате Шостаковича...

Формалистические извращения ярко проявляются и в воспитании композиторской молодежи в консерваториях, в первую очередь — московской. Это нельзя не связать с тем, что некоторые из упомянутых в решении ЦК ВКП (б) композиторов, представители формалистического направления (Шостакович, Шебалин, Мясковский), являются профессорами консерватории...»

Вскоре Шостакович был уволен из Московской консерватории.

Через несколько десятилетий тот же Хренников, бессменный руководитель советских композиторов, скажет, что «даже те, кто никогда не видел Дмитрия Дмитриевича и не общался с ним, могут по праву считать себя его учениками... сколь неисчерпаемо богата была душа Мастера, если ее хватало на столь различные индивидуальности!

Если бы каким-нибудь чудом удалось сейчас составить "творческий хронограф" его жизни, мы увидели бы воочию, как много сил и внимания уделял он молодым музыкантам, как много сделал для их художественного становления...»

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ СЕКЦИИ КОМИТЕТА ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ 1 АПРЕЛЯ 1954 ГОДА

Председательствовал Т.Н. Хренников.

Т.Н. Хренников. Нам нужно решить сегодня вопрос о Шостаковиче. Выдвинуто три произведения — 10-я симфония, прелюдии и фуги и кантата.

Я присоединяюсь к тем товарищам, которые резко критикуют эту симфонию. Мне кажется, это произведение весьма далеко от идеалов советской музыки. Я бы сказал даже, что не только далеко, но даже про-

тиворечит идеалам советской музыки и идеалам великих традиций русской музыки, в частности...

Некоторые товарищи говорят о том, что это очень значительное произведение по своему философскому содержанию, что это произведение трагедийного замысла, трагедийное сочинение. Мне представляется, что герой этого произведения какой-то перепуганный интеллигент, который боится жизни. Жизнь ему представляется каким-то страшным кошмаром, от этого он кричит, вопит, потому что симфония наполнена невропатическими спазмами, и ему все окружающее представляется в каком-то таком свете, из которого даже выхода не существует, и отдельные просветления, которые есть в этой музыке, и то какого-то инфантильного порядка. Говорят, что в симфонии есть элемент трагического, вот человек воспринимает окружение и т.д. Как все советские люди воспринимают это окружение? Мы все отдаем себе отчет, что нас окружают эти темные силы, но мы в будущее смотрим с большой надеждой, с радостным ощущением этого будущего, потому что силы передовые, прогрессивные, несомненно, сильнее этих темных сил. И такая трактовка восприятия жизни может только быть у перепуганного интеллигентика, который всего боится и который не видит происходящих вокруг него событий. И эта симфония никак не может являться отражением нашей действительности, а это кривое зеркало нашей действительности.

Мне вспомнились горьковские герои, люди, которые боролись за нашу жизнь, которые свои жизни отдали за нее. Человек идет на смерть с ликованием, с бодростью, с такими оптимистическими чувствами, которые только и могут быть у людей, охваченных настоящим патриотизмом и ощущением жизни и правильной перспективой человеческой жизни. Вот какая трагическая ситуация. Вот как настоящие люди воспринимают жизнь.

Поэтому пустые слова, когда говорят, что художник имеет право на трагическое, надо смотреть, какое трагическое.

Поэтому лично для меня содержание этого произведения является ущербным, слабым. Язык этого сочинения мне тоже представляется не особенно приемлемым.

Скажем, взять тематический материал, все-таки мы привыкли, что в основе крупных симфонических произведений лежат образы, которые являются эмблемой и эмбрионом содержания всего произведения. В этой же симфонии нет ничего такого, что привлекало бы ваше внимание. Все эти мотивы, импульсы, а потому и тематический материал прибеднен, и само содержание, бедное содержание, и вся эта невропа-

тическая музыка, которая имеется там, — я так воспринял эту симфонию, — является абсолютно неприемлемой и далекой от моих идеалов и идеалов советской музыки.

А вот что он же говорил десятилетия спустя: «Я думаю, кстати, что Шостакович прекрасно сознавал силу и масштаб своего таланта — как сознавали это Бетховен, Пушкин, Чайковский. Вероятно, легендарная самоотверженность Дмитрия Дмитриевича в творческой работе, его никогда не угасавшая жадная страсть к сочинительству отчасти объяснялась этим сознанием. И все, написанное им — от ранних фортепианных пьес до Альтовой сонаты, — поражает безусловной принадлежностью гению...

В нем есть буквально все: героическая патетика, восходящая к музыке революционных митингов, а также к Малеру и далее — к Бетховену; монументальные трагедийно-эпические полотна, в которых ощутимы веянья Мусоргского; строгость торжественных хоралов и драматических фуг, не уступающая могучей кисти старых мастеров-полифонистов; хрупкая лирика, оттененная гротесковым уличным мотивом в духе иных страниц Стравинского или Берга. Но главное в искусстве Шостаковича — это сам Шостакович, его неповторимый голос, его творческие откровения, вызванные им к жизни правдивые художественные образы, запечатлевшие летопись нашего времени и нашей Родины».

Но этих слов Хренникова Шостакович уже не услышал — его не было в живых.

Из записок секретаря З.А. Гаямовой: «...2 апреля должен был приехать Д.Д. Мы получили от него телеграмму. Надо сказать, что в этот же день в “Правде” появился подвал за подписью Хренникова, в котором он явно проводил мысль о творчестве Д.Д., подвергая его творчество завуалированной критике, критике уничтожающей. Эта статья произвела сильное впечатление и подняла целую бурю среди людей, любящих и болеющих за искусство. Начались бесконечные звонки, встречи с людьми, которые были оскорблены за Д.Д. и возмущались этой статьей .<...>

В пять часов Д.Д. позвонил из ЦК Поликарпов, пригласив его к себе на 19-е на 10 часов. Звонок взволновал его ужасно. Он больше всего, видимо, не хочет того, что Поликарпов будет пытаться “примирить его с Хренниковым”. Уж слишком много он причинил ему зла. Д.Д. как-то мне рассказывал, что в 1948 году, после постановления, Д.Д. предложили написать музыку к какому-то кинофильму. Так Хренников написал Большакову, министру культуры, письмо с протестом, чтоб Шостако-

вичу не заказывали писать музыку, но Большаков обратился в высокие инстанции, и там сказали — не запрещать. “Ведь он хотел, чтобы я умер с голоду”, — повторял Д.Д.

Мы долго обсуждали приезд Хренникова к Д.Д., думали, может позвонить и сказать, что он заболел. Но все это было отвергнуто, и я сказала, что поздно, эта встреча неминуема. Д.Д. плохо завтракал, нервничал. В 2 ч. приехал Хренников. Я ушла, чтобы не смущать Д.Д., в коридор, оказалось, что оттуда все слышно, и получила полное удовольствие. Хренников, как провинившийся мальчишка, начал с того, что уговаривал Д.Д. делать доклад на съезде. На это Д.Д. говорил, что это еще далеко, что он не умеет говорить и что на это у него нет таланта.

Хренников говорил, сбиваясь, торопясь, путаясь, о том, что есть люди, которые сеют вражду между ними, распространяют слухи. “Д.Д., я преисполнен к вам глубочайшего уважения, восхищения и любви...” Д.Д. старался отвести разговор на другую тему, но он опять перебивал и опять доказывал, как он высоко ценит Д.Д., восхищается и восторгается.

Когда он уехал, мне показалось, что Д.Д. даже был чем-то удовлетворен. Во всяком случае, не расстроен».

Хренников был не только главным партийным критиком музыки Шостаковича, но и главным поздравителем и вручателем наград.

На юбилеях Шостаковича от Союза композиторов поздравлял тоже Хренников, еще недавно злобно и мстительно выступавший против сочинений Шостаковича. Он же иногда вручал Шостаковичу премии.

Несколько десятилетий они были рядом — встречались, работали вместе в Союзе композиторов, открывали памятники, сидели в президиумах, вместе старились — но какая разная судьба.

12 февраля 1974 г.

Уважаемый тов. Гульбис!

Искренне сочувствую Вам, поскольку те трудности, о которых Вы пишете в письме, действительно немалые, они осложняют жизнь и мешают работать.

Вы просите похлопотать о Вас в Рижском оперном театре. К сожалению, мне трудно это сделать. Я мало знаю Вас как музыканта и человека. Кроме того, вопросы назначения на работу совершенно не входят в мою компетенцию. Боюсь, что по этой причине моя рекомендация была бы пустой формальностью для лиц и учреждений, от которых зависит назначение.

Прошу извинить за то, что вынужден отказать в Вашей просьбе.

Д. Шостакович.

24 февраля 1974 г.

Центральный комитет профсоюза рабочих
лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности
тов. Беликову Б.А.

Уважаемый Борис Александрович!

Ко мне обратилась тов. Яковлева О.Ф., которая работает в Волгоградском леспромхозе № 2 управления «Стройиндустрия». Леспромхоз этот в с. Валки Лысковского района Горьковской области.

Тов. Яковлева жалуется на отрицательное отношение к ней со стороны администрации, которая, перемещая тов. Яковлеву с должности на должность, стремится от нее избавиться в отместку за критическую позицию. Тов. Яковлева сообщает о непорядках, которые имеются в делах леспромхоза.

Пересылаю Вам письмо тов. Яковлевой и прошу объективно разобраться в фактах, изложенных в письме тов. Яковлевой, и восстановить права работника в случае, если они ущемляются администрацией. О результатах прошу мне сообщить.

Д. Шостакович.

24 февраля 1974 г.

Председателю Горьковского облисполкома
тов. Семенову В.И.

Уважаемый Василий Иванович!

Обращаюсь к Вам по поводу строительства здания для редакции и типографии гагинской газеты «Голос колхозника».

Это строительство велось с 1970 г. В настоящее время оно приостановлено. Условия, в которых приходится выпускать газету, явно не соответствуют ежегодному объему печатной продукции и росту тиража газеты. Редакция и типография помещаются в деревянном здании, тесном для размещения необходимого оборудования.

Прошу Вас рассмотреть вопрос о продолжении начатого строительства, выделении для этого необходимых средств и включении объекта в титульный список по «Волговятстрою».

Д. Шостакович.

14 марта 1974 г.

Горьковская область, Гагинский р-н, село Гагино,
редакция газеты «Голос колхозника»
редактору тов. Семакову

Уважаемый тов. Семаков!

Мною получено письмо Заместителя председателя исполкома Горьковского областного совета депутатов трудящихся тов. Ананьина. Сообщаю Вам его содержание:

«...строительство редакции типографии газеты «Голос колхозника» в с. Гагино прекращено в связи с тем, что Госплан РСФСР не выделил области на 1974 год лимитов на строительство районных типографий.

При выделении указанных лимитов строительство типографии будет продолжено».

Д. Шостакович.

✉ *Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич. Извините за беспокойство, вот уже второй год я обращаюсь к Вам с просьбой помочь приобрести автомобиль ГАЗ-24, который хочу приобрести в память о своем отце, который строил этот завод и погиб под Ленинградом в Отечественную войну, и вот уже несколько лет подряд прошу, но все безрезультатно, один ответ нет ресурсов, так неужели нельзя продать за все эти годы, миллионы выпущенных автомобилей — один. В память об отце-строителе и сыну-рабочему. Прошу Вас, Дмитрий Дмитриевич, как депутата Верховного совета, походатайствуйте перед председателем Совета министров товарищем Косыгиным Алексеем Николаевичем, может быть, сбудутся слова гуманизма депутат слуга народа. Извините.*

Желаю Вам, Дмитрий Дмитриевич, больших успехов в Вашем благородном творческом труде. Извините за неграмотность, без отца я ее в тех условиях жизни получить не мог.

Кунтенков В.Н.

Да, это тот самый Кунтенков, переписку с которым, а также с торгующими организациями, министром торговли по поводу покупки автомобиля для своего избирателя Шостакович вел уже второй год. И все безрезультатно.

✉ *26 февраля 1974 г.*

Коллектив избирателей Салганского отделения «Сельхозтехника» просит Вас вместе с нами ходатайствовать перед Председателем Совета Министров тов. Косыгиным о выделении лучшему работнику Кунтенкову Владимиру Николаевичу автомашину ГАЗ-24 нашему лучшему производственнику, ударнику коммунистического труда Кунтенкову Владимиру Николаевичу.

Данный товарищ является ударником коммунистического труда, в течение многих лет перевыполняет все производственные задания, не-

однократно награждался почетными грамотами Районного Исполнительного комитета депутатов трудящихся, Райкома партии, Райкома Союза и медалями.

Управляющий Салганского отделения «Сельхозтехника» Умницын.

Председатель Рабочего комитета Кочедыкова.

Секретарь п/организации Момин.

22 февраля 1974 г.

Ленинград.

Обком КПСС

Секретарю Обкома тов. З.А. Кругловой

Уважаемая Зинаида Михайловна!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой об оказании помощи Ленинградскому музыкальному училищу им. М.П. Мусоргского. Это училище является одним из замечательных учебных заведений нашей страны. Оно выпустило из своих стен много отличных музыкантов и сейчас образцово ведет дело подготовки молодых специалистов.

В то же время условия, в которых училище работает, оставляют желать много лучшего. Училище имеет площадь в два с половиной раза меньшую, чем это необходимо по контингенту и учебным нуждам. Училище лишено кабинетов звукозаписи, музлитературы, истории, не имеет физкультурного зала. Из-за отсутствия помещения библиотека не может пополнить свои фонды. Буфет по своим размерам не соответствует санитарным нормам. Многие помещения училища, как это подтверждают акты районной санэпидемстанции, непригодны для занятий.

Дирекция училища неоднократно обращалась в различные советские и партийные организации с просьбой о предоставлении необходимого помещения. К сожалению, вопрос не решен до сих пор. Уважаемая Зинаида Михайловна, убедительно прошу Вас оказать содействие в решении этой жизненно важной для училища проблемы.

Д. Шостакович.

✉ *...Прошу Вас, умоляю, не останьтесь глухи к моей просьбе, только на Вас вся надежда.*

К сему Моряшова.

20 марта 1974 г.

Завод имени Петровского, директору тов. Вязьмину В.Н.

в Партком и Местком завода

Уважаемые товарищи!

Ко мне обратилась избирательница Моряшова Валентина Александровна, которая работает в филиале вашего завода вязальщицей схемы жгутов. Из 33 лет ее трудового стажа — 25 она проработала на вашем заводе.

В.А. Моряшова проживает по ул. Минина, д. 11, кв. 3 в сырой неотапливаемой комнате. Такие условия пагубно сказываются на состоянии ее здоровья, уже подорванного профессиональным заболеванием. В настоящее время В.А. Моряшова могла бы уже выйти на пенсию, но отдых, который она заслужила, немыслим в тех жилищных условиях, которые описаны в ее письме.

Убедительно прошу вас рассмотреть вопрос о предоставлении жилплощади В.А. Моряшовой в благоустроенном доме, где условия жизни отвечали бы возрасту и состоянию здоровья пожилой женщины.

О результатах прошу мне сообщить.

Д. Шостакович.

20 марта 1974 г.

Г. Горький, ул. Минина, д. 11, кв. 3, Моряшовой В.А.

Уважаемая Валентина Александровна!

По Вашему делу я обратился к директору завода, где Вы работаете, а также в партком и местком завода.

О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

Д. Шостакович.

✉ *5 апреля 1974 г.*

Ордена Трудового Красного Знамени Горьковский завод им. Г.И. Петровского

Депутату Верховного Совета СССР тов. Шостаковичу Д.Д.

На Ваше письмо от 20 марта 1974 года по вопросу улучшения жилищных условий тов. Моряшовой В.А. сообщаем следующее:

Тов. Моряшова В.А. на заводе работает с 1949 года, проживает по ул. Минина, д. 11, кв. 3 на площади 8 кв. м. без удобств. Тов. Моряшова В.А. состоит на очереди улучшения жилищных условий в цехе № 8 — вторая. Руководство завода внимательно рассмотрело заявление тов. Моряшовой В.А. и решило, в связи с тяжелым положение на заводе с жильем, улучшить жилищные условия тов. Моряшовой В.А. в порядке установления очереди.

Директор завода Вязьмин В.Н.

Председатель завкома Иванушков В.И.

24 марта 1974 г.

Начальнику Жилищно-эксплуатационной конторы

Ко мне обратилась избирательница тов. Александрова М.М., бывшая работница завода «Красное Сормово». Она просит оказать содействие в обмене ее жилплощади (две смежные комнаты) на квартиру из двух изолированных комнат. Оба дома находятся в ведении завода.

Тов. Александрова крайне заинтересована в обмене, поскольку в смежных комнатах затруднительно жить двум семьям — ее сына и дочери. Также заинтересована в обмене и другая сторона. Таким образом, обмен, разрешить который я убедительно прошу, улучшит жилищные условия сразу трем семьям.

О решении вопроса прошу мне сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *26 марта 1974 г.*

Москва, Кремль, Верховный Совет СССР

Депутату Верховного Совета СССР композитору Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу

от врача-окулиста городской больницы № 39 Андриановой Эльвиры Андреевны, проживающей, г. Горький, Московский р-он, Московское шоссе, 205, кв. 18.

В декабре 1973 года в соседнюю комнату со мной в общей квартире без моего согласия по обмену въехала Мякинина-Баландина больная сифилисом. В квартире пьяные оргии, скандалы, драки. Я мать-одиночка с ребенком 2,5 лет в такой обстановке жить не могу. Обращалась в г. Горьком за помощью, но помощи не добилась, вынуждена писать Вам с просьбой расселить нас.

Наша квартира на 2-х квартиросъемщиков: в одной комнате 18 м. кв. проживаю я с дочерью 2,5 лет, в другой комнате 11 м.кв. соседка. В первый же день соседка устроила безобразную пьянку, оргию с привлечением большого числа молодежи. Они брали и разбили мою посуду, стоящую на общей кухне, мое полотенце, разбили окно в коридоре, дрались. Когда я пришла домой, все гости валялись в коридоре и у нее в комнате на полу в пьяном виде, мне невозможно было пройти к себе в комнату, на кухню, молодежь в нетрезвом виде приставали ко мне. 12/XII я письменно обращалась к начальнику милиции Московского р-на, прокурору Московского р-на, участковому инспектору товарищу Емелину с просьбой задержать прописку, разобраться, что за люди въезжают в мою квартиру, прописка была задержана.

Узнав о том, что я обращалась в милицию, соседка похабно обозвала меня и пригрозила избить, после чего была вызвана в милицию и на нее был наложен штраф.

Я работаю врачом-окулистом с 1956 года, 10 лет в нейрохирургическом отделении, трудовой стаж 17 лет, горьковчанка, мне 42 года. В настоящее время вынуждена отправить дочь к бабушке, а сама на свой страх и риск ночую в комнате.

Как рассказал участковый терапевт, проживавший с ней по соседству, она пьяница, развратница, ее брат и приятели раздевали прохожих, а с него сняли часы.

У нас общая кухня, ванна, она продолжает брать мою посуду, ее посещают многочисленные знакомые, они нецензурно ругаются. Знакомые у нее подобные ей, один брат отбывает тюремное наказание, другой брат все время посещающий нашу квартиру недавно вышел из тюрьмы.

Я разменяваюсь 4 месяца, но с ними никто не желает жить.

Я в ужасном, опасном положении, одинокая с маленьким ребенком. Жить не могу здесь, бросать работу и искать другую с предоставлением жилья не имею права, я специалист нейроофтальмолог, единственный в городе с таким нейроофтальмологическим стажем.

Как мне быть, куда мне деваться. Ответ прошу направить в адрес моих родителей, потому что письмо может до меня не дойти.

Горький 603118 Ленинский район, ул. Снежная, дом 25, кв. 84.

Андриановой Эльвире Андреевне.

С глубоким уважением к Вам Андрианова.

22 апреля 1974 г.

Горький 603118, Ленинский район, Снежная ул., д. 25, кв. 84

Э.А. Андриановой

Уважаемая Эльвира Андреевна!

Из крайне затруднительного положения, в котором Вы оказались, имеются только два выхода: обмен жилплощади или административные меры воздействия на гр. Мякинину-Валандину.

К сожалению, я не могу помочь Вам в обмене (Вы сами должны найти желающих поменять жилплощадь), не могу также поставить вопрос о выселении Вашей соседки, поскольку это дело народного суда. Однако мне искренне хотелось бы быть Вам полезным. Если наметится какое-либо другое решение (возможность предоставления жилплощади из городского фонда, ведомственной площади или вступление в жилищный кооператив), то я с готовностью поддержу Ваше ходатайство по этому поводу.

Д.Д. Шостакович.

✉ *27 марта 1974 г.*

Депутату Верховного Совета СССР
тов. Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу
г. Москва К-9, ул. Нежданова, д. 8/10
от участника Великой Отечественной войны,
рабочего Объединения «Сельхозтехника»,
Ушицына Павла Семеновича,
проживающего: г. Сергач Горьковской обл.

Дорогой Дмитрий Дмитриевич!

Прошу прощения, что отнимаю драгоценное время. В июле 1973 г. я просил Вас помочь мне в приобретении мотоцикла «Урал», который необходим мне для сбора лекарственных трав.

По Вашему ходатайству Горьковский облпотребсоюз сообщил мне 3 августа 1973 года (№ ОТК 810), что мотоцикл будет продан в IV квартале 1973 года.

И вот я хочу сообщить Вам, что правление потребсоюза не выполняет данного Вам слова. До сего дня мотоцикл мне не выделяется, и даже на посланных моих три письма ответственные товарищи не отвечают.

Приходит новый сезон сбора лекарственных трав. Я очень прошу Вас помочь мне довести дело до доброго результата.

Напишите, пожалуйста, товарищам из Горьковского облпотребсоюза об их долге перед гражданами, коль дали они когда-то слово.

С глубоким искренним уважением, П. Ушицын.

Райпотребсоюз Горьковский областной
Союз потребительских обществ «Облпотребсоюз»
Правление
Уважаемые товарищи!

В письме (№ ОТК-8-10) от 3 августа 1973 г. тов. Шляпников сообщил мне, что просьба о продаже мотоцикла «Урал» моему избирателю тов. Ушицыну П.С. будет удовлетворена в IV квартале 1973 г. Однако это обещание не было выполнено.

Убедительно прошу Правление помочь тов. Ушицыну П.С.

С уважением Д. Шостакович.

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

=РЕШЕНИЕМ СОБРАНИЯ КОЛХОЗНИКОВ КОЛХОЗА ИМЕНИ КОМИНТЕРНА КРАСНОЧЕТАЙСКОГО РАЙОНА ЧУВ АССР ВЫ ЗПТ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗПТ ЕДИНОДУШНО ВЫДВИНУТЫ КАНДИДАТОМ

В ДЕПУТАТЫ ПО ЯДРИНСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ 689 ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТЧК ПРОСИМ ДАТЬ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ ПО ДАННОМУ ОКРУГУ= ОТ ИМЕНИ СОБРАНИЯ КОЛХОЗНИКОВ ПРИЗИДИУМ СОБРАНИЯ 26 АПРЕЛЯ 1974 ГОДА=

✉ *8 мая 1974 г.*

Здравствуйте, многоуважаемые и дорогие Дмитрий Дмитриевич и Ирина Антоновна!

Примите сердечный привет от учителей нашей школы и колхозников колхоза «Заветы Ильича».

Нас, агитаторов, теперь спрашивают, приедет ли товарищ Шостакович к нам на встречу. Мы им отвечаем утвердительно.

В колхозе у нас замечательный (по нашим сельским масштабам) Дворец культуры на 350 мест. На сцене может разместиться симфонический оркестр среднего состава. Если приедете, наши люди с радостью Вас примут, а теперь уже ожидают встречи с Вами.

По имеющимся у меня материалам о Вас подготовил выступление к окружному собранию. Может быть, там есть ошибки и неточности, за это прошу простить. Посылаю экземпляр текста выступления.

Желаю Вам всего доброго, здоровья крепкого, новых творческих успехов. Приезжайте в наш колхоз, в город Ядрин вместе с Ириной Антоновной.

Всего хорошего!

Наш адрес: 429064 Чуваш. АССР, Ядринский район, деревня Кукшумы.

П. Григорьев.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОКРУЖНОМ СОВЕЩАНИИ 689 ЯДРИНСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Дорогие товарищи, с чувством большой ответственности, с деловым волнением подходит наша Отчизна к большому празднику — к выборам в Верховный Совет СССР.

Кажется недавно, 14 июня 1970 г. мы избрали ныне работающий Верховный Совет СССР 8 созыва. Уже 4 года проходят, оставляя в истории новые города и гигантские стройки, рекордные урожаи, новые достижения в области культуры и благосостояния людей нашей многоязычной разноликой братской нерушимой семьи дружных народов СССР.

Каждый уголок нашей Родины радует сердце труженика. Взять, например, родной колхоз «Заветы Ильича». Это высокомеханизированное

рядовое хозяйство. Борется за большой хлеб, за 25 центнеров зерна, 200 центнеров картофеля с гектара. Здесь около 60 автомашин и тракторов, на его фермах сотни голов крупного рогатого скота, десятков тысяч кур. Колхоз имеет около 200 гектаров культурных пастбищ, улучшает агротехнику, внедряет достижения сельскохозяйственной науки в практику. За высокие показатели колхоз «Заветы Ильича» в 1973 г. был удостоен второй денежной премии министерства сельского хозяйства РСФСР.

Заботой партии и правительства созданы все условия для труда и отдыха. В этом году в нашем колхозе открыт замечательный дворец культуры на 300 мест. Колхозники стремятся сочетать ударный труд с активным отдыхом, жить вместе с прекрасным, с искусством.

Предложение выдвинуть кандидатом в депутаты Совета национальностей Верховного Совета СССР по Ядринскому избирательному округу № 689 Дмитрия Дмитриевича Шостаковича было встречено в нашем колхозе с радостью.

Да это и понятно. Имя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича значится в ряду крупнейших музыкантов мира, деятелей искусства, борцов за мир.

Дмитрий Шостакович родился в 1906 г. в г. Петербурге в семье инженера, в России тогда была 1-ая русская революция. Рано обнаружились в нем музыкальные способности и стремление проявить себя искусству.

Константин Федин, советский писатель, увидевший мальчика Митю, прослушав его игру на фортепьяно, был поражен и написал, что когда слушаешь, так переживаешь, будто перед тобой целый театр, где все очевидно до слез и смеха.

Прозорливые педагоги заметили в мальчике большие способности.

Шостаковичу 13 лет. Он уже студент Петроградской консерватории, учится у выдающегося композитора Глазунова и педагога Штейнберга.

В годы гражданской войны семья жила в нужде. Гремели залпы войны, рыскали белогвардейцы и их подпевалы. Шостакович себе выбирает путь под алыми знаменами революции, встает на трудный путь борьбы за новую жизнь, за социализм.

Первые сочинения 16-летнего Дмитрия «Три фантастических танца» были напечатаны. Их и теперь играют будущие музыканты в училищах и консерваториях.

В истории известно немало случаев раннего раскрытия таланта выдающихся людей, как в 19 лет Д. Шостакович создал 1-ую симфонию — дипломную работу к окончанию консерватории. Последовали

сразу же успех и признание, потому что мелодии и аккорды симфонии, тонкие ньюансы, чувство шага жизни взволновали сердца слушателей.

Начинается неустанная, кропотливая и терпеливая жизнь в музыке как композитора и пианиста.

В 1927 году в Варшаве состоялся 1-ый международный конкурс пианистов. Там советское молодое искусство представлял и Дмитрий Шостакович. В этот год юбилея 10-ой годовщины Великой Октябрьской революции он завоевал Почетный диплом.

И в последующие годы он занят успешной творческой работой. Различные жанры, инструменты, исполнители получают новые произведения от композитора. Создается опера «Нос» по Н. Гоголю, «Леди Макбет из Мценского уезда» («Катерина Измайлова») по Лескову, 3 балета, 24 фортепьянных прелюдий.

В театрах великий Шекспир доносится до слушателя и зрителя с музыкой Шостаковича к трагедии «Гамлет».

Советское кино начинает свою историю. Как можно остаться в стороне? Дмитрий Дмитриевич там нужен. Фильмы «Выборгская сторона», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Подруги», «Встречный» вышли с его музыкальным оформлением. И теперь, наверное, нет людей, не знающих песен из этих фильмов.

В середине тридцатых годов он создает 5 симфонию. Она отражает зрелость композитора. В ней много трагических переживаний, мучительных раздумий, сомнений. Когда наступает финал, по словам Алексея Толстого, зал охватывает чувство радости и счастья.

В 1939 г. написана 6 симфония, музыка к кинофильму «Человек с ружьем».

В творческих планах Шостаковича созрела идея создания монументальной симфонии о Владимире Ильиче Ленине, но грянула проклятая война. Война! Композитор в городе Ленина. Во время бомбежек Ленинграда в одежде пожарника дежурит на крышах домов, в короткие моменты затишья пишет музыку. Так из большого пережитого возникла легендарная 7-ая симфония. Она в труднейших условиях в Ленинграде в марте 1942 г., вдумайтесь, товарищи! Музыкантами-энтузиастами-фронтовиками была исполнена впервые.

Симфония вселяла ненависть к гитлеровским извергам, фашистским выродкам, уверенность в победе, окрыляла надежду в солдатах и матросах.

В 1943 г. еще одна, восьмая симфония была закончена.

«Подлинная культура всегда служит миру, — говорит композитор. — Чем больше книг, созданных в разных странах, прочитает человек, чем

больше симфоний прослушает, чем больше фильмов и картин увидит, тем яснее ему станет великая ценность нашей культуры, тем большим преступлением покажется ему война».

Настали мирные послевоенные годы, а наш дорогой уже всеми любимый композитор Д.Д. Шостакович в авангарде борьбы за мир. Свою 10-ую симфонию посвящает теме мира. На экранах появляется фильм «Встреча на Эльбе» с его музыкой.

В 1954 г. Д.Д. Шостакович удостоен международной премии мира. В послевоенные годы им написаны фортепьянные концерты, произведения для скрипки и виолончели, оратории. «Песнь о лесах», «Над Родиной нашей солнце сияет» — кантата, хоровые произведения, фуги, романсы, музыка к новым кинофильмам: «Падение Берлина», «Овод», «Златые горы», «Молодая гвардия», «Мичурин», «Гамлет», «Карл Маркс» и другие.

В 1957 г. его симфония высоко оценена народом и удостоена Ленинской премии.

В 1961 г. осуществилась его прерванная войной мечта, была написана 12 симфония, посвященная великому Октябрю и его вождю В.И. Ленину.

Имя его известно всему миру, университеты зарубежных стран ему присваивают почетные звания. Шостакович бывает представителем советской музыки в зарубежных странах в Болгарии, США, Дании и многих странах.

Советское правительство и Коммунистическая партия высоко оценивают труд Д.Д. Шостаковича. Ему присвоено звание народного артиста СССР, он награжден 3-мя орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, 7 раз удостоен Государственной и Ленинской премий.

Д.Д. Шостакович беспокойный человек, человек поиска, выдающийся композитор, прекрасный пианист, общественный деятель, педагог, вырастивший много славных последователей. Он один из самых выдающихся творцов музыки современности.

Каждый человек, особенно имеющий какое-нибудь отношение к выборам в Верховный Совет СССР по нашему 689 избирательному округу, гордится нашим кандидатом Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

Выражаю полную уверенность в том, что каждый из присутствующих здесь сделает все, чтобы наши избиратели отдали свои голоса за Дмитрия Дмитриевича Шостаковича — достойного человека. Надеюсь на встречу с ним в нашей республике, в которой нашему кандидату до сих пор бывать не приходилось.

Товарищи, проведем агитационную кампанию на высоком уровне!

Да здравствует нерушимый блок коммунистов и беспартийных!
Доверенный по Ойкасинскому избирательному округу № 45,
директор Кукшумской 8-л. школы Ядринского р-на.
П.А. Григорьев.
7 мая 1974 г.

13 мая 1974 г.

Председателю Исполкома Горсовета г. Арзамаса
Горьковской области
тов. Стырову И.И.

Уважаемый Иван Иванович!

Ко мне обратилась избирательница Усимова Людмила Борисовна, проживающая с 3-летним сыном на служебной площади Арзамасского городского отдела коммунального хозяйства по адресу: ул. Гагарина, д. 10, кв. 1. Ее бывший муж, Усимов Ю.М., бывший сантехник домоуправления в июне 1973 г. оставил семью, вскоре уволился с работы, написав заявление о сдаче площади домоуправлению, и уехал из города. Управляющий домами тов. Суслов потребовал освобождения служебной площади в соответствии с законом. А так как Л.Б. Усимовой с сыном выехать некуда, дело дошло до административного выселения, на что 28 февраля с.г. дана санкция и.о. городского прокурора младшим советником юстиции Челышевым. Срок ее исполнения истекает 15 мая с.г.

Уважаемый Иван Иванович, убедительно прошу Вас совместно руководством завода радиодеталей, где Л.Б. Усимова работает контролером ОТК, рассмотреть вопрос о внеочередном предоставлении жилплощади женщине, которая осталась одна с ребенком на руках и находится в безвыходном положении.

О Вашем решении прошу мне сообщить.

Д.Д. Шостакович.

Шостакович пишет другу: **У меня опять плохо работает правая рука. До такой степени плохо, что я начал тренировать левую руку, но пока успехи мои в этом деле ничтожны.** *(12 апреля 1974 г.)*

И все же 17 мая 1974 года он в Репине закончил сочинение Пятнадцатого квартета (ор. 144). Вскоре после того, как был написан Пятнадцатый квартет, не стало С.П. Ширинского.

В своем основном составе Квартет им. Бетховена просуществовал сорок лет. Шостакович посвятил 3-й, 4-й и 5-й квартеты всему коллективу, 11-й — памяти В.П. Ширинского, 12-й — Д.М. Цыганову, 13-й — В.В. Борисовскому, 14-й — С.П. Ширинскому, 15-й — памяти С.П. Ширинского.

«Мы все уйдем. И я уйду, и ты уйдешь, но Квартет Бетховена должен существовать всегда. И через пятьдесят лет, и через сто. Я хочу, чтобы вы не складывали оружия, чтобы по-прежнему играли все мои новые квартеты», — сказал однажды Шостакович руководителю квартета.

Из дневника И. Гликмана: «Сегодня я был у Дмитрия Дмитриевича в Репине. Мы беседовали о разных разностях. Когда мы остались вдвоем (Ирина Антоновна вышла из комнаты), Дмитрий Дмитриевич заговорил о страданиях, которые он испытывает из-за ног и рук. Когда он по этому поводу произносил отрывистые фразы, слезы блеснули у него на глазах. Затем, сдержав себя, Шостакович сказал: "Впрочем, я не люблю жалобщиков и сам не люблю жаловаться"». *(9 июня 1974 г.)*

Дочь Галина Дмитриевна: «Да, ему действительно было трудно подниматься, застегивать пуговицы, у него плохо работала рука, и ходил он очень медленно. Вспоминаю, как отец извинялся перед знакомым: "Простите, я вынужден здороваться с вами левой рукой..."

В конце 1973 года у отца обнаружили опухоль в левом легком. Помню, он вернулся из поликлиники, прилег. Я подошла к нему, он говорит: "В рентгеновском кабинете врачи меня смотрели два часа. То один врач придет, то другой..." Конечно, он догадывался, что дело плохо. Но ни с кем из близких это не обсуждал. Это был его жизненный принцип —никого не нагружать своими проблемами.

Ну что делать — пришлось ему всего этого хлебнуть в последние годы. Его много лечили, и как будто каждый раз после больницы ему становилось лучше, но потом все стало быстро ухудшаться. Он боролся, не желая подчиниться болезненному режиму, — ездил и ходил на концерты до самых последних дней. Он хотел быть в гуще событий, не желая запираться». *(Из интервью автору)*

Шостакович — Борису Тищенко: **Ваше письмо меня очень разволновало. В нем много хорошего. Но было бы гораздо лучше, если бы время, затраченное Вами на это письмо, Вы бы затратили на 5–10 страниц партитуры. Вы много пишете обо мне. Когда я читаю «Палату № 6» Чехова и когда в этой повести речь идет об Андрее Ефимовиче Ратине, то мне кажется, что я читаю мемуары обо мне. Особенно это относится к описанию приема больных, или когда он подписывает «заведомо подлый счет», или когда «мыслит»... и ко многому другому. Перечитайте «Палату № 6». Тогда «мой образ» для Вас станет ясным.**

Рука моя пишет плохо, с большим трудом. Поэтому письмо на этом заканчиваю... *(Февраль 1974 г.)*

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
ВЫБОРНАЯ ТЕЛЕГРАММА
ЯДРИНА ЧУВ 0Ч30 62 26 1910
ВЫБОРНАЯ МОСКВА СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ СОЮЗА ССР
ТОВАРИЩУ ШОСТАКОВИЧУ ДМИТРИЮ ДМИТРИЕВИЧУ
=РАДОСТЬЮ СООБЩАЕМ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ КОЛХОЗА ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА ЯДРИНСКОГО РАЙОНА ЧУВАШИИ ЕДИНОДУШНО ВЫДВИНУЛО ВАС ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАНДИДАТОМ ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ЯДРИНСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ 689 ПО ВЫБОРАМ СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ТЧК ПРОСИМ ДАТЬ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ КАНДИДАТОМ ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УКАЗАННОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ ТЧК ЖДЕМ ВАШЕГО ПРИЕЗДА =ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ=

В июне 1974 года Шостакович был избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Ядринскому избирательному округу Чувашской АССР.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Извините, пожалуйста, меня, что отрываю Вас своим маловажным письмом от больших дел, но до сих пор я не могу примириться с тем, что произошло в день выборов в Верховный Совет СССР 14 июня сего года у нас в селе Курмыше. А произошло следующее: Ко мне пришла 70-летняя старушка Черноморкина Надежда Ивановна и рассказала, что к ним в квартиру, вернее в бывшую деревенскую баню, которую она с мужем, 80-летним конюхом лесничества занимает пришел лесничий Абин Вячеслав Николаевич и предложил убираться вон из этой бани. На это конюх Черноморкин Александр Николаевич ответил, что ему нужен отпуск (которым, кстати, он не пользовался все 8 лет работы в лесничестве) чтобы отстроить свой дом, поскольку срубы стоят готовые уже несколько лет. Лесничий Абин на это ответил, что никакого отпуска не будет, пока лошади не поставлены на зимнее стойловое содержание. Конюх возразил, что зимой дом построить невозможно и в разговоре назвал лесничего на ты. Тогда лесничий Абин схватил старика за грудки, а затем за шею и начал душить и тащить его к двери приговаривая: я инженер, а ты... Видя все это жена конюха бросилась отнимать мужа и за это лесничий ударил ее так, что она ударилась об косяк двери виском и упала. От удара Абина она получила огромный синяк под глазами. Все это происходило в присутствии жителя Курмыша Бородавина А.В.

Товарищ Депутат! Меня возмутила вся история со стариками, мне кажется в нашем обществе, когда начальник избивает подчиненных, да к тому же стариков, просто ЧП, нетерпимо и меры должны быть приняты немедленно и самые строгие.

А.И. Моторин, пенсионер

ул. Революционная 32.

Когда-то Владимир Набоков никак не мог перевести с русского языка и объяснить иностранцам слово «хамство» — не находил к нему точного синонима. «Наглость», «грубость», «нахальство» не подходили, не то.

Свое объяснение попытался дать Сергей Довлатов: «Хамство тем и отличается от грубости, наглости и нахальства, что оно непобедимо, что с ним невозможно бороться, что перед ним можно только отступить... хамство есть не что иное, как грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом — умноженные на безнаказанность. Именно в безнаказанности все дело, в заведомом ощущении ненаказуемости, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву. Именно безнаказанностью своей хамство и убивает вас наповал, вам нечего ему противопоставить, кроме собственного унижения, потому что хамство — это всегда "сверху вниз", это всегда "от сильного — слабому", потому что хамство — это беспомощность одного и безнаказанность другого, потому что хамство — это неравенство».

Судя по письмам избирателей, это слово наиболее точно определяет стиль отношений в советском обществе, «где человек человеку — друг, товарищ и брат». И в постсоветском — тоже.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Извините за беспокойство, пишет Ваша избирательница с Горьковской области города Бор. Прошу Вас помочь мне вот в чем. Я не живу с мужем уже два года, а прописана у него. Сейчас он ко мне пристал с этой пропиской. Или выписывайся, или сам тебя выпишу, а в настоящий момент я проживаю у своей матери, она живет одна, у нее свой домик 24 кв.м. площадь. Мама не получает пенсию и ей, конечно, трудно жить одной, все же надо протопиться, и я хотела у нее прописаться и взять ее на свое иждивение. Но когда обратилась в горсовет за пропиской, то услышала в ответ только «нельзя». Сколько я их не уверяла, что и маме будет хорошо, и мне спокойно, но только одно «нельзя».

А переехала я только с одной улицы на другую, через несколько домов, и меня удивляет только одно. Живем мы в Советской стране, а не в Аме-

рике, и так треплют нервы, что я не могу спокойно работать, поэтому и обращаюсь к Вам с большой просьбою — помочь мне прописаться у мамы. Я ведь тоже не молода, мне 43 года, и я хочу спокойно жить и работать.

«Пушка убила феодализм. Чернила убьют нынешний Общественный Строй». (Из философских тетрадей Владимира Ильича Ленина, стр. 357, 1969 г.)

И действительно: У меня собралось уже два чемодана писем, Приглашений, Прошений, Заявлений, Ответов и т.д. и т.п. Израсходовано много бумаги и чернил. А ведь было бы куда проще: а) обмакнуть перо в чернила и б) написать одно слово р а з р е ш е н о.

Еще раз извините.

Петухова Зоя Васильевна.

Прописка была введена в Советском Союзе еще в 1922 году — для полного контроля власть хотела иметь информацию о всех жителях страны, их местонахождении и перемещениях.

С введением в 1932 году паспортной системы и «обязательной прописки паспортов» — жесткой привязки граждан к постоянному месту жительства — это становится и рычагом управления. И хотя Конституция СССР не запрещала свободного передвижения граждан внутри страны, обязательная отметка о прописке стала своего рода элементом крепостного права.

Находиться без прописки на территории СССР запрещалось. Без прописки нельзя было устроиться на работу, власти имели право отказать в прописке, в СССР были города, где прописка была ограничена.

Только в 1993 году институт прописки был заменен на регистрацию по месту жительства, что почти одно и то же.

Летом 1974 года, в канун пятисотлетия со дня рождения Микеланджело Буонарроти, Шостакович сочиняет Сюиту на его стихи.

Еще в юности, отвечая на вопросы анкеты, композитор писал: **Живопись не доходит, считаю занятием бессмысленным; пытался изучать ленинградские и московские музеи, но безуспешно; отвращает, главным образом, статичность. Долго не мог понять, почему живопись не доходит до моего сознания. Некоторое объяснение я нашел, прочитав случай, описанный Л. Толстым. Художник рисует «пейзаж». Подходит мужик и спрашивает: «Что ты делаешь?» — «Рисую». — «Что рисуешь?» — «А вот березку». — «Зачем? Ведь**

березка и так есть. Зачем ее рисовать!» У меня отчасти такой же взгляд на живопись, как у толстовского мужика. Живя однажды в Крыму, я получал громадное наслаждение от созерцанья крымской природы и того же Ай-Петри. Там же жил художник Кустодиев. Он взял, да и нарисовал Ай-Петри. Нарисовал очень хорошо. Но когда я посмотрел на Ай-Петри и на копию Ай-Петри, то мне многое стало ясно. Почему я получаю громадное наслаждение от настоящего Ай-Петри, а не от нарисованного? Да очень просто. На картине все застыло. Все мертво, статично. В природе же нету ни одного «стоячего» момента. Облака все время меняются, море шумит, ветер дует, то сильнее, то слабее, деревья колышатся — все живет, все двигается. Искусство без движенья для меня не искусство, как бы хорошо ни было схвачено сходство и так далее. Несмотря на это, я должен сказать, что получаю удовольствие от рисунков Ю. Анненкова и от удачных карикатур различных художников. Карикатуры до некоторой степени синтетичны, оттого и доставляют мне удовольствие. Все смешное и остроумное мне всегда нравится. *(9 сентября 1927 г.)*

Когда однажды в разговоре были упомянуты стихи Микеланджело, Шостакович удивился, что у Микеланджело есть стихи, и попросил достать книгу.

Я вновь и вновь обращался к образу Микаланджело, смотрел его работы, читал стихи; меня поражала многогранность его таланта, передо мной вставал не только ученый, не только художник, но и поэт. И хотя сам Микеланджело относился к своему поэтическому творчеству более чем скромно, меня потрясла красота его стихов, глубина его мыслей, простота и гениальность всего того, что сделал этот один из величайших сынов человечества. В основу моей сюиты для баса и фортепиано легли восемь сонетов и три стихотворения Микеланджело. Есть тут и лирика, и трагедия, и драма, и два восторженных панегирика в честь Данте. Названия для всех песен и романсов я позволил себе дать сам — у автора их нет, но они вытекают из содержания стихов.

«Истина», «Утро», «Любовь», «Разлука», «Гнев», «Данте», «Изгнаннику», «Творчество», «Ночь», «Смерть», «Бессмертие».

Тридцать первого июля 1974 года Шостакович завершает сочинение Сюиты на стихи Микеланджело для баса и фортепиано (ор. 145) и посвящает его Ирине Антоновне Шостакович.

Ирина Антоновна: «Когда он кончил, он меня позвал, говорит: “Иди сюда” — а я вижу, что он сидит над нотами, а я в это время что-то делала.

Говорю: “Ну что я пойду, я все равно в музыке ничего не понимаю”. Он говорит: “Ну, ты грамотная? Подойди сюда”.

Я подошла и вижу, что он написал посвящение мне. Вот так это было». *(Из интервью автору)*

Унылым сердцем больше не таю
Ни возгласов, ни вздохов, ни рыданий,
Чтоб вам явить, мадонна, гнет страданий
И смерть уж недалекую мою;
Но дабы рок потом мое служенье
Изгнать из вашей памяти не мог,
Я оставляю сердце вам в залог.

(*Микеланджело Буонарроти.*
Пер. А.М. Эфроса)

Исполняемые без перерыва, части сюиты предстают как некое целое. Обратившись к поэзии Микеланджело, Шостакович говорит о вечном: любовь, разлука, смерть и бессмертие, природа творчества, борьба и страдание, вера в могущество человека — вот темы поэзии и музыки. «Человек — мера всех вещей».

Отсвет пламенной, порывистой, трагической и великой души, освещал в музыке и портрет самого Шостаковича.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*
Жалоба

Я художник-самоучка. Мои рисунки нравились очень многим, поэтому я их распространял. Много рисунков у меня брали иностранные туристы и давали мне денежное вознаграждение в инвалюте, которую я расходовал в магазинах, где продают за валюту. Меня знакомили со статьей 88 УК, где сказано: «Купля-продажа валютных ценностей является нарушением валютных правил». Я доказывал, что не занимаюсь куплей-продажей валюты, что купля-продажа валюты — спекуляция, подрывающая финансовую систему государства, а то, что делаю я — беру вознаграждение и на него покупаю в государственном магазине на валюту, это приносит пользу государству. Со мной соглашались, но валюту отнимали до выяснения. Чтобы скомпрометировать меня, что я якобы валюту продаю, следственные органы научили попавшего валютного спекулянта показать на меня, что он купил у меня 16 долларов, и он сделал эту услугу. Суд это признал без доказательств, предположив, что была валюта и я мог ее продать. Но главным обвинением и опреде-

лением ст. 88 УК было то, что я брал вознаграждение и покупал в магазине «Березка» за валюту. Суд конфисковал отнятую у меня валюту и уничтожил одиннадцать моих рисунков, отнятых при обыске на квартире, которые демонстрировались на выставке в Ленинградском доме архитектора и вызвали большой интерес.

Я прошу защитить мой творческий труд от уничтожения, право на труд, право на распространение и право на вознаграждение.

Сергеев.

В то время в столице существовали магазины «Березка», в которых можно было покупать товары только за валюту. Но владеть валютой могли лишь немногие. Обмен же валюты, даже в ничтожных суммах, подпадал под уголовную статью — за это получали большие сроки, вплоть до расстрела.

Однако магазин с невиданными заграничными товарами притягивал, и к нему слетались, как бабочки на свет, те, кто тут же попадал в сеть следственных органов, эту валюту конфисковывавших.

Ленин еще в годы Гражданской войны приказал установить привилегированное снабжение ответственных работников, а потом включил туда и иностранцев. Это и стало началом торговой спецсети — магазинов для избранных. В примечании к информации об адресе магазина следовала приписка «население не обслуживается».

При входе в такой магазин существовал «фэйсконтроль», могли задать вопросы и даже предложить выйти вон. Для людей в стране всеобщего дефицита, лишенных возможности выехать за рубеж, попадание в такой магазин было шоком.

А что до работ художника, уничтоженных милицией, то это было дело обычное. Выставка, уничтоженная бульдозерами, — только звено в цепи. За решетку могли попасть за хранение фильма, показавшегося милицейскому начальнику порнографическим — даже если это признанная мировая классика, за хранение репродукций картин великих художников с обнаженной натурой — было немало тому примеров.

Председателю Верховного Суда СССР

тов. Л.Н. Смирнову

Многоуважаемый Лев Николаевич!

От армянских композиторов мне стало известно о тягостном деле Генриха Вачагоновича Григоряна, приговоренного к смертной казни за ранение нападающего, которое он совершил при самообороне и защите тяжело раненного брата и которое привело к смертному исходу нападавшего после операции в больнице в Ереване.

Зная обстоятельства случившегося и необъективность, допущенную при разборе происшествия, а также безупречные характеристики осужденного, прошу Вас отменить приговор и полностью пересмотреть дело в Москве, так как накаленная обстановка при разборе этого дела в Ереване не способствует справедливому и трезвому решению вопроса.

Уверенный в Вашей проницательности и чуткости,

Д.Д. Шостакович, депутат Верховного Совета Союза ССР.

✉ *19 июня 1974 г.*

Верховный Суд Союза ССР

Депутату Верховного Совета СССР

товарищу Шостаковичу Д.Д.

Москва, улица Неждановой, дом 8/10, корпус 2, кв. 23.

Дело Григоряна Г.В. в Верховном Суде СССР проверялось неоднократно.

Проверив материалы дела в третий раз и проанализировав собранные по делу доказательства, нахожу, что Григорян осужден за умышленное убийство двух лиц из хулиганских побуждений обоснованно.

Оснований для пересмотра приговора в порядке судебного надзора не имеется.

Председатель Верховного Суда СССР Л. Смирнов.

В СССР около 30 составов преступлений могли караться смертной казнью, в том числе изнасилование, взяточничество, экономические преступления.

В 1962 году было осуждено к смертной казни больше двух тысяч человек. В 1974-м — 317 человек.

В современной России последний раз смертная казнь была применена в 1996 году.

По данным последних опросов, за отмену моратория на смертную казнь сегодня выступает большинство россиян.

Депутату Верховного Совета РСФСР

Генеральному директору Горьковского объединения по производству автомобилей

тов. Киселеву И.И.

Уважаемый Иван Иванович!

Ко мне обратился мой избиратель Горшков И.Ф., рабочий Вашего завода, с просьбой ходатайствовать о предоставлении его семье освободившейся в квартире комнаты (10,5 кв. м).

Я поддерживаю его просьбу и считаю, что его длительная работа на автозаводе и то, что он состоит на учете в противотуберкулезном диспансере по поводу туберкулеза легких, дает ему право на эту площадь.

О результатах прошу сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *Дорогой мистер Шостакович!*

Я надеюсь, что Вы простите мне мою дерзость, с которой я беспокою такого занятого человека, как Вы. Зная, как ограничено Ваше время, я постараюсь быть очень кратким.

Должен Вам сказать, что имя Шостаковича так же известно в моей стране, как и в России. Национальность не имеет значения в искусстве, музыка делает братьями всех людей.

Много лет я являюсь горячим поклонником Вашей музыки. У меня много пластинок с Вашими произведениями, в том числе фортепианные пьесы в Вашем исполнении. Одно время я был скрипачом нашего симфонического оркестра и участвовал в исполнении некоторых Ваших произведений.

Когда мои сыновья подрастут и начнут учиться игре на фортепиано, уверяю Вас — они будут играть Шостаковича! Русские композиторы — моя слабость! У меня все пластинки Чайковского и Рахманинова.

Мое увлечение («хобби») тоже музыкальное: я собираю автографы композиторов, музыкантов. У меня есть фото с автографом, присланное мне покойным Рахманиновым.

Мое искреннее восхищение Вашей музыкой заставляет меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: будьте так добры, пришлите мне ваш автограф для моей коллекции.

Я уверен, что Вы получаете много таких писем, но все же, я думаю, что, если это возможно, Вы исполните мою просьбу. Ваш дар был бы моим лучшим сокровищем, и я завещал бы его своим сыновьям. Жить в одно время с таким великим человеком, как Вы — большая честь для меня.

Надеюсь с большой радостью получить Ваш автограф и остаюсь сердечно Ваш —

Кеннети Е.Г.

США.

В августе 1974 года я приехала к Дмитрию Дмитриевичу на дачу в Жуковку, в надежде получить его согласие на съемки документального фильма.

Наш разговор происходил в кабинете Дмитрия Дмитриевича на втором этаже, куда я поднялась по скрипучим деревянным ступеням. «Митя, к тебе», — крикнула снизу Ирина Антоновна, отогнав огромных дружелюбных псов.

На этой даче в Жуковке, вблизи Москвы, Шостакович провел последние годы своей жизни. Здесь, в кабинете на втором этаже, в окружении елей, заглядывающих в окна, написаны многие сочинения — и если бы не стекло, их ветки доходили бы до стола и простирались над нотными листами. Наверное, когда-то их посадили слишком близко к дому, и теперь, став взрослыми деревьями, они стремились проникнуть в дом.

Из кабинета дверь на просторный балкон, с двумя большими цветочными вазами по углам, в которых цвели настурции. Точно такие отштукатуренные вазы стояли раньше в каждом советском Парке культуры и отдыха. У стены скамейка, на которой композитор любил сидеть — точно такие стояли тогда в парках, — с изогнутой спинкой и тяжелыми чугунными ножками. Так и казалось, что где-то поблизости притаилась девушка с веслом или пионерка в вечном салюте.

Это был мой первый большой фильм, и к встрече я подготовилась. Но очень скоро мне пришлось оставить свои попытки обсуждать фильм — Дмитрия Дмитриевича это совершенно не интересовало. Его волновали только предстоящие премьеры, предстоящее звучание его музыки, и он был весь в предвосхищении этого звучания, которое ожидал с нетерпением.

Дмитрия Дмитриевича волновало, кто будет играть Пятнадцатый квартет вместо Квартета им. Бетховена, «справятся ли они», он был обеспокоен ситуацией с Сюитой Микеланджело — композитор только что получил новый перевод стихов, — он обратился к поэту Андрею Вознесенскому с просьбой поправить перевод Эфроса, казавшийся ему тяжеловатым, но новый перевод на написанную музыку никак не ложился. «Не могу же я переписывать всю музыку!» — восклицал Дмитрий Дмитриевич. Он волновался, чувствовал неловкость перед поэтом, не зная, как ему об этом сказать. Партию баса в Сюите Микеланджело должен был петь Е. Нестеренко, но фортепианная партия очень важна. «Только сам Рихтер мог бы это сыграть!» — несколько раз повторил Шостакович. Смысл этих слов я поняла, услышав музыку — в сюите нет сопровождения в обычном смысле, — аккомпанемент — это партнер в диалоге с солистом.

В какой-то момент разговора зазвонили часы, и эхом им стали вторить на разные голоса часы из всех концов дома — несколько секунд

Шостакович вслушивался в этот дивный перезвон. А потом вдруг неожиданно спросил «Вы не помните, сколько ступенек на лестнице в Камерном театре?» Видно было, что этот вопрос его очень волновал. Позже я поняла почему.

Я приехала, чтобы обсудить сценарий будущего фильма, но фильма разговор так и не коснулся. Однако я ушла от Дмитрия Дмитриевича, получив его согласие на съемки.

Но тут начальство — то самое, которое отменило съемки Пятнадцатой симфонии, — потребовало у меня представить расписку Шостаковича, что он будет сниматься в посвященном ему фильме: композитор часто болел, много времени проводил в больнице, а кинопроизводство — это план, график съемок — бюрократы не любят рисковать. «Расписка от Шостаковича» — таково было условие запуска фильма.

Это была катастрофа — потребовать у Шостаковича расписку!

Выручил Л. Арнштам, давний друг Д. Шостаковича, к которому я бросилась за помощью.

Он выслушал меня молча и через несколько дней вручил расписку, написанную рукой Д. Шостаковича, о том, что тот будет сниматься в посвященном ему фильме. Как удалось ее получить — осталось секретом, но думаю, что Шостакович отнесся к этому требованию со свойственным ему юмором. Изощрения советских чиновников были ему не в новость.

Эта расписка, словно победная реликвия, лежала потом на столе под стеклом у непреклонной начальницы, потребовавшей ее.

Отбросив свой тщательно написанный и утвержденный сценарий, я решила снимать то, чему мы сможем стать свидетелями, — предстоящие репетиции и премьеры с участием Шостаковича.

Несколько месяцев наша съемочная группа следовала за композитором. Так были сняты три выдающихся музыкальных события, три премьеры произведений Шостаковича — оперы «Нос» в Московском камерном музыкальном театре, Пятнадцатого квартета и Сюиты для баса и фортепиано на стихи Микеланджело.

И все то время, пока мы снимали свой фильм о Шостаковиче, он продолжал получать сотни писем от своих избирателей и отвечать на их запросы.

Если бы я знала о депутатской переписке Дмитрия Дмитриевича, я бы постаралась спросить его об этом. Но он никогда нигде — ни в статьях, ни в выступлениях, ни в письмах — ни разу об этом не упомянул. Не считал нужным.

Все открылось гораздо позже.

✉ *1 сентября 1974 г.*

Уважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Мы, матери, обращаемся к Вам как к депутату Верховного Совета СССР с большой просьбой — помогите нашим детям, нашим семьям.

Мы живем в санитарной зоне нефтеперерабатывающего завода. Буквально в 100 метрах от нашего дома находятся установки, резервуары с бензином и газом.

Наши дети задыхаются от выделяемых паров и газов, часто болеют.

Министерство нефтеперерабатывающей и химической промышленности выделило деньги на строительство дома, в который должны были переселить наши семьи и семьи дома ВОХР, расположенного в 20 м от нашего.

Мы были очень рады, но радость оказалась преждевременной. Дирекция, завком и партком завода решили не переселять наши семьи, и только потому, что наши мужья работают в пожарной охране. Разве мы не советские люди? Почему должны болеть наши дети?

Дмитрий Дмитриевич, Вы наш депутат, наша надежда и защита. Помогите восстановить справедливость.

(14 подписей)

✉ *...Жить нам негде больше, т.к. квартирные условия отсутствуют. Я Вас очень прошу, помогите. 1/1X-74 год. Сумерина.*

21 октября 1974 г.

Горьковская обл., г. Бор,

ул. Карамзина, 12

тов. Сумериной Е.С.

Уважаемая тов. Сумерина!

Мои депутатские полномочия окончились, и сейчас интересы избирателей по г. Горькому защищает другой депутат, однако отвечаю на Ваше письмо.

Жилье предоставляется, насколько мне известно, в строго установленном порядке и с учетом ряда условий, первое в числе которых — прописка. Прежде всего Вам следует решить этот вопрос, и тогда у Вас будут основания для возобновления ходатайства о квартире в г. Горьком.

Простите, что из-за болезни я не сумел раньше ответить на Ваше письмо.

Д. Шостакович.

✉ *Депутату Верховного Совета Союза СССР по Ядринскому избирательному округу Чувашской АССР тов. Шостаковичу Д.Д.*

Красночетайское райобъединение «Сельхозтехника» Чувашской АССР 19 июня 1974 года направило письмо в г. Москву, Пушкинская 32 «Россельхозтехника» в главное управление по снабжению товарами и материалами производственного назначения о выделении соли глыбы для крупного рогатого скота, особенно для коров. С тех пор прошло почти 2 месяца, но никакого ответа от своей вышестоящей организации не получили.

Наш район по итогам первого полугодия с.г. по надою молока на каждую фуражную корову и по продаже государству занимает I-е место, за что вручено переходящее Красное знамя Чувашского Обкома КПСС и Совета министров Чувашской АССР.

Наши доярки-избиратели очень волнуются и переживают, что не имеется в достаточном количестве соли глыбы, т. к. на — 1974 год Чувашсельхозтехникой нашему району на 12600 голов крупного рогатого скота выделено всего 120 тонн, в том числе на 1 квартал — 60 тонн и на II квартал — 60 тонн. В III квартале колхозы и совхозы района будут жить без соли-глыбы, а это очень влияет на продуктивность молочных коров.

Исходя из вышеизложенного убедительно просим помочь получить в III квартале соли глыбы.

Горьковская железная дорога, ст. Шумерля.

О результатах прошу сообщить.

Приложение на 1 листе.

Управляющий А. Шорников.

14 сентября 1974 г.

Москва, Пушкинская 32, Россельхозтехника

Начальнику Главного управления по снабжению и материалам производственного значения

Тов. Козлову Н.В.

Уважаемый Николай Васильевич! Красночетайское районное объединение «Сельхозтехника» в июне направило Вам письмо о дополнительном выделении на III квартал с.г. 120 тонн соли-глыба. На свое письмо товарищи ответа не получили и вынуждены были обратиться ко мне как к своему депутату.

Поскольку совхозам и колхозам Красночетайского района грозит опасность остаться без соли в II квартале, что крайне неблагоприятно скажется на продуктивности молочного хозяйства, убеди-

тельно прошу Вас, уважаемый Николай Васильевич, найти возможность удовлетворить просьбу Красночетайского объединения.

Не откажите в любезности сообщить мне о принятых мерах, а также прошу Вас поставить в известность заинтересованных товарищей.

С уважением Д. Шостакович.

14 сентября 1974 г.

Красночетайское районное объединение «Сельхозтехника» Чувашской АССР, управляющему тов. Шорникову.

Уважаемый товарищ Шорников!

Мною было направлено письмо начальнику Главного управления по снабжению товарами и материалами производственного назначения «Россельхозтехники» тов. Козлову Н.В. с просьбой откликнуться на ваши нужды и выделить дополнительно на третий квартал с. г. 120 тонн соли-глыбы.

Надеюсь, тов. Козлов внимательно отнесется к просьбе и сообщит Вам и мне о принятых мерах.

Желаю Вам всего наилучшего.

С уважением Д. Шостакович

✉ *Депутату Верховного Совета СССР*

т. Шостаковичу Д.Д.

г. Москва К-9 ул. Неждановой 8/10, корп. 2, кв. 23.

Всероссийское объединение «Россельхозтехника» дало указание Чувашскому объединению «Сельхозтехника» поставить в октябре с.г. 60 тонн соли-глыбы колхозам и совхозам Красно-Четайского района и принять меры к первоочередной поставке соли по фонду I квартала 1975 года.

Заместитель Председателя А.А. Муравьев.

В сентябре Шостакович присутствует на репетициях и премьере оперы «Нос» в Московском камерном музыкальном театре, который должен был открыться оперой Шостаковича.

Режиссер Б.А. Покровский рассказал мне, как они с Дмитрием Дмитриевичем хлопотали, писали бумаги в разные инстанции с просьбой открыть Камерный музыкальный театр — в этом помещении хотели сделать пивной бар. Чиновники приводили свои доводы, говоря, что у нас в стране много алкоголиков, так как им негде выпить, а вот на Западе много баров — и там уровень алкоголизма меньше, поэтому нужен

бар. На что Покровский с Шостаковичем возражали, что за границей театры открывают тоже...

Шостакович блестяще знал литературу — это видно и по тому кругу поэтов, писателей, на произведения которых он написал музыку.

Гоголя Шостакович любил больше, чем других русских писателей, — Гоголь был близок его личности, его таланту. Гротеск, сарказм, прозрение, глубокая печаль и даже злость сочетались в нем с безмерной болью за человека.

Кто-то сказал, что в области музыки Шостакович является тем же, чем Гоголь в русской литературе.

Сам Гоголь в «Петербургских записках» писал: «Мне кажется, что все музыкальные трактаты и рецензии должны быть скучны для самих музыкантов: в музыке огромнейшая часть ее невыразима и безотчетна...»

Шостакович всегда сторонился музыковедческих разборов своих сочинений, их «описаний».

Шостакович любил и знал Гоголя с детства: **Тогда же я очень много читал Гоголя и даже пытался сочинить оперу «Тарас Бульба». Но из этого ничего не вышло...**

Из письма двенадцатилетнего Д. Шостаковича: **Пока сочиняю музыку на «Страшную месть» Гоголя.**

В 1942 году Шостакович начинает писать оперу «Игроки» по Гоголю. **Я пишу оперу «Игроки». Слова полные и неизменные Гоголя (sic!)... Пишу понемногу нереальную оперу «Игроки». Нереальной я зову по причине ее нереальности: уже написано музыки на 30 (sic!) минут, а это является примерно одной седьмой всей оперы. Слишком длинно. Однако занимаюсь этим делом не без увлечения и удовольствия.** *(11 ноября 1942 г.)*

Из двадцати четырех гоголевских «явлений» Шостакович «озвучил» семь с половиной. Клавир заканчивается словами Степана Ивановича Утешительного: «И хозяин, и гости остались без копейки в кармане и кончился...»

В своем последнем сочинении, Сонате для альта и фортепиано, Шостакович процитировал тему вступления из «Игроков».

Ф. Литвинова вспоминала, как однажды Шостакович прочел ей вслух «Портрет» Гоголя. «Когда я писал “Нос”, я все думал: надо написать “Портрет” — о трагедии продавшегося художника», — сказал он тогда.

Дело происходило в эвакуации в Куйбышеве. «Я посокрушалась, что не взяла с собой “Мертвые души”, и Дмитрий Дмитриевич начал читать наизусть целые куски. И про бричку, и доедет ли колесо до Москвы...

Смеясь, он прочел отрывок о том, как Чичиков готовился к первой вечеринке: “Он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, подперши их изнутри языком; потом, взявши с плеча трактирного слуги полотенце, вытер он со всех сторон свое полное лицо, начав из-за ушей и фыркнув прежде раза два в лицо трактирного слуги...” — Представляете эту сцену? — прервал цитирование Дмитрий Дмитриевич. — Здесь должен быть фагот, труба и барабан. — И продолжал: “Потом перед зеркалом одел манишку, выщипнув из носу два волоска (опять ремарка: флейта пикколо) — и непосредственно затем очутился во фраке брусничного цвета с искрой”. Затем, когда Шостакович перешел к воспроизведению сцены губернской вечеринки, он давал музыкальные характеристики каждому из действующих лиц поэмы “Мертвые души”».

И вот репетиции оперы «Нос» через сорок шесть лет после премьеры.

Сюжет «Носа» привлек меня своим фантастическим, нелепым содержанием, изложенным Гоголем в сугубо реалистических тонах... Сатирический текст Гоголя я не счел нужным усиливать «иронической» или «пародийной» окраской музыки, а, наоборот, дал ему вполне серьезное музыкальное сопровождение. Контраст комического действия и серьезной музыки симфонического характера призван создать основной театральный эффект; прием этот кажется тем более оправданным, что и сам Гоголь излагает комические перипетии сюжета в нарочито серьезном, приподнятом тоне. *(«Почему “Нос”?» — первое выступление Д. Шостаковича в печати).*

«Нос» Н.В. Гоголя — это абсурдистско-фантастическая история. Лишившись носа, майор Ковалев стал «не гражданин». Он потерял не нос: он потерял маску, которая важнее лица, и сразу стал никем и ничем — что было близко к реалиям советской жизни.

Темы лица и маски, сущности и видимости были опасны для наступавшей эпохи, где рушились судьбы, исчезали люди, творились новые кумиры.

В опере фантастика перемешивалась с реальностью, юмор с драматизмом, все представлено в резком, заостренном виде. Гоголевская фантасмагория ворвалась на оперную сцену, где под залихватские галопы и польки вертелись, крутились декорации, в гротескном маскараде действовали люди и манекены.

Можно вспомнить загадочные и полные трагизма концовки у Гоголя, даже в безмятежных «Вечерах на хуторе», которые внезапно дают совсем иное измерение, иной масштаб происходящего, — то же и музыкальная концовка — страшный аккорд в конце оперы.

После премьеры оперы в 1928 году газеты заговорили об «идеологической чуждости» и оперы и спектакля.

Вот несколько отзывов в прессе. «Гримаса уродливая и нездоровая»: «Если композитор не поймет ложности своего пути, если не постарается осмыслить творяще йся у него “под носом” живой действительности, то творчество его неизбежно зайдет в тупик».

«Пролетарский музыкант»: «Композитор бесспорно увлечен сексуальной подоплекой, фактически приведшей Гоголя к написанию “Носа”».

Одна из статей была озаглавлена «Ручная бомба анархиста», где под анархистом подразумевался Шостакович, а под бомбой — его опера, «наводящая панику по всему музыкальному фронту».

Очередное представление дало лишь треть ежевечернего сбора, и, выдержав шестнадцать представлений, опера исчезла со сцены.

От огорчения у Шостаковича случился сердечный приступ. Он пишет постановщику спектакля: **Недельку буду переживать. 2 месяца — злорадство друзей и знакомых, что «Нос» провалился, а потом успокоюсь и снова начну работать. «Нос» провалился. «Нос» может уйти. Я убежден в том, что «Нос» — это одно из удачнейших моих сочинений. Путь «Носа» — правильный путь.**

Когда много лет спустя у Шостаковича допытывались, в чем суть оперы, он ответил: «Да нет, ничего, просто так... хотелось повеселиться...»

Москвичи смогли увидеть «Нос» лишь в 1974 году в постановке Бориса Покровского. Дирижировал Геннадий Рождественский.

Во время встреч с Шостаковичем мне не раз приходилось наблюдать исключительную силу воздействия его на окружающих, иногда одного его лишь взгляда — сквозь очки.

«Электрическая заряженность, истечение большой силы биотоков от всего его существа», — говорил о Шостаковиче Рихтер, считавший его человеком «трудновыносимым для окружающих». Напряжение и даже некий внутренний страх испытывали все, кто находился с ним рядом.

Шостакович обладал редким даром эманации. Рассказывают, что однажды, когда он вошел в комнату, перегороженную большой твердой и устойчивой ширмой, не успел он перешагнуть порог — эта ширма повалилась, как от порыва ветра.

Может быть зная об этом, Шостакович всегда был подчеркнуто деликатен в отношениях с людьми, боясь нечаянно задеть, ранить, обидеть.

Когда однажды дирижер Геннадий Николаевич Рождественский упомянул о гипнотическом воздействии дирижера на оркестр, я спросила, как он ощущал этот дар, свойственный Шостаковичу, встречаясь и работая с ним?

«С ним было очень трудно находиться рядом, — сказал Геннадий Николаевич. — Двойственное чувство у меня было всегда: я хотел продлить общение с ним и в то же время скорее закончить. Одной из причин было то, что все время меня не покидала мысль, что я мешаю ему сочинять. Это я ощущал постоянно.

Я чувствовал и видел, что сочиняет он все время. Он был в состоянии параллельно с сочинением с вами разговаривать. Когда я сообразил это, то понял, что лучше мне уходить — я отнимаю время у гения. Такое ощущение было всегда. Хотя в то же время мне казалось, что он и сам предпринимал какие-то шаги, чтобы не казаться давящим. Видимо, он нуждался в какой-то простоте общения, а я этой простоты найти не мог. Я всегда стоял перед Богом, я стоял перед иконой и чувствовал себя скованным. Не знаю, по прошествии времени, может, это и изменилось бы, и потом, все-таки была большая разница в возрасте. Это была история для меня, и какая!» *(Из интервью автору)*

Иногда я звонила Дмитрию Дмитриевичу, он спрашивал, как идут репетиции, но сам в театре все не появлялся, хотя его там ждали с нетерпением. Зная, что ему трудно ходить по лестницам, артисты предложили вносить его на руках. Но он отказался. (Вот откуда вопрос о ступеньках!) Хорошо помню день, когда Шостакович наконец появился в театре на репетиции. Еще не зная, что Шостакович в зале, с порога уже ощущалось, что произошло, происходит что-то значительное. И вот сквозь группу людей у сцены — знакомое поблескивание очков, нетерпеливый поворот головы, взмах руки — это был Шостакович. Как оказалось, он спустился по запасной лестнице, чтобы никто не видел, как он двигается, не сочувствовал ему.

Все в этот день преобразилось — и исполнители, и оркестранты — такая внутренняя сила, творческая власть была в этом человеке, абсолютно ничем не проявляемая внешне.

Малейшая деталь не ускользала от его внимания — будь то неточная интонация у певца, неверное слово, фальшивая нота. Обращается к певцу: «Не душенька-раскрасоточка, а душечка, душечка-раскрасоточка...»

На одной из репетиций, по договоренности с Г.Н. Рождественским и Б.А. Покровским, в сцене интермедии «Невский проспект», когда все участники высыпают на сцену после слов «Нос майора Ковалева про-

гуливается здесь» и в зале зажигается полный свет, мы поставили камеру в оркестровой яме прямо против композитора, сидевшего в первом ряду, чтобы следить за реакцией Дмитрия Дмитриевича, — этот план, длящийся около пяти минут, снятый оператором М. Глейхенгаузом, почти полностью вошел в фильм.

Обычно сдержанный Дмитрий Дмитриевич наедине со своей музыкой вдруг совершенно преобразился — он слушает, подпевая артистам, характерным жестом постукивая себя по щеке, улыбается, радуясь своему детищу. Мне кажется, что один этот план может сказать о композиторе больше, чем толстые монографии, — в нем есть то, что невозможно передать словами, — в нем можно ощутить жизнь духа. Как и в его музыке.

«Но что страннее, что непонятнее всего, — это то, как авторы могут брать подобные сюжеты» — этими гоголевскими словами заканчивался и спектакль.

Мы снимаем Дмитрия Дмитриевича в его кабинете в Москве. Фотографии разложены на столе, он берет их в руки, подносит к глазам, всматривается…

За годы съемок мне приходилось видеть разные домашние архивы музыкантов. У кого-то это прекрасно оформленные фолианты, где все тщательно, собственной рукой разложено по датам и периодам — с суетным опасением, что будущие биографы могут что-то напутать или предложить собственную интерпретацию событий. У кого-то, уже ушедшего, это сваленные в дальнем углу равнодушными потомками, как ненужный хлам, бумаги и фотографии, на которых рассеянным взглядом отыскивают знакомое лицо и не знают больше никого и ничего. У Дмитрия Дмитриевича фотографии скромной пачкой лежали в ящике стола — их было немного, но в том, как он брал их в руки, подносил к глазам, оживлялся, было столько именно ему присущего трогательного.

На одной из фотографий Шостакович — в год создания «Носа», взгляд сквозь очки.

Мне кажется, это фотография 1927–1928 годов. Я уже тогда серьезно и много занимался музыкой — композицией. Уже у меня были такие сочинения, которые и сейчас исполняются. Например, Первая симфония была сочинена в это время. Тогда же была сочинена опера «Нос» по Гоголю. Много лет с тех пор прошло, а я очень хорошо помню ту постановку. Это был великолепный, изумительный спектакль, с успехом шедший в Малом оперном театре. Я очень рад, что эту оперу поставили.

Иногда можно услышать суждение, что оперный жанр ныне, так сказать, сходит на нет. Я с этим категорически не согласен. Жизнеспособность той или иной оперы от многого зависит — от качества постановки, от качества исполнения. Трудно сказать, почему некоторые произведения не удерживаются в репертуаре. Конечно, может быть, здесь вина и композитора, но роль самого театра очень велика. Трудная проблема...

За последние годы оперу поставили во многих театрах мира. Последняя постановка оперы «Нос» — весна 2010 года, Нью-Йорк, театр Метрополитен-опера. Дирижировал В. Гергиев, художник-постановщик Кентридж, большая выставка которого проходила в те дни в музее Метрополитен. В постановке художник смело использовал советскую хронику 20–30-х годов, плакаты советского времени, перенеся действие в XX век.

Мне показалось, что графическое решение спектакля близко замыслу неосуществленной «Гоголианы» Г. Козинцева.

✉ *Здравствуйте, уважаемый нами Дмитрий Дмитриевич!*

С искренним приветом и наилучшими пожеланиями к Вам рабочие, колхозники и интеллигенция Наумовского с/с — избиратели Вас в Верховный Совет СССР. Шлем Вам горячий привет и желаем наилучших успехов в повседневной работе и особенно хорошего здоровья и долгих лет жизни на благо процветания нашего народа.

Дмитрий Дмитриевич, мы всей душой отдаем свои силы все, каждый из нас на своих рабочих местах для того, чтобы наша Родина была еще лучше и сильней. Но в нашей повседневной жизни ощущаем недостатки, которые никак не можем устранить.

Наш Сельский Совет Наумовский расположен от центра Ковернинского района в 35 километрах, вот тут-то и приходится нам очень трудно добираться всем престарелым по вызову в организации, а также в больницу, не говоря уже по личным делам здоровым лицам, а также школьникам, обучающимся в 9-10 классе в райцентре Ковернино.

Несмотря на наши просьбы многократные, чтобы выделили нам автобус или грузотакси по маршруту Ковернино–Наумово, нам отказывают. Дороги позволяют у нас, т.к. мимо наших деревень, т.е. через наши пункты, курсируют автобусы из Костромской области до Ковернино, а также на территории нашего с/с в участке, где рабочих возят на работу, автобус проходит везде, а начальник Ковернинского автохозяйства тов. Уткин ссылается 3-й год на бездорожье и нехватки автобусов и грузотакси. Пассажирам рабочим, больным колхозникам и др. прихо-

дится идти пешком. На попутные автомашины шофера не сажают, т.к. органы милиции наказывают их за то, что возят людей на необорудованных автомашинах, лишают прав, дают штрафы и др. административные взыскания.

Просим Вас убедительно, уважаемый наш депутат, депутат Верховного Совета СССР Дмитрий Дмитриевич, оказать действенную помощь нам, труженикам отдаленных мест, чтобы выделили нам автобус.

Подписали рабочие, учителя, колхозники Наумовского с/совета (7 подписей).

Двадцать пятого октября 1974 года наша съемочная группа приехала в Ленинград в одном поезде с Шостаковичем. В этот день в Большом зале филармонии должна была состояться премьера Пятнадцатого квартета (ор. 144).

Кода все вышли, Дмитрию Дмитриевичу к дверям вагона подставили трап, чтобы он мог сойти — ему было не под силу переступить ступеньку. Эти несколько шагов он шел как эквилибрист над пропастью, с застывшим от напряжения лицом.

На репетиции Шостакович нервничал, напряженно вслушивался в игру музыкантов, с которыми раньше никогда не работал. Мы ждали момента, чтобы начать съемку. Когда ситуация немного успокоилась, мы сняли фрагмент репетиции, а вечером — премьеру, которая прошла с успехом.

Стало уже традицией, что все мои последние квартеты впервые звучат в Ленинграде. Обычно исполняет их Квартет им. Бетховена. Но из-за смерти замечательного виолончелиста С.П. Ширинского ансамбль не смог выступать. Поэтому впервые попросил сыграть мое произведение новый для меня коллектив — Квартет им. Танеева.

Пятнадцатый квартет необычен по построению. Он состоит из шести медленных частей, написанных в темпе адажио и идущих без перерыва. Это элегия, серенада, интермеццо, ноктюрн, траурный марш и эпилог.

Один из близких друзей Шостаковича сказал мне, что сочинение, ставшее Пятнадцатым квартетом, было задумано сначала, как симфония, но композитору, по его словам, было уже не под силу записать оркестровую партитуру — и он написал квартет.

Так ли это, не знаю…

На репетиции Шостакович как бы издалека, откинувшись, вслушивается в музыку. Таким он и запечатлен в этих кадрах.

✉ *26 октября 1974 г.*

Депутату Верховного Совета СССР
тов. Шостаковичу Дмитрию Дмитриевичу
Инвалид ВОВ орденоносец член КПСС
Бурдоковский О.П.
Ростов-Д, 71

Дорогой Дмитрий Дмитриевич!

Обращаюсь к Вам в первую очередь, как к депутату нашей высшей власти, чтобы Вы помогли мне решить важный жизненный вопрос. Я добиваюсь улучшения жилых условий. Живу в комнате 9,8 м. кв. с женой. И вот работники РКСУ не хотят меня брать на учет, т.к. падает 4,9 м. кв. на человека, т.е. больше на 0,9 м. кв. Единственное решение, как я понимаю, когда мы с женой под старость лет приобретем ребенка. Но возможно это или нет, к сожалению, работников РКСУ не касается, раз у нас площадь превышает учетную норму 4 м на человека.

Вот задача!

Посоветуйте и помогите мне. Неужели будет у меня квартира изолированная лишь на том свете?

✉ *7 декабря 1974 г.*

Дорогой Дмитрий Дмитриевич! Вторично вынужден обратиться к Вам (ранее писал 26/X) с просьбой, чтобы Вы мне, как депутат Верховного Совета СССР, помогли улучшить жилищные условия в свете:

Постановления Совмина СССР от 20/1-65 г. №401
от 6/III-65 г. №140
от 14/II-70 г. №334
от 7/IX-70 г. №741
статьи «Солдат на пенсии» опубликованной в «Известиях» от 14/XI-74 г. №266 (очень прошу Вас прочитать и Вам все будет ясно)
решения ВКК от 18/I-70 г. и т.д.

Мою законную просьбу работники РКСУ, райисполкома не хотят выполнить, находят для этого любые зацепки. Почему так?

Живем с женой в комнате 9,8 м. кв., где даже стола негде поставить. Смотрите:

1. Платяной шкаф.
2. Диван.
3. Стул.
4. Раскладушка (ставим на ночь).
5, 6. Книжные полки.

Неужели буду жить, парализованный калека, который через силу работает, с трудом ходит, которого мучают постоянные боли, в отдельной однокомнатной квартире только на том свете?

Жду помощи. С ув. к Вам.

Бурдоковский О.П.

Интерьер коммунальной квартиры: к потолку подвешен велосипед, на стене — детская ванночка и корыто для стирки белья, на полу — сундуки, вдоль стены вешалки с одеждой всех сезонов сразу, под потолком — самодельные антресоли из подручного материала, откуда торчат лыжи, ненужная рухлядь, ее жалко выбрасывать, узлы со спорками — старыми распоротыми вещами, которые еще могут пригодиться, тусклые лампочки.

Эту фактуру много раз воспроизводили в своих работах современные художники — можно вспомнить хотя бы И. Кабакова.

Но люди десятилетиями так жили, несмотря на регулярно издаваемые постановления, обещания, заверения с высоких трибун.

Цинизм власти особенно явственен по отношению к старикам. И на этом фоне безудержный рост потребления чиновничьим классом, при бедности населения — это не только съедаемое, возводимое, привилегии, но это огромные материальные и духовные людские богатства народа, расточаемые на борьбу за выживание.

Чудовищная, громоздкая бюрократическая машина, известная миру под именем СССР, разрасталась все советские годы. В СССР существовало около 50 общесоюзных министерств и около 600 министров в союзных республиках, при этом каждый министр имел по нескольку заместителей, а те, в свою очередь, своих заместителей — и так до бесконечности.

К советской элите, кроме членов ЦК, состоявшего из десятков отделов только в Москве, не говоря о ЦК союзных республик, руководителей министерств и ведомств, партийных чиновников всех рангов были отнесены Герои, лауреаты, маршалы, генералитет, писатели и композиторы, выполнявшие указания генеральной линии партии. И наконец, семьи и ближайшие родственники всех поименованных лиц.

В современной России это размножение бюрократического аппарата, включая теперь уже дальних родственников и друзей, достигло угрожающих пределов, а борьба за выживание, при столь чудовищном расслоении общества, стала еще более драматичной.

В ноябре 1974 года Шостаковичу вручена Государственная премия СССР за цикл «Верность» и Четырнадцатый струнный квартет. В ноябре композитор работает над переложением Сюиты на стихи Микеланджело для оркестра.

Премьера Сюиты на стихи Микеланджело состоялась 23 декабря 1974 года, — к счастью, нам удалось ее снять, как и репетицию.

Для каждого композитора момент, когда его замысел, его творение обретает черты реальности, неповторим. Даже для Шостаковича, который всегда поразительно слышал будущее звучание своей музыки.

Шостакович сидел в глубине зала, его лицо было неподвижно, и только руки были в движении. Когда певец запел: «Когда скалу твой божий молоток в обличия людей преображает...» — Шостакович стал аккомпанировать, резко отбивая такт на своей щеке.

Во время репетиции Шостаковичу показалось, что Нестеренко «немножко себя экономит». «А так превосходно, превосходно», — повторял композитор. Партию фортепиано исполнял Е. Шендерович.

Я говорю о Данте, о Данте: не нужны
Озлобленной толпе его созданья, —
Ведь для нее и высший гений мал.
Будь я как он! О, будь мне суждены
Его дела и скорбь его изгнанья, —
Я б лучшей доли в мире не желал!

Шостакович заканчивает Сюиту монологом «Бессмертие»:

Я словно б мертв, но миру в утешенье
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и, значит, я не прах,
И смертное меня не тронет тленье.

(*Микеланджело Буонарроти.*
Пер. А.М. Эфроса)

В последней части Сюиты композитор процитировал мотив, сочиненный им в девятилетнем возрасте. Эта тема почему-то напомнила мне, что однажды в детстве на карнавале Шостакович был звездочетом.

После премьеры публика устроила композитору овацию.

Это была последняя репетиция и премьера, которую мы снимали.

Самое поразительное в Шостаковиче было то, что с каждым своим сочинением он представал иным, обновленным. В его творчестве не было предсказуемости. Нельзя было предположить, что создаст он

завтра, в каком жанре, какие миры звучаний откроет. А то, сколько он успел сделать за те несколько месяцев, пока шли съемки, будучи тяжело больным, представлялось совершенно невероятным: Дмитрий Дмитриевич репетировал с музыкантами, ездил на премьеры в Ленинград и Киев, закончил оркестровку Сюиты на стихи Микеланджело. Каждый его день был расписан по минутам. И в то же время присутствие на репетиции, да просто каждый шаг давался ему с невероятным трудом, напряжением всех сил и воли. Это был подвиг, равный бетховенскому.

Если бы меня попросили определить главную идею фильма, я бы сказала, что это мысль о бренности тела и бессмертии духа, способного преодолеть непреодолимое.

Когда фильм был уже почти снят, Дмитрий Дмитриевич неожиданно спросил, как всегда, немного помолчав перед началом разговора: «А когда же вы будете снимать фильм — время-то идет...» — и был озадачен, узнав, что фильм уже практически снят. Больше всего его удивило, что для фильма не пришлось ничего делать специально — куда-то идти, ехать, что-то изображать, в чем-то специально участвовать.

Зная, что он мучительно не любит говорить о себе, вместо традиционного интервью я предложила Дмитрию Дмитриевичу прокомментировать несколько фотографий, которые отобрала в его домашнем архиве.

Последний раз я сижу в кабинете Дмитрия Дмитриевича в его московской квартире. За окнами тихий зимний вечер, в кабинете горит уютная настольная лампа, громко тикают часы, переходя на звон. Шостакович в своем кресле у стола, я сбоку на стуле. Мы говорим о том, что из музыки вошло в фильм, как звучит, о перезаписи фонограммы Нестеренко — это интересует Шостаковича. И об интервью — это его не интересует. Ну, тогда о фотографиях.

Во время разговора позвонил сын, вернувшийся с гастролей, — он жил в соседнем подъезде. «Максимка, Максимка...» — обрадовался Шостакович и просиял. Столько нежности было в его голосе...

Последнее воспоминание о той встрече: Дмитрий Дмитриевич проводил меня до дверей. В прихожей протянул руку: «Левую руку на счастье. Левую руку — на счастье!» И затем смущенно повторял: «Я не могу подать вам пальто, я не могу подать вам пальто...»

Это были последние слова Дмитрия Дмитриевича, которые мне довелось услышать.

Фильм вышел в июле 1975 года, и Дмитрий Дмитриевич еще успел увидеть его. Эти кадры стали последними, снятыми при его жизни.

Фильм «Дмитрий Шостакович» получил Большой приз на Всесоюзном фестивале телефильмов, приз на Лейпцигском Международном фестивале, демонстрировался на Венецианском Международном фестивале, вне конкурса.

✉ *Д.Д. Шостаковичу*

Обращается к Вам письмом гр. Захаров А.С. с 1912 г.р., житель г. Горький. Прошу не осуждать меня за такое письмо. Я проработал в одном цехе 30 лет токарем машиностроительного завода г. Горький. За долголетний и честный труд завод мне выделил 2-комнатную квартиру. Растил детей, сын Михаил с 1948 г.р., сын Сергей с 1953 г.р. Ранее моя жена не работала 10 лет, ухаживала за детьми. Мы поженились с Захаровой А.И. в 1943 г., она меня моложе на 10 лет, т.е. с 1929 г.р. В годы войны нехватка питания и перегрузка в работе повлияли на мое здоровье. С этим моя жена мириться не захотела и завела себе дружка, с которым я застал ее в саду в домушке в 2 ч. 40 мин. ночи с 1 на 2-е сентября. Это был Наумов, работник из ее цеха, моложе ее на 10 лет, семейный, у него двое детей. Я был у него на квартире, разговаривал с ним и его женой, подавал заявление по месту его работы о его вмешательстве в мою семью, я его вызывал в качестве моего свидетеля в народный суд, где он не мог смотреть правде в глаза. После чего моя жена подает заявление на развод. Причина — ранее занимался алкоголем, не способен для женщин. Сормовский суд нашел ее доводы несправедливыми, и в разводе ей было отказано. Областной суд решение оставил в силе. Подает на алименты сыну с 1953 г, несмотря, что получку отдавал ей сполна. Ей было нужно оттолкнуть детей от меня. Дети подросли, 2-комнатная квартира со всеми удобствами, сад выращен мной, и чего ей только не хватает. Она решила от меня избавиться, чтоб я ей не мешал продолжать начатое дело. 22-го мая подает заявление в суд на выселение меня из квартиры, на невозможное совместное проживание, мешаю детям учиться. Как будто 3-го мая я ее избил в прихожей — ударил по плечу и подмял под себя и хотел сделать злобное дело. 4-го мая делает вечер, 5-го мая провожает сына в армию — совершенно здоровая. Соседка подтверждает, что избивал на лестничной площадке 3-го и 4-го мая, и в конце мая Народный суд Сормовского р-на, не проверив факты и поверив голой лжи жены, принял решение выселить меня из квартиры без предоставления жилой площади. Областной суд решение утвердил. И я остался на улице…

Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР
тов. Яснову М.А.

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Ко мне обратился мой избиратель Игрушкин Николай Васильевич, инвалид 2-й группы, 1901 года рождения (г. Горький, Нижегородский район, Холодный пер. д. 17, кв.2) с просьбой ходатайствовать перед Вами о снятии с него недоплаченной суммы иска 20 процентов, которую ему трудно выплачивать из пенсии в 55 рублей.

Учитывая его возраст и то, что он отбыл свой срок наказания и выплатил 80 процентов иска, мне думается, что ему можно списать остаток задолженности.

Пересылаю Вам его заявление.

С уважением Д. Шостакович.

Во время съемок фильма мне удалось ближе познакомиться с Ириной Антоновной Шостакович. Рассказывают, что однажды Шостакович сказал сестре Зое: «Женюсь». — «Ну и правильно делаешь», — ответила она. Еще месяц назад Шостакович уверял друзей, что никогда не женится. А тут позвонил из Москвы другу: «Я женился! Мне хочется приехать в Ленинград и показать тебе мою избранницу. Это надо было, конечно, сделать до женитьбы, но все хорошо. Я, кажется, счастлив».

Неожиданные решения Шостаковича — его стиль в творчестве и в жизни.

...Ирина очень смущается, встречаясь с моими друзьями. Она очень молода и скромна. Она служит лит. редактором в издательстве «Советский композитор». С 9 до 17 она сидит на службе. Она близорука. «Р» и «Л» не выговаривает. Отец ее поляк, мать еврейка. В живых их нет. Отец пострадал от культа личности и нарушения революционной законности. Мать умерла... Родом она из Ленинграда. Вот краткие о ней сведения. Была она и в дет. доме и в спец. дет. доме. В общем, девушка с прошлым. *(2 июня 1962 г.)*

...Сейчас я нахожусь в больнице. Еще раз делают попытку вылечить мне руку. Пребывание в больнице меня не веселит. Особенно во время медового месяца. Мою жену зовут Ирина Антоновна. Знаю я ее больше двух лет. У нее есть лишь одно отрицательное качество: ей 27 лет. Во всем остальном она очень хороша. Она умная, веселая, простая и симпатичная. Она меня навещает каждый день, и это меня радует. Ко мне она относится очень хорошо. Думается, что мы с ней будем жить хорошо. *(24 июня 1962 г.)*

Вверху — звездное небо, внизу — залитый огнями Париж, и движения рук пилота над пультом управления похожи на движения рук дирижера — он как будто дирижировал одному ему слышимой музыкой над быстро приближающимся городом, — тогда еще не было этих страшных терактов, и нам разрешили снять несколько кадров из кабины пилота.

На сцене театра «Опера комик», где должна была состояться презентация Международного центра документации Шостаковича, японец-настройщик колдовал над роялем, и этим бесконечным остинато внимали ангел со скрипкой у входа, скульптуры и золоченые маски в фойе.

Вечером на улице под дождем выстроилась длинная очередь желающих попасть в зал, где должна была звучать музыка Шостаковича.

Мы едем по Парижу с Ириной Антоновной, для которой Париж стал вторым домом. Это при ее содействии был создан Международный центр документации Дмитрия Шостаковича, издательство DSCH в Москве.

Ирина Антоновна уверенно ведет машину и рассказывает о том единственном дне, который они провели с Дмитрием Дмитриевичем в Париже в 1973 году и Дмитрий Дмитриевич показывал ей город, о котором мечтал в юности.

«...Мы познакомились с Дмитрием Дмитриевичем задолго до того, как стали жить вместе, — наше знакомство было связано с моей работой в качестве литературного редактора либретто оперетты “Москва, Черемушки”. Либреттисты сделали кое-какие поправки, которые надо было с автором музыки согласовать. И вот в какой-то весенний день я с тяжелой папкой отправилась к Дмитрию Дмитриевичу. Он очень быстро все посмотрел и сказал, что все хорошо. На этом наше знакомство можно считать состоявшимся.

А потом я видела Дмитрия Дмитриевича в издательстве, на концертах. Помню такой эпизод — я хотела послушать миниатюры Кара-Караева к фильму “Дон-Кихот”, которые исполнялись на пленуме Союза композиторов, и попросила знакомого музыканта провести меня на этот концерт. Но он сказал, что на концерт не пойдет, а меня может провести Дмитрий Дмитриевич, чтобы я с ним договорилась. И так получилось, что Дмитрий Дмитриевич повел меня на этот концерт, сидел со мной во время концерта — почему-то больше ни один человек в этот ряд не сел, мы сидели вдвоем весь концерт, — и после концерта проводил меня домой — отвез на такси. Это был первый шаг, выражавший не то воспитанность, не то симпатию...

Но во всяком случае, Дмитрий Дмитриевич был человек старого воспитания. Он сделал предложение, потом представил меня своим друзьям, познакомил, послесвадебные визиты мы делали. Ну, так и стали жить-поживать.

Мы прожили вместе тринадцать лет.

Как-то раз в Англии корреспондент из женского журнала сказала, что хочет взять у меня интервью. Она спросила: "Трудно ли быть женой гения?" Я сказала, что очень легко. Гораздо легче, чем быть просто женой какого-нибудь другого человека. Она, видимо, ждала, что я скажу, что изнемогаю от трудностей.

Какое-то чувство облегчения я всегда испытывала в его обществе. Вот было тяжело, и вдруг это исчезло...

Он был человек очень естественный, внутренне очень здоровый, очень сильный, и это неправда, когда его изображают иным... Конечно, он был нервный человек, но — внутренняя несгибаемость, что ли. И те убеждения, которые у него сформировались в юности, он всю жизнь так и оставался при них, они, в общем, не менялись.

В его присутствии даже люди плохие хотели выглядеть лучше. Старались.

И потом он никогда никому не старался отомстить, хотя, конечно, помнил причиненное зло или причиненную боль, но отвечать ударом на удар не хотел. Это такая христианская основа. И это действовало на людей гораздо сильнее, чем если бы он старался счеты свести. Так они видели свое ничтожество по прошествии времени.

И он совершенно сознательно стремился делать добро и помочь там, где только мог, и это тоже очень важный для него принцип...

Я не думаю, что Дмитрий Дмитриевич сознательно старался установить дистанцию, может быть, только дистанцию, которая устанавливается в силу воспитания, в силу тех отношений, которые приняты в среде людей, в которой он жил. Но со многими, с кем он был ближе знаком — с учениками, друзьями, не было такой дистанции, он был очень общительным, приветливым человеком...

Сокрушительное впечатление на меня произвела премьера Тринадцатой симфонии и вся эта история, потому что это первая премьера, на которой я была. Поразила тем, что мне казалось, вот композитор закончил сочинение и дальше начинается — репетиции, премьеры, интервью, успех, поздравления и так далее. Оказалось, что все это не так, это была очень тяжелая и нервная премьера.

Он никогда не старался продвигать как-то свои сочинения. Хотят исполнять — пожалуйста, не хотят — не надо. Какие могли быть конфликты? Никаких. Хотя его это огорчало...

Он был легкий человек, в быту непритязательный. У него были обязательные установки — он требовал, чтобы рубашки были чистые, стулья целые, чтобы не было перегоревших лампочек и сломанных кранов, а в остальном — требования его далеко не шли.

Он придерживался довольно строгого распорядка дня — завтрак в девять часов, обед в два часа, ужин в семь часов, но если концерт, то после концерта. И очень был организованным человеком, много успевавшим, просто поразительно много успевавшим. Он быстро все делал. Если он начинал что-то делать, то он это делал быстро.

Когда Дмитрий Дмитриевич сочинял, то он садился после завтрака и работал до обеда, потом немного отдыхал, потом сочинял до ужина. Потом обычно останавливался до ужина, к семи часам, и последующий день так же. И в это время он очень не любил, когда его отвлекали на всякие собрания и совещания, это нарушало ход работы.

Он, видимо, когда садился за стол записывать, все уже сочинил, потому что он очень быстро все записывал и партитуру сразу писал. Он делал маленький такой эскиз на одну страничку и сразу писал партитуру. Вот когда он записывал эскиз, то я знаю, что не надо ничего в этот момент говорить, ходить и вообще мешать. А когда он писал партитуру, то можно было. Он любил, чтобы я рядом сидела, что-нибудь читала, что-нибудь говорила. Пожалуйста...

Дмитрий Дмитриевич хорошо знал классиков — Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Зощенко. Он знал кусками наизусть, и не то, что это был некий фонд в его памяти, это было в обращении все время, по разному поводу он вспоминал то одно, то другое...

Дмитрий Дмитриевич очень надеялся, что ему помогут врачи, но вот не помогли.

Эта болезнь типа хронического полиомиелита, но не известен ее возбудитель — был долгий скрытый период. Витамины кололи каждые полгода, гимнастику делал. Правда, когда мы только поженились и Дмитрий Дмитриевич в первый раз оказался в больнице, я пошла поговорить с его врачом — профессором в Кремлевской больнице, и он мне все описал, что дальше будет. Этот профессор начал с того, что мы, конечно, Дмитрию Дмитриевичу не говорим, но, поскольку вы его жена, сейчас я вам скажу, как все обстоит на самом деле.

Для меня это было ужасное потрясение, потому что прошла, наверное, только неделя, как я появилась в доме.

И так оно и оказалось на самом деле.

Ну и слава Богу, что Дмитрий Дмитриевич не знал, что его болезнь нельзя вылечить, все-таки он старался ей противиться. Мы ездили в Курган к

Илизарову. Тот какую-то маленькую операцию сделал, которая немножко помогла, какими-то лекарствами напитал какую-то косточку, которую подсадил, видимо, эти лекарства действовали какое-то время, и Дмитрий Дмитриевич и ходить стал лучше, и немножко играл там, но потом...

Ему очень хотелось играть на рояле, но это было невозможно.

Когда он в Горьком попробовал дирижировать, у него рука уже плохо действовала, а от волнения, когда он нервничал, то все ухудшалось. Даже когда он приходил на концерт и на него начинали глазеть, это тоже на него очень действовало.

Дмитрий Дмитриевич очень не любил публичности, когда на него глазели, у него болезнь оттого, что он волновался, обострялась, и он чувствовал, что он неровно идет, неровно встает, — это его волновало». *(Из интервью автору)*

Ирина Антоновна, узнавшая о неизлечимой болезни мужа в первую неделю их совместной жизни, с большим мужеством поддерживала его, сопровождая во всех поездках, больницах, санаториях, репетициях и концертах. Она стала его секретарем, шофером и сиделкой, а иногда и поводырем, предупреждая: «Осторожно, Митя, здесь ступенька вверх... А здесь ступенька вниз...»

После смерти Дмитрия Дмитриевича Ирина Антоновна всю свою энергию сосредоточила на издании его сочинений, работе издательства DSCH, работе с архивными материалами, создании Международного центра документации Шостаковича в Париже.

✉ *Многоуважаемый депутат Верховного Совета СССР*
т. Шестакович Дм. Дм.!

Я конечно очень извиняюсь перед Вами, но обстоятельства жизни заставляют меня обратиться к вам может быть со столь необычной просьбой: а именно. Я вот уже с 1962 года болею диагноз болезни Полиартрит инфекционный неспецифический деформирующий. Я неоднократно обращался в областную больницу Семашко г. Горького но они после просмотра всегда меня направляют обратно на лечение в р-н Воскресенский где я проживаю, но улучшения от этого лечения я не чувствую никакого. В результате длительной болезни у меня оказались пораженными все суставы у рук — кисти, локти и плечи, у ног — стопы и колени, в результате я очень плохо хожу, если можно сказать то ползаю, а мне всего 45 лет. И мне очень обидно в такие годы быть прикованным у постели. Еще обидней то, что я всю войну пробыл на фронте прослужил в армии 8 лет и вернулся здоровым, а вот сейчас случилось такое несчастье.

От людей я слышал, что такие болезни вылечивают при институте который находится в г. Харькове Украинской ССР, но чтобы туда попасть можно только через ходатайство депутата.

Адрес института: г. Харьков Республиканский институт ул. Пушкинская 82.

Такой же институт по-видимому есть и в Москве, но я не знаю адреса. Моя просьба заключается в том, чтобы Вы, как депутат Верховного Совета СССР совета национальностей помогли мне в том, чтобы меня приняли туда и положили на стационарное лечение. В Горьком я лечился при госпитале Инвалидов отечественной войны, но только находом, а ложить в него не ложат так как я не инвалид Отечественной войны, а считаюсь инвалид труда 2 группы.

Дмитрий Дмитриевич, я Вас очень прошу, окажите содействие в моем лечении.

Тарасов Никандр Алексеевич.

✉ *Тов. Шостакович!*

Обращаюсь к Вам как к депутату за помощью. Дело вот в чем.

Я страдаю суставным ревматизмом, с 1925 года рождения, проживаю одна, пенсию получаю 26 руб. в месяц, средств на путевку не имею, легонько хожу, но замучила ломота в суставах, хоть бы сколько-нибудь подлечиться. У врачей на приеме была. Один врач еще через два года обещал дать путевку в г. Горький Институт Курортологии, вроде там лечение от ревматизма всякие и тебе мол поможет, но обещанного ждала, ждала, так и не дождалась. Тот врач сменился, уехал. Обращалась к другому, и этот вроде пообещал, и так уже третий год. А болезнь все усиливается.

Очень Вас прошу, не поможете ли мне устроиться на стационарное лечение в Горьковский Институт Курортологии.

Жду ответа. К сему Касаткина А.Ив.

Министерство здравоохранения РСФСР

тов. Вавулиной Н.Н.

Уважаемая Нина Николаевна!

Ко мне обратилась моя избирательница Касаткина Анастасия Ивановна (Горьковская обл. Б. Мурашкинский р-н, п/о Григорово, село Медполяны, Холязихинского с/с), инвалид 2-й группы, с просьбой помочь ей получить место в стационаре Горьковского института курортологии для лечения суставного ревматизма.

Убедительно прошу Вас помочь ей в этом. О результатах прошу сообщить.

Д. Шостакович.

✉ *...Дорогой наш депутат, прошу вас помочь мне в лечение моих глаз.*

Мне пришлось лечится в г. Горьком. Я не хочу больше Горьковских больниц. Что со мной там было, как лечили не хочу больше так лечиться и другим не желаю...

Котушев К.

✉ *...Дмитрий Дмитриевич!*

Вы наверное поймете меня, как тяжело в 23 года быть прикованной к постели и поэтому я Вас очень прошу как родного отца помочь мне...

Буду ждать с нетерпением от Вас помощи.

С уважением к Вам Лида.

✉ *...Я инвалид 1-й группы (парализован более 13 лет). Пытался устроиться в больницу, но безуспешно. Поэтому, Дмитрий Дмитриевич, я обращаюсь к Вам с просьбой — помочь мне в этом деле...*

✉ *...Здравствуйте, дорогой Дмитрий Дмитриевич!*

Пишет незнакомый Вам человек, который просит у Вас помощи. Простите, что отнимаю у Вас время, ведь у Вас масса дел, куда более важных, чем мое. Но я хочу рассказать Вам о моем горе.

Почему я обращаюсь именно к Вам, потому что мне кажется, что Вы в юности тоже немало пережили, иначе Вы не смогли бы написать такую музыку, ведь только человек, познавший в своей жизни и горе, и счастье, может так точно отразить в музыке самые тонкие движения человеческой души. А в Вашей музыке я слышала немало горя. И еще мне кажется, что для любого композитора музыка — это то, что волнует самого композитора, что он пережил в жизни, поэтому мне кажется, что Вам можно довериться, что Вы сможете понять меня. И еще я увидела, что люди (даже близкие) безучастны к чужому горю. Их волнует только их личное благополучие, а до других им нет никакого дела. Вот почему о своем горе я пишу Вам...

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Министерство связи СССР

Прием: 14 10 мин.
Бл. № 319
Принял:

Передача: час. мин.
Св. №
Передал:

ВЫБОРНАЯ МОСКВА КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ ДОМ 27 КВАРТИРА 87 ТОВАРИЩУ ШОСТАКОВИЧУ=

1860

ЛГРАДА 107/803 6Ч 14 1705=

№ сл. го. ч. м.

УВАЖАЕМЫЙ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОРОДСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ОТ РСФСР СООБЩАЕТ ЧТО 13 ФЕВРАЛЯ ВЫ В СООТВЕТСТВИИ С ВОЛЕЙ КОЛЛЕКТИВОВ ТЕАТРА ОПЕРЫ БАЛЕТА ИМЕНИ КИРОВА ЗПТ КОНСЕРВАТОРИИ ЗПТ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ЗПТ ТРУДЯЩИХСЯ КАРБЮРАТОРНОГО ЗАВОДА ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ=КАНДИДАТОМ В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ТЧК ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ ЗПТ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ=ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОКРИЗБИРКОМА БОГОРОДИЦКИЙ

Шётӑк тӗнчери пролетаришем, ӗрлешӗр!

Совет Союзӗнчи Коммунистсен партийӗ
ЕТЁРНЕ
РАЙОН КОМИТЕЧЁ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза
ЯДРИНСКИЙ
РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ

№ _____ г. Ядрин
26 марта 1975 г.

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ
ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ !

Рады были узнать, что Вы намерены приехать в наш город Ядрин нынешним летом.

Заверяем, что мы сделаем все возможное для того, чтобы Ваша поездка была необременительной и доставила бы Вам удовлетворение.

Обо всех подробностях предстоящей поездки и чисто бытовых вопросах расскажет Вам товарищ Медведев Александр Викторович.

Ждем Вас на Ядринской земле.

(Стр. 633-634) Выборные телеграммы

Министерство Связи СССР

ВЫБОРНАЯ

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЁМ	ПЕРЕДАЧА	Адрес:
го ч. м. Бл. № 918 Принял	го ч. м. Св. № Пор. № Передал	=СЕРИЯ П МОСКВА ПЕРВОМУ ~~ПРАВЛЕНИЯ~~ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РСФСР ТОВАРИЩУ ШОСТАКОВИЧУ ДМИТРИЮ ДМИТРИЕВИЧУ:
ДЗЕРЖИНСКА ГРК 188/1 79 6 0930 сл. го ч. м.		

=5 МАЯ 1966 ГОДА НА МНОГОТЫСЯЧНОМ СОБРАНИИ РАБОЧИХ И ИНЖЕНЕРНО ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СЛУЖАЩИХ ДЗЕРЖИНСКОГО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗАВОДА КАПРОЛАКТАМ ВАША КАНДИДАТУРА ЗПТ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗПТ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ПО ГОРЬКОВСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ НР 6 ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЗПТ ЕДИНОДУШНО ПОДДЕРЖАНА ВСЕМИ ПРИСУТСТВУЮЩИМИ НА СОБРАНИИ ТЧК ПРОСИМ ВАС ЗПТ ДАТЬ СВОЕ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ ПО ЭТОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ: =11Ч1 ПО ПОРУЧЕНИЮ СОБРАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ ТЕКЛИН-

Министерство Связи СССР

ВЫБОРНАЯ

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЁМ	ПЕРЕДАЧА	
го ч. м. Бл. № 975 Принял	го ч. м. Св. № Пор. № Передал	ВЫБОРНАЯ МОСКВА СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ СОЮЗА ССР ТОВАРИЩУ ШОСТАКОВИЧУ ДМИТРИЮ ДМИТРИЕВИЧУ
ЯДРИНА ЧУВ 0430 62 26 1910		
№ сл. го ч. м.		

-РАДОСТЬЮ СООБЩАЕМ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ КОЛХОЗА ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА ЯДРИНСКОГО РАЙОНА ЧУВАШИИ ЕДИНОДУШНО ВЫДВИНУЛО ВАС ВЫДАЮЩЕГОСЯ ДЕЯТЕЛЯ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАНДИДАТОМ ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ЯДРИНСКОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ 689 ПО ВЫБОРАМ СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ТЧК ПРОСИМ ДАТЬ СОГЛАСИЕ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ КАНДИДАТОМ ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УКАЗАННОМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ ТЧК ЖДЕМ ВАШЕГО ПРИЕЗДА-ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ=

Колхозник, рабочий, служащий, спец. с-х., военнослужащий, инв. войны, семья погибшего, прочие.

ПРИЕМНАЯ

председателя Горьковского облисполкома

по рассмотрению заявлений и жалоб трудящихся

Карточка учета поступающих жалоб

на личном приеме

1. Дата поступления жалобы 23/III 67
2. Фамилия, имя, отчество жалобщика Паникарова Агапия Ивановна
3. Адрес жалобщика г. Горький, Приокский р-н, ул. Белинского д. 14-2
4. Краткое содержание жалобы По вопросу переселения из аварийного дома
5. Кому и когда передана на разрешение т. Шостакович ДД
6. Когда и что предпринято по жалобе Лечащий врач считает, что необх. дома отдельная квартира
7. Срок исполнения
8. Когда получен ответ и результат по жалобе Обратился к зав. Боковому
9. Когда дан ответ заявителю 21 марта г.

Подпись [подпись]

Тип. изд-ва «Горьк. правда». Зак. 355. Тир. 6000. 1966 г.

Колхозник, рабочий, служащий, спец. с-х., военнослужащий, инв. войны, семья погибшего, прочие.

ПРИЕМНАЯ

председателя Горьковского облисполкома

по рассмотрению заявлений и жалоб трудящихся

Карточка учета поступающих жалоб

на личном приеме

1. Дата поступления жалобы 29/III. 67
2. Фамилия, имя, отчество жалобщика Горшенева Татьяна Александровна
3. Адрес жалобщика г. Бор, 3 Задолье, д. 22
4. Краткое содержание жалобы Просит улучшить жилищные условия
5. Кому и когда передана на разрешение т. Шостакович ДД.
6. Когда и что предпринято по жалобе Обратился к В.И. Боковому
7. Срок исполнения
8. Когда получен ответ и результат по жалобе
9. Когда дан ответ заявителю 26 марта

Подпись [подпись]

Тип. изд-ва «Горьк. правда». Зак. 355. Тир. 6000. 1966 г.

Карточки учета поступающих жалоб избирателей

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

Строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ) объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

«Бульдозерная выставка» в Москве разгромлена властями.

Во время гастролей в Канаде остался на западе Михаил Барышников.

Падение режимов в Португалии, Греции и Эфиопии, правительственный кризис в Италии.

А. Солженицын лишен советского гражданства и выслан из СССР.

В Германии начал выходит журнал «Континент».

Нобелевские премии присуждены за исследования в астрофизике и структурной и функциональной организации клеток.

Ж. Деррида создал «Похоронный звон», Ж. Сартр «Бунт всегда прав».

В. Распутин опубликовал повесть «Живи и помни».

Сняты фильмы «Семейный портрет в интерьере» Л. Висконти, «Амаркорд» Ф. Феллини, «Осень» А. Смирнова, пролежавшая два года на полке «за эротизм».

Умер Д. Мийо, участник французской «Шестерки».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 1975 ГОД

ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА

11 января — Москва. Малый зал консерватории. Д. Шостакович на премьере Пятнадцатого квартета (ор. 144).

31 января — Москва. Малый зал консерватории. На премьере Сюиты на стихи Микеланджело (ор. 145).

12 апреля — Ленинград. Большой зал филармонии. Премьера «Песни о блохе» М.П. Мусоргского в обработке Д. Шостаковича.

1–28 апреля — на лечении в подмосковном санатории, где завершает сочинение «Четырех стихотворений капитана Лебядкина» на слова Ф.М. Достоевского (ор. 146).

10 мая — Москва. На премьере «Четырех стихотворений капитана Лебядкина» (ор. 146) в Малом зале консерватории.

Май — в Репине.

Июнь–июль — в Жуковке под Москвой, где завершает сочинение Сонаты для альта и фортепиано (ор. 147).

Пишет статью «Музыка и время» для журнала «Коммунист».

Избрание Д. Шостаковича почетным членом Французской академии изящных искусств.

9 июля–1 августа и 4–9 августа — в больнице.

9 августа в 18 часов 30 минут Д. Шостакович скончался.

Мне сейчас трудно сказать, какое новое произведение я напишу... Процесс зарождения нового произведения — это до сих пор остается для меня чем-то таинственным. Может быть, это будет еще один новый квартет, новое симфоническое произведение или вокальный цикл... *(«Бюллетень ВААП», 1975 г., № 2 [5])*

Этот год — последний в жизни великого композитора, начался как обычно: он репетировал с музыкантами, ездил на концерты, в том числе в Ленинград, работал над новыми сочинениями — не хотел сдаваться. Мужество и невероятная сила воли этого человека, пожалуй, не имеют аналогов в истории искусства.

11 января 1975 года Шостакович присутствует на премьере Пятнадцатого квартета (ор. 144) в Малом зале Московской консерватории.

21 января 1975 г.

В исполком Ядринского райсовета депутатов трудящихся,
отдел социального обеспечения

Уважаемые товарищи!

Ко мне обратился тов. Иванов С.И. по вопросу о назначении ему пенсии по инвалидности. Отдел социального обеспечения Ядринского исполкома райсовета своим решением от 24.06.1967 г. отказал тов. Иванову в назначении указанной пенсии, мотивируя свое решение отсутствием необходимого трудового стажа (16 лет).

Тов. Иванов пишет мне, что в 1971 г. ему удалось получить документы, с учетом которых его общий трудовой стаж к 1967 г. определяется в 16 лет 8 мес. и 25 дней.

Убедительно прошу вернуться к рассмотрению вопроса о назначении тов. Иванову С.И. пенсии по инвалидности и учесть при этом все документы, свидетельствующие о его трудовом стаже. Положительное решение этого вопроса жизненно важно для участника войны 1939–1940 гг., Великой Отечественной войны, престарелого больного человека.

Прошу сообщить мне о Вашем решении.

С уважением Д. Шостакович.

21 января 1975 г.

Тов. Иванову С.И.

Уважаемый Степан Иванович!

Ознакомившись с Вашим заявлением, я обратился в отдел социального обеспечения Ядринского исполкома райсовета с просьбой пересмотреть вопрос о назначении Вам пенсии по инвалидности. Необходимо представить все имеющиеся у Вас на руках документы, а также заявление о пересмотре пенсии в отдел социального обеспечения исполкома Ядринского райсовета.

С уважением Д. Шостакович.

✉ *13 февраля 1975 г.*

Д.Д. Шостаковичу

На Ваше письмо о назначении пенсии по инвалидности тов. Иванову С.И. отдел социального обеспечения исполкома Ядринского райсовета сообщает, что назначить пенсию тов. Иванову С.И. не представляется возможным, т.к. решение комиссии от 24.04.1967 г. не пересматривается. А в настоящее время ему требуется по инвалидности 20 лет стажа работы, он фактически имеет 15 л. 8 мес. 25 дней.

Поэтому удовлетворить Вашу просьбу нет возможности.

Зав. Райсо: Т. Горбунова.

✉ *Товарищ Шостакович!*

Вы являетесь нашим депутатом, к кому же обратиться, как не к Вам. А почему-то ответа никакого до сих пор нет. Написано было все правильно, даже посланный документ был. А время большое прошло, наверно, месяца два. В чем дело, я не знаю, а ведь я беспокоюсь. Я бы приехал к Вам, но нет возможности — все болею. Вот и решил написать, описал все подробно. Там писано, что я являюсь инвалидом II группы, а получаю почему-то 25 рублей. Все мои товарищи получают по 60, 70 рублей, а я 25. Я воевал всю войну. Да все время пас стадо. Подробно я не буду описывать, в первом письме все подробно описано и даже есть документы. Я знаю, что я неправильно получаю и не пойму, к какой категории принадлежу. Если бы я получал гражданскую пенсию, то получал бы 45 рублей, а если бы военную, то 60 р. А вместо этого я получаю 25 рублей и не знаю даже, какую пенсию я получаю. Вот и разберитесь и дайте ответ.

Будем ждать. Кривоносов А.И.

✉ *Уважаемый наш депутат Дмитрий Дмитриевич!*

Разрешите от имени больных Горьковской больницы (туберкулезное отделение) обратиться к Вам за разъяснением и помощью по следующему вопросу.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют особое внимание и заботу по лечению больных туберкулезом. Все это способствует сокращению и быстрому выздоравливанию больных туберкулезом в нашей стране. Сотни и тысячи советских людей возвращаются на предприятия для работы у станков и т.д. И все они остаются очень и очень благодарны проявленной заботе со стороны нашей партии и правительства.

Однако наряду с этим у некоторых больных туберкулезом в возрасте от 25 лет и старше по некоторым причинам не удается излечить

эту коварно-злую болезнь. Некоторые молодые люди, имеющие 2–3-х детей от одного года и старше, получают инвалидность второй группы. С этой группой инвалиды не могут работать, т.е. освобождаются от работы и получают пенсию. Вот тут-то эти самые инвалиды и остаются обижены. Дело в том, что инвалидам очень и очень мало выделяется на детей. Возьмем, к примеру, одного нашего инвалида второй группы. Он имеет троих детей, старшему из которых 12 лет. Жена тоже инвалид II группы по сердцу, получает 30 руб. Муж получает 60 руб. пенсии, инвалид II группы (туберкулез). Как прожить семье в пять человек на 90 рублей?

Почему обижены так дети инвалида II группы туберкулезом, который проработал на производстве не один десяток лет? Почему очень мало набавляют к пенсии детям этих инвалидов?

Вот потому и просим Вашего содействия по этому вопросу. Этот вопрос волнует очень и очень многих инвалидов.

С уважением к Вам!

Замятин А.Г.

Тридцать первого января 1975 года Шостакович присутствует на премьере Сюиты на стихи Микеланджело (ор. 145) в Малом зале Московской консерватории.

Есть истины в реченьях старины,
И вот одна: кто может, тот не хочет.
Ты внял, Господь, тому, что ложь стрекочет,
И болтуны тобой награждены…

Я думал, что возьмет твое величье
Меня к себе не эхом для палат,
А лезвием суда и гирей гнева.

Но есть к земным заслугам безразличье
На небесах, и ждать от них наград —
Что ожидать плодов с сухого древа.

(Микеланджело Буонарроти. Пер. А.М. Эфроса)

✉ *16 марта 1975 г.*

Депутату Совета Национальностей

Шостаковичу Д.Д.

Многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!

Рады были узнать, что Вы намерены приехать в наш город Ядрин нынешним летом.

Заверяем, что мы сделаем все возможное для того, чтобы Ваша поездка была необременительной и доставила бы Вам удовлетворение.

Обо всех подробностях предстоящей поездки и чисто бытовых вопросах расскажет Вам товарищ Медведев Александр Викторович.

Ждем Вас на Ядринской земле.

С уважением

Секретарь Ядринского райкома КПСС

И. Ильин.

✉ *Депутату Верховного Совета СССР Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу*

Наш колхоз «Искра» Красночетайского района Чувашской АССР с 1971 года строит хозяйственным способом асфальтированную дорогу протяженностью 9,5 км, а с 1972 года — хозяйственным же способом строит свиноводческий комплекс с производительностью 400 т. свинины в год. Строительство асфальтированной дороги идет к концу.

В строительстве свиноводческого комплекса колхозу помогает строительными материалами и железобетонными изделиями подшефная строительная организация СУ-41 Стройтреста-4 г. Новочебоксарска в достаточном количестве. СУ-41 находится от колхоза за 150 км. И за неимением большегрузных автомашин, колхоз не может вывозить железобетонные изделия. Районная организация «Сельхозтехника» с техникой мало помогает, из-за этого пуск свинокомплекса переносится из года в год.

В старом помещении свинофермы нет никакой механизации, поэтому свинаркам приходится работать вручную, но не смотря ни на какие трудности, наш колхоз по производству мяса и молока пятилетний план выполнил в марте месяце 1975 года.

К Вам, всеми уважаемый депутат Верховного Совета СССР, Дмитрий Дмитриевич, по просьбе колхозниц-свинарок колхоза «Искра» обращаемся с просьбой ходатайствовать перед Министерством сельского хозяйства РСФСР о выделении нашему колхозу хотя бы одну или две автомашины типа Урал-377 с прицепом.

Член правления колхоза «Искра», шофер В. Наумов

Зав. фермой СТФ И. Булаткин.

✉ *Дорогой наш депутат т. Шостакович!*

(Наш, потому что мы за Вас голосовали), извините нас за беспокойство, но мы обращаемся к Вам со своим горем. Дело в том, что наше село Фокино Горьковской обл. Воротынского р-на газофицировали еще в 1972 г., ну и мы, как и многие другие, сделали в домах (мы три дома живем между улиц) во всех трех газовое отопление полностью, даже вытяжные трубы поставили. А магистраль к нашим домам, метров 150, до сих пор не проложили, и мы вот уж в марте 1975 г. будет 3 года, как вложили почти по 500 руб. каждый, а газом не пользуемся. Мы писали и в ЦК КПСС письмо, и в редакцию «Горьковская правда», и в ЦК Чувашской АССР (магистраль по селу прокладывали из Чебоксар, а в домах из Горького), и все присылали ответ на исполком Воротынского райсовета, а из Воротынца нам присылали ответ и обещали подключить в июле 1974 г., но скоро опять зима, а у нас все по-прежнему.

Т. Шостакович, помогите нам, если можете, или посоветуйте, что делать, мы уже из веры вышли, мы ведь вложили свои трудовые, кровные деньги. Райисполком ссылается на председателя колхоза, что он должен это сделать, а мы пошли к председателю, и он нам сказал, что затеряли наш проект, и он выгнал нас из кабинета.

Мы Вас очень просим нам помочь, если, конечно, можете.

Мальцевы, Макарычев, Анисимова

Я не написала наши фамилии:

Мальцев Константин Иванович

Макарычев Филарет

Анисимова Пелагея Казимировна

На прошлый год вырыли канаву, привезли труб, половину сварили, положить не положили, и эти трубы сейчас лежат на земле ржавеют, по ним ездят машины, а канаву половину залило.

Извините за беспокойство.

Двенадцатого апреля 1975 года в Ленинграде в Большом зале филармонии впервые прозвучала сатанинская «Песня о блохе» Мусоргского в обработке Шостаковича: «Жил-был король когда-то, при нем блоха жила… Ха-ха-ха!»

В опере «Фауст» Ш. Гуно песню о блохе на стихи Гете поет Мефистофель. Мусоргский, а затем Шостакович создали свою версию песни, которая стала существовать как вечный образ ничтожества, облеченного властью.

Блоха министром стала.
Блестит на ней звезда!

Родня ее попала
В большие господа...
Ха-ха. Ха-ха-ха-ха. Блоха. Ха-ха-ха!

Эту песню пел Шаляпин — с убийственной иронией, поражающей как гром, как проклятье.

Король ей сан министра
И с ним звезду дает,
За нею и другие
Пошли все блохи в ход.
Ха-ха.

Это заключительное «Ха-ха!» дышит таким злорадством, таким дьявольским торжеством!

И тронуть-то боятся.
Не то чтобы их бить.
А мы, кто стал кусаться,
Тотчас давай — душить!

✉ *19 апреля 1975 г.*

Д.Д. Шостаковичу

На шестые сутки моей голодовки.

Жалоба политзаключенного СССР Шакирова Пабира Асилхановича.

В прославленной на весь мир владимирской тюрьме снова вспыхнула массовая голодовка. Причиной ее является произвол и беззаконие постоянно свирепствующие в этом, так называемом, советском учреждении.

Тюремная администрация по прямой указке отдельных органов намеревается физически уничтожать нас.

На основании самим выдуманных антисоветских правил администрация заставляет нас работать в невыносимых условиях, где полностью нарушены санитарные нормы. Сознательно морит нас голодом. Содержит в полуголодном режиме.

Кроме всего, она выдумала не отоваривать новоприбывших в ларьке. Хотя по закону положено отоваривать нас в течение 30 дней. А также не стали выдавать законно приобретенные в лагере сахар и молоко, выданные нам пайком и взамен спец. молока.

Фактически не стала отправлять наши жалобы по назначению, чем конечно пытается скрыть свои антисоветские действия от общественности.

Совершая все эти античеловеческие акты постоянно ссылается на какие-то секретные инструкции, напоминающие чудовищные времена сталинизма.

Мы голодом требуем выдать нам все, что положено по закону и своевременно отправлять наши жалобы.

Все наши обращения в органы прокуратуры не дали никаких результатов.

Прошу вас восстановить социалистическую законность в этой учреждении, если она является советским.

Шакиров П.

✉ *Уважаемый Дмитрий Дмитриевич.*

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне приобрести лесоматериал для строительства жилого дома. (Я и моя жена — мы пенсионеры — обращались в сельсовет, но там не обращают внимания, за что воевал против фашистов, я не знаю).

Я ветеран Отечественной войны, участвовал в штурме Берлина, наградило Советское правительство орденами и медалями, всего семь наград и ветеран труда, активно участвовал как механизатор в восстановлении сельского хозяйства после войны, за что Президиум Верховного совета Чувашской АССР наградил почетной грамотой, администрация МТС и «Сельхозтехника» ежегодно награждали грамотами, прошу Вашего ходатайства перед Советом министров Чувашской АССР выделить из фонда лесоматериал 60-70 ф/м из Красно-Четайского лесхоза, где я живу близко. Дом вот-вот развалится, стыдно в современной деревне под соломенной крышей жить. Я живу в деревне Черепанове Красно-Четайского р-на, где Вы были на встрече в Клубе с избирателями, и вот обращаюсь к Вам как к своему депутату.

Чувашская АССР, дер. Черепанове,

Палейкин Михаил Порфирьевич.

Министерство социального обеспечения Чувашской АССР

Тов. Мастеровой Е.А.

Многоуважаемая Ефросинья Васильевна!

Ко мне обратился избиратель Палейкин Михаил Порфирьевич, пенсионер, бывший участник Великой Отечественной войны, проживающий в деревне Черепаново Красно-Четайского р-на. Тов. Палейкин безрезультатно хлопочет о выделении ему лесоматериала, необходимого для строительства жилого дома. В настоящее время он вынужден проживать в ветхом строении,

доме под соломенной крышей, ремонт которого практически невозможен.

Убедительно прошу Вас, уважаемая Ефросинья Васильевна, оказать содействие тов. Палейкину. Не откажите в любезности также известить меня о принятых мерах.

Д.Д. Шостакович.

✉ *6 мая 1975 г.*

РСФСР. Министерство социального обеспечения Чувашской АССР

Депутату Верховного Совета СССР тов. Шостаковичу Д.Д.

г. Москва, К-9

Копия: Палейкину Михаилу Порфирьевичу

Красночетайский р-он, д. Черепаново

Министерство социального обеспечения Чувашской АССР сообщает, что жилищно-бытовые условия участника Великой Отечественной войны Палейкина Михаила Порфирьевича проверены с выездом на место.

В настоящее время Палейкину выделено 25 куб. м. леса на корню в 61 квартале, 4 делянке. При вывозке леса Палейкину М.П. будет оказана помощь транспортом.

Заместитель министра Б. Кореньков.

✉ *27 мая 1975 г.*

Депутату Верховного Совета СССР по Ядринскому избирательному округу № 689 от Чувашской АССР дорогому товарищу Шостаковичу Д.Д. от инв. Великой Отечественной войны II гр. Федорова Семена Федоровича, проживающего в деревне Якимкино Ядринского р-на.

Дорогой Дмитрий Дмитриевич, простите меня, что я беспокою Вас своим письмом. Убедительно прошу Вас выделить пару минут прочесть мое письмо и ответить о нижеследующем:

Я как коммунист пишу это письмо от чистосердечной души. Человек я скромный, дети мои скромные. Мой отец Иванов Федор Иванович 8 лет служил в русской армии, сражался в Русско-Японской войне 1904–1905 гг., участвовал в первой революции за Власть Советов.

Отец и мать умерли, я остался круглым сиротой в деревне, воспитался кое-как, но все же я нашел себе дорогу жизни при помощи нашего Комсомола и Коммунистической партии СССР.

В декабре 1943 г. в боях против фашистов за город Житомир я был тяжело ранен. Остался на всю жизнь инвалидом. Нет ног. Родина нас не забывает. Я и семья материально, духовно обеспечены. 28 лет уже работаю бухгалтером в родном совхозе, жена — пенсионерка.

У меня 6 детей, все они выросли, учились и работают в разных местах.

У них появились свои дети. Но нет у них своего уголка — жилой комнаты. Живут кое-где в частных квартирах. Там детей воспитывать невозможно.

Дорогой Дмитрий Дмитриевич, беспокоясь за своих старших детей, которые работают в гор. Чебоксары, обращаюсь к Вам как нашему депутату Верховного Совета СССР как нашему слуге народа в оказании поддержки насчет получения комнаты в г. Чебоксары для своих старших детей, Федорова Валерия С., Федоровой Зои Трофимовны.

Неужели нет возможности, хотя бы выделить одну комнатку в семейном общежитии для семьи из 3-х человек с детьми, в обеспечении семейным уголком.

С искренним уважением к Вам, С. Федоров, член КПСС, ветеран войны и труда.

г. Чебоксары

Стройтрест № 2 СУ-28

Управляющему трестом

Секретарю парторганизации

Председателю местного комитета

Уважаемые товарищи!

В Вашем тресте работает электриком тов. Федоров В.С. Ко мне обратился его отец, бывший фронтовик, инвалид. Он сообщает, что тов. Федоров не имеет жилплощади и вынужден вместе с женой и годовалым ребенком снимать комнату частным образом.

Убедительно прошу руководство треста обследовать жилищные условия семьи Федоровых и оказать помощь тов. Федорову (его жене и ребенку) в предоставлении квартиры, если он по существующему порядку вправе на нее претендовать.

Прошу сообщить мне о принятом Вами решении.

Д.Д. Шостакович.

Весной 1975 года стали поступать многочисленные приглашения на празднование тридцатилетия Победы в Великой Отечественной войне: повсюду на торжествах хотели видеть автора Седьмой симфонии.

Это программное сочинение, навеянное грозными событиями 1941 года. Я не ставил себе задачу натуралистически изобразить военные действия (гул самолетов, грохот танков, залпы пушек): я не сочинял так называемую батальную музыку. Мне хотелось пе-

редать содержание страшных событий, — сказал тогда Шостакович перед премьерой.

Мог ли Шостакович представить, что и через десятки лет, в год семидесятилетия Великой Победы, власти будут в очередной раз цинично обещать горстке оставшихся в живых, обворованных государством и обманутых многолетними обещаниями ветеранам, за которых он как депутат самоотверженно хлопотал, «улучшение жилищных условий»...

Девятого мая 1975 года симфония была исполнена в Большом зале Ленинградской филармонии; за дирижерским пультом стоял К.И. Элиасберг, но никто из блокадных исполнителей играть уже не мог.

Восемнадцатого мая оркестр Московской филармонии завершил Седьмой симфонией фестиваль «Московские звезды», а затем исполнил ее в Чехословакии, на фестивале «Пражская весна».

В это время Шостакович находился на лечении в подмосковном санатории, где завершал сочинение «Четырех стихотворений капитана Лебядкина» на слова Достоевского (ор. 146).

Еще в юности, отвечая на анкету, Шостакович называл Достоевского наряду с Гоголем, Салтыковым-Щедриным и Чеховым среди своих любимых писателей.

В своем обличительном памфлете на революционное движение Достоевский задолго предугадал в романе «Бесы», в чьих руках окажется русская революция, затеянная кучкой авантюристов, какие беды несет она.

Теперь, перечитывая роман «Бесы» Достоевского, Шостакович обратил внимание на эпизодический персонаж — капитана Лебядкина «с багровым, несколько опухшим и обрюзгшим лицом, со вздрагивающими при каждом движении головы щеками, с маленькими, кровяными, иногда довольно хитрыми глазками, в усах, в бакенбардах». Это образ шута, которому всегда хочется «обидеть, как-нибудь нагадить, показать свою власть». Поэзия Лебядкина, которую он сам, как говорится в романе, «уважал и ценил безмерно», — пародия на поэзию.

Это был гротескный Достоевский, скорее похожий на Гоголя из неосуществленных «Петербургских повестей». Смешное здесь становится страшным.

Шостакович помечает в «Бесах» четыре стихотворения, четыре «сценки со значением»: «Любовь капитана Лебядкина» о том, как «любви пылающей граната лопнула в груди Игната», и послание к совершенству девицы Тушиной; «Таракан»; «Бал в пользу гувернанток»; «Светлая личность» — и сочиняет «музыкальную пародию на пародию поэтическую» — ответ композитора на то, что его волновало.

СВЕТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ

Он не знатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу. Эх!

И восстанье начиная,
Он бежал в чужие краи
Из царева каземата
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента. Эх!

Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно,
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство! Эх!

Услышав свое сатирическое творение на репетиции накануне премьеры, Шостакович смеялся, но после репетиции, задумавшись, сказал: «Здесь, кажется, мне удалось ухватить “достоевщину”. Лебядкин, конечно, шут гороховый, но иногда от него становится страшно... Капитан Лебядкин в большой степени, как мне кажется, фигура зловещая».

Условный персонаж романа обнаружил необыкновенную жизненность, которую подметил Шостакович — лебядкинский ораторский стиль в произнесении галиматьи стал сходить за красноречие.

Премьера «Четырех стихотворений капитана Лебядкина» (соч. 146) состоялась 10 мая 1975 года в Москве в Малом зале консерватории.

Это был последний концерт, на котором Шостакович слушал свою музыку.

ТЕЛЕГРАММА

АЛМА-АТЫ 6003 70 15 1200

СЕРИЯ Г-33 МОСКВА СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

ДМИТРИЮ ШОСТАКОВИЧУ

ДОРОГОЙ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ МЫ СТУДЕНТЫ АЛМА-АТИНСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ НЕДАВНО У НАС РОДИЛСЯ СЫН НАША ПЕРВАЯ РАДОСТЬ ЖИЗНИ МЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ ЕГО И НАЗВАЛИ В ВАШУ ЧЕСТЬ ДМИТРИЕМ МЫ ЛЮБИМ ВАШИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЦЕНИМ ВЫСОКО ВАШЕ ТВОРЧЕСТВО КОТОРОЕ ДЛЯ НАС ЯВЛЯЕТСЯ ИДЕАЛОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСТОЯЩЕГО ХУДОЖНИКА СОВРЕМЕННОСТИ НАША МЕЧТА ЧТОБЫ НАШ СЫН СТАЛ КОМПОЗИТОРОМ ДОСТОЙНЫМ ТОГО ЧЬЕ ИМЯ ОН НОСИТ — ЛИЛИ И АНАТОЛИЙ ГОРНОВСКИЕ

✉ *Добрый день, многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич, и Максим Дмитриевич!*

Наша семья получила Ваше письмо с двумя фото-карточками. Большое, самое большое Сердечное Спасибо! Несмотря на большую работу, Вы нашли время ответить одной Ярославской семье. А это и есть ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ людей, уважающих других, несмотря на мировую славу. Ваши фото-карточки я показал в цехе, товарищам по работе. Удивления и ахов не было. А лишь то, что рабочие еще больше прониклись уважением к Вам. Мнение одно, что семья Шостаковичей уважает и любит простой народ. Что она душевна. Ведь Ваша музыка Дмитрий Дмитриевич всегда полна жизни. Она неотделима от времени. Она заставляет задумываться и плакать. Любить и ненавидеть. Потому что она взята от всего жизненного. Пройдут века, но люди будут так же волноваться, слушая Вашу музыку. И будут завидовать нам, современникам, жившим вместе с Вами. Ибо прекрасное никогда не имеет конца, оно бессмертно. У нас есть один А. Пушкин, который покорил и покоряет людей своей прозой. А второй в мире Вы, ибо Ваша музыка прекрасна, талантлива, как поэзия Пушкина. И ценно то, что у Вас нет копировки кого-то, Вы не подлаживаетесь ни к чему, а пишите свое, душевное, неповторимое и нужное людям. И за это Вам Большое рабочее Спасибо и Земной поклон. Желаю Вам, дорогой Дмитрий Дмитриевич, никогда не болеть, здоровья и еще прожить много, много лет на радость людям. А Вашему сыну Максиму Дмитриевичу в его жизни солнца, радостей и Больших творческих Удач, Счастья и Здоровья ему!

Д.Д. и М.Д.!

Прошу простить за мое письмо. Но как хочется, чтобы Вы его поняли. Самого Вам хорошего, что только есть в мире.

г. Ярославль, Чайковского, 56-5

Домашнев Владимир.

Наша семья желает Вам всего самого наилучшего.

Дмитрий Дмитриевич был истинным «петербуржцем» — его простота и деликатность, боязнь причинить неудобство, обеспокоить чем-нибудь, показать свою привилегированность создавали огромный контраст с теми людьми во власти, к которым Шостаковичу и его избирателям приходилось обращаться.

Другой человек такой же, как я, — это кредо Шостаковича.

На одном из его юбилеев, куда были приглашены многие именитые гости, по одну сторону от юбиляра сидел его шофер, а по другую — домработница Марья Дмитриевна, многолетний друг семьи.

Максим Дмитриевич: «Кстати, — он мог писать музыку, но если наша домработница приходила и говорила, что пора обедать, то он откладывал ручку буквально на кульминации, перед заключительным аккордом — и шел, чтобы не заставить себя ждать. Он очень был внимателен к людям, необыкновенно». *(Из интервью автору)*

Характерна записка Шостаковича своему секретарю З.А. Гаямовой из больницы:

Дорогая Зинаида Александровна! Сегодня мне не позволили после уколов выйти к Вам. Извините, пожалуйста, за задержку, которая из-за этого произошла...

Пишет приятелю: **Уезжая, не попрощался с шофером, который нас возил. Положите, пожалуйста, ассигнацию в конверт, запечатайте это и в таком виде отдайте ему от меня.**

Май 1975 года — последний приезд Шостаковича в Репино.

Вот видите, сколько писем. Наверное, меня считают невежливым человеком, а я не могу ответить. Учусь писать левой рукой... — сокрушенно заметил Шостакович.

В архивах мне посчастливилось держать в руках все сохранившиеся сочинения Шостаковича. Поражает сама нотная графика, особенно первоначальные наброски, где значатся только точки, обозначающие ноты, без указания длительности и без штилей, а сбоку лишь наметки инструментовки. Лихорадочно записанные, они представляют некую

россыпь нот, брошенных в кажущемся беспорядке на лист, как некое неведомое созвездие, которое потом превратится в целую музыкальную галактику. Это как генетический код будущего произведения, который Шостакович набрасывал, ощущая сразу целое, все звучание, все инструменты — он мыслил сразу оркестрово, звуковыми фактурами.

Процесс записи сам по себе возбуждал воображение, начертание нот имело для композитора образный смысл. «Ноты сами подсказывают мне», — любил повторять Прокофьев. Так мог бы сказать и Шостакович.

У меня ум в руке, я сам должен писать...

Есть разные способы писать музыку. У некоторых рождается мелодия, какие-то ходы, а потом они оркеструют. У меня же вся музыка рождается оркестрованной. Я слышу ее так. И какой состав оркестра, и какие играют инструменты. Все это складывается в голове. А потом я сажусь и пишу. Мне трудно понять, как можно иначе писать музыку.

Б. Тищенко вспоминал: «Стиль работы Дмитрия Дмитриевича напоминал моцартовский. Сочинение появляется внезапно. Никаких лишних слов до этого: "...замысел вынашиваю", "обдумываю" — этого ничего нет. В самое короткое время появляется чистовая партитура, без всякой "подготовительной работы", эскизов, клавиров и т.п. Невольно вспоминается моцартовские слова о том, что он любит охватить одним взглядом всю будущую симфонию, увидеть ее целиком, "как яблочко на ладони". Надо себе представить, какого внутреннего напряжения и сосредоточенности требует такая работа.

После окончания сочинения Дмитрий Дмитриевич весел, шутлив, разговорчив. В промежутках между окончанием одной и началом другой работы нередко бывает озабочен, нервен и недоволен самим собой». *(Из интервью автору)*

От первых ученических этюдов по голосоведению и до последних нот, написанных рукой композитора — разные состояния, но не меняющийся с годами почерк...

Не знаю, как другие, а для меня писать — безразлично где. Сознание мое всегда наполнено музыкой... Я, например, не раз писал, едучи в поезде в неудобной позе, и, наоборот, возвращался «пустой», без единого написанного нотного листа из комфортабельнейшего санатория. Преодолевать в процессе творчества приходится самого себя, а не внешнюю среду...

В конце жизни, отвечая на этот вопрос, композитор говорил: ...**моего мнения о моем творческом процессе я, признаться, не имею... да и вообще, творческий процесс — дело темное.**

Несмотря на свой недуг, на приближение конца, он повторял: **Я буду, буду работать. Без этого жизнь не в сладость. Вообще-то дел много.**

Мне сейчас трудно сказать, какое новое произведение я напишу... Процесс зарождения нового произведения — это до сих пор остается для меня чем-то таинственным. Может быть, это будет еще один новый квартет, новое симфоническое произведение или вокальный цикл.

Когда один репортер добивался у Шостаковича ответа на вопрос, как он сочиняет музыку, Шостакович ответил: **Очень просто, очень просто. Беру бумагу, перо и чернила, сажусь, макаю и пишу, макаю и пишу.**

Двадцать восьмого мая 1975 года Шостакович уезжал из Репина, сказав, что возвратится через два месяца.

Поздний снег покрывал цветочные клумбы, дорожки.

Оказалось, что уезжал навсегда.

Е. Мравинский, живший неподалеку, записал в дневнике: «Нет всего почти моего поколения, которое, казалось когда-то, могло быть только свидетелем “чужих” уходов — ухода “стариков”; все это мое поколение само ушло, само исчезло, само умерло. А сам я сегодня много старше тогдашних стариков. И если от нас тех, “молодых”, до сегодня прошли считанные дни, часы, если не минуты, то сколько же осталось быть мне? Сколько мгновений??? Уже явственно шелестит последняя страничка — вот-вот перевернется. И для кого-то и я буду причислен к тем, умершим, как будто никогда и не бывшим, но и к вечно продолжающим быть и действовать в Душе и мыслях вспоминающего, пока не исчислится и его последний срок!..»

Последний раз в Ленинграде. Последний проезд по городу — остановились у дома, где Шостакович сочинял полвека назад свою Первую симфонию.

Призрачность города, с его таинственными белыми ночами, гулкими дворами, величественными фасадами дворцов, ажурными набережными и бесконечными мостами и мостиками — мост, соединявший прошлое и настоящее. На том берегу остался Петербург Гоголя и Достоевского, Пушкина и Блока.

Дмитрий Дмитриевич сумел сохранить эту преемственность, питавшую его творчество. И петербургская жуть Гоголя, с ее чудовищами и космическим ощущением бытия, и вечно прекрасный город-призрак, созданный воображением Пушкина и Блока, и полный тайн и страхов Петербург Достоевского с его искаженными пропорциями — нашли отражение в музыке Шостаковича.

✉ *12 июня 1975 г.*

Депутату Верховного Совета СССР тов. Шостаковичу Д.Д.

От члена КПСС с 1931 года, 1910 года рождения,

Хайкиной Анны Юрьевны

Москва

Заявление.

В 1937 году, будучи на партийной работе, я, с ведома в то время ЦК КПСС, взяла на воспитание 2-х (7-ми месяцев и 9-ти лет) детей репрессированных родителей полковника Жинько Якова Ивановича.

Вследствие тяжелых переживаний матери семимесячная дочь была инвалидом I группы с детства, психически больная, полупарализованная и сейчас, когда я пишу Вам об этом, я обливаюсь слезами, вспоминая эти трагические годы моей жизни. Как тяжело мне было ее воспитывать, кроме того, ведь на 2-х детей я не получала никакого пособия, воспитывая их тридцать лет. В августе 1956 года после посмертной реабилитации Жинько Якова Ивановича, я стала на дочь получать пенсию 93 руб. по линии Министерства обороны по день ее смерти в 1970 году. Сын Жинько Октавий Яковлевич работал токарем, а затем мастером в п/я, член КПСС. Женат, имеет 2-х детей.

Работала я в Воронежской области в райкомах партии инструктором с 1933 по 1937 гг., затем с 1938 по 1940 гг. инструктором по обслуживанию политотделов совхозов 4-х областей (Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской). В конце 1940 года после упразднения политотделов, я была направлена в Семилукский р-н Воронежской области уполномоченной. Наркомзага (одна женщина во всей области) и, когда наш район и г. Воронеж был занят немцами, я в августе 1942 года была отозвана в Москву в Наркомзаг, работала там инспектором, а затем райком партии меня направил на работу в Совнарком инспектором по хоз. устройству эвакуированного населения. Затем после еще большего обострения здоровья ребенка вынуждена была пойти на рядовую работу в плодоовощную контору Киевского района г. Москвы, где проработала с 1947 по 1973 гг. в должности ст. инженера по автотранспорту.

18 декабря 1973 года по ходатайству Киевского РК КПСС г. Москвы комиссия по персональным пенсиям установила мне персональную пенсию местного значения в размере 80 рублей в месяц.

Учитывая, что около 8 лет я проработала на партийной работе и что по тяжелым условиям, имея на руках больную дочь, вынуждена была уйти с партийной работы и что 30 лет я воспитывала 2-х детей посмертно реабилитированного полковника Жинько Якова Ивановича, члена КПСС с 1916 года, не получая никакой пенсии, сама болею хронической

бронхиальной астмой, существовать мне на 80 руб. в месяц тяжело, прошу учесть все эти обстоятельства и как исключение оказать мне помощь в получении персональной пенсии республиканского значения.

А. Хайкина.

В июне–июле Шостакович живет в Жуковке под Москвой, где пишет Сонату для альта и фортепиано (ор. 147). В журнале «Коммунист» выходит его статья «Музыка и время». В это же время Шостакович избран почетным членом Французской академии изящных искусств.

С дочерью Шостаковича Галиной Дмитриевной мы на даче в Жуковке, где Дмитрий Дмитриевич провел последние недели, дни. Разглядываем старые фотографии в семейном альбоме: «Это уж очень древние фотографии, — говорит Галина Дмитриевна. — Вот на стогу сена, это в Иванове, это Дом творчества композиторов. Тогда композиторы забавлялись тем, кто из них ловчее заберется на стог сена, — это такое было соревнование. И отец тоже участвовал. Вот мне нравится фотография отца с Максимом у березы. Вот кто-то снял нас всех, наверное, Максим снимал, а вот, здесь с топором Максим сидит очень эффектно. Отец и двое детей — и один из них с топором. Вот играет в карты — отец не только играл, но и пасьянсы раскладывал, вообще очень любил карты и иногда сам с собой играл, как бы за всех. Вот отец с поросенком на руках. Вот мы с мамой среди цветов. Мать — я помню ее очень веселой». *(Из интервью автору)*

Проходим библиотеку, поднимаемся по скрипучей лестнице — туда, где был кабинет.

Я помню этот небольшой кабинет еще в присутствии его хозяина — стол между окнами, рояль, у входа напольные часы с боем, старинный шкаф с пластинками и книгами — ничего лишнего. Выделялся разве яркий электрический самоварчик на столике — явный подарок хозяину.

Сейчас кабинета нет, цветочные вазы на балконе замурованы, только ели стоят немыми свидетелями присутствия здесь композитора, и часы бьют, отсчитывая время без него.

Предчувствие конца.

Тема смерти — во многих сочинениях Шостаковича, начиная с юношеских «Афоризмов». Тогда его упрекали в том, что юноша еще только начинает свой творческий путь, а уже претендует на то, чтобы говорить афоризмами. «Пляска смерти» в «Афоризмах» юного Шостаковича звучит нарочито банально, гротесково. Позже он оркестровал «Пляски смерти» Мусоргского, вдохновившие его на создание Четырнадцатой симфо-

нии — своего рода вариаций на тему смерти. Бездумная оргия смерти проносится и в Одиннадцатой симфонии, в сцене расстрела, где, словно чудовищная машина уничтожения, работает группа ударных. И тишина — пространство, усеянное трупами. Мрачный марш смерти после убийства Зиновия Борисовича в «Леди Макбет». Совсем другой характер эта тема приобретает в Ларго из Шестой симфонии с ее бесконечными монотонными трелями, когда в траурность вплетаются причудливые образы. Смерть в «Гамлете» и «Короле Лире», как драматическое разрешение вечных вопросов. А еще раньше — Трио памяти Соллертинского — с мрачными аккордами фортепиано на фоне исполненного глубокой печали дуэта скрипки и виолончели — подобное оплакиванию. Разработка темы смерти в квартетах, а потом в Тринадцатой симфонии — «Бабьем Яре». Скерцо 15-й симфонии с его потусторонней просветленностью, как музыка отчаяния и смирения, или темы Пятнадцатого квартета — музыка о неизбежности смерти, небытии, растворении в пространстве и времени.

В свой шестьдесят девятый день рождения, который должен был быть в сентябре, Шостакович попросил исполнить Четырнадцатую симфонию, а в традиционном авторском концерте, которым обычно открывался новый сезон в Ленинградском Малом зале, предложил программу из трех сонат: Виолончельной — 1934 года, Скрипичной — 1968 года и Альтовой — 1975 года.

Альтовой сонате суждено было стать последним сочинением Д. Шостаковича.

Четвертого июля Дмитрию Дмитриевичу пришлось снова лечь в больницу. Несмотря на болезнь, он был одержим Альтовой сонатой. Сидя за больничным столиком, записывал нотный текст.

Он был так слаб, что пальцы едва могли держать лист бумаги. Невероятная жажда творчества придавала силы, делала невозможное возможным. Преодолевая себя, написал за два дня Адажио — двадцать одну страницу, поддерживая непослушную правую руку левой.

В самой музыке этого последнего произведения ощущается присутствие Бетховена, его великая тень. Тема Лунной сонаты Бетховена, с ее бесконечной печалью то приближается, то удаляется, почти исчезая, потом возвращается вновь, как некий мираж, как тема судьбы. Трагическое и возвышенное прощание с жизнью...

С усилием, но четко выведена на последнем листке дата — «5 июля 1975 года».

Альтовая соната посвящена Ф.С. Дружинину, а финал — памяти Бетховена.

Услышать свое последнее сочинение композитору уже было не суждено.

25 сентября мне исполнилось 18 лет. Стареем, брат. Смотришь, через каких-нибудь 60 лет, мне будет 78 лет и уж буду совсем старым: лицо в морщинах, зубов нету, глаза слезятся... Так что, вот... — писал юный Шостакович. *(27 сентября 1924 г.)*

Ему не довелось дожить до семидесяти восьми лет.

С 9 июля по 1 августа Шостакович в больнице. Врачи надеялись, что «может еще пожить», выписали его домой. Но через три дня Шостаковичу пришлось вернуться в больничную палату с приступами удушья и подозрением на инфаркт. Несколько дней он пролежал в реанимации. Инфаркт не подтвердился, но врачи сказали, что недели две-три надо пролежать в больнице.

В тот день больному разрешили посмотреть футбол по телевизору.

Шостакович был страстным футбольным болельщиком, разбирался в игре до тонкостей.

Он переживал игру, как своего рода театр. Его подробные, как романы, описания увиденных матчей занимают десятки страниц — в них ощущение драматургии игры, ее ритма, динамики. Эти описания он посылал друзьям, которым не удалось попасть на стадион.

Во время матча становился неузнаваем — на фотографии, снятой на стадионе, он весь в стихии игры. В молодости он знал в лицо, по именам и в подробностях биографии всех игроков своих любимых команд.

С нетерпением ожидал начала сезона: **Пахнет футболом. Я вытащил свой футбольный гроссбух, стер с него пыль, накопившуюся за хоккейный сезон, и перевернул страницу... Все готово для занесения первой записи... Осталось немного меньше двух месяцев. Ух, скорее бы.**

Итак, сегодня начинается. Завидую, ликую, трепещу...

Футбол давал ему вдохновение.

В тот день он смотрел свою любимую игру.

Потом он попросил жену прочитать ему вслух рассказ Чехова «Гусев» о смерти на океане.

«...Наверху глубокое небо, ясные звезды, покой и тишина — точь-в-точь как дома в деревне, внизу же — темнота и беспорядок. Неизвестно,

для чего шумят высокие волны. На какую волну ни посмотришь, всякая старается подняться выше всех, и давит, и гонит другую; на нее с шумом, отсвечивая своей белой гривой, налетает третья, такая же свирепая и безобразная.

У моря нет ни смысла, ни жалости.

— Где мы теперь? — спрашивает Гусев.

— Не знаю. Должно, в океане.

— Не видать земли...

— А помирать страшно?

— Страшно. Мне хозяйство жалко. Без меня все пропадет... Одначе, брат, ноги у меня не стоят, да душно тут... Пойдем спать...»

Всю жизнь он не любил остановившихся часов.

Часы должны ходить! Остановившиеся часы — смерть!..

Его часы остановились 9 августа 1975 года, в субботу, в 18 часов 30 минут.

Тяжелые веки и волнистые уголки губ, выражающие не то полуулыбку, не то гримасу скорби. Очень светлые волосы, зачесанные на пробор, которого никогда не было у живого. Руки под белым полотном. Большой зал консерватории. Вокруг оцеплен весь район, перекрыто движение по улице Герцена. Конная милиция.

Первые венки и люди, люди... Т. Хренников открыл панихиду.

Р. Щедрин сказал тогда: «Думая, как кратко и наиболее емко охарактеризовать его человеческий облик, я выбираю два слова: долг и совесть... Сколько доброго он за свою жизнь совершил, скольким людям помог в трудную минуту, сколько людей обязаны ему поддержкой, дружеским советом, напутствием!»

Двадцать пятого сентября 1975 года, в день рождения Дмитрия Дмитриевича, когда ему исполнилось бы шестьдесят девять лет, в Малом зале Московской консерватории была исполнена Четырнадцатая симфония. Еще весной он просил сыграть ее в день своего рождения.

Поэт был мертв. Лицо его, храня
все ту же бледность, что-то отвергало,
оно когда-то все о мире знало,
но это знанье угасало
и возвращалось в равнодушье дня.
Где им понять, как долог этот путь;
о, мир и он — все было так едино:

озера и ущелья, и равнина
его лица и составляли суть.
Лицо его и было тем простором,
что тянется к нему и тщетно льнет, –
а эта маска робкая умрет,
открыто предоставленная взорам, –
на тленье обреченный, нежный плод.

(Р.М. Рильке. Смерть поэта.
Пер. Т. Сильман)

Мир воздавал композитору высшие почести.

В Антарктиде именем Шостаковича назвали полуостров, ставший природным памятником великому композитору. Это мощная ледниковая возвышенность среди снега и льда, волн и свиста пурги — соседствует с ледником Игоря Стравинского и с шельфовым ледником Иоганна Себастьяна Баха.

А письма депутату Шостаковичу продолжали приходить. Письма от организаций, ответы на запросы...

Той же рукой, что и сочинения, Шостаковичем написаны десятки ходатайств секретарям райкомов и обкомов, директорам заводов и совхозов, председателям райисполкомов, руководителям трестов и профсоюзных организаций, в министерства и судебные органы, в редакции газет. В сотни инстанций композитор слал запросы, не оставляя без внимания самую, казалось бы, ничтожную просьбу.

Военный, прослуживший двадцать лет в Вооруженных силах и уволенный за два месяца до получения пенсии. Семья, оставшаяся после пожара без крова, без одежды, без документов. Инвалид Великой Отечественной войны, нуждающийся в лечении. Мать осужденного с прошением о помиловании. Муж, которого не прописывают к жене. Многодетная семья, ютящаяся в крохотной комнате. Другая, двадцать лет стоящая в очереди на квартиру: 6 человек на площади 8 квадратных метров. Крестьяне просят провести дорогу к их деревне. Жители города Горького просят построить метро. У художника конфисковали его работы, не понравившиеся милицейскому начальнику. Брат выгоняет сестру из дома. Колхозник не может купить мотоцикл — нет в продаже. Другому нужен лес — достроить дом. У третьего течет крыша — который год не может достать шифер. Блокадница просит помочь ей вернуться в родной город, откуда была эвакуирована во время

войны. Уволенный с работы по произволу начальства требует справедливости. Бывший фронтовик хлопочет о пенсии. Другой, без ноги, просит помочь приобрести коленчатый вал для автомашины «Запорожец». Ребенку не в чем ходить — нет зимнего пальто. Несправедливо уволенный учитель, кочегары, не получившие обещанной зарплаты, железнодорожники, тридцать лет ютящиеся в гнилом бараке, проворовавшийся директор ресторана и бывшая сотрудница МВД — свидетель пыток.

Просят, умоляют предоставить жилье, обменять квартиру, поменять бракованный фотоаппарат, помочь приобрести мотоцикл, автомашину, инвалидную коляску, трактор, детали к автомашине, по просьбе доярок — получить для совхоза соль-глыбу для кормления скота, приобрести пиломатериалы, лес и кирпич для стройки, железо для крыши, ускорить строительство, провести шоссейную дорогу, пустить рейсовый автобус, перенести поближе к поселку остановку электрички, отремонтировать школу, построить стадион, не закрывать школу, открыть больницу, провести газ, освободить от платы за обучение, помочь купить телевизор, увеличить пенсию, восстановить утраченные документы, восстановить на работе, прописаться к мужу, жене, детям, родителям, заасфальтировать дорогу, снять судимость, излечить от пьянства, заставить платить алименты, немедленно приехать, разобраться, наказать виновных.

Как жить дальше — об этом большинство писем.

Здесь план комнаты, в которой можно поставить или стол или кровать и невозможно — и то и другое, рисунок коридора, в котором тридцать семей вынуждены готовить себе еду, чертежи жилого дома, построенного возле газового резервуара…

Люди рассказывают истории своей жизни, поверяют семейные тайны, просят совета, помощи, сочувствия, иногда просто хотят, чтобы их выслушали.

Ему писали, к нему шли, ехали, иногда проделывая долгий путь, в надежде на справедливость, совет, помощь, да просто в трудную минуту.

Какая музыка слышалась ему в этом скорбном хоре? Отзвуки этого страдания, душевной муки, гнева — в его произведениях, ставших музыкальным документом эпохи.

Москва – Кремль, Дом советов для передачи депутату Верховного Совета СССР тов. Шестаковичу.

пенсионер Наумкин Алексей Васильич проживающий Наваринский р-он. с. Теплово Горьковской обл.

Заявление.

Длительное время ходатайствую через органы местной власти и правление Тепловского колхоза о выделении мне сена по государственным ценам для содержания имеющийся у меня коровы на зимний период. 1966-1967 гг. Положительных результатов не получил. Являюсь инвалидом Отечественной войны 2ой группы к тому-же страдаю хранитеской болезнью Туберкулезом лёгких с 19 с 1935 г. и по настоящее время являюсь членом Тепловского колхоза откуда взят на фронт и прибыл обратно в колхоз. В совместной жизни имею дочь с 1942 г. рождения с детство является инвалидом 2ой группы жена преподически болеет Вот и всё моё семейное положение я получаю минимальную пенсию в сумме 32 руб. в месяц А поэтому я вынужден обратиться к вам как к депутату Верховного совета СССР По нашему избирательному уч-ку Я прошу вашего содействия по указанному моему вопросу Прошу я вас как быстрее Буду ждать ответа

Ксему Наумкин

(Стр. 660-662) Письма избирателей Д. Шостаковичу

Наш шестые сутки
моей голодовки
9 IV 71 г.

Депутату
Совета Национальностей
Шостаковичу Д.Д.

Жалоба
Политзаключенного СССР
Шакирова Лабира Асилхановича.

В прославленной на весь мир владимиркой тюрьме снова вспыхнула массовая голодовка. Причиной ее является произвол и беззаконие постоянно свирепствующие в этой так называемой советской учреждении.

Тюремная администрация по прямой указке отдельных органов, намеревается физически уничтожить нас.

Мы голодуя требуем выдать нам все, что положено по закону и своевременно отправлять наши жалобы.

Все наши обращения в органы прокуратуры не дали никаких результатов.

Прошу вас восстановить соц. законность в этой учр. если она является советским.

13

Уважаемый Наш депутат
Дмитрий Дмитриевич!
К вам обращаюсь я с большой
просьбой. Вы столько сделали
чудесного хорошего для народа
своими музыкальными произведе-
ниями. Слушаем ваши произведения
и на душе делается светло,
радостно. Музыка, это вдохновение
И как хочется иметь у нас
в поселке свою музыку при школе
чтобы наша сельская молодёж
сдетства познавала любовь
к музыке
Нам нужен при средней школе
учитель музыке; духового, струнного,
пианино, баян.
Ах как это было бы прекрасно,
Как было бы приятно нам старому
повозрасту поколению отдыхать

НЕКОТОРЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ГОДА

В 1975 году произошла стыковка космических кораблей «Союз» и «Аполлон».

Окончание войны во Вьетнаме.

Нобелевская премия мира присуждена академику А. Сахарову «за бесстрашную поддержку основополагающих принципов мира между людьми» и «за мужественную борьбу со злоупотреблениями властью и любыми формами подавления человеческого достоинства».

В СССР произошло политическое восстание на военном корабле под руководством капитана Саблина, зачинщиков расстреляли.

Катастрофический неурожай зерновых в СССР.

Началась эра микрокомпьютеров. Запущен в производство лазерный принтер.

Начато строительство газопровода «Союз».

Опубликована работа В. Вернадского «Размышления натуралиста. Пространство и время в живой и неживой природе», книга первая.

Г. Маркес написал роман «Осень олигарха», К. Леви-Строс — «Путь масок».

А. Шнитке сочинил «Реквием», В. Лютославский — «Пространство сна».

М. Антониони снял фильм «Профессия: репортер», А. Тарковский — «Зеркало», М. Форман — «Пролетая над гнездом кукушки», Ю. Норштейн — «Ежик в тумане».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Привлеченный каким-то неясным предчувствием, я шел посреди густых трав, и кругом царствовал ужас темных лесов...» — так описано путешествие Орфея по царству скорби.

Миф об Орфее существует тысячи лет.

Орфей появился в тяжелое для своей страны время — кругом господствовала несправедливость и грубая сила, несшая страдания людям, и к Орфею взывали в надежде на помощь.

И он нес очищение и сострадание к страждущим, помогая людям открыть в себе новые силы. Своей музыкой он «заставлял деревья и камни подниматься с мест, воинов утешал в их страданиях, дети снова могли улыбнуться».

С именем Орфея связано учение о гармонии и силе человеческой души.

Многие художники, поэты, музыканты воплотили этот образ в своем искусстве.

И хотя Шостакович никогда не обращался к этому мифу, он сам в некотором роде был этим Орфеем.

Он выслушивал страждущих, взывавших к нему, как и его мифологический предшественник.

Как и Орфей, он обитал на грани миров — земля раскрыла перед ним свои бездны, а небо — свои высоты.

ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ АВТОРА, ПОСВЯЩЕННЫЕ Д.Д. ШОСТАКОВИЧУ

Документальный фильм «Дмитрий Шостакович» — автор. Т/о «Экран» Центрального телевидения, 1975 год. Большой приз Всесоюзного фестиваля документальных фильмов, приз Лейпцигского международного фестиваля, Венецианский международный фестиваль (вне конкурса).

«Дмитрий Шостакович. Документальная хроника». DVD-ROM — автор, режиссер, арт-директор. Chandos UK. Приз Лувра на Международном фестивале музыки и мультимедиа «Classique in image» Louvre Paris 2001, признан лучшим европейским мультимедийным проектом 2002 года — Cecilia Prize, Бельгия, 2002. Гран-при Российского фестиваля Мультимедиа «Контент 2000», Аниграф, Москва и др.

Документальный фильм «Дмитрий Шостакович. Семейный альбом» — автор, режиссер, продюсер. Т/о «Хоровод», 2000 год. Демонстрировался: Телеканал «Культура», 2000 год; Париж, Аудиториум Лувр, 2001 год; на Международной конференции, посвященной Д. Шостаковичу, — Глазго, 2001 год; на международном фестивале — Амстердам, Royal Concertgebow, 2006 год; на международном фестивале «Петербургская музыкальная весна», 2008 год.

«Звук времени» — перфоманс Театр Комплисите UK — участие в инсталляции (реж. Саймон Мак-Берни, Эмерсон Стринг квартет. Жерар Мак-Берни). Лондон, Берлин, Нью-Йорк, Сидней, Москва, Лос-Анджелес, 2000 год. Показан на Чеховском фестивале, Москва, 2005 год.

«Жизнь Шостаковича в фотографиях» — автор и режиссер видеоролика, демонстрировавшегося перед началом концертов. Гергиев-фестиваль. Роттердам, 2001 год.

Фильм «Шостакович-пианист» — автор, режиссер, продюсер. «Хоровод», 2005 год.

Документальный фильм «Путешествие Дмитрия Шостаковича» — автор и режиссер (совместно с Хельгой Ландауэр), продюсер. «Хоровод», 2006 год. Международный фестиваль-симпозиум, посвященный Шостаковичу, — Элизабет-холл, Лондон, Карнеги-холл, Нью-Йорк, 2006 год. Демонстрировался в кинотеатрах Нью-Йорка и Сиднея, показан по телевидению Китая. Вышел на дисках в США, Франции, Испании.

«Синемафония» — Камерная симфония (ор. 110) и Пятнадцатая симфония (ор. 141) с участием Тонино Гуэрры и симфонического оркестра под управлением Максима Шостаковича. Режиссер экранного видео. Королевский Альберт-холл, Лондон, 2006 год.

Выставка «Дмитрий Шостакович. Симфонический век» — Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Российский государственный архив литературы и искусства, «Содействие образованию и культуре». Куратор выставки. Москва, Манеж, 2006 год.

Выставка «Дмитрий Шостакович» — куратор выставки в Galerie de Grenette, Швейцария, 2006 год.

Книга: «Дмитрий Шостакович. Путешествие» — Москва, «Текст», 2006 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. «НАРОДНЫЙ ИЗБРАННИК» 7

Глава первая 1966 год.
СМЕХ ВМЕСТО СЛЕЗ, УЖАСА И ОТВРАЩЕНИЯ 13

Глава вторая 1967 год.
«НАД РОДИНОЙ НАШЕЙ СОЛНЦЕ СИЯЕТ» (ТЕНЬ ВОЖДЯ) 77

Глава третья 1968 год.
«КАКАЯ ХОРОШАЯ БУДЕТ ЖИЗНЬ!» 152

Глава четвертая 1969 год.
СОВЕТСКИЕ СКАЗКИ 223

Глава пятая 1970 год.
ДУДОЧКА ШУТА 287

Глава шестая 1971 год.
ПЫТКА ДВОЙСТВЕННОСТИ 351

Глава седьмая 1972 год.
«МОЯ ЖИЗНЬ — ОДИНОЧЕСТВО НА ЛЮДЯХ» 425

Глава восьмая 1973 год.
«СОЗНАНИЕ МОЕ ВСЕГДА НАПОЛНЕНО МУЗЫКОЙ» 509

Глава девятая 1974 год.
«ВЕНЕЦ ТЕРНОВЫЙ, УВИТЫЙ ЛАВРАМИ...» 574

Глава десятая 1975 год.
ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА 637

Послесловие 665

Осуществленные проекты автора, посвященные Д.Д. Шостаковичу 666

О. Дворниченко

Д24 Москва Кремль Шостаковичу / Оксана Дворниченко. — М.: Текст, 2011. — 669[3]с.

ISBN 978-5-7516-0955-9

Каждая новая книга о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче – событие. Эта уникальная книга посвящена стороне его жизни, которая до сих пор оставалась совершенно неизвестной. Композитор, чья слава гремела по всему миру, — для соотечественников он был еще и депутатом. К нему обращались в трудные минуты жизни, писали не в партийные органы, не правительству — а композитору. До последних дней он оставался депутатом «всерьез». Тысячи писем депутатской переписки Шостаковича – это не только документальное свидетельство, исторический памятник советской эпохе, но и штрихи к портрету великого музыканта.

Автор книги Оксана Дворниченко –— режиссер-документалист, она была знакома с Д.Д. Шостаковичем, снимала о нем фильм. В издательстве «Текст» несколько лет назад выходила ее книга «Дмитрий Шостакович. Путешествие».

УДК 78 (092)

ББК 85.31(2Рос=Рус)

Оксана Дворниченко

МОСКВА КРЕМЛЬ ШОСТАКОВИЧУ

Редактор Л.О. Тарасова
Корректор Н.М. Пущина

Художник В.Е. Добровинский

Подписано в печать 14.09.11. Формат 60 x 90/16.
Усл. печ. л. 42. Уч.-изд. л. 44,94.
Тираж 3000 экз. Изд. № 979.
Заказ № 8333

Издательство «Текст»
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150-04-82
E-mail: text@textpubl.ru
http://www.textpubl.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ТЕКСТ»

Оптовая и розничная торговля:
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, 7
Тел./факс: (499) 156-42-02

Торговый представитель в СПб.
Тел.: (812) 312-52-63

В Москве книги «Текста» можно купить в магазинах:

Дом книги «Молодая гвардия»
Большая Полянка, 28

Московский дом книги
Новый Арбат, 8

Торговый дом «Библио-Глобус»
Мясницкая, 6

Торговый дом книги «Москва»
Тверская, 8

«Фаланстер»
Малый Гнездниковский пер., 12/27, стр. 3

Продажа книг через Интернет:
www.ozon.ru
www.labirint-shop.ru

Оксана Дворниченко — режиссер-документалист, автор фильмов, удостоенных высоких наград на международных фестивалях, и книг, изданных в России и за рубежом. Она была знакома с Д.Д. Шостаковичем, снимала о нем фильм, встречалась со многими людьми, знавшими его. В «Тексте» несколько лет назад выходила ее книга «Дмитрий Шостакович. Путешествие».

Эта сторона жизни Дмитрия Дмитриевича Шостаковича до сих пор оставалась совершенно неизвестной.
Композитор, чья слава гремела по всему миру, — для соотечественников он был еще и депутатом, к которому обращались в трудные минуты жизни. Писали не в партийные органы, не правительству — а композитору. Некоторые и музыки его не слышали, и в фамилии делали ошибки. Достаточно было написать на конверте: «Москва Кремль Шостаковичу» — и письмо доходило. Депутатская переписка Шостаковича — тысячи писем, им полученных, им прочитанных и им написанных, — это не только документальное свидетельство, исторический памятник советской эпохе, но и штрихи к портрету великого музыканта.

9 785751 609559

текст